Saratov State University
The Institute of History and International Relations
Chair of Ancient History
The Institute of Archaeology and Cultural Heritage

ANCIENT WORLD AND ARCHAEOLOGY

Collection of papers

Founded in 1972

Volume 16

Materials of the IIIth International Conference
"Word and Artifact: Interdisciplinary Approaches
to Study of Antique History"
Saratov, September 27 - October 1, 2012

Saratov 2013

Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Кафедра истории древнего мира
Институт археологии и культурного наследия

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 г.

Выпуск 16

По материалам III международной конференции
«Слово и артефакт: междисциплинарные подходы
к изучению античной истории»
Саратов, 27 сентября - 1 октября 2012 г.

Саратов 2013

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43
А72

Редакционная коллегия :
канд. ист. наук В.И. Кац, доктор ист. наук В.И. Кащеев, канд. ист. наук А.В. Короленков, канд. ист. наук Е.В. Кузнецова, доктор ист. наук Е.А. Молев, доктор ист. наук С.Ю. Монахов (отв. редактор), канд. ист. наук А.А. Синицын, канд. ист. наук Е.В. Смыков, доктор ист. наук И.Е. Суриков, доктор ист. наук Э.Д. Фролов, канд. ист. наук Н.Б. Чурекова (отв. секретарь)

The Editorial Board :
Dr. N.B. Churekova (Secretary), Prof. E.D. Frolov, Prof. V.I. Kashsheyev, Dr. V.I. Katz, Dr. A.V. Korolenkov, Dr. E.V. Kuznetsova, Prof. E.A. Molev, Prof. S.Yu. Monachov (Editor-in-Chief), Dr. A.A. Sinitsyn, Dr. Ev.V. Smykov, Prof. I.Ev. Surikov

А72 **Античный мир и археология**: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, изд-во «Научная книга», 2013. Вып. 16. 440 с. илл.
ISSN 0320-961X

В шестнадцатый выпуск сборника «Античный мир и археология» вошли статьи, посвященные различным сторонам жизни античного общества. Первый раздел включает материалы по истории древней Греции, особое место в нем занимают вопросы источниковедения. Второй раздел содержит статьи по истории Рима эпохи Республики и Империи, охватывающие проблемы политической жизни и военной организации. В третьем разделе представлены статьи довольно широкой тематики: история и археология греческих государств Причерноморья, вопросы керамической эпиграфики и амфорологии, а также результаты исследований греческих и варварских некрополей. Четвертая часть содержит разноплановые материалы, прежде всего, историографического характера.

Сборник рассчитан на преподавателей и студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, специалистов по античной истории, археологии и классической филологии, на всех, кто интересуется историей древнего мира.

УДК [9+930.26](37+38)(082)
ББК 63.3(0)32я43+63.4я43

ISSN 0320-961X

© Саратовский государственный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ XI

I. ЭЛЛАДА И ЕЕ СОСЕДИ
ОТ АРХАИКИ ДО ЭЛЛИНИЗМА

ХИМИН М.Н. (Санкт-Петербург)
Знал ли Гомер сказание о Неоптолеме? 3
СОЛОМАТИНА Е.И. (Москва)
Античная традиция о посредниках и посредничестве
в Древней Греции 11
СУРИКОВ И.Е. (Москва)
Некоторые проблемы истории древнегреческих городов
в регионе черноморских проливов 24
СИНИЦЫН А.А. (Саратов/Санкт-Петербург)
Фукидид и Геродот, повлиявшие друг на друга?
(по поводу одного «интересного нюанса») 39
РУНГ Э.В. (Казань)
Агесилай против Тиссаферна
(битва при Сардах 395 г. до н.э.) 56
КАРПЮК С.Г. (Москва)
Замерзшее вино Ксенофонта:
природно-исторический контекст 67
ОСИПОВА О.В. (Москва)
OIKONOMIA: Дионисий Галикарнасский
о композиции исторических сочинений 71
САВОСТИНА Е.А. (Москва)
Надпись на вазе. О значении слова в изобразительном про-
странстве греческой вазописи 77

II. РИМ И РИМСКИЙ МИР

КОРОЛЕНКОВ А.В. (Москва)
Марк Клавдий Марцелл и окончание первого этапа
нумантинской войны 88
ЛЮБИМОВА О.В. (Москва)
Сыновья Красса: проблема старшинства и политическая
позиция 100

СМЫКОВ Е.В. (Саратов)
Сирия в 83–63 гг. до н.э.: от анархии к провинции 112
АХИЕВ С.Н. (Саратов)
Игры в политической жизни позднереспубликанского Рима: *ludi veneris genetricis* (44 г. до н.э.) 126
ТАРИВЕРДИЕВА С.Э. (Москва)
Октавиан и Агриппа: обстоятельства знакомства и общая юность 132
ТОКАРЕВ А.Н. (Харьков)
Трактовка понятий «традиционализм» и «республиканизм» в современной историографии в связи с формированием официальной идеологии раннего принципата в эпоху императора Августа 141
БАННИКОВ А.В. (Санкт-Петербург),
ШМИДТ Г.А. (Санкт-Петербург)
Можно ли доверять Аммиану Марцеллину? 148
МЕХАМАДИЕВ Е.А. (Санкт-Петербург)
Мавританская кавалерия и позднеримская полевая армия Северной Африки: к вопросу о механизме формирования войсковых соединений *armigeri* 164

III. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ХАРАЛАМПАКИС П. (Гераклеон)
Некоторые соображения о топониме ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ и имени ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ 180
КАШАЕВ С.В. (Санкт-Петербург)
Погребения с амфорами в некрополе Артющенко-2 190
СТОЯНОВ Р.В. (Чанаккале),
ЭРИМ-ОЗДОГАН А. (Чанаккале)
Керамический комплекс слоя разрушения поселения Менекше Чатай в Пропонтиде 215
БАЛАБАНОВ П. (София)
Заметки об амфорах с энглифическими клеймами 240
МОНАХОВ С.Ю. (Саратов),
ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. (Керчь)
Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса 255
ПОЛИН С.В. (Киев)
Амфоры из курганов у с. Новофедоровка на Херсонщине 267
ФАТЕЕВ О.В. (Днепропетровск)
Комплекс амфорной тары из Капуловки (находки 2011 года) 275
ЕФРЕМОВ Н.В. (Грейфсвальд)
COLONIA IULIA FELIX SINOPENSIS 282

МЕДВЕДЕВ А.П. (Воронеж)
О начале функционирования восточного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 2005–2007 гг.) 309
МОРДВИНЦЕВА В.И. (Симферополь)
Погребения варварских элит Северного Причерноморья на рубеже эр и их культурная идентичность 329

III. VARIA

ЛЁ БИАН Ж.-П. (Финистер)
Археология римского города на западе Римской империи: г. Кемпер (методологический подход) 342
ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. (Керчь)
Рецензия: Гаврилов, А.В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). – Археологический альманах. № 24. Донецк: «Донбасс», 2011. – 350 с. 354
КАЦ В.И. (Саратов)
Амфорные клейма округи Феодосии (работа над ошибками) 368

CONTENTS

ABBREVIATIONS XI

I. HELLAS AND THE NEIGHBOURS

KHIMIN M.N. (St. Petersburg)
Did Homer know the Tale of Neoptolemos? 3
SOLOMATINA E.Y. (Moscow)
Ancient Literary Tradition on Mediators and Mediation in Ancient Greece 11
SURIKOV I.E. (Moscow)
On some Problems of History of Ancient Greek Cities in the Region of The Black Sea Straits 24
SINITSYN A.A. (Saratov/St. Petersburg)
Thucydides and Herodotus – had they influenced each other? (as to an "Interesting Nuance") 39
RUNG E.V. (Kazan)
Agesilaus against Tissaphernes (The Battle of Sardis in 395 BC) 56
KARPYUK S.G. (Moscow)
Frozen Wine in Xenophon's Anabasis: natural and historic Contexts 67
OSIPOVA O.V. (Moscow)
ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ: Dionysius of Halicarnassus on the Structure of historical Works 71
SAVOSTINA E.A. (Moscow)
Inscription on a Vase. About a Word Meaning in graphic Space of Greek Vase Painting 77

II. THE REPUBLICAN AND IMPERIAL ROME

KOROLENKOV A.V. (Moscow)
Marcus Claudius Marcellus and the End of first Srage of Numantinian War 88
LYUBIMOVA O.V. (Moscow)
The Sons of Crassus: the Problem of their Seniority and political Position 100
SMYKOV E.V. (Saratov)
Syria in 83–63 BC: From Anarchy to Province 112

AKHIEV S.N. (Saratov)
The Games and their Influence on political Life of the Late Roman Republic: *Ludi Veneris Genetricis* 44 BC 126
TARIVERDIEVA S.E. (Moscow)
Octavian and Agrippa: the Circumstances of their Acquaintance and common Youth 132
TOKAREV A.N. (Kharkov)
Interpretation of «Republicanism» and «Traditionalism» in modern Historiography in connection with Formation of the official Ideology of the Early Principate during an epoch of Emperor Augustus 141
BANNIKOV A.V. (St. Petersburg),
SCHMIDT G.A. (St. Petersburg)
Can we trust to Ammianus Marcellinus? 148
MEKHAMADIYEV E.A. (St. Petersburg)
The Moorish Cavalry and The Late Roman field Army in North Africa: on The Forming's Mechanism of Militaryunits *Armigeri* 164

III. HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF ANCIENT NORTHERN BLACK SEA REGION

CHARALAMPAKIS P. (Heraklion)
Some Notes on the Names ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ and ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ 180
KASHAEV S.V. (St. Petersburg)
Burials with Amphorae in Necropolis Artjuschenko-2 190
STOYANOV R.V. (Çanakkale),
ERIM-ÖZDOĞAN A. (Çanakkale)
Ceramic Finds from the layer of Destruction on the Settlement Menekşe Çatağı in Propontis 215
BALABANOV P. (Sofia)
Notes regarding the Amphorae with englyphic Stamps 240
MONACHOV S. Ju. (Saratov),
FEDOSEYEV N.F. (Kerch)
Notes to Localization of ceramic Containers. IV: Amphoras of Ikos 255
POLIN S.V. (Kiev)
Amphoras from Barrows near Novofedorovka of Kherson Region 267
FATEEV O.V. (Dnepropetrovsk)
The Complex of ceramic Containers from Kapulovka (Finds of 2011) 275
JEFREMOV N.V. (Graifswald)
COLONIA IULIA FELIX SINOPENSIS 282
MEDVEDEV A.P. (Voronezh)
To the problem of Phanagoria`s eastern Necropolis outset (based on Materials of 2005–2007 Excavations) 309

MORDVINTSEVA V.I. (Simferopol)
Graves of the Barbarian Elites of the North Pontic Region at the Turn of the Era and their Cultural Identity 329

III. VARIA

LE BIHAN J.-P. (Finistère)
Archeology of the Roman City in the West of the Roman Empire: Kemper (methodological Approach) 342
FEDOSEYEV N.F. (Kerch)
Review: Gavrilov A.V. Amphora Stamps of Neighbourhood Vicinity of Ancient Feodosia (Materials to the Chronology of archaeological Monuments). – Archaeological Almanac, № 24. – Donetsk: “Donbass”, 2011. – 350 p. 354
KAC V.I. (Saratov)
Amphoras Stamps of Feodosian Vicinity (Correction of Mistakes) 368

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВЕС	Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
АМА	Античный мир и археология. Саратов.
БИ	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БС	Боспорский сборник. М.
БФ	Боспорский феномен. СПб.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ДБ	Древности Боспора. М.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК	Известия императорской археологической комиссии. СПб/Пг.
КБН	Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.; М.
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАК	Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск.
РА	Российская археология. М.
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
ХС	Херсонесский сборник. Севастополь.
AA	Archäologischer Anzeiger. B.
ABV	*Beazley J.D.* Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxf., 1956.
AEp	L'nnée épigraphique. Villejuif.
Agora XII	*Sparkes B.A., Tallkott L., Richter M.A.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC // The Athenian Agora. 1970. Vol. XII (1–2).
Agora XXIII	*Moore M.B., Phillippides M.Z.P.* Attic Black-Figured Pottery // The Athenian Agora. 1986. Vol. XXIII.
Agora XXX	*Moore M.B.* Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora. 1997. Vol. XXX.
AJA	American Journal of Archaeology. Boston (Mass.).

AJPh	American Journal of Philology. Baltimore.
ANRW	Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. B.
AraST	Araştırma Sonuçları Toplantısı. Ankara.
ARV²	*Beazley J.D.* Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxf., 1963.
AS	Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. L.
BE	Bulletin épigraphique // Revue des Études Grecques. P.
BCH	Bulletin de Correspondence hellénique. P.
BMC	Catalogue of the Coins in the Britisch Museum. British Museum Catalogue. L.
BMC. Mysia	*Head B.V.* Catalogue of the Coins in the Britisch Museum. Greek Coins of Mysia. L., 1892.
CAH	Cambridge Ancient History. Cambr.
CGF	Comicorum graecorum fragmenta. B., 1982.
CIG	Corpus inscriptionum graecarum. B.
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum. B.
CPh	Classical Philology. Chicago (Ill.).
CQ	Classical Quarterly. Oxf.
DNP	Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. 16 Bd. Stuttgart. 1996–2003.
EA	Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn.
FgrHist	*Jacoby F.* Die Fragmende der griechischen Historiker. Leiden.
I. Ephesos	Teil Ia. Bonn, 1979 // *Wankel H.* Die Inschriften von Ephesos (Inschriften griechischer Städte Kleinasiens). Bd. 11.
I. Labraunda	*Crampa J.* The Greek Inscriptions // Labraunda. Swedish Excavations and Researches. Stockholm, 1972. Vol. III.1.2: No. 13–133.
I. Lampsakos	Die Inschriften von Lampsakos (IK 6). Bonn, 1978.
I. Parium	Die Inschriften von Parion (IK 25). Bonn, 1983.
I. Priene	*Hiller von Gaertringen F.* Inschriften von Priene. B., 1906.
I.Sinope	The inscriptions of Sinope. Vol. I (IK 64). Bonn, 2004.
IGR	Inscriptions graecae ad res romanas pertinentes. T. I-IV. P., 1901–1927.
IGUR	Inscriptiones Graecae Urbis Romae. 4 vols. Roma, 1968–1990.
IK	Inschriften griechischer Städte aus Kleinasiens. Bonn.
IOSPE	*Latyshev V.V.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. St. Petersburg.
IstForsch	Istanbuler Forschungen. Istanbul.
JHS	Journal of Hellenic Studies. L.
JRS	Journal of Roman Studies. L.
KlP	Der Kleine Pauly. Stuttgart.

KST	Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara.
MDAI(R)	Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Tübingen.
NC	Numismatic Chronicle. L.
NZ	Numismatische Zeitschrift. Wien.
OGIS	Orientis graeci inscriptiones selectee. Leipzig.
RAC	Real lexikon für Antike und Christentum. Stuttgart, 1950 – …
RE	Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 1–83. Stuttgart, 1893–1980.
RhM	Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frank-furt am Main.
RIC	The Roman Imperial Coinage. Vol.I: from 31 BC to AD 68. L., 1984.
RPC	Roman Provincial Coinage. Vol. I.1–2: From the death of Caesar to the death of Vitellius (44 BC – AD 69). L., 1998.
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
SNG v. Aulock	Sylloge Nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung v. Aulock. Heft 4: Mysien. B., 1957.
TAPhA	Transactions of the American Philological Association. Atlanta (Ga.).
WBR	*Waddington W.H., Babelon E., Reinach Th.* Recueil général des monnaies grecques d'Asie mineure. Hildesheim; N.Y., 1976.
WJ	Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Würzburg.
ZPE	Zeitschrift für Papyrology und Epigraphik. Bonn.

I. ЭЛЛАДА И ЕЕ СОСЕДИ ОТ АРХАИКИ ДО ЭЛЛИНИЗМА

М.Н. Химин

ЗНАЛ ЛИ ГОМЕР СКАЗАНИЕ О НЕОПТОЛЕМЕ?

В «Илиаде» Гомер один раз упоминает сына Ахилла по имени. В XIX песне (326–333) поэт говорит:

> Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе,
> Милого, если он жив ещё, Неоптолем мой прекрасный!
> Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
> Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
> В чуждой троянской земле, а ты [Патрокл] возвратишься во Фтию;
> Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролётном
> В дом привезешь из Скироса и юноше всё там покажешь:
> Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты[1].

В другом месте поэмы (XXIV.465–467), наряду с отцом и матерью Ахилла, также упоминается его сын. Гермес, давая наставление Приаму, как вернуть тело Гектора, произносит следующие слова:

> Ты же иди и, вошед, обыми Ахиллесу колена;
> Именем старца родителя, матери многопочтенной,
> Именем сына моли, чтобы тронуть высокую душу.

Несколько сообщений о Неоптолеме встречается в «Одиссее». В одном пассаже (IV.3–9) говорится о том, что Телемах прибыл в Спарту в день свадьбы дочери Менелая и сына Ахилла:

> Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
> Сына и дочери милыя празднуя в царском жилище.
> К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он
> Дочь, уж давно с ним в Троянской земле договор заключивши
> Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;
> Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту
> В град мирмидонский, где царствовал светлый жених, снарядил он[2].

В XI песне (506–537) Одиссей рассказывает тени Ахилла об его сыне: что он привёз Неоптолема со Скироса, что тот убил Еврипила, среди прочих ахейских героев спрятался в деревянном коне и отплыл из-под Трои с богатой добычей.

Таким образом, уже в самых ранних эпических источниках Неоптолем фигурирует как участник Троянской войны. Правда, в «Илиаде»

---

[1] Здесь и далее «Илиада» цитируется в переводе Н.И. Гнедича.
[2] Перевод В.А. Жуковского.

он упомянут лишь вскользь; в «Одиссее» же проступают вполне определённые контуры сказания: Неоптолем при участии Одиссея прибыл со Скироса под Трою, там юный герой убил главного троянского союзника Еврипила, принял участие в разрушении города и разделе добычи, а после войны получил в жёны одну из дочерей Менелая, обещанную ему ещё под Троей.

Однако достоверность первого пассажа из «Илиады» была поставлена под сомнение ещё в античные времена (схолии Did/A). Вернее сказать, у античных комментаторов вызвала сомнение подлинность стиха 327: εἴ που ἔτι ζώει γε <Νεοπτόλεμος θεοειδής> καὶ Ἀριστοφάνης προηθέτει τὸν στίχον, ὥς φησι Καλλίστρατος· τό τε γὰρ ἐπὶ παιδὸς κομιδῇ λέγεσθαι διστακτικῶς εἴ που ἔτι ζώει, καὶ ταῦτα μηδὲ πόρρω τῆς Σκύρου κειμένης, ὕποπτον, τό τε θεοειδής ἀκαίρως προσέριπται (Schol. Did. T 327 a. Erbse. T. IV. P. 636).

Как видно, комментаторы Гомера при атетировании этой строки исходили из общих рассуждений, сводящихся к следующему: так как Скирос находился недалеко от Трои, то Ахилл должен был узнать, если бы Неоптолем умер; эпитет θεοειδής является неуместным для совсем юного Неоптолема. Однако все эти возражения легко отводятся. По справедливому замечанию М. Ван дер Валка, вложенные в уста Ахилла слова «были выбраны намеренно, так как они служили усилению печали, которой он настолько сражён, что уже сомневается, живы ли до сих пор его ближайшие родственники»[3]. Что же касается эпитета «богоподобный», то он является формульным и часто используется в «Илиаде» и «Одиссее» в той же позиции, следуя за именами героев[4].

Так или иначе, в современной научной литературе утвердилось мнение античных комментаторов, хотя и на другом основании. Причиной считать строку 327 поздней вставкой послужил ряд лингвистических особенностей, в том числе и тот факт, что τόν стоит далеко от управляющего им глагола πυθοίμην[5]. Складывается впечатление, что там, где заканчивался стих 325, были вставлены ещё два стиха (326–327 соответственно), в результате чего возникла такая «растяжка» между глаголом и артиклем (членом)[6].

---

[3] *Van Der Valk M.* Researches on the Text and Scholia of the Iliad. Part. 2. Leiden, 1963. P. 404. В этом же пассаже Ахилл также говорит, что не знает, жив ли ещё его отец или уже умер (XIX.334–337).

[4] *Edwards M.W.* The Iliad: A Commentary. Cambr., 1991. Vol. V: books 17–20. P. 273.

[5] *Bolling G.M.* The Athetized Lines of the Iliad. Baltimore, 1944. P. 164; *Huys M.* Euripides, Alexandros fr. 46 Snell Unmasked as Ilias T. 325–329 // ZPE. 1989. Bd. 79. P. 264–265; *West M.L.* Toward a chronology of early Greek epic // Relative Chronology in Early Greek Epic Poetry. Cambr., 2012. P. 238.

[6] ...οὐ μὲν γάρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι,‖ οὐδ' εἴ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοιο πυθοίμην, // ὅς που νῦν Φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει // χήτεϊ τοιοῦδ' υἷος· ὃ δ' ἀλλοδαπῷ ἐνὶ δήμῳ // εἵνεκα ῥιγεδανῆς Ἑλένης Τρωσὶν πολεμίζω // ἠὲ τὸν ὃς Σκύρῳ μοι ἔνι τρέφεται φίλος υἱός, // εἴ που ἔτι ζώει γε Νεοπτόλεμος θεοειδής (321–327).

Некоторые исследователи пошли дальше и предположили, что во время Гомера сказания о Неоптолеме ещё не существовало[7]. По мнению М. Уэста, оно сложилось в период между появлением гомеровской поэмы и «Одиссеей», в которой встречается первое бесспорное свидетельство об этом герое. Возражая ему, В. Кульман подчеркнул, что в пользу такого предположения необходимо привести веские аргументы, отсутствующие у исследователя[8]. В самом деле, даже если признать, что упоминание о Неоптолеме в XIX песне «Илиады» – это поздняя вставка, и что пассаж XIV.466–467 носит слишком общий характер, чтобы сделать какой-либо вывод[9], то это ещё не доказывает, что сказание о Неоптолеме было неизвестно Гомеру. Малоубедительным представляется аргумент, который привел Дж. Форсдайк[10]. Он указал, что Ахилл, согласно «Илиаде», не был женат. Так, Агамемнон, желающий примириться с героем, говорит (IX.144–147):

> Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери:
> Хризофемиса, Лаодика, юная Ифианасса.
> Пусть он [Ахилл], какую желает, любезную сердцу, без вена
> В отеческий дом отведет…
> Ахилл же через вестника ему отвечает (IX.388, 393–394):
> Дщери супругой себе не возьму от Атреева сына;
> <…>
> Ежели боги меня сохранят и в дом возвращусь я,
> Там – жену благородную сам сговорит мне родитель.

Действительно, при прочтении этих строк может возникнуть впечатление, что к моменту создания поэмы рассказ о союзе Ахилла и Деидамии ещё не сложился. Однако, вероятно, Гомер здесь просто-напросто отошёл от традиционного сказания, или, вернее сказать, упустил его. Подобный подход поэта к эпическому материалу можно наблюдать на примере ряда пассажей «Илиады», в которых подразумевается, что Фетида не покидала Пелея после рождения Ахилла, а продолжала жить с ним и воспитывать сына (I.396–406; XVI.220–224, 574–576; XVIII.54–60, 331–332; XIX.422–423). И все же они не согласуются со словами самого Гомера о том, что Хирон был учителем героя в области медицины. Из других источников известно, что Пелей отнёс сына Хирону на воспитание после того, как его покинула Фетида. Как представляется, возникшее противоречие объясняется тем, что указанные пассажи – это всего лишь поэтический вымысел Гомера[11], имеющий под собой одну единственную цель – сделать произведение

---

[7] *Forsdyke J.* Greece before Homer. Ancient chronology and mythology. N.Y., 1957. P. 110–111; *West M.L.* «Iliad» and «Aethiopis» // CQ. 2003. Vol. 53. No. 1. P. 9; *Cameron A.* Young Achilles in the roman World // JRS. 2009. Vol. 99. P. 21.

[8] *Kullmann W.* Ilias und Aithiopis // Hermes. 2005. Bd. 133. Ht. 1. S. 13.

[9] Homers Ilias. Gesamtkommentar. B., 2006. Bd. VI. Gesang 19. Faszikel 2: Kommentar. S. 141.

[10] *Forsdyke J.* Op. cit. P. 111.

[11] *Химин М.Н.* Союз Пелея и Фетиды по свидетельствам «Илиады» // Мемнон. СПб., 2012. Вып. 11. С. 249–256.

более выразительным и эмоционально насыщенным. Таким образом, приведённый Дж. Форсдайком аргумент ровным счетом ничего не доказывает. Напротив, ряд пассажей «Илиады» позволяет утверждать, что Гомеру было известно сказание о Неоптолеме.

1. В IX песне «Илиады» (IX.667–668) Гомер говорит, что Ахилл завоевал на Скиросе город царя Эниея и из захваченной добычи отдал Патроклу Ифиду. Из схолий к поэме (T I 668 a–b и T Ω 765: Erbse. T. II. S. 538; T. V. S. 639) и комментариев Евстафия (A 62–63: Valk. T. I. P. 76; I 666–668: Valk. T. II. P. 833) известно, что тогда же Ахилл сошёлся с Деидамией и произвел на свет Неоптолема[12].

2. В XXII песне Приам просит Гектора не выходить на поединок с Ахиллом, поскольку иначе он неизбежно погибнет, а вслед за ним падёт и Троя; далее престарелый царь, предрекая её жителям смерть, говорит, что сам он последним на пороге будет растерзан хищными псами, когда кто-то острой медью душу ему исторгнет из тела (66–71). Это сообщение согласуется с традицией «Малой Илиады», в которой рассказывалось о том, что Неоптолем убил Приама на пороге дворца (*Paus.* X.27). Тот же факт, что Приам не называет Неоптолема по имени, объясняется просто: герой к тому времени ещё не принял участия в войне и поэтому не мог прямо фигурировать в повествовании.

3. В XXIV песне «Илиады» Елена говорит, что идёт уже двадцатый год, как Парис привёз её в Трою (765–766). По сообщению Аполлодора, с момента похищения Елены и до начала второго похода прошло десять лет, то есть, как поясняет мифограф, после похищения Елены ахейцы только на второй год закончили свои приготовления к походу против Трои, а после возвращения из Мисии прошло ещё восемь лет, прежде чем они отправились в новый поход (Ep. II.18); война же под Троей длилась десять лет. Указание на такую продолжительность второго похода встречаются уже в самых ранних источниках. Так, в «Илиаде» сообщается, что, когда ахейцы собрались в Авлиде, им явилось знамение: дракон съел в гнезде восемь птенцов и мать, и Калхант сообщил, что оно значит: девять лет троянцы будут сражаться под Троей и только на десятый покорят её (II.303–329). В «Одиссее» птице-

---

[12] Брайан Хайнсворт, полагая вслед за другими исследователями, что в «Киприях» и «Малой Илиаде» Ахилл попал на Скирос по возвращении из первого неудачного похода под Трою, указал, что пассаж IX.667–668 не согласуется с этой традицией (*Hainsworth B.* The Iliad: A Commentary. Cambr., 1993. Vol. III: books 9–12. P. 145–146). А. Камерон отметил, что с ним не согласуется также рассказ о том, как Ахилл был спрятан среди дочерей Ликомеда, и поэтому счел вероятным, что автор этих строк не знал сказания о союзе Ахилла с Деидамией (*Cameron A.* Op. cit. P. 21). Однако мы уже имели возможность высказать мнение, что в эпической поэзии существовало несколько традиций, в каждой из которых Ахилл дважды посещал Скирос. Обе они отличались только первой частью: по одному варианту он завоевал остров перед началом первого похода, по другому (более позднему) он был спрятан там Фетидой перед первыми сборами в Авлиде; во второй же части приводился один и то же рассказ о том, как после похода в Миссию Ахилл был занесен бурей на Скирос и там женился на Деидамии (*Химин М.Н.* Ахилл на острове Скирос // Studia historica. 2011. Вып. XI. С. 6–27).

гадатель Галиферс говорит, что, когда ахейцы стали готовиться к отплытию под Трою, он предсказал возвращение Одиссея на двадцатом году (II.171–176), то есть через десять лет войны и десять лет странствований. Двадцать лет, по словам поэта, ждал Одиссея Аргус (XVII.326–327). О возвращении домой спустя двадцать лет говорит и сам герой (XXIV.321–322). Таким образом, слова Елены подразумевают сказание о первом походе[13]. Как представляется, оно возникло в результате появления в повествовании о Троянской войне Неоптолема и имело одну единственную цель – растянуть войну, чтобы к моменту смерти Ахилла он был достаточно зрелым и мог принять участие в войне. Конечно, самой по себе проблемы возраста в эпической поэзии не существовало, поскольку эпическое время не подразумевало какой-либо конкретизации помимо общих категорий: юность, зрелость, старость. В пределах же этих категорий жизнь героя протекала вне времени. Однако рождение Неоптолема и его приход под Трою имел чёткую временную привязку: он родился перед отправлением Ахилла на войну, а уже на десятом году, когда погиб его отец, начал сражаться. Отсюда возникло явное противоречие, поскольку тогда Неоптолем был слишком юн, чтобы участвовать в войне. Решение было найдено; сказатель сочинил историю о первом неудавшемся походе. По крайней мере, трудно представить, какое другое значение она могла иметь. После столкновения с мисийцами и до вторых сборов в Авлиде, назначенных после того, как Телеф согласился показать Агамемнону дорогу в Трою, ровным счетом не произошло никаких событий; растягивание во времени здесь налицо.

В любом случае, даже если абстрагироваться от предложенной гипотезы, слова Елены, подразумевающие первый ахейский поход под Трою, уже сами по себе свидетельствуют в пользу существования традиции о сыне Ахилла, поскольку Прокл прямо говорит, что на обратном пути из Мисии буря занесла Ахилла на Скирос, где он женился на Деидамии (*Procl.* Chrest. 1).

Итак, приведённые свидетельства позволяют с полным основанием утверждать, что Гомер знал сказание о Неоптолеме (в последних книгах «Илиады» он не раз демонстрирует знакомство с сюжетами, описанными в киклических поэмах[14]). Однако поэт не мог рассказать об его подвигах, так как приход Неоптолема под Трою к тому времени не состоялся. В заключение приведём ещё одно соображение, свидетельствующее против гипотезы М. Уэста и ряда других исследователей. В упомянутом пассаже из «Одиссеи» (IV.3–9) о свадьбе сына Ахилла с дочерью Менелая говорится вскользь. Поэт не называет даже имён жениха и невесты, подразумевая, что слушатели и так поймут о ком идёт речь (о Неоптолеме и Гермионе). По той же причине он не

---

[13] *Breslove D.* How Old Were Achilles and Neoptolemus? // CJ. 1943. Vol. 39. No. 3. P. 160–161; *Kullmann W.* The relative chronology of the Homeric Catalogue of Ships and of the lists of heroes and cities within the Catalogue // Relative Chronology in Early Greek Epic Poetry. Cambr., 2012. P. 212–214.

[14] *Edwards M.W.* Op. cit. P. 273.

уточняет, при каких обстоятельствах Менелай пообещал Неоптолему руку своей дочери (вне всякого сомнения, основанием для помолвки послужило согласие юного героя принять участие в войне). Такое отношение к эпическому материалу скорее свидетельствует в пользу того, что Неоптолем был традиционным героем, и сказание о нем было всем хорошо известно. Поэтому трудно представить, чтобы оно возникло незадолго до появления самой поэмы[15].

И всё же следует полагать, что сказание о Неоптолеме появилось в тот период, когда традиция о Троянской войне в целом уже оформилась.

После смерти Ахилла между Одиссеем и Аяксом возник спор, кто из них лучший воин и кому должны достаться его доспехи. Лучшим ахейцы признали Одиссея. Аякс, оскорблённый таким решением, впал в безумие и вскоре покончил жизнь самоубийством. Наиболее убедительную интерпретацию этого сказания предложил Г. Хедрин[16]. Он отметил, что стены Трои, защищаемые Аполлоном, нельзя было захватить силой, проникнуть в город можно было только с помощью хитрости, поэтому-то лучшим героем был признан хитроумный Одиссей, а Аякс, самый сильный воин после Ахилла, оказался «невостребованным» и удалённым из повествования. Последующие действия Одиссея обеспечили ахейцам взятие Трои: он захватил в плен Гелена, предсказавшего, что без лука Филоктета невозможно покорить город, привёз с Лемноса самого героя, выкрал палладий и, наконец, придумал хитрость с деревянным конём. И всё же вскоре Одиссей отдал доспехи Неоптолему. В этой связи возникает вопрос, зачем вообще понадобилось назначать в качестве приза доспехи, если вскоре их предстояло отдать другому герою? В этом заключается несогласованность. Однако всё встаёт на свои места, если предположить, что по первоначальной версии обладателем божественных доспехов был Одиссей, и только позднее, с появлением сказания о Неоптолеме, тот отдал их сыну Ахилла.

Сам по себе подобный формальный анализ сказания, конечно, не дает основания утверждать, что Неоптолем – это поздний герой, однако сделанный вывод полностью согласуется с другими источниками, в которых сообщается об убийстве троянцев во время взятия Трои. А именно, из дошедших до нас нарративных свидетельств известно, что:

1. Агенор, по Лесху, убит Неоптолемом (*Paus.* X.27.2).
2. Адмет, по Лесху, убит Филоктетом (*Paus.* X.27.1).
3. Аксион, по Лесху, убит Еврипилом (*Paus.* X.27.2).
4. Астианакс, по Лесху, убит Неоптолемом[17], а по Арктину, Одиссеем (*Procl.* Chrest. 4).
5. Астиной убит Неоптолемом (*Paus.* X.26.4).

---

[15] Согласно традиционной точке зрения, «Одиссея» была создана примерно на одно поколение (20–30 лет) позже «Илиады».

[16] *Hedreen G.* Capturing Troy. The Narrative Functions of Landscape in Archaic and Early Classical Greek Art. Ann Arbor, 2004. P. 114–115.

[17] *Gantz T.* Greek Myth. A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore; L., 1993. Vol. 2. P. 650.

6. Дейфоб, по Арктину, убит Менелаем (*Procl.* Chrest. 2).

7. Кореб, по указанию Павсания, у большинства авторов убит Неоптолемом, а по Лесху, Диомедом (*Paus.* X.27.1).

8. Леокрит убит Одиссеем (*Paus.* X.27.1).

9. Поликсена, по Арктину, принесена в жертву Неоптолемом[18], согласно же «Киприям», сначала смертельно ранена Одиссеем и Диомедом[19], а затем похоронена Неоптолемом[20] (EGF. 27; PEG. 34).

10. Приам, по Лесху (*Paus.* X.27.2) и Арктину (*Procl.* Chrest. 4), убит Неоптолемом.

11. Эионей, по Лесху, убит Неоптолемом (*Paus.* X.27.1).

12. Элас убит Неоптолемом (*Paus.* X.26.4).

13. Кассандра, по Лесху (*Paus.* X.26.1) и Арктину (*Procl.* Chrest. 4), подверглась нападению со стороны Аякса.

Как видно, во всех случаях различия наблюдаются только между Неоптолемом и Одиссеем – Диомедом. Объяснить это можно тем, что Неоптолему при его появлении в сказании о Троянской войне приписали часть убийств, которые в предшествующей традиции совершали Одиссей и его постоянный напарник Диомед[21]: так появилось несколько вариантов убийства одного и того же троянского героя или героини. Иными словами, ко времени возникновения сказания о Неоптолеме уже существовала устойчивая традиция о взятии Трои, в которой все роли – какой ахейский герой какого троянца убивает – были уже распределены. В то же время для нового героя необходимо было сложить арестию. В повествовании о сражении Неоптолема под стенами Трои эта проблема была легко решена: был сложен рассказ о прибытии в осаждённый город нового союзника Еврипила, сына Телефа, которого и убивает Неоптолем[22]. Однако при описании взятия

---

[18] Прокл, пересказывая основное содержание «Взятие Илиона», говорит, что ахейцы принесли в жертву Поликсену, но не указывает, кто именно. Однако из всех других источников, в том числе иконографических, следует, что в качестве жреца, перерезавшего Поликсене горло, выступал именно Неоптолем.

[19] На одной этрусской вазе середины VI в. до н.э. представлена женщина, взбирающаяся на ступенчатый алтарь и оглядывающаяся назад, в сторону преследующих ее двух воинов. Г. Хедрин атрибутировал памятник как сцену преследования Елены (*Hedreen G.* Capturing Troy. The Narrative Functions of Landscape in Archaic and Classical Greek Art. Ann Arbor, 2001. P. 133. Note 40). Однако едва ли можно согласиться с таким мнением по той причине, что в вазописных композициях Менелай преследует Елену один. Напротив, параллель между этрусской сценой и описанием в «Киприи» смерти Поликсены очевидна. К тому же, как заметил М. Робертсон, корреляция этой композиции со сценой преследования Троила, представленной на противоположной стороне вазы, не оставляет сомнений, что перед нами изображение Поликсены (*Robertson M.* Troilos and Polyxene: Notes on a Changing Legent // Eumousia: Ceramic and Iconographic Studies in Honour of Alexander Cambitoglou. Sydney, 1990. 1990. Vol. 1. P. 63–64).

[20] Должно быть, Неоптолем захоронил Поликсену в могиле Ахилла.

[21] Так, Диомед вместе с Одиссеем убил Паламеда, Долона, уничтожил лагерь Реса, выкрал палладий из Трои и отправился на остров Лемнос за Филоктетом.

[22] *West M.L.* Op. cit. P. 9.

Трои сказитель уже не мог ввести совершенно новых персонажей, не фигурировавших на более ранних этапах войны; в итоге у него остался только один выход: приписать сыну Ахилла убийства троянцев, которые в прежних вариантах мифа совершались другими героями. И так как главную роль в разрушении Трои в предшествующей традиции, по всей видимости, играли Одиссей и его напарник Диомед, то именно их деяния были частично отнесены на счёт Неоптолема.

Итак, подведем итог сказанному. Приведенные пассажи из «Илиады» выступают важными свидетельствами при решении вопроса, знал ли Гомер сказание о Неоптолеме. Они происходят из того эпического контекста, неотъемлемой частью которого является рассказ об этом герое, на основании чего можно утверждать, что ко времени возникновения «Илиады» традиция о сыне Ахилла уже существовала. В то же время следует признать, что Неоптолем был введён в повествование о Троянской войне позднее других ахейских героев.

M.N. Khimin

DID HOMER KNOW THE TALE OF NEOPTOLEMOS?

There is one passage in the Iliad, mentioning Neoptolemos (XIX.326–327). However some authors, including Martin L. West, consider it to be a late insertion and suppose that Homer was not aware of the story about this hero. But an analysis of a few other passages from the epic (IX.667–668, XXII.66–71, XXIV.764–767) allows us to make the opposite conclusion: tradition about Neoptolemos indeed appeared before the Iliad.

Е.И. Соломатина

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ПОСРЕДНИКАХ И ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Хорошо известно о существовавшей в Древней Греции практике разрешать различного рода конфликтные ситуации с помощью посредников. Международный арбитраж давно уже стал предметом многочисленных исследований[1]. Посредничество при решении внутренних проблем (так называемое социальное посредничество) также не было обойдено вниманием ученых, отдельные его аспекты рассматривались как проявления более общих процессов таких, как культурный переворот или зарождение полисных институтов власти. Для изучающих культурный переворот особую важность имеют факторы, вызвавшие к жизни «греческое чудо», одним из которых является «горизонтальная мобильность». Это понятие подразумевает легкость перемещения жителей одного полиса в другой и, главное, возможность активно включаться в культурную и (добавим от себя) политическую жизнь[2]. Обычно в число примеров такой мобильности наряду с переселяющимися в другие полисы ремесленниками[3], творческими личностями[4], включают и специально приглашённых граждан для помощи в устройстве государственных дел[5]. Последняя категория «переселенцев» в античной традиции имела специальное название – καταρτιστῆρες – устроители, примирители, посредники[6]. Обычно для исследователей «культурного переворота» важны, главным образом, как появление самой возможности перемещения, так и распростра-

---

[1] О международном посредничестве у греков см.: *Raeder A.* L'arbitrage international chez les Hellènes. Kristiania, 1912; *Tod M.N.* International Arbitration amongst the Greeks. Oxf., 1913; *Piccirilli L.* Gli arbitrate interstatali Greci. Pisa, 1973 (с библиографией).

[2] *Зайцев А.И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985. С. 40.

[3] *Starr Ch.G.* The Origins of Greek Civilization 1100–650 BC. L., 1962. P. 360; *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 47.

[4] Примеры переселения творческих личностей см.: *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 42–47: паросец Архилох переехал жить на Фасос; самосец Семонид – на о. Аморг; лесбосец Терпандр – в Спарту; лесбосец Арион – в Коринф; афинянин Тиртей – в Спарту; Алкман из Сард – в Спарту; теосец Анакреон — в Абдеру, на Самос, а затем в Афины; Алкей из Митилены побывал в Египте; Сапфо – временно в изгнании в Сицилии и др.; а также см.: *Зайков А.В.* Музыканты в ранней Спарте: создание жанров и противодействие внутренней распре // Вестник Удмуртского университета. 1995. № 2. С. 5–15 – о музыкантах и поэтах, переселившихся в Спарту и их посреднической роли.

[5] Об общих причинах приглашения посредников см.: *Glotz G.* La cite grecque. Le development des institutions. P., 1968. P. 116; *Galabi C.* Richerche sui rapporti tra le poleis. Firenze, 1953. P. 21 ss.

[6] *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 47.

нённость этого явления, а детальный анализ статуса и деятельности переселившихся в другой полис устроителей не входит в их задачи. Но именно эти моменты находятся в фокусе внимания изучающих социально-политические институты, однако их интересуют преимущественно те примирители и посредники, которые в античной традиции получили другое название – αἰσυμνήτες – эсимнеты, или те, кто, по их мнению, могут быть причислены к ним. Также есть ещё одно обозначение посредников, это – διαλλακτήρ = διαλλακτής.

Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы социального посредничества (это и невозможно в рамках статьи), я попытаюсь на основе анализа свидетельств античной традиции рассмотреть следующие вопросы: являются ли эти названия синонимами или были различия в их употреблении, если были, то в чем они заключаются, кого античная традиция причисляет к посредникам. Кроме случаев, когда в источниках присутствует характеристика того или иного лица (или группы) при помощи перечисленных названий или их действий однокоренными глагольными формами, есть ещё множество таких, когда подобные определения отсутствуют, и лишь по роду деятельности можно говорить о посредничестве.

Итак, рассмотрим первое, упомянутое в статье название – καταρτιστήρ[7]. Существительное καταρτιστήρ довольно редко встречается в письменных источниках, известно три случая его употребления: *Hdt.* IV.161; V.28; *Them.* Or. IV.61c. Поскольку в речи Фемистия (IV в. н.э.) содержится лишь упоминание о катартистерах без какой-либо конкретики (οἱ ἄλλοι καταρτιστῆρες), поэтому тем больший интерес представляют свидетельства Геродота. Первое – это сообщение о гражданах Пароса, которые были приглашены в Милет для упорядочения дел в милетской общине после продолжительной смуты, при этом отмечается, что это были знатнейшие жители Пароса (*Hdt.* V.28–29)[8]. Паросское посредничество традиционно связывают с реорганизацией ми-

---

[7] LSJ s.v. καταρτιστήρ – one, who restores order, mediator; *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958, s.v. – устроитель, миротворец, примиритель, посредник.

[8] «За два поколения до этого Милет раздирали гражданские распри, пока паросцы не примирили [враждующие партии] (μέχρι οὗ μιν Πάριοι κατήρτισαν) Милетяне выбрали в посредники именно паросцев из всех эллинов (Τούτους γὰρ καταρτιστῆρας ἐκ πάντων εἵλοντο οἱ Μιλήσιοι). А примирили их паросцы вот как. Когда *знатнейшие жители* (ἄνδρες οἱ ἄριστοι; курсив мой. – *Е.С.*) Пароса прибыли в Милет, то увидели там дотла разорённых жителей и объявили, что желают обойти их поля. Так паросцы и сделали: они обошли всю Милетскую область из конца в конец. Если им случалось заметить в опустошённой стране хорошо возделанный участок, то они записывали имя хозяина. Лишь немного таких участков им удалось найти при обходе всей страны. По возвращении в город паросцы созвали народное собрание и передали управление городом тем [немногим хозяевам], чьи участки были хорошо возделаны. [Сделали же они так] потому, что, по их словам, что тот, кто заботился о своем участке, будет так же хорошо заботиться и об общем достоянии. Прочим милетянам, которые раньше бунтовали, паросцы приказали подчиниться [назначенным ими] людям» (пер. Г.А. Стратановского).

летской общины, результатом которой стало установление олигархии и появление новых эпонимных магистратов – эсимнетов. Обычно эти события датируются приблизительно 525/24 г. до н.э. (т.е. годом начала списка эсимнетов)[9], но существует и другая датировка – 540 г. до н.э.[10]

Второе – сообщение о деятельности Демонакта из Мантинеи (Аркадия), которого по указанию Дельфийского оракула граждане Киpены пригласили для упорядочения государственного устройства (*Hdt.* IV.161)[11]. Как и в случае с паросцами, упоминается о том, что Демонакт был самый уважаемый из своих граждан. Это посредничество датируется серединой VI в. до н.э.[12]

Итак, можно заметить, что приглашённые полисами посредники (в роли которых могли выступать и один, и несколько человек), названные в источниках καταρτιστήρες, пользовались несомненным авторитетом как в своих общинах, так и за их пределами. Время выпол-

---

[9] *Kawerau G., Rehm A.* Das Delphinion in Milet (Milet 1.3). B., 1914. No. 122; *Hiller von Gaertringen F.* Miletos // RE. 1932. Hbd 30. Sp. 1595; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; etc., 1983. S. 202; *Карышковский П.О.* Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье (материалы по археологии). Киев, 1984. С. 44; *Борухович В.Г.* Архаический Милет (проблемы социально-политической истории) // Проблемы политической истории античного общества. Л., 1985. С. 19.

[10] *Gorman V.B.* Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E. Ann Arbor, 2004. P. 115. Обоснование этой даты, предложенное В. Горман, выглядит вполне убедительным, поскольку оно базируется на передатировке списка эсимнетов с учетом того промежутка, когда Милет не существовал как гражданская община и, соответственно, не избирались ежегодные эпонимные магистраты. Более ранней даты придерживался и С.А. Жебелёв, получив её путём вычисления среднего арифметического между двумя числами Геродота (Hdt. III.142 – 33 ½ года и Hdt. I.7 – 23 года), соответствующими продолжительности одного поколения. *Жебелёв С.А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 59.

[11] Свой рассказ о приглашении посредника Геродот предваряет сообщением о разгроме киренцев ливийцами и кровопролитной борьбе за царскую власть (Hdt. IV.160): «Царскую власть в Кирене унаследовал хромой Бат. Киренцы послали в Дельфы вопросить, при каком государственном устройстве лучше им жить. Пифия велела пригласить посредника из Мантинеи в Аркадии (Ἡ δὲ Πυθίη ἐκέλευε ἐκ Μαντινέης τῆς Ἀρκάδων καταρτιστῆρα ἀγαγέσθαι). По их просьбе мантинейцы послали к ним *самого уважаемого из своих граждан* (курсив мой. – *Е.С.*). По прибытии в Кирену посредник познакомился с положением дел в городе и разделил население на три филы так: первая часть состояла из ферейцев и их соседей, вторая – из пелопоннесцев и критян, а третья включала всех островитян. Затем он выделил царю Бату царские [земельные] владения и жреческие доходы, а все остальное, что принадлежало прежде царю, сделал достоянием народа» (пер. Г.А. Стратановского).

[12] *Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 7; *Malkin I.* Delphoi and the Founding of Social order in Archaic Greece // Métis. Anthropologie des mondes grecs anciens. 1989. Vol. 4/1. P. 134. Датировка посредничества Демонакта 570 г. до н.э. присутствует в работе: *Ковалёв П.В.* О статусе странников и гостеприимцев в архаическом греческом мире // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 67.

нения посреднических функций определяется приблизительно серединой VI в. до н.э. Что касается причин обращения к услугам посредников, то в обоих случаях речь идет о борьбе за власть и внутреннем кризисе. Деятельность упомянутых посредников заключалась в коренной социально-политической реорганизации приглашавшей общины и примирении борющихся сторон, что, в конечном счете, имело результатом восстановление порядка[13]. Из сообщения о посредничестве Демонакта мы узнаем, что оно получило религиозную санкцию Дельфов, и оракулом же было указано конкретное лицо, которому поручалось реорганизовать общину киренцев. В отношении паросских посредников источники таких сведений не сообщают. Достаточно ли было религиозного авторитета Дельф, чтобы исполнить роль социального посредника, или нужен был какой-то особый политический механизм для этого (обычно в подобных обстоятельствах предполагается существование экстраординарной магистратуры[14]), об этом источники умалчивают: в них не упоминается ни о сроках пребывания посредников в пригласившем государстве, ни об их статусе в нём.

Что касается глагола καταρτιτίζω, то он довольно часто (несколько сот раз по TLG) встречается у многих античных авторов в разных значениях[15]. Можно привести несколько примеров использования глагола καταρτιτίζω в значении «восстанавливать порядок, умиротворять». Это опять свидетельство Геродота о паросцах, примиривших милетян[16]. В других же случаях, хотя в них нет и речи о посредниках, интересен сам контекст, в котором встречается рассматриваемый глагол[17], однако для раскрытия темы социального посредничества это обстоятельство ничего нового не добавляет.

Кроме упомянутых Геродотом паросцев и Демонакта, к посредникам-катартистерам также относят некоторых близких Платону людей (ἑταῖροι), которые, по сообщению Плутарха, были отправлены основа-

---

[13] Об общих причинах приглашения посредников извне см.: *Glotz G.* Op. cit. P. 116–117.

[14] См., напр.: *Hammond N.G.L.* Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 145–170; *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 121–128; *Зайков А.В.* Указ. соч. С. 7, 11, 15; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 233.

[15] Кроме значения «примирять, восстанавливать порядок, приводить в порядок» у глагола καταρτιτίζω есть и такие: LSJ s.v. – restore; mend, set a dislocated limb; furnish, equip; prepare, make ready; compound и др.

[16] Hdt. V.28, 30 (об этом подробнее см. выше).

[17] Приведу несколько типичных примеров из разных авторов, для иллюстрации этого положения. Так, Плутарх пишет (Marc. 10.2), что Марцелл «пришёл на помощь Неаполю и Ноле..., а в Ноле застал мятеж, потому что тамошний сенат был не в силах обуздать и утихомирить народ (...τῆς βουλῆς τὸν δῆμον ἀννιβίζοντα μεταχειρίσασθαι καὶ καταρτίσαι μὴ δυναμένης) (пер. С.П. Маркиша). В схожем контексте употребляет этот глагол и Дионисий Галикарнасский (Dion. Hal. III.10), в речи Фуфетия, обращенной к царю Туллу: «Ваш же полис ещё не упорядочен и не обустроен, будто он только что возник, он состоит из множества народов, и ему требуется ещё много времени и разных испытаний, чтобы порядок устоялся (ἵνα καταρτισθῇ) и он перестал бурлить и пребывать в смятении, как сейчас (пер. Н.Г. Майоровой).

телем Академии для упорядочения государственного устройства в различных городах: Аристоним в Аркадию, Формион к элейцам, Менедем к пирреанам на Лесбосе[18] (*Plut.* Adv. Colotem 32 = Mor. 1126 C; их действия Плутарх описывает при помощи причастия от глагола διακοσμέω)[19].

Современные исследователи порой считают возможным причислить к посредникам-катартистерам не только практиков, но и теоретиков. Это – Гипподам из Милета, создавший один из первых в истории человечества утопический проект государства (*Arist.* Pol. II.5.1–4); софист Протагор из Абдеры, которому Перикл поручил составить проект государственного устройства для создававшейся Афинами общеэллинской колонии Фурии (*Diog. Laert.* IX.50; ср.: *Diod.* XII.12.4)[20].

Как уже говорилось, в античной традиции существует несколько названий для обозначения посредников-примирителей-устроителей. Рассмотрим ещё одно, а именно – διαλλακτήρ = διαλλακτής (или когда действия описываются глаголом διαλλάσσω (-ττω))[21]. Это существительное, по сравнению с καταρτιστήρ встречается у античных авторов гораздо чаще (несколько десятков раз по TLG) в разных значениях и в различных контекстах[22].

Существительное διαλλακτήρ = διαλλακτής встречается у трагиков V в. до н.э. применительно к богам, которые выступали примирителями, третейскими судьями. Так, у Эсхила «Семеро против Фив» в таком качестве мы видим Ареса (Sept. 908)[23], а у Еврипида – безымянного бога (Phoen. 468)[24]. И у более поздних авторов можно найти схожее упот-

---

[18] *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 48. Причём Зайцев считает сообщение Плутарха о том, что они были посланы Платоном, догадкой (там же, прим. 105). Это же сообщение, вероятно, воспринимается как заслуживающее доверия, так как приводится в качестве примера общественной деятельности платоновской Академии, см.: *Диллон Дж.* Наследники Платона. Исследование истории Древней Академии (347–274 гг. до н.э.). СПб., 2005. С. 22.

[19] LSJ s.v. – 2. set in order; приводить в порядок, устраивать.

[20] См.: *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 48. Подробнее о Протагоре см.: *Morrison J.S.* The place of Protagoras in Athenian public life (460–415 B.C.) // CQ. 1941. Vol. 35. No. 1. P. 1 ff.

[21] LSJ s.v. III. esp. change enmity for friendship, reconcile one to another; примирять.

[22] Поскольку существительное многозначно и часто встречается, то я вижу свою задачу не в том, чтобы рассмотреть все случаи его употребления, а в том, чтобы сделать представительную выборку, которая позволила бы проследить, как оно употреблялось в значении «посредник, примиритель, судья» у античных авторов, писавших в разные эпохи, и какой смысл оно приобретало с течением времени в контексте социального посредничества.

[23] «Равная доля, увы, / Гневным досталась братьям. /Честно Арес вершил / Суд. Но не мил друзьям / Этот судья третейский» (διαλλακτῆρι δ'οὐκ / ἀμεμφία φίλοις, ἐπίχαρις Ἄρης; пер. С.К. Апта).

[24] «Ты, Полиник, дитя мое, сперва / Свое скажи! С дружинами данацев / Тебя сюда обида привела. / Не так ли, сын мой? Пусть же бог нас судит / И правдою от зол освободит» (κριτὴς δὲ τις θεῶν γένοιτο καὶ διαλλακτὴς κακῶν; пер. И. Анненского). Также можно упомянуть здесь и схолий к этой строчке трагедии – Schol. in Eur. 468.

ребление этого слова. Павсаний, описывая спор Посейдона с Гелиосом, сообщает, что третейским судьей у них был Бриарей (*Paus.* II.1.6 – Βριάρεων δὲ διαλλακτὴν γενέσθαι σφίσιν). По свидетельству Флавия Филострата (Vita Apoll. VI.38), очередные раздоры антиохийцев на городской сходке были неожиданно прекращены случившимся в то время сильным землетрясением, которое было истолковано Аполлонием как знак свыше: «Явным примирителем вашим сделался бог (ὁ μὲν θεὸς ἔφη... διαλλακτὴς ὑμῶν σαφὴς γέγονεν), а потому не ссорьтесь больше» (пер. Е.Г. Рабинович). Из приведённых примеров можно увидеть, что боги не только судят себе подобных, но и выступают судьями и примирителями в мире людей.

Интерес представляют случаи, когда в роли примирителей или третейских судей в улаживании разного рода споров или взаимной вражды героев источники упоминают эпических царей, например, Одиссея и Нестора или старейшин (Schol. In Soph. Ajacem 1316, 2; 731a соответственно). Надо заметить, что в самой трагедии Софокл характеризует их действия описательно[25], и только в схолиях они определяются как действия диаллактов. Кроме того, что упомянутые цари и старейшины обладали большим авторитетом и были известны своей мудростью и умением улаживать конфликты, здесь важно ещё одно обстоятельство, а именно что судейские и посреднические функции им были присущи по положению как царям и совету старейшин.

Самый известный пример социального посредничества, связанного с исполнением должностных обязанностей, приводит Аристотель в «Афинской политии»: «Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других; наконец они избрали сообща посредником и архонтом Солона (εἵλοντο κοινῇ διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα Σόλωνα) и поручили ему устройство государства (Ath. Pol. 5.2; пер. С.И. Радцига)[26]. Избрание Солона архонтом-эпонимом относится к 594 г. до н.э.[27] Считается, что политический статус Солона и его властные полномочия определяются занимаемой им должностью архонта, а специальные функции (или чрезвычайные полномочия)[28] выражались в слове διαλλακτής. Под специальными функциями понимается не реформирование существующего строя, а законодательное разрешение конфликта и приме-

---

[25] Soph. Aiax. 1316 – Пришёл ты кстати, Одиссей – коль скоро / Распутать узел, не стянуть ты хочешь (пер. Ф.Ф. Зелинского; – ῎Αναξ ᾽Οδυσσεῦ, κάιρον ἴσθ᾽ ἐληλυθώς, εἰ μὴ ξυνάψων, ἀλλὰ συλλύσων πάρει); Soph. Aiax. 731 – И все не унималась страсть; с трудом лишь / Он спасен почтенных старцев словом (пер. Ф.Ф. Зелинского; – Λήγει δ᾽ ἔρις δραμοῦσα τοῦ προσωτάτω, ἀδρῶν γερόντων ἐν ξυναλλαγῇ λόγου).

[26] О Солоне сообщает также Плутарх (Plut. Sol. 14.3): «После Филомброта его выбрали архонтом, а вместе с тем посредником и законодателем» (пер. С.И. Соболевского; ἡρέθη δ᾽ ἄρχων μετὰ Φιλόμβροτον ὁμοῦ καὶ διαλλακτὴς καὶ νομοθέτης).

[27] О проблемах датировки см.: *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelean Athenion Politeia. Oxf., 1981. P. 120 и сл.

[28] *Суриков И.Е.* Проблемы афинского законодательства. М., 2004. С. 89.

рение враждующих сторон[29]. В отношении Солона ни Аристотель, ни писавший позднее Плутарх не сообщают, в чем конкретно заключались его функции как диаллакта и каков был характер этих полномочий. Однако современные исследователи на основе анализа реформ и законов Солона склонны считать, что они заключались в примирении Алкмеонидов и их противников из других евпатридских родов, поскольку Солон возвратил на родину изгнанных Алкмеонидов[30], вернул им земли, отнятые и распроданные после их изгнания, освободил сторонников и «клиентов», проданных в рабство[31]. Таким образом Солон создал необходимые условия для проведения законодательных мероприятий, установив внутренний мир в Афинах. Известно, что его деятельность получила санкцию дельфийского оракула (*Plut.* Sol. 14.6), который поощрял в завуалированной форме захват им тиранической власти (*Plut.* Mor. 152c)[32].

Как можно заметить, сведения источников о посредниках архаической эпохи крайне скудны и не позволяют делать обобщений о характере их полномочий и функциях. Однако письменная традиция о диаллактах более позднего времени сохранила весьма ценные указания по этим вопросам. Плутарх сообщает об Арате: «Назначеннный посредником с неограниченными полномочиями и облечённый правом единолично решать все вопросы, сопряжённые с имущественными притязаниями бывших изгнанников (ἀποδειχθεὶς γὰρ αὐτοκράτωρ διαλλακτὴς καὶ κύριος ὅλως ἐπὶ τὰς φυγαδικὰς οἰκονομίας), он не принял этого права, но избрал себе среди сикионян пятнадцать помощников и вместе с ними, после долгих трудов и забот, полностью примирил сограждан» (*Plut.* Arat. 14.2; пер. С.П. Маркиша)[33]. Можно ли считать, что неограниченные полномочия и единоличное право решать вопросы, связанные с имуществом изгнанников, были характерны только для диаллактов III в. до н.э. или и для более раннего времени тоже? Если принять во внимание закон Солона об амнистии (*Plut.* Sol. 19.4) и его

---

[29] *Oliva P.* Solon-Legende und Wirklichkeit // XENIA. 1988. Bd. 20. S. 48; *Туманс Х.* Указ. соч. С. 232. Существует точка зрения, согласно которой, избрание Солона диаллактом датируется 592/1 г. до н.э. и расценивается как занятие им некой экстраординарной магистратуры (см.: *Hammond N.G.L.* Op. cit. P. 145–170).

[30] О связи посреднической деятельности Солона с возвращением Алкмеонидов см. *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 137 и прим. 32 со ссылкой на литературу.

[31] *French A.* Solon's Act of Mediation // Antichthon. 1984. Vol. 19. P. 1–12. Э. Френч основывает свои выводы на интерпретации стихов Солона. И хотя его концепция в целом не всегда принимается, однако трактовка посреднической деятельности Солона не вызывает возражений. См., напр.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии... С. 133; *он же.* Проблемы афинского законодательства... С. 121.

[32] Полемику по вопросу о подлинности этого оракула см.: *Суриков И.Е.* Проблемы афинского законодательства... С. 90. Прим. 79.

[33] О возвращении изгнанников Пелопидом, приглашённым Птолемеем и Александром для улаживания раздоров, сообщает Плутарх (Plut. Pelop. 26.4).

деятельность по возвращению Алкмеонидов, то в отношении Солона как диаллакта ответ может быть положительным[34]. О характере полномочий других диаллактов из-за отсутствия данных античной традиции ничего определённого сказать нельзя. Античные источники[35] позволяют увидеть нечто общее в деятельности диаллактов разных времён, а именно ее направленность на урегулирование проблем, связанных с бывшими изгнанниками. Солона и Арата объединяет ещё и то, что они были избраны диаллактами своими общинами граждан.

В связи с последним замечанием интерес представляет свидетельство Филодема о том, что Стесихор (с Сицилии) выступал в роли посредника во внутреннем конфликте в Спарте в VI в. до н.э. (Philodem. De music. P. 18)[36]. И хотя Сесихор был приглашённым извне посредником, однако автор I в. до н.э. описывает его деятельность глаголом διαλλάσσω (-ττω).

Античные источники дают нам также примеры обозначения существительным διαλλακτήρ = διαλλακτής посредников не только во внутренних, но и в международных делах, а глагол διαλλάσσω (-ττω) (иногда с другими приставками) в этом случае употреблялся в значении «примирить(ся), заключить мирный договор». В контексте международного посредничества упомянутые существительное и глаголы встречаются как у ранних авторов (Геродот[37], Фукидид[38]), так и уболее поздних (Дионисий Галикарнасский[39], Плутарх[40], Аппиан[41]), независимо от того, какой древности события они описывают.

---

[34] *Суриков И.Е.* Проблемы раннего афинского законодательства... С. 89.

[35] Преимущественно Плутарх: Sol. 19.4; Pelop. 26.4; Arat. 14.2.

[36] О посредничестве Стесихора см.: *Huxley G.L.* Early Sparta. L., 1962. P. 71.

[37] Hdt. V.95 – «Митиленцев же с афинянами примирил Периандр, сын Кипсела, которого они выбрали посредником (Μυτιληναίους δὲ καὶ Ἀθηναίους κατήλλαξε Περίανδρος). А примирил (κατήλλαξε) он их вот на каких условиях: каждая сторона получала то, что у нее было. Так-то Сигей остался за афинянами» (пер. Г.А. Стратановского).

[38] Thuc. II.95 – «Пердикка не исполнил обещаний, которые дал Ситалку, взявшемуся примирить (διαλλάξειν) его с афинянами»; IV.58 – «В то же лето было заключено сначала перемирие между Камариной и Гелой. Затем собрались в Гелу и посланцы всех других эллинских городов на острове Сицилия для мирных переговоров (εἴ πως ξυναλλαγεῖν)»; VI.47 – «Никий высказался за то, чтобы плыть со всем флотом на Селинунт для чего они прежде всего и посланы. Если, говорил Никий, эгестяне предоставят деньги для всего войска, то можно будет принять сообразное с этим решение. Если же нет, то следует потребовать от них денег на содержание посланных по их просьбе 60 кораблей и оставаться у Селинунта, пока этот город добровольно не примирится (διαλλάξαι) с Эгестой или не будет принужден силой» (пер. Г.А. Стратановского).

[39] Dion. Hal. II.76.3 – «В самом деле, соседи настолько были далеки от мысли, что римляне в своем мире и спокойствии предпримут нападение на них, что, когда у них начиналась какая-нибудь война друг с другом, они делали римлян своими посредниками (διαλλακτῆρας) и считали, что с помощью Нумы в качестве примирителя вражда закончится» (пер. И.Л. Маяк).

[40] Plut. Pyrr. 16.5 – «Предварительно он послал к римлянам вестника, предложив им без войны получить от италиотов законное удовлетворение, а его

Рассмотрим третье название посредников-примирителей – αἰσυμνητήρ (αἰσυμνήτης). Это слово имеет несколько значений и встречается в различных контекстах[42]. Нас будут интересовать, главным образом, те случаи, в которых слово употреблено в значении «посредник, примиритель». После Гомера вплоть до Аристотеля слово αἰσυμνητήρ (αἰσυμνήτης) не употребляется в письменной традиции[43]. Оно вновь появляется в нарративных источниках начиная с «Политики» Аристотеля (III.9.5–6, p. 1288a 30 – 1285b 3; III.10.1, p. 1285b 25–26; III.10.10, p. 1286b 34–40), для обозначения социальных посредников эпохи архаики. Аристотель трактует архаическую эсимнетию как «выборную тиранию», т.е. чрезвычайную единоличную власть, ненаследственную и законную, с функцией социального посредничества в условиях смуты. В качестве примера архаических эсимнетов Аристотель приводит Питтака Митиленского[44]. Однако замечу, что только Аристотель называет Питтака эсимнетом, никакой другой источник так его не именует: современник же Питтака Алкей называет его тираном. Стало обычным понимать под основной задачей, поставленной гражданами Митилены перед Питтаком как эсимнетом, защиту города от аристо-

---

Пирра, сделать при этом судьей и посредником (αὐτῷ δικαστῇ καὶ διαλλακτῇ χρησαμένους)» (пер. С.А. Ошерова).

[41] App. Mac. 4 – «он [Филипп] опустошил и Перею родосцев, хотя они были ему посредниками (διαλλακτήρων οἱ γεγονότων) при заключении мира» (пер. С.П. Кондратьева).

[42] Так в эпосе: в «Илиаде» (XXIV.347) встречается выражение κοῦρος αἰσυμνητήρ в значении «юноша благородного происхождения, правитель», в «Одиссее» (VIII.258–260) слово обозначает выборных судей на состязаниях в пляске (αἰσυμνῆται δὲ κριτοὶ ἐννέα πάντες ἀνέσταν); в религиозном контексте – эпитет Диониса «владыка» (речь идет о культе Диониса Эсимнета в Патрах – Paus. VII.20.1–2).

[43] В дошедших до нас эпиграфических истониках классической и эллинистической эпох эсимнеты предстают ординарными магистратами (в некоторых греческих полисах – эпонимными) или же, обозначают дежурную часть совета. См. об этом подробнее: *Соломатина Е.И.* К вопросу о происхождении термина «эсимнет» и родственных ему слов // Studia historica. 2008. Вып. VIII. С. 60 и прим. 6–8.

[44] «Другой вид, существовавший у древних эллинов носит название эсимнетии. Она, так сказать, представляет собой выборную тиранию (αἱρετὴ τυραννίς); отличается она от варварской монархии не тем, что основывается не на законе, а только тем, что не является наследственной. Одни обладали ею пожизненно, другие избирались на определенное время или для выполнения определенных поручений; так, например, граждане Митилены некогда избрали эсимнетом Питтака от изгнанников. Во главе которых стояли Антименид и поэт Алкей. О том, что митиленяне избрали Питтака именно тираном свидетельствует Алкей в одной из своих застольных песен. Он укоряет их за то, что они при всеобщем одобрении поставили человека худородного. Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные на деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому что эсимнетов избирают, причем добровольно» (Arist. Pol. III.9.5–6, p. 1285a 30–1285b 3; пер. С.А. Жебелёва).

кратической оппозиции, находившейся в изгнании[45]. Такая трактовка опирается на употреблённое Аристотелем выражение εἵλοντό ποτε Μυτιληναῖοι Πιττακὸν πρὸς τοὺς φυγάδες «избрали эсимнетом Питтака от изгнанников» (пер. С.А. Жебелёва). Однако цель заключалась не просто в том, чтобы воспрепятствовать возвращению изгнанников в Митилену, а в том, чтобы создать такие условия, при которых возможность возобновления гражданских распрей была бы минимальной. Вероятно, Питтаку это удалось, об этом может свидетельствовать, хотя и косвенно, сообщение Гераклита (*Diog. Laert.* I.76), что Питтак отпустил попавшего к нему в руки Алкея со словами: «Лучше простить, чем мстить» (пер. М.Л. Гаспарова).

Но вернёмся к античным источникам, упоминающим эсимнетов. Каллимах (III в. до н.э.) назвал Пасикла эсимнетом Эфеса (*Callimach.* fr. 102 Pfeiffer – Ἱσύμνας Ἐφέσου, Πασίκλεες). И хотя дополнительные сведения сообщает нам Элиан (кон. II в. – первая пол. III в. н.э.) о Пасикле[46] и о том, что он был убит молодым Меланом, чьим опекуном был назначен, но о характере занимаемого им положения и сопряжённых с ним функций сведений нет ни у Каллимаха, ни у Элиана.

Кроме Пасикла, которого нарративные источники называют эсимнетом, современные исследователи зачисляют в эсимнеты Эфеса ещё и Аристарха (*Suda* s.v. Ἀρίσταρχος[47]), хотя в лексиконе эсимнетом он не назван. По мнениию Г. Берве, за убийством Пасикла последовала внутренняя борьба в Эфесе, а чуть позднее, примерно около 550 г. до н.э. и был призван некий неизвестный нам Аристарх в качестве третейского судьи[48]. Он правил Эфесом пять лет, будучи наделён монархическими полномочиями, и, как с большой осторожностью предполагает Г. Берве, Аристарх путём реформы значительно расширил круг полноправных граждан, т.е. создал в общине новую, демократическую основу.

Имеется также сообщение Николая Дамасского (I в. до н.э.) об избрании народом Эпимена эсимнетом с правом карать по своему усмотрению, после кровопролитной борьбы за власть в Милете (FGH. 90. F. 53 – ὅτι Ἐπιμένης μετά ταῦτα αἰσυμνήτης ὑπὸ τοῦ δήμου χειροτονεῖται λαβὼν ἐξουσίαν κτείνειν οὓς βούλεται)[49]. Далее говорится, что Эпимен не смог

---

[45] *Пальцева Л.А.* Питтак Митиленский (к вопросу об эсимнетии в архаической Греции) // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 30–31.

[46] «Пиндар, сын Мелана, внук лидийского царя Алиатта, наследовав власть над Эфесом (διαδεξάμενος τήν Ἐφεσίων τυραννίδα), был крут на расправу и неумолим, но выказывал любовь к отечеству..., когда последовал в изгнание в Пелопоннес по приказу Креза, назначил одного из своих приближенных, Пасикла, опекуном своего сына» (пер. С.В. Поляковой).

[47] Ἀρίσταρχος οὗτος τὴν ἐν Ἐφέσῳ μόναρχον εἶχεν ἐξουσίαν ἐκ τῶν Ἀθηναίων ἥκων κλητός. ἐκάλουν δὲ ἄρα αὐτὸν οἱ προσήκοντες, ὅτι ἐμμελῶς τε καὶ σὺν κηδεμονίᾳ αὐτῶν ἦρξεν ἔτεσι ε′.

[48] *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 127–128.

[49] Описываемые Николаем Дамасским события, если его сведения признаются достоверными, современные исследователи датируют по-разному: концом X–IX вв. до н.э. (*Gorman V.B.* Op. cit. P. 92, 120); концом VIII в до н.э.

захватить ни одного из сыновей Амфитрета (прежнего тирана), поскольку те из страха обратились в бегство. Однако он конфисковал их имущество и назначил награду за их убийство. Трёх участников убийства Леодаманта[50] Эпимен предал смерти, а остальных приговорил к изгнанию, в которое они и удалились. И хотя ценность этого свидетельства в значительной степени умаляется новеллистическим характером повествования[51], тем не менее, судя по этому сообщению, совершенно очевидно, что в отношении изгнанников в политике Эпимена главными были карательные меры, которые никоим образом нельзя расценивать как направленные на примирение с изгнанниками.

В основном в этом свидетельстве исследователи видят использование почерпнутого у Аристотеля термина «эсимнет» как намеренный анахронизм[52], наряду с другими, такими, как тиран и Эпимен (в качестве имени собственного слово «эпимен» не употреблялось, но обозначало должность эпимениев в Милете и некоторых его колониях)[53].

Византийский автор XIII–XIV вв. Феодор Метохит (*Theod. Metochit.* Miscell. 101, p. 668) сообщает ещё о двух эсимнетах: Фэбии на Самосе и Херемон в Аполлонии (больше о них ничего неизвестно).

Стало обычным причислять к посредникам-примирителям многих известных реформаторов и законодателей архаической эпохи не по использованному в источниках названию, а по роду их деятельности. Это объясняется следующим образом: некоторые из посредников оказывались важными устроителями, творцами конструктивного правопорядка и в таком качестве видными законодателями, а многие законодатели выполняли функции посредников, примирителей в смуте, т.е. речь идет о двуедином явлении[54]. Так, некоторые законодатели эпохи архаики были причислены к посредникам, но занесены в разные категории, в зависимости от пристрастий современных исследователей. Залевк из Локр, Харонд из Катаны, Драконт и Солон из Афин[55] приравнены к эсимнетам. Другие законодатели оказались ка-

---

(*Huxley G.L.* The Early Ionians. N.Y., 1966. P. 504; *Jeffery L.H.* Archaic Greece: The City-States, c. 700–500 B.C. N.Y., 1976. P. 210); серединой или концом VII – началом VI в. до н.э. (*Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 113); сер. VII в. до н.э. (*Борухович В.Г.* Указ. соч. С. 19).

[50] По мнению Г. Берве, речь идёт о борьбе за власть и раздорах внутри царского дома Нелеидов, в результате которых царская власть была упразднена (указ. соч. С. 128–129).

[51] *Libero L. de.* Die Archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996. S. 355.

[52] *Romer F.E.* The Aisymnēteia: A Problem in Aristotle's Historical Method // AJPh. 1982. Vol. 103. P. 30.

[53] *Gorman V.B.* Op. cit. P. 91–92; *Берве Г.* Указ. соч. С. 128.

[54] *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 121–122 (об эсимнетах).

[55] *Toepffer J.* Aisymnetes (1) // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1088–1092; *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. СПб., 1997. Ч. I. С. 58; *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1895. С. 48.

тартистерами: Филолай Бакхиад, Андродамант из Регия, и тот же Харонд[56].

Общий же итог рассмотрения названий для обозначения устроителей-примирителей-посредников таков.

Словом καταρτιστήρ в прозаических сочинениях обозначались начиная с V в. до н.э. приглашённые из других полисов выдающиеся граждане для коренного реформирования внутриполитического устройства пригласившего их полиса и примирения борющихся сторон. Однокоренной глагол употреблялся для описания ситуации, требовавшей восстановления внутреннего порядка и мира. Античная письменная традиция не сохранила сведений ни о каких других катартистерах, кроме упомянутых Геродотом граждан Пароса и аркадца Демонакта.

Название διαλλακτήρ (διαλλακτής) применялось в V в. до н.э. в драматургии по отношению к богам, выступавшим в качестве третейских судей в мире богов и людей. Античные комментаторы также зачисляют в диаллакты царей Одиссея, Нестора и старейшин (в драматических произведениях V в. до н.э. их действия охарактеризованы описательно). В нарративных источниках (начиная с третьей четверти IV в. до н.э.) диаллактами (избранными или назначенными своими общинами) названы занимавшие государственные должности Солон и Арат. Основной задачей их деятельности в качестве диаллактов-посредников было примирение сторон и урегулирование вопросов, связанных с изгнанниками (возможность возвращения, восстановление в политических и имущественных правах). Филодем употребляет однокоренной глагол для описания действий приглашённого спартанцами с Сицилии Стесихора. Для приглашённых посредников-примирителей, как было показано выше, авторы V в. до н.э. использовали слово «катартистер» и однокоренные ему глагольные формы, Филодем уже не чувствовал этого различия. В большинстве случаев, начиная с авторов V в. до н.э., существительное диаллакт употреблялось по отношению к сторонним посредникам при заключении международных договоров, а однокоренные глагольные формы в значении «примириться», «заключить договор».

Что же касается существительного αἰσυμνήτης, то им посредники обозначаются начиная с Аристотеля, причём это граждане, избранные своим полисом для устранения смуты (Питтак, Эпимен), к тому же про обоих источники сообщают об их чрезвычайных полномочиях, полновластии в отношении изгнанников. В этой связи хотелось бы заметить, что в отношени катартистеров и диаллактов (как посредников во внутриобщинных распрях – например, Демонакт, Солон) архаической эпохи у античных авторов (независимо от времени их жизни) нет сведений о характере предоставляемых им полномочий (лишь описание конкретных мероприятий), однако есть данные о том, что их деятельность получила санкцию дельфийского святилища. Интересно заметить, что античные источники не сообщают о насильствен-

[56] *Зайцев А.И.* Указ. соч. С. 47.

ной смерти или каком-то ущербе, причинённом посредникам неудовлетворенной стороной, или об отказе выполнить обязанности посредника. О диаллактах эллинистической поры – наоборот, исчезают сведения о поддержке со стороны дельфийского святилища, зато появляется конкретика в описании и характеристике полномочий (Арат). В связи с эсимнетами неизвестно ни одного упоминания о том, чтобы их деятельность как социальных посредников была санкционирована дельфийским оракулом. Можно предположить, что в такой смене/отсутствии данных кроется ответ на вопрос, достаточно ли было религиозного авторитета Дельфов, чтобы исполнить роль социального посредника, или нужен был особый механизм в виде экстраординарной магистратуры. Для архаической эпохи религиозного одобрения и поощрения было достаточно, к тому же надо иметь в виду, что механизмы внутреннего урегулирования политической жизни общины до конца не были разработаны, поэтому источники их и не могут охарактеризовать. В постархаическое время эти механизмы получили законченный вид, что нашло отражение не только в данных источников о диаллактах эллинистического времени (Арат), но особенно в информации Аристотеля и Николая Дамасского об эсимнетах архаической поры.

E.Y. Solomatina

ANCIENT LITERARY TRADITION ON MEDIATORS AND MEDIATION IN ANCIENT GREECE

The author focuses her attention on the main definitions of the Greek literary tradition for social mediators: καταρτιστήρ, διαλλακτήρ (διαλλακτής), αἰσυμνήτης. Analyzing the evidence of the tradition the author makes an attempt to answer the following questions: to whom the ancient tradition applied these definitions, and respectively were they used as synonyms or not, what was the difference between their usage and what it could imply and upon what it could depend.

И.Е. Суриков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ГОРОДОВ В РЕГИОНЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ*

1. Основание городов на Геллеспонте в ходе Великой греческой колонизации.

В VIII–VII вв. до н.э. одним из основных направлений широкомасштабного колонизационного движения греков было, как хорошо известно, направление северо-восточное. В процессе колонизации, в частности, покрываются эллинскими городами побережья Геллеспонта (Дарданелльского пролива).

Приведем меткое замечание известного специалиста по древнегреческим колониям Э. Грехэма[1]: в силу ряда факторов (близость к Балканской Греции, климатические условия) регион Черноморских проливов был, казалось бы, территорией, почти идеально подходящей для колонизации. Тем не менее реальное освоение эллинами этих земель шло достаточно медленно и далеко не столь «взрывообразно», как, например, колонизация Южной Италии и Сицилии, а позднее – побережий Боспора Киммерийского. Грехэм видит в этом подтверждение принципа, согласно которому маршруты греческого колонизационного движения определялись в большей степени политическими, а не географическими факторами.

Приведем вначале сводку обстоятельств основания важнейших городов на Геллеспонте (в алфавитном порядке)[2], чтобы затем, сопоставляя эти данные, можно было сделать наблюдения о характере процесса.

Абидос: «был основан милетянами с разрешения лидийского царя Гигеса, ибо эта местность и вся Троада были ему подвластны» (*Strabo*

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 08-01-00080а «Великие проливы древней ойкумены: историко-географический, религиозно-мифологический, политико-экономический аспекты».

[1] *Graham A.J.* The Colonial Expansion of Greece // CAH². 1982. Vol. 3. Pt. 3. P. 118.

[2] Сводка базируется в основном на следующих исследованиях: *Roebuck C.* Ionian Trade and Colonization. N.Y., 1959. P. 109 ff.; *Bérard J.* L'expansion et la colonisation grecques jusq'aux guerres médiques. P., 1960. P. 95 ss.; *Graham A.J.* The Colonial Expansion... P. 119 f., 160 ff.; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main, 1983. S. 32 ff.; *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 159 ff.; *Tsvetkova J.* Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit // Thracia. 2000. Vol. 13. S. 431–462; *Tsetskhladze G., Hargrave J.* Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // Gaudeamus igitir: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 392 слл.

XIII.590). Таким образом, метрополия города указана expressis verbis, равным образом дана и достаточно точная датировка: Гигес стал царем Лидии в первой половине 660-х гг. до н.э., а погиб около 645–643 гг. до н.э.[3] Причем резоннее относить рассматриваемое событие ко второй половине его правления, нежели к первой, ибо вряд ли Гигес овладел Троадой моментально после своего прихода к власти. Таким образом, датирование основания Абидоса серединой VII в. до н.э, видимо, будет наиболее взвешенным. Интересно, что Абидос тем не менее упоминается у Гомера (Il.II.836 – вместе с Сестом; Il. XVII.584), и данный факт – лишнее свидетельство о том, насколько всё не просто с хронологией гомеровского эпоса, насколько легко встретить в нем интерполяции, сделанные позже VIII в. до н.э. – времени, когда, как традиционно считается, поэмы в основном обрели свой облик[4].

Алопеконнес: «эолийский град» (*Ps.-Scymn.* 706). По выкладкам Б. Исаака[5], был основан эолийцами с Лесбоса и из Кимы до середины VI в. до н.э. Город, строго говоря, нельзя считать вполне геллеспонтским, так как он лежит на западном берегу Херсонеса Фракийского. Однако ввиду большой узости этого полуострова на нем, в общем-то, не было поселений, которые находились бы вне всякой связи с проливом. Демосфен утверждает, что «Алопеконнес… был всегда нашим (афинским. – *И.С.*) владением» (XXIII.166). Но он, говоря «всегда», имеет в виду, безусловно, период, начинающийся с тех пор, как Херсонесом овладел Мильтиад Старший.

Кардия: основана Милетом и Клазоменами, позже имело место повторное основание афинянами, в период правления Мильтиада на Херсонесе Фракийском (*Ps.-Scymn.* 699–702). Что же касается первого основания (а здесь нас интересует именно оно), нигде в источниках не обозначено его время, и ответственно датировать событие более точно, чем периодом Великой греческой колонизации, не представляется возможным. В связи с географическим положением Кардии (расположенной не на самом Геллеспонте, но неподалеку от него, на узком перешейке), смотри то, что было сказано выше в связи с Алопеконнесом. О важном стратегическом положении города на Херсонесе Фракийском ср. также: *Demosth.* XXIII.181–182.

Колоны: колония милетян (*Strabo* XIII.589). Время основания неизвестно. Колоны и соседний Пес находились между Лампсаком и Парием.

---

[3] *Грантовский Э.А.* Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М., 1998. С. 157–158.

[4] Впрочем, не столь давно была выдвинута точка зрения, согласно которой «Илиада» написана в Афинах в эпоху Солона (*Sauge A.* "L'Iliade", poème athénien de l'époque de Solon. Bern, 2000). Подобная идея, высказанная в столь категоричной форме, безусловно, являет собой досадную крайность. Тем не менее хорошо известно, что в Афинах и при Солоне, и при Писистрате велась работа над гомеровским эпосом, подразумевавшая в том числе и интерполяции. Об афинском же интересе к региону Геллеспонта, зафиксированном уже с конца VII в. до н.э., лишний раз напоминать не приходится.

[5] *Isaac B.* Op.cit. P. 291.

Лампсак: основан фокейцами, как авторитетно свидетельствует ряд источников, в том числе уроженец города, один из первых античных историков Харон Лампсакский (FGrHist. 262. F7). В качестве даты основания в литературе фигурирует 654 г. до н.э.[6] Об обстоятельствах основания известно мало достоверного; нам представляется возможным, что они были такими же, как у Абидоса или, во всяком случае, схожими. Правда, согласно легенде об основании Лампсака[7], город будто бы был назван в честь туземной правительницы Лампсаки[8], которая помогла колонистам-фокейцам обосноваться на новом месте. Однако перед нами достаточно спорный с точки зрения исторической достоверности эпизод; позволительно считать эту легенду образчиком ложной народной этимологии. Возможно, впрочем, что название города – догреческое, и, следовательно, до появления эллинов здесь существовало местное поселение. Страбон (XIII.589) приводит о Лампсаке еще некоторые данные, но они в сравнении со свидетельствами, восходящими к Харону, не создают впечатления достоверных: якобы город ранее именовался Питиуссой, а жители его – родом из Милета.

Лимны: «милетская колония» (*Ps.-Scymn.* 705). Время основания неизвестно. В связи с географическим положением города см. то, что сказано было выше об Алопеконнесе.

Мадит: основан лесбосцами (*Ps.-Scymn.* 709–710, упомянут вместе с более значительным Сестом). До появления греческой колонии, скорее всего, существовал как фракийское поселение. Во всяком случае, название города явно негреческое и, скорее всего, коррелирует с названием фракийского племени мадуатенов (*Liv.* XXXVIII.40.7). Вообще, многое из того, что будет ниже сказано о Сесте, относится и к Мадиту, в том числе и соображения относительно времени основания.

Парий: согласно Страбону (XIII.588), «был основан милетянами, эрифрейцами и паросцами». Таким образом, перед нами случай совместной колонизационной акции; можно полагать, что ведущая роль при этом принадлежала милетянам[9]. Название город, тем не менее, получил в честь другой своей метрополии – Пароса. Парий – самый северный геллеспонтский полис (он находился на азиатском берегу пролива в том месте, где тот уже начинает расширяться в Пропонтиду), тем не менее

---

[6] *Bérard J.* Op.cit. P. 99; *Graham A.J.* The Colonial Expansion… P. 162.

[7] По поводу легенд об основаниях греческих городов см. специальное исследование: *Schmid P.B.* Studien zu griechischen Ktisissagen. Diss. Freiburg, 1947. См. также работу, в которой оспаривается популярный тезис, согласно которому в архаической Греции имелся такой литературный жанр, как легенды об основаниях городов: *Dougherty C.* Archaic Greek Foundation Poetry: Questions of Genre and Occasion // JHS. 1994. Vol. 114. P. 35–46.

[8] На это делается чрезмерный, на наш взгляд, акцент в работе: *Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. Vol. 63. P. 117–119.

[9] К вопросу о метрополиях Пария см.: *Forrest W.G.* Colonisation and the Rise of Delphi // Historia. 1957. Bd. 6. Ht. 2. S. 170.

является, согласно традиции, едва ли не наиболее ранней греческой колонией здесь: его основание относят к 709 г. до н.э.[10]

Пес (о положении города см. то, что было сказано в связи с Колонами): по словам Страбона (XIII.589), город был колонией милетян. Однако поскольку именно в этом месте у географа содержится ошибочная милетская атрибуция греческой колонии в Лампсаке, то, соответственно, неизвестно, можно ли ему доверять и относительно Песа. Во всяком случае, этот городок упоминается уже у Гомера (Il. V.612; возможно, также Il. II.828 – Апес), что, кстати, является единственным косвенным указанием (причем расплывчатым) на время появления поселения.

Сест: основан лесбосцами (*Ps.-Scymn.* 709–710). Точная датировка основания отсутствует; Б. Исаак осторожно относит его ко времени до середины VI в. до н.э.[11] Думаем, что можно говорить и о несколько более ранней эпохе (VII в. до н.э.) и приурочивать возникновение греческого города здесь примерно к тому же времени, что и появление Абидоса на противоположном берегу. Вероятно, на месте Сеста ранее находилось фракийское поселение с тем же названием. Сест упоминается уже Гомером (Il. II.836), но см. по этому поводу то, что было сказано выше в связи с Абидосом.

Сигей: основан эолийцами (лесбосцами?) не позднее VII в. до н.э. В конце этого столетия становится главным объектом афинских притязаний на Геллеспонте; туда высылается из Афин колонизационная экспедиция во главе с олимпиоником Фриноном. На этом хорошо известном факте, равно как и на борьбе за город, которая развернулась между митиленянами и афинянами и завершилась победой последних, мы здесь специально не останавливаемся[12].

Элеунт: основан афинянами (*Ps.-Scymn.* 707–708). В качестве ойкиста у Псевдо-Скимна назван некий Форбоон. Такого имени не существует, и, по согласному мнению исследователей, следует говорить об искажении переписчиками имени Фринона – того самого, который основал Сигей. Таким образом, этот лидер экспедиции обосновался также и на противоположном берегу пролива. Иными словами, основание Элеунта следует относить к концу VII в. до н.э. Приведем важное свидетельство Страбона (VII fr. 51): «далее, в заливе, Элеунт, где находится святилище Протесилая, а против него в 40 стадиях – Сигей, мыс Троады». Таким образом, создание Фриноном своих двух баз именно в Сигее и Элеунте не случайно – эти пункты находились как раз напротив друг друга.

Не говорим здесь о некоторых небольших городках Херсонеса Фракийского (таких, как Крифота, Пактия и др.), основанных Мильтиадом в VI в. до н.э., поскольку это относится уже к тому этапу ос-

---

[10] *Graham A.J.* The Colonial Expansion… P. 162.

[11] *Isaac B.* Op.cit. P. 291.

[12] Подробнее см. в другой нашей работе: *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 20–48.

воения побережий Геллеспонта и контроля над проливом, который можно назвать афинским. А пока обобщим приведенные данные.

Сразу бросается в глаза сосуществование в рассматриваемом регионе апойкий, выведенных эолийскими и ионийскими центрами. Иногда говорят в связи с этим о двух «волнах» колонизации Геллеспонта – эолийской и ионийской, из которых первая предшествовала, а вторая следовала за ней. В целом какое-то зерно истины в этом есть, однако, вряд ли стоит формулировать данный взгляд в чрезмерно категоричной форме, поскольку и ионийские колонии начинают появляться на Геллеспонте весьма рано, в VIII в. до н.э. (Парий), и эолийские поселения продолжают основываться до достаточно позднего времени, как минимум до VII в. до н.э. Иными словами, «волны», во всяком случае, накладываются друг на друга.

Можно ли уловить какую-то систему в географическом расположении эолийских и ионийских колоний в регионе? Пожалуй, можно[13]. На обоих берегах Геллеспонта эолийцы обосновываются южнее, а ионийцы – севернее. На азиатском побережье выходцы из эолийских полисов осваивают Троаду (укажем в данной связи, что и греческая Троя, возникшая в VIII в. до н.э., была эолийской), что вполне естественно, поскольку эта область фактически примыкала к Эолиде в собственном смысле слова. Но севернее Сигея, в Геллеспонтской Фригии, встречаем исключительно ионийские поселения (Абидос, Колоны, Пес, Парий), в основном милетские (за исключением фокейского Лампсака). Аналогичная картина и на Херсонесе Фракийском: Мадит, Сест, Алопеконнес – эолийские колонии (преимущественно лесбосские), а расположенные севернее Лимны и Кардия – ионийские (милетские). Афинский Элеунт на крайнем юге полуострова как бы вклинивается чуждым элементом в эту довольно стройную систему, становясь, по сути, предвозвестником нового этапа в истории Херсонеса, протекавшего «под знаком Афин».

Разумеется, мы можем только гадать, каким образом эолийцы и ионийцы распределяли между собой геллеспонтские территории. Можно ли говорить о каком-то рациональном факторе, о договоренностях по разделу «сфер интересов»? Или же всё происходило стихийно: милетяне и их сородичи просто приходили туда, где еще не обосновались эолийцы? Во всяком случае, система распределения колоний все-таки побуждает говорить скорее о кооперации, чем о соперничестве.

При этом есть все основания с достаточной долей уверенности констатировать существенное различие в характере эолийской и ионийской колонизации Геллеспонта. Эолийцев, насколько можно судить, земли на берегах пролива интересовали сами по себе, то есть их колонизация имела вполне аграрный характер. Ионийская же колонизация здесь, как и в других местах, была феноменом более сложным,

---

[13] См. интересные наметки: *Myres J.L.* The Colonial Expansion of Greece // CAH. 1929. Vol. 3. P. 657 ff.; *Graham A.J.* The Colonial Expansion... P. 118 ff.

комплексным и многогранным. В ней изначально, насколько можно судить, присутствовал мотив освоения морского пути в Понт.

Разумеется, никак нельзя утверждать, что этот мотив был единственным. Иначе не появились бы милетские поселения в Кардии и Лимнах, которые выходят не на геллеспонтский, а на противоположный берег Херсонеса Фракийского. Но тем не менее всё же вряд ли можно трактовать появление ионийских колоний на Геллеспонте вне всякой связи с понтийским маршрутом. О его важности для Милета уже в начальный период Великой греческой колонизации свидетельствует тот факт, что Кизик в Пропонтиде (а в нее плыли, естественно, через Геллеспонт) впервые был основан милетянами весьма рано – в середине VIII в. до н.э. Более того, традиция, относящая к тому же столетию возникновение Синопы в Южном Понте (тоже милетской апойкии), признается ныне достоверной[14].

Как бы то ни было, если Геллеспонт уже в архаическую эпоху использовался эллинами в качестве морского пути (в чем, как видим, нет оснований сомневаться), это предполагает их попытки установить более или менее эффективный контроль над проливом с целью обеспечения безопасности плавания. Некоторые факты должны быть интерпретированы именно в этом смысле. Имеем в виду, прежде всего, основание Сеста и Абидоса напротив друг друга, причем в одной из самых узких теснин Геллеспонта. Мы не знаем в точности, какой из двух центров появился раньше и какой хронологический промежуток разделяет их колонизацию. Отметим только, что метрополии этих колоний разные – соответственно Лесбос и Милет, – но выше мы высказали мысль о возможной согласованности, скоординированности их действий.

Следующий пассаж Страбона (XII.565) очерчивает, – впрочем, довольно схематично – историю потестарных отношений на азиатском берегу Геллеспонта: «…В разные времена эти племена находились под властью разных правителей, причем одни властители объединяли их, другие же дробили на части. Действительно, после взятия Трои над ними господствовали фригийцы и мисийцы; позднее – лидийцы, после них эолийцы и ионийцы, потом персы и македоняне и наконец римляне».

Итак, здесь говорится о первоначальном преобладании фракийских племен[15], потом – об эолийско-ионийском освоении региона, которое рассматривалось только что. В промежутке Страбон помещает период лидийского контроля. В связи с этим последним необходимо сказать следующее.

Как упоминалось выше, Абидос – один из ключевых пунктов на Геллеспонте – был основан милетянами с позволения Гигеса, первого

---

[14] *Drews R.* The Earliest Greek Settlements on the Black Sea // JHS. 1976. Vol. 96. P. 18–31; *Иванчик А.И.* Основание Синопы. Легенды и история в античной традиции // ВДИ. 2001. № 1. С. 139–153.

[15] О нем см.: *Akurgal E.* Recherches faites à Cyzique et à Ergili (au sujet de la date de l'expansion ionienne) // Anatolia. 1956. Vol. 1. P. 16.

лидийского царя из династии Мермнадов[16]. Иными словами, регион тогда принадлежал Лидии[17]; однако, надо полагать, в тот раз он попал в ее состав ненадолго. Напомним о вторжении киммерийцев, под натиском которых едва устояло само Лидийское царство, сильно уменьшившись в размерах. Повторное обладание азиатским берегом Геллеспонта было обретено, вероятно, уже в царствование Алиатта. В любом случае, такое обладание еще не означало для Лидии контроля над проливом, поскольку это государство не имело флота (*Hdt.* I.27).

Правда, последний лидийский владыка Крез, возможно, вынашивал планы сделать подвластным себе и европейский берег Геллеспонта, превратить в свой форпост там Херсонес Фракийский: оказав покровительство тогдашнему правителю полуострова Мильтиаду Старшему, он фактически обрел в нем вассала[18]. Но это происходило уже в контексте «афинского» периода борьбы за Геллеспонт, к которому мы в данной статье не обращаемся. А пока отметим, что процитированное чуть выше место из Страбона содержит в себе, как выясняется, некоторую неточность. Нельзя говорить об отдельных лидийском и эолийско-ионийском периодах истории пригеллеспонтского региона. Присутствие там лидийцев и эллинов в действительности хронологически накладывается друг на друга. Превалирующей оказывается то одна, то другая сторона: при Гигесе и, начиная с Алиатта, этой превалирующей стороной являются лидийцы, в промежуточный же период, в обстановке «киммерийского хаоса», – очевидно, греки.

2. К интерпретации хлебных символов на монетах греческих городов зоны Черноморских проливов.

Отправной точкой (точнее, если можно так выразиться, «точкой отталкивания») для данной заметки послужили некоторые положения интересной статьи видного отечественного специалиста по античной нумизматике М.Г. Абрамзона[19]. В ней автор разбирает изображение символики, связанной с хлебом (зерен, колосьев и т.п.) как на греческом, так и на римском материале, привлекает широкий спектр данных и в конце концов приходит к следующему выводу: «…Во все эпохи, в любом случае, символы хлебного производства и торговли изображались на монетах только тех полисов и стран, которые являлись либо традиционными центрами сбыта зерна на рынки ойкумены, либо центрами культов, связанных с земледелием»[20]. Не беремся судить,

---

[16] О контексте события ср.: *Graham A.J.* Patterns in Early Greek Colonisation // JHS. 1971. Vol. 91. P. 41; *Суриков И.Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 65.

[17] *Roebuck C.* Op. cit. P. 51.

[18] *Суриков И.Е.* Черноморское эхо… С. 65–66.

[19] *Абрамзон М.Г.* Хлебная торговля и ее символы на античных монетах (по поводу «коммерческой теории» В. Риджвэя) // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 77–89.

[20] Там же. С. 85.

насколько этот тезис подтверждается римскими монетами; вполне возможно, что так оно и есть. Однако в том, что касается монет греческого мира, как нам представляется, ответственный тезис М.Г. Абрамзона выглядит чрезмерно категоричным, подтверждающимся не всюду и не всегда – не «во все эпохи» и не «в любом случае».

Для обоснования своей идеи исследователь, как нами уже было отмечено, приводит достаточно обширный нумизматический материал, который в ряде случаев выглядит вполне бесспорным. Скажем, всем прекрасно известные монеты Метапонта в Южной Италии[21], начиная еще с поздней архаики несут великолепное изображение колоса. На некоторых монетах Сиракуз и других городов Сицилии колосья и/или зерна присутствуют в качестве дополнительных элементов.

Другой аналогичный пример – чеканки полисов Северного Причерноморья. Здесь можно указать (как и делает М.Г. Абрамзон) нумизматические памятники как из Пантикапея, так и из других городов Боспора – Фанагории, Синдики[22], – а также Ольвии и Тиры. Здесь мы встречаем изображения и зерна, и колоса, и плуга, и венка из колосьев. И не возникает никакого сомнения, что всю эту хлебную символику напрямую следует ассоциировать прежде всего с производством и экспортом хлеба, поскольку оба вышеназванных региона – и Великая Греция (включая в данном контексте в это понятие и Южную Италию, и Сицилию), и Северное Причерноморье, – по вполне солидарному в историографии и совершенно верному мнению, действительно принадлежали к числу важнейших житниц всего античного мира[23].

Однако наряду с этими, повторим, совершенно очевидными примерами, М.Г. Абрамзон при обосновании своего вышеуказанного тезиса оперирует также и иными данными, которые, на наш взгляд, в ряде случаев позволяют и существенно иную, возможно, более вероятную интерпретацию. Имеем в виду античные монеты полисов, располагавшихся в зоне Черноморских проливов (будем обозначать так совокупность Геллеспонта, Пропонтиды и Боспора Фракийского). В статье М.Г. Абрамзона приведен довольно обильный и репрезентативный материал; имеет смысл вкратце перечислить и охарактеризовать интересующие нас памятники. Подчеркнем, что в датировках рассматриваемых монет мы повсюду будем следовать М.Г. Абрамзону,

---

[21] См. о них хотя бы в фундаментальном труде: *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 162 ff.

[22] Не можем здесь вдаваться в чрезвычайно дискуссионный вопрос о так называемых «синдских» монетах, поскольку это увело бы нас слишком далеко от основной тематики статьи. Просто обозначим вкратце свою позицию, без специальной аргументации: по нашему мнению, монеты, о которых идет речь, чеканены гражданской общиной греческого полиса, а не Синдским царством.

[23] Пожалуй, важнейшая в мировой историографии на сегодняшний день работа по рассматриваемой проблематике в целом – это: *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambr., 1989. В монографии Гарнси немало неортодоксальных, даже провокационно-«еретических» мыслей. Однако же и он не отрицает важности указанных регионов как хлебных житниц.

поскольку нет возможности в рамках крайней заметки касаться подробно этого вопроса, а к тому же считаем эти традиционные датировки в целом близкими к истине. Расхождение наше, как уже отмечалось, лежит не в хронологической, а в интерпретативно-контекстуальной сфере.

Монеты Херсонеса Фракийского (480–350 гг. до н.э.) несут изображение зерна[24]. Аналогичное изображение – на монетах херсонесского города Кардии (350–309 гг. до н.э.)[25], а на монетах Алопеконнеса, еще одного полиса на том же полуострове (300–250 гг. до н.э.), – изображение лисы и пшеничного колоса[26]. Отметим в данной связи, что лиса (ἀλώπηξ) здесь, несомненно, символизирует название города (переводящееся дословно как «Лисий остров»), но нас интересует, естественно, именно колос.

Обратимся, далее, к городам восточного побережья проливов. В таком крупном центре, как Калхедон (Халкедон) встречаем драхму с изображением колоса (400–350 гг. до н.э.)[27]. Не менее знаменитый Кизик имел на монетах IV–II вв. до н.э.[28] на аверсе венок из колосьев на голове почитавшейся в городе Коры-Персефоны, на реверсе же – колос в качестве дополнительного элемента. На монетах Абидоса зафиксировано пшеничное зерно[29], на монетах Пария (II в. до н.э.) – пшеничный колос[30]. В перечне, который мы приводим, фигурирует ряд городов Троады. В их числе – сам греческий Илион (монеты с Афиной и колосом)[31], а также Дардан (IV в. до н.э., пшеничный колос)[32], Асс (IV в. до н.э., колос)[33], Неандрия (изображение зерна)[34].

Итак, материал действительно обширный и, можно даже сказать, впечатляющий. Пожалуй, немного найдется таких регионов античного мира, в которых на полисных монетах столь часто, чтобы не сказать настойчиво, повторяются мотивы, связанные с хлебом. Но главный вопрос, к которому мы именно теперь-то и обращаемся, заключается в том, как объяснить этот феномен. Сам М.Г. Абрамзон приводимые им данные комментирует вполне однозначно. По поводу монет Херсонеса Фракийского: «Земли Херсонеса Фракийского издревле славились высокими урожаями зерновых культур, что провоцировало повышенный к этому региону интерес Афин и Спарты»[35]. Схожее объяснение – и в связи с монетами городов азиатского побережья Черноморских проливов»: «Чеканка полисов малоазийского побережья Гел-

---

[24] *Абрамзон М.Г.* Указ. соч. С. 82, а также с. 90. Табл. 1, 15.
[25] Там же. С. 82, 90. Табл. 1, 14.
[26] Там же. С. 82 (иллюстрации нет).
[27] Там же. С. 80, 90. Табл. 1, 10.
[28] Там же. С. 82 (иллюстрации нет).
[29] Там же. С. 82 (иллюстрации нет).
[30] Там же. С. 82 (иллюстрации нет).
[31] Там же. С. 83 (иллюстрации нет).
[32] Там же. С. 82 (иллюстрации нет).
[33] Там же. С. 83 (иллюстрации нет).
[34] Там же. С. 83 (иллюстрации нет).
[35] Там же. С. 82.

леспонта и Пропонтиды также показывает, что экономика региона основывалась на земледелии и торговле зерном»[36]. Таковы, повторим, принципиальные тезисы М.Г. Абрамзона, однако, они, на наш взгляд, нуждаются в определенной корректировке.

Прежде всего, хотя прибрежные регионы Черноморских проливов – будь то берег европейский или азиатский – и описываются в источниках как местности довольно плодородные, но степень этого плодородия всё же не следует преувеличивать: рассматриваемая область никогда не входила в число местностей, являвшихся важнейшими производителями и экспортерами зерна в античном мире. Статус «всеобщей житницы», в отличие от той же Сицилии, или Северного Причерноморья, или Египта она никоим образом не имела – это можно утверждать со всей ответственностью. Там отсутствовало главное условие для по-настоящему широкомасштабного, ориентированного на экспорт земледелия – практически не было обширных равнин с хорошей почвой, обильно орошаемых пресными водами.

Естественно, хлеб в регионе Черноморских проливов выращивался, с чем тоже никак нельзя спорить. Но получали его вряд ли в таких масштабах, которые могли бы позволить вывоз, тем более в значительных размерах. Соответственно, греческие города данной зоны, даже в совокупности, не могли претендовать на положение крупнейших агентов на античном зерновом рынке. А между тем обилие хлебной эмблематики на их монетах все-таки настолько велико, что не может не броситься в глаза. С чем-то оно должно ведь быть связано? А объяснение, предлагаемое М.Г. Абрамзоном, как видим, не представляется предельно убедительным, в нем есть элементы упрощения; соответственно, есть смысл подумать об альтернативных причинах.

Какого рода они могли быть? Для отдельных частных случаев, разумеется, можно резонно постулировать связь хлебной символики на тех или иных монетах с важными земледельческими культами. Именно таков упоминавшийся выше пример Кизика – города, в котором играл значительную роль культ Деметры и Коры, хтонических земледельческих божеств. Но такая связь, подчеркиваем, объясняет и обусловливает только данный конкретный случай. Если бы монеты с хлебной символикой в регионе фиксировались только в Кизике, то проблему можно было бы считать решенной. Однако, напомним, кроме Кизика речь шла и о Калхедоне, и об Абидосе, и о целом ряде других городов, в которых аналогичной ситуации не было. Какова же могла бы быть интерпретация рассматриваемых изображений, которая непротиворечиво истолковала бы все вышеупомянутые реалии, а не только какие-то из них?

Здесь неизбежно приходится выйти на общий историко-географический аспект проблемы. М.Г. Абрамзон совершенно прав, когда говорит о повышенном интересе Афин к зоне Черноморских

[36] *Абрамзон М.Г.* Указ. соч. С. 82.

проливов[37]; он, правда, упоминает в этой связи еще и Спарту, но спартанское вовлечение в этот регион – отдельный вопрос. Оно было, во-первых, поздним, а во-вторых (и самое главное) – вторичным, производным от афинского. Сама по себе Спарта с экономической точки зрения не испытывала в классическую эпоху серьезной нужды в привозном хлебе. С точки зрения природных ресурсов, в том числе и хлебных, она была, пожалуй, самым богатым греческим полисом[38]. Ее территория располагалась на относительно обширных и плодородных равнинах Лаконики и Мессении, и Спарта являлась тем полисом, который в древнегреческой истории в наибольшей степени приближался (разумеется, в отдельные эпохи своего существования) к идеалу автаркии – хозяйственной самодостаточности, независимости от импорта товаров, в том числе и продуктов питания, извне.

Афины же действительно проявляли нескрываемый интерес к региону Геллеспонта, Пропонтиды, Боспора Фракийского, причем уже начиная с весьма раннего времени. Уже в архаическую эпоху, в конце VII в. до н.э., афиняне пытались вывести свою колонию в Сигей в Троаде, направив туда экспедицию. Тогда им это не удалось, но в VI в. до н.э. афинский тиран Писистрат овладел-таки Сигеем, сделав его (если употребить выражение, взятое из другого исторического периода) «доменом» своего рода. В конце VI – начале V в. до н.э. эти земли находятся под контролем ахеменидской Персии, но уже сразу после разгрома Ксеркса в 480–479 гг. до н.э. афинские суда направляются к побережьям Черноморских проливов. Там ведутся успешные военные действия, и в достаточно недолгом времени полисы «проливной» зоны полностью подпадают под афинское влияние, становятся членами Делосского союза, перерастающего затем в Афинскую архэ. То, что мы сейчас излагаем, – общеизвестные аксиомы, вряд ли нуждающиеся даже в каких-либо ссылках.

Чем же была вызвана эта бесспорная заинтересованность Афин в рассматриваемом регионе? И на этот вопрос можно ответить вполне однозначно. Афинский интерес обусловливался не плодородием и процветанием земледелия в самой зоне Черноморских проливов, а тем, что она была «ключом к Понту», «хлебным путем», по которому осуществлялось снабжение афинского полиса (да и не только его, естественно) северопричерноморским зерном, в первую очередь с Боспора Киммерийского. Именно этот «хлебный путь» старались Афины

---

[37] Ср., в частности: *Касаткина Н.А.* Афинское поселение в Херсонесе Фракийском (VI в. до н.э.) // Из истории античного общества. 1986. Вып. 5. С. 39–50; *она же.* Афинские владения на северном берегу Геллеспонта // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского: Материалы международной конференции. Ч. 1. Н. Новгород, 2001. С. 56–65; *Hammond N.G.L.* The Philaids and the Chersonese // CQ. 1956. Vol. 6. No. 3/4. P. 113–129; *Rubel A.* Hellespontophylakes – Zöllner am Bosporos? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG I³ 61) // Klio. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 39–51.

[38] *Андреев Ю.В.* Эгейский мир: природная среда и ритмы культурогенеза. М., 1995. С. 11; *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 212.

держать под контролем, когда они имели такую возможность. Прекрасно известно из самых разных источников о крупномасштабной боспоро-афинской хлебной торговле в IV в. до н.э. Для V в. до н.э. источниковых данных такого рода по ряду причин гораздо меньше, но нет оснований предполагать, что и в «Перикловвек» проблема привозного хлеба, потребность демоса в этом основном продукте питания в Афинах была менее острой. В V в. до н.э., до опустошений Пелопоннесской войны, население Аттики было, бесспорно, больше, чем в следующем столетии[39], а, с другой стороны, по-настоящему высокоразвитая инфраструктура аттической хоры, позволявшая получать более высокие урожаи «дóма», до IV в. до н.э. еще не начала создаваться[40].

В качестве следствия всего вышеобозначенного можно указать постоянно расширявшееся проникновение Афин в Понт через зону Черноморских проливов (яркой иллюстрацией чего служит, например, знаменитая понтийская экспедиция Перикла, датируемая обычно временем около 437 г. до н.э.[41]). К моменту начала Пелопоннесской войны все города в регионе проливов входили в Афинскую архэ, вносили форос, причем некоторые из них – значительные суммы, следовательно, были богатыми и процветали[42]. На последнем этапе войны, когда Архэ начала распадаться и форос перестал поступать в Афины, те установили на Боспоре Фракийском таможенный пункт, взимая пятипроцентную пошлину с кораблей, идущих с товаром проливами из Понта, – и даже это существенно поправило афинские финансы,

---

[39] См. соответствующие выкладки (со ссылками на предшествующую литературу и некоторыми нашими собственными подсчетами): *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 473–486.

[40] *Lohmann H.* Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v.Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 515–548.

[41] В связи с этой внешнеполитической акцией можем по-прежнему сослаться на наши работы: *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114; *Surikov I.E.* Historico-geographical Questions, Connected with Pericles' Pontic Expedition // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2001. Vol. 7. No. 3/4. P. 341–366. Написаны они были довольно давно; тем не менее основных высказанных там положений мы придерживаемся и по сей день (исключая некоторые частные корректировки, см., например: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413).

[42] Эмпирические данные по раскладке фороса свидетельствуют, что, за исключением отдельных, легко объяснимых случаев (как чудовищная подать, взваленная на Эгину из соображений мести), в целом форос, взимаемый с полиса, находился в рациональном соответствии с ресурсами этого полиса: *Nixon L., Price S.* The Size and Resources of Greek Cities // The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991. P. 137–170. Литература о форосе воистину неисчерпаема, начиная со знаменитого ATL (*Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Vol. 1–4. Princeton, 1939–1953), но хотелось бы специально приветствовать появление в отечественной историографии работы, в которой эти вопросы трактуются на современном уровне: *Макарова О.М.* Культ богини Афины в Первом Афинском морском союзе. Самара, 2009.

едва ли не компенсировав потерю фороса. Уже из данного факта видно, насколько интенсивной была транзитная морская торговля через проливы[43].

Для самих городов зоны проливов причастность к этому транзиту зерна в Эгеиду из Понта Евксинского являлась, конечно, важным источником благосостояния, – не исключаем, даже главным, тем «стержнем», на котором в значительной мере зиждилась их экономика. Вне сомнения, это не могло не осознаваться и самим населением полисов. На наш взгляд, именно так и следует объяснять появление в изобилии хлебной символики на монетах городов, о которых идет речь.

Следует обратить внимание еще вот на какое обстоятельство. Исходя из традиционных (и, как мы отмечали, в целом верных) датировок, значительная, если не бóльшая, часть рассматриваемых хлебных символов на монетах полисов зоны Черноморских проливов относится к IV в. до н.э., а если конкретизировать – ко второй половине этого столетия. Полагаем, это что-то да означает. В связи с данным нюансом мы попытались бы предложить гипотезу о тех конкретных обстоятельствах, при которых это обилие хлебных символов на нумизматических памятниках городов региона вдруг возымело место. Категорично настаивать на высказываемом далее предположении (краткое изложение которого мы сознательно отложили до самого конца статьи) мы отнюдь не будем, – уже в силу того, что точные абсолютные датировки монет (в том числе, разумеется, и тех, о которых идет речь) – вещь достаточно условная. В действительности, как известно, датировки «плывут» и могут серьезно колебаться. Но если исходить из хронологии наиболее традиционной и общепринятой, то ситуация, как нам представляется, могла развиваться следующим образом.

После поражения Афин в Пелопоннесской войне и их временного ослабления[44] гегемоном Эллады, как известно, стала Спарта, некоторое время осуществлявшая контроль и над зоной Черноморских проливов (напомним, что и судьба войны была решена в Геллеспонте, при Эгоспотамах). В 388 г. до н.э., в ходе Коринфской войны, Спарта сделала этот свой контроль особенно прочным, укрепившись в Абидосе и Сесте и закрыв движение судов по Геллеспонту (*Xen.* Hell. V.1.28)[45].

Однако надолго спартанцам не удалось удержать прочное и надежное влияние в регионе, да не особенно-то оно и нужно было само-

---

[43] Не прерывавшаяся, следует сказать, даже в самые острые моменты греко-персидских войн, в 480 г. до н.э. См. в связи с этим: *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 255 слл.

[44] О плачевных итогах Пелопоннесской войны для Афин см.: *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. L.; Sydney, 1986; *Bleckmann B.* Athens Weg in die Niederlage: Die letzten Jahre des Peloponnesischen Kriegs. Stuttgart; Leipzig, 1998; *Spielvogel J.* Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v.Chr. Frankfurt am Main, 2001.

[45] *Garnsey P.* Op. cit. P. 134. О спартанских операциях в Геллеспонте в период Коринфской войны см. также: *Graefe F.* Die Operationen des Antialkidas im Hellespont // Klio. 1935. Bd. 28. S. 262–270.

му спартанскому полису, переживавшему всё более серьезные внутренние трудности[46]. Поэтому Спарта довольно скоро де-факто отказалась от реального преобладания в проливах, и оно возымело тенденцию вновь перетекать к Афинам, создавшим Второй Афинский морской союз[47].

В ходе так называемой Союзнической войны 357–355 гг. до н.э., в которой против Афин боролись, в числе прочих прежних союзников, и некоторые города зоны Черноморских проливов, Второй Афинский морской союз если и не распался формально, то фактически в определенной степени стал фикцией (опять же хорошо известный, хрестоматийный факт). В результате получилось так, что впервые за весьма долгий период полисы региона в полном смысле слова оказались предоставлены сами себе. И какое-то время не было силы, которая могла бы безоговорочно рассчитывать на гегемонию в этой стратегически важной зоне.

Ни Афины, ни тем более Спарта, только что утратившая Мессению, ни Фивы, недавно построившие впервые в своей истории сильный военный флот, но так-таки и не ставшие весомой силой на море, ни Македония Филиппа II, еще только начинавшая набирать грядущую мощь, ни фракийские царьки, ни персидские сатрапы, – словом, никто не мог в регионе чувствовать себя надежно. Подчеркнем, речь идет о хронологическом отрезке достаточно кратком – но все-таки имевшем место. На его протяжении шла острая конкуренция, спектр борющихся сил стал весьма широким, без какого-то преобладающего лидера. И если кто-либо получал выгоды от этого установившегося хаоса, то это были как раз сами полисы зоны проливов. Теперь они, большие и малые, могли позволить себе попытаться повысить собственную роль, не опасаясь, что некая заведомо сильнейшая держава их тут же за это «прижмет»: время было такое, что всем приходилось лавировать и избегать дерзких акций.

Выскажем в осторожной форме мысль, что в рассматриваемый краткий период в зоне Черноморских проливов реализовалось в миниатюре некое подобие «доктрины Монро»: регион и, в частности, неизбежную транзитную хлебную торговлю в нем контролировали сами полисы региона, а не кто иной, то есть не какая-либо сила извне. Насколько можно судить, в это время сами города зоны проливов (по крайней мере, те из их числа, которые были достаточно значительными) могли порой даже самостоятельно решать вопрос о направлении и распределении хлебного транзита. Могли, в конечном счете, просто закрыть проливы, и вряд ли кто-нибудь мог реально помешать им это сделать. Так что даже Афины в стратегически важном вопросе (а в IV в. до н.э. вопрос о понтийском хлебе был для них, безусловно, стра-

---

[46] См. в связи с этими трудностями: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // ПИФК. 2002. Вып. 13. С. 5–21.

[47] В изложении дальнейших событий в значительной степени опираемся на данные весьма скрупулезного исследования: *Heskel J.* The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997.

тегически важным) были в известной мере поставлены в зависимость от не столь уж крупных и сильных «проливных» полисов.

Подобное положение, как нам представляется, и могло быть зафиксировано внезапно и массированно появившимися хлебными символами в монетном деле этих городов. Подчеркиваем: предложенный и обрисованный здесь нами конкретный исторический контекст имеет сугубо гипотетический характер. Настаивать на этой гипотезе никак нельзя, хотя, считаем, она имеет право на существование[48]. В любом случае – повторим в заключение наш ключевой тезис – изображения на монетах, которые здесь рассматривались, имели отношение в большей степени все-таки не к производству и экспорту зерна, а к его транзиту через Черноморские проливы.

I.E. Surikov

ON SOME PROBLEMS OF HISTORY OF ANCIENT GREEK CITIES IN THE REGION OF THE BLACK SEA STRAITS

The paper consists of two notes. The first is devoted to foundation of cities on the Hellespont Strait in course of the Archaic Greek colonization. After considering facts connected with dates (when known) and circumstances of foundations, the author offers some thoughts on the character of the process. He examines correlation and specificity of Aeolian and Ionian colonization in the region. If the Aeolians were interested first of all in the lands near the strait, the Ionian colonization here, as elsewhere, was a more complex phenomenon. It from the very beginning included the motive of naval penetration to the Euxine.

The other note attempts to interpret abundance of representations connected with grain on coins of Greek cities of the Straits area. Despite an existing opinion (M.G. Abramzon), these representations, unlike similar ones in Magna Graecia and Northern Black Sea shore, bear relation not so to producing and exporting grain as to its transit trade from the Euxine to the Aegean through the Straits.

[48] Кстати, если она несет в себе какое-то зерно истины, то это могло бы поспособствовать уточнению датировок ряда монет региона, для многих из которых существующие датировки представляются чрезмерно широкими и расплывчатыми.

А.А. Синицын

ФУКИДИД И ГЕРОДОТ, ПОВЛИЯВШИЕ ДРУГ НА ДРУГА? (по поводу одного «интересного нюанса»)[1]

Недавно И.Е. Суриков высказал гипотезу об использовании Геродотом одной фукидидовской фразы и предположил, что *заимствованный* «фукидидизм» свидетельствует будто бы о намерении «отца истории» перенять у младшего коллеги хронологический принцип описания событий для того, чтобы продолжить свой рассказ о греко-персидских войнах[2].

В финале «Истории» Геродот подводит итог следующими словами: «И в этом году ничего более, кроме этих событий, не произошло» (*Hdt.* IX.121). Так вот, по поводу данного резюме историка И.Е. Суриков пишет: «Эта фраза также не может не привлечь к себе внимания, поскольку она *в целом совсем не характерна для геродотовского стиля*[3], но зато очень типична для Фукидида, который, в отличие от своего предшественника, описывал ход событий по годам. Запомним *данный интересный нюанс*; возможно, в дальнейшем он поможет нам *что-то лучше понять* (*sic*! – *А.С.*)»[4]. И что же позволяет понять этот «интересный нюанс», замеченный Суриковым?[5] По его мнению, Геро-

---

[1] Благодарю коллег, принявших участие в обсуждении этой темы на научных собраниях в Саратове и Санкт-Петербурге, а В.С. Кулешова, Д.А. Щеглова (С.-Петербург) и В.М. Строгецкого (Н. Новгород) – за ценные замечания. В тезисной форме основные положения этой работы были опубликованы в сборнике Харьковского университета: *Синицын А.А.* Фронтон и финал: по поводу «заимствования» Геродотом у Фукидида принципа хронологического повествования // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII международной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). Харьков, 2012. С. 58.

За помощь литературой, которая потребовалась при исследовании проблемы, автор признателен друзьям и коллегам: Ю.Н. Кузьмину (Самара), Р.В. Лапырёнку (Иркутск – Бонн/ Германия), А.В. Михайлову (Саратов – Киль/ Германия), М.Я. Ольбрыхту (Жешув/ Польша), В.П. Никонорову, М.Н. Химину и М.М. Холоду (С.-Петербург).

[2] *Суриков И.Е.* Последние главы «Истории» Геродота и вопрос о степени завершенности его труда // Gaudeamus igitur: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 356–363; *он же.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 271–279. Далее следуют ссылки на второй из названных здесь сборников, в котором «глава» 9 полностью повторяет статью 2010 года в «Gaudeamus'е».

[3] Здесь и далее во всех цитатах, приводимых в статье, курсив и подчеркивания автора.

[4] *Суриков И.Е.* Очерки об историописании… С. 276–277.

[5] В эпилоге книги о Геродоте И.Е. Суриков (Геродот. М., 2009. С. 366, 368–371) помещает тот же материал, что и в статье «Последние главы "Истории" Геродота…» (2010 = 2011, см. выше примеч. 2); однако в 2009 г. он ещё не обратил внимания на «интересный нюанс» в Hdt. IX.121 или посчитал обсуж-

дот «намеревался, *судя по всему* (т.е. используя сей «фукидидизм»! – *А.С.*), начиная с событий 478 г. до н.э., *сменить манеру изложения*, сделать ее *более строгой*, то есть рассказать о ходе дальнейших событий по годам… Не исключено, что на галикарнасца *повлияли именно приёмы повествования*, применявшиеся его младшим современником (*nota*! – *А.С.*)»[6]. Но каким образом? И здесь в примечании И.Е. Суриков поясняет: «Геродот и Фукидид были знакомы, последний хорошо знал труд своего предшественника». Что ж, с тезисом о знакомстве двух современников-историков, вероятно, можно согласиться, а вот следующее предположение Сурикова вызывает серьёзные возражения: «*Ничто не мешает допустить*, что и Геродот *был ознакомлен* с первыми историографическими опытами Фукидида (скорее всего, *самим автором*)»[7].

Итак, Фукидид как *читатель* Геродота и, более того, критически настроенный читатель его труда – взгляд верный, основывающийся на многочисленных (по большей части весьма существенных) параллельных местах в двух первых «Историях» и «репликах» Фукидида на галикарнасского предтечу. Только что опубликованная статья Ф. Стадтера так и называется «Фукидид как “читатель” Геродота»; сопоставляя тексты и принципы двух историков американский ученый утверждает, что «мы должны учитывать некоторые особенности в “Истории” Фукидида, которые, кажется, являются явным ответом Геродоту»[8]. С. Хорнблауэр привел список таких совпадений, «предложенных, обсужденных, принятых или отвергнутых современными учеными», и этот список (со ссылками на десятки работ по классической историографии) содержит почти полторы сотни случаев (!) разной степени убедительности[9]. Правда, все фукидидовские отсылки к галикарнасскому историку даны без указания имени «адресата», но для интеллектуальной эллинской (в первую очередь, конечно, афинской) аудитории, на которую ориентировался Фукидид, они, вероятно, были очевидны и понятны. Ведь на это и рассчитывал афинский историк, состязаясь со своим старшим коллегой.

дение такового специфически научным, а потому и неуместным в книге, рассчитанной на широкий круг читателей (?). См. рецензию: *Строгецкий В.М.* Рецензия на книгу И.Е. Сурикова «Геродот», изданную в серии «Жизнь замечательных людей». М., 2009 // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета Приволжского федерального округа. Н. Новгород, 2012. Вып. 3–4. С. 159–168.

[6] *Суриков И.Е.* Очерки об историописании… С. 278.

[7] Там же. С. 278–279. Примеч. 20.

[8] *Stadter Ph.A.* Thucydides as «Reader» of Herodotus // Thucydides and Herodotus. Oxf., 2012. P. 39–66, здесь – p. 44. Далее я буду обращаться к этому исследованию Ф. Стадтера и опираться на его выводы. См. также статью Карло Скардино: *Scardino C.* Indirect Discourse in Herodotus and Thucydides // Ibid. P. 67–96.

[9] *Hornblower S.* Introduction // Idem. A Commentary on Thucydides. Vol. 2: Books IV–V. 24. Oxf., 1996 (2004). P. 137–145 (Annex *B*). Сопоставление авторских приёмов, сюжетов и выражений в двух первых «Историях» см.: http://www.gottwein.de/Grie/thuk/ thuk0002.php.

В целом проблема Фукидид–Геродот в этом аспекте достаточно полно изучена в современной зарубежной историографии[10]. Итоговым изданием можно назвать коллективный труд, подготовленный Э. Фостер и Д. Латайнером, который специально посвящен двум первым европейским историкам[11]. Есть работы по данной теме и в отечественном антиковедении[12]. Несомненно, «История Пелопоннесской

---

[10] Литература о связях Геродота и Фукидида, о сопоставлении их методов, мотивов и мировоззрений колоссальна. Назову наиболее важные исследования только за последние три десятилетия: *Hunter V.J.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982; *Canfora L.* Tucidide erodoteo // Quaderni di Storia. 1982. Vol. 16. P. 77–84; *Malitz J.* Thukydides Weg zur Geschichtsschreibung // Historia. 1982. Bd. 31. S. 264 ff.; *Hornblower S.* Thucydides. L., 1987. P. 13–33, 93 ff.; *Lateiner D.* The Historical Method of Herodotus. Toronto, 1989; *Lendle O.* Κτῆμα ἐς αἰεί. Thukydides und Herodot // RhM. 1990. Bd. 133. S. 231–242; *López-Eire A.* De Heródoto a Tucídides // Studia historica. Historia antigua. 1990. Vol. 8. P. 75–96; *Moles J.* Truth and Untruth in Herodotus and Thucydides // Lies and Fiction in the Ancient World. Exeter, 1993. P. 88–121; *Hornblower S.* Introduction... P. 19–38, 122–145; *Scanlon Th.F.* Echoes of Herodotus in Thucydides: Self-Sufficiency, Admiration, and Law // Historia. 1994. Bd. 43. Hft. 2. P. 143–176; *Tsakmakis A.* Thucydides and Herodotus: Remarks on the Attitude of the Historian Regarding Literature // Scripta classica Israelica. 1995. Vol. 14. P. 17–32; *idem.* Thukydides VI. 54. 1 und Herodot // Philologus. 1996. Bd. 140. S. 201–213; *Fowler R.L.* Herodotos and his Contemporaries // JHS. 1996. Vol. 116. P. 62–87; *Dewald C.* The Figured Stage: Focalizing the Initial Narratives of Herodotus and Thucydides // Contextualizing Classics: Ideology, Performance, Dialogue. Essays in Honor of John J. Peradotto. Lanham, 1999. P. 221–252; *Scardino C.* Gestaltung und Funktion der Reden bei Herodot und Thukydides. B., 2007; *Rengakos A.* Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // Brill's Companion to Thucydides. Leiden; Boston, 2006 (далее – BCTh). P. 279–300; *idem.* Homer and the Historians: The Influence of Epic Narrative Technique on Herodotus and Thucydides // La poésie épique grecque: métamorphoses d'un genre littéraire. Geneva, 2006. P. 183–214; *Węcowski M.* Friends or Foes? Herodotus in Thucydides' Preface // The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres. Cambr., 2008. P. 34–57; *Baragwanath E.* Motivation and Narrative in Herodotus. Oxf., 2008. P. 82–87; *Wiater N.* The Ideology of Classicism: Language, History, and Identity in Dionysius of Halicarnassus. B.; N.Y., 2011. P. 132–154.

[11] Thucydides and Herodotus. Oxf.; N.Y., 2012.

[12] Например: *Бузескул В.П.* Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб., 2005. С. 133 сл., 138; *Жебелев С.А.* Творчество Фукидида // Фукидид. История. СПб., 1999. С. 428–475, здесь – 432, 434 слл., 441, 472; *Лурье С.Я.* Очерки по истории античной науки: Греция эпохи расцвета. М.; Л., 1947. С. 114–117, 299 сл., 302–304; *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977. С. 98 слл., 108–110; *Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 47–99, особ. 47–50 (с обзором литературы по теме с кон. XIX-го до нач. 80-х гг. XX в.), 73, 92–99; *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 119 сл. 122 сл., 126, 129; *Суриков И.Е.* «Несвоевременный» Геродот (эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143–151; *он же.* Космос – Хаос – История: типы исторического сознания в классической Греции // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 72–92; *он же.* Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 21–39; *он же.* ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ в труде Фукидида

войны» – это отклик на фундаментальный труд Геродота о греко-персидских войнах. Фукидид подражает своему предшественнику, ревностно соперничает с ним[13], и, по сути, его исследование является продолжением дела, начатого «отцом»[14].

Напротив, суждение о том, что Геродот являлся читателем или слушателем Фукидида и что последний якобы оказал влияние на галикарнасского историка, кажется парадоксальным. Во всяком случае, чтобы говорить об *обратном влиянии*, нужны убедительные доводы. Гипотеза о том, что на «отца истории» в последние годы его жизни «повлияли именно приёмы повествования, применявшиеся его младшим современником» (И.Е. Суриков), ответственна, и ежели она правдоподобна, тогда оказались бы возможными последующие ходы в обсуждении проблемы пересечений в трудах Геродота и Фукидида и в исследовании отношений двух родоначальников исторической науки. Тем более, что это предположение высказано столь крупным специалистом по греческой истории и классическому историописанию, в частности, по Геродоту, исследователем темпоральных представлений в древности, в частности, хронологии и временной терминологии у «отца истории»[15]. И от ученого, который на протяжении многих лет занимается проблемами исторического творчества Геродота, посвятил

(I.21.1) и Геродот (об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37; *он же*. Геродот… С. 210 сл., 215 сл., 225–230, 362 сл., 365 сл., 368, 371–375, 376 сл., 379, 383–385; *он же*. Очерки об историописании… С. 149–160, 161–178; 247 слл., 397 слл.; *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1: Геродот. Н. Новгород, 2010. С. 157–161.

[13] См. новое исследование об отношении Фукидида к Геродоту и эпической традиции: *Rengakos A.* Narrative and History: the Case of Thucydides // Thucydides – a violent teacher? History and its representations. Göttingen, 2011. P. 49–60. А. Ренгакос отмечает: «With respect to its scope and intention Thucydides' History adopts an *agonistic, in every sense*, stance on displaying its affiliation with the great narratives of Homeric epic and Herodotean historiography» (ibid. P. 50).

[14] См.: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея… С. 120. По большому счету, все «служители Клио» (разумеется, не только древние) суть «потомки» галикарнасского историка. Верно (хотя быть может и не столь уж строго научно) звучит название недавнего сборника по античной историографии – «Чада Геродота», подготовленного Я. Пигоном: The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres. Cambr., 2008. Ранних греческих писателей, которые творили в этом жанре до Геродота, равно как и его многочисленных коллег-современников, по праву можно назвать «догеродотиками»: никто из них не произвел такого эффекта, как великий галикарнасец, не им принадлежит «колумбовское открытие» Истории. Создателем жанра исторического рассказа, «первосвященником Клио», по праву считается Геродот. И в этом смысле Фукидид является «прямым и законным наследником» «отца истории». Благодарным ли «сыном» оказался «наследник»? – это уже другой вопрос.

[15] Например: *Суриков И.Е.* Темпоральные представления в Древней Греции полисной эпохи // Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад. М., 2010. С. 113–144; *он же*. Очерки об историописании… С. 179–211, 458 слл., 462–503.

этому серию статей и несколько монографий[16], следует ожидать умелой, взвешенной «нюансировки» сложных источниковедческих тем.

Выскажу некоторые замечания относительно предложенной И.Е. Суриковым гипотезы о планах Геродота перенять фукидидовскую манеру повествования. Не предлагаю здесь подробного анализа сюжета заключительных глав геродотовской «Истории»[17]; споры о финале длятся уже более ста лет и главная проблема – это степень завершённости труда галикарнасского историка[18]. Начну с изложения

---

[16] См. *Суриков И.Е.* Геродот…; *он же*. Очерки об историописании… С. 129–447 (переиздание статей, посвящённых непосредственно Геродоту). См. так же публикации Сурикова о Геродоте, указанные в примеч. 12, 15.

[17] Специально этой проблеме посвящена большая статья о «финале и фронтоне» произведения Геродота, работу над которой я сейчас завершаю.

[18] Сошлюсь на недавние работы, в которых подводятся итоги дискуссии по этому вопросу: *Herington J.* The Closure of Herodotus' *Histories* // Illinois Classical Studies. 1991. Vol. 16. P. 149–160; *Dewald C.* Wanton Kings, Pickled Heroes, and Gnomic Founding Fathers: Strategies of Meaning at the End of Herodotus' *Histories* // Classical Closure: Reading the End in Greek and Latin Literature. Princeton, 1997. P. 62–82; ср.: *Flower M.A., Marincola J.* Herodotus: Histories Book IX. Cambr., 2002. P. 310 f., ad loc. Hdt. IX.121 – со ссылкой на указанную выше статью К. Дэвальд. См. также публикации И.Е. Сурикова, названные выше в примеч. 2. Замечу, что ни какие-либо комментарии к Геродоту и Фукидиду, ни обобщающие исследования Херингтона и Дэвальд при обсуждении финала «Истории» Суриков почему-то не учитывает. Допускаю, что в сборнике «Gaudeamus» 2010 г. И.Е. был ограничен заданными рамками статьи, но при повторной публикации этого материала в своей монографии («Очерки» 2011 г.) автор не был скован «рамками данной главы» и был волен эти «рамки» расширить либо ограничить, мог бы опереться на комментарии к обоим источникам (*minimum*, к Геродоту!). Однако и здесь И.Е. не привлек никакие – старые или новые – комментарии, которые ныне легко доступны.

Назову выборочно и другие работы, где обсуждаются финальные главы «Истории» Геродота: *Lipsius J.H.* Der Schluss des herodoteischen Werkes // Leipziger Studien zur klassischen Philologie. 1902. Bd. 20. S. 195–202; *Jacoby F.* Herodotos (7) // RE. 1913. Suppl. 2. Sp. 205–520, здесь – Sp. 372–379 (с обсуждением историографии вопроса до начала XX в.); *Powell J.E.* The History of Herodotus. Cambr., 1939. P. 80 f.; *Myres J.L.* Herodotus, Father of History. Oxf., 1953. P. 299–300; *Immerwahr H.R.* Form and Thought in Herodotus. Cleveland, 1966. P. 8 f., 43, 144 ff.; *Krischer T.* Herodots Schlusskapitel, seine Topik und seine Quellen // Eranos. 1974. Vol. 72. S. 93–100; [*Asheri D.*] Erodoto. Le Storie. Libro I. La Lidia e la Persia. Milan, 1988. P. XX s.; *Gould J.* Herodotus. L.; N.Y., 1989. P. 117–120; *Lateiner D.* The Historical Method of Herodotus. P. 119; *López-Eire A.* Op. cit. P. 95; *Desmond W.* Punishments and the Conclusion of Herodotus' *Histories* // GRBS. 2004. Vol. 44. P. 19–40, особ. – p. 31–40; *Rood T.* Herodotus // Time in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative. Leiden, 2007. Vol. 2. P. 115–130, здесь – p. 116 f.; *idem.* The Development of the War Monograph // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxf.; Malden, 2007. Vol. 1. P. 147–158, здесь – p. 154 f.; *Scardino C.* Gestaltung und Funktion… S. 321 ff.; *Węcowski M.* Op. cit. P. 45; *Rosen K.* Herodots Schlusskapitel: Ein kritischer Blick auf Athen // Studien zur antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 2009. S. 1–12; *Рунг Э.В.* Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». История / Studia classica et mediaevalia. 2010. № 10 (53). С. 11–30, здесь – с. 17 сл.; *Ren-*

основной претензии к мнению об *обратном влиянии*: является ли акцентированный И.Е. Суриковым оборот *Hdt.* IX.121 уникальным в труде «отца истории» и верно ли считать его «фукидидовским»?

* * *

Дискуссионная фраза, которую мы встречаем в предпоследней главе «Истории» – IX.121,– сама по себе ничем не примечательна. Геродот в финале рассказывает об осаде эллинами Сеста и возвращении афинского флота с добычей на родину[19]. Поведав об этом значительном *последнем эпизоде* поздней осени (IX.117) *последнего года* великой войны, историк подводит итог: «Совершив это, они (победители-греки. – *А.С.*) отплыли в Элладу. Помимо прочей добычи, они везли с собой канаты от мостов, которые хотели посвятить в храмы. И в этом году ничего более, кроме этих событий, не произошло» (καὶ κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο οὐδὲν ἐπὶ[20] πλέον τούτων ἐγένετο[21]. – IX.121). Последние слова буквально означают то, что автор, сверх того, что он уже изложил, не намерен описывать какие-либо иные события, имевшие место за указанный период. Вероятно, Геродот не считал таковые существенными для своей основной темы – история войны эллинов с персами[22].

Обычно отмечают, что тон *резюме-оборота* в *Hdt.* IX.121 кажется намеренно строгим, сухим, «канцелярским», подобно языку хроники[23]. Современные филологи судят о нем различно. Одни считают его интерполяцией[24] в геродотовский текст, сделанной кем-то из издате-

---

gakos A. Historiographie // Handbuch der griechischen Literatur der Antike. München, 2011. Bd. 1. S. 361–362; *Stadter Ph.A.* Op. cit. P. 40, 45; *Munson R.V.* Persians in Thucydides // Thucydides and Herodotus. Oxf.; N.Y., 2012. P. 241–275, здесь – p. 273 f.

[19] Hdt. IX.114–121. См. важнейшие из старых комментариев к этому эпизоду: *Stein H.* Herodotos. B., 1962 (1893[5]). Bd. 5: Buch VIII und IX mit Namenverzeichnis und zwei Karten. 6. Aufl. S. 218–221; *Macan R.W.* Herodotus, the seventh, eighth, and ninth Books with Introduction, Text, Apparatus, Commentary, Appendices, Indices, Maps. L., 1908. Vol. 1. Part 2: Books VIII and IX. P. 820–828; *How W.W.*, *Wells J.* A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes. Oxf., 1912. Vol. 2: Books V–IX. P. 335–336. См. также новые комментарии М. Флауэр и Дж. Маринколы к IX книге «Истории»: *Flower M.A.*, *Marincola J.* Op. cit. P. 300–311.

[20] ἐπὶ / ἔτι: см. примечание А. Хольдера (со ссылкой на Верфера): Herodoti historiae. Vindobonae; Pragae; Lipsiae, 1888. Vol. 2. P. 362, ad loc. [IX]. 121. 4; ср.: *Macan R.W.* Herodotus. Vol. 1. Part 2. P. 827, ad loc. (со ссылкой на Верфера, Штайна [2-е изд.], Хольдера и Херведена).

[21] Здесь и далее текст Геродота цитируется по изданию А.Д. Годли в The Loeb Classical Library: *Herodotus*. [History.]. Cambr. Mass.; L., 1969. Vol. 4 (Books VIII–IX).

[22] Ср.: *Flower M.A.*, *Marincola J.* Op. cit. P. 310, ad loc. Hdt. IX.121: «The implication of these words is that other things took place during the next and subsequent years, things which Herodotus will not narrate».

[23] Так, К. Дэвальд (Wanton Kings… P. 63) охарактеризовала фразу как «a dry annalistic summary»; а К. Розен заметил по поводу этого геродотовского выражения: «Seiner Schlussszene fügte Herodot noch *den nüchternen chronikartigen Satz* an» (курсив мой) (*Rosen K.* Op. cit. S. 1–2).

[24] Это последнее предложение предпоследней главы IX книги в геродотовском тексте в издании Р.У. Мейкана заключено в скобки, а в комментарии

лей «Истории», кто был знаком с сочинением его «наследника» Фукидида. Другие исследователи полагают, будто этот темпоральный оборот указывает на то, что у Геродота существовал замысел продолжения своего труда, и поэтому предлагали рассматривать конец «Истории» как своеобразное *prooemium* к дальнейшему повествованию (варианты этого виртуального «продолжения» предлагались разные)[25]. И.Е. Суриков считает эту фразу в финале труда Геродота авторской, но отмечает, что такое выражение «совсем не характерно» для манеры повествования «отца истории»: оно не соответствует ни его повествовательному стилю, ни принципам подачи исторических событий. А если выражение «не свойственно» Геродоту, да ещё встречается в финале его сочинения, следовательно – по Сурикову – оно могло быть взято историком только у Фукидида, который, как известно, разработал и использовал хронологический метод описания истории.

А действительно ли этот темпоральный оборот в *Hdt.* IX.121 уникален в «Истории» Геродота и нетипичен для нашего автора? В той же девятой книге встречается сходный резюме-оборот, которым историк подводит итог предыдущего эпизода: «Итак, за эти десять дней ничего более этих событий не произошло» (μέχρι μέν νυν τῶν δέκα ἡμερέων οὐδὲν ἐπὶ πλεῦν ἐγίνετο τούτων, *Hdt.* IX.41.1). Обратим внимание, что в данном месте речь идет не о начале или конце *года* (как отдельного этапа), с подведением итогов военного года, но о временно*м* отрезке в несколько *дней*. Геродот называет круглое число δέκα, хотя, вероятно,

---

английский схолиаст делает следующую пометку: *glossema notavi* (*Macan R.W.* Herodotus. Vol. 1. Part 2. P. 827–828, ad loc. Hdt. IX.121.3, 4).

[25] С суждением о «конце-начале» последних глав сочинения Геродота И.Е. Суриков (Очерки об историописании… С. 278 сл.) выступил не первый. Мнение, что в финале «Истории» содержится *намек* на дальнейшую историю уже иной, афинской, гегемонии, заявившей о себе в середине V в. до н.э., с различными нюансировками высказывали многие маститые ученые, специально обращавшиеся к этой проблеме. См. обсуждение: *Jacoby F.* Op. cit. Sp. 374 f. (со ссылками на Г. Бузольта, Э. Мейера, У. фон Виламовица-Мёллендорфа, Т. Гомперца, Г. Штайна, Ю.Г. Липсиуса, О. Мюллера, А. Шёлля, др.); *Immerwahr H.R.* Op. cit. P. 144 ff.; *Борухович В.Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. М., 2002. С. 585–623: «Описанием сражения при Сесте труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается… Есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд» (без разъяснения каких-либо оснований. – *А.С.*), там же. С. 598; *Herington J.* Op. cit. P. 149 f. (в начале статьи автор представляет спектр взглядов исследователей 1980-х гг. по проблеме финала «Истории»: К. Уотерса, Д. Ашери, Дж. Гульда и др.); *Dewald C.* Wanton Kings… P. 63. Note 13 (в статье дан наиболее полный обзор точек зрения); *Moles J.L.* Herodorus Warns the Athenians // PLLS. 1996. Vol. 9. P. 259–284; *Desmond W.* Op. cit. P. 19: «the stories intended *as interludes, preludes to further narrative*» (курсив мой. – *А.С.*); с литературой, p. 19–20. Note 2, 3, 4; 36 ff.; ту же идею встречаем у Тима Руда (обе статьи 2007 г.): *Rood T.* Herodotus. P. 116–117: «Herodotus' story ends with strong hints that a new story of the Athenian rise to power is starting: nothing further may have happened in that year, but the story of the Athenian rise to naval hegemony would continue» (здесь со ссылкой на работы Д. Бедекер, Дж. Херингтона, Дж. Молеса, К. Дэвальд, др., ibid. P. 116. Note 2); *idem.* The Development of the War Monograph. P. 154–155; *Rosen K.* Op. cit. S. 1 ff.

здесь, как обычно в таких случаях, круглые числа в «Истории» свидетельствуют не о конкретных реальных размерах или сроках, но являются нарративным *topocom* автора[26]. В 30–40-х главах девятой книги историк рассказывает о стоянии друг против друга персидского и эллинского войск, описывает события, случившиеся за последние 10 дней[27]. Пассаж IX.41 подтверждает устойчивость у Геродота темпорального оборота οὐδὲν ἐπὶ πλέον τούτων ἐγένετο (авторская *Redeweise*, по определению Г. Штайна)[28].

В подтверждение этого приведу ещё пару примеров. В заключительной фразе из 107-й главы девятой книги, рассказав о событиях при Микале и об отступлении персидских войск, Геродот заключает: «С находившимися же в пути более ничего, кроме этих событий, не произошло, и они [спокойно] достигли Сард» (IX.107.3: τῶν δὲ κατ᾽ ὁδὸν πορευομένων οὐδὲν ἐπὶ πλέον τούτων ἐγένετο[29], ἀλλ᾽ ἀπικνέονται ἐς Σάρδις). Глава 107 – это рассказ о возвращении персов и о конфликте во вражеском стане: обидные обвинения царевича Масиста в адрес персидского военачальника Артаинта, дерзкое поведение последнего и поступок Ксенагора, спасшего Масиста[30]. Это самостоятельный эпизод, который начинается со слов ἐς Σάρδις πορευομένων δὲ κατ᾽ ὁδόν (IX.107.1) и завершается теми же словами τῶν δὲ κατ᾽ ὁδὸν πορευομένων… ἐς Σάρδις (IX.107.3). Интересующую нас итоговую фразу следует понимать таким образом: автор убеждает читателя в том, что, кроме описанного

---

[26] Вот ряд примеров с «десяткой» из той же девятой книги: IX.3: «Взятие же царем города произошло за десять месяцев (δεκάμηνος) до вторжения Мардония»; IX.8: «…Эфоры отложили ответ на следующий день, а потом – снова на день. И так они поступали 10 дней (δέκα ἡμέρας), откладывая ответ со дня на день» (здесь и далее в этом примечании пер. Г.А. Стратановского по изд.: Геродот. История. М., 2002); IX.15: «…Мардоний укрепил стан не на всем протяжении, а только приблизительно на 10 стадий по обеим сторонам укрепления»; те же δέκα σταδίους в пассаже IX.51; IX.62: «Персы устремлялись на спартанцев по одному или собирались кучей по 10 человек и больше и погибали». Правда, срок 10 дней, указанный в рассматриваемом пассаже IX.41, Геродот даже обосновывает (8+2): IX. 39: «уже восемь дней стояли они (войска греков и персов. – *А.С.*) друг против друга…»; и далее в следующей главе 40: «После такого “деяния” (нападение конницы на обозы с продовольствием из Пелопоннеса. – *А.С.*) прошло ещё два дня, но ни одна из сторон не хотела начинать сражения…».

[27] Сборы армий обеих сторон и нападения персидской конницы на отряды противника. См. исторический комментарий к этому пассажу: *Flower M.A.*, *Marincola J.* Op. cit. P. 178 ff. (с литературой).

[28] По поводу выражения οὐδὲν … τούτων у Геродота см.: *Stein H.* Herodotos. Bd. 5. S. 157, ad loc. IX.41: «*dieselbe Redeweise* [Herodot] VI.42.1; IX.121.5».

[29] ἐπὶ / ἔτι: Верфер, Швайгхойзер, Хольдер, Штайн (2-е изд.) и Херверден, на которых в примечании к этому месту указывает Р.У. Мейкан (*Macan R.W.* Herodotus. Vol. 1. P. 2. P. 811). В этой фразе И. Швайгхойзер изменяет порядок слов: οὐδὲν ἔτι πλέον ἐγένετο τουτέων (*Herodotus*. From the text of I. Schweighaeuser, with English notes. Boston, 1854. Vol. 2. P. 274). Вариант ἔτι в этом месте встретим и в тойбнеровском издании Г.Р. Дитша–Г. Калленберга (Herodoti Historiarum libri IX. Lipsiae, 1903. Vol. 2. P. 379).

[30] См. комментарии к Hdt. IX.107: *Macan R.W.* Herodotus. Vol. 1. P. 2. P. 810–812; *Flower M.A.*, *Marincola J.* Op. cit. P. 289–291.

им конфликта, по дороге в Сарды с персами не произошли события, которые он сам считал бы достойными упоминания (и которые были бы интересны его аудитории). В этом случае использован точно такой же резюме-оборот, подытоживающий отдельный эпизод, как и в финале книги (IX.121). *Nota bene*: хотя в гл. 107 речь не идет о темпоральных характеристиках, но период времени здесь обозначен: κατ' ὁδόν – это тот срок, который вражеское войско находилось в пути (до Сард).

Рассмотренные случаи употребления Геродотом темпорального оборота содержатся в разных местах последней, девятой, книги. Однако сходную фразу можно встретить в середине его сочинения, где рассказывается о первом этапе греко-персидских войн. Так, в шестой книге, подводя итог событиям последнего года Ионийского восстания (493 г. до н.э.), историк резюмирует: «И в этом году ничего более, кроме этого, не произошло во враждебных действиях персов против ионийцев» (VI.42.1: καὶ κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο ἐκ τῶν Περσέων οὐδὲν ἐπὶ πλέον ἐγένετο τούτων ἐς νεῖκος φέρον Ἴωσι[31]). *NB*: и здесь мы встречаем такой же *итоговый темпоральный резюме-оборот*, какой автор использует в финале последней книги. В комментарии к *Hdt.* IX.121 Г. Штайн лаконичен: «Die ganze Wendung wie [Herodot] VI.42»[32].

Р.У. Мейкан (ad loc. *Hdt.* IX.41) указывает, что выражение οὐδὲν [ἐπὶ πλέον ἐγένετο] τούτων для Геродота типично, оно присутствует у него как устойчивый стилистический оборот, как формула (*is a formula*)[33]. В другом месте (ad loc. *Hdt.* IX.107.3) английский филолог замечает по поводу резюме-оборота, что он является не более, чем признанием историка в неведении о прочих событиях, произошедших в то же самое время или последовавших за ними, и здесь Мейкан повторно называет оборот «формулой» Геродота[34]. При этом он иронично намекает, что все-таки интересно было бы узнать, что же произошло с персидским полководцем Артаинтом[35], попавшим в опалу к царевичу Масисту. Однако историк, рассказав о выходке Артаинта, умалчивает о его дальнейшей судьбе[36], и, завершив эпизод про отступление персов в Сарды формульной фразой «более ничего кроме этого не произошло», он помещает логос о Масисте, его жене, их дочери Артаинте,

---

[31] *Herodotus*. [History.] Vol. 3: Books V–VII. L.; N.Y., 1922. P. 186.

[32] *Stein H.* Herodotos. Bd. 5. S. 221, ad loc. IX.121. Ср.: ibid. S. 157, ad loc. IX.41.1 (см. выше примеч. 28), а также *Stein H.* Herodotos. B., 1963. Bd. 3: Buch V und VI. 6. Aufl. S. 150, ad loc. VI. 42: вступление к этой главе немецкий схолиаст сравнивает с однотипными оборотами в девятой книге «Истории».

[33] *Macan R.W.* Herodotus. Vol. 1. P. 2. P. 679, ad loc. IX.41.

[34] Ibid. P. 811–812, ad loc. IX.107: «a mere confession of ignorance! *For the formula* cp. c[hapter] [Herodotus, IX.]41». Сходным образом и в новом комментарии: *Flower M.A.*, *Marincola J.* Op. cit. P. 291, ad loc. Hdt. IX.107: «H[erodotus] means that this was the only noteworthy event he could discover about this retreat. For the expression cf. [IX.] 121 with n[ote]».

[35] *Macan R.W.* Herodotus. Vol. 1. P. 2. P. 812.

[36] Быть может судьба Артаинта не интересовала Геродота, а может быть историк действительно не располагал сведениями о персидском полководце (?).

страсти к ней Ксеркса и плаще Аместриды (*Hdt.* IX.108–113)[37]. Эту жуткую новеллу Геродот подытоживает словами: «Такова история любовной страсти Ксеркса и смерти Масиста» (ibid. 113: κατὰ μὲν τὸν ἔρωτα τὸν Ξέρξεω καὶ τὸν Μασίστεω θάνατον τοσαῦτα ἐγένετο), которые являются своеобразным резюме, замыкающим композицию этого логоса[38].

Фразы, сходные с оборотом οὐδὲν ἐπὶ πλέον ἐγένετο τούτων встречаются у «отца истории» и в других местах его сочинения – во второй и пятой книгах: II. 171; V. 51 (οὐδέ οἱ ἐξεγένετο ἐπὶ πλέον κτλ.)[39]. Случай во II книге весьма интересен, поскольку здесь автор признается, что ему многое известно о египетских мистериях и, хотя он *мог бы* поведать о них подробнее, но не скажет больше того, что он уже рассказал, а будет хранить о том молчание (*Hdt.* II.171.1)[40]. *NB*: По ходу замечу, что это признание Геродота может нам подсказать о его нарративном принципе *nil his amplius*, который, несмотря на ироничное замечание Р.У. Мейкана (см. предыдущий абзац), свидетельствует, скорее, не о неосведомленности историка за пределами им изложенного, но, вероятно, об иных – видимо, разных – мотивах самоограничения автора. Впрочем, это предположение требует отдельного специального обсуждения. Однако здесь я не стану останавливаться ни на упомянутом пассаже из «египетского логоса», ни на этих конкретных случаях употребления историком похожих речевых оборотов, поскольку это увело бы нас в сторону от основной темы.

Важно, что *темпоральным резюме-оборотом* в VI.42 историк подытоживает *год*, причем событийно наполненный *военный год* (VI.31–41)[41]. И здесь, в завершение отдельного эпизода и временного отрезка, Геродот использует то же самое выражение, какое мы встречаем в конце последней книги. Отождествляя этот оборот с тремя другими из IX книги, рассмотренными выше, К. Дэвальд справедливо называет его «устойчивым выражением» (*formulaic expression*) в языке Геродота[42].

* * *

Вывод I. Насколько мне известно, никто из авторитетных исследователей Геродота не считает, будто эта фраза заимствована «отцом

---

[37] См. комментарий к этому эпизоду: *Flower M.A.*, *Marincola J.* Op. cit. P. 291–300.

[38] Ср.: *Ibid.* P. 300, ad loc. Hdt. IX.113. 2: «κατὰ μὲν… τοσαῦτα ἐγένετο: for *this type of closural clause* see [Herodotus, IX].107.3».

[39] На оба эти примера с устойчивым оборотом οὐδὲν ἐπὶ πλέον - τούτων = *nil his amplius* указывает Г. Штайн: *Stein H.* Herodotos. Bd. 3. S. 150, ad loc. VI.42.

[40] К Hdt. II.171 см. исторические комментарии: *How W.W.*, *Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf., 1912. Vol. 1: Books I–IV. P. 251 f.; *Lloyd A.B.* Herodotus. Book II. Commentary 99–182. Leiden, 1988. P. 209 ff.; *Asheri D.*, *Lloyd A.*, *Corcella A.* A Commentary on Herodotus. Books I–IV. Oxf., 2007. P. 368 f.

[41] См. комментарий Л. Скотта к рассказу Геродота о событиях 493 г. до н.э.: *Scott L.* Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005. P. 153–162.

[42] *Dewald C.* Wanton Kings… P. 63. Note 13.

истории» у Фукидида[43]. Но резюме-оборот в финале «Истории», который И.Е. Суриков подмечает как «интересный нюанс», действительно интересен, однако в ином смысле, нежели тот, что вкладывает И.Е. Суриков. Он обосновывает предположение о заимствовании Геродотом «фукидидизма» как раз тем, что данная фраза в финале «Истории» исключительна, а поэтому не является геродотовской (Суриков: «она в целом совсем не характерна для геродотовского стиля»). Однако *a posteriori* приведённые выше случаи показывают, что темпоральный оборот *Hdt.* IX.121 вовсе не уникален, а, скорее, даже типичен для Геродота[44] (что уже ни раз отмечалось комментаторами): этот резюме-оборот встречается в VI и несколько раз в IX книгах. Так верно ли считать его заимствованным, «фукидидовским»? Полагаю, что нет. Для чего домысливать о влиянии манеры повествования начинающего афинского историописателя на маститого галикарнасского, коли и так ясно, что перед нами выражение, свойственное стилю Геродота? Современные филологи неоднократно отмечали, что у «отца истории» оно является устойчивым речевым оборотом (*formula*, *formulaic expressions*, *Redeweise*). Если внимательно просмотреть не только заключительные главы, а полный текст «Истории», то можно согласиться с мнением о формульных темпоральных выражениях в сочинении галикарнасского историка. А вот новую гипотезу о влиянии Фукидида на «отца истории» на основании этого «интересного нюанса» вряд ли можно признать состоятельной и, по-видимому, следует отклонить.

* * *

Изложенные выше соображения составляют основную претензию к идее о возможности заимствования Геродота у младшего афинского коллеги, которая по сути базируется на тезисе о фразе, «очень типичной для Фукидида». Но выскажу дополнительно несколько замечаний.

И.Е. Суриков согласен с мнением большинства исследователей, что Геродот умер в промежутке между 429 и 425 гг. до н.э.[45] В ряде

---

[43] Оный «фукидидизм», заподозренный у «отца истории» Суриковым, С. Хорнблауэр в списке всех вероятных и сомнительных параллелизмов у Фукидида и Геродота, разумеется, не учитывает (*Hornblower S.* Introduction // Vol. 2. P. 137–145; см. выше примеч. 9). Авторы старого двухтомного «Комментария к Геродоту» У.У. Хау и Дж. Уэлс вообще пропускают эту заурядную фразу, оставляя без внимания целиком главу 121 последней книги «Истории», см.: *How W.W.*, *Wells J.* A Commentary… Vol. 2. P. 336.

[44] При обсуждении этого материала на заседании «ДНО» аспирант ИЛИ РАН В.С. Кулешов высказал мнение, что встречающийся у Геродота темпоральный оборот является обычным с точки зрения древнегреческого языка: ничего стилистически специфического, авторского, в этой фразе не выражено. Полагаю, что это замечание резонно, но проверка данного предположения требует дополнительного исследования, результаты которого (не исключаю) подтвердили бы его. Однако я ставил перед собой иную задачу: показать, что темпоральный резюме-оборот, который И.Е. Суриков считает стилистическим «гапаксом» галикарнасского историка и формулирует на основании этого ответственную гипотезу, не является уникальным в рамках текста геродотовой «Истории».

[45] Например: *Суриков И.Е.* Очерки об историописании… С. 141 (около 425 г.), 152 (историк умер «в 420-х гг. до н.э., он ещё застал первые – но толь-

публикаций о Геродоте Суриков приводит мнение Ч. Форнары, который более 40 лет назад попытался доказать, что первая «История» была опубликована около 414 г. и, возможно, ещё при жизни «отца истории»[46]. Кажется, что И.Е. симпатизирует взглядам американского исследователя, но при этом высказывается сдержанно[47], оставаясь на утвердившейся в науке позиции (с которой солидарен и автор этих строк): смерть застала Геродота в первой половине 420-х годов, «в первые годы Пелопоннесской войны».

В статье «Последние главы “Истории” Геродота…» для И.Е. Сурикова важно было показать не только то, что галикарнасский историк намеревался продолжать свой труд «по-фукидидовски», но именно то, что он планировал *продолжить* незаконченную им историю греко-персидских войн[48]. Суриков предпринимает попытку следующего психологического объяснения, почему «отцу истории» не удалось воплотить свой замысел «до конца»: «… Но Геродоту не суждено было полностью воплотить в жизнь свои планы, он не исчерпал поставленную перед собой задачу, не рассказал до конца всего того, что хотел рассказать. Почему? Наверное, *самый вероятный ответ будет таким*: *подступила старость*, *болезни*, *автор почувствовал приближение смерти*… А описать оставалось ещё так много: целый тридцатилетний период военных действий! Геродот понял: он этого *сделать просто не сможет*, *не успеет*»[49]. Выглядит художественно и драматично: старость, немощность, предчувствие стариком-историком скорой смерти…

Но сколько же было лет историку на тот – вероятный (как обычно полагают) – момент его смерти? За пятьдесят. Если считать датой его рождения 484 год, а время окончания жизни – между 429 и 425 гг. до н.э., то, выходит, что умер Геродот в возрасте 54–59 лет. Конечно, говорить о крепости бывалого путешественника, когда ему «пять (или девять?) да ещё пятьдесят», сложно (хотя, казалось бы, почему, если он – закаленный в странствиях скиталец, претерпевший за свою жизнь многие тяготы и невзгоды?), но всё же мне представляет-

---

ко первые – годы Пелопоннесской войны»), 153, 273 (425 г.), 278 (420-е гг.), 295 и др.; *он же*. Архаическая и классическая Греция. С. 25 («Геродот внес последние штрихи в свое повествование… в 420-х гг. до н.э., т.е. на начальном этапе Пелопоннесской войны»); *он же*. Геродот. С. 364 (в промежутке между 429–425 гг.), 410 (в таблице дат жизни Геродота так же указано: между 429 и 425 гг.).

[46] *Fornara Ch.W.* Evidence for the Date of Herodotus’ Publication // JHS. 1971. Vol. 91. P. 25–34.

[47] *Суриков И.Е.* Очерки об историописании… С. 274: «[Ч. Форнара] привел ряд достаточно интересных наблюдений. Впрочем, его мнение так и осталось мнением одиночки: столь радикальный пересмотр общепринятой точки зрения не показался убедительным остальным ученым».

[48] Вопрос о степени завершенности сочинения Геродота является одним из самых дискуссионных в современном источниковедении античности. Здесь я не берусь рассматривать эту проблему, а обращусь к ней в специальной статье о «Геродотовском вопросе».

[49] *Суриков И.Е.* Очерки об историописании… С. 279.

ся маловероятным этот «самый вероятный ответ», который вообще не может являться аргументом для исследователя. Но, если эти простые расчеты соответствую действительности (а И.Е. Суриков придерживается обеих – начальной и, с вариантами, конечной – указанных дат жизни историка), то Геродот не был дряхлым стариком ни по нашим, ни по античным «меркам». Быть может в этом возрасте уже поздновато путешествовать (?), и в таком случае Геродот вряд ли мог приезжать в Афины в 420-х годах, поселившись с конца 440-х гг. в далеких Фуриях. Но вряд ли этот возраст был настолько преклонным, что являлся помехой для одного из самых известных античных путешественников (согласно преданию, афинян Эсхил переехал на Сицилию в возрасте под 70, а домосед Еврипид отправился в Македонию, когда ему было за 70; и эти примеры можно десятикратно умножить!).

По Сурикову, Геродот намеревался поскорее завершить свой труд полностью, поскольку осознавал, что он «просто не сможет, не успеет» завершить дело своей жизни. И, опять же, вряд ли можно назвать 54-х или даже 59-летний возраст пределом творческой активности мужа: нам известны многие примеры античных (только античных) деятелей, которые творили в довольно преклонном возрасте – за 80 лет (см., например, специально на эту тему сочинения Плутарха: *Plut.* Ad seni respublica gerenda sit, особ. – 784 d–791 e)[50]. Надо признать, что мы ничего не знаем о причинах смерти прославленного галикарнасского путешественника, здесь можно только гадать. Но версия И.Е. Сурикова, что будто бы предчувствие кончины подвигло историка изменить своим принципам – методу и жанру – кажется сомнительной.

* * *

Нам неизвестно, когда Фукидид приступил к работе над своим историческим исследованием, с чего он начал и насколько интенсивно работал, собирая, описывая и систематизируя собранный материал, что и в каком виде он успел подготовить к 429-му или 425-му году (если конечным рубежом жизни Геродота считать эту дату)? Афинский историк заявляет, что взялся за работу сразу, когда началась война, которую он считал самой значительной из всех, бывших до нее (*Thuc.* I.1.1), но имеет ли он виду написание второй книги («военной») или же первой – «предвоенной», вступительной – книги? В I книге «Истории Пелопоннесской войны» *ещё нет* фукидидовских стандартных темпоральных формул, и хронологическая последовательность подачи

[50] О том, что выдающиеся мужи прошлого могли творить в очень преклонном возрасте см. в моей статье о Софокле и Геродоте: *Синицын А.А.* Plut. *Mor.* 785 b: критические замечания о достоверности источника // Мнемон. СПб., 2008. Вып. 7. С. 377–418. Срок между 50 и 60 годами греки считали периодом зрелости мужчины. Общеизвестно, что, так сказать, «призывной возраст» у афинян и спартанцев в архаическую и классическую эпоху считался до 60 лет. Жизнелюб Солон советует человеку ждать смерти за пределами 80 лет, предаваясь радостям жизни и новым познаниям, а Плутарх признавал заслуживающей внимания бодрую деятельность 80 и 90-летних старцев, о которых он с восхищением рассказывает (см. там же: С. 408–410).

материала не является структурообразующей[51]. В кн. II–VIII, в рассказе о самой войне, временны*е* топосы у Фукидида встречаются регулярно и являются «концовками» или «зачинами» самостоятельных эпизодов. Устойчивыми темпоральными оборотами историк маркирует отдельные эпизоды-логосы и определяет рамки сезонных кампаний и военных лет. Такого рода маркеры формируют *общую схему*[52] исторического труда Фукидида и специфику усвоенной и разработанной им манеры историописания. «Как в справочнике или техническом пособии», – видимо, не без иронии замечает о хронологической системе Фукидида Ф. Стадтер[53]. Если книги II–VIII – согласно системе, заданной Фукидидом, – структурированы *летописно-линейным способом*, то структура I книги лишена сезонного схематизма, она, скорее, *прерывисто-дигрессивна*: в ней присутствуют разного рода отступления от основной темы, уже заявленной автором в самом начале (*Thuc.* I.1)[54]. Что касается сложной композиции первой книги, А. Ренгакос[55], считая ее расширенным «приступом» афинского историка к объёмной эпопее о Пелопоннесской войне, сопоставляет с таковыми в гомеровской «Илиаде» и «Истории» Геродота (I.1–5)[56].

Ещё раз отмечу, что вопросы о том, когда и в какой последовательности афинский историк создавал свой труд, неразрешимы[57], да

---

[51] Д. Латайнер говорит о бессистемной, фрагментарной и путаной хронологии первой книги «Истории» (*Lateiner D.* The Historical Method… P. 255. Note 2: «his own account of 479–431 *is scrappy, imprecise in chronology, and full of surprising omissions*. Like the so-called "Archaeology", its purpose is severely subordinated to the narrative of the contemporary war» (со ссылкой на комментарий Гомма).

[52] «Ein strenges annalistisches Schema», – отмечает Х. Зоннабенд (*Sonnabend H.* Thukydides. Hildesheim; Zürich; N.Y., 2004. S. 29).

[53] *Stadter Ph.A.* Op. cit. P. 45.

[54] Об экскурсах у Фукидида см., напр.: *Ziegler K.* Der Ursprung der Exkurse im Thukydides // RhM. 1929. Bd. 78. Hft. 1. S. 58–67; *Münch H.* Studien zu den Exkursen des Thukydides. Heidelberg, 1935; *Tsakmakis A.* Thukydides über die Vergangenheit. Tübingen, 1995.

[55] *Rengakos A.* Thucydides' Narrative… P. 285: «Only Book I is not structured in this strictly annalistic-linear fashion but features a complex structure that lacks chronological divisions».

[56] Ibid. P. 279 ff., а также: *Rengakos A.* Homer and the Historians…; *idem.* Narrative and History… P. 50 f., 52 ff. (о гомеровско-геродотовских нарративных приёмах у Фукидида).

[57] О «фукидидовском вопросе» см., напр.: *Patzer H.* Das Problem der Geschichtsschreibung des Thukydides und die Thukydideische Frage. B., 1937; *Pohlenz M.* Die thukydideische Frage im Lichte der neueren Forschung // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 59–81; *Hunter V.* The composition of Thucydides' History. A new Answer to the Problem // Historia. 1977. Bd. 26. P. 269–294, здесь – p. 277 ff.; *Schadewaldt W.* Die Anfänge der Geschichtsschreibung bei den Griechen: Herodot. Thukydides. Frankfurt am Main, 1982. S. 240 ff.; *Hornblower S.* Thucydides. P. 136 ff.; *Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung. Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992. S. 75 ff.; *Will W.* Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 321 ff.; *Sonnabend H.* Op. cit. S. 36–41 (§ 2.3 «Die Thukydideische Frage», с обсуждением существующих точек зрения по проблеме); *Canfora L.* Biographi-

и поиск ответов на них для нас здесь не суть важен. Во всяком случае, в первый период войны (431–424 гг. до н.э.) Фукидид был занят полисными делами в Афинах до своей стратегии и командировки на фракийское побережье для защиты Амфиполя (осень 424 г.). С конца 430-х он мог привлекаться к исполнению гражданских обязанностей: молодой аристократ из славного рода, Фукидид, конечно, был озабочен, в первую очередь, государственными проблемами и своей политической карьерой[58]. К тому же шла война, в которой одну из ведущих ролей играл его полис, так что вряд ли молодой гражданин находился в стороне от военных и политических дел. Скорее всего, с 431 по 424 г. в самих Афинах (или, быть может, участвуя в это время в посольствах от имени своего полиса), будучи включённым в политические события (как же иначе), Фукидид только копил материал для будущей «Истории», делал наброски и продумывал план своего труда. Заняться же оформлением материала он смог в то время, когда обрёл «вынужденный досуг», но с конца 424 г. он уже был афинским изгнанником.

Принято считать, что афинский историк *первым* разработал хронологический принцип и положил его в основу исследования исторических событий. Его труд *par excellence* структурирован анналистически[59]: всю войну Фукидид делит на отдельные периоды –

---

cal Obscurities and Problems of Composition // BCTh. P. 3–31, особ. p. 20 ff.; *Rengakos A.* Historiographie. S. 382–387 (§ 4.2.1 «Die thukydideische Frage»; это последняя по времени работа, в которой довольно подробно представлено состояние изученности проблемы).

[58] Соглашусь с суждением И.Е. Сурикова о судьбах знаменитых античных историков как несостоявшихся политиков и полисных изгнанников, которые могли творить только «вдали от отечества» и осваивали ремесло историка «именно потому, что им не оставалось ничего иного: ведь политика для них была закрыта!». См.: *Суриков И.Е.* Геродот… С. 96 сл., 104. О Геродоте как галикарнасском изгнаннике: «Государственная деятельность вряд ли оставила бы ему время для интеллектуальных штудий» (там же. С. 96). Суриков приводит в пример судьбы Геродота и Фукидида, которые, как и другие эллинские историки, были политиками, «но к написанию своих исторических трудов они приступали в период вынужденного досуга… в годы изгнания» (там же). И здесь же о Фукидиде: «Именно в двадцатилетнем изгнании, не имея возможности непосредственно влиять на судьбы Греции, он занялся описанием и вдумчивым анализом этих судеб». Совершенно верные, на мой взгляд, замечания. Перефразировав хрестоматийные строки Н.А. Некрасова, скажу: историком можешь ты не быть, но гражданином (= активным политическим деятелем, служащим своему государству) быть обязан. Таков был принцип классического полиса.

[59] О структуре труда Фукидида, его методе и принципе летоисчисления см.: *Wille G.* Zu Stil und Methode des Thukydides // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 683–716; *Luschnat O.* Thukydides // RE. 1970. Suppl. 12. Sp. 1085–1354, здесь – 1132–1146 (с обсуждением мнений исследователей по проблеме); *Rawlings H.H.* The Structure of Thucydides' History. Princeton, 1981; *Rood T.* Thucydides: Narrative and Explanation. Oxf., 1998; *Sonnabend H.* Op. cit. S. 29 ff.; *Zagorin P.* Thucydides: an introduction for the common Reader. Princeton, 2005. P. 23–39; *Dewald C.* Thucydides' War Narrative: A Structural Study. Berkeley, 2005.

годы, а каждый год – на полугодия: летнюю и зимнюю кампании. Но для того, чтобы структурировать даже первый период Пелопоннесской войны по годам и кампаниям, должны были, как представляется, пройти многие кампании и годы, *minimum* несколько лет (3 – 5 – 7 – 10?), чтобы события погодно упорядочить в рамках исследования. Мала вероятность того, что Фукидид мог осуществить это к 425-му, а тем более к 429 году. Ведь даже если допустить, что помимо гражданских обязанностей деятельный молодой политик с первых лет войны активно занимался сбором материала для своего исследования, то всё же сомнительно, что в начале Архидамовой войны – времени первых вражеских набегов и первых сражений – он уже разработал принцип историописания, который положит в основу своего хронологического метода.

* * *

Вывод II. Несомненно, Фукидид и Геродот должны были встречаться на улицах и площадях афинского полиса либо в кругу симпосия. Афинский историк был знаком с сочинением Геродота (этот факт установлен и уже неоднократно обсуждался)[60]. Труд Геродота стал для Фукидида своего рода «точкой отсчета», вектором направления для его собственного военно-исторического исследования, в несравненно большей степени, нежели сочинения «догеродотиков». А вот обратная реакция – факт всё же довольно спорный. Гипотеза, что известный историописатель, сочинитель и чтец своих исторических логосов Геродот заимствовал лишь у начинавшего свой путь на ниве служения Клио Фукидида, искавшего свою манеру, только приступавшего к собранию и классификации материала – вызывает серьёзные возражения. По сути, как было отмечено выше, тезис об «обратном» влиянии опирается только на то, что уникальная (а это не так) фраза Геродота соответствует по содержанию манере, которая «более свойственна Фукидиду», а значит, «отец истории» мог заимствовать принцип. Но подобного рода подход кажется весьма упрощенным. Такова логика и аргументация сторонников «совпадений как заимствований». Однако параллельные места и сходные приёмы и методы сами по себе ещё ни о чем не говорят[61]. И рождаются историографические мифы о взаимосвязях, заимствованиях и взаимовлиянии.

---

[60] См. литературу, указанную в прим. 10–12 и параллельные места во «Введении» С. Хорнблауэра, прим. 9.

[61] В прежних статьях я попытался показать это на примере разного рода совпадений в произведениях двух художников-современников: поэта Софокла и историка Геродота; см.: *Синицын А.А.* Геродот, Софокл и египетские диковинки (об одном историографическом мифе) // АМА. 2006. Вып. 12. С. 363–405; *он же.* Plut. Mor. 785b… С. 377–418; *он же.* Софокл и Скифский логос Геродота // АВЕС. 2008. Вып. 6. С. 269–292; *он же.* Свежо предание…, или Историографический миф о близости двух античных писателей-современников (замечания к «Софокловой» эпиграмме из Плутарховых «Моралий») // Res cogitans. 2008. Вып. 4. С. 122–159.

A.A. Sinitsyn

THUCYDIDES AND HERODOTUS – HAD THEY INFLUENCED EACH OTHER? (AS TO AN "INTERESTING NUANCE")

The article gives some consideration to the hypothesis that Herodotus used the "Thucydides method". I.E. Surikov (2010; 2011) believes that the sentence at the end of Herodotus' work (9. 121: καὶ κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο οὐδὲν ἐπὶ πλέον τούτων ἐγένετο) shows that the historian from Halicarnassus had borrowed the temporal principle from his junior Athenian colleague. The researcher assumes that Herodotus must have been determined to continue his account of the Persian Wars waged after 478 B.C. in the manner used by Thucydides, that is, by narrating the events of the military campaigns season by season, year by year. Objections: 1) Surikov disregards the fact that similar *final-phrases* are also found in other parts: Hdt. 6. 42; 9. 41; 9. 107, not only at the end of the History (9. 121). It is important that in the middle of the work the historian sums up the eventful *war year*, 493 B.C., with the help of the same *temporal final-phrase* (6. 42. 1: καὶ κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο ἐκ τῶν Περσέων οὐδὲν ἐπὶ πλέον ἐγένετο τούτων…). Contemporary philologists (H. Stein, R.W. Macan, C. Dewald, M.A. Flower and J. Marincola at al.) have frequently noted that this device, *final-phrase*, is stable, formulaic ("*Redeweise*", "*formula*", "*formulaic expressions*"). Hence, this "interesting nuance" can hardly render well-grounded the hypothesis that Thucydides had influenced the "Father of History". 2) Herodotus' death is usually dated at the first years of the Peloponnesian War (between 429 and 425 B.C.), so he died aged 54–59, thereby Surikov's version that the old historian, having a foreboding of his close end, had abandoned his manner of narration and decided to adopt the Thucydides' method fails to convince. 3) Also, the Athenian historian must, by this time, have elaborately studied this chronological principle. But even if to assume that apart from his civil duties as a young efficient statesman, Thucydides kept making painstaking efforts to collect material for his *History*, it is still hardly likely that at the beginning of the Archidamian War he had already designed the method of historical recording that would later govern his research. For the historian, to have arranged in a historical record the first period of the Peloponnesian War by year and season it seems that *minimum* several years had to elapse. 4) It is reasonable to assume the opposite: that Thucydides, aware of Herodotus' work, noted this *final-phrase* and borrowed it to make it the principle to govern his account of the events of the Peloponnesian War.

Э.В. Рунг

АГЕСИЛАЙ ПРОТИВ ТИССАФЕРНА (битва при Сардах 395 г. до н.э.)

Одним из наиболее дискуссионных в современной историографии эпизодов спартано-персидской войны является битва при Сардах весной 395 г.[1], которая имела место между войсками спартанского царя Агесилая II и персидского сатрапа Тиссаферна. Об этом сражении довольно подробно рассказывают Ксенофонт и Диодор Сицилийский.

Ценность сведений, содержащихся в труде Ксенофонта, обусловлена тем, что сам автор греческой истории служил в войске под начальством Агесилая после того, как в 399 г. возглавляемые им бывшие наёмники Кира Младшего – кирейцы – присоединились в районе Пергама к спартанской армии Фиброна. Предполагается, что Ксенофонт мог быть не только очевидцем многих событий спартано-персидской войны, но и имел возможность расспросить участников оной о тех её эпизодах, свидетелем которых он по какой-то причине не был. В то же время Диодор, излагая обстоятельства сражения между Агесилаем и Тиссаферном, пользовался трудами своих предшественников, из которых, как считают исследователи, основным был Эфор.

В изложении битвы при Сардах у Ксенофонта и Диодора имеют место значительные расхождения, которые дали основание исследователям говорить о том, что эти два историка представляют независимые друг от друга, вполне самостоятельные версии развития военных действий в районе Сард весной 395 г. и хода самой битвы[2]. Подробное, хотя и неполное описание битвы при Сардах присутствует в сохранившихся фрагментах греческой истории из Оксиринха – *Hellenica Oxyrhynchia*, которая стала доступна после ее опубликования Б.П. Гренфеллом и А.С. Хантом в 1908 г. в лондонском собрании Оксиринхских папирусов[3].

---

[1] О ходе спартано-персидской войны см. подробнее: *Рунг Э.В.* Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н.э.) // Античность: История и историки. Казань, 1997. С. 63–75.

[2] Л. Бота отметила четыре основных соответствия и семь различий в описании сражения у античных авторов: последние касаются как вопроса о топографии движения Агесилая от Эфеса к Сардам, так и хода самой битвы (*Botha L.* The Hellenica Oxyrhynchia and the Asiatic Campaign of Agesilaus. Pretoria, 1980. P. 36–38).

[3] См., напр.: Hellenica Oxyrhynxhia cum Theopompi et Cratippi fragmentis. Oxonii, 1909. Первые издатели Оксиринхской истории склонялись в пользу версии развития событий, представленной у этого историка (*Grenfell B.P., Hunt A.S.* The Oxyrhynchus Papyri. L., 1908. Vol. 5. P. 152–153). Доверие к сведениям Оксиринхского историка проявляли Ш. Дюга, И. Брюс, Д. Неллен, Дж. Бонаменте и другие (*Dugas Ch.* La campagne d'Agésilas en Asie Mineure

Маршруты Агесилая и Тиссаферна при движении к Сардам

Анализ событий, которые происходили в районе Сард весной 395 г. до н.э., начнём с обращения к Ксенофонту. Он не определяет точно маршрут, принятый Агесилаем для своего движения к Сардам. Историк говорит лишь то, что накануне своего выступления из Эфеса Агесилай объявил своим подчинённым, что «намерен тотчас же повести их кратчайшим путем в самые лучшие места страны» (τὴν συντομωτάτην ἐπὶ τὰ κράτιστα τῆς χώρας) (*Xen.* Hell. III.4.20; ср.: Ages. I.28).

Ксенофонт сообщает следующую подробность о движении Агесилая: предприняв наступление на Сарды, он двигался в течение трёх дней по стране, совершенно не защищаемой вражескими войсками, захватывая в большом количестве провиант для своего войска (εἰς τὸν Σαρδιανὸν τόπον ἐνέβαλε καὶ τρεῖς μὲν ἡμέρας δι᾽ ἐρημίας πολεμίων πορευόμενος πολλὰ τὰ ἐπιτήδεια τῇ στρατιᾷ εἶχε). Только на четвёртый день прибыла персидская конница (τῇ δὲ τετάρτῃ ἦκον οἱ τῶν πολεμίων ἱππεῖς), которую непосредственно перед сражением отделяла от греков река Пактол, впадающая в реку Герм севернее Сард (*Xen.* Hell. III.4.21; ср.: Ages. I.28).

В отличие от Ксенофонта, Диодор уделяет большее внимание движению Агесилая от Эфеса к Сардам и более точно определяет маршрут, которым следовало войско спартанского царя: «После этого Агесилай, выведя войско в долину Каистра и местность, прилежавшую к Сипилу, опустошал усадьбы жителей этих мест. Тиссаферн шёл по следам лакедемонян, собрав под свои знамёна 10 000 всадников и 50 000 пехотинцев; при этом он убивал тех, которые отставали, удаляясь из строя, для поисков продовольствия. Тогда Агесилай выстроил войско сомкнутым строем (πλινθίον) и стал продвигаться, плотно держась подножия Сипила, выжидая удобного момента для нападения на врага. Так он дошёл до самых Сард» (*Diod.* XIV.80.1–2). Наконец, Диодор сообщает, что спартанский царь, заняв область вплоть до самих Сард, опустошал *парадис* Тиссаферна (τὸν παράδεισον τὸν Τισσαφέρνους).

Описание Оксиринхским историком марша Агесилая из Эфеса к Сардам сохранилось на папирусе в очень фрагментарном виде, но в любом случае прослеживается близость к изложению Диодора. Упоми-

---

(395): Xénophon et l'Anonyme d'Oxyrynchos // BCH. 1910. Vol. 34. No. 1. P. 58–95; *Bruce I.A.F.* An Historical Commentary on the «Hellenica Oxyrhynchia». Cambr., 1967. P. 150–156; *Nellen D.* Zur Darstellung der Schlacht bei Sardes in den Quellen // AS. 1972. Vol. 3. S. 45–54; *Bonamente G.* Studio sulle Elleniche di Ossirinco, Saggio sulla storiografia greca della prima meta del IV secolo a.C. Perugia, 1973. P. 151–161). Попытки реабилитировать версию Ксенофонта предпринимали Дж. Андерсон, В. Грэй и Дж. Уайли (*Anderson J.K.* The Battle of Sardis in 395 B.C. // CSCA. 1974. Vol. 7. P. 27–53; *Gray V.J.* Two Different Approaches to the Battle of Sardis in 395 B.C.: Xenophon, Hellenica 3,4,20–24 and Hellenica Oxyrhynchia 11(6), 4–6 // CSCA. 1979. Vol. 12. P. 183–200; *Wylie G.* Agesilaus and the Battle of Sardis // Klio. 1992. Bd. 74. P. 118–130). Из всех исследователей, занимавшихся изучением битвы при Сардах, только Дж. Девото предпринимал реальные попытки объяснить противоречия в источниках и с учетом этого реконструировать ход битвы (*Devoto J.G.* Agesilaos and Tissaphernes near Sardis // Hermes. 1988. Bd. 116. Ht. 1. P. 41–53).

нается движение Агесилая долиной Каистра – τὸ Καΰστριον πεδίον. При этом обращает на себя внимание идентичность некоторых выражений при описании Диодором и Оксиринхским историком того, как Тиссаферн следовал за греками: ἐπηκολούθει τοῖς Λακεδαιμονίοις (*Diod.* XIV.80.1); ἐπηκολούθει τοῖς Ἕλλησιν (Hell. Oxy. XIV.2). Оксиринхский историк, в отличие от Диодора, кажется, определяет численность персидского войска в 15 000 всадников и 10 000 пехоты (?).

По мнению И. Брюса, данные источников о маршруте движения войска Агесилая к Сардам обнаруживают значительные расхождения: если Оксиринхский историк полагал, что Агесилай достиг Сард через долину реки Герма от области Сипила, то Ксенофонт подразумевает движение от горы Тмола вдоль реки Пактол[4]. В своё время Дж. Андерсон, рассмотрев топографию района вокруг Сард, указывал, что имелось три маршрута движения от Эфеса к Сардам, которыми мог воспользоваться Агесилай. Из них наиболее предпочтительными исследователь называет две дороги. Они имели примерно равную протяжённость и использовались уже в древности. Первая дорога, по которой во время известного Ионийского восстания 498–494 гг. двигались греки для нападения на Сарды, проходила от Эфеса через долину Каистра к Гипее, пересекала хребет Тмола и берегом реки Пактола достигала Сард. Геродот определяет время движения по этой дороге в три дня пути (V.54). Она фактически была продолжением Царской дороги, соединявшей одну из царских резиденций Сузы с Сардами. Не менее подходящей для движения к Сардам была другая дорога, шедшая к горе Сипилу и далее через долину Герма к Сардам. По мнению Дж. Андерсона, Диодор и Оксиринхский историк думали, что Агесилай проследовал именно этой дорогой. Путешествие по ней занимало также три дня пути, однако, горный проход Кара-Бель был в два раза ниже уровня моря, чем проход около Гипеи, и более удобен для движения войска. Детально рассмотрев преимущества и недостатки каждого из двух маршрутов, Дж. Андерсон склоняется к мысли, что Агесилай совершил свой марш на Сарды именно этой дорогой через проход Кара-Бель[5].

Собственно говоря, и многие другие историки, занимавшиеся изучением обстоятельств битвы при Сардах, также обоснованно полагают, что движение на Сарды через проход Кара-Бель и далее через долину Герма представляло для Агесилая меньше трудностей и опасностей, чем движение через долину рек Каистр и Пактол[6]. Во-первых, войско Тиссаферна в начале весенней кампании 395 г. должно было находиться значительно южнее Эфеса и защищать подступы к Карии. Такой вывод можно сделать на основании сообщения Ксенофонта о приготовлениях Тиссаферна отразить наступление Агесилая: как и

---

[4] *Bruce I.A.F.* Op. cit. P. 152.

[5] *Anderson J.K.* Op. cit. P. 33–41.

[6] См., напр.: *Dugas Ch.* Op. cit. P. 64–65; *Botha L.* The Hellenica Oxyrhynchia... P. 37; *eadem.* The Asiatic Campaign of Agesilaus – The Topography of the Rout from Ephesus to Sardis // Acta Classica. 1988. Vol. 31. P. 7; *Gray V.* Op. cit. P. 193; *Devoto J.G.* Op. cit. P. 43; *Wylie G.* Op. cit. P. 127.

весной предыдущего 396 г., сатрап перевёл всю свою пехоту в Карию, а конницу поместил в долине Меандра (*Xen.* Hell. III.4.21). Персидская конница, размещённая в долине Меандра – возможно в Траллах, – несомненно, должна была держать под наблюдением Эфес, и если бы Агесилай выступил к Сардам долиной Каистра, ему пришлось бы по крайней мере в течение двух дней двигаться на глазах у персов[7]. И тогда, конечно, Ксенофонт не имел бы основания говорить, что спартанский царь двигался в течение трёх дней по стране, совершенно не защищаемой вражескими войсками. Логичнее было бы предпринять марш в северном направлении от Эфеса, к Сипилу и долине реки Герма, который бы оставлял Тиссаферна со своим войском далеко позади. Это и мог быть кратчайший путь в наилучшие места страны, объявленный Агесилаем своим подчинённым[8]. Гораздо труднее объяснить расхождения в источниках в отношении обстоятельств движения Агесилая к Сардам. Ксенофонт явно подразумевает, что Агесилай в течение трёх дней не встретил вражеских войск, пока на четвёртый день не достиг реки Пактол. Диодор же и Оксиринхский историк заявляют, что Тиссаферн выступил с войском вслед за греками, уничтожил несколько отрядов, отделявшихся от основных сил в поисках провианта и даже принудил Агесилая построить его армию в каре (πλινθίον) и продвигаться так, держась подножия Сипила. Казалось бы здесь сообщения источников полностью расходятся. Дж. Андерсон разрешает это противоречие просто, сочтя достоверными сведения Ксенофонта и отвергнув данные других историков, он заявляет: «Агесилай не мог достичь Сард, держась подножия холмов Сипила: каре (πλινθίον) было неподходящим построением для горной войны, и Агесилай мог провести своё войско через проход Кара-Бель только колонной»[9]. Однако это нельзя считать достаточным аргументом для того, чтобы принять одну версию событий и отвергнуть другую. В то же время в сообщениях Диодора и Оксиринхского историка действительно имеется серьёзное внутреннее противоречие, которое, конечно, может понизить ценность их сведений. Это упоминание о том, что Тиссаферн, когда он выступил вслед за греками и настиг их в районе горы Сипила, имел в своем распоряжении 50 000 пехотинцев и 10 000 всадников. Однако эти значительные силы, по-видимому, вовсе не участвовали в самой битве при Сардах[10]. Ксенофонт сообщает о том, что Агесилай разгромил только персидскую конницу, а Окиринхский историк упоминает в рассказе о сражении кроме всадников ещё и легковооружённых (γυμνῆται), которые под натиском спартанцев довольно быстро обратились в бегство. Кроме того, если Тиссаферн мог

---

[7] *Anderson J.K.* Op. cit. P. 37.

[8] Исследователи подтверждают этот вывод анализом топографических особенностей маршрута. Отмечается, что этот путь был даже на 3 км короче, чем дорога через Гипею, а горный проход Кара-Бель был самым низким среди других проходов, через которые вели дороги от Эфеса на Сарды через горы Тмола (*Anderson J.K.* Op. cit. P. 36; *Botha L.* The Asiatic Campaign of Agesilaus… P. 76).

[9] *Anderson J.K.* Op. cit. P. 36.

[10] *Botha L.* The Hellenica Oxyrhynchia… P. 36

достаточно быстро мобилизовать свою конницу в долине Меандра, то едва ли он обладал достаточным временем, чтобы подтянуть свою многочисленную пехоту из Карии. Наконец, неясен вопрос о присутствии на поле битвы самого Тиссаферна. Ксенофонт (Hell. III.4.22, 25) полагает, что сатрап во время сражения находился в Сардах, а персидской конницей в битве командовал кто-то другой, некий «предводитель» – ὁ ἡγεμών (*Xen.* Ages. I.36). Оксиринхский же историк (XVI.1) говорит о том, что Тиссаферн сам лично руководил своими войсками в битве и отступил к Сардам только после того, как его армия потерпела поражение.

В связи с этим трудно представить, что события развивались в точности так, как их описали Диодор и Оксиринхский историк. Попытку сгладить противоречия предпринял Дж. Девото. Он предположил, что Агесилай двигался беспрепятственно в течение трёх дней и уже достиг горы Сипила, а Тиссаферн должен был затратить это время на получение известий о выступлении спартанского царя из Эфеса и сбор своих отрядов на дороге около Гипеи, ведущей в сторону Сард. В этом месте сатрап, по мнению исследователя, должен был разделить свои силы: он направил отряд всадников во главе с неким предводителем к Сардам через Гипею, а сам решил следовать за Агесилаем. И вот на четвёртый день конница Тиссаферна встретила войско Агесилая, занимавшееся грабежом близ горы Сипила, и уже затем следовало за ним до самой битвы[11]. Эта реконструкция передвижения спартанцев к Сардам имеет некоторые логические изъяны. Не учитывается, во-первых, недвусмысленное заявление Ксенофонта о том, что Агесилай потратил три дня на движение к Сардам, а во-вторых, свидетельство того же автора, что персидская конница неожиданно появилась перед Агесилаем только на четвёртый день уже у реки Пактол. Кроме того, думается, что в интересах Агесилая было как можно быстрее преодолеть расстояние до Сард, избегая встречи с персидскими войсками, и совсем не в его намерениях было позволить Тиссаферну нагнать себя[12]. С другой стороны, Тиссаферн должен был затратить определённое время на то, чтобы воспрепятствовать нападению Агесилая на Сарды, а не на организацию бессмысленного преследования. Поэтому, если спартанский царь для достижения своих целей выбрал маршрут через долину Герма, то сатрап должен был, очевидно, продвигаться со всем войском по другой дороге – через долину Каистра, и это для Тиссаферна было самым коротким маршрутом, если он хотел достигнуть Сард пусть не раньше Агесилая, но хотя бы одновременно

[11] *Devoto J.G.* Op. cit. P. 46–50.

[12] *Wylie G.* Op. cit. P. 127. Дж. Девото объясняет эту задержку тем, что Агесилай преднамеренно остановился около Сипила, чтобы позволить своим воинам грабить страну, и находился там до тех пор, пока не появился Тиссаферн и персы не разбили лагерь около Сард (*Devoto J.G.* Op. cit. P. 47). Но такие действия спартанского царя представляются необдуманными, поскольку он должен был рассчитывать или захватить врасплох Сарды, либо же дать бой персам как можно ближе к самому городу.

с ним (учитывая особенности дислокации войска сатрапа)[13]. Это была дорога через горные хребты Мессогиду и Тмол. В то же время естественным для сатрапа было решение направить какой-то отряд своей конницы впереди основного войска, чтобы по возможности задержать продвижение Агесилая к Сардам, пока не подойдут основные силы. И далее следует предположить, что именно авангард персидского войска вступил в сражение со спартанцами и потерпел поражение. Весьма вероятно также, что упомянутые у Оксиринхского историка легковооружённые пехотинцы (γυμνῆται), присутствовавшие в битве при Сардах, возможно были теми, кто оказывал некоторое сопротивление Агесилаю при его продвижении к Сардам через долину Герма (лидийцы?)[14] и, не исключено, что именно они вынудили спартанского царя построить войско в каре (πλινθίον) – и именно это предположение лучше всего позволяет согласовать между собой сообщения Ксенофонта и Диодора / Оксиринхского историка в отношении движения Агесилая от Эфеса к Сардам[15].

Итак, впервые Агесилай встретился с передовым отрядом персидской кавалерии на четвёртый день своего марша, близ Пактола. К тому времени он должен был уже миновать Сарды, а затем возвратиться к тому месту, где сливаются Герм и Пактол (согласно Диодору, XIV.80.2 – между Сардами и Фибарнами)[16]. Вполне объяснимы причины, почему Агесилай не решился на захват Сард: город был хорошо укреплён, с наблюдательного пункта из белого мрамора на горе Тмол просматривались все окрестные равнины, что исключало возможность внезапного нападения на город (*Strabo* XIII.4.5). Тиссаферн с основными силами армии был на подходе. На равнине, севернее Сард, в устье Герма и Пактола, Агесилай встретился с персидской конницей, которая уже могла объединиться с легковооружёнными, преследовавшими греков.

Ход сражения при Сардах

Ход самого сражения при Сардах Ксенофонт (Hell. III.4.22–24; Ages. I.30–32) описывает следующим образом. Предводитель персидской конницы (ὁ ἡγεμών) приказал начальнику обоза перейти реку Пактол и разбить там лагерь. Сами персы, увидев обозных греческого войска, рассыпавшихся по местности с целью грабежа, перебили мно-

---

[13] *Wylie G.* Op. cit. P. 127.

[14] *Devoto J.G.* Op. cit. P. 46.

[15] Можно полагать, что сообщения различных традиций о марше Агесилая к Сардам, несмотря на то, что по существу являются верными, содержат некоторые искажения, которые и объясняют столь значительные расхождения между ними. Ксенофонт ошибался в том, что движение Агесилая было совершенно беспрепятственным, а Оксиринхский историк и Диодор преувеличивают размер опасности. Фактически греки могли заблуждаться, когда увидели в своем тылу персидские отряды, думая, что это был сам Тиссаферн.

[16] Этим обстоятельством может объясняться опустошение греками садов и парков Тиссаферна, что едва ли произошло бы, если бы всё персидское войско во главе с самим Тиссаферном следовало за Агесилаем.

гих из них. В свою очередь Агесилай, заметив это, приказал своей коннице прийти им на помощь. Увидев это, персы сгруппировали силы и построили перед войском греков свои многочисленные отряды конницы. Агесилай, зная, что вражеская пехота ещё не прибыла, посчитал этот момент самым подходящим для решительного боя и приказал начать атаку против выстроенной персидской конницы. Прежде всего он велел атаковать своим всадникам, а следом за ними повёл остальное войско, включавшее гоплитов и пельтастов. Персы выдержали натиск всадников, но когда им пришлось иметь дело со всем греческим войском, они дрогнули: некоторые из них погибли при переправе через реку Пактол, а другие бежали. Греки бросились вслед за ними и захватили весь их лагерь. Пельтасты занялись грабежом, Агесилай же приказал взять под охрану захваченное имущество; его продажа принесла более 70 талантов. Среди добычи оказались верблюды, которых царь велел отправить в Грецию.

Диодор (XIV.80.2–4) описывает ход сражения иначе. Он отмечает, что ещё накануне битвы Агесилай послал спартанца Ксенокла ночью с 1400 воинов устроить засаду в лесу, чтобы тот подстерегал варваров. Сам спартанский царь с наступлением дня выступил с войском. Когда же он прошёл мимо засады, а персы, наступающие в беспорядке, нападали на арьергард, он вдруг неожиданно повернул на врагов. Разгорелась жаркая битва. Когда был подан сигнал находившимся в засаде, они, запев пеан, устремились на врагов. Персы, увидев, что окружены, и объятые ужасом, тотчас же бежали. Воины Агесилая ещё некоторое время преследовали персов, убили более 6000 человек, взяли множество пленных и разграбили лагерь; в их руки попала богатая добыча.

Более полное и яркое описание хода битвы при Сардах предоставляет фрагмент Оксиринхского историка (XV.5–6). Согласно данному автору, накануне сражения Агесилай поместил Ксенокла под покровом ночи в засаду с некоторым числом гоплитов и 500 легковооружённых: «Он поднял свое войско на заре и снова повел его вперёд. Варвары по обыкновению следовали за ним: одни шли в атаку, другие объезжали кругом на конях, третьи следовали в беспорядке сзади по равнине. Когда Ксенокл решил, что настало время напасть на врагов, он вывел пелопоннесцев из засады и устремился бегом на врагов. Каждый из отрядов варваров при приближении греков обращался в бегство, и вся равнина (покрылась бегущими). Увидев, что в войске неприятеля паника, Агесилай вывел своих легковооружённых и всадников преследовать врага: они соединились с вышедшими из засады и стали теснить варваров. Однако они не вели очень продолжительного преследования, так как всё равно им бы не удалось поймать врагов, войско которых состояло преимущественно из всадников и легковооружённых. При этом преследовании неприятель потерял около 600 человек. Прекратив преследование, войско двинулось на лагерь варваров. Он оказался охраняемым лишь очень слабой стражей, которая сейчас же была взята в плен. В этом лагере было захвачено очень мно-

го провианта, множество пленных, всевозможная утварь и ценные вещи, как самого Тиссаферна, так и других персов» (пер. С.Я. Лурье).

Таким образом, ход сражения при Сардах также описывается различно в основных источниках, однако, можно выделить и точки соприкосновения[17]. Все античные авторы указывают, что с персидской стороны в битве участвовала преимущественно конница[18], греки первыми атаковали персов и, обратив их в бегство, захватили и разграбили персидский лагерь. В связи с последним фактом особой критике исследователи подвергли высказывавшуюся иногда в литературе точку зрения, согласно которой состоялась не одна, а две битвы, выигранных Агесилаем[19]. Сохранившиеся части папируса с текстом Оксиринхской истории не оставляют места для описания какого-либо другого сражения, кроме того, о котором было уже рассказано. Наконец, Ксенофонт (Hell. III.4.20) знает также о Ксенокле, однако, он считает его только командиром отряда конницы Агесилая и в дальнейшем не упоминает о нём в связи со сражением.

Описание самой битвы в изложении Диодора и Оксиринхского историка имеет много общих черт. Оба историка отмечают, что сражение было заранее запланировано Агесилаем, который под покровом ночи решился устроить засаду персам. Тем не менее между двумя изложениями событий также существуют некоторые расхождения. Так, Диодор отмечает, что Агесилай первым атаковал персов, а Ксенокл нанёс удар только по сигналу, который дал спартанский царь. Согласно же Оксиринхскому историку, решение о нападении принял сам Ксенокл. Диодор говорит о «трудной битве» (καρτερὰ μάχη) между эллинами и персами, а Оксиринхский историк замечает, что персы тотчас же обращались в бегство при приближении греков. Далее, Диодор, в отличие от Оксиринхского историка, говорит о том, что Агесилай повернул своё войско, чтобы взять персов в клещи. Расходятся они и в оценке численности убитых персов: по сведениям Диодора, их было 6000 человек, а по данным Оксиринхского историка – 600.

Однако именно рассказ о стратегеме Агесилая – засаде Ксенокла – принципиально отличает сообщения двух названных авторов от рассказа Ксенофонта. Другим существенным отличием двух версий одного события является то, что, согласно Ксенофоту, сражение было спонтанным, возникшим из простой стычки греков и персов при попытке обеих сторон разбить лагерь на левом берегу реки Пактола, а по сведениям Диодора и Оксиринхского историка, Агесилай заранее спланировал битву. Таким образом, в изложении событий различными

---

[17] Об этих различиях: *Bruce I.A.F.* Op. cit. P. 152 ff.; *Nellen D.* Op. cit. S. 48–54; *Anderson J.K.* Op. cit. P. 47–49.

[18] Некоторые исследователи видят противоречие в том, что, согласно Ксенофонту, одновременно с персидской конницей на поле боя прибывает и персидский обоз, опережая пехоту, которая не успевает принять участия в сражении. Однако это противоречие устранил Дж. Андерсон, предположив, что имелся ввиду обоз персидской конницы (*Anderson J.K.* Op. cit. P. 49).

[19] Критику этой точки зрения см.: *Grenfell B.P., Hunt A.S.* Op. cit. P. 217; *Bruce I.A.F.* Op. cit. P. 152; *Anderson J.K.* Op. cit. P. 47.

античными авторами имеются и довольно значительные расхождения, которые современные исследователи объясняют по-разному. Ф. Корнелиус, принимая описание Ксенофонта, полагает, что этот историк представил битву с точки зрения ограниченного кругозора его участника – т.е. самого автора[20]. Исследователи, которые придерживаются изложения событий Оксиринхским историком, полагают, что Ксенофонт представил неполное описание битвы, поскольку историка, по их мнению, не было на поле сражения. В пользу этого предположения может указывать, например, то, что Агесилай незадолго до битвы, ещё в Эфесе, командиром «кирейцев» назначил Гериппида, который, вероятно, заменил в этой должности самого Ксенофонта (*Xen.* Hell. III.4.20). По мнению И. Брюса, это назначение свидетельствует о том, что Ксенофонт получил другое поручение от Агесилая и вынужден был остаться в Эфесе весной 395 г.[21]

Таким образом, если предположить, что засада Ксенокла имела место, но Ксенофонт непреднамеренно или вполне сознательно умолчал о ней, то между различными версиями остается только одно расхождение, которое касается последовательности событий в сражении. Ксенофонт полагает, что Агесилай сначала атаковал кавалерией, а затем повел в атаку гоплитов и пельтастов. Оксиринхский историк и Диодор говорят об атаке Ксенокла из засады в начале битвы, а затем о последовавшем наступлении всадников и легковооружённых. Однако это расхождение уже вполне объяснимо, поскольку Ксенофонт не упоминает о действиях отряда Ксенокла в битве[22].

---

[20] *Cornelius F.* Die Schlacht bei Sardis // Klio. 1933. Bd. 26. Ht. 1. S. 29–31

[21] *Bruce I.A.F.* Op. cit. P. 153. С предположением И. Брюса согласился также Дж. Андерсон, который, однако, полагал, что это не могло быть причиной недостаточной осведомлённости Ксенофонта о ходе битвы, так как, безусловно, историк имел возможность расспросить обо всём позднее Агесилая (*Anderson J.K.* Op. cit. P. 32). По мнению Андерсона, в отличие от Ксенофонта, нельзя отдавать предпочтение Оксиринхскому историку, о жизни которого мы вообще ничего не знаем. Как считает исследователь, Оксиринхский историк мог вообще ничего не слышать о битве, кроме её результата, и изобрести подробности, дабы доставить удовольствие своему читателю (*Anderson J.K.* Op. cit. P. 52). К этим аргументам В. Грей добавляет и то, что Оксиринхский историк вообще примечателен своей склонностью к описанию разного рода стратегем (*Gray V.* Op. cit. P. 196 ff.). Однако приведённые мнения исследователя во многом носят на себе отпечаток гиперкритицизма. По крайней мере, совершенно невероятно, что Оксиринхский историк, приводящий часто довольно подробные и точные сведения и не замеченный в склонности к риторическим приёмам, мог бы прямо выдумать такой эпизод, как, например, засада Ксенокла. По мнению И. Брюса, большинство деталей в описании не только самой битвы Оксиринхским, но и событий, которые ей предшествовали или последовали за ней, приводят к предположению, что эта версия событий получена из надежного источника (*Bruce I.A.F.* Op. cit. P. 155). С другой стороны, склонность Ксенофонта к замалчиванию отдельных фактов предполагает, что историк либо просто не знал, либо по каким-то своим причинам пропустил эпизод с засадой Ксенокла, благодаря смелым действиям которого Агесилай сумел выиграть битву.

[22] Дюга, например, полагал, что Ксенофонт говорит об атаке греческой кавалерии в начале битвы, поскольку он знал, что Ксенокл командовал в этом

В отношении участия в битве самого Тиссаферна сообщения Ксенофонта, с одной стороны, и Оксиринхского историка и Диодора, с другой, также различаются между собой. Согласно Ксенофонту (Hell. III.4.25), Тиссаферн находился в это время в Сардах, а потому и был обвинён царём в измене. Диодор (XIV.80.5) и Оксиринхский историк (XVII.1) говорят, что после поражения Тиссаферн отступил вместе со своими отрядами к Сардам. Попытку объяснить это кажущееся противоречие предпринял Г. Уэстлейк, высказав гипотезу о том, что Тиссаферн, находившийся в Сардах, когда услышал о битве, поспешил на помощь к своим войскам и присутствовал при их отступлении с поля боя[23].

После победы Агесилай, как сообщает Оксиринхский историк (XVII.1–4), простоял ещё три дня на поле битвы, в течение которых он подверг опустошению близлежащие районы Лидии, а также по условиям заключённого перемирия выдал врагам трупы погибших. После этого спартанский царь двинулся в направлении Великой Фригии, разоряя территорию врага по ходу своего движения. Тиссаферн же выступил вслед за греками, однако держался от них на расстоянии многих стадиев. Таким образом, пройдя всю Лидийскую равнину и не встречая сопротивления, Агесилай перешёл горы, отделяющие Лидию от Великой Фригии, и достиг фактически устья реки Меандр недалеко от города Келены. Дальнейшему продвижению спартанского царя на Восток помешали неблагоприятные жертвоприношения, которые вынудили его возвратиться в Эфес. Этот поход Агесилая во Фригию не упоминается в произведениях других авторов. Это обстоятельство побудило, например, Г. Уайли необоснованно подвергать сомнению достоверность сообщения Оксиринхского историка: «Весь рассказ о продвижении во Фригию кажется совершенно невероятным и не подтверждается Ксенофонтом или Диодором»[24].

Итак, подведём некоторые итоги. Прежде всего, заметим, что кульминацией спартано-персидской войны стало внезапное нападение Агесилая весной 395 г. на Сарды – резиденцию Тиссаферна. Вероятно, спартанский царь рассчитывал захватить город ещё до подхода войск сатрапа. Кроме того, захват одного из центров западных сатрапий персидской державы должен был создать угрозу внутренним районам Малой Азии. В самом сражении при Сардах Агесилай разгромил конницу Тиссаферна. Однако сама по себе победа спартанцев имела скорее психологическое значение. В военном отношении её плоды были весьма скромными: в битве фактически не участвовала многочисленная персидская пехота, да и сами потери персов оказались не слишком большими. Сарды не были захвачены Агесила-

---

сражении конницей и руководил первой атакой. Однако историк не знал, что Ксенокл имел специальное поручение и ему был дан особый отряд для выполнения поставленной задачи (*Dugas Ch.* Op. cit. P. 66).

[23] *Westlake H.D.* Decline and Fall of Tissaphernes // Historia. 1981. Bd. 30. P. 268.

[24] *Wylie G.* Op. cit. P. 123.

ем, поскольку прибывшие вовремя основные силы персов смогли предотвратить возможное нападение спартанского царя на город. Однако после поражения своей кавалерии Тиссаферн едва ли мог предпринять боевые действия против Агесилая и в скором времени сошёл с исторической арены[25]. Агесилай же проявил себя весьма искусным полководцем, а спартанская армия (состоявшая на этот раз в основном из наёмников и союзных контингентов) ещё раз подтвердила свои высокие боевые качества. Что касается различий в описании сражения у античных авторов, то они могут быть преодолены, и то только частично, в результате исторической реконструкции военной кампании и хода самой битвы, которая сама по себе, разумеется, выглядит весьма гипотетичной.

E.V. Rung

AGESILAUS AGAINST TISSAPHERNES (The Battle of Sardis in 395 B.C.)

The battle of Sardis took place in the period of the Spartan-Persian War, when the Spartan King Agesilaus made a surprise attack on Sardis – the residence of Persian satrap Tissaphernes, in the spring of 395 B.C. Probably the Spartan king hoped to take the city even before the arrival of satrap's troops. Besides, the capture of one of the centers of the western satrapies of the Persian empire was a threat to the internal regions of Asia Minor. In the battle of Sardis Agesilaus defeated only cavalry of Tissaphernes. However Spartan victory still served more psychological factor. From the military viewpoint, the results of victory were not too significant. The numerous Persian infantry was not actually involved in it, and the Persian losses were not too large. Sardis was not captured by Agesilaus since the main forces of the Persians arrived in time to prevent a possible attack by the Spartans on the city. However, after the defeat of his cavalry Tissaphernes could hardly take military action against Agesilaus. Agesilaus also proved to be highly skilled military leader, and the Spartan army reaffirmed their fighting qualities on the field of battle with the Persians. As for the differences in the description of the battle in various ancient authors, they can be resolved only partially as a result of the historical reconstruction of the military campaign and the course of the fight, which looks very hypothetical.

[25] О гибели Тиссаферна см.: *Рунг Э.В.* Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н.э. // ВДИ. 2012. № 1. С. 34–35.

С.Г. Карпюк

ЗАМЕРЗШЕЕ ВИНО КСЕНОФОНТА: ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Цель заметки – дать развернутый анализ сообщения Ксенофонта о замерзании вина во время похода во Фракию: «Тем временем выпал глубокий снег и настал такой холод, что вода, приносимая к обеду, замерзала, так же как и вино в ёмкостях (ἦν δὲ χιὼν πολλὴ καὶ ψῦχος οὕτως ὥστε τὸ ὕδωρ ὃ ἐφέροντο ἐπὶ δεῖπνον ἐπήγνυτο καὶ ὁ οἶνος ὁ ἐν τοῖς ἀγγείοις)[1], и многие эллины отморозили себе носы и уши. Тогда выяснилось, почему фракийцы носят на головах и ушах лисьи шкуры, а также хитоны, прикрывающие не только грудь, но и бедра, а при верховой езде – плащи-зейры, доходящие до пят, а не хламиды» (*Xen.* Anab. VII.4.3–4)[2].

Для древних греков замерзание вина не было чем-то небывалым и неожиданным. Аристотель отмечал в «Метеорологике», что затвердевание вина, как и воды, происходит от холода (IV.7.384a). Вопреки сомнительным исчислениям голландского комментатора «Анабасиса»[3], обычное виноградное вино крепостью 12 %, по мнению специалистов, замерзает при температуре от -6°C до -7°C[4].

Этот пассаж «Анабасиса» Ксенофонта описывает события зимы 400/399 г., когда войско «десяти тысяч», собственно говоря, уже почти вернулось в балканскую Грецию. Половина наемников (около пяти тысяч), в основном гоплиты, под командованием самого Ксенофонта согласилось с предложением своего командира не тратить деньги на зимовку (в это время дальнейшее путешествие по морю было невозможным), а поступить на службу к Севту, фракийцу царского рода из племени одрисов. Их кампания по «устрашению» местного населения, описанная в первых семи главах седьмой книги «Анабасиса», продолжалась чуть больше месяца в районах Фракии, не слишком удаленных от Византия. Трудно с точностью до месяца датировать описанные события, но, скорее всего, они про-

---

[1] ἀγγεῖον – сосуд, мех (т.е. не обязательно глиняный).

[2] Здесь и далее перевод М.И. Максимовой с изменениями.

[3] *Stronk J.P.* The Ten Thousand in Thrace. An Archaeological and Historical Commentary on Xenophon's Anabasis. Books VI. iii–iv – VII. Amsterdam, 1995. P. 217–218, 224–225. Вызывает некоторое изумление расчет точки замерзания вина, исходя из температуры замерзания воды в 0°C: -3,9°C для 12 %-ного алкоголя (ibid. P. 224). При 0°C замерзает дистиллированная вода в лаборатории; в обычных природных условиях вода замерзает в интервале от -3°C до -4°C.

[4] См.: http://wiki.answers.com/Q/What_is_the_freezing_temperature_of_–wine#ixzz 1w4oUmiRb.

исходили в январе – феврале 399 г., т.е. в самый разгар зимних холодов.

Насколько необычны были такие холода для греков вообще? Зимние холода для них не были чем-то неестественным. По мнению Гиппократа, наиболее здоровый климат – когда «зима умеренная, ни слишком мягкая, ни сверх меры холодная» (*Hippocr.* De aer. 10). В нашем распоряжении есть уникальное свидетельство Гиппократа о погодных условиях на острове Фасос (самого северного острова Эгейского моря) около 410 г., т.е. и географически, и хронологически близкое к описанию Ксенофонта; согласно этому свидетельству, в один год из четырех зима выдалась исключительно холодной, а в два других года также выпадал снег (*Hippocr.* Epidem. I.1)[5].

Средиземноморский климат вполне совместим с зимними холодами, правда, кратковременными. Еще Геродот в египетском логосе писал о том, что снег не может идти дольше пяти дней подряд, а затем обязательно переходит в дождь (II.22). Даже для современного климата Средней Греции характерны минусовые температуры зимой: об этом свидетельствуют данные метеорологических наблюдений Афинской обсерватории. Случаются и сильные снегопады, которые являются редким, хотя и не уникальным явлением: достаточно вспомнить запомнившийся жителям Афин снегопад начала января 2002 г., когда выпало около 40 см снега. Среднесуточная температура в Афинах в январе–феврале не превышает 10°С, а в наиболее холодные годы 7°С (данные 50–70-х годов XX в.), абсолютные минимумы по месяцам: -3,7°С (для декабря), -4,4°С (для января), -5,7°С (для февраля)[6].

Насколько компетентен был сам Ксенофонт в описании зимних холодов, были ли зимние холода для него в новинку? Из его сочинений мы можем сделать вполне определенные выводы на этот счет. Очевидно, еще до своего отъезда в армию Кира в 401 г. Ксенофонт мог наблюдать сильный снегопад в Аттике зимой 404/3 г., который затруднил действия «тридцати правителей» против Фрасибула. Ксенофонт весьма реалистически описал этот снегопад в «Греческой истории». Вероятно, он и сам был в числе «трех тысяч» ополченцев, «засыпанных снегом» (οἱ …νιφόμενοι) при осаде Филы в Аттике (*Xen.* Hell. II.4.2–4).

За год до похода во Фракию, в декабре 401 г., Ксенофонту, вместе со своими товарищами, довелось пересекать нагорья восточной Анатолии, высшей точкой которого стал перевал Тохталы к западу от озера Ван (около 1700 метров над уровнем моря)[7], когда

---

[5] Подробнее см.: *Карпюк С.Г.* Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция), М., 2010. С. 89–93.

[6] *Müller M.* Handbuch ausgewählter Klimastationen der Erde. Trier, 1983.

[7] *Waterfield R.* Xenophon's Retreat: Greece, Persia, and the End of the Golden Age. Cambr.; Mass., 2006. P. 138. В работе начала XX в. упоминается высота 1300–1400 метров: *Hoffmeister E. von.* Durch Armenien, Eine Wanderung und Der Zug Xenophons bis zum Schwarzen Meere. Eine militär-geographische

греки «расположились лагерем, а ночью выпал обильный снег. Поэтому утром решили разместить солдат и всех начальников по квартирам в деревнях, так как нигде не было видно неприятеля и казалось, что обильный снег достаточная гарантия безопасности» (*Xen.* Anab. IV.4.8). Далее ситуация только ухудшилась: «Но в то время, как они таким образом проводили ночь, выпал такой глубокий снег (ἐπιπίπτει χιών), что он покрыл оружие и лежавших на земле людей и как бы сковал по ногам вьючный скот. Было очень боязно встать, потому что выпавший и нерастаявший снег согревал лежавшего под ним человека. Когда же Ксенофонт решился встать обнаженным и начал колоть дрова, то тотчас же встал еще один человек, отнял у него топор и принялся за рубку дров. Вслед за этим и другие начали подниматься, разжигать костры и натираться мазью… Тогда решили вновь разместиться (в деревнях) по квартирам в домах. Солдаты радостно, с громкими криками, отправились к домам и к продовольствию…» (*Xen.* Anab. IV.4.11–12, 14).

Что можно добавить к этому отрывку? Только то, что Ксенофонт описывал именно личные, собственные впечатления. Греческие воины вполне могли ночевать под снегом, но только в виде исключения, и, конечно же, предпочитали ночевку в домах. Следует отметить и физическую подготовку греков, и спокойствие и выдержку автора «Анабасиса», переносившего и описывавшего подобные невзгоды как должное.

Ремарки, касающиеся зимних холодов, разбросаны и в других сочинениях Ксенофонта. В «Воспитании Кира» упоминается охота в суровую стужу, которая является лучшей подготовкой к войне (Cyrop. I.6.39). Для грека Ксенофонта использование персами зимой рукавиц – очевидный признак изнеженности (VIII.8.15–18). Характерно, что в «Воспоминаниях о Сократе» (II.1.30) таким же неестественным удовольствием считается употребление охлажденного питья (дословно, снега) летом. В трактате «О псовой охоте» Ксенофонт отмечает, что «выслеживать зайцев нужно тогда, когда Зевс снежит (νίφῃ ὁ θεός) и снег закрывает землю, а если остаются черные пятна, то трудно искать» (Cyneg. VIII.1).

Итак, Ксенофонту, с его «чутьем реальности», о котором много рассуждают комментаторы, удалось, наверное, впервые в греческой литературе, описать сильные морозы. Зимние холода во Фракии, очевидно, доходили, по меньшей мере, до 6–7 градусов мороза (вино, во всяком случае, замерзало), если не ниже. Даже во время «снежного перехода» в Армении мороз, очевидно, не был столь сильным, как во Фракии. На службе у Севта Ксенофонту пришлось столкнуться как с достаточно серьезным снежным покровом[8], так и с сильными морозами. Греческий автор оценил при этом практич-

---

Studie. Leipzig; B., 1911. S. 235–236. Однако за век измерительные приборы стали более точными.

[8] Севт по глубокому снегу выискивал следы противника (Xen. Anab. VII.3.42).

ность одежды фракийцев – их зимние шапки, длинные плащи-накидки. Сведениям о фракийском походе войска наемников под командованием Ксенофонта, изложенным в «Анабасисе», безуслов-но, можно доверять. Следует дать высокую оценку Ксенофонту как источнику в описании событий, в которых он лично принимал участие.

S.G. Karpyuk

FROZEN WINE IN XENOPHON'S ANABASIS: NATURAL AND HISTORIC CONTEXTS

The article deals with the analysis of Xenophon's note in Anabasis (VII.4.3–4) about frozen wine during his expedition to Thrace in January or February 399 B.C.

О.В. Осипова

OIKONOMIA: ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ О КОМПОЗИЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Дионисий Галикарнасский (ок. 55 – после 8 г.[1]), автор риторических трактатов и так называемых «литературных писем», создававшихся на протяжении многих лет, анализирует произведения историков V–IV вв. в сохранившемся фрагментарно сочинении «О подражании», «Письме к Помпею», в котором оно цитируется с некоторыми изменениями[2], и в трактате «О Фукидиде».

При анализе речей и исторических сочинений Дионисий Галикарнасский выделяет аспект стилистический (λεκτικὸς τόπος) и содержательный (πραγματικὸς τόπος), включающий, в свою очередь, «приготовление» (παρασκευή), или «нахождение» (εὕρεσις), и «использование приготовленного» (χρῆσις τῶν παρεσκευασμένων), называемое «расположением материала» (οἰκονομία), – раздел содержания, требующий от писателя «большего искусства» (τὸ τεχνικώτερον μέρος τοῦ πραγματικοῦ) (De Dem. 51). Можно сказать, что «расположение материала» соответствует литературоведческому термину «композиция» – «взаимная соотнесённость и расположение единиц изображаемого и художественно-речевых средств»[3]. Попытаемся рассмотреть принципы анализа композиции исторических сочинений в риторических трактатах Дионисия Галикарнасского.

Отметим, что направление критики Дионисия Галикарнасского в значительной степени определяется риторической системой «достоинств стиля» (ἀρεταί) (Ep. ad Pomp. 3), с которыми соотносятся и достоинства содержания, общие для речей и исторических сочинений: ясность (σαφήνεια), убедительность (πιθανότης) и краткость (συντομία)[4]. Так, историческое сочинение (ἱστορικὴ πραγματεία) должно быть связным (εἰρομένην – букв. «нанизанным») и последовательным (ἀπερίσπαστον – букв. «не увлекаемым в разные стороны»), особенно когда речь идёт

---

[1] Здесь и далее все даты – до н.э.

[2] Тексты трактата «О подражании» и цитат из него в «Письме к Помпею» сопоставляются в работах: *Weaire G.* The Relationship between Dionysius of Halicarnassus' De Imitatione and Epistula ad Pompeium // CPh. 2002. Vol. 97. No. 4. P. 351–359; *Sacks K.S.* Historiography in the Rhetorical Works of Dionysius of Halicarnassus // Athenaeum. 1983. Vol. 61. P. 66–74. См. также русский перевод «Письма к Помпею»: *Дионисий Галикарнасский.* Письмо к Помпею / Пер. О.В. Смыки // Античные риторики. М., 1978. С. 222–233.

[3] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 1999. С. 262.

[4] См.: *Nicolai R.* La storiografia nell' educazione antica. Pisa, 1992. P. 132. Достоинства содержания речей: ясность, краткость и правдоподобие – рассматриваются в статье М.Л. Гаспарова «Античная риторика как система»: *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. О поэтах. М., 1997. Т. 1. С. 567.

о многих и малопонятных (δυσκαταμαθήτων – букв. «с трудом усваиваемых») событиях (De Thuc. 9), а, благодаря множеству излагаемых в речи событий может оказаться трудно следить за ходом изложения (δυσπαρακολούθητος), это нарушит ее ясность (σαφήνειαν) (De Isaeo 14).

Принцип анализа Дионисия Галикарнасского был назван «выборочным подражанием»[5], которое подразумевает внимательное изучение содержания и стиля произведений лучших аттических ораторов и историков и отбор лучших качеств каждого. Рассуждая о композиции исторических сочинений, Дионисий Галикарнасский подробно рассматривает произведения одного историка или прибегает к сравнительному анализу, сопоставляя произведения двух авторов. В трактате «О подражании» и в «Письме к Помпею» он даёт сравнительную характеристику «Историям» Геродота и Фукидида (Ep. ad Pomp. 3), затем переходит к сочинениям их подражателей, сравнивая Ксенофонта с Геродотом (Ep. ad Pomp. 4), а Филиста с Фукидидом (Ep. ad Pomp. 5), и отдельно рассматривает произведения Феопомпа (Ep. ad Pomp. 6); анализу композиции «Истории» Фукидида он посвящает раздел трактата «О Фукидиде» (De Thuc. 9–20).

Расположение материала (композиция) включает, по Дионисию Галикарнасскому, во-первых, «разделение» (διαίρεσις)[6], или последовательность изложения, во-вторых, «расположение» (τάξις), или временную организацию текста, и, в-третьих, «отделку» (ἐξεργασία), или технику изложения (De Thuc. 9)[7].

В «Письме к Помпею» он замечает, что в историческом сочинении важно «распределить и поместить» (διελέσθαι τε καὶ τάξαι) каждое из излагаемых событий в нужное место (Ep. ad Pomp. 3.13). Более подробно Дионисий Галикарнасский пишет о «разделении» в трактате «О Фукидиде». В исторических сочинениях излагаемые события группируются по географическому (κατὰ τόπους) или по хронологическому принципу (κατὰ χρόνους εὐπαρακολουθήτους – «по легко прослеживаемым временным отрезкам»): по именам сменяющих друг друга царей или жрецов, архонтов, вступающих в должность на год, а также по олимпиадам (De Thuc. 9). По хронологическому принципу распределяют материал авторы историй отдельных местностей, по географическому – Гелланик и Геродот. «История» обобщает огромный этнографический и исторический материал: она представляет собой ряд логосов, соединённых в последовательное повествование, материал которого сгруппирован по географическому признаку[8]. Необходимо уточнить, что повествова-

---

[5] Eclectic imitation. См.: *Usher S.* On the Ancient Orators. Introduction // Dionysius of Halicarnassus. The Critical Essays I. Cambr.; L., 1974. P. 2.

[6] При анализе композиции (πραγματικὴ οἰκονομία) речей Дионисий Галикарнасский обозначает «разделение» термином μερισμός (De Isocr. 4).

[7] В «Письме к Помпею» к содержательной стороне произведения Дионисий Галикарнасский относит выбор темы, композицию и авторскую позицию (Ep. ad Pomp. 3).

[8] Композиция «Истории» Геродота рассматривается в работе: *Миллер Т.А.* Греческая эпическая историография // *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография. Геродот, Тит Ливий. М., 1984. С. 6–10.

ние о войнах в трудах Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других историков включает ряд повторяющихся типических ситуаций: описания сражений, походов, а также народных собраний; временную последовательность нарушают экскурсы.

«Разделение» в «Истории» Фукидида – изложение событий по летним и зимним кампаниям – представляется Дионисию Галикарнасскому неудачным: оно лишено ясности и последовательности (ἀσαφὴς καὶ δυσπαρακολούθητος, Ep. ad Pomp. 3.13). Отметим, что если в «Письме к Помпею» он называет последовательность изложения в произведении Фукидида хронологической (τοῖς χρόνοις, Ep. ad Pomp. 3.13), то в трактате «О Фукидиде» выделяет «разделение» его «Истории» особо, не относя его ни к географическому, ни к хронологическому, но повторяет приведенную ранее оценку: параллельное изложение событий, связанных временным единством, становится не более ясным (οὐ σαφεστέρα), а менее последовательным (δυσπαρακολουθητοτέρα), так как повествование оказывается разорванным на маленькие отрезки (εἰς μικρὰς κατακερματιζομένη τομάς, De Thuc. 9). В качестве примера Дионисий Галикарнасский приводит третью книгу «Истории», в которой Фукидид описывает происходившие одновременно события в Митилене и Платее, осаду Платеи и походы спартанцев (De Thuc. 9), и захват афинянами Пилоса и Сфактерии, описанный в четвёртой книге (De Thuc. 13).

В трактате «О Фукидиде» Дионисий Галикарнасский не отдаёт предпочтения какому-то одному принципу «разделения», а в «Письме к Помпею» выступает сторонником тематической, в частности, географической, последовательности изложения: в «Истории» Геродота, в отличие от сочинения Фукидида, тематическое (ταῖς περιοχαῖς τῶν πραγμάτων) «разделение» не разрывает повествования (οὐ διέσπασε τὴν διήγησιν, Ep. ad Pomp. 3.14).

Рассуждая о композиции произведений Ксенофонта, Феопомпа и Филиста, Дионисий Галикарнасский ограничивается краткими замечаниями: первый «хорошо разделил, упорядочил [материал] и придал разнообразие» (μεμέρικέ τε καλῶς καὶ τέταχε καὶ πεποίκιλκε) своим произведениям (Ep. ad Pomp. 4.2), оба сочинения второго «последовательны и ясны» (εὐπαρακολούθητοι καὶ σαφεῖς) (Ep. ad Pomp. 6.2). В произведениях Филиста он указывает на те же недостатки композиции, что и в «Истории» Фукидида: из-за неудачной композиции трудно следить за ходом событий (τάξιν… δυσπαρακολούθητον, Ep. ad Pomp. 5.2). В трактате «О подражании» Дионисий Галикарнасский пишет об этом более подробно[9]: он отмечает неупорядоченность расположения материала (τὴν ἀταξίαν τῆς οἰκονομίας) и заключает, что Филист сделал произведение непоследовательным, нарушив связность изложения (δυσπαρακολούθητον τὴν πραγματείαν τῇ συγχύσει τῶν εἰρημένων πεποίηκεν) (De imit. Fr. 31.3.2).

---

[9] Считается, что эпитоматора, в изложении которого сохранились фрагменты трактата «О подражании», более интересовали суждения Дионисия Галикарнасского о таких историках, как Филист и Феопомп. См.: *Weaire G.* Op. cit. P. 357.

Кратко анализируя «расположение» (τάξις), Дионисий Галикарнасский обращает внимание на начало и финал произведения, отграничивающие излагаемые события: он указывает, что в начале исторического сочинения должны излагаться причины, а в конце – событие «замечательное и очень приятное для слушателей» (τὴν θαυμασιωτάτην καὶ μάλιστα τοῖς ἀκούουσι κεχαρισμένην, Ep. ad Pomp. 3.10), как в «Истории» Геродота. Недостаток композиции «Истории» Фукидида он видит в том, что историк начинает произведение не с истинной причины Пелопонесской войны – опасений Спарты из-за усиления Афин (*Thuc.* I.23.5), а с повода – событий на Керкире (*Thuc.* I.24–55), и оставляет сочинение незаконченным, остановившись на битве при Киноссемате в 411 г. (*Thuc.* VIII.106–108; De Thuc. 11, ср.: Ep. ad Pomp. 3.9–10). Ксенофонт, как и Геродот, по мнению Дионисия Галикарнасского, начинает свои произведения с «весьма подходящих» (πρεπωδεστάταις) событий и заканчивает «весьма подходящими» (ἐπιτηδειοτάταις) (Ep. ad Pomp. 4.2).

В «Письме к Помпею», рассуждая о технике изложения (ἐξεργασία), Дионисий Галикарнасский пишет о разнообразии содержания (ποικιλία) исторических сочинений[10], которое достигается введением речей и экскурсов. Дионисий Галикарнасский полагает, что географические и историко-этнографические отступления являются обязательным элементом композиции исторических сочинений. Так, он указывает, что Геродот считал необходимым делать паузы (ἀναπαύσεις) в последовательном изложении событий (Ep. ad Pomp. 3.11), приводит примеры отступлений в «Истории» Фукидида (Ep. ad Pomp. 3.12): это история возвышения царства одрисов, предваряющая изложение событий во Фракии (*Thuc.* II.96–97), и «Сицилийская археология», посвящённая древнейшей истории Сицилии (*Thuc.* VI.2–5).

О Ксенофонте Дионисий Галикарнасский пишет, что он «привнёс разнообразие» в произведение, подражая Геродоту (Ep. ad Pomp. 4.2). Характеризуя содержание произведений Филиста, Дионисий (вновь без примеров) указывает на то, что отсутствие экскурсов сближает его с «Историей» Фукидида: «Он не желает включать в произведения ничего, что не связано с темой (πρᾶγμα ἔξωθεν), как и Фукидид, и потому однообразен (ὁμοειδής)» (Ep. ad Pomp. 5.2). Он отмечает, с одной стороны, разнообразие содержания произведений Феопомпа: πολύμορφον τῆς γραφῆς – «многосторонность» (Ep. ad Pomp. 6.3); ποικιλία ἐν τοῖς πράγμασι – «пестрота содержания» (De imit. Fr. 31.3.3). С другой стороны, он критикует избыточность (οὔτε ἀναγκαῖαι) и неуместность (οὔτ' ἐν καιρῷ) экскурсов с точки зрения композиции (Ep. ad Pomp. 6.11), указывая на отсутствие одного из достоинств содержания – краткости.

В трактате «О Фукидиде» технике изложения Дионисий Галикарнасский посвящает особый раздел (De Thuc. 9–20), о чем уже было сказано ранее. Необходимо отметить, что с точки зрения представления фактов изложение Фукидида отличается разнообразием, свойст-

[10] *Fornaro S.* Epistola a Pompeo Gemino. Introduzione e commento. Stuttgart; Leipzig, 1997. P. 194–197.

венным художественной композиции. Давно замечено, что в «Истории» Фукидида отсутствует определённая модель рассказа, единство темпа: краткий рассказ или только упоминание о каком-либо событии Пелопоннесской войны, хроникальные части чередуются с ретроспективным рассказом, а суммарное изложение событий сменяется непосредственным развернутым их описанием, как будто они происходят на глазах у рассказчика. Так, излагая события 426 г., он замечает: «Я упомяну только о наиболее достопримечательных (ἃ δὲ λόγου μάλιστα ἄξια) военных действиях, которые вели союзники вместе с афинянами или же неприятели против афинян» (*Thuc.* III.90.1). В качестве примера замедления и убыстрения темпа повествования можно привести приблизительно равные по объёму пятую и шестую книги «Истории»: в пятой книге описываются события шести лет войны (422–416 гг.), а в шестой – одного (415 г.).

Выбор того или иного типа повествования обусловлен, по-видимому, представлениями самого историка о важности данного события и его значении в ходе войны; композиционные приёмы служат, таким образом, расстановке нужных автору акцентов. Однако Дионисий Галикарнасский видит ещё один недостаток композиции «Истории» Фукидида в непропорциональности распределения детализированных описаний и суммирующих обозначений: о важных и значительных, по мнению автора трактата, событиях историк сообщает кратко, о второстепенных – подробно; это относится к описанию сражений (De Thuc. 13–14), посольств (De Thuc. 14–15) и бедствий войны (συμφοραί, De Thuc. 15), а также к речам (De Thuc. 16–18) и вступлению (De Thuc. 19–20).

Так, о крупных сражениях, где было много убитых и пленных, Фукидид пишет бегло (ἐπιτροχάδην): это морское сражение при Евримедонте в 465 г. (*Thuc.* I.100), захват афинянами острова Сфактерии (IV.38.5) и Никием острова Киферы (IV.53–57) и взятие афинянами города Фиреи в 424 г. (IV.57.3). Дионисий Галикарнасский не понимает, почему о посольстве афинян в Спарту в 430 г. Фукидид лишь упоминает (*Thuc.* II.59.1–2), а о посольстве спартанцев в Афины после захвата Пилоса и острова Сфактерии в 425 г. (*Thuc.* IV.15–22) рассказывает подробно, приводя речь спартанских послов (De Thuc. 14–15).

Военные действия, взятие и разрушение городов, захват пленных античные риторики относят к событиям, которые могут быть описаны в исторических сочинениях детализированно, «наглядно»[11]. Дионисий Галикарнасский приводит из «Истории» Фукидида примеры удачных развёрнутых описаний взятия в 427 г. Платеи (*Thuc.* III.52–68) и Митилены (III.27–50) и захвата Мелоса в 415 г. (V.84–116). С другой стороны, он отмечает, что Фукидид приуменьшает масштаб бедствий войны кратким упоминанием о них; это относится к описанию захвата Скионы в 420 г. (V.32.1) и Эвбеи в 445 г. (I.114.3), и изгнания жителей Эгины в 431 г. (*Thuc.* II.27.1, De Thuc. 15).

[11] Примеры см. в работе: *Nicolai R.* Op. cit. P. 139.

Исходя из требований уместности, Дионисий Галикарнасский отмечает, что в одних случаях, где речи необходимы, их нет, но в других, где их могло бы не быть, они присутствуют (De Thuc. 17). Речей не хватает в описании посольства афинян в Спарту в 430 г. (*Thuc.* II.59.1–2, De Thuc. 15) и народного собрания, на котором афиняне решают истребить всё население Митилены (*Thuc.* III.36, De Thuc. 17), а речь, подобная надгробной речи Перикла (*Thuc.* II.35–46), была бы уместна в описании не событий первого года войны, а захвата Сфактерии (*Thuc.* IV.9–23, 26–40) или отступления афинян после разгрома Сицилийской экспедиции в 413 г. (*Thuc.* VII.78–87, De Thuc. 18).

Наконец, недостатки композиции «Истории» Фукидида Дионисий Галикарнасский отмечает, указывая на непропорциональность (ἀνώμαλον) вступления: оно слишком велико, так что оказывается отдельным историческим сочинением (ἱστορία τις αὐτὴ καθ' αὑτήν, De Thuc. 19). Исходя из того, что вступление должно передавать основное содержание (τὰ κεφάλαια) того, что будет изложено далее, он предлагает свой вариант (De Thuc. 20): он оставляет только первую и последние главы (*Thuc.* I.1, 21–23), считая ненужным остальное, т.е. «Археологию» – изложение древнейшей истории Греции (*Thuc.* I.2–19), предваряющее описание Пелопоннесской войны.

Таким образом, Дионисий Галикарнасский, анализируя композицию, или «расположение материала» исторических сочинений в трактате «О подражании», «Письме к Помпею» и в трактате «О Фукидиде», обращает внимание, прежде всего, на последовательность изложения и повествовательную технику. Достоинством первой является ясность, а второй – разнообразие и пропорциональность: подробность описания сражений, посольств и изложения речей должна быть обусловлена масштабом события, а введение соответствовать требованиям риторики.

Osipova O.V.

OIKONOMIA: DIONYSIUS OF HALICARNASSUS ON THE STRUCTURE OF HISTORICAL WORKS

In this article, the principles of analyzing the structure (*oikonomia*) of historical works in Dionysius of Halicarnassus' rhetorical treatises *On Imitation*, *Letter to Pompeius*, and *On Thucydides* are discussed. It can be said that Dionysius of Halicarnassus notes the consistency of story and narrative technique. The virtue of the first is clarity and the virtues of the second are variety and proportionality: a detailed description of battles and embassies, as well as account of speeches should be conditioned with the importance of the event, and the introduction should meet the requirements of rhetoric.

Е.А. Савостина

НАДПИСЬ НА ВАЗЕ. О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ

В недавно представленной вниманию читателей серии статей, одна из которых была опубликована в сборнике «Античный мир и археология» (за что, пользуясь случаем, приношу свою искреннюю благодарность редакции)[1], рассматривается возможность трактовки дополнительных геометрических знаков и фигур, встречающихся в росписи древнегреческих ваз помимо основного сюжетного изображения, как проявление особого рода вспомогательной смысловой структуры, где вторичное изображение комментирует, характеризует и поясняет основное. Речь идет, безусловно, лишь о некоторых таких знаках, которые встречаются в сходных, близких ситуациях; которые повторяются в устойчивых сочетаниях и, при определенных соответствиях, доступны систематизации.

Здесь нет нужды освещать всю эту проблему, но поскольку для большинства читателей она мало знакома, позволю себе обозначить хотя бы основные ее контуры и возможные перспективы.

Почему, собственно, такая проблема возникает? Прежде всего, из-за необходимости понять и объяснить причины включения в роспись не только многочисленных геометрических значков, заполняющих пространство возле фигур, появившихся в искусстве поздней геометрики (их можно было объяснить как «атавистические черты» предшествующего стиля или как «боязнь незаполненного пространства»), но и разнообразных персонажей, происходящих из мира животных, с явной настойчивостью появляющихся возле фигур героев в развитых сюжетных композициях ориентализирующего и чернофигурного стиля. Особое внимание обращают на себя насыщенные разнообразными зверьками коринфские композиции на тему отъезда Амфиарая в поход Семерых против Фив, прежде всего, знаменитый Кратер Ам-

---

[1] *Савостина Е.А.* «Читая греческие вазы…». О языке искусства как системе символов // Лазаревские чтения. Искусство Византии, древней Руси, Западной Европы. Материалы научной конференции 2009. М., 2009. С. 311–332; *она же.* У истоков фигуративного языка греческой вазописи. Пояснительная система знаков-символов // АМА. 2011. Вып. 15. С. 31–56; *она же.* Скифы, греки и языки их искусства. Об изобразительных системах культур, встретившихся в Северном Причерноморье // БФ. 2011. С. 543–548; *она же.* Роль пояснительной системы в смысловом пространстве греческой вазописи // Вестник РГГУ. Серия: «Культурология, искусствоведение, музеология». 2012. Вып. 11. С. 146–155.

фиарая, ок. 560–525 гг. до н.э.[2] Нередко производят впечатление и сцены на лаконских вазах: «необыкновенное оживление» видит Ю.В. Андреев в трактовке сюжета килика мастера Аркесилая, которое передается, в том числе, многочисленными фигурками птиц и животных: «ящерицы, гепарда, обезьянки»[3].

Надо сказать, что этих «ящерок», «зайцев», «ежей», «змей», «сов», «летящих птиц» приходилось отслеживать на протяжении довольно долгого времени, и лишь совсем недавно мне стало известно, что фигурками ящериц интересуется еще один человек – это американский исследователь Джефри Харвит, опубликовавший статью, посвященную изображениям ящериц и львов в раннегреческом искусстве[4]. Пройдя почти таким же путем, рассмотрев практически те же памятники, Харвит делает очень схожие наблюдения. Он также считает, что ящерица встречается в таких комбинациях с горгонами, сфинксами, героями, которые явно свидетельствуют о ее символическом значении. Со своей стороны, он трактует это изображение в мифологических сюжетах как «предзнаменование несчастья»[5], но так же совершенно справедливо утверждает, что значение его как символа в искусстве переменчиво: смысл «пресмыкающегося» в архаической вазописи, намеченной жертвы Аполлона Савроктона в статуе Праксителя и ящерок, прячущихся в аканфовой листве Алтаря мира Августа, отличен[6]. Появление единомышленника поддерживает меня в осознании правильного пути в исследовании и укрепляет ранее высказанную точку зрения[7]. Но нужно как-то двигаться дальше.

Из анализа ряда произведений очевидно, что «животные символы» не были случайностью. Они, несомненно, являлись частью общей образно-знаковой системы, которая развивалась в культуре как результат творческой и познавательной деятельности, результат общения людей. Эта часть системы носила явно вспомогательный характер и возникла еще в эпоху поздней геометрики, когда геометрические знаки-символы комментировали действия статичных фигур.

Далее пояснительная система развивалась вместе с изобразительным языком и также эволюционировала в сторону зрительного определения: знаками-символами стали фигурки животных. В эпоху классики символ уступает место атрибуту, в отличие от изменяющего зна-

---

[2] «Кратер Амфиарая» – позднекоринфский кратер мастера Амфиарая, ок. 560–525 гг. до н.э. (бывшее Берлинское собрание, F 1655): *Савостина Е.А.* У истоков… С. 38. Прим. 27. Рис. 11.

[3] *Андреев Ю.В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008. С. 119–122.

[4] *Hurwit J.M.* Lizards, Lions, and the Uncanny in Early Greek Art // Hesperia. 2006. Vol. 75. No. 1. P. 121–136.

[5] Ibid. P. 129–130.

[6] Ibid. P. 132.

[7] *Савостина Е.А.* «Язык зверей» в архаической вазописи Греции // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб., 1996. С. 31–33.

чение символа – постоянному условному знаку, определяющему главное, существенное свойство конкретного персонажа.

Наконец, с определенного времени, а именно с кон. VIII – нач. VII вв. до н.э., в пояснительной системе вазописи появляется еще один элемент – надпись[8].

Теме надписи на вазе посвящено множество работ. Наиболее полно в отечественной историографии ее раскрывает статья Н.В. Брагинской[9], до сих пор не утратившая своей актуальности. Нужно назвать и недавнюю работу Джослин Смолл, в которой, помимо всего прочего, анализируется значение «молчаливых деталей» изображения[10], а также книгу Энн Стейнер[11], где надпись связывается не только с отдельным изображением, но и с прочтением всей вазовой композиции.

Возникнув после долгих «молчаливых» столетий, письменный язык не мог не оказать влияния на развитие художественного языка – смыслового и изобразительного. Не случайно рождение греческой письменности (в середине VIII в. до н.э.) и сложение зримого образа в искусстве практически совпадают во времени: геометрика заменяется действующими фигурами, не только именование коих, но и действия, мифологические связи между которыми довольно скоро начинают поясняться надписью.

Подобно знаку-символу написанное слово выступает в разных ролях – в том числе, как озвученный голос самого сосуда, передача речи героев изображенной сцены. Речь их тоже нередко звучит для характеризации персонажей и ситуации. В этом случае достаточно показательной может быть «озвученная» сцена на чернофигурной амфоре Экзекия, где изображены играющие в кости Ахилл и Аякс. Считается, что эта сцена «озвучена» неспроста, в ней как бы утверждается превосходство Ахилла над почти равным ему героем Аяксом: «Три», – говорит Аякс, «Четыре» – произносит Ахилл и, следовательно, выигрывает[12].

Нельзя не вспомнить и сцену на пелике Ефрония из Эрмитажа, где в обсуждении происходящего участвуют три персонажа. Между ними летает ласточка и, как птицы, парят слова, создавая в воображении зрителя образ весны (то есть, уже отвлеченное понятие): «Смотри, вот ласточка! – Да, клянусь Гераклом! – Вот она! – Уже весна»[13].

---

[8] К эпохе поздней геометрики – ок. 730–720 г. до н.э. относится кубок с надписью владельца, так называемый Кубок Нестора: *Neer R.T.* Art and Archaeology of the Greek World. A New History, c. 2500 – c. 150 BCE. L., 2012. P. 90. Fig. 3.37 a, b. К 700–675 гг. принадлежит вотивная табличка, подписанная мастером Аналатом: *Cook R.M.* Greek Painted Pottery. L., 1997. P. 63.

[9] *Брагинская Н.В.* Надпись и изображение в греческой вазописи // Культура и искусство Античного мира. Материалы научной конференции (1979) ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1980. С. 41–99.

[10] *Small J.P.* The Parallel Words of Classical Art and Text. Cambr., 2003.

[11] *Steiner A.* Reading Greek Vases. Cambr., 2007.

[12] *Clark A.J. etc.* Understanding Greek Vases. A Guide to Terms, Styles, and Techniques. Los Angeles, 2002. P. 41. Fig. 29.

[13] *Small J.P.* The Parallel Words… P. 11. Fig. 1.

Слово на вазе служит для записи и передачи разнообразной, в том числе, и «неизобразительной» информации: указания мастера (гончара, вазописца), именования сюжета изображения – хотя и чрезвычайно редко, но все же и это встречается. Так, широко известный фрагмент аттической чернофигурной вазы отличается обоими этими свойствами: он и подписан Софилосом от имени сосуда: «Софилос расписал меня» («Sophilos megrasphen»), и содержит «заголовок» сюжета: «Патрокловы игры» («patroklus atla»)[14].

Но гораздо чаще, все-таки, надпись – это именование изображенных персонажей. Вспомним, что и в росписях упомянутых выше Килика Аркесилая и Кратера Амфиарая, даже при явной перенасыщенности их композиций другими знаками-комментаторами из «языка животных», также видим надписи, называющие действующих лиц.

Нельзя не отметить, что такое же применение надписи на вещи известно и в скульптуре, причем, от архаического времени (посвятительные статуи, фриз сокровищницы сифносцев в Дельфах, ок. 525 г. до н.э.)[15] до эллинизма (надписи с указанием имен героев на фризе пергамского Большого Алтаря Зевса, ок. 180 г. до н.э.). «Говорит» и сама статуя – от ранних времен: «меня сделал, … посвятил…» (как и сосуд) – до классической эпиграммы: «Снова из камня живой сделал Пракситель меня…». И это свидетельствует о существовании общих принципов в культуре, о порождении, как говорят психологи, «особой реальности» - определенной системы, где образы и знаки стали основанием, с помощью которого выстраивается понятная зрителю картина мира, создается особый художественный язык, проявившийся в различных видах греческого искусства. Во всяком случае, в керамике и пластике находятся явные параллели.

Между тем, именование героев сюжета вазописи имеет свои особенности. Н.В. Брагинская полагает, что при вполне допустимом расположении имени персонажа «где угодно», художник часто располагает его так, как если бы это была речь персонажа и имя начиналось бы «у уст» его[16]. Причем, «если профиль смотрит вправо – надпись расположена слева направо, если профиль обращен влево – надпись ретроградная, т.е. справа налево… Если учесть, что направление письма в это время может быть любым, и греки равно умели писать и слева направо и справа налево, то такая закономерность много стоит»[17], и это означает, что изображение не заменило собой полностью голоса вазы[18]. То есть, что надпись и на «не говорящей» вазе все еще была связана со звуком (с его обозначением?) – как бы с произнесением имени.

В этих заметках хотелось бы обратить внимание на еще одно свойство надписи в изобразительном поле вазы. В нашем понимании

---

[14] *Small J.P.* The Parallel Words… P. 12. Fig. 2.
[15] Ibid. Fig. 5.
[16] *Брагинская Н.В.* Надпись… С. 61.
[17] Там же. С. 61.
[18] Там же. С. 62.

не совсем обычное. На известном коринфском арибалле начала VI в. до н.э., хранящемся в Коринфском музее[19], изображен групповой танец, исполняемый под аккомпанемент флейты (рис. 1). Музыкант – мужчина в длинных одеждах с двойной флейтой-авлосом, повернут лицом к юношам-танцорам, танцоры же (хор), также, в свою очередь, обращенные к нему лицом, выстроились, «как фаланга гоплитов»[20] в три ряда, и стоят парами с опущенными, но готовыми к взмаху руками (рис. 2). Один же танцор, находящийся впереди всех, высоко подпрыгивает. При этом поза его весьма характерна: он вертикально держит корпус, почти перпендикулярны торсу его согнутые в коленях ноги, а руки подняты над головой. Самым примечательным здесь является то, что все эти фигуры волнообразно огибает надпись, состоящая из двух частей: отдельно написанного слова «Политерпос» – скорее всего, это имя музыканта, – и целой фразы: «Пирвий лидирует в танце – ему ольпа» (сосуд).

Некоторый комментарий, очевидно, потребуется к самому действу. Здесь изображен так называемый «скачущий танец» – мужчины-исполнители в нем должны были подпрыгивать как можно выше под звуки флейты. Майкл Сиблер высказывает предположение, что это мог быть своеобразный вид спорта, в котором, судя по сюжетам на вазах[21], в том числе, и по сюжету нашего арибалла, проводились соревнования[22].

С изображением одного из таких прыгунов с недавнего времени стали связывать и архаическую костяную фигурку юноши, происходящую из святилища Геры на острове Самос (650–625 гг. до н.э.)[23]. На юноше надет только широкий, богато украшенный резьбой пояс – как пишет Сиблер, «знак, символизирующий элегантную одежду», и туго зашнурованные мягкие кожаные сапожки. Раньше фигурку, поза которой необычна для статуэток, считали одной из деталей украшения лиры[24] – руки юноши опущены вдоль тела и прижаты к бедрам, торс слегка наклонен вперед, а ноги так сильно подогнуты, что он явно не стоит на коленях, и, скорее всего, изображен именно в прыжке – так, как обычно показывали танцоров в сценах вазописи.

На аттической пелике, атрибутированной молодому Евфимиду и Ефронию, ок. 510–500 гг. до н.э., которую специально рассматривает Энн Стейнер, фигуры прыгающих под звуки двойной флейты обна-

---

[19] Коринф, Коринфский музей: *Boardman J.* Early Greek Vase Painting. L., 1998. P. 179. Fig. 363. 1, 2 – датирует ок. 600 г. до н.э. По Р. Ниру – ок. 590–570 гг. до н.э.: *Neer R.T.* Art and Archaeology… P. 139.

[20] *Neer R.T.* Art and Archaeology… P. 139.

[21] На одном из краснофигурных киликов, подписанных Дурисом, есть такая сцена подпрыгивающего юноши и атлета: *Boardman J.* Athenian red figure Vases. The Archaic Period. L., 1996. P. 138. Fig. 286.

[22] *Сиблер М.* Искусство Древней Греции. М., 2007. С. 36.

[23] Там же. Рис. на с. 37.

[24] *Stewart A.* Greek Sculpture: an Exploration. Yale, 1990. Vol. II. P. 24–25. Fig. 24.

женных танцоров повторяются на обеих сторонах вазы (рис. 3, 4)[25]. Но изображения не вполне тождественны: при существовании в каждой сцене задрапированного в гиматий флейтиста, задающего ритм, на одной стороне (А) танцоры показаны фронтально, их головы и ноги повернуты вправо, на другой стороне вазы (В) они показаны со спины, а головы и согнутые ноги повернуты влево. Изображениям сопутствуют надписи: на стороне А одна из них помещена перед флейтистом – Айнеас, другая над головой правого из прыгунов – Каллиппидес, ниже фигур танцоров написано: «Leagros kalos», «Леагр – красавчик». На обороте перед флейтистом ретроградно написано третье имя – Смиктион, и также ретроградно написано другое утверждение: «Леагр красавчик, действительно!»[26].

Изображение как бы читается «насквозь» – фигуры показаны фронтально и со спины, к тому же надписи второй стороны ретроградные, и на реплику, начертанную на одной стороне пелики, на другой стороне дан ответ. Вместе с тем складывается впечатление, что изображения могли читаться последовательно, как отдельные кадры, запечатлевшие одно и то же действие в его ритмично повторяющиеся моменты. Действительно, как ни поворачивай вазу, юноши все время «прыгают», попеременно то сгибая в локтях, то разгибая руки со сжатыми кулачками. Поза их связывается с установленной манерой исполнения танца: корпус они держат прямо, ноги согнуты под прямым углом, голова повернута в ту же сторону. В росписи вазы передается ритм танца – бесспорно, мы сталкиваемся именно с этим живописным решением художника, намеренно «повторяющим» свои сцены (о повторениях как раз пишет Стейнер, ищет им объяснения)[27].

Возвратимся к коринфскому арибаллу, на котором также представлена сцена исполнения «скачущего танца». Как говорилось выше, его надпись разделена на две части. Имя музыканта, составившее первую часть, начертано позади его фигуры, и хотя она обращена вправо, «голос» записан по классике жанра: надпись ретроградная и идет справа налево. То же происходит и с называнием прыгуна, скорее всего, это и есть тот самый Пирвий, что «лидирует в танце». Он обращен влево, и от его головы – «из уст», справа налево, спускается ретроградная надпись.

Волнообразно изгибаясь в пространстве, она обтекает фигуры, то опускаясь, то поднимаясь вверх – и снова опускаясь и поднимаясь. Все это, надо думать, соответствует ритму танца, как в изображении на аттической вазе. Но, кроме того, здесь очевидно намерение отобразить и его музыкальное сопровождение – как будто волны звука исходят из флейты музыканта, как ранее звук происходил «из уст» персонажей.

Пластическая гибкость надписи определенно проистекает, в том числе, и из способа написания греческого текста «бустрофедоном»:

---

[25] *Steiner A.* Reading Greek Vases… P. 1–4. Fig. 1.1, 1.2.
[26] Ibid. P. 4.
[27] Ibid. P. 5.

начинаясь на правом верхнем витке – между «устами» прыгуна и флейтой, она в ретроградной записи доходит до подъема, потом поворачивает – и далее пишется слева направо, независимо от следующего спуска и второго подъема.

Изгибы надписи, в свою очередь, напоминают особое ритмическое членение греческого стиха, отраженное в «стиховом движении»: арсис – поднятие, тезис – опускание. Чтение стихов, мы знаем, сопровождалось пляской и музыкой – принадлежавших к экстатическим видам искусств, до нас не дошедших, в отличие от конструктивных: керамики, пластики, архитектуры. Таким образом, можно сказать, что изгибы надписи соответствуют самому стиховому движению.

Стих, как совершенно очевидно, сопровождает, поясняет, «озвучивает» сцену и само изображенное действо. О сцене на арибалле в прямом смысле можно сказать, что звук и ритм здесь *отображаются*. Более того, справедливо будет и такое замечание, что звук и ритм здесь запечатлеваются в слове. Надпись не только фиксирует смысловое решение сцены, но и претендует на изобразительное решение.

Говоря о геометрическом периоде, нам уже приходилось касаться специального приема, с помощью которого происходило оживление, «очеловечивание» танцующей глиняной фигурки, обозначая подвижность ее рук, ее «дыхание». Этот прием использовал «двигающийся» знак – свастику. Мы видели также другие знаки движения воздуха – как бы воздушные завихрения, закручивающиеся по ходу мчащихся колесниц. И теперь можем наблюдать визуализацию среды, ее оживление, на другом уровне, интеллектуально более развитом, но близком по значению. Изображенные слова не только складываются в строфу, они произносятся и звучат (устно или вслух) – и этим уже обозначают музыкальность происходящего.

Таким образом, как мы могли видеть, в изобразительном пространстве греческой вазописи письменное слово выступает не просто как структурная единица языка, которая служит для именования предметов и их характеристик. При определенных условиях слово также становится одной из важных единиц языка художественного.

E.A. Savostina

INSCRIPTION ON A VASE. ABOUT A WORD MEANING IN GRAPHIC SPACE OF GREEK VASE PAINTING

Notes continue a subject of explanatory system in Greek vase painting. At first geometrical badges, then symbolical figures of animals, and, at last, an inscription are consistently applied as signs commentators. The inscription role in a graphic field of a vase is various, one of examples – Corinthian aryballos with the image of "jumping dance" under flute sounds, shows that the inscription can be used not only as semantic, but also a graphic element, and here it gives a rhythm of dance and as though "sounds" a scene.

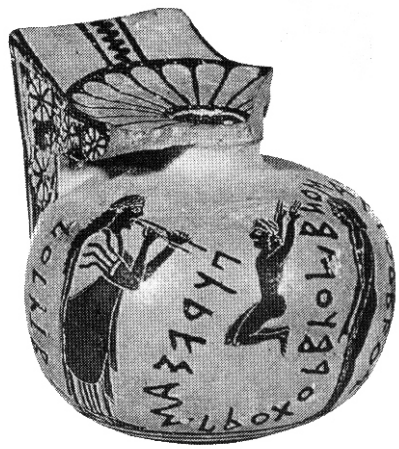


Рис. 1. Арибалл. Коринф, ок. 590 г. до н.э. Коринф, музей

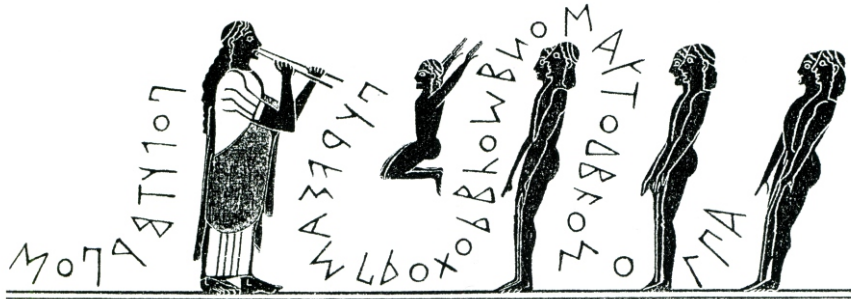


Рис. 2. Сцена на коринфском арибалле, прорисовка (по Дж. Бордману)

Рис. 3. Краснофигурная пелика мастеров Евфимида и Ефрония. Аттика, ок. 510–500 гг. до н.э. Сторона А. Бостон, Музей изобразительных искусств

Рис. 4. Краснофигурная пелика мастеров Евфимида и Ефрония, Аттика, ок. 510–500 гг. до н.э. Сторона В. Бостон, Музей изобразительных искусств

II. РИМ И РИМСКИЙ МИР

А.В. Короленков

МАРК КЛАВДИЙ МАРЦЕЛЛ И ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОГО ЭТАПА НУМАНТИНСКОЙ ВОЙНЫ

Марк Клавдий Марцелл, внук покорителя Сиракуз, прозванного «мечом Рима», – личность в своём роде уникальная. Достаточно сказать, что это был единственный римлянин, если не считать Гая Мария, который во II в. (здесь и далее – до н.э.) трижды достигал консулата (в 166, 155 и 152 гг.), человек, признанный в наши дни «одним из самых способных полководцев своего времени»[1]. Речь пойдёт о событиях его третьего консулата и последовавшего за ним проконсульства, но не столько о военной стороне вопроса, сколько о дипломатической, поскольку требовалось не только добиться от врага капитуляции, но и утвердить её условия в Риме, что, как мы увидим, оказалось не так-то просто.

Стоит напомнить, что Марцелл побывал на Пиренейском п-ове ещё задолго до Нумантинской войны – в 169–168 гг. во время своей претуры и пропретуры; в ту пору испанские провинции ненадолго были объединены в одну[2], и он управлял ими обеими[3]. По сообщению Ливия (XLV.4.1), наместник захватил тогда город Марколику и передал в казну 10 фунтов золота и серебра на сумму в 1 млн. сестерциев. Возможно, именно тогда, а не во время Нумантинской войны он основал Кордубу, которая стала местопребыванием резиденции наместника Дальней Испании, а позднее – скорее всего, во времена Цезаря или даже Августа – и первой римской колонией на юге Пиренейского п-ова (*Strabo* III.2.1)[4]. Марцелл изучил страну[5], в которой ему придётся воевать ещё раз 17 лет спустя, и, вероятно, обзавёлся местной клиентелой. В 166 г. он стал консулом, успешно воевал против лигуров и альпийских галлов и заслужил триумф[6]. Второй раз Марк Клавдий добился консулата в 155 г., сразу же по истечении десятилетнего интервала между одной и той же магистра-

---

[1] *Astin A.E.* Scipio Aemilianus. Oxf., 1967. P. 4.

[2] *Marquardt I.* Römische Staatsverwaltung. Darmstadt, 1957. Bd. I. S. 252.

[3] *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1951. Vol. I. P. 424, 428. А. Шультен – по-видимому, ошибочно – пишет о пребывании Марцелла лишь в Дальней Испании (*Schulten A.* Geschichte von Numantia. München, 1933. S. 51).

[4] *Richardson J.* Hispaniae. Spain and the Development of the Roman Imperialism. Cambr., 1986. P. 199 + n. 117 со ссылками на предшествующую литературу.

[5] Л. Парети называет Марцелла в связи с этим «знатоком горной войны с иберами» (*Pareti L.* Storia di Roma e del mondo Romano. Torino, 1953. Vol. III. P. 230), что из источников, строго говоря, не следует – он мог вести войну в равнинных районах Испании.

[6] *Münzer F.* Claudius (225) // RE. 1899. Bd. III. Sp. 2758–2759.

турой[7], предусмотренного lex Villia 180 г. – успех, которого никто не достигал после Сципиона Африканского[8]. И вновь он подтвердил свою репутацию военачальника, подавив восстание апуанцев, и вторично отпраздновал триумф, а на форуме спасённой им колонии Луны была воздвигнута его статуя[9].

В 154 г. началась война в Дальней Испании, подвергшейся набегам лузитан, а затем из-за конфликта вокруг Сегеды[10] она перекинулась и в Ближнюю Испанию. Посланные туда войска консула Марка Фульвия Нобилиора потерпели поражения под Нуманцией и Аксинием (*App.* Iber. 45–47); день неудачной битвы под Нуманцией, случившейся 23 августа, в праздник Вулканалий, стал несчастливым (dies ater) наряду с днями катастроф при Аллии, Каннах и (впоследствии) Араузионе[11]. В этих условиях Марцелла избрали консулом в третий раз[12], на сей уже с явным нарушением lex Villia[13]. Цель этого очевидна – назначить способного и знающего театр военных действий полководца, который привёл бы войну в Кельтиберии к скорейшему завершению[14]. О нареканиях в связи с несоблюдением lex Villia в источниках сведений нет, а вот то, что Марцелл занял высшую магистратуру в третий раз, видимо, вызвало недовольство сенаторов, так как вскоре был издан закон, запрещавший повторное избрание в консулы (*Liv.* Per. 56)[15]. Любопытно, что в 134 г., когда Сципион Эмилиан нарушит этот закон, раздосадованный сенат откажет ему в воинском наборе и финансовой помощи[16]. Марцеллу таких неприятностей испытать не пришлось – в его распоряжение, помимо войск, имевшихся в Испании, было предоставлено 8000 пехотинцев[17] и

---

[7] Г. Де Санктис считает его успех неожиданным (*De Sanctis G.* Storia dei Romani. Firenze, 1969. Vol. IV. Pt. 1. P. 458), но это не более чем догадка.

[8] *Симон Г.* Войны Рима в Испании. 154–133 гг. до н.э. СПб., 2008. С. 56.

[9] *Münzer F.* Op. cit. Sp. 2759.

[10] Жители Сегеды, города кельтиберского племени беллов, начали строить вокруг него новую стену. Римляне усмотрели в этом нарушение Гракхова договора 178 г., что привело к Нумантинской войне, в которой беллов поддержало сильнейшее кельтиберское племя – ареваки (App. Iber. 44–45; Diod. XXXI. 39).

[11] App. Iber. 45.187; *Симон Г.* Указ. соч. С. 49. Прим. 61.

[12] *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 448.

[13] *Симон Г.* Указ. соч. С. 56; *Schulten A.* Op. cit. S. 52; *Pareti L.* Op. cit. P. 230. N. 6; *Astin A.E.* Op. cit. P. 40; *Harris W.V.* The Roman Expansion in the West // CAH². 1989. Vol. VIII. P. 132. N. 130.

[14] *Симон Г.* Указ. соч. С. 56; *Schulten A.* Op. cit. S. 52; *De Sanctis G.* Op. cit. P. 458.

[15] Видимо, в 151 г. (*Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. II. С. 55. Прим. 1).

[16] App. Iber. 84.365; Plut. Mor. 201a; *Симон Г.* Указ. соч. С. 242. А. Шультен, правда, считает, что войск действительно не было, особенно если учесть начавшееся в 136 г. восстание рабов на Сицилии (*Schulten A.* Op. cit. S. 82). Однако оно, как и война со скордисками на Балканах, по резонному замечанию Л. Парети, вряд ли могло исчерпать италийские людские резервы (*Pareti L.* Op. cit. P. 263. N. 2).

[17] Х.М. Бласкес по недоразумению пишет о 7000 пехотинцев (*Blázquez J.M.* El impacto de la conquista de Hispania por Roma (154–83 a.C.) // Klio. 1963. Bd. 41. P. 169).

500 всадников, с каковыми он и отправился на Пиренейский п-ов (*App.* Iber. 48.198).

Когда Марцелл вошёл в зону боевых действий, он грамотно организовал продвижение войск и подступил к стратегически важному Окилису[18], который немедленно капитулировал. Римский полководец ограничился требованием выдачи немногих заложников (ὅμηρά τινα) и контрибуции размером всего в 30 талантов серебра (*App.* Iber. 48.198–199). Такая мягкость, подкреплённая военной демонстрацией, немедленно принесла плоды, поскольку теперь и жители Нертобриги[19], узнав о столь щадящих условиях, обратились к нему с просьбой о заключении мира. Марцелл согласился и предложил прислать ему 100 всадников – очевидно, не только в качестве военной помощи, но и как заложников[20]. Они прибыли, но перед этим другой отряд нертобригийцев напал на римский арьергард и пограбил обоз. Когда подошли их земляки-кавалеристы, они заявили, что нападавшие не знали о договоре[21], но римский командующий тем не менее велел отнять у прибывших коней, опустошил округу[22] и осадил Нертобригу (*App.* Iber. 48.200–203). В ответ на новую просьбу о мире Марцелл не стал требовать выдачи виновных, заложников и оружия, что было бы вполне естественным, а выдвинул условие: о мире должны просить не только нертобригийцы, но и кельтиберские племена в целом – ареваки, беллы и титты[23]. Все три племени согласились, выразив готовность понести умеренное наказание, если будут восстановлены условия Гракхова договора 178 г., предусматривавшего достаточно широкую автономию для кельтиберов (*Polyb.* XXXV.2.15; *App.* Iber. 48.204–205). С возражениями, как пишет Аппиан, выступили те племена, которые враждовали с ними, сохраняя верность Риму (*App.* Iber. 48.204–205). Марцелл заключил перемирие с кельтиберами, взял у них заложников и отправил испанцев для урегулирования взаимных противоречий в Рим. Туда же отбыли и его люди, которые должны были убедить сенат пойти на мир с кельтиберами (*Polyb.* XXXV.2.1; *App.* Iber. 49.206).

Требует объяснения одно существенное расхождение между рассказами Полибия и Аппиана. Дело в том, что у первого противниками ареваков, которые выступают против заключения мира с ними, являются

---

[18] *Симон Г.* Указ. соч. С. 57.

[19] У Аппиана – Нергобрига, но, судя по монетам, а также с учётом кельтских корней названия (nerto – «сила»), правильнее «Нертобрига» (*Schulten A.* Nertobriga (1) // RE. 1936. Hbd. 33. Sp. 54 – правда, чтение Аппиана не оговаривается).

[20] *García Riaza E.* La función de los rehenes en la diplomacia hispanorepublicana // Memoria de historia antigua. Oviedo, 1997. T. XVIII. P. 89–90.

[21] Речь могла идти и о непризнании договора, но вряд ли о вероломстве, как полагает Ф. Уолбэнк (*Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1979. Vol. III. P. 643).

[22] Х.М. Бласкес с явным осуждением пишет, что это произошло во время перемирия (*Blázquez J.M.* Op. cit. P. 173), однако, после нападения нертобригийских всадников на его обоз Марцелл с полным основанием мог считать перемирие нарушенным.

[23] Согласно уточнению А. Шульртена, речь шла о городах на р. Дуэро и Халоне (*Schulten A.* Geschichte von Numantia... S. 53).

беллы и титты (*Polyb.* XXXV.2.12), у второго же – непоименованные «некие туземные [общины]» (*App.* Iber. 48.205: ἐπιχώριοί τινες). Г. Симон считает, что одна часть представителей беллов и титтов выступила против ареваков, другая – на их стороне[24]. По мнению Н.П. Доценко, послы беллов и титтов представляли лишь племенную верхушку, которая сотрудничала с римлянами и опасалась мести за предательство, тогда как большинство их соотечественников были настроены антиримски, поскольку в следующем году беллы и титты выступили вместе с ареваками под руководством одного вождя (см. ниже)[25]. По-иному думает Ф. Уолбэнк: «Следует отдать предпочтение Полибию; его рассказ подразумевает, что, несмотря на отпадение Сегеды к аревакам, большинство беллов и титтов продолжали придерживаться проримской позиции»[26].

Наблюдение Н.П. Доценко позволяет отвергнуть точку зрения Ф. Уолбэнка, но его собственная трактовка также сомнительна, поскольку основывается лишь на уверенности в предательстве племенной верхушки, которая, однако, в течение всей Нумантинской войны сражалась против римлян, да и вообще в столь важных вопросах обычно отражала мнение большинства членов общины[27]. Поэтому ближе к истине, думается, точка зрения Г. Симона. Однако он не конкретизирует, кого имеет в виду под разными группами представителей этих племён. Речь шла, скорее всего, о представителях разных общин беллов и титтов, но для Аппиана от имени всего племени выступают сторонники ареваков, а их враги – лишь «некие», тогда как у Полибия всё наоборот. Очевидно, дело объясняется отношением обоих писателей к Марцеллу: Аппиан стремится доказать, что вполне симпатичный ему Марк Клавдий[28] договорился почти со всеми кельтиберами и лишь кучка строптивцев противилась миру, враждебный же Марцеллу Полибий[29] даёт понять, что тот спешил заключить мир любой ценой и не потрудился должным образом урегулировать противоречия, разделявшие племена кельтиберов.

По-видимому, оппозиционеры составляли меньшинство среди беллов и титтов, иначе Марцелл не счёл бы целесообразным отправлять их вместе со сторонниками мира. Надо думать, он полагал, что они не смогут взять верх над оппонентами, но ошибся. Большинство сенаторов[30] было настроено вести войну до безоговорочной капитуляции неприятеля – deditio, которой, кстати, требовал от испанцев незадачливый Нобилиор

---

[24] *Симон Г.* Указ. соч. С. 63–64.

[25] *Доценко Н.П.* Римская агрессия в Испании и борьба испанских племён за независимость (154–133 гг. до н.э.). Ростов-на-Дону, 1965. С. 21–22.

[26] *Walbank F.W.* Op. cit. P. 642.

[27] См., напр.: *Мишулин А.В.* Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э. М., 1952. С. 194.

[28] См.: App. Iber. 48.199; *Симон Г.* Указ. соч. С. 58. Прим. 92. Затем отношение к Марцеллу несколько меняется (см. ниже).

[29] Polyb. XXXV.3.4; 4.3; *Симон Г.* Указ. соч. С. 62. Прим. 100; *Astin A.E.* Op. cit. P. 4; *Walbank F.W.* Op. cit. P. 645.

[30] В том числе и молодой Сципион Эмилиан, чья позиция повлияла на освещение этих событий Полибием (*Симон Г.* Указ. соч. С. 65–66 и прим. 106; *Astin A.E.* Op. cit. P. 4; *Walbank F.W.* Op. cit. P. 645).

(*App.* Iber. 49.208)[31]. Впрочем, сомнительно, мог ли Марцелл на тот момент добиться от кельтиберов сдачи на милость победителя. Так или иначе, в Риме его стремление к миру после одержанных побед сочли проявлением малодушия (*Polyb.* XXXV.3.4; 4.3), а также желания снискать славу скорейшим завершением войны (*App.* Iber. 48.206). Сенат потребовал от Марцелла активизировать боевые действия, но вместе с тем, не одобряя его поведение, объявил набор войска, возглавить которое должен был консул 151 г. Луций Лициний Лукулл (*Polyb.* XXXV.3.6–8; *App.* Iber. 49.209–210).

Сам Марк Клавдий меж тем решил, воспользовавшись перемирием в своей провинции, оказать помощь наместнику Дальней Испании Марку Атилию Серрану[32], вторгся в земли лузитан и взял штурмом город Нергобригу (*Polyb.* XXXV.2.2)[33]. Удар по лузитанам мог иметь целью не только водворение мира в Дальней Испании[34], предоставление воинам новых возможностей для грабежа[35] и стяжание новой славы[36], но и дополнительное воздействие на кельтиберов, которые пошли на конфликт с римлянами среди прочего, очевидно, и под влиянием побед лузитан в 154 г., отправивших в Кельтиберию захваченные ими римские штандарты (*App.* Iber. 56.237)[37]. В этих условиях успешный удар по лузитанам должен был показать кельтиберам, что победам тех, чьим примером они воодушевлялись, пришёл конец.

---

[31] Весьма вероятно, что во время дискуссии в сенате Нобилиор выступил против мирных инициатив Марцелла, ибо после понесённых им самим поражений вряд ли желал славы преемнику (*Симон Г.* Указ. соч. С. 66–67).

[32] По мнению А. Монтенегро Дуке, сам Атилий Серран вторгся в Лузитанию лишь с прибытием войск Марцелла в его провинцию (*Montenegro Duque A.* La conquista de Hispania por Roma (218–19 a. de J.C.) // Historia de España. Madrid, 1982. T. II. 1. P. 90).

[33] У Полибия – Неркобрига. Не следует путать его с кельтиберской Нертобригой (*Schulten A.* Nertobriga (2). Sp. 55; *Walbank F.W.* Op. cit. P. 643), о которой шла речь выше.

[34] В. Дальхайм в связи с этим ошибочно пишет, будто Марцелл должен был закончить войну не только с кельтиберами, но и с лузитанами (*Dahlheim W.* Gewalt und Herrschaft. Das provinziale Herrschaftssystem der römischen Republik. B.; N.Y., 1977. S. 98. Anm. 84). Н.П. Доценко считает, что именно необходимость борьбы с лузитанами была одной из важнейших причин, побудивших Марцелла поскорее заключить перемирие с кельтиберами (*Доценко Н.П.* Указ. соч. С. 21). Однако положение в Дальней Испании было не настолько тяжёлым, чтобы оно беспокоило его прежде дел в собственной провинции.

[35] Следует отметить, что Марцелл отдал воинам добычу, захваченную во время марша к Нертобриге (App. Iber. 48.203), однако, возможностей для грабежа, судя по описанию его операций, было немного, и дать воинам хоть немного обогатиться представлялось явно не лишним.

[36] Источники о причинах сотрудничества Марцелла и Атилия не говорят (*Симон Г.* Указ. соч. С. 61; *Walbank F.W.* Op. cit. P. 643), но это было слишком очевидным, чтобы требовать объяснений. Позднее примеру Марцелла последуют Луций Лукулл и Попилий Ленат, которые, будучи наместниками Ближней Испании, примут участие в войне с лузитанами (см.: *Симон Г.* Указ. соч. С. 91–93, 180–182).

[37] *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 9; *Schulten A.* Geschichte von Numantia... S. 36.

Однако ситуация в Дальней Испании оказалась ещё сложнее, чем в Ближней. Атилий Серран – либо беря пример с Марцелла, либо просто следуя его советам – попытался действовать теми же методами, что принесли успех Марку Клавдию в Кельтиберии, и после первых побед пошёл на соглашение, предложенное ему окрестными общинами, в том числе веттонами (были ли среди них лузитаны, не вполне ясно, хотя это и вероятно). Однако здесь такой подход не дал того эффекта, что в Ближней Испании, ибо местные племена, не склонные к длительному миру, взялись за оружие сразу после ухода римских войск на зимние квартиры (*App.* Iber. 58.243–244)[38]. Марцелл наверняка знал о действиях наместника Дальней Испании и одобрял их, и в таком случае приходится констатировать, что лузитан он изучил гораздо хуже, чем кельтиберов.

Как известно, в Риме начались трудности с воинским набором, вызванные рассказами о трудностях войны в Испании[39], что дало Марцеллу, теперь уже проконсулу[40], дополнительное время для операций против ареваков с целью принуждения их к deditio. При этом, как утверждает Аппиан, он вернул им взятых на время перемирия заложников, а также пригласил к себе тех, «кто в Риме выступал от имени кельтиберов», и «долго беседовал с ними частным образом (ἰδίᾳ)», что, несомненно, его недоброжелатели восприняли как доказательство сговора с врагом. Вполне вероятно, что в ходе этих переговоров (как и предыдущих) Марцелл задействовал свои клиентские связи, приобретённые ещё в 169–168 гг. Особо следует отметить выдачу заложников – удачный дипломатический ход, ибо Марцелл, мало что теряя (вряд ли из-за нескольких человек ареваки изменили бы свою позицию, а в случае казни заложников все пути к примирению оказались бы отрезаны), делал великодушный жест, который наверняка произвёл определённое впечатление на ареваков[41]. По словам Аппиана, римский полководец уговаривал их сдаться ему на милость (Iber. 50.212) – очевидно, обещая приемлемые условия. Однако, судя по всему, пока договориться не удалось, и стороны перешли к военным действиям: 5000 ареваков заняли Нертобригу[42], а Марцелл подошёл к Нуманции. У Аппиана говорится, что затем он начала преследо-

---

[38] См.: *Симон Г.* Указ. соч. С. 60–61. Марцелл зимовал в основанной им Кордубе (Strabo III.2.1).

[39] Polyb. XXXV.4.3–7; Liv. Per. 48; App. Iber. 49.209; Oros. IV.21.1.

[40] *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 455.

[41] В этом отношении показателен эпизод с капитуляцией Кентобриги, жителей которой восхитило великодушие Метелла Македонского (Val. Max. V.1.5) – он отказался от осады города, чтобы не обречь на смерть детей перешедшего на сторону римлян кентобригийца Ретогена (Ректугена). Даже если при изложении этого сюжета допущены преувеличения, психология кельтиберов в целом отражена верно.

[42] То, что кельтиберам позволили сделать это, укрепило, по словам Аппиана, подозрения в том, что Марцелл находится в сговоре с ними (Iber. 50.213). Здесь александрийский историк пишет о Марцелле уже неприязненно – характерный для Аппиана «шахматный» метод работы с источниками, проявляющийся среди прочего в чередовании различных оценок персонажей (см.: *Гуленков К.Л.* Митридатовы войны в освещении Аппиана // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 69–76).

вать врагов и загнал их в город, после чего вождь нумантинцев Литеннон обратился к нему с просьбой о переговорах (Iber. 50.213–314). Обычно этот рассказ так и понимают, причём нередко опуская упоминание о преследовании нумантинцев[43], однако в 50.213 издатель Аппиана П. Фирек предположил лакуну, и в ней вполне могла идти речь об неудачном для ареваков сражении[44] – в тексте сохранилось упоминание лишь о преследовании разбитых нумантинцев. Это-то и побудило их пойти на переговоры. (Правда, масштабы столкновения могли быть довольно скромными.) Такое развитие событий представляется более логичным, нежели утверждения о том, что Марцелл и теперь не хотел вести войну с должной энергией, полагаясь в основном на дипломатию. А. Шульten, не ограничиваясь этим, изобразил происшедшее как инсценировку: «Это была тайная игра с заранее известным результатом, когда нумантинцы побежали перед Марцеллом, а их вождь Литеннон обратился с просьбой о переговорах и получил то, о чём он ходатайствовал за всех кельтиберов»[45]. Однако такая картина возможна лишь при слишком вольном толковании текста Аппиана, который к тому же воспроизводит явно враждебную Марцеллу и потому не очень надёжную традицию.

Но чего же именно добился Литеннон? В результате переговоров беллы, титты и ареваки передали себя в руки Марцелла (ἑαυτοὺς ἐπιτρέπειν Μαρκέλλῳ), т.е. согласились на долгожданную для римского полководца deditio (Iber. 50.213–314). В основу мирного соглашения, очевидно, легли положения Гракхова договора[46], о чём просили кельтиберы в прошлом году (см. выше). Ареваки, судя по всему, сохранили свободу[47], но теперь беллы и титты, видимо, были обязаны поставлять солдат римлянам[48] и платить трибут[49] – эти требования, действовавшие какое-то время после

---

[43] *De Sanctis G.* Op. cit. P. 461; *Pareti L.* Op. cit. P. 233; *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 54–55; *Richardson J.* Op. cit. P. 143.

[44] См.: *Симон Г.* Указ. соч. С. 73.

[45] *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 55.

[46] *Симон Г.* Указ. соч. С. 73; *De Sanctis G.* Op. cit. P. 461; *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 55; *Montenegro Duque A.* Op. cit. P. 91. Несколько странно рассуждает В. Дальхайм: сенат отверг соглашение с кельтиберами на условиях Гракхова договора и утвердил мир лишь после deditio (*Dahlheim W.* Op. cit. S. 98. Anm. 84). Но условия в данном случае вообще не имели значения, важен был принцип капитуляции, тем более что Марцелл всё равно взял положения Гракхова договора за основу послевоенного modus vivendi в Кельтиберии.

[47] Аппиан пишет, что Марцелл сделал всех кельтиберов свободными (Iber. 50.214), но, учитывая сказанное выше о беллах и титтах, здесь могут иметься в виду лишь ареваки (см.: *Симон Г.* Указ. соч. С. 74; *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 55). Другие учёные понимают Аппиана буквально, т.е. что свободными были признаны все три племени (*Astin A.E.* Op. cit. P. 42; *Richardson J.* Op. cit. P. 143–144).

[48] Это следует и из App. Iber. 63.268; *Симон Г.* Указ. соч. С. 73.

[49] *Симон Г.* Указ. соч. С. 73; *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 55. Высказывалось мнение, что трибутом были обложены и ареваки (*García Riaza E.* Op. cit. P. 93), но тогда либо свободы ни одно из кельтиберских племён не получило и Аппиан ошибся, либо под свободой подразумевается автономия, либо трибут перепутан с контрибуцией (см. ниже).

178 г., сенат вскоре отменил и возобновил лишь в 154 г. (*App.* Iber. 44.182), и вряд ли Марцелл решился бы на послабление, которое выглядело бы как недопустимая уступка. Побеждённые должны были выдать заложников. Вопрос о постройке стены вокруг Сегеды, из-за которого возник конфликт, в источниках не упомянут – очевидно, от неё пришлось отказаться[50]. Наконец, кельтиберы обязались выплатить огромную контрибуцию – 600 талантов (*Strabo* III.2.1)[51]. А. Астин назвал это «сокрушительным ударом (crippling blow)»[52], а Х.М. Бласкес вообще счёл названную цифру баснословной, предполагая в данном месте у Аппиана порчу текста[53]. Однако его скептическая точка зрения не нашла сторонников.

Условия были достаточно мягкими[54] – ареваки сохраняли свободу, беллы и титты – автономию[55], но, что особенно важно, хотя это и не привлекает внимания исследователей, – не прозвучало требование выдачи оружия, которое не раз становилось непреодолимым препятствием на пути соглашений между испанцами и римлянами[56] (см. ниже). Не исключено, что сыграло свою роль и ещё одно немаловажное обстоятельство – весть о выступлении армии Лукулла, поскольку Марцелл мог запугивать кельтиберов тем, что его преемник потребует от них куда более значительных уступок. Не стоит, конечно, и переоценивать мягкости условий, предъявленных Литеннону, иначе для их принятия кельтиберами не понадобилось бы новое серьёзное военное давление со стороны Марцелла[57]. Без полководческого искусства Марка Клавдия и хорошего войска, которое у него было, мало что дала бы его гибкость дипломата, и наоборот.

По-видимому, А. Шультен преувеличивает, говоря, что проконсул действовал «вопреки приказу правительства», когда вернулся к условиям

---

[50] *Симон Г.* Указ. соч. С. 74. А. Шультен, отмечая, что до начала нового этапа конфликта в 143 г. нумантинцы так и не построили новую стену, в которой нуждался их город, связывает это с беспечностью испанцев (*Schulten A.* Numantia // RE. 1936. Hbd. 33. Sp. 1259). Куда логичнее усмотреть здесь соблюдение запрета на такое строительство, который в договоре с Марцеллом, как не без основания полагает Г. Симон, был предусмотрен.

[51] По мнению А. Шультена, это была не контрибуция, а одноразовое внесение трибута (*Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 56), но это сугубо произвольное предположение.

[52] *Astin A.E.* Op. cit. P. 42. N. 2.

[53] *Blázquez J.M.* Op. cit. P. 176.

[54] *Münzer F.* Op. cit. Sp. 2759; *Astin A.E.* Op. cit. P. 42; *Richardson J.* Op. cit. P. 143.

[55] Характерно, что и на сей раз в Испанию не прибыла сенатская комиссия десяти, как то имело место в других покорённых римлянами странах – она появится здесь лишь после разрушения Нуманции (App. Iber. 99.428; *Pina Polo F.* Las comisiones senatoriales para la reorganización de Hispania (App. Iber. 99–100) // Dialogues d'Histoire Ancienne. 1997. T. 23.2. P. 84–91).

[56] Diod. XXXIII.16.2; Flor. II.18.4; App. Iber. 31.124–125; Dio Cass. XXII.75.

[57] Поэтому вряд ли можно согласиться с предположением Г. Симона, будто «переговоры продвинулись тогда настолько, что заключение подобного мира могло состояться в любой момент» (*Симон Г.* Указ. соч. С. 73).

Гракхова договора[58]. Конечно, ловкий дипломатический трюк Марцелла оказался для сената неожиданностью[59], иначе не выступила бы в Испанию армия Лукулла. Однако сенат, судя по всему, не указывал, как именно должен поступить проконсул с побеждёнными после их капитуляции – он лишь повелевал «вести войну с мужеством, достойным отечества»[60]. На практике это означало принуждение врага к deditio, последующие условия которой, однако, могли быть самыми различными, что предоставляло полководцу свободу манёвра[61]. Да и если бы он нарушил инструкции сената в столь важном вопросе, то мир с кельтиберами не был бы утверждён. А в том, что утверждение всё же состоялось, несмотря на скептические высказывания[62], сомнений нет, иначе Лукулл просто продолжил бы войну с кельтиберами, а не обратился против ваккеев и лузитан.

В источниках не сохранилось никаких сведений о том, как в сенате восприняли заключённый Марцеллом мир[63]. Можно, конечно, объяснить это их скудостью, а можно и тем, что больших споров он не вызвал. Неприятель капитулировал, выдал заложников и обещал заплатить такую контрибуцию, какая в римскую казну не поступала уже несколько десятилетий[64]. Кроме того, могли произвести впечатление и трудности с набором армии Лукулла[65] – ведь если последний, явно не столь выдающийся полководец, как его предшественник, не сможет разгромить кельтиберов, удастся ли набрать новое войско? В таких условиях сторонники Марцелла могли, по-видимому, без особого труда парировать упрёки в недостаточной строгости условий капитуляции. К тому же назревала последняя схватка с Карфагеном, и продлевать столь тяжёлую войну только ради ужесточения требований к кельтиберам было явно нецелесообразно.

В итоге до 143 г. в Ближней Испании установился мир[66], что, несомненно, облегчило положение Рима в условиях продолжавшихся боевых действий против лузитан в дальней провинции и вскоре начавшихся войн с Карфагеном и Ахейским союзом. Через несколько лет кельтиберы

---

[58] *Schulten A.* Geschichte von Numantia. S. 55.

[59] *De Sanctis G.* Op. cit. P. 461.

[60] πολεμεῖν γενναίος καὶ τῆς πατρίδος ἀξίως (Polyb. XXXV.3.5).

[61] *Astin A.E.* Op. cit. P. 149; *Richardson J.* Op. cit. P. 143.

[62] Иногда предполагается, что мир сохранялся лишь de facto: *Montenegro Duque A.* Op. cit. P. 91. См. также: *Salinas M.* Conquista y la romanización de Celtiberia. Salamanca, 1986. P. 16.

[63] Утверждение о том, что сторонники Марцелла лишь с трудом добились одобрения сенатом его действий (*Доценко Н.П.* Указ. соч. С. 24), – не более чем догадка, хотя и вероятная.

[64] На то, что размеры контрибуции сыграли немалую роль в утверждении сенатом Марцеллова мира, в историографии указывалось не раз: *Симон Г.* Указ. соч. С. 74; *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 56; *Astin A.E.* Op. cit. P. 42.

[65] *Доценко Н.П.* Указ. соч. С. 23.

[66] Не исключавший, впрочем, мелких столкновений (App. Iber. 63.265; *Симон Г.* Указ. соч. С. 74. Прим. 123).

приняли участие в борьбе с Вириатом[67], который наверняка добился бы ещё больших успехов, если бы они в это время вели войну с римлянами. Поэтому Марцелл, пусть и не доживший до восстания Вириата, имел все основания гордиться одержанной победой. Правда, сенат не удостоил его триумфа, хотя, например, даровал право на него в 180 г. М. Бебию Тамфилу и П. Корнелию Цетегу, вообще не принимавшим участия в боевых действиях и просто принявшим капитуляцию лигуров (*Liv.* XL.38). Однако для дважды триумфатора Марцелла это вряд ли имело принципиальное значение. По возвращении в Рим он воздвиг близ храма Honos и Virtus три статуи, изображавшие его деда, отца и самого Марка Клавдия. Их украшала надпись «Три Марцелла, бывшие консулами девятикратно (tres Marcelli novies consules)» (*Ascon.* In Pis. P. 12. Clark).

Несколько слов нужно сказать о мотивах, которыми мог руководствоваться Марцелл, сделавший в Испании ставку не только на силу, но и на дипломатию. Аппиан, как уже говорилось, объяснял его поведение желанием закончить войну до прибытия преемника. Учитывая, что это явно мнение недоброжелателей полководца, многие учёные предпочли более лестное для него объяснение. По мнению Т. Моммзена, Марцелл, скорее всего, «подобно Гракху, считал, что мягкое обхождение с испанцами – первое условие длительного мира»[68]. В том же духе высказывается и Л. Парети: «Он, конечно, должен был понимать, что та система [отношений], которой добивался сенат, оказалась бы контрпродуктивной для интересов Рима в Испании»[69]. Развивая эту идею, А. Шультен поднял вопрос на ещё бóльшую теоретическую высоту: «В то время как Марцелл выступал за преобладание (Vorherrschaft) Рима над ублаготворёнными союзниками, Сципион [Эмилиан] желал господства (Herrschaft) над подданными, которые в политическом отношении были бы рабами. Победителем из этого спора вышел Сципион»[70].

Прежде всего следует отметить, что даже если Марцелл действительно придерживался таких взглядов, то это никак не противоречило его желанию закончить войну до прибытия преемника. Между тем речь шла не просто о тщеславии: для трёхкратного консула, двукратного триумфатора было делом чести успешно закончить свою последнюю кампанию – рассчитывать на то, что ему ещё раз поручат самостоятельное командование, после трёх консульств не приходилось. При тех силах, которые у него имелись[71], разгром столь сильного врага, как ареваки, представлялся делом в высшей степени затруднительным. Тем не менее Марцелл дал им почувствовать свою силу, иначе о deditio ни при каких обстоятельствах не могло бы идти и речи. Если бы в его распоряжении находились куда более внушительные силы, то вполне вероятно, что он

---

[67] App. Iber. 63.268; *Симон Г.* Указ. соч. С. 74. Прим. 123; *Montenegro Duque A.* Op. cit. P. 91.

[68] *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 10.

[69] *Pareti L.* Op. cit. P. 233.

[70] *Schulten A.* Geschichte von Numantia… S. 56.

[71] По расчётам А. Шультена, примерно 23 000 человек (*Schulten A.* Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905–1912. München, 1914. Bd. I. S. 334. Anm. 3).

действовал бы куда решительнее во избежание трений с сенатом. Бесспорное дипломатическое мастерство, настоящий вкус к дипломатии, проявленные Марцеллом, сами по себе ещё ничего не доказывают – всё это, как известно из опыта мировой истории, может иметь целью подготовку почвы для уничтожения неприятеля. Другое дело, что Марцелл, скорее всего, отдавал себе отчёт в ненужности, а в тех условиях и вредности предельно жёстких мер. О том, какими неприятностями грозило римлянам продолжение войны в Кельтиберии в 140-х гг., уже говорилось.

Высказывалось мнение, что следующая попытка заключить мир с ареваками, в 139 г. Квинтом Помпеем, была сделана под влиянием примера Марцелла[72]. Трудно сказать, действительно ли Помпей руководствовался этим примером, но обстановка была решительно иной – в отличие от Марцелла, он потерпел несколько неудач. Гракхов договор как основа соглашения уже не рассматривался[73] – вряд ли и сами ареваки ставили вопрос так по причине бесперспективности подобного подхода, но размер затребованной с них Помпеем контрибуции составлял всего 30 талантов серебра, т.е. в 20 раз меньше, чем в 151 г. К тому же прибывший сменить Помпея консул Попилий Ленат потребовал выдачи оружия, от чего нумантинцы категорически отказались. Наконец, выяснилось, что речь шла не о deditio, как то пытался представить Помпей, а о foedus, что было неприемлемо для сената[74], и Попилий не утвердил договор[75]. Следует обратить внимание на то, что теперь, в отличие от 151 г., обязательным условием стала выдача оружия, неприемлемая для ареваков. Удивляться не приходится – они нарушили соглашение с Марцеллом, поднявшись против римлян в условиях тяжёлой войны с Вириатом (*App.* Iber. 76.322), что делало мир на сколь-либо сносных для них условиях невозможным. В то же время нельзя не указать, что такой подход, понятный с точки зрения представлений о достоинстве римского народа, в практическом отношении ничего не давал: и в 154, и в 143 гг. на позицию кельтиберов повлияли победы лузитан, однако в 139 г., когда вёл переговоры Помпей, восстание Вириата было уже почти подавлено, а сам он в том же году погиб. В этих условиях нового выступления кельтиберов в обозримом будущем ждать не приходилось. И всё же сенат решил проявить принципиальность. Но та цена, которую заплатил позднее Рим за уничтожение Нуманции, оказалась явно несоразмерной – достаточно вспомнить громкий политический скандал, связанный с капитуляцией Манцина и расторжением заключённого им договора, не говоря уже о немалых людских и материальных потерях.

Очень похожей на действия Марцелла была попытка Луция Кальпурния Бестии заключить мир с Югуртой в 111 г. После первых побед он убедил нумидийского царя капитулировать и потребовал от него выдачи

---

[72] *Astin A.E.* Op. cit. P. 149; *Harris W.V.* Op. cit. P. 134–135.

[73] См.: *Dahlheim W.* Op. cit. S. 98. Anm. 84.

[74] См.: *Richardson J.* Op. cit. P. 145–146.

[75] О попытке Помпея пойти на соглашение с нумантинцами и её провале см.: *Симон Г.* Указ. соч. С. 163–165, 198–201 (там же см. ссылки на источники).

30 слонов, значительного количества скота, лошадей и выплаты контрибуции. Однако под влиянием сторонников войны на уничтожение сенат отказался утвердить действия Бестии, а сам он вскоре был осуждён якобы за сговор с царём (*Sall.* 28.4–36.1; *Cic.* Brut. 128)[76]. И здесь, как и в Испании, война затянулась надолго, а разгром Югурты не только не привёл к покорению Нумидии[77], но даже не предотвратил её вмешательства в гражданские войны в Риме.

Что же касается Марцелла, то страсти со временем улеглись и потомки уже не упрекали его в малодушии и сговоре с врагом – напротив, Цицерон превозносил внука покорителя Сиракуз за доблесть, благочестие и воинскую славу[78]. Но, естественно, они не оценили его умение сочетать хватку военачальника с тонкостью дипломата, ибо это не соответствовало представлениям о virtus. У каждой эпохи свои идеалы…

A.V. Korolenkov

MARCUS CLAUDIUS MARCELLUS AND THE END OF FIRST STAGE OF NUMANTINIAN WAR

The article consideres the military and diplomatic activity of Marcus Claudius Marcellus in Spain (152–151 B.C). In 152 BC he was elected consul for the third time to finish arduous war in Hispania Citerior. He successfully attacked the Celtiberians, efficiently combining method of force with flexible diplomatics, then he helped Atilius Serranus, governor of Hispania Ulterior in his fighting against Lusitanians, this was to contribute to Celtiberians' conciliation. During the talks with the Celtiberians he came to a preliminary agreement with them, wich was rejected, however, by the Senate, which demanded enemy's deditio and appointing L. Licinius Lucullus a successor consul to him for the year of 151 BC. At the last moment Marcellus forced Celtiberians to *deditio*, but having promissed acceptable conditions to them beforehand (hugh contribution without recoiling a weapon).The author is not inclined to join this with some principled stand of Marcellus in Hispanian question (as some sholars), just with the forces he had, this was the best possible solution. It appears despite of some opinions that the Senate ratified the peace terms which led to the pacification of Hispania Citerior almost for ten year.

---

[76] См.: *Короленков А.В., Смыков Е.В.* Сулла. М., 2007. С. 52–53. Саллюстий пишет, будто с царя потребовали лишь небольшую сумму, но не называет какую именно – возможно, именно потому, что она была отнюдь не малой (там же. С. 365. Прим. 25).

[77] Возможно даже, что римляне не стали расширять свои владения в Африке за счёт Нумидии (см., напр.: *Romanelli P.* Storia delle province romane dell'Africa. Roma, 1959. P. 82).

[78] Cic. In Pis. 44: M. Marcellus, qui ter consul fuit, summa virtute, pietate, gloria militari.

О.В. Любимова

СЫНОВЬЯ КРАССА: ПРОБЛЕМА СТАРШИНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Марк Лициний Красс, консул 70 и 55 гг.[1], имел от своей жены Тертуллы двух сыновей: Марка и Публия. Вопрос о том, когда они родились и кто из братьев был старше, на первый взгляд кажется несложным, однако, он вызвал у исследователей серьёзные разногласия, так как бросается в глаза некоторое несоответствие между формальными обстоятельствами (имена и известные должности братьев) и реальными событиями их биографий[2]. В настоящей статье предпринимается попытка решить эту проблему путем рассмотрения судьбы сыновей Красса в свете политики их отца и, прежде всего, взаимоотношений всех троих с Цицероном.

О должностных карьерах братьев известно следующее. Марк Красс-младший был квестором Цезаря в Галлии в 54 г., проквестором в 53 г.[3] и наместником Цизальпийской Галлии в 49 г. (*App.* BC. II.41). Учитывая политическое могущество триумвира Красса, Марк наверняка занимал квестуру suo anno (сразу по достижении установленного законом возраста), т.е., на момент квесторских выборов ему должно было исполниться 30 лет[4]. В 56 г. выборы постоянно откладывались, и 55 год начался с междуцарствия; затем консулами стали Помпей и Красс, которые и провели выборы остальных магистратов на 55 г. (*Cass. Dio.* XXXIX.27–32). Поскольку Марк в них не участвовал и был избран квестором лишь в середине 55 г. на 54 г., можно достаточно уверенно утверждать, что ему исполнилось 30 лет в первой половине

---

[1] Все даты в статье – до н.э.

[2] Основные работы, где затрагивается эта проблема: *Münzer F.* Licinius (63) // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 291–294; *Mattingly H.B.* The Denarius of Sufenas and Ludi Victoriae // Numismatic Chronicle. 1956. Vol. 16. P. 190–191; *Sumner G.V.* The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology. Toronto; Buffalo, 1973. P. 149–150; *Ward A.* Marcus Crassus and the Late Roman Republic. Columbia; L., 1977. P. 55–56; *Syme R.* The Sons of Crassus // Latomus. 1980. Vol. 39. P. 403–408.

[3] Caes. BG. V.24.3; VI.6.1. Впрочем, Цезарь везде называет его квестором. Р. Сайм указывает, что в источниках квесторами нередко называют проквесторов, и допускает возможность, что на самом деле Марк был квестором в 55 г. в Риме: *Syme R.* Op. cit. P. 404–405. Однако это маловероятно. Р. Сайм приводит примеры квесторов, которые, возможно, служили у консула в Риме в течение года, а после этого отправлялись с ним в провинцию. Однако Цезарь непрерывно находился в провинции с 58 г. Скорее всего, Марк поехал бы к нему сразу же после распределения провинций между квесторами, и нет оснований считать, что это произошло до 54 г., когда он упоминается в Галлии впервые.

[4] *Sumner G.V.* Op. cit. P. 7.

55 г. и, следовательно, он родился в первой половине 85 г. Это согласуется с биографией его отца, который в 86 г. скрывался в Италии, и даже если Тертулла не находилась в это время при нём постоянно, супруги могли периодически встречаться; в 85 г. он уехал в Испанию уже без неё[5].

Публий служил у Цезаря в 58–56 гг., однако, его должность не названа: в 58 г. он командовал конницей (*Caes.* BG. I.52.7), в 57 и 56 гг. – легионом (II.34; III.7). В 55 г. Публий чеканил в Риме монеты[6], а в 54 г. отправился в Парфию вслед за отцом; его должность в этом походе также не известна, хотя он постоянно командовал конницей[7]. Как правило, чеканкой занимались монетные триумвиры, для этой должности закон не устанавливал определённого возраста, но обычно молодые люди занимали ее до квестуры, в возрасте 20–29 лет[8]. В таком случае, Публий мог родиться в интервале между 84 и 75 г. Если учесть, с одной стороны, отсутствие его отца в Италии в 84 и начале 83 г.[9], и, с другой, довольно ответственные поручения, которые Публий выполнял в Галлии в 58–56 гг., то этот интервал можно сузить до 82–81 г. [10]

Исходя из вышесказанного, кажется весьма вероятным, что Марк был старшим сыном Красса, а Публий – младшим, и этот вывод подкрепляется тем, что в Риме преномен отца, как правило, получал старший сын в семье[11]. Однако ряд авторов придерживается иного мнения.

Г. Мэттингли выдвинул теорию о том, что монеты с буквами SC (senatus consulto, по постановлению сената) чеканили не монетные триумвиры, а другие магистраты (квесторы, эдилы)[12]. На монетах Публия стоят буквы SC, и из этого Мэттингли делает вывод, что в 55

---

[5] Ср.: Cic. Brut. 308; Plut. Crass. 6.1; *Keaveney A.* Who were the Sullani? // Klio. 1984. Vol. 66. P. 130.

[6] *Crawford M.H.* Roman Republican coinage. Camb., 1974. P. 454. № 430. О датировке см.: P. 88.

[7] Ссылки на источники см.: *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1951. Vol. II. P. 226, 231.

[8] *Crawford M.H.* Op. cit. P. 780–781; Кроуфорд отмечает два периода, когда монетными триумвирами становились люди более старшего возраста (около 130 г. и 48–46 гг.), но карьера Публия Красса относится к другому времени. См. также: *Lintott A.W.* The Constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999. P. 139.

[9] Plut. Crass. 6.2–5: Красс вернулся в Италию вместе с Суллой.

[10] Ф. Мюнцер, однако, датирует рождение Публия, которого он считает младшим сыном, примерно 86 г., ссылаясь на Цицерона (Brut. 280–283), где Публий назван между Курионом (род. в 84 г.) и Кальвом (род. в 82 г.) – см.: *Münzer F.* Op. cit. Sp. 291. Однако это означало бы, что оба сына Красса были квесторами на несколько лет позднее своего года, что труднообъяснимо. Кроме того, соседство с Курионом и Кальвом скорее указывает на более позднюю дату рождения, чем 86 г., а Цицерон в «Бруте» не всегда соблюдает хронологию с точностью до года. См.: *Sumner G.V.* Op. cit. P. 148–149 (даты рождения Куриона и Кальва) и P. 159–169 (хронологические погрешности в «Бруте»).

[11] *Фёдорова Е.В.* Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 73.

[12] *Mattingly H.B.* Op. cit. P. 190–191.

г., когда эти монеты были отчеканены, Публий занимал должность квестора[13]; следовательно, он должен быть как минимум на год старше брата Марка, квестура которого приходится на 54 г.

Г. Самнер полагает, что если бы Публий появился на свет в 82 г., то в 57 г. он был бы ещё слишком молод, чтобы Цезарь доверил ему командовать легионом. Поэтому он считает, что Публий родился до отъезда Красса в Испанию, то есть около 86 г.[14]

А. Уорд указывает, что Публий оказался в Галлии и исполнял там важные поручения раньше Марка, а затем отправился в Парфию вместе с отцом. По его мнению, это свидетельствует о том, что Марк был младше. Уорд даже предполагает, по аналогии с карьерой Марка, что Публий был квестором 58 г.[15]

Несколько возражений против того, что Публий был старшим сыном, высказал Р. Сайм[16]. В частности, он отметил, что военная служба до квестуры была у римлян очень распространена, что Цезарь называет Публия adulescens, «юный» (BG. I.52.7; III.7.2) или adulescentulus, «очень юный» (III.21.1), причем в контексте рассказа в III.21 важна именно молодость командира, и что Марк, по-видимому, женился на несколько лет раньше Публия. Доводы Сайма побудили Т.Р.С. Броутона изменить его точку зрения: если первоначально он называл Публия квестором 55 г., хоть и со знаком вопроса[17], то позднее отметил, что, как показал Сайм, источники указывают на то, что Марк, скорее всего, был старшим сыном, а квестура Публия вызывает сомнения[18]. Представляется, что аргументацию Сайма можно развить и дополнить.

Гипотезе Г. Мэттингли противоречат обстоятельства карьеры Фавста Суллы, который тоже чеканил монеты с буквами SC. Г. Мэттингли вслед за Г. Грюбером[19] исходил из того, что этот выпуск относится к 54 г., когда Фавст занимал должность квестора, и рассматривал его как подтверждение своей теории[20]. М. Кроуфорд, однако, показал на основании данных кладов, что чеканку Фавста следует датировать 56 г., за два года до его квестуры[21]; следовательно, всего за год до Публия Красса он выпускал монеты с буквами SC в должности монетного триумвира. Поэтому в отсутствие иных указа-

---

[13] *Mattingly H.B.* Op. cit. P. 200.

[14] *Sumner G.V.* Op. cit. P. 149–150.

[15] *Ward A.* Marcus Crassus and the Late Roman Republic… P. 55–56.

[16] *Syme R.* Op. cit. P. 403–408.

[17] *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 217.

[18] *Idem.* The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1986. Vol. III. Suppl. P. 119.

[19] *Grueber H.A.* Coins of the Roman Republic in the British Museum. L., 1910. Vol. I. P. 489–490. № 3909–3950.

[20] *Mattingly H.B.* Op. cit. P. 190–191.

[21] *Crawford M.* Op. cit. P. 83–88. Кроуфорд не согласен с теорией Мэттингли о значении букв SC и выдвигает альтернативное объяснение: по его мнению, эти буквы ставили на монетах, чеканка которых была предписана постановлением сената в середине года вследствие каких-либо чрезвычайных обстоятельств: Ibid. P. 606–609.

ний на квестуру логично считать, что и Публий занимал ту же должность. Впоследствии Г. Мэттингли, по-видимому, принял аргументацию М. Кроуфорда: в более поздней работе он пишет о Фавсте как о монетном триумвире 56 г.[22], а в перечне должностей монетных триумвиров не указывает квестуру Публия[23].

Что касается широких полномочий Публия в Галлии, то, прежде всего, следует отметить, что в первый год службы у Цезаря (58 г.) Публий командовал не легионом, а только конницей, причём продемонстрировал инициативность и способность к быстрому реагированию и сыграл важную роль в победе над Ариовистом (*Caes.* BG. I.52.7). Вероятно, именно этот успех побудил Цезаря на следующий год доверить молодому Крассу легион для самостоятельных действий на Атлантическом побережье (*Caes.* BG. II.34). Если Публий родился в 82 г., тогда в начале службы в Галлии ему было бы 24–25 лет. В источниках имеются примеры столь же молодых командиров, наделённых широкими полномочиями. Публий Клодий командовал флотом Квинта Марция Рекса в 67 г., когда ему было 25 лет[24]. В 57 г. Марк Антоний стал префектом конницы у Габиния в возрасте 26 лет, причем и в Иудее, и в Египте часто действовал самостоятельно (в частности, ему было поручено захватить стратегические проходы у Пелусия)[25]. Сизенна, сын Габиния, тоже служил в Сирии с 57 г. и при подавлении восстания Аристобула действовал самостоятельно во главе отдельного отряда, исполняя важные поручения. О его возрасте и должности сведений нет, однако Кассий Дион называет его «совсем молодым»[26]. Таким образом, с возражением Г. Самнера нельзя согласиться: в те времена молодые командиры в возрасте 24–26 лет могли исполнять от-

---

[22] *Mattingly H.B.* From Coins to History: Selected Numismatic Studies. Ann Arbor, 2004. P. 231, 259, 288.

[23] Ibid. P. 288. М. Харлан также выдвинул теорию, согласно которой монеты с буквами SC чеканили не монетные триумвиры, а магистраты более высокого ранга; соответственно, он считал, что Публий Красс в 55 г. был квестором: *Harlan M.* Roman Republican Moneyers and Their Coins 63 BC to 49 BC: Aspects of Ancient Classical Coins. L., 1995. P. XIV–XVI, 119–125. Однако его взгляды встретили серьёзные возражения у специалистов по римской нумизматике, см. рецензии на его работы: *Hollstein W.* // The Numismatic Chronicle. Vol. 156. 1996. P. 354–356; *McCabe A.* // The Numismatic Chronicle. Vol. 172. 2012. P. 367–369. В частном письме М. Харлан сообщил, что в настоящее время пересматривает свою теорию и допускает, что монеты с буквами SC могли чеканить как монетные триумвиры, так и магистраты более высокого ранга. Следовательно, присутствие этих букв на монете Публия Красса не доказывает, что в 55 г. он был квестором.

[24] О дате рождения Клодия см.: *Hillard T.W.* The Sisters of Clodius Again // Latomus. 1973. Vol. 32. P. 508. О командовании флотом: Cass. Dio. XXXVI.17.2.

[25] О дате рождения Антония см.: *Sumner G.V.* Lex Annalis under Caesar // Phoenix. 1971. Vol. 25(3). P. 363. О службе Антония у Габиния см.: Plut. Ant. 3; Ios. Fl. AI. XIV.5.2; 6.1; BI. I.8.3; 6.

[26] Cass. Dio. XXXIX.56.5; Ios. Fl. AI. XIV.6.1; BI. I.8.6.

ветственные задания, а Публий Красс, вероятно, заслужил доверие Цезаря, проявив военный талант в битве с германцами.

А. Уорд считает, что карьеры братьев Крассов должны быть аналогичны. И если Марк впервые отправился в 54 г. в Галлию к Цезарю в должности квестора, то и Публий должен был в первый год своего пребывания в Галлии (58 г.) служить именно квестором. Однако Публия, в отличие от Марка, сам Цезарь никогда не называет квестором[27]. А. Уорд объясняет это тем, что в обоих эпизодах, где упомянут Марк, говорится также о легатах, и Цезарь старался ясно показать различие между этими должностями[28]. Однако, как представляется, описание битвы с Ариовистом (*Caes.* BG. I.52.7) опровергает эту гипотезу. Цезарь пишет, что поручил своему квестору один из легионов. И здесь же прямо указано, что Публий Красс в этом сражении командовал конницей. Следовательно, квестор Цезаря в 58 г. и Публий Красс – это два разных человека.

Но, вне зависимости от должности Публия в 58 г., возникает вполне правомерный вопрос, сформулированный А. Уордом: если Публий был младшим, то почему он отправился в Галлию раньше своего старшего брата?[29] Р. Сайм предполагает, что военная служба в Галлии могла быть не первой в карьерах братьев Крассов: например, кто-то из них в 61–60 гг. мог служить у Цезаря в Испании, в провинции, с которой семья Крассов имела давние связи[30]. Если Марк побывал в Испании, это могло бы объяснить, почему в Галлию отправился Публий; однако, гипотеза, предложенная Р. Саймом, носит сугубо спекулятивный характер и не подкрепляется никакими источниками. Представляется, что объяснение следует искать в тех данных, которые античные авторы сообщают о жизни и характерах сыновей Красса.

Известно, что Публий Красс был любознательным, начитанным и образованным юношей, даже «по-настоящему глубоко учёным» (*Cic.* Brut. 282; *Plut.* Crass. 13.5). Он обладал хорошим слогом и выдающимися ораторскими способностями. Возможно, занятия красноречием и сблизили его с первым оратором этого времени – Цицероном; известно, что в своих беседах они затрагивали и проблемы государственной деятельности (*Cic.* Brut. 281). Цицерон очень высоко оценивал способности своего ученика и возлагал на него большие надежды; Публий же искренне привязался к наставнику[31]. Вероятно, их сближение можно датировать 63–60 гг., когда Публию было около 20 лет, а авторитет Цицерона в политической жизни достиг апогея.

Однако примерно в этот же период отношения старшего Красса с Цицероном существенно ухудшаются. Ещё в 65 г. Цицерон произнёс речь «Об александрийском царе», в которой выступил против планов

---

[27] Публий Красс: Caes. BG. I.52.7; II.34; III.20.1. Марк Красс: Caes. BG. V.24.3; VI.6.1.

[28] *Ward A.* Marcus Crassus and the Late Roman Republic… P. 55–56.

[29] Ibid. P. 55.

[30] Ср.: Plut. Crass. 4–6; *Syme R.* Op. cit. P. 404. Теоретически можно предположить службу и не у Цезаря, а в какой-то другой провинции.

[31] Cic. Fam. V.8.4; XIII.16.1; Brut. 281–282; Plut. Crass. 13.5; Cic. 33.8.

Красса сделать Египет римской провинцией[32]. В 64 г. во время консульских выборов Цицерон не только публично обвинил в подкупе избирателей своих соперников Катилину и Гая Антония, но и прозрачно намекнул, что в этих действиях замешан Красс, который их поддерживал (*Cic.* In Toga Cand. fr. 1; Ascon. 83. Clark). Выиграв выборы у Катилины, Цицерон воспрепятствовал принятию аграрного законопроекта Сервилия Рулла, за которым стоял Красс (*Cic.* Leg. Agr. II.44; ср.: *Suet.* Caes. 9.2). На консульских выборах 63 г. Цицерон приложил все усилия, чтобы вновь не допустить избрания Катилины, и добился своей цели (*Plut.* Cic. 14.5–8; *Cass. Dio.* XXXVII.29). В рамках настоящей статьи не представляется возможным дать ответ на вопрос о том, насколько справедливо Красса подозревали в участии в заговоре Катилины[33], однако ясно, что после того, как Цицерон арестовал и казнил катилинариев, между ним и будущим триумвиром возникла вражда (*Plut.* Crass. 13.5; Cic. 30.3; 33.8). Если Красс действительно поддерживал заговорщиков, то его ненависть к консулу вполне понятна. Если же к осени 63 г. он порвал с Катилиной, то должен был искренне возмущаться тем, что Цицерон возводит на него «оскорбительную клевету» (*Sall.* Cat. 48.9). Правда, в феврале 61 г. Красс одобрительно высказался о действиях консула 63 г. по подавлению заговора Катилины, однако сам Цицерон хорошо понимал, что это выступление продиктовано сиюминутными политическими соображениями[34].

В таких условиях Красс вряд ли мог приветствовать близкую дружбу своего младшего сына с Цицероном и, вероятно, с беспокойством смотрел на то, какой авторитет приобретает в глазах Публия консуляр, политические взгляды которого столь несходны с его собственными. И действительно, сам Цицерон сообщает, что призывал молодого человека посвятить себя красноречию и идти к славе той дорогой, которую проторили знаменитые Крассы, называя, прежде всего, Луция Красса Оратора, – но не родного отца Публия[35].

---

[32] Schol. Bob. 349–352; Suet. Caes. 9.2; Plut. Crass. 13.2.

[33] См.: Sall. Cat. 17.6; 48. 4–9; Plut. Crass. 13.3; Cass. Dio. XXXVII.1–2;

[34] Cic. Att. I.14.2–3. Об участии Красса в вышеописанных событиях подробнее см.: *Gelzer M.* Licinius (67) // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 310–313; *Salmon E.T.* Catiline, Crassus, and Caesar // AJPh. 1935. Vol. 56. No 4. P. 302–316; *Garzetti A.* Scritti di storia repubblicana e augustea. Roma, 1996. P. 116–125; *Adcock F.E.* Marcus Crassus, Millionaire. Camb., 1966. P. 35–40; *Ward A.* Marcus Crassus and the Late Roman Republic... P. 145–192; *idem.* Cicero's Fight against Crassus and Caesar in 65 and 63 B.C. // Historia. 1972. Bd. 21.2. P. 244–258. *Marshall B.A.* Crassus: A Political Biography. Amsterdam, 1976. P. 64–84.

[35] Cic. Brut. 281–282. То, что Цицерон не считал Марка Красса достойным образцом для подражания, ясно из контекста: во-первых, он характеризует триумвира как посредственного оратора (Brut. 233); во-вторых, он констатирует, что Публий не прислушался к добрым советам, избрал иную дорогу и погиб – но погиб он, как известно, вместе с отцом. См. об этом: *Baroin C.* Remembering one's Ancestors, Following in their Footsteps, being like them. The Role and Forms of Family Memory in the Building of Identity // Children, Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxf., 2010. P. 27–28.

Вскоре политические расхождения Красса с сыном перестали быть семейным делом и приобрели публичный характер. В 59 г., когда контроль над всеми государственными делами оказался в руках Цезаря, Помпея и Красса, плебейским трибуном был избран Клодий, смертельный враг Цицерона. Некоторые современные исследователи высказывали мнение, что Клодий был политическим союзником Красса или даже зависимой от него фигурой и именно в его интересах провёл ряд политических мероприятий[36]. Этот взгляд иногда оспаривается[37], однако из источников ясно, что, по крайней мере, одно мероприятие Клодия Красс одобрял, а именно изгнание Цицерона. Рассказывая о том, как оратор пытался найти защиту от Клодия у триумвиров, Плутарх сообщает, что если Помпей вёл себя с Цицероном неискренне, а Цезарь предложил ему место легата в Галлии, то Красс был ему открыто враждебен (Cic. 30.3; 33.8). Клодий, добиваясь изгнания своего врага, публично заявлял, что действует по совету Красса[38]. Когда же у самого Красса спросили о его мнении, он заявил, что делом Цицерона должны заниматься консулы 58 г., Пизон и Габиний; это означало согласие на изгнание оратора, так как Пизон был зятем Цезаря, Габиний – союзником Помпея, и ни один из них не намеревался и не стал ни в чем препятствовать Клодию. Об этом же говорит и Кассий Дион, согласно которому Красс принял сторону большинства, т.е. Клодия (XXXVIII.17.3); в следующей книге этот автор сообщает, что Красс очень не любил Цицерона, желал его изгнания, а сам оратор считал его, как и Цезаря, главным виновником своего несчастья (XXXIX.9). И действительно, в октябре 58 г. изгнанник пишет жене о перспективах своего возвращения следующее: «Я думаю, ты возлагаешь надежды на новых плебейских трибунов. Можно чувствовать себя уверенно (id firmum erit), если Помпей проявит благожелательность; но Красса я всё же опасаюсь» (Fam. XIV.2.2). Таким образом, что бы Цицерон ни утверждал в публичных речах, сам он считал, что Красс враждебен его делу и будет препятствовать его восстановлению в правах[39].

---

[36] *Marsh F.B.* The Policy of Clodius from 58 to 56 B.C. // CQ. 1927. Vol. 21. No 1. P. 30–36; *Marshall B.A.* Op. cit. P. 106; *Ward A.* Marcus Crassus... P. 231–257; *Rowland R.J.* Crassus, Clodius, and Curio in the Year 59 B.C. // Historia. 1966. Bd. 15.2. P. 217–223.

[37] *Gruen E.S.* P. Clodius: Instrument or Independent Agent? // Phoenix. 1966. Vol. 20. No 2. P. 120–130; *Tatum W.J.* The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill, 1999. P. 108–113.

[38] Cic. Sest. 39; Har. Resp. 47. Цицерон утверждает, что эти слова Клодия были ложью, но указанные речи произнесены после возвращения Цицерона и примирения с триумвирами, и он, конечно, пытается доказать, что Клодий – единственный виновник его изгнания. Однако вряд ли плебейский трибун стал бы публично лгать о позиции влиятельного человека, который присутствовал и вполне мог его опровергнуть.

[39] А. Уорд, впрочем, полагает, что Красс не желал изгнания Цицерона и не был ему врагом (*Ward A.* Marcus Crassus... P. 242–245), однако его аргументы не представляются бесспорными. Фрагмент письма Цицерона Att. II.22.5 испорчен и сам по себе не может служить доказательством (ср.: *Shackleton-Bailey D.R.* Cicero's Letters to Atticus. Cambr., 1965. Vol. I. P. 397, где ему дает-

Впрочем, Кассий Дион сообщает, что Красс всё же оказал Цицерону некую помощь через своего сына (XXXVIII.17.3). Плутарх рассказывает об этом подробнее: когда Клодий внёс направленный против Цицерона законопроект, Публий Красс «сменил одежду на траурную и заставил сделать то же и других молодых людей» (Crass. 13.5). Здесь уже речь не идет о том, что Публий действовал по указанию отца; напротив, по мнению Плутарха, Красс-старший питал ненависть к оратору, Публий же препятствовал его планам. Представляется, что сам Цицерон подтверждает правоту Плутарха, а не Кассия Диона: если Красса оратор опасается и испытывает к нему недобрые чувства, то к Публию он, по-видимому, привязан и благодарен ему.

Поведение Публия ставило Красса-триумвира в двусмысленное и вряд ли удобное положение. С одной стороны, сын мешал ему открыто вредить Цицерону (*Plut.* Crass. 13.5), с другой стороны, у его союзников могло сложиться впечатление, что он ведёт двойную игру и левой рукой спасает того, кого губит правой. Вероятно, выход из сложившейся ситуации был найден в том, что Публий отправился вместе с Цезарем в Галлию. Это позволило на время удалить юношу с римской политической сцены, вывести его из-под нежелательного влияния Цицерона и вместо этого дать ему в наставники Цезаря, давнего политического союзника Красса. Кроме того, Публию предстояло принять участие в крупной войне, которая давала возможность приобрести новый опыт, прославиться и обогатиться; возможно, Красс рассчитывал, что военная стезя покажется сыну более привлекательной, чем ораторская.

Если подобные расчеты имели место, то они в значительной мере оправдались. Публий не порвал с Цицероном: он продолжал добиваться от отца согласия на возвращение оратора в Рим (видимо, в письмах), и когда Крассу под давлением политических обстоятельств пришлось дать на это согласие, он мог сказать, что делает это в угоду сыну[40]. В 55 г. Цицерон обратился к консулу Крассу с просьбой повлиять

ся иная интерпретация). Уорд указывает, что в 58 г. Квинт Цицерон мог рассчитывать на помощь Красса в суде (Cic. Q. fr. I.3.7), однако, в отличие от брата, он не давал триумвиру повода для вражды, и в деле катилинариев выступал против смертной казни (Suet. Caes. 14.2). Уорд называет троих человек из окружения Красса, принявших участие в судьбе Цицерона в изгнании, однако о вольноотпущеннике Красса и его друге Аррии Цицерон отзывается очень критически (Q. fr. I.3.8; Att. III.15.3), Аксий же (Att. III.15.3) в источниках не назван другом Красса, и, скорее, можно предположить между ними вражду (ср.: Plut. Cic. 25). Позиция Публия Красса, которую А. Уорд тоже приводит как довод, рассматривается ниже.

[40] В биографии Красса (13.4) Плутарх описывает эти события так, будто Красс искренне примирился с Цицероном после уговоров сына; в биографии Цицерона речь идет лишь о том, что он сослался на сына, чтобы объяснить изменение своей позиции (33.7). Представляется, что второе объяснение ближе к истине: согласно Кассию Диону (XXXIX.10.1), Красс и Цезарь просто не имели достаточно влияния, чтобы помешать возвращению Цицерона, хотя и желали бы этого. Ср.: Cic. Pis. 34–36 о массовой поддержке его восстановления в правах.

на Клодия, и в письме (Q.fr. II.7.2) рассказывает брату, что при этом разговоре присутствовал Публий, «очень расположенный» к нему. В начале 54 г. Цицерон в письме Крассу подчеркивает, с каким уважением и любовью Публий всегда к нему относился (Fam. V.8.4). Тем не менее влияние оратора на сына триумвира существенно ослабело, и у юноши появились новые жизненные планы и приоритеты, о которых прежний наставник отозвался неодобрительно: «Ему вскружила голову непривычная для молодого человека слава; ему мало было воином служить своему полководцу, он пожелал сам немедленно стать полководцем» (Brut. 282).

Действительно, в Галлии Публий проявил незаурядные военные дарования. Как уже отмечалось выше, в 58 г. его своевременные действия переломили в пользу римлян ход битвы с Ариовистом (*Caes.* BG. I.52.7). В 57 г. Цезарь поручил ему командовать легионом и направил в Арморику; Публий покорил приморские племена и остался зимовать в этих краях[41]. В 56 г. Публий во главе двенадцати когорт подчинил Аквитанию, преодолев серьёзное сопротивление местных племён[42]. За эти достижения Цезарь наградил Публия знаками отличия (*Plut.* Crass. 17.7).

На политической арене Публий тоже начинает выступать на стороне триумвиров. Консульские выборы на 55 г. сопровождались острой политической борьбой, и дело дошло до междуцарствия[43]. Кассий Дион (XXXIX.31.2) сообщает, что Публий специально (и, видимо, по поручению Цезаря) привёл из Галлии солдат, чтобы содействовать избранию отца. В этом же году Публий занимал должность монетного триумвира и ведал чеканкой монеты с головой Венеры в лавровом венке на аверсе); некоторые исследователи видят в этом изображении любезность в адрес Цезаря, считавшего Венеру своей покровительницей[44], или намёк на храм Венеры Эрицины возле Коллинских ворот, в битве у которых Красс-отец сыграл решающую роль[45]. Впрочем, реверс этой монеты не поддаётся убедительной интерпретации, поэтому о значении аверса можно говорить лишь с большой осторожностью[46].

В 54 г. Публий последовал за отцом в Сирию во главе 1000 всадников, предоставленных Цезарем (*Plut.* Crass. 17.7; 25.2), вместе с ним посетил Гиераполь и конфисковал там храмовые сокровища (17.9). Красс, по-видимому, высоко ценил суждения сына по военным вопросам – так, именно по его совету он решил вступить в битву при Каррах (23.6). В этом сражении Публий погиб, не пожелав покинуть конницу, обречённую на истребление в результате его ошибки (25.12–14). Узнав о его смерти, Красс сказал, что потерял сына, «лучшего на

---

41 Caes. BG. II.34; III.7–9; Oros. VI.8.7–9.

42 Caes. BG. III.20–27; Cass. Dio. XXXIX.46; Oros. VI.8.19–22.

43 Plut. Crass. 15; Pomp. 52; Cat. Min. 41; Cass. Dio. XXXIX.27–31.

44 *Babelon E.* Description historique et chronologique des monnaies de la République romaine. P., 1885. Vol. II. P. 134 (Licinia 18); *Grueber H.A.* Op. cit. Vol. I. No 3901–3906. P. 487. N. 1.

45 *Mattingy H.* The Denarius of Sufenas... P. 200–201.

46 См. *Crawford M.* Op. cit. No. 430. P. 454. N. 1. На реверсе изображена женщина с копьем, ведущая коня, а у ее ног – панцирь и щит.

свете» (26.5). Цицерон же, именовавший себя «вторым отцом» Публия (Fam. V.8.4), спустя семь лет заметил, что его гибель доказала, «как не похож он ни на Луция Красса, ни на многих других из своего рода» (Brut. 282).

Относительно Марка Красса-младшего у Цицерона, видимо, никогда не было подобных иллюзий: даже в письме к триумвиру он не скрывает, насколько по-разному относится к его сыновьям: «Я глубоко люблю их обоих, но при равном расположении более привязан к Публию, так как он, всегда любивший меня с детства, в настоящее время почитает и любит меня особенно, как второго отца» (Fam. V.8.4). В этим письме Цицерон выражается очень вежливо, однако известно и другое его высказывание о старшем сыне Красса. Плутарх рассказывает следующее: «Один из двоих сыновей Красса, лицом похожий на некоего Аксия (что пятнало его мать позорными подозрениями), произнёс в курии речь, которая понравилась сенаторам, а Цицерон, когда его спросили, что он думает об этой речи, отвечал по-гречески: «Достойна Красса (ἄξιος Κράσσου)» (*Cic.* 25.5). Поскольку выступление, о котором здесь сообщается, состоялось в сенате, а Публий Красс не избирался квестором и, следовательно, не входил в сенат, речь может идти только о Марке.

Отсюда можно сделать вывод, что, по крайней мере, в отношении Цицерона Марк следовал в русле политики своего отца, и Крассу не нужно было принимать мер, чтобы изолировать старшего сына от нежелательного влияния оратора. Хотя Марк и был старше, он отправился в Галлию лишь после Публия, уже в должности квестора 54 г. Возможно, планировалось, что он прослужит у Цезаря лишь год, а затем тоже уедет к отцу в Парфию: известно, что квестуру на 53 г. Цезарь предлагал Марку Бруту (De vir. ill. 82.3–4). Тот, однако, отказался, и Марк Красс остался проквестором в Галлии и на 53 г., когда и получил из Парфии вести о гибели отца и брата. О его дальнейшей жизни сведений очень мало: сообщается, что в гражданской войне он поддержал Цезаря и в 49 г. был назначен наместником Цизальпийской Галлии (*App.* BC. II.41); а также известно об опасении парфян, что после победы Цезарь пойдет на них войной, так как на его стороне находится сын и брат убитых ими Крассов (*Iustin.* XLII.4.6). Больше о жизни Марка ничего не известно и, вероятно, он умер около 48–47 гг.

Решение вопроса о том, кто из сыновей Красса был старше, позволяет устранить некоторые неясности, связанные с их пребыванием в составе жреческих коллегий. Известно, что Публий был авгуром (*Plut.* Cic. 36.1); в каком году он получил этот сан – неизвестно. С другой стороны, в 57 г. одного из членов коллегии понтификов звали Марк Красс (*Cic.* Har. resp. 12); был ли это триумвир или его сын – тоже неясно. Исходя из порядка, в котором Цицерон называет имена понтификов, Л.Р. Тэйлор показала, что избрание Марка Красса в коллегию состоялось незадолго до 57 г., вероятнее всего – в 60 г. Поскольку она считает Марка старшим сыном, то делает вывод, что понтификом был именно он: ведь первым жреческую должность, скорее всего, получил бы старший из братьев, и если Публий стал авгуром,

значит, Марк к тому времени уже был понтификом[47]. Аналогичное мнение высказывает и М. Пэрриш, оговаривая, что источники не позволяют однозначно решить вопрос, и приводя ещё несколько косвенных аргументов в пользу идентификации понтифика с Марком-младшим[48]. Однако А. Уорд, полагающий, что старшим сыном был Публий, указывает, что в этом случае гораздо вероятнее, что понтификом стал отец, а Марк-младший вообще не занимал жреческих должностей[49]. Такого же мнения придерживается и Б. Маршалл[50]. Однако если вернуться к прежней точке зрения и считать Марка старшим из братьев, то вопрос со жреческими должностями сыновей Красса разъясняется: Марк стал понтификом около 60 г., а Публий позднее вошёл в состав коллегии авгуров: возможно, на место Луция Лукулла, умершего в 56 г. (*Cic.* Prov. Cons. 22), хотя уверенности здесь нет, так как полный состав коллегии в этот период неизвестен.

В 57 г. коллегия понтификов, в том числе и Марк Красс-младший, единогласно проголосовала за освобождение дома Цицерона от религиозного запрета, наложенного Клодием (*Cic.* Har. Resp. 12). Но вряд ли это может свидетельствовать о расположении Марка к оратору: как уже отмечалось выше, сам Красс-триумвир незадолго до того вынужден был согласиться на возвращение Цицерона из изгнания и хотя бы внешне с ним примириться. Вряд ли после этого он поручил бы молодому сыну, ещё даже не сенатору, одному выступить против всей коллегии понтификов, в которую входил консул и четыре консуляра (loc. cit.)[51].

* * *

Таким образом, в отношении карьеры сыновей Красса можно сделать следующие выводы. Марк был старшим сыном, родился в первой половине 85 г., вероятно, около 60 г. стал понтификом, в 54–53 г. служил у Цезаря в Галлии в должности квестора и проквестора, в 49 г. встал на сторону Цезаря в гражданской войне, был назначен наместником Цизальпийской Галлии и, вероятно, вскоре умер. Публий был младшим сыном, родился в 82 или 81 г., в 59–56 гг. служил у Цезаря в Галлии префектом или легатом, в первой половине 50-х годов вошёл в состав коллегии авгуров, в 55 г. занимал должность монетного триумвира, а в 54 г. отправился с отцом в Парфию, где и погиб. По всей видимости, Публий поехал в Галлию первым, хотя и был младшим, потому что его политическая позиция вошла в противоречие с плана-

---

[47] *Taylor L.R.* Caesar's Colleagues in the Pontifical College // AJPh. 1942. Vol. 63. P. 385–412; об идентификации Марка Красса: P. 393–394; о дате его избрания: P. 399.

[48] *Parrish E.M.* Crassus Pontifex: By Whose Patronage? // Latomus. 1977. Vol. XXXVI. P. 628–629.

[49] *Ward A.* Op. cit. P. 204. Note 38. Впрочем, обратная логика здесь не работает, ведь неизвестно, когда Публий стал авгуром. Ничто не мешает отнести это событие, например, к 61 г.: тогда нет препятствий и для понтификата Марка, даже если считать его младшим братом.

[50] *Marshall B.* Op. cit. P. 120–121.

[51] Ср.: *Marshall B.* Op. cit. P. 135. N. 40.

ми его отца. Публий уважал и любил Цицерона и пытался спасти его от изгнания, тогда как его отец являлся врагом оратора. Трёхлетнее пребывание в Галлии ослабило связи Публия с Цицероном: он утратил интерес к ораторскому искусству, увлёкся военной карьерой и теперь начал помогать отцу – и в политических, и военных делах. Марк же, по-видимому, никогда не сближался с политическими противниками отца и не создавал ему подобных проблем, поэтому в Галлию он отправился лишь после того, как оттуда уехал его брат, и уже в должности квестора.

O.V. Lyubimova

THE SONS OF CRASSUS: THE PROBLEM OF THEIR SENIORITY AND POLITICAL POSITION

The article deals with the problem of seniority of Crassus' sons. The author argues that, contrary to the opinion of several modern researchers, Marcus was the elder son of Crassus born in the first half of 85 B.C., and Publius was the younger son born in 82 or 81 B.C. The latter didn't hold quaestorship or enter the senate. Nevertheless he served in Gaul under Caesar earlier than his elder brother. The supposed reason is Publius' attachment to Cicero and his attempts to prevent the exile of the latter which troubled Crassus who was a political enemy of the orator. When Publius returned from Gaul, Cicero's influence on him weakened and he began to support his father in political and military affairs.

Е.В. Смыков

СИРИЯ В 83–63 ГГ. ДО Н. Э.: ОТ АНАРХИИ К ПРОВИНЦИИ

Третья Митридатова война потребовала от римлян перестройки всей системы международных отношений на Ближнем Востоке. Разгром понтийского царя, аннексия его царства, приобретение Вифинии привели к значительному расширению территории, непосредственно контролировавшейся римской державой, и поставили вопрос о дальнейшей судьбе сопредельных земель. Ключевой здесь была проблема Сирии, к тому времени – жалкого обломка когда-то могущественной империи, уже не одно десятилетие находившейся в состоянии перманентной междоусобицы[1]. Её ярчайшим показателем является то, что за первые три десятилетия I в. до н.э. сирийский престол занимала дюжина правителей[2].

В конечном счете над ее территорией установил свой контроль армянский царь Тигран Великий, изгнав Селевкидов из их наследственных земель (*App.* Syr. 48, 69; Mithr. 105; *Iust.* XL.1.1–4; *Plut.* Luc. 14.5). Традиционно считается, что случилось это в конце (или в начале) 80-х гг. I в. до н.э. Его владычество здесь продолжалось 14, согласно Аппиану (Syr. 48.248), или 17, согласно Юстину (XL.1.4), лет[3]. Характер этих событий не вполне ясен в силу краткости сообщений источников. Аппиан, Страбон и Иосиф Флавий употребляют выражения, которые свидетельствуют о насильственном характере действий армянского царя[4]. Однако Помпей Трог/Юстин, в противоположность всем остальным, оставил подробный рассказ о выборах царя самими сирийцами, которые и пригласили Тиграна на престол (*Iust.* XL.1.1–4). На этом рассказе основывается версия о добровольности вхождения Сирии в состав державы Тиграна[5]. Однако с такой интерпретацией событий согла-

---

[1] Краткое изложение событий см.: *Sullivan R.D.* Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto; Buffalo; L., 1990. P. 66 f.

[2] См. список с уточненной хронологией правления: *Hoover O.D.* A Revised Chronology for the Late Seleucids at Antioch (121/0–64 B C) // Historia. 2007. Bd. 56. Ht. 3. P. 300 f. (Tabl. 8).

[3] Рассмотрение материала источников в традиционном ключе см.: *Magie D.* Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 2. P. 1117 f. Большая часть исследователей отдает предпочтение цифре Аппиана.

[4] App. Syr. 48. 247–248: τοῖς Σελευκίδαις ἐπεστράτευεν οὐκ ἐθέλουσιν ὑπακούειν; Strabo XI.14.15 (532): ἀνὰ κράτος εἶλεν; Ios. AI. XIII.419: ἐμβεβληκώς εἰς τὴν Συρίαν.

[5] *Reinach T.* Mithradates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1895. S. 307; *Bellinger A.R.* The Ends of Seleukids // Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. 1949. Vol. 38. P. 77–80; *Манандян Я.А.* Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943. С. 49–51; *Манасерян Р.Л.* Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982. № 2.

ситься трудно. Помпей Трог, несомненно, использовал источник, написанный с протигрsuperновских позиций; именно этим объясняется акцент на мирный характер овладения Арменией, а также характеристика времени правления Тиграна как эпохи мира и процветания для Сирии. Последнее кажется сомнительным уже само по себе – на фоне окружающих Сирию смут и анархии подобная картина выглядит слишком идиллической. Но, пожалуй, ещё важнее другое: каковы могли быть легальные основания для выборов нового монарха? Это было бы возможно, если бы местная династия пресеклась, как то было в Каппадокии. Но в Сирии наследники власти, пусть и несовершеннолетние, были в наличии, и, таким образом, захват престола Тиграном выглядел как обычная узурпация. Поэтому самое большее, что можно допустить, – это наличие среди сирийской элиты определенной группировки, ориентированной на армянского царя; возможно и то, что они побудили его совершить вторжение, но это отнюдь не означает, что он был избран на престол[6].

При этом промежуток времени, на протяжении которого Тигран владел Сирией, видимо, был гораздо более кратким, чем считают обычно. Относительно недавно О. Хувер поставил под сомнение всю хронологию этих событий[7]. Он соотносит версии Аппиана и Юстина с более ранним рассказом Иосифа Флавия, который повествует о них в контексте иудейской истории. В «Иудейских древностях» рассказывается о вторжении Тиграна, которое относится ко времени правления царицы Александры Саломеи (76/5–67/6 гг. до н. э.) (*Ios. Fl.* AI. XIII.419–420). Согласно его рассказу, армянский царь приходит с огромным войском, и Саломея, опасаясь за судьбу своего народа, при помощи богатых даров «перенаправляет» его на Сирию. Конечно, событий в окружающем мире Иосиф касается лишь постольку, поскольку они связаны с судьбами Иудеи; но именно поэтому он, как правило, неплохо осведомлен в деталях, которые игнорирует остальная дошедшая до нас традиция, и порой сообщает уникальные факты[8]. Для истории поздних Селевкидов он, вероятнее всего, опирался на труды Страбона и Николая Дамасского[9], т.е. источники вполне доброкачественные.

Кроме того, резонное недоумение исследователя вызывает поведение законных наследников. Согласно рассказу Цицерона, сирийские

С. 124; *Литовченко С.Д.* Римско-армянские отношения в I в. до н.э. – начале I в. н.э. Дисс. … к.и.н. Харьков, 2003. С. 73.

[6] Г. Дауни, как мне кажется, достаточно обоснованно считает, что в пользу Тиграна были настроены восточные элементы населения и какая-то часть греков, которые устали от непрерывной гражданской войны, раздиравшей династию Селевкидов. При этом он, однако, признает, что другая часть населения дорлжна была смотреть на Тиграна как на чужеземного узурпатора. См.: *Downey G.* A History of Antioch in Syria from Seleucos to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 137.

[7] *Hoover O.D.* Op. cit. P. 296 f.

[8] *Кошеленко Г.А.* Государство Селевкидов и Пергамское царство // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 126.

[9] *Büchler A.* The Sources of Josephus for the History of Syria (In “Antiquities”, XII, 3 – XIII, 14) // Jewish Quarterly Review. 1897. Vol. 9. № 2. P. 348 f.

царевичи, дети Антиоха Эусеба и Клеопатры Селены, находились в середине 70-х гг. в Риме. Они, отмечает оратор, «приезжали не по поводу получения ими царской власти в Сирии (их права на нее были бесспорны, так как они унаследовали ее от отца и предков); но они полагали, что им и их матери Селене должна достаться царская власть в Египте» (*Cic.* Verr. II.4.61. Пер. В.О. Горенштейна). Если бы к тому времени Сирия оказалась в руках Тиграна, логично было бы ожидать, хоть какого-то упоминания об этом факте; однако, на это нет даже намека, Цицерон прямо говорит о бесспорности их власти в отцовском царстве, и всё дело заканчивается тем, что они, не добившись желаемого, отправляются назад в Сирию. Есть и ещё одна деталь, которая косвенно свидетельствует, что царевичи отнюдь не были изгнанниками, – упоминание о том, что Антиох (которого Цицерон прямо именует «царем»!) на протяжении двух лет являлся в Риме в царском облачении и с царской свитой[10]. Трудно поверить, чтобы так мог вести себя изгнанник, уже около десяти лет лишенный своего царства.

Наконец, О. Хувер отмечает, что от времени правления Тиграна в Сирии дошло относительно мало нумизматического материала. Учитывая, что масштабные внешнеполитические пертурбации этого времени требовали больших расходов и интенсивной работы монетных дворов, малое количество отчеканенных в Сирии монет армянского царя также может являться косвенным свидетельством гораздо более краткого срока ее оккупации, чем принято считать – не с 87 или 83 г., а с 74/3 г.[11]

Таким образом, период армянского господства в Сирии был достаточно кратким, причем все это время в глазах римлян законными правителями государства оставались Селевкиды[12]. Поэтому вполне естественно, что после победы над Тиграном Лукулл поддержал реставрацию в Сирии прежней династии в лице Антиоха XIII Азиатика, тем самым номинально возвратив ситуацию к той, которая была до армянского завоевания (*Iust.* XL.2.2; *App.* Syr. 49)[13]. О дальнейшем мы знаем в самых общих чертах. Вероятно, первоначально новый монарх пользовался поддержкой населения, которое осознало, что даже представитель дома Селевкидов может быть более приемлемым правителем, чем армянский царь[14]. Однако этот «медовый месяц» в отношениях государя и подданных продолжался очень недолго – правление Антиоха про-

---

[10] Cic. Verr. II.4.67: Rex Antiochus, qui Romae ante oculos omnium nostrum biennium fere comitatu regio atque ornatu fuisset…

[11] *Hoover O.D.* Op. cit. P. 297.

[12] Cic. Verr. II.4.67–68: «Царя Антиоха, …друга и союзника римского народа, сына и внука царей, бывших нашими лучшими друзьями, …Веррес внезапно прогнал из провинции римского народа! …Претор римского народа оскорбил в своей провинции царя, ограбил гостя, изгнал союзника и друга римского народа». Захват Сирии Тиграном, конечно, не лишал законных монархов их статуса.

[13] *Keaveney A.* Lucullus. A Life. L.; N.Y., 1992. P. 111; *Sullivan R.D.* Op. cit. P. 203.

[14] *Downey G.* Op. cit. P. 139.

длилось около года[15]. Диодор рассказывает о том, что Антиох потерпел какое-то поражение, вероятно, от арабов, итогом чего стал направленный против него мятеж. Выступление было подавлено, а его зачинщики (οἱ αἴτιοι τῆς στάσεως) бежали в Киликию, где предложили диадему Филиппу Барипуду, двоюродному брату царя[16]. Тот, заручившись помощью арабского князька Азиза, изгнал Антиоха из страны (*Diod.* XL.1a).

В следующем из дошедших до нас фрагментов речь идет об ответных действиях Антиоха, который обратился за поддержкой к правителю Эмесы Сампсикераму. Это обращение обернулось трагически не только для него, но и для его конкурента: два арабских вождя заключили между собой тайное соглашение о разделе Сирии. Антиох был коварно захвачен в плен и содержался под стражей в оковах, а Филиппу удалось ускользнуть в Антиохию (*Diod.* XL.1b). По-видимому, Филипп ещё до этого имел какие-то контакты с проконсулом Киликии Кв. Марцием Рексом[17]. Действительно, если, согласно О. Хуверу, первое правление Антиоха XIII приходится на 68/7 гг., а его враги нашли прибежище в Киликии, трудно представить, что римская администрация была не осведомлена о событиях[18]. Другое дело, что мы ничего не знаем о ее конкретных действиях. В этом смысле любопытно, что именно в 67 г. в Антиохии появляется П. Клодий Пульхр, родной брат жены Кв. Марция Рекса. К этому времени он уже побывал в армии Лукулла, где спровоцировал солдатский мятеж (или, по крайней мере, дал веские основания для обвинений в подстрекательстве к мятежу)[19]. Затем он командовал флотом Марция Рекса, попал в плен к пиратам и наконец, после освобождения, прибыл в Антиохию. Согласно сообщению Кассия Диона, там он заявил, что явился «чтобы оказать им помощь против арабов, которые в то время их тревожили» (ὡς καὶ πρὸς τοὺς Ἀραβίους... οὓς... διεφέροντο, συμμαχήσων σφίσι...) (*Cass. Dio.* XXXVI.17.3). В чем заключалась деятельность Клодия в Антиохии,

---

[15] *Hoover O.D.* Op. cit. P. 301. (Tabl.).

[16] О нем см. подробнее: *Dobiáš J.* Φίλιππος Βαρύπους. Příspěvek k dějinám posledních Seleukovců (A Contribution to the History of the Last Seleukids) // Listy Filologické / Folia Philologica. 1924. Vol. 51. S. 214 f. (эта работа до сих пор является одним из основных исследований о Барипуде); *Treves P.* Philippos (69) // RE. 1938. Hbd. 38. Sp. 2554 f. Подробнее о династической борьбе в Сирии см.: *Koehler H.* Die Nachfolge in der Seleukidenherrschaft und die partische Haltung im römisch-pontischen Konflikt. Bochum, 1978. S. 58 f.

[17] См. указания на источники о его проконсульстве: *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta (Georgia), 1986. Vol. 2. P. 146. Сам Филипп в надписи из Диокесарии в Киликии именуется φιλορώμαιος (*Downey G.* Q. Marcius Rex at Antioch // CPh. 1937. Vol. 32. No 2. P. 148). Для того времени это довольно редкий титул, и, безусловно, он свидетельствует об очень тесных связях претендента с римской администрацией.

[18] «Вопрос о сирийском наследии возник из-за интриг претендентов с римскими военачальниками», – справедливо подчеркивает А.Н. Шервин-Уайт (*Sherwin-White A.N.* Roman Foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. P. 211).

[19] Источники: *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 140. Для оценки см.: *Tatum J.* Lucullus and Clodius at Nisibis (Plutarch, Lucullus 33–34) // Athenaeum. 1991. Vol. 79. P. 569 f.

действительно ли он участвовал в борьбе с арабами, и во имя каких целей он возбудил там мятеж, нам неизвестно, все реконструкции здесь могут быть только произвольными[20]. В свое время Й. Добиаш предположил, что именно эти события завершили недолгое правление Филиппа в Сирии[21], однако для такого предположения оснований мало. Прежде всего, визиты Клодия и Марция Рекса в Антиохию должны были произойти не позже первых месяцев 66 г. – времени, когда Киликия перешла под власть Помпея. Между тем чеканка Филиппа датируется 67/6–66/5 гг.[22], т.е. он все ещё продолжал править после этих событий.

На этом фоне следует оценивать и визит в Антиохию самого Кв. Марция Рекса, о котором сообщает византийский историк Иоанн Малала (*Malal.* P. 224 Dind.). Его сообщение не свободно от ошибок – имя «Марций» передается им как «Марциан», а «Рекс» понимается в буквальном смысле, как «царь», однако в целом сведения Малалы особых сомнений не вызывают. Цель визита выглядит достаточно загадочной – источник сообщает, что римлянин прибыл к царю Филиппу Барипуду τυπῶσαι φόρους δίδοναι αὐτὸν Ῥωμαίοις. Учитывая отдаленность времени жизни хрониста от описываемых событий, интерпретировать это выражение нет никакой возможности. Малала, не вполне поняв свой источник, мог воспользоваться византийским термином τυπῶσαι, но при этом неясно, какой именно глагол он так передает[23]. Не менее труден для понимания и термин φόρος. Его нельзя истолковать как регулярный налог – это означало бы конец суверенитета Селевкидов[24]. Кроме того, это противоречит недвусмысленному свидетельству Веллея о первом обложения Сирии податью в результате деятельности Помпея[25]. М.Г. Абрамзон предполагает, что речь шла о не о контрибуции или субсидии для войны с пиратами, а о плате Риму за признание Филиппа царем[26]. Однако и эта версия вызывает сомнения. Прежде всего, о таком признании мы ничего не знаем из источников, что, впрочем, можно объяснить их состоянием; но кроме этого ещё и непонятно, почему в дальнейшем Филипп, в отличие от Антиоха, не заявил о своих правах Помпею. Поэтому, если все-таки принимать версию о том, что Марций

---

[20] *Downey G.* A History of Antioch… P. 141, 142.

[21] *Dobiáš J.* Op. cit. S. 227. Предположение было поддержано Э. Беллинжером (*Bellinger A.R.* Op. cit. P. 84).

[22] *Hoover O.D.* Op. cit. P. 300, 301 (Tabl.).

[23] *Downey G.* Q. Marcius Rex… P. 147.

[24] *Dobiáš J.* Op. cit. S. 222.

[25] «Сирия и другие провинции, которые он (Тигран. – *Е.С.*) занимал, были отняты и одни из них были возвращены римскому народу, а другие в то время впервые переданы под его власть, подобно Сирии, которая тогда впервые стала платить дань (*ut Syria, quae tum primum facta est stipendiaria*) (Vell. II.37.5).

[26] *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н.э. – 74 г. н.э.). СПб., 2005. С. 82. Вариант такой интерпретации содержится и в статье Г. Дауни, по мнению которого, Марцию было поручено содействовать восшествию Филиппа на престол, и теперь он должен был получить контрибуцию или подарок в качестве «цены за римскую дружбу» (*Downey G.* Q. Marcius Rex… P. 148).

Рекс намеревался получить в Антиохии какие-то деньги, самым логичным было бы предположить, что он из своих средств субсидировал Филиппа, когда тот вступил в борьбу за престол.

Представляется, что такое истолкование лучше соотносится и с другой частью информации Малалы – о строительстве Марцием ипподрома и дворца. В данном случае свидетельство подтверждается археологией – фундаменты римского цирка/ипподрома в Антиохии относится, вероятно, именно к I в. до н.э.[27] Эти работы Марций произвел на свои средства (ἐκ τῶν ἰδίων), что, естественно, вызывает некоторые сомнения. Г. Дауни решительно отказывается признавать достоверность этих сведений. Уже в своей ранней статье он рассматривал сооружение этих объектов в качестве способа произвести впечатление на народ, продемонстрировав поддержку, которой пользуется царь у римлян; что касается «своих средств», то он допускал, что Марций сознательно солгал в строительной надписи, хвалясь тем, что являлось заслугой римского правительства[28]. Более десятка лет спустя эта картина получает под пером исследователя ещё большую завершенность: визит Марция в Антиохию носил официальный характер; строительство на собственные деньги – это очевидная неправда; даже если бы он пустил на это доходы с триумфа, непонятно, почему он потратил бы свои средства на здания в Антиохии; единственный вероятный вывод – что все это было оплачено римским правительством с целью продемонстрировать могущество Рима и его благоволение к народу Антиохии. Более того, вероятно, аннексия Сирии была уже предрешена, и возведение этих сооружений имело целью подвести фундамент под такое решение[29]. Наконец, в своей обобщающей монографии, посвященной Антиохии, он не упоминает этих интерпретаций, но подчеркивает, что строительство Марцием таких «типично римских сооружений», как дворец и цирк, должно было способствовать распространению римской культуры и укреплению престижа Рима в Сирии[30].

Стремление воссоздать по отрывочным сведениям целостную картину событий вполне закономерно, однако эта реконструкция имеет как минимум одно слабое место – недостаточный учет хронологических указаний, содержащихся в источниках. В частности, Кассий Дион сообщает, что Кв. Марцию и Манию Ацилию Глабриону пришлось поки-

---

[27] *Downey G.* The Occupation of Syria by the Romans // TAPhA. 1951. Vol. 52. P. 153; *idem.* A History of Antioch… P. 141. Поскольку эта работа была очень трудоемка, Г. Дауни в своей ранней статье резонно предположил, что Марций не построил новые сооружения, а восстановил старые, сильно пострадавшие во время недавнего землетрясения (*Downey G.* Q. Marcius Rex… P. 148–149).

[28] *Downey G.* Q. Marcius Rex… P. 150–151.

[29] *Idem.* The Occupation… P. 155–156, 157.

[30] *Idem.* A History of Antioch… P. 141. Кстати, Г. Дауни здесь допускает серьёзную ошибку: цирк вряд ли может считаться «типично римским сооружением», поскольку он очень близок греческому ипподрому, а что касается дворца – то это вообще анахронизм. Римляне эпохи Республики дворцов не знали, этот тип сооружения постепенно развивается лишь на протяжении первых десятилетий Империи.

нуть их провинции ещё до истечения срока их полномочий (*Cass. Dio.* XXXVI.43.1: πρὶν τὸν χρόνον σφίσι τῆς ἀρχῆς). Следовательно, визит в Антиохию, если он был, приходится не на конец, а на начало 66 г. Как мне кажется, схема событий здесь могла быть такова. П. Клодий побывал в Антиохии не после Марция, как считает Г. Дауни[31], а до него. Рассказ об этом следует непосредственно за историей пленения Клодия пиратами, которые освободили его из страха перед Помпеем. Но Помпей завершил свою кампанию к середине лета 67 г.[32], значит, освобождение Клодия приходится на чуть более раннее время, а его антиохийские приключения – на конец лета или осень 67 г. Та роль, которую он сыграл в Антиохии, не поддаётся точному определению. Однако, если учесть хронологию, Й. Добиаш, несомненно, не прав, считая, что эти события могли стоить трона Филиппу Барипуду[33]. Скорее, это были смуты, в результате которых он получил трон[34]. Визит Марция последовал через какое-то время и призван был продемонстрировать поддержку нового царя со стороны Рима. При этом нет никакой необходимости усматривать здесь проявления сенатской политики и дальний расчет, это вполне может объясняться личными контактами, которые возникли во время пребывания Филиппа в Киликии. Наконец, помощь в реконструкции ипподрома и дворца – тем более весомая, если Марций имел какие-то финансовые претензии к антиохийцам или их царю! – вполне может считаться частным благодеянием, при помощи которого Марций Рекс расширял и укреплял свои зарубежные связи.

Что касается Антиоха, то, согласно сообщению хроники Евсевия, он сначала бежал от своих союзников-арабов в Парфию, а уже оттуда впоследствии явился к Помпею[35]. Однако против этого говорят нумизматические материалы: очень вероятно, что в 65/64 г. в Антиохии вновь чеканится монета Антиоха XIII[36]. Согласно Диодору, до этого времени он находился в плену у Сампсикерама (*Diod.* XL.1b). Однако теперь, по-видимому, этот хитрый царёк посчитал, что обязанный ему властью Селевкид предпочтительнее, чем римский наместник в Антиохии, и потому вернул ему трон[37].

Так обстояли дела к тому моменту, когда в Сирии, наконец, появился истинный хозяин ситуации – Гн. Помпей. Ещё до его личного прибытия в Сирию там действовали его легаты – сначала Метелл Непот

---

[31] *Downey G.* The Occupation… P. 158; *idem.* A History of Antioch… P. 141 f. В общем и целом предложенную Г. Дауни схему событий разделяет М.Г. Абрамзон (Указ. соч. С. 82–83).

[32] *Greenhalgh P.* Pompey. The Roman Alexander. L., 1980. P. 93.

[33] *Dobiáš J.* Op. cit. S. 227. Тем более невероятна вторая возможность, которую допускает чешский исследователь – что Клодий общался с уже свободным коллективом граждан Антиохии.

[34] По мнению А.Н. Шервина-Уайта, Клодий и отправлен-то был в Антиохию с целью содействовать Филиппу (*Sherwin-White A.N.* Op. cit. P. 211). Что до визита в Антиохию самого Марция – то, по его мнению, Г. Дауни принимает за правду слишком многое, в том числе и этот визит (ibid. Note 65).

[35] Euseb. Chron. P. 261. Schoene: victus Antiokhus ad Parthos fuga petiit.

[36] *Hoover O.D.* Op. cit. P. 299 f.

[37] *Bellinger A.R.* Op. cit. P. 84.

и Л. Лоллий (*App.* Mithr. 95; *Ios. Fl.* AI. XIV.29) затем их сменил М. Эмилий Скавр, отправленный туда, видимо, сразу же по завершении кавказской кампании Помпея (*Ios. Fl.* AI. XIV.29–33, 37; BI. 1.127–129, 132; *App.* Syr. 51). Об операциях легатов Помпея в Сирии известно мало; во всяком случае, Метелл и Лоллий захватили Дамаск (*Ios. Fl.* AI. XIV.29; BI. 1.127), а Скавр вмешался в иудейские дела, за взятку в 300 талантов поддержав Аристобула против Гиркана (*Ios. Fl.* AI. XIV. 37; BI. 1.128). Тем не менее, решение о дальнейшей судьбе Сирии должен был принять сам главнокомандующий.

По мнению ряда современных исследователей, Помпей решил аннексировать Сирию с самого начала, уже после победы над Тиграном[38]. Однако, как мне кажется, предпочтительнее мнение А.Н. Шервина-Уайта, согласно которому «в Артаксате в 66 г. Помпей решительно лишил Тиграна захваченных им в Сирии и Киликии земель, но не принял решение об их дальнейшем статусе»[39]. Действительно, римскому полководцу предстояло завершение его главной задачи – преследование Митридата и ликвидация всяческих возможностей для возобновления им войны. Принять же решение относительно Сирии можно было только ознакомившись с обстановкой на месте. Несмотря на то, что нумизматические данные являются сильным аргументом в пользу ранней датировки решения, следует проявить некоторую осторожность в выводах. Принятие 66 г. за начальную дату вполне могло быть сделано *post factum*, когда провинциализация Сирии уже совершилась, тем более, что Помпей обосновывал права римлян на нее тем, что они отняли ее у Тиграна[40]. Кроме того, если даже Помпей указывал на победы Лукулла как на основание для обращения Сирии в провинцию, не следует забывать, что непосредственно после этих побед царская власть была

---

[38] См., напр.: *Liebmann-Frankfort T.* La frontiere orientale dans la politique exterieure de la Republique romaine depuis le traite d'Apamee jusqu' á la fin des des conquêtes asiatiques de Pompée (189/8–63). Bruxelles, 1969. P. 290; *Seager R.* Pompey: A political biography. Oxf., 1979. P. 50; *Green P.* Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic Age. Berkeley, etc., 1990. P. 659. Г. Сейриг показал это на основе монетных чеканок Антиохии и Апамеи, именно с этого года начинающих новую эру в своих датировках. См.: *Seyrig H.* Sur les eres de quelques villes de Syria //Syria. 1950. T. 27. P. 11 f.

[39] *Sherwin-White A.N.* Op. cit. P. 209. В более поздней работе он говорит, что Помпей принял решение об аннексии ещё до встречи с Антиохом, но когда именно – не уточняет. См.: *Sherwin-White A.N.* Lucullus, Pompey and the East // CAH². 1994. Vol. 9. P. 259.

[40] Plut. Pomp. 33.5: «Он объявил царю, что виновник всех его прежних несчастий – Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену»; App. Syr. 49.250: «На словах говорилось, что, так как Селевкиды были изгнаны Тиграном, то нет никакого основания, чтобы они правили Сирией по большему праву, чем римляне, победители Тиграна»; Mithr. 106.500: «Он считал, что, если он изгнал из этой земли победителя ее Тиграна, то тем самым римляне ее приобрели». Сами эти объяснения были далеко не обычным делом: они использовали типичную эллинистическую фразеологию, в то время как римские проконсулы предпочитали изъясняться со своими противниками в терминах безоговорочной капитуляции (*deditio*) (*Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy... P. 193 f; *idem.* Lucullus... P. 253).

восстановлена, и своего отношения к ней Помпей не проявлял до личной встречи с Антиохом. Можно также согласиться и с высказанным А.Н. Шервином-Уайтом предположением, что Скавра отправили в Сирию для ознакомления с обстановкой на месте[41]. Итак, более вероятно, что решение обратить Сирию в провинцию возникло у Помпея далеко не сразу.

Какие обстоятельства повлияли на это решение? Самое простое объяснение бытует ещё с античности – это объяснение действий Помпея через стремление отменить все сделанное Лукуллом и сделать по-своему[42]. Однако все эти меры Помпея относятся ко времени, отстоящему от аннексии Сирии, на два года, и касаются, видимо, не всех распоряжений Лукулла[43]. Аннексия Сирии просто в пику предшественнику тем более невероятна, что Антиох XIII был царем, власть которого признал сенат, и реставрация последнего Селевкида на троне являлась со стороны Лукулла просто выполнением этого решения. Тем не менее, личные мотивы для организации Сирии как провинции у Помпея имелись: это была провинция, которую от начала до конца организовал он сам, в противоположность Вифинии и Киликии, начало организации которых положили его предшественники[44].

В современных исследованиях обычно указывают на несколько причин, обусловивших решение Помпея. Пожалуй, наиболее часто встречается объяснение, также восходящее ещё к античной традиции: римское вмешательство спасло Сирию от постоянно усиливавшегося на протяжении последних десятилетий политического хаоса. Действительно, согласно Юстину, Помпей заявил Антиоху, что тот «не сумеет защитить Сирию, а сделает ее опять жертвой разбойничьих набегов иудеев и арабов» (*Iust.* XL.2.4). Это объяснение принимается многими современными авторами[45]. Ещё два объяснения, выдвигаемые время от

---

[41] *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy... P. 210.

[42] Plut. Luc. 36.1: «...Помпей никому не разрешал поступать согласно его приказаниям... Эти распоряжения Помпей отменял, издавая собственные указы...»; Pomp. 31.2: «Помпей ... не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: он отменял наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался во всем показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти». С античными авторами солидарен, например, Й. Добиаш, который считает, что, так как Помпей не признавал эдикты Лукулла, он не признавал и возвращение власти Антиоху XIII (*Dobiáš J.* Φίλιππος Βαρύπους. S. 226. Poznámka 1).

[43] Подробнее о возможных причинах конфликта Лукулла и Помпея в 66 г. см.: *Смыков Е.В.* Истоки одного конфликта (Лукулл, Помпей и восточное командование) // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь, 1999. С. 119–127.

[44] Э. Вилль, указавший на этот личный мотив, делает, однако, оговорку: «Я не призываю слишком рьяно настаивать на этом двигателе, который почти не проявляется иначе, чем последнее личное оправдание акта, обусловленного более глубокими политическими причинами» (*Will É.* Op. cit. P. 510).

[45] *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1995. Т. III. С. 92 сл.; *Drumann W., Groebe P.* Geschichte Roms in seinem Uebergange von republicanischen zur monarchischen Verfassung. Leipzig, 1908. Bd. 4. S. 462; *Holmes T.R.* The Roman Republic and the Founder of the Empire. N.Y., 1968. Vol. 1. P. 212; *Will É.* Histoire politique du

времени, также связаны с проблемой безопасности – обеспечение защиты римских владений от сирийских пиратов и необходимость противостоять парфянской угрозе. «Пиратский фактор», как кажется, впервые был выдвинут на первый план Й. Добиашем, а затем принят Т. Либман-Франкфорт и Дж. Личем[46], однако в источниках, на которые опирается это утверждение, всё далеко не так однозначно. Фактически в них есть лишь несколько упоминаний, указывающих на участие сирийцев в пиратстве даже в дни его расцвета[47]. Более того, для населения торговых прибрежных городов Сирии и Финикии пираты были естественными врагами, так что весьма сомнительно, чтобы они находили там прибежище[48]. Обеспечение безопасности от пиратов было не причиной, а, скорее, следствием провинциализации Сирии: на протяжении немногих лет береговая линия принадлежащих Риму территорий в Малой Азии значительно удлинилась, и борьба с пиратами стала, таким образом, одной из наиболее важных задач Рима в этом регионе[49]; именно поэтому Помпей взял под римский контроль прибрежные города, в том числе и «пиратскую базу» Иоппу (*Ios. Fl.* AI. XIV.76; BI. I.156).

Наличие парфянской угрозы, необходимость обороны от сильного восточного соседа также довольно часто фигурировала в литературе[50].

---

monde hellénistique (323–30 av. J.–C.). Nancy, 1982. Vol. 2. P. 510; *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy... P. 212; *Gelzer M.* Pompeius. Lebensbild eines Romers. Wiesbaden; Stuttgart, 1984. S. 92; *Ormerod H.A., Cary M.* Rome and the East // CAH. 1932. Vol. 9. P. 392 f.; *Southern P.* Pompey the Great. Stroud, 2002. P. 74. Часть из указанных авторов приводят это объяснение в комплексе с другими причинами (Э. Вилль, А.Н. Шервин-Уайт, М. Кэри).

[46] *Dobiáš J.* Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie // Archiv orientalni. 1931. Vol. 3. № 2. P. 245 f.; *Liebmann-Frankfort T.* Op. cit. P. 290; *Leach J.* Pompey the Great. L., 1978. P. 99.

[47] Cic. Verr. II.4.66: «из Сирии в Сицилию направляются пираты» (*ex eius regno piratas ad Siciliam esse venturos*); Strabo XVI.2.28 (C 759) (Иоппа в качестве разбойничьего гнезда иудеев и их гавани); Ios. AI. XIV.43 (обвинения Аристобула в том, что он занимается морским разбоем). В других текстах, приводимых в поддержку предложенной гипотезы, говорится о том, что Сирия страдала от набегов пиратов, поддержанных царями Египта и родосцами (Strabo XIV.5.2 (C 669)), о разбойных набегах итуреев и арабов (Strabo XVI.2.18 (C 755)), о набегах на Сирию иудеев и арабов на суше и киликийцев на море (Trog. Prol. XXXIX), о разбойничьих набегах иудеев и арабов (Iust. XL.2.4). Таким образом, о сирийских пиратах говорится лишь у Цицерона, да и то вскользь; из сирийских портов в связи с пиратскими походами упоминается лишь Иоппа, а Сирия в текстах выступает не как центр пиратства, а, наоборот, как страдающая сторона.

[48] Обстоятельную критику предположения о роли «пиратского фактора» см.: *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy... P. 213.

[49] *Will É.* Op. cit. P. 509 s. Заслуживает внимания указание Э. Вилля на то, что, если бы при провинциализации речь шла только о защите от пиратов, это не оправдывало оккупации всей территории вплоть до Евфрата.

[50] См., напр.: *Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941. Vol. 2. P. 870; *Miltner F.* Gn. Pompeius Magnus // RE. 1952. Hbd. 42. Sp. 2115; *Scullard H.H.* From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to 68 A.D. L.; N.Y., 1982. P. 103 f. Иногда в сторонники этого мнения зачисляют Т. Моммзена (см., напр.: *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy... P. 213; *Will E.* Op. cit. P. 511). Однако текст «Римской истории»

Конкретные исследования римско-парфянских отношений показали, что о серьёзной парфянской угрозе в это время речь еще не шла, и Парфия не проявляла никакой агрессивности в западном направлении; более того, Помпей вёл себя с парфянским царем вызывающе грубо[51], что никак не вяжется со страхом перед парфянской угрозой[52]. Но отсутствие угрозы в настоящий момент не означало, что её не будет никогда. «Едва ли можно отрицать, – пишет А.Н. Шервин-Уайт, – что существование за Евфратом сформировавшейся военной империи, даже если и не первого ранга, было среди факторов, которые заставили Помпея аннексировать Сирию… За Евфратом парфяне были значительной силой в восточном контексте, способной захватить Сирию (*likely to seize Syria*), если римляне оставят военный вакуум»[53]. Военное значение этой провинции и то, что Помпей серьёзно заботился о ее обороне, подтверждает факт оставления им в её пределах двух легионов[54].

Ещё один вариант объяснения причин превращения Сирии в провинцию, несколько менее широко распространенный в сравнении с предыдущими, – это объяснение, исходящее из экономических интересов римского всадничества[55]. В настоящее время такое объяснение уже

это не подтверждает: описывая положение дел в Сирии, Моммзен делает упор на царившей там анархии, считая, что от распрей Сирия страдала больше, чем пострадала бы от большой войны (*Моммзен Т.* Указ. соч. С. 92); что касается позиции Парфии в этот период, то она характеризуется Моммзеном совершенно недвусмысленно: «Парфяне трепетали перед римским могуществом, и если они не были покорены римским оружием, … то это объяснялось, повидимому, только тем, что они не отважились вступить в борьбу с Римом» (там же. С. 99).

[51] См.: *Will É.* Op. cit. P. 506, 508 s.; *Liebmann-Frankfort T.* Op. cit. P. 292 s.

[52] Для общей оценки римско-парфянских отношений в это время см.: *Смыков Е.В.* Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне) // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 118–129.

[53] *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy… P. 213. Ср.: ibid. P. 225; *idem.* Lucullus… P. 260: «Если бы римляне предоставили Сирию самой себе, парфяне, вероятно, вторглись бы туда совершенно так же, как это сделал Тигран».

[54] Эти легионы упоминаются Иосифом Флавием. См., напр.: Ios. AI. XIV.79; BI. I.15 BI. I.157. О силах, которые Помпей оставил в Киликии, в источниках сведений нет, но какие-то подразделения там, определенно, должны были находиться. А.Н. Шервин-Уайт оценивает военные силы этих двух провинций в четыре легиона (см.: *Sherwin-White A.N.* Roman foreign policy. P. 225 f., 291 (специально о киликийских легионах); *idem.* Lucullus… P. 260.

[55] *Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 172 сл.; *Frank T.* Roman imperialism. N.Y., 1914. P. 313. Пример Т. Франка особенно показателен: яростно отстаивая концепцию «оборонительного империализма» Римской республики, активно выступая против «меркантилистских объяснений» феномена римского империализма, он, тем не менее, считал, что Помпей был назначен командующим на Востоке при активном содействии всадников и организовывал новые провинции в их интересах. Ср.: *Frank T.* An economic history of Rome. Baltimore, 1927. P. 275 f.: «Тремя годами позже (после 70 г., т. е. распоряжений Лукулла. – *Е.С.*) всадники добились своего (*had their reward*), когда те же самые элементы объединились в требовании, чтобы Помпей очистил море от пиратов…, а годом позже ему уничтожить

вряд ли может быть признано полностью удовлетворительным, и, хотя среди исследователей нет единства по вопросу о роли экономического фактора в политике Римской республики, вряд ли можно сомневаться в том, что связь «экономика–политика» в то время была не столь прямой, как ныне[56]. Применительно к политике поздней Римской республики вопрос был специально рассмотрен Э. Бэдианом, который показал, что к моменту аннексии Сирии компании римских откупщиков ещё не имели там своих интересов, а их активные операции в Сирии начинаются лишь после аннексии этой страны[57]. Если даже Э. Бэдиан, находясь во власти своих общетеоретических взглядов на природу римского империализма эпохи поздней республики, несколько преувеличивает степень незаинтересованности Рима[58], то незначительное присутствие римлян в Сирии до ее аннексии, контрастирующее со значительным количеством свидетельств об их присутствии там в последующие годы, всё-таки остается фактом[59].

Итак, серьёзной причиной, побудившей Помпея к аннексии Сирии, можно считать лишь стремление обеспечить политическую стабильность региона; меры, направленные против пиратов и против парфян, являются, скорее, следствием, а не причиной – принятие территории под римское управление автоматически означало и обеспечение её защиты от внешних врагов. Экономические интересы Рима на этом этапе играют лишь незначительную роль, хотя, несомненно, Рим получал от аннексии значительные экономические выгоды[60]. Дело даже не в непосредственной эксплуатации провинции, которая была делом будущего, дело в немедленном обеспечении спокойствия в огромном регионе Средиземноморья, на важнейших торговых путях.

Митридата и организовать Восток в ряд провинций, которые были бы открыты для коммерческого “развития”».

[56] Об «экономических мотивах» см.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М., 1993. С. 74 сл.; *Кузищин В.И., Штаерман Е.М.* Экономика и политика в античном обществе // ВИ. 1989. № 8. С. 50 сл.

[57] *Badian E.* Roman imperialism in the late Republic. Oxf., 1968. P. 70 f. Конечный вывод из рассмотрения проблемы у Э. Бэдиана звучит так: «Местных условий достаточно, чтобы объяснить это решение; нет нужды даже думать, что Помпей мечтал о парфянской войне или что сирийское побережье было базой для пиратов» (ibid. P. 75).

[58] Ср.: «Весь миф об экономических мотивах римской внешней политики в это время является фикцией современного анахронизма, основанного на анахронизме античном, подобно многим современным мифам об античном мире» (*Badian E.* Op. cit. P. 20).

[59] *Badian E.* Op. cit. P. 71. М.И. Ростовцев, признавая сам факт, на который опирается Э. Бэдиан, не придавал ему такого значения. Ср.: *Rostovtzeff M.I.* Op. cit. P. 981.

[60] П. Гринхол особо подчеркивает, что богатства Сирии, ее стратегическое значение и хроническая нестабильность в ней, взятые вместе, предопределили аннексию этой страны Римом (*Greenhalgh P.* Op. cit. P. 133). Кстати, он делает ещё одно важное замечание: Сирию было легко адаптировать к римскому провинциальному управлению из-за высокого развития в ней городской жизни, составлявшей фундамент власти в этой стране (ibid. P. 134).

Что касается повода для аннексии, то, по-видимому, было объявлено, что у Сирии нет законного царя. Отголоски этого сохранились в сообщениях Плутарха и Юстина[61], и, может быть, имеют основанием неприятие последних Селевкидов со стороны населения сирийских городов. Во всяком случае, Кассий Дион, непосредственно перед рассказом о распоряжениях Помпея, говорит: «Келесирия и Финикия, недавно изгнавшие царей… (ἄρτι… βασιλέων ἀπηλλαγμένας) (*Cass. Dio.* XXXVII.7[a]). Если у Кассия Диона под царями имеются в виду Антиох и Филипп, то вполне возможно, что их изгнание сирийцами было поводом для римских заявлений об отсутствии в Сирии законных царей. Стоит вспомнить и о том, что у Антиоха XIII уже были трения с гражданским коллективом Антиохии во время его первого правления, и, судя по всему, в его второе правление ничего не изменилось. К моменту своего низложения Помпеем он, если верить Евсевию, вновь вызывал отторжение у своих подданных. Хронист повествует: «А впоследствии он склонял Помпея на свою сторону (*conciliavit sibi*), чтобы при его помощи вернуться в Сирию; а тот, приняв от антиохийцев богатые приношения (*opes … assumens*), пренебрег им и позволил свободному городу пользоваться своими законами» (*Euseb.* Chron. P. 261 Schoene). Даже если сообщение о покупке антиохийцами у Помпея решения в свою пользу может вызвать сомнения[62] (хотя почему бы Помпею и не принять дары, если в данном случае интересы местных жителей и Рима совпадали?), общую ситуацию Евсевий отображает верно. Что касается судьбы самого Антиоха, то она оказалась печальной – Сампсикерам убил его, поскольку никакой нужды в этом марионеточном правителе больше не было[63].

---

[61] Trog. Prol. XL: «прекращение царской династии Антиохов»; Plut. Pomp. 39.3: «Помпей… спустился в Сирию и под предлогом отсутствия в ней законных царей (γνησίους βασιλεῖς) объявил эту страну провинцией и достоянием римского народа». Слово «γνησίους» может означать не только «законный», но и «подлинный, истинный» (*Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 327). Следовательно, речь может идти не только о «законных» царях, но и об «истинных царях», то есть царях, достойных править. См.: *Downey G.* The Occupation… P. 160; *Bernhardt R.* Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). B.; N.Y., 1985. S. 94 f.

[62] Э. Беллинджер указывает, что Евсевий не называет никакой конкретной суммы, и не утверждает с полной определенностью, что принятие денег и отказ Антиоху были причиной и следствием (*Bellinger A.R.* Op. cit. P. 85 + Note 115).

[63] Возможно, до этого он надеялся, поддерживая Антиоха, избежать римской интервенции в Сирию (*Greenhalgh P.* Op. cit. P. 135). Альтернативную версию предлагает Иоанн Малала, согласно которому Антиох сперва вымолил у Помпея возвращение себе царства, а затем, умирая, завещал его Риму (Malal. P. 212 Dind.). Конечно, историческая ценность этого свидетельства невелика, хронист представляет себе историю того времени в очень искажённом виде (см.: *Bellinger A.R.* Op. cit. P. 85. Note 116) – достаточно сказать, что из Антиохии он отправляет Помпея в поход на Египет! Однако возможно и то, что вся эта история отражает бытовавшую в Антиохии устную традицию, призванную легитимизировать аннексию Сирии римлянами; возможно так-

Итак, с политической карты исчез ещё один осколок империи Александра Великого. Несмотря на скудость и разрозненность источников, довольно отчётливо мы можем представить процесс утраты Сирией независимости. Вопреки расхожим представлениям об исключительно хищнической природе римской политики, в данном случае Рим не выступает агрессором ни в малейшей мере. Собственно, провинциализация явилась лишь завершающим этапом, крайней мерой, когда все остальные оказались уже исчерпаны. Г. Дауни совершенно справедливо отмечает, что первоначально была сделана попытка сохранить на троне Антиоха XIII в качестве царя-клиента; затем, после того как этот претендент показал свою непригодность в этом качестве, последовала его замена на престоле; и лишь когда обе эти попытки провалились, были подведены основания под аннексию территории бывшего царства Селевкидов[64]. Альтернативы такому решению уже просто не существовало. В результате Митридатовых войн Рим значительно расширил территорию своих владений на Востоке. Зримым воплощением этого было увеличение числа римских провинций в Анатолии и превращение Азии из пограничной провинции в сердцевину римских владений на Востоке[65]. Однако это имело и свою обратную сторону: отсутствие стабильности угрожало теперь и непосредственно римским территориям. Выяснив, что легитимная династия совершенно не в состоянии обуздать произвол сухопутных и морских «бандформирований», Помпей сделал решительный шаг. В итоге Рим приобрел провинцию, ставшую жемчужиной его владений на Востоке, – и множество проблем, доставшихся в наследство от Селевкидов, которые теперь предстояло решать представителям римской администрации.

же, что Антиох получил возможность отречься от престола (*Downey G.* The Occupation… P. 161).

[64] *Downey G.* The Occupation… P. 162.

[65] Это деяние высоко оценивал уже сам Помпей (впрочем, никогда не страдавший от излишней скромности). См.: Plin. NH. VII.99: «важнейшее из важного (*summa summarum*) было в той славе то, что (как сам он сказал в речи, говоря о своих деяниях), приняв Азию крайней из провинций, он превратил ее в середину отечества». Ср.: «вокруг Азии, которая раньше составляла границу нашей державы, теперь расположены три новые провинции» (Cic. Prov. cons. 31); «под предводительством Помпея римский народ… Азию, которой уже владел в качестве пограничной провинции империи, сделал серединной» (Flor. 1.40.31).

С.Н. Ахиев

ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА: Ludi Veneris Genetricis (44 г. до н.э.)

В июле 44 г. до н.э. в Риме состоялись два праздника: с 6 по 13 прошли игры в честь Аполлона (Ludi Apollinares) и в период с 20 по 28 Октавиан устроил игры в честь Цезаря (Ludi Veneris Genetricis). ~~Частично,~~ Оба праздника в некоторой степени оказались связаны между собой. Организатором первого из них был Марк Брут, который с помощью своих театральных постановок надеялся переломить общественное мнение в Риме. Это позволило бы ему вернуться в Рим, откуда он бежал в апреле в результате беспорядков, возникших при явном попустительстве (если не подстрекательстве) Антония. Хотя Кассий и другие участники заговора против Цезаря призывали Брута покинуть Италию, он, до последних дней праздника оставаясь на Апеннинском полуострове, жадно ловил известия о том, какова была реакция народа на представление. Письма Цицерона отражают глубочайшее разочарование Брута, когда он узнал, что, несмотря на блестяще проведённый праздник, нужной ему реакции народа не последовало. Сразу после этого он покинул Италию[1].

И вот здесь возникает фигура Октавиана, который, как дают понять источники, и «провалил» запланированную акцию Брута. Так, по сообщению Аппиана, когда зрители стали громко выкрикивать требования вернуть Брута и Кассия, именно люди Октавиана, чей труд был щедро оплачен, ворвались в театр и задерживали представление, пока крики не утихли, чем сорвали запланированную Брутом акцию и поставили крест на его планах вернуться в Рим (*App.* BC. III.23.89, 24.91). Вполне очевидно, что приветственные крики в адрес убийц Цезаря не отвечали интересам Октавиана, готовившего грандиозные игры в честь Цезаря, которые должны были состояться всего через неделю после окончания игр Брута. Из источников нам известно, что о проведении игр в конце июля Октавианом было заявлено ещё в мае 44 г. Именно он брал на себя всю организацию, проведение и финансирование праздника. Игры изначально планировались как акция, связанная с почитанием Юлиев, и подразумевавшая, в первую очередь, Цезаря (*App.* BC. III.28. 107–108). Представляется, что именно этим обстоятельством объясняется срыв Октавианом представлений Брута. По меньшей мере странно выглядели бы славословия в адрес Цезаря, прозвучавшие буквально через неделю после того, как народ

[1] См. подробнее: *Ахиев С.Н.* Театр и политика в позднереспубликанском Риме: ludi Apollinares (44 г. до н.э.) // Studia historica. 2011. Вып. XI. С. 159–165.

рукоплескал и призывал к возвращению в Рим его убийц. Такого Октавиан допустить, конечно же, не мог, что, по всей видимости, и побудило его нанять людей для срыва запланированной Брутом акции.

Чтобы лучше объяснить причины подобных действий Октавиана, надо сознавать, сколь малое значение последний имел тогда в качестве политической фигуры. Действительно, он принял наследство Цезаря, но из-за противодействия Антония не мог добиться проведения куриатных комиций, необходимых для процедуры введения в род Юлиев. Он встречался с первыми лицами в государстве, но везде натыкался или на глухую стену непонимания (как это было с Антонием), или на снисходительные улыбки людей, оценивавших сотрудничество с ним с точки зрения извлечения возможной выгоды (как это было во время встречи с Цицероном). Неудачные попытки добиться чего-либо в сенате или у Антония оставляли ему не много путей получения известности, набора политического веса – речи, обращённые, в первую очередь, к ветеранам Цезаря, и публичные мероприятия, ориентированные на плебс, в виде всякого рода денежных раздач или, что было для него более важно, проведения игр[2]. Игры, устроенные Октавианом, сыграли важную роль в его политической карьере и поэтому, как представляется, заслуживают более пристального внимания.

К сожалению, сведения о них в источниках настолько фрагментарны, что даже их точное название неизвестно, и потому при реконструкции событий исследователи вынуждены руководствоваться не только анализом скупых сообщений античных авторов, но и просто логикой, что, конечно, накладывает отпечаток на достоверность выводов.

В источниках упоминаются различные наименования этих празднеств: это игры в честь побед Цезаря (Ludi Victoriae Cesaris[3]) или игры в честь Венеры Прародительницы (Ludi Veneris Genetricis[4]). Из проведённых во время игр представлений нам известно о цирковых состязаниях, гладиаторских боях и театральной постановке.

Игры в честь Венеры Прародительницы (Venus Genetrix) были впервые проведены в Риме в сентябре 46 г. до н.э., в завершение цикла триумфальных празднеств Цезаря. Тогда же был освящён храм Венеры Прародительницы как родоначальницы рода Юлиев. Этот

---

[2] О появлении Октавиана на римской политической сцене в мае 44 г. до н.э. и его вынужденной «пропаже» почти на два месяца – до июльских игр – см.: *Sumi G.S.* Ceremony and Power: performing politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2005. P. 150–151, 154.

[3] Такое название игр встречается в переписке Цицерона – в сообщении Гая Мация, одного из организаторов игр (Cic. Fam. XI.28.6). Светоний об этом говорит в биографии Августа (Suet. Aug. 10.1). Однако в биографии Цезаря его интерпретация праздника выглядит несколько иначе, он характеризуется как игры в честь Цезаря (Iul. 88).

[4] Об этом с уверенностью пишут греческие авторы – Николай Дамасский (Vita Caes. 28.108: праздник в честь Афродиты, которая, как известно, в римском пантеоне отождествлялась с Венерой), Аппиан (BC. III.28.107) и Кассий Дион (XLV.6.4).

праздник, как полагает С. Вайншток, был перенесён на июль уже в 45 г. до н.э.[5] Однако эта точка зрения не получила поддержки у исследователей. Из писем Цицерона известно, что возвращение Цезаря в Рим в том году ожидалось не ранее начала августа (*Cic.* Att. XIII.21.6), а в действительности состоялось в конце августа или в начале сентября 45 г. до н.э.[6] Проведение праздника в отсутствие Цезаря признаётся маловероятным[7]. А вот перенос праздника на 44 г. до н.э. вполне логичен. Нелишне вспомнить, что в начале 44 г. до н.э. месяц квинтилий был переименован в июль в честь Цезаря, а потому вполне закономерно проведение праздника, прославляющего род Юлиев, именно в этом месяце. Об этом косвенно свидетельствует корреспонденция Цицерона, в которой затрагивается вопрос о назначении Мация ответственным за проведение гладиаторских боев (*Cic.* Fam. XI.28.6).

Кстати, вероятно, проведение гладиаторских боёв в память о Цезаре подвигло некоторых античных авторов назвать игры «погребальными». (*Serv.* Comm. in Verg. Aen. I.287). Однако такую оценку игр исследователи не принимают. Ещё Л.Р. Тэйлор пришла к выводу, что устройство гладиаторских боёв вовсе не является признаком именно погребальных игр. В данном случае выступления гладиаторов являлись частью праздника в честь представителя рода Юлиев, как это было и в 46 г., когда во время проведения праздника в честь Венеры Прародительницы аналогичным образом почтили память Юлии – дочери Цезаря[8].

Очевидно, к Светонию восходит мнение, что игры 44 г. до н.э., организованные Октавианом, изменили свою суть и проводились в честь «побед Цезаря» (*Suet.* Aug. 10.1). Это представление пересмотрено в исследовательской литературе. В работе Дж. Рэмси и А. Лихта, многие положения и выводы которой были детализированы в ряде статей, вышедших в 2000-х годах, авторы показали, что не может идти речи о том, что в 44 г. до н.э. игры меняют свою суть, как утверждает Светоний[9]. Мы знаем, что в перечне праздников эпохи правле-

---

[5] *Weistock S.* Divus Julius. Oxf., 1971. P. 156 ff.

[6] Цицерон в письме от 12 августа пишет, что Цезарь собирается вернуться до начала Римских игр, т.е. до 4 сентября (Cic. Att. XIII.46.2).

[7] См. подробнее: *Ramsey J.T., Licht A.L.* The comet of 44 B.C. and Caesar's funeral games. Atlanta, 1997. P. 42 f.

[8] *Taylor L.R.* Tne Divinity of the Roman Emperor. Middletown, 1931. P. 89. Аналогичного взгляда придерживается С. Вайншток (*Weistock S.* Op. cit. P. 89, 368).

[9] *Ramsey J.T., Licht A.L.* Op. cit. P. 52–54. Собственно, один из главных выводов авторов и заключается в том, что игры в честь рода Юлиев в 44 г. до н.э. проводились впервые именно в июле. Это мнение, в целом, получило поддержку в академических кругах. См., в частности, рецензию Джефри Сьюми (Cl. Rev. 97.8.7.) Правда, сам рецензент в своей монографии, вышедшей в 2005 г., придерживается традиционной версии наименования праздника Ludi Victoriae Caesaris (*Sumi G.S.* Op. cit. P. 150 f.). В работе Дж. Рэмси и А. Лихта вызывает недоумение несоответствие названия книги главному выводу о том, что игры именовались вовсе не «Funeral» (ludi funebres), а «ludi Veneris Genetricis», притом, что сами авторы отметили, что похоронные мero-

ния Августа за играми, проходившими с 20 по 30 июля, действительно закреплено название «Ludi Victoriae Caesaris». Однако время переименования приходившегося на конец июля праздника неизвестно. По крайней мере, игры 34 г. до н.э. Кассий Дион называет играми в честь Венеры Прародительницы (*Cass. Dio.* XLIX.42.1). Упоминания в источниках того факта, что статую Цезаря несли вслед за изображением Виктории, явно недостаточно для вывода об изменении направленности праздника. Да и по длительности игры 44 г. до н.э. и те, которые проводились Августом, не вполне совпадают. В 44 г. до н.э. они проходили с 20 по 28 июля (9 дней), а игры в честь побед Цезаря – с 20 по 30 июля (11 дней).

Если о времени переименования праздника нам ничего неизвестно, то о причинах этого высказаны интересные предположения. Так, в 46 г. игры в честь Венеры Прародительницы, проведённые в конце сентября – начале октября, завершали цикл триумфов Цезаря, коих состоялось, как известно, четыре. В 45 г. до н.э. этот праздник был очень близок по времени проведения к испанскому триумфу Цезаря. И, как предполагают исследователи, здесь, возможно, и возникает в общественном мнении римлян связь между праздником Юлиев и победами Цезаря[10].

В античной традиции игры, устроенные Октавианом, прочно связаны ещё с одним обстоятельством – появлением кометы, которая во время праздника наблюдалась в течение 7 дней в дневное время[11]. Начиная со статьи Кеннета Скотта[12] в научной литературе преобладала точка зрения, что появление кометы было истолковано римлянами как вознесение души Цезаря к звёздам и, собственно, его обожествление. В доказательство приводили данные не только нарративной традиции (упоминание скульптур Цезаря с лучами вокруг головы), но и монеты с аналогичным изображением. Подобный подход неизменно задействовался при рассмотрении вопроса об обожествлении Цезаря. Однако в последние годы данная точка зрения подвергнута ревизии.

Специалисты отметили, что в действительности в Риме появление комет связывалось с дурными предзнаменованиями[13]. Трансформация кометы в божественную звезду связано со стремлением Октавиана упрочить своё положение в качестве «Сына божественного Юлия»,

---

приятия в память о Цезаре (в частности, гладиаторские бои) являлись лишь малой частью всего праздника.

[10] *Taylor L.R.* Op. cit. P. 233; *Ramsey J.T., Licht A.L.* Op. cit. P. 43.

[11] Suet. Iul. 88; Plin. NH. II.93–94; Plut. Caes. 69.3; Cass. Dio. XLV.7.1. Правда, данные источников не всегда совпадают. В отличие от других авторов, Плутарх полагал, что комета появилась через 7 ночей после убийства Цезаря. Остальные авторы относят это событие ко времени проведения Октавианом его игр. При этом Светоний отметил, что комета сияла в небе в течение 7 дней.

[12] *Scott K.* The Sidus Iulium and the Apotheosis of Caesar // CPh. 1941. Vol. 36. No 3. P. 257–272.

[13] *Ramsey J.T.* Did Mark Antony Contemlate an Alliance with His Political Enemies in July 44 B.C.E.? // CPh. 2001. Vol. 96. No 3. P. 255; *Ramsey J.T., Licht A.L.* Op. cit. P. 65.

т.е. политикой, начатой им не ранее 42 г. до н.э. – именно тогда на его монетах появляется соответствующая легенда[14]. Поэтому говорить о возникновении культа с момента появления кометы, как минимум, некорректно, и утверждать, что Октавиан получил какие-либо политические выгоды от появления кометы уже в 44 г. до н.э. вряд ли можно. Другими словами, появление кометы не могло повлиять на события в 44 г. до н.э. и было использовано им уже позднее в целях собственного возвеличивания в качестве «сына божественного Юлия».

Что касается политической составляющей проводившихся Октавианом игр, то она, как правило, незаслуженно обходится вниманием. Обычно констатируется только то обстоятельство, что игры являлись попыткой Октавиана напомнить народу о своей персоне. При этом сам характер празднества – по сути, в честь рода Юлиев – должен был подчеркнуть в глазах римлян заслуги Цезаря и, как прямое следствие, – его родство с Октавианом. Октавиан претендовал на включение в род Юлиев и должен был почтить Цезаря как его наследник. В этой же связи указывалось на стремление Октавиана привлечь внимание к проблеме его усыновления, которому препятствовал Антоний[15].

Хотелось бы обратить внимание ещё на одно событие, которое, как представляется, прямо сказалось на политической карьере Октавиана. Речь идёт о скандале, который, по данным всех наших источников, произошёл накануне игр и был блестяще обыгран Октавианом в самом их ходе. Речь идёт о запрете Антония выставить на всеобщее обозрение золотое кресло и венок Цезаря – символ почестей, полученных им за заслуги перед отечеством[16]. Декрет об этих почестях был принят сенатом в январе или в самом начале февраля 44 г., но при жизни Цезарь ими не воспользовался[17] Любопытно, что Октавиан пытался провести подобную демонстрацию вскоре после своего прибытия в Рим, в мае 44 г., однако, тогда ему было в этом отказано. Но если в мае Октавиан не сумел использовать этот отказ в своих интересах, то в июле он своего шанса не упустил.

Будучи организатором игр, он имел возможность открыто обращаться к зрителям с речами. Учитывая характер игр, среди зрителей, конечно, было немало ветеранов Цезаря, которые подобный запрет рассматривали как оскорбление памяти Цезаря и чуть ли не как предательство. Скорее всего, Антоний выказал пренебрежение к самому юноше, как он уже не раз делал это до того. Однако, как представляют события античные авторы, Октавиан извратил ситуацию и в своих

---

[14] Да и появление статуй, изображающих Цезаря с лучами вокруг головы, относится к 38 г. См.: *Scott K.* Op. cit. P. 258–261. Подробный анализ этой темы с подборкой монет, содержащих изображение Sidus Iulium, см: *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1988. P. 34 f., 54, 168, 193, 220.

[15] *Sumi G.S.* Op. cit. P. 152.

[16] Nic. Dam. Vita Caes. 28.108; Plut. Ant. 16.5; App. BC. III.28. 105–106; Cass. Dio. XLV.6.5.

[17] О датировке сенатского постановления см.: *Weinctock S.* Op. cit. P. 281–283.

речах использовал отказ для разжигания антиантонианских настроений, обвинив соперника в небрежении к памяти самого Цезаря. Как показывают источники, следствием подобной интерпретации событий явился резкий рост популярности Октавиана (прежде всего, в глазах ветеранов). Это проявилось в том, что зрители во время представлений встречали Октавиана аплодисментами при каждом его появлении (*Nic. Dam.* Vita Caes. 28.108). Если Николай Дамасский просто отмечает, что рукоплесканиями зрители выражали Октавиану свою поддержку, то Аппиан прямо говорит, что рост антиантонианских настроений было результатом сознательных усилий Октавиана, использовавшего любую возможность для нападок на Марка Антония (*App.* BC. III.28. 109–110).

Таким образом, можно заключить, что Октавиан, организовавший игры в честь Цезаря, тематика которых была близка и ему, и ветеранам, и зрителям-горожанам, симпатизировавшим Цезарю, сумел завоевать их поддержку в очередном конфликте с Антонием. И этот рост популярности прямо привёл к политическим последствиям: в конце июля (т.е. последние дни праздника), под давлением ветеранов, состоялось знаменитое примирение Антония и Октавиана на Капитолии[18].

В заключение хотелось бы ещё раз вспомнить оценку положения Октавиана к июлю 44 г. до н.э.: он был практически полностью исключён из политической жизни государства. Примирение с Антонием, ставшее следствием завоевания популярности у плебса и ветеранов, открыло ему дорогу в большую политику. И пусть оно оказалось кратковременным – уже в августе между ними вновь случилась размолвка, – игры, блестяще проведённые Октавианом, и совмещённые с ними мероприятия по обработке общественного мнения, позволили ему выйти на политическую сцену, сделали его известным, помогли набрать политический вес.

S.N. Akhiev

THE GAMES AND THEIR INFLUENCE ON POLITICAL LIFE OF THE LATE ROMAN REPUBLIC: *LUDI VENERIS GENETRICIS* 44 BC

The games sponsored by Octavian in late July 44 BC were the means through which he wanted to communicate with the Roman people and Caesar's veterans. During the games Octavianpublicly declared his desire to preserve Caesar's memory as a member of his family and he was applauded by the spectators, both the people and veterans. As result of the games he acquired a great political prestige that forced Antony under the pressure Caesar's veterans to agree to public reconciliation with him. Hence, author argues that the games in the late Roman Republic had become an important political instrument, through which, leaders tried to influence society.

[18] Nic. Dam. Vita Caes. 29.115–119; Plut. Ant. 16.6; App. BC. III. 29.111–30.115; Cass. Dio XLV.8.2.

С.Э. Таривердиева

ОКТАВИАН И АГРИППА: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗНАКОМСТВА И ОБЩАЯ ЮНОСТЬ

Дружба императора Августа и Марка Агриппы засвидетельствована многими античными источниками. Однако надёжные сведения на сей счёт имеются лишь с 44 г.[1] Об их более ранних отношениях мы располагаем только сообщением Николая Дамасского, согласно которому они были друзьями и воспитывались вместе. Но ни в одном источнике нет данных о том, как будущие император и победоносный полководец познакомились и подружились.

В науке нет единого мнения по этому вопросу. Существуют две основные версии: согласно первой, Агриппа служил в войске Цезаря, и именно диктатор ввел юношу в окружение Октавиана[2]; согласно второй, Агриппа и Октавиан познакомились значительно раньше – они вместе обучались в риторской школе. Предлагались и более экзотические версии: что Агриппа был незаконным сыном Цезаря; что он находился при Октавиане в качестве «мальчика для битья»; что отцом Агриппы был Аттик Випсаний, ритор, и он обучал Октавиана[3]. Однако эти гипотезы не получили признания.

В настоящей работе предпринята попытка свести воедино скудные сведения различных источников о детстве и юности Октавиана и Агриппы, и на основании этих данных предложить новую версию их знакомства.

* * *

Происхождение Октавиана было достаточно скромным. Его отец, Гай Октавий, был первым сенатором в своём роду (*Suet.* Aug. 2.3). Он достиг претуры в 61 г., затем стал наместником Македонии и был провозглашён воинами императором[4], а в 59 г. скоропостижно скончался, не успев принять участия в консульских выборах. Ходили слухи, будто он занимался ростовщичеством и раздачей взяток на выборах (*Suet.* Aug. 3.1; 70), но не исключено, что эти сведения об отце Октавиана

---

[1] Все даты в статье – до н.э.

[2] С рождения до 44 г. он носил имя Гай Октавий; однако, в данной статье именуется Октавианом, как его обычно называют в научной литературе при рассмотрении событий, предшествующих 27 г.

[3] *Wright F.A.* Marcus Agrippa. Organizer of Victory. L., 1937. P. 10 ff.; *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1891. Bd. II. Hbd. I. S. 736; *Frandsen P.S.M.* Vipsanius Agrippa: eine historische Untersuchung über dessen Leben und Wirken. Altona, 1836. S. 226.

[4] См.: *Broughton T.R.S.* The Magistrates of the Roman Republic. N.Y., 1952. Vol. II. P. 179, 185, 191.

восходят к пропаганде противников будущего принцепса[5]. Дед Октавиана и другие его предки по отцовской линии были всадниками из Велитр; в сочинениях сторонников Августа сообщалось, что его дед занимал в Велитрах муниципальные должности; но противники и его называли ростовщиком; сам же Август в автобиографии сообщал о своём роде лишь то, что он был всадническим, древним и богатым, что не исключает занятия ростовщичеством (*Suet.* Aug. 1; 2.2–3; 4.2). Прадеда Октавиана Антоний называл «вольноотпущенником, канатчиком из Фурийского округа» (*Suet.* Aug. 2.3). Если считать, что эта обидная реплика относится к Октавию, прадеду по мужской линии, то ему прямо противоречат сведения самого Августа о том, что род Октавиев был древним и всадническим (loc. cit.). Кроме того, в правление Августа была сделана надпись в честь его отца, где тот назван внуком Гая и правнуком Гая (ILS. 47 = CIL. VI.1311); но если бы его дед принадлежал к числу вольноотпущенников, то надпись не могла бы содержать имени прадеда[6]. Обе эти версии, вероятно, являются плодом политической пропаганды[7]; однако, противоречие между ними легко снимается: Антоний, очевидно, имел в виду, что Гай Октавий, дед Октавиана, был женат на дочери вольноотпущенника, а значит, одним из четырёх прадедов Октавиана действительно был вольноотпущенник[8].

Атия, мать Октавиана, являлась дочерью Юлии, родной сестры диктатора Цезаря, и Марка Атия Бальба, претора 60 г. Отец Бальба (т.е. прадед Октавиана) происходил из Арриции. Согласно одной версии, автора которой Светоний (Aug. 4.1) не называет, «среди его предков было немало сенаторов»; согласно версии Антония и Кассия Пармского, он «был африканцем и держал в Арриции то ли лавку с мазями, то ли пекарню» (Aug. 4.2). Поскольку мать претора Бальба (т.е. прабабушка Октавиана) состояла в родстве с Помпеем (*Suet.* Aug. 4.1), вряд ли можно поверить, что её выдали замуж за африканца, торговца или пекаря. С другой стороны, когда Цицерон в третьей «Филиппике» (15–16) возражает против утверждений Антония о низком происхождении Атии, матери Октавиана, он не говорит ни слова о ее предках-сенаторах, а лишь подчёркивает, что Арриций – древний и уважаемый муниципий. Поэтому вряд ли Бальб мог иметь среди предков римских сенаторов, но он всё же должен был происходить из богатого и влиятельного в Ари-

---

[5] Сам Светоний не верит в то, что эти слухи являются правдой. Веллей называет Гая Октавия gravis (почтенный, степенный), sanctus (безупречный, добродетельный), innocens (безукоризненный, честный). Если бы писатель допускал возможность того, что Октавий был дивизором, он, вероятно, назвал бы какие-то другие его достоинства. О нём очень одобрительно отзывается Цицерон в письмах, написанных в то время, когда сын Октавия ещё не имел никакого политического значения (Cic. Q. fr. I.2.7; Q. fr. I.1.21. См. также: *Shackleton-Bailey D.R.* Cicero: Epistulae Ad Quintum Fratrem et M. Brutum. Cambr., 2004. P. 153).

[6] *Фёдорова Е.В.* Латинская эпиграфика. М., 1969. С. 91–94.

[7] К. Фицлер склонен верить Антонию (*Fitzler K.* Iulius (132) // RE. 1918. Hbd. 19. Sp. 277); Д. Кинаст отвергает его утверждения (*Kienast D.* Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 2).

[8] *Münzer F.* Octavius 13 // RE. 1937. Hbd. 34. Sp. 1805.

ции рода, и его предки действительно могли входить в местный арицийский сенат.

Таким образом, несмотря на родство с диктатором Цезарем, Октавиан имел довольно скромное происхождение, и вряд ли круг его общения в детстве ограничивался только римской знатью. Во всяком случае, Марк Агриппа, которого Николай Дамасский называет его другом детства (FGrHist 127 F 16), к кругу римской знати не принадлежал. Многие источники прямо указывают на незнатность происхождения Агриппы[9]. Также интересно отметить, что дед Агриппы не упоминается ни в Капитолийских фастах, ни в надписи на Пантеоне[10]; это может объясняться тем, что он не был римским гражданином и семья Випсаниев получила гражданство лишь после Союзнической войны[11]. В настоящее время на основании надписей выдвинуты две основные версии о том, откуда происходил род Випсаниев: он имел либо иллирийско-венетское[12], либо марсийское происхождение [13].

Основываясь на упоминании Плиния Старшего о «несчастной юности» Агриппы (NH. VII.45: misera iuventa) и туманной фразе Манилия, которую иногда понимают в том смысле, что Агриппа рано начал военную службу[14], М. Рейнхолд выдвигает следующую версию знакомства Агриппы с Октавианом: в начале гражданской войны Агриппа, вышедший из социальных низов и имевший темное происхождение, в возрасте всего 14–15 лет[15] был зачислен в один из легионов Цезаря, отличился в ходе военных действий и привлёк внимание диктатора, который ввёл его в окружение своего внучатого племянника[16].

Против этой теории выдвинули ряд возражений Р. Ханслик и Ж.-М. Роддаз. Во-первых, 15–16 лет – это слишком ранний возраст, чтобы отличиться на военной службе[17]. Во-вторых, известно, что Агриппа учился вместе с Октавианом и получил хорошее образование[18], чего

---

[9] Vell. Pat. II.96; Sen. Controv. II.4.12; Tac. Ann. I.3.1; Suet. Cal. 23.1.

[10] *Degrassi A.* Fasti Consulares et Triumphales // Inscr. It. XIII.1. Rome, 1947. P. 58, 135, 506.

[11] *Hanslik R.* Vipsanius (2) // RE. 1961. Hbd. 17. Sp. 1228; *Wiseman T.P.* Some Republican Senators and their Tribes // CQ. 1964. Vol. 58. P. 131–132. *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Roma, 1984. P. 22.

[12] *Reinhold M.* Marcus Agrippa: A Biography. Geneva, 1933. P. 8–9; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1227.

[13] *Wiseman T.P.* Op. cit. P. 131–132. *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 22.

[14] Man. Astron. 1. 797–798: matrisque sub armis | miles Agrippa suae. В этом виде фраза не имеет смысла; предлагались различные исправления, придающие ей значение «Агриппа, воин на руках матери», то есть с пеленок. См.: M. Manilii astronomicon. Liber primus / Ed. A. E. Housman. L., 1903. P. 70. Другие варианты см.: M. Manilii Astronomicon / Ed. A. Valpy. L., 1828. Vol. 1. P. 180–182.

[15] Агриппа родился во второй половине 64 г. или в первой половине 63 г.: Cass Dio. LIV.28.2–3; Plin. NH. VII.46.

[16] *Reinhold M.* Op. cit. P. 12–14.

[17] *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1229; *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 34.

[18] Nic. Dam. Fr. gr. hist. 127. 16; Plin. NH. XXXV. 25; ср.: *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1229; *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 33.

вряд ли можно ожидать от человека, поступившего на военную службу в 14 лет.

К этим аргументам можно добавить ещё несколько соображений. Плиний упоминает «несчастную юность» Агриппы в числе множества других его горестей, которые предвещал необычный способ его рождения (ножками вперёд). Некоторые из этих горестей явно преувеличены: например, несчастья, причинённые потомством, особенно обеими Агриппинами (младшая из которых на момент смерти Агриппы даже не родилась), или рабство у тестя (Августа). Вполне возможно, что и «несчастная юность» тоже является риторическим преувеличением. Но даже если и нет, то это выражение можно отнести ко вполне известным несчастьям, которые в юности пережил Агриппа, когда участвовал в гражданских войнах после смерти Цезаря. Во всяком случае, когда Плиний пишет о 18-летнем Октавиане в 44 г., он тоже употребляет выражение *in prima iuventa*, «в ранней юности» (NH. II.98): следовательно, слово *iuventa* у Плиния может означать и возраст старше 15–16 лет.

Что касается текста Манилия, поэтическое преувеличение здесь очевидно: Агриппа никак не мог быть солдатом во младенчестве. Кроме того, толкование, на которое опирается Рейнхолд, не является единственным; например, вместо *matris* предлагалось читать *patris* или *Martis*, что в итоге дало бы «воин под оружием отца» (т.е. тестя, Августа) или «воин под оружием Марса»; либо под матерью предлагалось понимать Венеру или Италию[19]. Ни один из этих вариантов не предполагает, что Агриппа начал военную службу подростком.

Далее, если согласиться с интерпретацией Рейнхолда, то возникает несколько вопросов. Во-первых, для того, чтобы привлечь внимание Цезаря, Агриппа должен был получить какую-то выдающуюся награду. На подобное событие в источниках нет даже намёка, хотя можно было бы ожидать, что о таком достижении Агриппы, предзнаменовавшем всю его блестящую карьеру, мы бы знали. Во-вторых, Николай Дамасский (FGrHist 127 F 16) рассказывает об эпизоде, который имел место после возвращения Цезаря с Африканской войны: «У молодого Цезаря был близкий дорогой ему друг Агриппа, который воспитывался вместе с ним и с которым он был особенно дружен. Брат Агриппы был близок к Катону, из дружбы к нему участвовал с ним вместе в африканской войне и оказался тогда среди пленников. Его-то молодой Цезарь, никогда ещё ни о чем не просивший своего дядю, захотел выручить (...) Наконец, он отважился, попросил и получил просимое». Отсюда следует, что Октавиан некоторое время воспитывался вместе с Агриппой и успел очень близко подружиться с ним ещё до 46 г., то есть, в то самое время, когда, по мнению Рейнхолда, Агриппа должен был служить в армии Цезаря. В-третьих, если Агриппа настолько понравился Цезарю, что тот решил ввести его в окружение внучатого племянника, то непонятно, почему Марк Випсаний не мог сам вступиться за брата перед своим покровителем, не дожидаясь помощи Октавиана.

---

[19] См. об этих интерпретациях: M. Manilii Astronomicon. L., 1828. Vol. 1. P. 180–182; *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 506.

Наконец, в-четвертых, предположение Рейнхолда не позволяет объяснить близкую дружбу брата Агриппы с Катоном. Если Агриппу вывел в высшее римское общество Цезарь, в награду за военные заслуги, то кто и почему оказал подобную услугу его брату (который имел столь же низкое, по мнению Рейнхолда, происхождение), так что тот оказался в противоположном лагере, в окружении Катона?

Отвергая теорию Рейнхолда, Ханслик и Роддаз, ссылаясь на Николая Дамасского, предполагают, что дружба Октавиана и Агриппы могла завязаться в ходе совместного обучения в риторской школе, так как семья Агриппы была достаточно богата, чтобы дать ему хорошее образование в Риме[20]. Представляется, однако, что сведения Николая Дамасского позволяют выдвинуть ещё одну гипотезу об обстоятельствах их знакомства.

В эпоху гражданских войн члены одной семьи могли воевать по разные стороны баррикад; но достаточно необычно, что братья Випсании, выходцы из безвестной семьи, попали в столь близкое окружение Цезаря и Катона, лидеров враждующих партий. Представляется, что так могло произойти лишь в том случае, если семья Випсаниев имела в среде нобилитета покровителя, в равной мере связанного с обеими группировками. Такого человека нетрудно указать; и примечательно, что именно в его доме Октавиан провел детство и отрочество. Луций Марций Филипп, консул 56 г., был вторым мужем Атии, племянницы Цезаря и матери Октавиана (*Nic. Dam.* FGrHist 127 F 5; *Suet.* Aug. 8), а свою дочь от первого брака выдал замуж за Катона (*Plut.* Cat. Min. 25, 37, 39, 52). Николай Дамасский свидетельствует, с одной стороны, что Агриппа и Октавиан воспитывались вместе (FGrHist 127 F 16), и, с другой стороны, что Филипп контролировал круг общения пасынка (FGrHist 127 F 6). Поэтому очевидно, что консул 56 г., по меньшей мере, был знаком с семьёй Випсаниев. Если отец Агриппы посещал его дом вместе с сыновьями, то братья Випсании могли там познакомиться с родственниками хозяина, и Агриппа завязал дружбу со своим ровесником Октавианом, а его брат попал под влияние Катона[21]. Поэтому вполне возможно, что знакомство Агриппы с Октавианом состоялось ещё в 50-х годах.

Поскольку нет указаний на то, что Агриппа в детстве или юности постоянно жил в доме Октавиана, можно предположить, что под словом «воспитывался» (παιδευθείς) Николай Дамасский имеет в виду обучение у общих учителей. По именам известны следующие наставники Октавиана в его ранней юности: Аполлодор Пергамский, греческий ритор (*Strabo* XIII.4.3; *Quintil.* III.1.17; *Suet.* Aug. 89) и Марк Эпидий (*Suet.*

---

[20] *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1229; *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 33–34.

[21] Марк Агриппа был сыном Луция, однако, в римских семьях старшему сыну обычно давали преномен отца, поэтому можно предположить, что брат Агриппы был старше него. Ещё одно упоминание о нём содержится у Кассия Диона (LIV.11.6): когда в сенате обсуждался какой-то вопрос, связанный с братом Агриппы, Марк Випсаний отказался высказаться, что, по мнению историка, свидетельствовало о его скромности. Ни дата, ни обстоятельства этого эпизода не известны.

Rhet. 28), латинский ритор. Также имеются сведения ещё об одном учителе Октавиана – философе-стоике Афинодоре.

Любопытно отметить, что в окружении Аполлодора было много цезарианцев: его учениками также были Гай Матий (либо друг Цезаря, либо сын его друга)[22], Калидий[23], Клодий Туррин[24]. Аполлодор являлся аттикистом и придерживался в риторике того же стиля, что и Цезарь[25]. Весьма вероятно, что именно Цезарь пригласил Аполлодора обучать своего будущего наследника[26]; стиль речей Августа был таким же, как у Цезаря и, вероятно, у Аполлодора (*Suet.* Aug. 86). Известно, что Август, предпочитавший аттический стиль, дружески поддразнивал Мецената, который выражался более изысканно и витиевато (*Macrob.* Sat. II.4.12). Можно согласиться с мнением, которое впервые высказал Ф. Маркс[27], а впоследствии поддержал Ж.-М. Роддаз[28], что Агриппа мог обучаться у Аполлодора вместе с Октавианом. Во всяком случае, Агриппа произносил речи и некоторые из них прославились, как например, речь о предметах искусства, о которой с одобрением отзывается Плиний (*Plin.* HN. XXXV.9). О риторической манере Марка Випсания нет сведений, за исключением одного спорного упоминания у Светония: он сообщает, что некий Марк Випсаний адресовал Меценату (и Вергилию) такой же упрёк, как и Август (*Suet.* De Poet. Verg. 44). Мнения исследователей о том, следует ли идентифицировать последнего с Агриппой, разделились, но даже если речь идёт всего лишь о его вольноотпущеннике, можно предположить, что тот разделял литературные пристрастия своего патрона[29].

Сведения о Марке Эпидии крайне скудны; известно лишь, что его учениками были Август и Антоний[30], а сам он имел репутацию клеветника и возводил свой род к легендарному Эпидию Нуцерину (*Suet.* Rhet. 28). Светоний не упоминает Агриппу среди его учеников, однако молчание источника здесь не может служить решающим свидетельством: биограф не ставит себе задачу перечислить всех знаменитых

---

[22] Аполлодор написал для Матия руководство: Quintil. III.1.17. О дружбе Матия с Цезарем см.: Cic. Fam. XI.28; о его сыне см.: Plin. NH. XIII.13, Tac. Ann. XII.60.4.

[23] Об обучении Калидия и его принадлежности к цезарианцам см.: Hieron. 179.1(1953); 180.4(1960)

[24] Sen. Contr. X. praef. 14–16. Он был гостеприимцем Цезаря. О цезарианцах, учениках Аполлодора, см.: *Brzocka J.* Apollodoros aus Pergamon // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2888–2889.

[25] *Parker E.R.* The Education of Heirs in the Julio-Claudian Family // AJPh. 1946. Vol. 67. P. 32.

[26] Кассий Дион (XLV.2.7–8) рассказывает, что Цезарь внимательно следил за образованием Октавия, и в связи с этим упоминает, в том числе, уроки греческого красноречия.

[27] *Marx F.M.* Agrippa und die zeitgenössische römische Dichtkunst // RhM. 1925. Bd. 74. S. 184.

[28] *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 33.

[29] Об этих проблемах см.: *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 221 (с указанием на предшествующую литературу).

[30] Есть также сведения, что у него учился Вергилий: *Diehl E.* Die Vitae Virgilianae und ihre antiken Quellen. Bonn, 1911. P. 44–45.

учеников Эпидия, а лишь пересказывает случай, когда Антоний и Октавиан, упрекнув Каннуция в дурном выборе наставника, услышали в ответ, что сами учились у клеветника[31]. Впрочем, из-за значительной разницы в возрасте[32] оба триумвира вряд ли могли слушать наставления Эпидия одновременно, а различие их ораторских стилей[33] наводит на мысль, что, по крайней мере, один из них обучался довольно поверхностно и не усвоил стиля наставника. По мнению Э. Паркер, Эпидий, вероятно, придерживался азианского стиля и не оказал на Октавиана серьёзного влияния, хотя не исключён, конечно, и обратный вариант: если Эпидий был аттикистом, то его наставления не повлияли на Антония.

Наставником Октавиана в области философии был Афинодор, сын Сандона, из Тарса[34]. Точно датировать начало обучения не представляется возможным, однако из писем Цицерона следует, что в 44 г. Афинодор проживал в Риме; следовательно, Октавиан, как и Агриппа, уже в юности имели возможность брать у него уроки. Афинодор принадлежал к стоической школе, однако прославился не только своими философскими наставлениями[35], но и чувством юмора и здравым смыслом. Кассий Дион (LXVI.43.2) рассказывает, как однажды он в крытых носилках, под видом любовницы, проник в спальню Октавиана с мечом в руках, желая продемонстрировать, что нельзя пренебрегать мерами безопасности. Плутарх (Apopht. Aug. 7) описывает, каким способом Афинодор советовал своему ученику справляться с гневом: произнести про себя все буквы греческого алфавита, прежде чем предпринять что-либо. Оба этих совета Август оценил очень высоко. Уже в старости Афинодор по поручению императора управлял своим родным городом Тарсом, и Страбон пересказывает, с какой находчивостью он отвечал на оскорбления своих политических противников (*Strabo* XIV.14.5).

Другой стоический философ, Арей, впервые упоминается в окружении Октавиана в 30 г., хотя ясно, что к тому моменту он уже некоторое время был наставником триумвира (*Plut.* Ant. 80.4; *Cass. Dio.* LI.16.4). Однако более точно датировать начало их знакомства не представляется возможным, поэтому вопрос о том, учился ли у Арея Агриппа в 40-х годах, остается открытым.

Поскольку единственный источник, который связно повествует о юности Октавиана, – это биография будущего императора, написанная Николаем Дамасским, интересно внимательнее изучить те сведения об Агриппе, которые в ней содержатся. Первый отрывок, где он упоминается (FGrHist 127 F 16), уже рассматривался выше: в 46 г. Октавиан

---

[31] Этот эпизод произошел в интервале между ноябрем 43 г., когда Антоний и Октавиан вступили в союз, и февралём-мартом 40 г., когда Каннуций был казнён после падения Перузии: Cass. Dio. XLVIII.14.4; App. BC. V.49.207.

[32] Антоний родился в 83 г. см.: *Sumner G.V.* Lex Annalis under Caesar // Phoenix. 1971. Vol. 25. P. 363. Октавиан – в 63 г. (Suet. Aug. 5.1).

[33] О красноречии Антония см.: Plut. Ant. 2; о красноречии Августа см. выше.

[34] Strabo XIV.14.5; Plut. Apopht. Aug. 7; Cass. Dio. LII.36.4; LVI.43.2.

[35] Некоторые сведения о них сохранились у Сенеки: De tranq. anim. 3.1–8; Ep. 10.5.

заступился перед Цезарем за брата Агриппы, своего близкого и дорогого друга.

Следующий эпизод, в котором речь может идти об Агриппе, имел место весной 45 г., после битвы при Мунде, когда Октавиан без разрешения Цезаря (который, впрочем, позднее это одобрил) взял с собой на корабль, отправлявшийся в Новый Карфаген, трёх друзей (FGrHist 127 F 23). Николай Дамасский не сообщает их имен. Однако далее этот же автор пишет, что когда Октавиан в конце 45 г. – начале 44 г. находился в Аполлонии, он «вызвал удивление у своих сверстников и друзей» (FGrHist 130 F 37). Вновь не назван ни один из этих друзей, но из других источников ясно, что вместе с Октавианом в Аполлонии был Агриппа (*Vell. Pat.* II.59.5; *Suet.* Aug. 94.12). И, наконец, рассказывая о том, как осенью 44 г. Октавиан принял решение набирать собственное войско из ветеранов Цезаря, Николай Дамасский называет по имени нескольких друзей Октавиана: «С ним согласились и его друзья, участвовавшие в этом походе, а также и в последующих его деяниях. Это были Марк Агриппа, Луций Меценат, Квинт Ювентий, Марк Модиалий и Луций» (FGrHist 130 F 133). Скорее всего, во всех случаях, где Николай Дамасский упоминает «друзей» или «сверстников» Октавиана, не называя конкретных имён, речь идёт, в том числе и о Марке Агриппе[36]. Именно с ним Октавиан был «особенно дружен» (*Nic. Dam.* FGrHist 127 F 16), вместе с ним он отправился в Аполлонию, вдвоем с ним посетил там астролога (*Suet.* Aug. 94.12), и маловероятно, что в остальных эпизодах с друзьями Октавиана Агриппа не принимал никакого участия.

Вернёмся к пребыванию Октавиана в Испании. Известно, что из-за тяжёлой болезни он не смог выехать из Рима на испанскую войну вместе с Цезарем и догнал его лишь позднее. Николай Дамасский сообщает, что, выздоровев, Октавиан так спешил отправиться в Испанию, что отказал всем, кто желал сопровождать его, и взял с собой лишь слуг (*Nic. Dam.* FGrHist 127 F 21–22). Получается, что друзья, которых он в Иберии взял с собой на корабль, уже находились в ставке Цезаря[37]. Вероятно, сначала предполагалось, что и Октавиан, и его друзья, в том числе Марк Агриппа, все вместе будут сопровождать Цезаря на войну. Болезнь задержала Октавиана, но его друзья, видимо, всё-таки уехали в Испанию в конце 45 г. и сражались при Мунде; скорее всего, для Агриппы это был первый военный опыт[38].

Вскоре после этого Агриппа вместе с Октавианом отправился в Аполлонию (*Nic. Dam.* FGrHist 127 F 16; *Cass. Dio.* XLV.3.1). Там они обучались военному делу (*App.* BC. III. 9) и продолжали изучать риторику. Известно, что они вместе посетили астролога (*Suet.* Aug. 94.12). Интересно отметить, что в Аполлонии при них находился ещё один их друг – Сальвидиен Руф (*Vell. Pat.* II.59.5), а возможно, не только он (*Nic. Dam.*

---

[36] Ср.: *Reinhold M.* Op. cit. P. 13–14; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1230; *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 34.

[37] Ср.: *Reinhold M.* Op. cit. P. 13–14.

[38] Ср.: *Roddaz J.-M.* Op. cit. P. 35.

FGrHist 130 F 37), однако, к астрологу Октавиан и Агриппа отправились вдвоём.

Друзья всё ещё жили в Аполлонии, когда в конце марта 44 г. получили известие о том, что в мартовские иды Цезарь убит в курии заговорщиками. На этом их юность закончилась.

* * *

На основании рассмотренного материала можно прийти к следующим выводам. Агриппа, вероятнее всего, происходил из зажиточного, но совершенно незнатного по римским меркам рода, возможно, марсийского или венетского. Однако, если исключить бабку из рода Юлиев, Октавиан не так уж сильно превосходил его родовитостью: и по отцовской, и по материнской линии он происходил из италийских муниципиев – Велитр и Арриции, а его отец был первым сенатором в роду. Представляется весьма вероятным, что знакомству Агриппы с Октавианом каким-то образом содействовал Филипп, отчим последнего, и в его же доме брат Агриппы свел близкое знакомство с Катоном. Известно, что юноши обучались вместе (возможно, их литературный стиль имел сходство), и к 46 г. Агриппа стал самым близким другом Октавиана. В этом же году брат Агриппы был спасен благодаря заступничеству Октавиана перед Цезарем. Вероятно, друзья должны были поехать на испанскую войну Цезаря вместе, но Октавиан задержался в Риме из-за болезни, Агриппа же отправился в Испанию вместе с Цезарем и получил там первый военный опыт; выздоровев, Октавиан присоединился к ним. Вместе они должны были участвовать и в парфянском походе Цезаря. Таким образом, к моменту начала самостоятельной политической деятельности Октавиана и Агриппу связывало давнее знакомство, близкая дружба, общие воспоминания о совместной учебе и поездке в Испанию и общие планы на будущее. После смерти диктатора эти планы резко переменились, однако так и остались общими.

S.E. Tariverdieva

OCTAVIAN AND AGRIPPA: THE CIRCUMSTANCES OF THEIR ACQUAINTANCE AND COMMON YOUTH

The author examines the circumstances of the early youth of Octavian and Agrippa and the beginning of their friendship. Agrippa's family was probably wealthy but its origin was quite humble, and Octavian's lineage was not much higher; his ancestors, except his grandmother Julia, belonged to Italian municipal families. It appears that Agrippa met Octavian in the house of the latter's stepfather Philippus, and in the same house Agrippa's brother made acquaintance with Cato, the son-in-law of Phillipus. Agrippa was educated together with Octavian and by 46 B.C. became his best friend. Probably they were going to participate together in Spanish war under Caesar but Agrippa had to go to Spain alone due to the illness of Octavian (and this might be his first military service) and his friend joined him later. Also Caesar planned to take both youths with him to his Parthian campain. So by 44 B.C. Octavian and Agrippa were united by close friendship, common experience and common plans for the future.

А.Н. Токарев

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЙ «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ» И «РЕСПУБЛИКАНИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА В ЭПОХУ ИМПЕРАТОРА АВГУСТА

В современной историографии термины «традиционализм» и «республиканизм» часто употребляются для описания идеологических представлений римского общества или отдельных римских политиков как для эпохи Поздней республики, так и для периода раннего Принципата. В отношении этих терминов, на наш взгляд, необходимо сделать несколько пояснений, так как они используются не всегда корректно, что вносит некоторую путаницу и приводит к определенным искажениям римской действительности.

Значение понятия «традиционализм» не вызывает особых споров среди современных исследователей. Под этим термином понимают традиционные римские «полисные» представления: mos maiorum (нравы предков), «римский миф» и т.п.

Под «республиканизмом» большинство ученых подразумевает идеологические взгляды сторонников «сенатской республики». Так, например, по мнению Х. Виршубски, «оптиматы» интерпретировали «республиканизм» и libertas как символы сенатского правления[1]. Для А. Гоуинга «республиканизм» эпохи Империи – это совокупность идей и представлений о Республике, которая постепенно идеализировалась и мифологизировалась. Их выразителями была оппозиционно настроенная к императору часть сената, хотя этим «оружием» довольно часто пользовалась и официальная идеология[2].

Противоположностью «республиканизму» является «монархизм». Эта дихотомия берет свое начало ещё в трудах знаменитых деятелей Просвещения – Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, – которые в политическом учении на первый план ставили свободу и закон. Так, Ш. Монтескье в своем трактате «Размышления о причинах величия и падения римлян» противопоставляет старинный римский республиканизм как прообраз свободы и законности, деспотизму власти императоров.

Идеи просветителей оказали большое влияние на развитие представлений о современном республиканизме и либерализме, которые, в свою очередь, нашли отражение в работах историков XIX–XX вв. Показательно, что в этих работах прослеживается своеобразная черно-

---

[1] *Wirszubski Ch.* Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr., 1950. P. 119.

[2] *Gowing A.* Empire and Memory. Representation of the Roman republic in Imperial Culture. Cambr., 2005. P. 4.

белая картина, в рамках которой все, что непосредственно связано с эпохой Республики, следует относить к «республиканизму». Это дало возможность подавляющему большинству исследователей говорить о позднереспубликанской идеологии как о чем-то цельном. Такой подход привел к тому, что между такими несходными понятиями, как «республиканизм» и «традиционализм», многие историки ставят знак равенства или вовсе смешивают их значения.

Например, Р. Сайм полагает, что mos maiorum, в его трактовке – наследственный обычай (*ancestral custom*), «на практике означал чувства сенаторов преклонного возраста», под которыми историк, несомненно, понимал «оптиматов»[3]. Дж. Картер называет противников М. Антония в 44 г. до н.э. «традиционалистами»[4]. Э. Уоллас-Хэдрилл отмечает две различные модели поведения принцепса: если *superbia* характеризует «монархические» поступки Августа, то *civilitas* – его поведение как обычного гражданина. Церемониал *civilitas* – это реверанс Октавиана в сторону *Республики*, *традиционалистские* сантименты, бравшие начало в Фарсальском сражении и самоубийстве Катона[5].

На преемственность принципата Августа с *Республикой* и ее *традициями* указывает В. Эдер, разделяющий период от смерти Юлия Цезаря до прихода к власти Тиберия на пять временных отрезков, которые, по его мнению, отразили «сползание» от Республики к Принципату, что нашло отражение в идеологии нового государственного строя, основой которой стала «республиканская» традиция[6].

Для К.М. Жирарде «традиционализм» и «республиканизм» совершенно идентичные понятия: «отдельные аспекты традиционализма Августа получили особый отпечаток в идеологии первого принцепса в связи с его опорой на расхожие республиканские представления. При этом отчетливо проявляется связь идеологии Августа с нравами, exempla и традиционалистским менталитетом высших римских сословий. «Традиционализм», таким образом, является способом соединить Принципат с республиканскими представлениями, изобразить его как естественное развитие римской истории и в особенности аристократическо-республиканских ценностей»[7].

Так же думает и Дж. Фирз: «Изображая своего предка в одежде консула, М. Брут, кроме прочего, определил свою идею Свободы, связав ее с конституционными и законными формами традиционного республиканского правительства. Для традиционалиста республиканской эпохи Свобода была юридическим понятием, определяя сово-

---

[3] *Syme R.* Roman Revolution. L., 1939. P. 315.

[4] *Carter J.M.* Battle of Actium. L., 1970. P. 42.

[5] *Wallace-Hadrill A.* Civilis Princeps. Between Citizen and King // JRS. 1982. Vol. 72. P. 32–48.

[6] *Eder W.* Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link Between Republic and Empire // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate. Berkeley; L.A.; L., 1990. P. 71–122.

[7] *Girardet K.M.* «Traditionalismus» in der Politik des Oktavian/Augustus – mentalitätsgeschichtliche Aspekte // Klio. 1993. Bd. 75. S. 202–218.

купность прав, которые основывались на законах и институциях государства»[8].

Подобная картина наблюдается и в российской историографии. Г.С. Кнабе, посвятив свои исследования социальной психологии и менталитету римлян эпохи раннего Принципата, считает, что «республиканизм» уходил глубоко в массовое сознание, в котором «легенда стала народным чувством, а традиция – общественной психологией». Именно поэтому Август и его преемники изображали свой режим не в виде противоположности Республике как политической форме, а в виде ее продолжения. «Республиканизм» был лишь частью айсберга, под которым «явственно ощущалась та тайная, угадывающаяся в глубине громада, которая несла на себе эту всем заметную верхушку»[9]. Вполне очевидно, что Г.С. Кнабе блестяще характеризует римский «традиционализм», именуя его при всем при этом «республиканизмом».

О том же говорит и Ю.Г. Чернышов: «Традиционализм можно считать одним из важнейших элементов той “государственной идеологии”, которая сложилась при Августе. Именно это обеспечивало легитимность нового режима в условиях, когда республиканские традиции ещё сохраняли определенное влияние на умы римских граждан»[10]. В свою очередь, Я.Ю. Межерицкий[11] и Ю.Д. Борисов[12] подразумевают под «республиканизмом» римский «традиционализм», основанный на ценностях гражданской общины. Сходные позиции у А.В. Махлаюка, который подчеркивает, что «парадоксальным образом наличие *республиканских* элементов и *традиций* укрепляло автократическую власть правителей Империи», а в другом месте указывает на то, что «“республиканизм” – это полисно-республиканские представления, *традиции* и институты»[13].

Таким образом, как видно из приведенных примеров, исследователи не видят особой разницы между «традиционализмом» и «республиканизмом» и соотносят их с аристократическими ценностями «сторонников сената», выходцев из высших сословий.

---

[8] *Fears J.R.* Antiquity: The Example of Rome // An Uncertain Legacy: Essays on the Pursuit of Liberty. Wilmington, 1997. P. 6.

[9] *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981. С. 33–36; *он же.* Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 19–29.

[10] *Чернышов Ю.Г.* К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи // Античное общество IV: Власть и общество в античности. СПб., 2001. С. 209.

[11] *Межерицкий Я.Ю.* Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 3.

[12] *Борисов Ю.Д.* Тиберий Клавдий Нерон: Путь к власти. М., 2001. С. 39.

[13] *Махлаюк А.В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис. Курс лекций. М., 2010. С. 176–226. А.В. Махлаюк дает свою трактовку термина «республиканизм», ссылаясь при этом на работу К. Хопкинса, хотя британский исследователь говорит об основах власти римского императора эпохи Диоклетиана и Константина I (*Hopkins K.* Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Cambr.; L.; N.Y.; Melbourne, 1978. P. 184–185).

Однако, на наш взгляд, между «республиканизмом» и «традиционализмом» есть существенная разница, так как последний был основой для мировоззрения *всего римского общества*, независимо от *сословной принадлежности* или *политических убеждений* его отдельных представителей. «Традиционализм» возник из примитивного крестьянского консерватизма с его благоговейным почтением к богам и знамениям, стремлением к простоте, постоянству и апелляции к прошлому, на которое были ориентированы его нормы и ценности. Римляне видели в земле основу собственности, в солидарности граждан – норму существования, а в верности традициям – основу морали[14].

Приведем пример. Тит Ливий передает речь выходца из низов, Спурия Лигустина, с которой тот в 171 г. до н.э. выступил на народном собрании с предложением не срывать набор войск для очередной военной кампании, потому что это противоречит традиции. Вот отрывок этой речи: «Я, квириты, Спурий Лигустин, принадлежу к Крустуминской трибе, а родом сабинянин. Отец оставил мне югер земли и маленькую хижину, где я родился, вырос и живу до сих пор. Как только я достиг совершеннолетия, отец женил меня на дочери своего брата, которая принесла с собой благородство характера и целомудрие и родила мне столько детей, сколько было бы вполне достаточно даже для богатого дома…» (*Liv.* XLII.34.2–3. Пер. Н.Н. Трухиной).

Г.С. Кнабе совершенно верно отмечает, что в междоусобных войнах I в. до н.э. Рим утратил важные хозяйственные и политические признаки гражданской общины, но слом этот почти не коснулся идеологии и общественной морали[15]. Так же, как и крестьянин II в. до н.э., думал один из ветеранов императора Августа, чья эпитафия сохранилась до наших дней: «Гай Кастриций Кальв, сын Тита, военный трибун из Стеллатинской трибы, земледелец и хороший господин добрых вольноотпущенников, особенно тех, которые толком и честно возделывают свои поля и которые – для земледельца это главное – самостоятельны, зажиточны и ведут хозяйство как надо. Если кто хочет жить дельным и свободным человеком, пусть следует таким правилам: самое первое – чтить богов, людей и заведенный порядок, не желать зла тому, кто выше тебя, уважать родителей, держать слово, никому не говорить плохого, так чтобы и тебе плохого не услышать. Кто не будет вредить другим и останется верным долгу, проживет жизнь в спокойной радости, не зная обид, честную и веселую. Об этом предупреждает вас деревенский человек, воспитанный не в школе философов, а обученный самой природой и практикой. Кастрицию – вольноотпущеннику Луция и Гая ради их заслуг. Его смерть я искренне оплакивал и его могилу охранял, так же как я ему воздвигаю этот памятник, чтобы все вольноотпущенники хранили верность своим господам. Также Кастриции Елене, вольноотпущеннице Гая, ибо она также была

[14] *Кнабе Г.С.* Древний Рим... С. 24.
[15] Там же. С. 26.

верна»[16] (CIL. XI.600; AE. 1983. № 413 = 1996. № 665. Пер. Н.А. Машкина)[17]. Примечательно, что в латинском тексте этой надписи встречаются основные понятия, на которых основывалась традиционная мораль римской общины, – *pietas, fides, libertas*.

Именно этим традициям и следовал Август. А. Барчиези справедливо указывает на то, что политический дискурс *restitutio rei publicae* тесно связан с восстановлением и защитой древних религиозных культов, являвшихся важными аспектами национальной специфики Рима. Идея, на которой он основывается, не была новой: «восстановление» рассматривалось как борьба против упадка «недавнего прошлого» и под ним подразумевалось возрождение обычаев и устоев «отдаленного прошлого», именно там искали примеры и образы для выздоровления современного общества. В эпоху Августа эти традиционные воззрения приобретают большую важность. В это время история Рима строилась вокруг дихотомии «правильного отдаленного прошлого», которое часто связывалось с «золотым веком», и «недавнего прошлого», характеризовавшегося упадком и преступлениями. Настоящее должно было стать искуплением за «недавнее прошлое» и возвращением к самой древней истории Рима, его сакральной основе. Именно с этим связано восстановление римских храмов, возрождение древних жертвенных обрядов и ритуалов. Последние имеют большую значимость, ведь они главные векторы идентификации с «правильным отдаленным прошлым», которые передают «конструктивные» послания, связывающие настоящее с отдаленной древностью[18]. Именно отдаленному прошлому были посвящены самые знаменитые литературные памятники эпохи Августа – «Энеида» Вергилия, «Фасты» Овидия, грандиозный лексикон Веррия Флакка, летопись Тита Ливия. В.С. Дуров тонко подмечает, что Ливий, «намеренно архаизируя свой стиль и отдаляясь от языка повседневной речи, высвечивает древность источников, из которых он извлекает исторический материал для своего сочинения. Этим он одновременно демонстрирует свою привержен-

---

[16] *C(aius) Castricius T(iti) f(ilius) Calvus trib(unus) [mil(itum) leg(ionis) Stellatina [Agri]cola bonoru[m] libertorum benevolus [patronus] maxsimeque eorum qui agros bene [et strenue colant qui] corporis cultus quod maxime opus est [agricolis curam gerant] qui se alant cetera quaequomque habe[nt tueantur] praecepta vera qui volt ver[e] bene et libere v[ivere haec habeto] primum est pium esse [domino bene] cupias vere[re parentes] [f]idem bonam [praestes] [noli maledicere ne male] audias inn[ocens et fidus qui erit] suavem vitam [et offensa carentem] hon[este l]ae[teque] peraget haec non a d[octeis vireis institutus sed] [n]atura sua e[t us]u agricola meminisse docet vos L(ucio) Castricio L(uci) C(ai) l(iberto) ob merita quod eius mortem dolui et fu[nus feci et locum dedi] [ide]mque monumentum hoc ei feci ut cu[rent omnes liberti fidem] [pr]aestare patroneis [item Ca]striciae C(ai) l(ibertae) Helenae quod et [ipsa pia fuit].*

[17] Ср.: *Машкин Н.А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 302; *Кнабе Г.С.* Древний Рим… С. 26.

[18] *Barchiesi A.* Op. cit. P. 218–219.

ность августовской политике, направленной на возрождение вековых ценностей римского народа»[19].

Следовательно, «традиционализм» и «республиканизм» не одно и то же. Однако и это ещё не всё. Так же, как «традиционализм» стал основой для «республиканизма», он послужил базисом для политической агитации «популяров»[20]. Нобили-аутсайдеры, опиравшиеся в своей политической деятельности на народное собрание, использовали те же лозунги, что и «оптиматы», но были вынуждены отражать в них идеи суверенитета римского народа и его главенства в государстве. Если для «сторонников сената» понятие *res publica* означало государственный строй, при котором они занимали господствующее положение в государстве, то «популяры» под *res publica* подразумевали «общее дело всего народа», а в некоторых случаях – даже *res plebis*. Если «республиканизм» опирался на дуализм *libertas/regnum*, то в основе идеологии «популяров» лежало противоречие *libertas/servitus*. Libertas они трактовали как «политическую свободу» плебса, которая исчезла из-за того, что *factio paucorum*, «преступная группа» нобилей, захватила власть в государстве. Практически каждый знаменитый *popularis* объявлял себя *vindex libertatis populi Romani* или *plebis* – защитником народной свободы[21]. Многие «популяры» активно использовали лозунг рах, и эту традицию унаследовала «цезарианская» *partes*, в результате чего лозунги *pax* и *clementia* стали их отличительным знаком.

Итак, подведем итоги. Во-первых, понятия «традиционализм» и «республиканизм» нельзя рассматривать как нечто тождественное. Очевидно, что «традиционализм», как совокупность консервативных римских «полисных» представлений, послужил основой для возникновения «республиканизма», а кроме этого, стал основанием и для политической агитации «популяров». Каждое из этих трех начал, в свою очередь, могло стать источником для формирования официальной идеологии раннего Принципата. Во-вторых, при трактовке идеологических установок римских политиков Поздней республики и раннего Принципата следует четко различать «традиционные» и «республиканские» тенденции, так как их смешение может привести к неправильному пониманию намерений и конечных целей, которые ставили перед собой некоторые политические деятели. Если же традиционные представления и нравственные идеалы всего римского общества приписывать только сторонникам «сенатской республики», тогда римского государственного деятеля, опиравшегося на них в своей политике, следует рассматривать либо как сторонника «сенатской республики»,

---

[19] *Дуров В.С.* Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 78.

[20] *Токарев А.Н.* Становление официальной идеологии принципата Императора Августа. Харьков, 2011. С. 68–77.

[21] Ср. с лозунгами императора Августа. Например, начало его «Деяний», где первый римский император объявляет себя защитником римского народа (RGDA, 1), и легенду LIBERTATIS P R VINDEX на эфесской тетрадрахме 28 г. до н. э. (Roman Imperial Coinage. L., 1984. Vol. 1. P. 79. № 476).

либо как «нечестного политика», который шел на заведомый обман, выдавая желаемое за действительное.

A.N. Tokarev

INTERPRETATION OF «REPUBLICANISM» AND «TRADITIONALISM» IN A MODERN HISTORIOGRAPHY IN CONNECTION WITH FORMATION OF THE OFFICIAL IDEOLOGY OF THE EARLY PRINCIPATE DURING AN EPOCH OF THE EMPEROR AUGUSTUS

The article is devoted to interpretation of «republicanism» and «traditionalism» in a historiography. Modern researchers don't see a special difference between «traditionalism» and «republicanism» and correlate them with aristocratic values of the senate supporters, natives of the upper classes. However, according to the author, «republicanism» and «traditionalism» can't be synonyms as last was the basis for outlook of all Roman society, regardless of citizens' estate belonging or political convictions. «Traditionalism», as aggregate of Roman «polis» representations, was the basis for «republicanism» and political propaganda of *populares*, and each of them could become a source for formation of the official ideology of early Principate. Therefore it's necessary to differentiate between «traditional» and «republican» tendencies because their displacement may result in misunderstanding intentions and final aims which some Roman political figures put before themselves.

А.В. Банников,
Г.А. Шмидт

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ АММИАНУ МАРЦЕЛЛИНУ?

Количество источников, освещающих различные аспекты существования позднеримской военной организации, достаточно велико. Среди них есть письменные (исторические, литературные и юридические), эпиграфические, нумизматические, папирологические и археологические. Различные исследователи по-разному оценивали и оценивают степень достоверности и точности информации, содержащейся в каждой из этих групп. Т. Моммзен, например, не доверял литературным источникам и больше полагался на данные эпиграфики. Я. Ле Боек, напротив, ставит на первое место литературные или иные письменные тексты, объясняя это тем, что хотя этот вид источников в определенной степени субъективен по своей сути, он имеет два преимущества перед другими: во-первых, литературные источники достаточно многочисленны, а, во-вторых, они просты для понимания[1].

Вопрос о том, какие источники по позднеримской военной организации представляют наибольший интерес, немаловажен, поскольку их характер и состояние таковы, что выводы иной раз приходится делать, основываясь на диаметрально противоположных свидетельствах. При этом порой нужно не столько выстраивать иерархию значимости источников по группам, сколько придерживаться индивидуального подхода к источнику каждого типа.

Если мы обратимся к литературным источникам, то вряд ли у кого-нибудь возникнет сомнение, что наиболее ценный из них – *Res Gestae* («Деяния», в русском переводе «Римская история») Аммиана Марцеллина. «История» состояла первоначально из 31 книги. Однако от всего сочинения до нас дошли только последние 18 из них (с XIV по XXXI), охватывающие период с 353 г. по 378 г.

При работе над книгой Аммиан, безусловно, полагался не только на личный опыт. Многое было, возможно, записано со слов очевидцев. Кроме того, не вызывает сомнения, что он широко привлекал разнообразные литературные источники. Так, например, уже Г. Дельбрюк считал, что рассказ Аммиана о битве при Аргенторате основан на собственных мемуарах Юлиана[2]. Для описания персидского похода 363 г. Аммиан мог черпать дополнительную информацию из труда ис-

---

[1] *Le Bohec Y.* L'armée Romaine sous le Bas-Empire. P., 2006. P. 11.

[2] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. В.И. Авдиева. СПб., 1994. Т. II. С. 191.

торика Магна[3]. Некоторые исследователи допускают, что Аммиан пользовался заметками современников, так и не ставшими полноценными историческими сочинениями. Одним из таких источников мог быть так называемый меморандум личного врача Юлиана Оривазия, составленный им в помощь молодому историку Евнапию[4].

Не подлежит сомнению, что Аммиан имел возможность обращаться и к различным официальным документам из государственных архивов[5]. Поэтому, хотя в «Истории» нет подробного описания военных институтов, благодаря содержащимся в тексте замечаниям автора, мы можем получить наглядное представление о римском вооружении, тактике ведения боя и системе командования армии.

И, тем не менее, именно Аммиан Марцеллин чаще других римских историков, не претендовавших на какую-то тесную связь с армией (например, Тацита или Светония) подвергается критике, когда дело заходит о его компетенции в военных вопросах. Уже А. Мюллер, в начале XX в., давая оценку *Res Gestae* как источнику по военной истории IV в., заявляет, что «добыча, которую можно получить от Аммиана, не столь уж велика, как это можно было бы ожидать от солдата»[6]. В последние три десятилетия достоверность информации Аммиана, особенно его компетентность в военном деле и его намерение показать армию такой, какой она была на самом деле, вновь были поставлены под сомнение[7]. Сторонники этого направления полагают, что в рассказах о сражениях при Аргенторате или Адрианополе, или об осаде Амиды нет исторической реальности, и в основе их лежат описания извлеченные из Гомера или Вергилия[8]. Сам Аммиан будто бы был дилетантом, знакомство которого с военным делом было поверхностным и кратковременным, поэтому он умышленно избегает деталей и технических терминов, а в тех случаях, когда пытается дать своему читателю какие-то развернутые объяснения, делает это путано и неясно.

Нельзя сказать, что подобная позиция не имеет под собой серьёзных оснований. Примеров, подтверждающих ее, в тексте «Истории» можно найти достаточно много. Это, прежде всего, касается описаний метательных и осадных машин, которые охотно приводит историк. Наиболее странное из всех — описание гелеполы, или подвижной

---

[3] *Холмогоров В.И.* Диоклетиано-константиновская военная реформа и римская армия IV века н. э. // Архив СПб ИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 49 (отдельная нумерация). С. 6.

[4] *Liebeschuetz J.H.W.G.* Pagan historiography and the decline of the Empire // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Forth to Sixth Century A.D. Leiden, 2003. P. 187–188. N. 56.

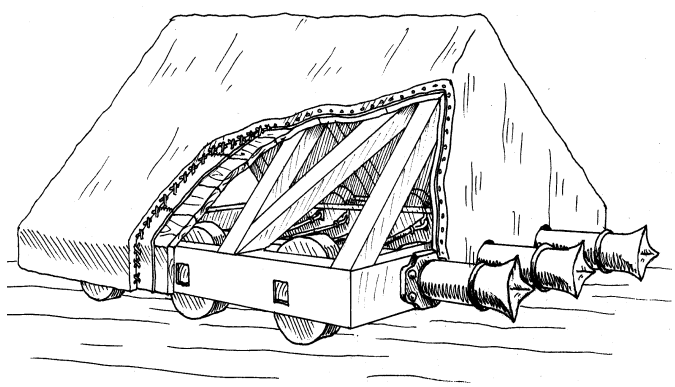
[5] *Ермолова И.Е.* Отношение Аммиана Марцеллина к труду историка: теория и практика // ВДИ. 2008. № 4. С. 137.

[6] *Müller A.* Militaria aus Ammianus Marcellinus // Philologus. 1905. Bd. LXIV. S. 573 sq.

[7] *Sabbah G.* L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002). Lyon, 2004. P. 38. N. 47.

[8] *O'Brien P.* Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the «Res Gestae» // Phoenix. 2006. Vol. 60. No. 3/4. P. 275. N. 3.

башни. «Сооружают ее таким образом, — пишет Аммиан, — Сбивают огромный штурмовой щит[9] из толстых досок, скрепленных длинными железными гвоздями; покрывают его воловьими кожами и плетеньем из свежесрубленной лозы и обкладывают сверху мокрой глиной, чтобы обезопасить от брандеров и метательных снарядов. С передней стороны насаживают отточенные тройные острия, примерно такие, какими живописцы рисуют или скульпторы высекают изображение молнии. Острия эти выковываются из железа, они очень массивны и сокрушают все, на что натолкнутся. Это мощное сооружение ставится на колеса, и солдаты, разместившись внутри в значительном числе, направляют его движение канатами. Напрягая все силы, они придвигают его к более слабым частям стен, и, если защитники не в состоянии дать отпор, то эта машина сокрушает стены и открывает широкие проломы» (*Amm.* XXIII.4.8–9. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни).



Гелепола по описанию Аммиана Марцеллина. Рис. И.В. Кирсанова.

Что это за странный аппарат и каким образом предполагалось его использовать? Подобное сооружение не описано ни в одном другом источнике и вряд ли когда-либо существовало в действительности. Характерно, что, рассказывая об осаде персидской крепости Пирисаборы, Аммиан вновь говорит о постройке гелеполы (*Amm.* XXIV.2.18; 19). Однако на этот раз из текста абсолютно ясно, что речь идет именно о подвижной башне в ее классическом варианте. У любого исследователя сразу же может возникнуть вопрос: мог ли профессиональный военный, каковым позиционирует себя Аммиан, таким образом представить конструкцию машины, которая применялась уже в период войн диадохов?

Хотя неточность в описании технических устройств свойственна не только Аммиану, но и многим другим античным историкам, подобные примеры, а их в *Res Gestae* можно отыскать немало, заставляют историков очень часто отказывать Аммиану в доверии даже тогда, когда приводимая им информация не только не противоречит нашим знаниям, но и подтверждается другими источниками. Так, например,

[9] У Аммиана «*testudo*» – черепаху.

многочисленные римские, византийские, армянские и арабские источники сообщают об использовании персами в сасанидскую эпоху боевых слонов. Однако Ф. Рейнс полагает, что все рассказы о персидских слонах, встречающиеся у Аммиана, порождены его желанием создать в глазах читателя героический образ римской армии[10]. «…Цель Аммиана, — утверждает исследователь, — состоит в акцентировании или даже преувеличении громадного мужества римской армии перед лицом отчаяния и гнетущих трудностей…»[11]. Чтобы создать драматический эффект Аммиан, будто бы, умышленно сгущает краски, прибегая к устоявшимся литературным клише. «Сюжет страха перед слонами был одним из тех, к которым Аммиан (XIX.2.3) часто возвращался, и его фраза "*ut retullimus saepe*" («как часто мы указывали») здесь, видимо, намекает на то, что он уже разработал этот сюжет ранее, но в утерянной книге. Хотя прямое свидетельство Аммиана не может быть подвергнуто сомнению, его интерес к слонам также ясно отражает его риторические и стилистические особенности»[12].

Можно, конечно, спорить с позицией Ф. Рейнса в отношении слонов у Аммиана, но в тексте «Истории» есть и более очевидные свидетельства того, что ее автор зачастую был, по крайней мере, с нашей точки зрения, весьма неточен в деталях, и нарисованная им картина событий представляется порой в сильно искаженном виде. Один из таких примеров связан с осадой персами Амиды, во время которой будущий историк сам оказался среди защитников города.

По сообщению Аммиана, на помощь Амиде подошли 6 легионов: *Магненциаки*, *Децинциаки*, *Трикенсиманы*, *Декиманы Фортенсес*, *Супервенторы* и *Превенторы* (*Amm.* XVIII.9.3)[13]. Вопреки этому утверждению, у нас есть основания полагать, что из шести подразделений только 2 могут считаться легионами: это *Трикенсиманы* и *Декиманы Фортенсес*. Первое из них значится в *Notitia dignitatum* как легион псевдокомитатенсов *Truncensimani*, находившийся в подчинении у магистра кавалерии Галлий (*Oc.* VII.108). По всей видимости, отряд ведет свое происхождение от *Тридцатого Ульпиева легиона*, сформированного Траяном (ок. 98 г.) и имевшего постоянное место дислокации в Нижней Германии (CIL. VI.3492 = ILS. 2288). Можно предположить, что *Трикенсиманы* были посланы на Восток императором Констанотом в качестве помощи своему брату Констанцию II, который вел тяжелую войну с персами[14]. Вероятно, это случилось после страшного

---

[10] *Рейнс Ф.* Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 29. С. 6.

[11] Там же. С. 17.

[12] Там же. С. 15–16

[13] *Sex legiones raptim percursis itineribus antegressae muris adstitere firmissimis. Magnentiaci et Decentiaci quos post consummatos civiles procinctus, ut fallaces et turbidos ad orientem venire compulit imperator, ubinihil praeter bella timetur externa, et Tricensimani Decimanique Fortenses et Superventores atque Praeventores…*

[14] Этот легион оказался на Востоке ещё до восстания Магненция. В противном случае Аммиан должен был назвать его вместе с двумя другими галль-

поражения, понесенного восточным императором под Сингарой (344/345 г. или 348 г.).

Легиона *Decimani Fortenses* в *Notitia* не значится. По всей видимости, Аммиан дает нам искаженное название легиона *Decima Fretensis*, находившегося в Аиле и подчинявшегося дуксу Палестины (*Or.* XXXIV.30). Этот легион был послан в Сирию ещё в период правления Августа и принимал затем участие во всех крупных войнах, проходивших на Востоке.

Что касается *Супервенторов* и *Превенторов*, то эти два отряда не могут считаться легионами. Они были сформированы Констанцием II в 40-х гг. IV в. во время персидской войны (*Amm.* XVIII.9.3). Местом их первоначальной дислокации были придунайские провинции. Согласно данным *Notitia*, ауксилиарии *milites Praeventores* стояли в г. Ансаме и находились в распоряжении дукса провинции Мезия Вторая, а ауксилиарии *milites Superventores* – в Аксиуполе и подчинялись дуксу Скифии[15]. Спустя недолгое время оба отряда были переброшены в Месопотамию. Возможно они приняли участие в неудачном для римлян ночном сражении под Сингарой, после которого оказались запертыми в стенах города (*Amm.* XVIII.9.3).

Подразделений с названиями *Magnentiaci* и *Decentiaci* в списках *Notitia dignitatum* нет. Объясняется это достаточно просто: время существования обоих отрядов было очень непродолжительным; они были сформированы в Галлии, очевидно, в 350 г., когда к власти над западной половиной империи пришел Магненций и были уничтожены в 359 г., во время захвата персами Амиды. Тем не менее, мы с полной уверенностью можем утверждать, что и эти воинские части не были легионами. Доказать это можно опираясь на текст самого Аммиана. Оба «легиона» очень сильно отличались от всех остальных, защищавших город. Они были искусны в сражении в открытом поле, но не умели ни обслуживать боевые машины, ни выполнять фортификационные работы. К тому же галльские солдаты не желали подчиняться приказам своих командиров и даже грозились их убить (*Amm.* XIX.5.2–3; 6.3–5).

Поведение *Магненциаков* и *Деценциаков* было в точности таким же какое было свойственно солдатам галльских ауксилий, которых Аммиан упрекает в отсутствии дисциплины и презрении к различного рода фортификационным работам (XVIII.2.6)[16]. В любом случае, дикость нравов ауксилиариев (*barbara feritas*) (XX.4.6) позволяет Аммиа-

---

скими отрядами (*Magnentiaci* и *Decentiaci*), которые были переведены сюда в наказание за поддержку узурпатора после окончания гражданской войны.

[15] *Notitia* называет ещё два подразделения с таким же названием: легион комитатенсов *Superventores iuniores*, находившийся в Галлии (Oc. V.120 = 270 =VII.96), и *milites Superventores* в Арморике в г. Маннатия (Oc. XXXVII.18). Однако, поскольку эти воинские части находились на очень большом удалении от восточного театра военных действий, в провинциях, не входивших в состав владений Констанция, то совершенно очевидным представляется, что в персидской войне принял участие отряд из Скифии.

[16] *...Auxiliarii milites semper munia spernentes huius modi.*

ну называть их варварами. Таким образом, мы приходим к выводу, что отряды, сформированные Магненцием из галлов и/или германцев, были в действительности ауксилиями, а не легионами.

Исследователи, занимавшиеся проблемами позднеримской военной организации, неоднократно отмечали поразительную неточность, которую порой позволяет себе Аммиан в отношении военной терминологии. У него мы обнаруживаем примеры употребления военных терминов, совершенно нетипичного для историографии IV–V вв. Чтобы продемонстрировать это, остановимся только на двух описаниях, в которых присутствуют традиционные для римской военной организации обозначения воинских подразделений: *turma* и *legio*. В первом из привлекших наше внимание эпизодов Аммиан сообщает о переходе правительственных войск, состоявших из «пеших и конных турм», на сторону восставшего Прокопия (365 г.) (*Amm.* XXVI.7.9)[17]. Второй – это рассказ о побеге из римского плена армянского царя Папа с эскортом из 300 всадников: «Тотчас был выслан за ним целый легион, – передает Аммиан, – но когда он уже настигал беглецов, Пап, повернув назад, бросился на солдат с храбрейшими людьми, осыпая противника стрелами, как искрами, но намеренно не попадая ни в кого, и испуганные солдаты вернулись в город вместе со своим трибуном быстрее, чем выступили» (XXX.1.7. Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни)[18]. Из контекста понятно, что «легионом» в данном случае историк называет кавалерийский отряд, в противном случае все это описание потеряло бы смысл.

Аммиана вполне заслужено можно также упрекнуть в небрежности, проявляемой им в отношении названий воинских частей. Первый пример касается легиона *Decima Fretensis*, который Аммиан называет *Decimani Fortenses*. В *Notitia* обозначено несколько отрядов *Fortenses*, однако ни один из них не имеет в своем названии порядкового числительного[19]. Поэтому можно только гадать какой же именно отряд пришел в 359 г. на помощь Амиде.

Этот пример не единственный. Аммиан дважды упоминает о легионах *Дивитенсов и Тунгриканов* (XXVI.6.12; XXVII.1.2)[20], причем впервые он называет *Тунгриканов Tungricani iuniores,* а второй раз просто *Tungricani*.

---

[17] *Transeuntes ad expeditionem per Thracias concitatae equitum peditumque turmae blandeque acceptae et liberaliter cum essent...*

[18] *Nec minus paulo postea legionem secutam iamque adventantem ipse cum promptissimis retrorsus excurrens, fundensque in modum scintillarum sagittas, sed voluntate errans, ita in fugam conpulit ut cum tribuno milites universi perterrefacti vividius quam venerant remearent ad muros.*

[19] *Fortenses*, leg. pal. praes. (Or. V.5 = 45); leg. com. in Hisp. (Oc. V.76 = 225 = VII.130); leg. com. in Afr. (Oc. V.106 = 255 = VII.152); milites Fortenses in castris Leptitanis, Tripol. (Oc. XXXI.29); auxilia Fortensia, Cirpe (Valer.) (Oc. XXXIII.49); numerus Fortensium, Othonae, Brit. (Oc. XXVIII 13); Fortenses auxiliarii, pseud. in Or. (Or. VII.15 = 51).

[20] *Divitenses Tungricanosque iuniores*

В *Notitia dignitatum* сведений о таких подразделениях нет. В списках значатся только *Дивиденсы старшие* (*Divitenses seniores*, legio palatina intra Italiam: Oc. V.4 = 117 = VII.5) и *Тунгреканы старшие* (*Tungrecani seniores* legio palatina intra Italiam: Oc. V.5 = 148 = VII.6).

Гораздо более серьёзную ошибку допускает Аммиан в отношении подразделений «Мезиаков». Он упоминает и о двух *нумерах Мезиаков*: в 360 г. Юлиан отправил их с другими отрядами в Британию, которую опустошали своими набегами северные варвары (XX.1.3)[21]. В *Notitia* назван только один отряд *Мезиаков*, который мы могли бы соотнести с рассказом Аммиана – это палатинский легион *Moesiaci seniores* (Oc. V = 150 = VII.8). Он находился в Италии в подчинении у *magister peditum praesentalis*. Характерно, что в перечне воинских частей, дислоцированных в Италии, он стоит среди отрядов, о которых Аммиан упоминает, рассказывая о военных действиях в Галлии, которые велись во времена Юлиана и Валентиниана I (Табл. 1).

Таблица 1.

Сопоставление данных Аммиана Марцеллина
с перечнем VII главы Notitia Dignitatum

Notitia Dignitatum, Oc., VII			Подразделения, упоминаемые Аммианом
№	Название подразделения	Статус подразделения	Название подразделения
3	Ioviani seniores	legio palatina	Ioviani
4	Herculiani seniores	legio palatina	Herculiani
5	Divitenses seniores	legio palatina	Divitenses
6	Tungrecani seniores	legio palatina	Tungricani iuniores
7	Moesiaci seniores	legio palatina	Moesiaci
8	Pannoniciani seniores	legio palatina	Moesiaci
9	Cornuti seniores	legio palatina	Cornuti
10	Brachiati seniores	auxilia palatina	Brachiati
11	Petulantes seniores	auxilia palatina	Petulantes
12	Celtae seniores	auxilia palatina	Celtae
13	Heruli seniores	auxilia palatina	Heruli
14	Batavi seniores	auxilia palatina	Batavi
16	Iovii seniores	auxilia palatina	Iovii
17	Victores seniores	auxilia palatina	Victores
32	Regii	legio comitatensis	Regii
—	—	—	Primani
—	—	—	Ascarii

Обратим внимание на то, в какой последовательности представлены эти отряды в *Notitia*: почти все они идут друг за другом, что свидетельствует о том, что некогда они образовывали единое целое. Мы можем, конечно же, допустить что второй *numerus Moesiacorum*, упомянутый Аммианом, – это легион *Moesiaci iuniores*, не попавший в списки *Notitia*, поскольку, в то время, когда они составлялись, уже прекратил свое существование. Но такому предположению препятствует то обстоятельство, что среди подразделений, составлявших не-

[21] *Numerisque Moesiacorum duobus.*

когда галльскую армию, нет ни одного, которое носило бы дополнительное обозначение *iuniores*, все они – *seniores*.

Ещё один важный момент, который следует отметить: анализ источников показывает, что в IV столетии практически всегда римские подразделения действовали попарно. Это было характерно как для легионов, так и для отрядов *auxilia*[22]. Подобные пары отрядов были весьма устойчивыми образованиями. Так, например, *Супервенторы* и *Превенторы* действовали совместно с момента своего образования (*Amm.* XVII.9) до гибели в 359 г. во время захвата персами Амиды; *Кельты* и *Петуланты* сражались в Галлии под командованием Юлиана (*Amm.* XX.4.2), а в начале 378 г. отразили нападение лентиензов (*Amm.* XXXI.10.4). В *Notitia* мы видим те же самые пары отрядов, о которых говорит Аммиан (*Иовианы* и *Геркулианы*, *Дивиденсы* и *Тунгриканы* и т.д.).

Нельзя не заметить, что легион *Moesiaci seniores* образует в *Notitia* пару с *Pannoniciani seniores* (Oc. V.149 = VII.7). Подобное совпадение не может быть случайным. Поэтому мы можем с большой долей вероятности допустить, что оба наших источника говорят об одних и тех же воинских частях, и два *нумера Мезиаков* у Аммиана – это *Moesiaci seniores* и *Pannoniciani seniores* в *Notitia.*

Любопытно, что Аммиан однажды упоминает Паннонский (*Pannonica*) и Мезийский (*Moesiaca*) легионы (XXIX.6.13)[23], стоявшие в 373 г. в Паннонии. Но в *Notitia* легионы с такими названиями не значатся. Отсюда можно сделать вывод, что в действительности историк вновь дал нам искаженные названия подразделений, и на самом деле в его рассказе должны были действовать *Pannoniciani seniores* и *Moesiaci seniores*[24].

Можно ли найти какое-либо рациональное объяснение всем этим ошибкам, присутствующим в тексте *Res Gestae* или же они в действительности доказывают слабое знакомство автора с предметом своего сочинения?

По мнению многих исследователей, некоторые неясные и сбивчивые описания, сделанные Аммианом, всего лишь отражают специфику его деятельности. Согласно одному из указаний самого историка,

---

[22] Нам известно о существовании следующих пар легионов: *Паннонский* и *Мёзийский* (Amm. XXIX.6.13), *Дивиденсы* и *Тунгриканы младшие* (Amm. XXVI.6.12; XXVII.1.2), *Ланциарии* и *Маттиарии* (Amm. XXXI.18.8); *Иовианы* и *Геркулианы* (Amm. XXII.3.2; XXV.6.2). Ауксилии образовывали такие пары: *Супервенторы* и *Превенторы* (Amm. XVIII.9.3), *Эрулы* и *Батавы* (Amm. XVI.12.45; XX.1.3; 4.2; XXVII.1.2–6), *Кельты* и *Петуланты* (Amm. XX.4.2; 5.9; XX.3.2; XXII.12.6; XXXI.10.4), *Корнуты* и *Бракхиаты* (Amm. XV.5.30; XVI.12.43; 11.9), *Иовии* и *Викторы* (Amm. XXV.6.3; XXVI.7.13; XXVII.8.7).

[23] *Legiones motae sunt duae, Pannonica et Moesiaca.*

[24] *Notitia dignitatum* называет ещё один легион Паннониканов: *Pannoniciani iuniores*, имевший статус *comitatensis* и входивший в состав воинской группировки, подчиненной магистру армии во Фракии, а также два отряда *Мезиаков*, которые квалифицируются как *auxiliares*: *milites primi Moesiaci* в г. Кандидиане и *milites Moesiaci* в г. Тегликие. Оба подразделения находились в распоряжении дукса Мезии Второй.

он входил в состав корпуса протекторов-доместиков. Каковы были обязанности офицеров, носивших это звание, до конца остается неясным.

Известно, что отряды протекторов образовывали свиту высокопоставленных военачальников и исполняли роль штабных офицеров[25]. Обычным было то, что через несколько лет службы протекторы получали высокие звания и командовали отдельными воинскими подразделениями[26]. Что касается *protectores domestici*, или просто *domestici*, то, возможно, они выделились из корпуса *protectores* при Аврелиане или его ближайших преемниках. По крайней мере, согласно данным литературных источников, уже Диоклетиан до своего прихода к власти был командиром доместиков (*Aur. Vict.* 39.1[27]; SHA. Carin. 13.1[28]). Само название этого корпуса указывает на его принадлежность к императорскому двору. Подобно протекторам, доместики исполняли роль штабных офицеров при высокопоставленных военачальниках (*Amm.* XV.5.22) или при командирах отдельных воинских подразделений. По прошествии нескольких лет службы доместики, как и протекторы, могли стать командирами воинских частей. Однако основная часть доместиков, вероятно, несла службу при дворце императора, или состояла в штабах при высокопоставленных офицерах[29].

Исключительно офицерский состав обоих корпусов позволил В.И. Холмогорову сделать вывод об их небольшой численности, не превышавшей несколько сотен человек[30]. Их роль в армии исследователь сопоставил с ролью некоторых полков русской гвардии XVIII в., в частности, кавалергардов, которые первоначально были небольшим корпусом, охранявшим императора. Значение корпусов доместиков и

---

[25] Говоря о звании *протиктора*, Менандр сообщает: «Римляне называют сим именем царского телохранителя, достигшего этого звания» (Menand. fr. 62. Пер. С. Дестуниса).

[26] Так, например, Констанций Хлор начал службу протектором, а затем получил звание трибуна (Excerpta Val. 1.1). Магненций вначале служил протектором, а в 350 г. был уже комитом двух легионов (*Иовианов* и *Геркулианов*) (Zon. XIII.13; Zos. II.42.2). Элиан, служивший в 337–350 гг. в отряде *Супервенторов* либо *Превенторов* в звании протектора, в 359 г. имел уже чин комита и командовал обоими этими подразделениями (Amm. XVIII.9.3). Грациан Старший из протекторов дослужился до трибуната, а затем в звании комита командовал военными силами Африки, а после – Британии (Amm. XXX.7.3).

[27] *…Domesticos regens.*

[28] *…Domesticos tunc regente.*

[29] *Холмогоров В.И.* Указ. соч. С. 111. В VI в. доместики-протекторы утратили свое значение и превратились в церемониальные дворцовые войска, совершенно не связанные с армией. О том, что они представляли, сообщает Прокопий Кесарийский: «Есть во дворце и другие, пользующиеся намного большим почетом, лица, поскольку казна обычно выделяет им большее жалование на том основании, что и они платят больше за получение своего военного звания. Их называют доместиками и протикторами, и они издревле были не искусны в военных делах. Ибо они зачислялись в дворцовое войско единственно ради звания и внешнего блеска» (Procop. HA. XXIV.24–25. Пер. А.А. Чекаловой).

[30] *Холмогоров В.И.* Указ. соч. С. 112.

протекторов для армии В.И. Холмогоров оценил чрезвычайно высоко: «Таким образом, *domestici* и *protectores*, различаясь между собою только несколько более аристократическим составом первых, являлись лучшей, отборнейшей частью всей римской армии IV–V вв.; они составляли личную охрану императора, сопровождали его в походах, несли караулы во дворце, выполняли ответственейшие поручения и играли роль рассадника надежных командирских кадров для частей полевой армии… Доместики и протекторы, несомненно, составляли “офицерский корпус”, вместе с тем они не только были частью армии, но даже ее наилучшей, надежнейшей частью, на которую была возложена ответственная задача – охрана носителя верховной власти в империи»[31].

Именно эта штабная деятельность и наложила особый отпечаток на характер материала, собранного Аммианом. Н. Остин видит наглядное доказательство штабной деятельности автора *Res Gestae* в подробном описании наступательной операции, спланированной Юлианом против персов (XXIII.3.4). По мнению исследователя, сделать его мог только человек, хорошо понимавший суть проводимого маневра и обладавший информацией, которая позволила бы ему составить представление об общем ходе кампании[32]. Полевому офицеру было гораздо сложнее даже приблизительно изложить ход кампании, так как он был бы озабочен другими, более частными, проблемами[33].

Аммиан, несомненно, был кадровым военным и провел на службе около 10 лет. В тексте *Res Gestae* присутствуют многочисленные лич-

---

[31] *Холмогоров В.И.* Указ. соч. С. 112. Прим. 2.

[32] *Austin N.J.E.* Ammianus on Warfare: An Investigation into Ammianus's Military Knowledge. Bruxelles, 1979. P. 12–17.

[33] Согласно Н. Остину, деятельность Аммиана в звании доместика не ограничивалась участием в планировании военных операций, но включала в себя также проведение различных миссий разведывательного характера (*Austin N.J.E.* Op. cit. P. 13–14). В качестве доказательства он приводит рассказ о поездке Аммиана в контролируемую персами Кордуэну (359 г.), где будущему историку предстояло выяснить масштабы подготавливаемого Шапуром II вторжения на территорию империи (XVIII.6.20–23). Н. Остин отмечает, что в данном случае Аммиан исполнял роль секретного агента, ответственного за сбор информации, необходимой для подготовки обороны (Ibid. P. 14). По нашему мнению, этот пример не может однозначно указывать на какие-то особые функции Аммиана, поскольку ему предстояло всего лишь войти в контакт с сатрапом Иовинианом, тайно сочувствовавшим римлянам. Нет ничего удивительного в том, что для выполнения этой задачи был отправлен свитский офицер высокого ранга. Для сбора секретной информации на территории противника на службе у государства существовали специальные лица, которых сам Аммиан называет *emissarii* (Amm. XVI.9.3) или *speculatores* (Amm. XXVI.6.5). Вряд ли можно согласиться с Н. Остином, полагающим, что, когда в Галлии вспыхнул мятеж Сильвана, Аммиан был отправлен туда в свите магистра Урзицина (Amm. XV.5.21), исполняя функции «секретного агента» (ibid.). Это утверждение не имеет веских оснований: Аммиан сам говорит, что он был оставлен при Урзицине как один из самых молодых, и, следовательно, наименее опытных офицеров, поэтому он не мог обладать какими-то специфическими знаниями, что исключает выполнение им особых поручений.

ные свидетельства автора, оказавшегося по воле случая в эпицентре исторических событий. Он знает точные титулы офицеров и военачальников, приводит весьма ценные детали, касающиеся отдельных воинских частей. Война для него – это живая и повседневная реальность, офицеры – товарищи по оружию и он часто называет имена тех из них, кто отличился в сражении или пал в бою[34]. Аммиан никогда не стремится подробно рассказать об иерархии воинских званий или структуре подразделений: для него, в отличие от нас, подобные детали представлялись очевидными и не заслуживающими особого внимания. Вместе с тем его деятельность носила, как правило, штабной характер. Поэтому он мог быть некомпетентным во многих вопросах, непосредственно связанных со строевой службой. Этим, в частности, можно объяснить его весьма туманное описание метательных машин, которое он, к тому же, мог позаимствовать из других источников. Так, например, вполне вероятно, что описанная им «гелепола» – не более, чем теоретическая разработка, заимствованная из недошедшего до нас трактата императора Юлиана, посвященного военной механике[35].

---

[34] *Vogler Ch.* Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994). P., 1995. P. 389.

[35] О том, что Юлиан написал трактат о военных машинах, сообщает Иоанн Лидиец (Ioh. Lyd. De magistrat. I.47; *Sabbah G.* L'armée romaine… P. 34). Говоря о критике Аммиана Ф. Рейнсом, хочется отметить, что аргументы, приводимые исследователем в поддержку своей теории, часто кажутся непоследовательными, и иногда создается такое впечатление, что он сам не определился, какой точки зрения придерживается. Пытаясь доказать, что Аммиан отражал не реально происходившие события, а использовал литературные клише или прибегал к прямым заимствованиям из сочинений других историков, Ф. Рейнс останавливает свое внимание на описании персидских погонщиков слонов, к правой руке которых были привязаны ножи с длинной рукояткой. Согласно утверждению Аммиана, в случае, если животное приходило в бешенство, переставало подчиняться приказам и кидалось на своих, погонщик должен был умертвить его, вонзив ему в шею свое оружие (XXV.1.15). По этому поводу Ф. Рейнс замечает следующее: «Аммиан определенно вспоминает хорошо известный пассаж Ливия (XXVII.49.1–2), рассказывающий о схожей уловке, примененной Гасдрубалом перед битвой при Метавре; параллелизм в лексике обоих пассажей намекает на то, что Аммиан сознательно подражает здесь Ливию. Конечно, так называемое "нововведение", описываемое Аммианом, не повторяется в его рассказе и даже в каком-либо более позднем сочинении, относящемся к этим событиям» (*Рейнс Ф.* Боевые слоны… С. 18). Отметим, что в данном случае Аммиану совсем не обязательно было прибегать к заимствованию из труда предшественника. Одинаковые обстоятельства провоцируют одинаковые действия. Каким другим способом можно было остановить разбушевавшегося слона? К тому же оба описания, совпадая в главном, сильно разнятся в деталях: Аммиан сообщает о длинных ножах, в то время как карфагеняне, согласно Ливию, использовали долото и молоток (XXVII.49.1). Трудно утверждать однозначно, был ли Гасдрубал действительно изобретателем способа, описанного Ливием. На наш взгляд, более правдоподобно предположение П.Д. Арманди, считающего, что, несмотря на авторитетность римского историка, на Востоке этот приём был в ходу во все време-

Относительно терминологической неточности можно сразу же сказать, что в большинстве случаев она вызвана не особенностями стиля Аммиана, а вполне объективными причинами. Как отмечает В.И. Холмогоров, это явление характерно не только для *Res Gestae.* «Крайняя сбивчивость, неясность и подчас даже противоречивость военной терминологии» свойственны большинству позднеантичных источников, в том числе и документам официального характера, таким как Кодекс Феодосия или *Notitia dignitatum*. Не учитывая эту особенность, мы легко можем встать на путь «совершенно произвольных обобщений»[36].

Аммиан постоянно использует традиционную для римской армии военную терминологию и часто упоминает о легионах, ауксилиях, когортах, центуриях, манипулах и турмах. Однако текстологический анализ показывает, что значение их в IV столетии было уже не тем, что прежде. Это, в частности, касается термина «легион» (*legio*).

Legio в I–II вв. – это основное подразделение римской армии численностью около 5500 солдат, набиравшееся исключительно из римских граждан[37]. Значение термина заметно меняется в позднеримскую эпоху. Для Аммиана *legio* это уже обобщенное название любого подразделения римской пехоты. Поэтому он может назвать легионами воинские части, которые, согласно данным *Notitia dignitatum*, этого статуса не имели. Так, например, он упорно именует легионами *Иовиев* и *Викторов* (XXV.6.3; XXVI.7.13; XXVII.8.7), упоминает даже об их орлах, являвшихся штандартами исключительно легионов (XXVI.7.17); тем не менее *Notitia* определяет эти подразделения как *auxilia palatina*[38]. В битве при Аргенторате (357 г.), когда римская конница стала отступать, она, по словам Аммиана, была прикрыта «легионами» (XVI.12.37)[39]. Однако римский боевой строй в этом сражении образовывали по большей части отряды *auxilia*: Аммиан называет *Корнутов* и *Бракхиатов*, которые сначала приняли удар наступавших аламаннов, а затем на помощь им подошли *Батавы* и *Регии*. Из всех этих подразделений только *Регии* были легионом (ND. Oc. V.80 = 229 = 32). После гибели Юлиана во время персидского похода для выбора нового императора, согласно Аммиану, были приглашены командиры легионов и турм (*Amm.* XXV.5.1)[40]. Если в этом случае «легионы» — это только легионы, то тогда возникает вопрос, куда же девались ауксилии? Ведь нам хорошо известно, что в восточном походе участвовало боль-

---

на (*Арманди П.Д.* Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия. СПб., 2011. С. 230. Прим. 171).

[36] *Холмогоров В.И.* Указ. соч. С. 35.

[37] *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, С. Хромовой. М., 2001. С. 207; *Cascarino G.* L'esercito... P. 29.

[38] *Iovii*: ND. Or. XXXIX.21; Oc. V.23 = 168 = VII.16; V.36 = 184 = VII.42; Oc. V.64 = 212 = VII.76; *Victores*: ND. Or. XXXIX.21; Oc. V.22 = 63; 18; Oc. VII.17; V.37 = 185 = VII.126.

[39] ...*Gremio legionum protecti fixerunt integrato proelio gradum.*

[40] ...*Advocatisque legionum principiis et turmarum.*

шое количество ауксилий, и прежде всего это касается галльских частей, провозгласивших Юлиана императором. Очевидно, что без командиров западных подразделений никакого избрания императора произойти не могло. Естественно предположить, что Аммиан говорит не о трибунах легионов и турм, но о трибунах пехотных и кавалерийских подразделений.

В IV столетии давно утратил свой прежний узкоспециальный смысл и термин *turma*. В период принципата турмами называли эскадроны из 30 всадников, декуриона и опциона (всего 32 чел.)[41]. Для Аммиана это кавалерийские отряды независимо от их типа (XVI.12.7; XVIII.6.16; 9.4)[42]. Численность таких подразделений составляет 350–500 всадников[43]. Это могли быть не только римские эскадроны, но и германские (XV.4.9) или персидские (XXIII.3.4; XXV.1.4).

Таким образом, значительная часть терминологических «неточностей», с точки зрения традиционной римской военной организации, объясняется реалиями эпохи, а не некомпетентностью автора *Res Gestae*. В некоторых случаях, как полагает Э. Нишер, определяющую роль могло сыграть стремление Аммиана разнообразить свою манеру изложения[44]. Подобное мнение представляется вполне обоснованным, поскольку и сам Аммиан призывает грядущих продолжателей его исторического труда «придать языку более высокий стиль» (XXXI.16.9)[45]. Именно о красоте стиля заботился Аммиан, работая над своим сочинением. Поэтому, чтобы избежать повторений в тексте одних и тех же терминов, он старался заменять их словами, имеющими для него синонимичное или близкое значение[46].

Вместе с тем приведенные выше примеры с «пешими турмами» и «конным легионом» требуют отдельного объяснения. Возможно, что неожиданное появление в данном контексте слов *turma* и *legio* было вызвано определенными особенностями работы Аммиана со своими источниками, а также спецификой самих этих источников. При написании заключительной части *Res Gestae* (книги с 26 по 31) Аммиан вполне мог воспользовался неким не сохранившимся греческим текстом и его ошибка обусловлена переводом греческих терминов на латинский язык.

---

[41] *Cascarino G.* L'esercito Romano. Armamento e organizzatione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini, 2008. P. 102–103.

[42] *Grosse R.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. B., 1920. S. 48.

[43] *Банников А.В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2010. С. 143.

[44] *Nischer E.C. von.* Die Quellen für das spätrömische Heerwesen // AJPh. 1932. Vol. 53. S. 25–27.

[45] *…Procudere linguas ad maiores moneo stilos.*

[46] Например, в эпизоде с наказанием нескольких кавалерийских отрядов, проявивших трусость при столкновении с противником, Аммиан последовательно использует термины «*numerus*», «*turma*» и даже «*vexillatio*» (который у него в тексте встречается первый и последний раз), хотя ясно, что речь идет о кавалерийских подразделениях одного и того же типа (Amm. XXV.1.7–9).

Как известно, для обозначения подразделений римской армии употреблялись различные греческие термины: στρατόπεδον, ἴλη, τάγμα, σπεῖρα. Значение трех первых на протяжении I–II вв. н.э. практически не менялось. Слово στρατόπεδον значило «легион», ἴλη – «эскадрон», σπεῖρα – «когорта». Последний же термин, τάγμα, имел в греческом языке весьма расплывчатое значение, претерпевшее с течением времени существенные изменения. Применительно к римским воинским частям τάγμα – это манипул, когорта, легион и даже кавалерийский отряд.

Рассказывая об организации легиона, Полибий называет тагмами манипулы, и пишет, что каждый из них имеет в своем составе двух офицеров, в случае необходимости замещающих друг друга (*Polyb.* VI.24.7)[47]. Дионисий Галикарнасский употребляет это слово в отношении легионов; согласно его утверждению, после убедительной речи перед народом консула Валерия для войны с вольсками было сформировано десять легионов (VI.42.1)[48]. Это далеко не единственный пример использования данного термина в подобном значении (IX.5.1)[49].

Тот же самый смысл имеет слово τάγμα и у некоторых других греческих авторов[50]. В частности, Страбон называет τάγματα три легиона, которые император Тиберий послал нести службу в недавно покоренных землях кантабров (*Strabo* III.3.8)[51]. В том же значении τάγμα часто встречается у Плутарха. Плутарх, описывая в жизнеописании Брута диспозицию первой битвы при Филиппах, сообщает, что свой лучший легион (τάγμα) во главе с Мессалой Кассий специально поставил на правом фланге, где командующим был Брут (*Plut.* Brut. 40.6)[52]. У Иосифа Флавия прослеживается вполне определенная закономерность использования греческих терминов для обозначения римских подразделений: легион – τάγμα (*Ios. Fl.* BI. II.66; 67)[53], когорта – σπεῖρα (*Ios. Fl.* BI. I.301, 323; II.500; III.67), кавалерийское подразделение – ἴλη (*Ios. Fl.* BI. II.544; III.97; VII.225).

Принципиально важное уточнение, касающееся значения слова τάγμα, мы находим у Кассия Диона. Историк говорит, что у Марка Аврелия была *тагма*, все бойцы которой происходили из Мелитены и были христианами. При этом он поясняет, что римляне называют тагмы легионами (*Cass. Dio.* LXXII.9.3)[54].

---

47 Δύο δὲ καθ' ἕκαστον τάγμα ποιοῦσιν ἡγεμονα εἰκότως.

48 Καὶ γίνεται δέκα στρατιωτικὰ τάγματα, ἐξ ἀνδρῶν τετρακισχιλίων ἕκαστον.

49 Δύο μέν ἑκάτερος ἄγων Ῥωμαίων τάγματα.

50 *Горончаровский В.А.* К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мнемон Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2010. Вып. 9. С. 296.

51 Τιβέριος τριῶν ταγμάτων στρατιωτικὸν ἐπιστήσας τοῖς τόποις.

52 Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τοῦτο Κάσσιος ἔδωκε, καὶ τῶν ταγμάτων τὸ μαχιμώτατον ἔχοντα Μεσσάλαν ἐκέλεισεν ἐπὶ τοῦ δεξιοῦ καταστῆναι.

53 Οὐάρῳ δὲ δεξαμένῳ τὰ παρὰ Σαβίνου καὶ τῶν ἡγεμόνων γράμματα δεῖσαί τε περὶ τοῦ τάγματος ὅλου παρέστη καὶ σπεύδειν ἐπὶ τὴν βοήθειαν; ἀναλαβὼν δὴ τὰ λοιπὰ δύο τάγματα καὶ τὰς σὺν αὐτοῖς τέσσαρας ἴλας ἱππέων ἐπὶ Πτολεμαΐδος ᾔει.

54 Τάγμα ἦν τῷ Μάρκῳ καλοῦσι δὲ τὸ τάγμα οἱ Ῥωμαῖοι λεγεῶνα τῶν ἀπὸ Μελιτηνῆς στρατιωτῶν

Зосим, использовавший для написания своего труда источники IV в.[55], делит всю римскую пехоту на τάγματα, состоявшие из римлян, и такие же отряды, состоявшие из варваров (*Zos.* IV.7.1). Однако в середине IV в. подобное значение воспринималось, вероятно, как устаревшее. Об этом прямо говорит Созомен, утверждая, что римские легионы (τάγματα), в современную ему эпоху стали называться «числами» (ἀριθμοί) (*Zos.* I.8.35).

Термин *тагма* все чаще применяется для обозначения кавалерийского подразделения. Возможно, это было непосредственно связано с возрастанием в позднеримской армии роли кавалерии. Уже у Юлиана τάγμα – это отряд, как пехоты, так и кавалерии. В действительности, в этом нет ничего парадоксального: например, ещё Полибий использует это слово в значении кавалерийского подразделения (*Polyb.* III.102.1)[56]. Тенденция обозначать римский кавалерийский отряд словом τάγμα сохраняется и в дальнейшем. Это приводит к тому, что термин приобретает узкоспециальное значение и в конце VI в. τάγμα – византийское кавалерийское подразделение численностью 200–400 всадников[57].

Итак, мы приходим к выводу, что время, когда жил Аммиан, было эпохой активного изменения греческой военной терминологии. Наряду с появлением новых терминов, традиционные термины приобретали несвойственные им ранее значения. Вероятно, именно этот факт стал причиной «ошибок», допущенных Аммианом. В первом случае историк переводит на латынь греческую фразу, которая, по нашему мнению, могла выглядеть следующим образом: ἱππέων καὶ στρατιωτῶν τάγματα. Стремясь к благозвучию и красоте языка и желая сохранить структуру фразы оригинала, где при одном существительном стоят два несогласованных определения, Аммиан вместо того, чтобы использовать различные латинские термины для перевода слова τάγμα, один из которых обозначал бы пехотное подразделение, а другой кавалерийское, воспользовался словом *turma,* возможно, потому, что греческое ἱππέων (всадников) было на первом месте.

В эпизоде с царем Папом, как нам представляется, в греческом тексте также стояло слово τάγμα, в значении кавалерийский отряд. Однако по той причине, что оно находилось достаточно далеко от упоминания об армянских всадниках, смысл его мог быть неясен; по-

---

[55] *Болгов Н.Н.* Зосим – «последний эллин» // ПИФК. 2007. Вып. 17. С. 527.

[56] Εἶχε γὰρ τὰς πλείστας ἐλπίδας τῆς αὐτοῦ δυνάμεως ἐν τῷ τῶν ἱππέων τάγματι.

[57] Автор «Стратегикона» настаивает на том, чтобы кавалерийские подразделения-тагмы были различной численности, для того чтобы противник не мог рассчитать численность всего войска по количеству знамен. Таким образом, обычная численность для тагмы была равна 300 человек, однако тагмы могли быть малого состава без знамени и большого состава с двумя знаменами. Поэтому реальная численность тагм варьировалась от 200 до 400 всадников (Maur. Strat. I.4; II.20) (*Осарес Ф.* Византийская армия в конце VI века (по «Стратегикону» императора Маврикия) / Пер. с франц. А.В. Банникова. СПб., 2007. С. 34.

этому Аммиан при переводе его на латынь сохранил за ним старое, традиционное значение – *legio*.

Наконец, относительно неточности в названиях воинских частей следует заметить, что этот факт нами установлен только благодаря такому уникальному документу как *Notitia dignitatum*. Кто знает, в чем можно было бы упрекнуть авторов эпохи принципата, если бы до нас дошел подобный документ, составленный в I–II вв.

Е.А. Мехамадиев

МАВРИТАНСКАЯ КАВАЛЕРИЯ И ПОЗДНЕРИМСКАЯ ПОЛЕВАЯ АРМИЯ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЙСКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ *ARMIGERI*

В 16-м томе коллекции оксиринхских папирусов под номером 1888 был опубликован финансовый документ, дающий нам важные сведения относительно истории размещения и территориальных передвижений нескольких войсковых соединений с наименованием Armigeri, широко представленных в тексте западного списка Notitia Dignitatum. Папирус датирован 488 г. и в этом смысле позволяет определить характер реорганизации армии и военных реформ, проведённых в Проконсульской Африке в период после окончательной редакции и составления западного списка ND в 419–425 гг.[1] В тексте папируса содержится предписание, выданное на имя одного из чиновников из канцелярии наместника Фиваиды, о предоставлении анноны солдатам, служившим в составе военного отряда Armigeri и разместившимся в Оксиринхе:

Φοιβάμμων κ[ό]μες /
π[α]ράσχο[υ] τοῖς [γεννα]ιωτάτ(οις) στρατ(ιώταις)

---

[1] М. Куликовский предположил, что в своей основе западный и восточный списки Notitia Dignitatum представляли собой единый документ, подготовленный в 392–394 гг. в канцелярии императора Феодосия I в Константинополе, и в 394 г. перенесённый в Северную Италию в рамках похода Феодосия против западноримского узурпатора Евгения. Впоследствии, как полагает исследователь, в западный список вплоть до 419 г. вносились различные дополнения как в области военных, так и гражданских должностей. См.: *Kulikowski M.* The «Notitia Dignitatum» as a Historical Source // Historia. 2000. Bd. 49. Hft. 3. P. 372–374, 375. N. 69. Из относительно новых работ, в которых составление оригинала западного списка (и особенно V и VII глав) датируется периодом регентства Стилихона (395–408 гг.), а окончательная редакция отнесена к 416 г. (когда военный магистр Флавий Констанций восстановил контроль над Британией и Галлией), см.: *Seibt W.* Wurde die «Notitia Dignitatum» 408 von Stilicho in Auftrag gegeben? // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1982. Bd. 90. Hft. 3/4. S. 342–346; *Ward J.H.* The Notitia Dignitatum // Latomus. 1974. Vol. 33. Fasc. 2. P. 423, 426; *Mann J.C.* The Notitia Dignitatum – Dating and Survival // Britannia. 1991. Vol. 22. P. 215–219. Э. Демужо, Д. Хоффманн и Г. Клементе, тем не менее, придерживались более традиционных версий о времени составления западного списка, возводя его происхождение в качестве *завершённого и полностью оформленного* документа именно к 423–425 гг.: *Demougeot Em.* La Notitia Dignitatum et l'histoire de l'Empire d'Occident au début du ve siècle // Latomus. 1975. Vol. 34. Fasc. 4. P. 1093; *Clemente G.* La «Notitia Dignitatum». Cagliari, 1968. P. 59–60; *Hoffmann D.* Das spätrömische Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. I. S. 60.

τῶν ἀρμιγέρων ἐλθ(οῦσιν) ἐνταῦθα μετὰ τοῦ / μεγαλοπρ(επεστάτου) ἄρχ(οντος) Ἰωάννου ἀπ[ὸ στρα]τ(ιωτῶν) κε / [ἡμῶ]ν μέρ(ει) στρατ(ιωτῶν) ἀ[πὸ δὲ μερ(ῶν) ἄλλων τριῶν στρατ(ιώταις) ἄρτων λίτρας εἴκοσι τέσσαρας, γί(νονται) ἄρτων λί(τραι) κδ μό(ναι). / [(ἔτους) α]ϛ[ϵ] ρλδ Θὼθ κη ἰνδικ(τίονος) ιβ

(P. Oxy. Vol. XVI. P. 94–95. № 1888).

Комит Фойбаммон.

Ты должен предоставить продовольствие самым доблестным воинам Армигеров, прибывшим сюда вместе с самым величественным наместником Иоанном, от 25 воинов отряду наших воинов, а от воинов трех других отрядов шести воинам 24 фунта хлеба, всего в итоге только 24 фунта хлеба.

В год 167 134 28-го Тота 12-го индикциона.

Издатели папируса Б.П. Гренфелл и А.С. Хант предположили, что воины *Armigeri*, упоминаемые во второй строке документа, представляли собой отряд телохранителей (букелляриев), входивших в состав частных войск «знатных и высокопоставленных чиновников»[2]. Несомненно, с начала V в. многочисленные источники, как нарративные (Олимпиодор, 1-я пол. V в.), так и эпиграфические (Corinth VIII. Pt. 1. No. 207; AE. 1995.1433), упоминают о существовании корпусов букелляриев, непосредственно подчинявшихся наместникам провинций и находившихся под их военным командованием. Во многих папирусах засвидетельствовано наличие в составе военных сил Египта второй половины V–VI вв. отрядов букелляриев, приближавшихся по правовому статусу к частным армиям крупных землевладельцев и чиновников провинциальной администрации[3].

Более того, источники по Западной Римской империи (Проспер Аквитанский, Августин, Сидоний Аполлинарий) также свидетельствуют об участии в военных кампаниях середины V в. отрядов букелляриев, не входивших в состав регулярных военных сил и подчинявшихся только влиятельным военным магистрам и другим представителям командного состава западноримской армии[4]. Но можем ли мы отождествить с нерегулярными частными отрядами соединение Армигеров из цитированного выше папируса? Подчеркнём, что в Notitia Dignitatum, которая, как уже говорилось, была составлена как единый и завершенный документ около 420 г., т.е. примерно за 60 лет до оксиринхского папируса, упоминается значительное количество подразделений с наименованием Armigeri, при этом несколько отрядов фигурируют в главе по полевой армии Северной Африки. Важность этого факта состоит в том, что в Notitia указаны только регу-

[2] The Oxyrhynchus Papyri. Pt. XVI. L., 1924. P. 94–95.

[3] См. подробный анализ папирологических свидетельств эпохи Юстиниана в статье Ж. Гаску, где он приходит к новым выводам относительно функционального назначения букелляриев и их роли в социальной структуре общества ранневизантийского Египта: *Gascou J.* L'institution des bucellaires // BIFAO. 1976. Vol. 76. P. 143–156.

[4] См.: *Diesner H.-J.* Das Buccelariertum von Stilicho und Sarus bis auf Aetius (454/455) // Klio. 1972. Bd. 54. S. 324, 331–332, 340, 349.

лярные соединения позднеримской армии, не принадлежавшие к частным войскам чиновников и землевладельцев. Это значит, что уже к началу V в. соединения *Armigeri* носили характер регулярных боевых отрядов, и, как нам представляется, именно в таком качестве они продолжали существовать и в последующий период, вплоть до 488 г.

Поскольку из папируса ясно следует, что подразделение Армигеров в 488 г. дислоцировалось в Оксиринхе (ἐνταῦθα – «здесь», «сюда»), мы можем сделать вывод, что к этому времени многие войсковые соединения с наименованием *Armigeri*, обозначенные в западном списке ND в пределах соседней с Египтом Проконсульской Африки (*Armigeri* propugnatores seniores и iuniores – ND. Occ. VII. 142–143, Equites armigeri seniores и iuniores – ND. Occ. VII. 184, 198), были переведены в Египет и размещены, скорее всего, в Нижнем Египте, подотчётном власти военного комита. Совершенно очевидно, что войска Armigeri («оруженосцы»), о которых идёт речь в папирусе, не имеют отношения к подразделениям местной пограничной армии Египта, поскольку в восточном списке ND, составленном, по мнению К. Цукермана, в 401 г. и отражающем применительно к главам по Египту период не ранее 399 г.[5], не упоминаются соединения *Armigeri* в составе военных сил позднеримского Египта.

Это значит, что в 399–401 гг. отряды *Armigeri* ещё не были расположены в египетских провинциях Восточной Римской империи, и их перевод из каких-либо других восточноримских провинций вряд ли был возможен – с 297/8 гг., когда Диоклетиан подавил восстание наместника Египта Домиция Домициана, военная организация этой провинции более не претерпевала каких-либо серьёзных изменений и реорганизаций, связанных с переводом и размещением новых войсковых соединений[6]. Египетские провинции не нуждались в пополнении своих военных сил, поскольку с конца III в. и вплоть до арабского завоевания середины VII в. источники не упоминают о новых восстаниях и мятежах со стороны гражданской или военной администрации – наоборот, в IV в. Египет сам служил в качестве источника рекрутирования солдат, пополнявших кадровый состав ближневосточных гарнизонов и легионов[7]. Следовательно, перевод

---

[5] *Zuckerman C.* Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis // Antiquité Tardive. 1998. Vol. 6. P. 143–144, 146. Аргументом для исследователя послужила динамика изменений титулов военного комита Египта, установленная на основе анализа папирологических документов – до 399 г. комит Египта носил звание vir clarissimus, в то время как в 399 г. папирусы впервые фиксируют его в более привилегированном и высоком ранге vir spectabilis, с которым этот офицер фигурирует и в тексте восточного списка Notitia.

[6] Подробнее о военных мероприятиях Диоклетиана в Египте в период 298–300 гг. см. статью А.К. Боумана, в которой он разбирает содержание 2-го Паноплитанского папируса из дублинской коллекции: *Bowman A.K.* The Military Occupation of Upper Egypt in the Reign of Diocletian // BASP. 1978. Vol. 16. P. 25–38.

[7] См. детальный анализ папирологических свидетельств об отправке египетских рекрутов в Сирию в 341, 347 и 369 гг. в статье К. Цукермана (Two re-

отрядов *Armigeri* в Египет в V в. мог быть вызван только обстоятельствами внешнеполитического характера, а именно – военными экспедициями восточноримской армии в пределы западноримских провинций, к которым принадлежала и Проконсульская Африка.

Наши источники (Прокопий Кесарийский, Эвагрий Схоластик, Феофан, Иоанн Зонара) ясно свидетельствуют, что единственной военной экспедицией восточноримской армии в пределах Проконсульской Африки, где располагались войска Armigeri, была кампания военного магистра Флавия Ардабура Аспара, отправленного в 431 г. в Северную Африку для оказания помощи ее наместнику Бонифацию, боровшемуся с вандалами[8]. Применительно к данному сюжету мы располагаем важными сведениями о продолжительности пребывания Ардабура и его армии в Северной Африке – Проспер Аквитанский сообщает, что в год, когда Ардабур был назначен консулом (434 г.), он находился в Карфагене и именно там получил этот титул (*Nostris quoque temporibus, Aspero VI cos. Carthagini constitute* – Liber de promiss. et praedict. Dei. P. IV.6.9 // PL. 51. Col. 841). Мы можем предположить, что именно в этот период (431–434 гг.) Ардабур включил в состав своей восточноримской армии многие войсковые соединения, ранее входившие в состав полевой армии Проконсульской Африки, столицей которой был Карфаген. Среди этих подразделений могли находиться и отряды *Armigeri*, переведённые в Египет по приказу того же Ардабура – Северная Африка была отдана на разграбление вандалам и окончательно потеряла административную связь с Западной Римской империей, в то время как восточноримское правительство, очевидно, было обеспокоено вандальской угрозой и поэтому посчитало необходимым перевести в Египет для защиты провинции те соединения, которые остались в Северной Африке после эвакуации основных сил западноримской полевой армии в Италию в 432 г.

Более того, следует отметить, что в латинской надписи из Нумидии, опубликованной в 1909 г., упоминается о сооружении отрядом Армигеров вотивного христианского памятника (ILCV. 527 = 2085 = AE. 1909. 120: *Me(mo)ria armigerorum / botum(!) conplebit(!) D(e)og(ratia)s*) – этот факт позволяет утверждать, что к моменту сооружения монумента указанное соединение размещалось в Нумидии на постоянной основе, поэтому совершенно не исключено дислоцирование в 431–434 гг. Армигеров и в пределах соседней Проконсульской Африки, где проходили военные действия с вандалами. Тем не менее возникает вопрос, что представляли собой подразделения *Armigeri* по кадровому составу и каков был источник их происхождения – в конечном счёте, мы должны определить их правовой статус и положение в системе позднеримской военной иерархии. В этом смысле ценнейшим источником для нас выступает латинская надпись из муниципия Русгуния

---

forms of the 370s: recruiting soldiers and senators in the devided Empire // REB. 1998. Vol. 56. P. 79–139, особенно p. 101 со ссылкой на W. Chr, n. 169).

[8] См. биографию Фл. Ардабура Аспара со ссылками на источники: PRLE II (Fl. Ardabur Aspar). P. 164–169.

(Rusguniae) в Мавритании Цезарейской, опубликованная в CIL. VIII.9255 = ILCV.1822:

> *De sancto ligno crucis Christi salvatoris adlato / adq(ue) hic sito Flavius Nuvel ex praepositis eq(u)itu/m armicerorum iunior(um) filius Saturnini viri / perfectissimi ex comitibus et Coliciae honestissima/e feminae pronepos Eluri Laconiq(ue) basilicam voto / promissam adq(ue) oblatam cum coniuge Nonni/ca a suis omnibus dedicavit*

В CIL VIII (P. II. Inscriptiones Mauritaniarum. P. 793) издатель Г. Виллманс предположил, что Regulus Maurorum Nubel nominantur apud Ammianum 29.5.2 («Царь мавров Нубель упоминается у Аммиана: 29.5.2), основываясь на сходстве имен, фигурирующих в надписи (FLAVIUS NVVEL из 2-й строки документа) и в тексте Аммиана, действительно отмечающего в указанном пассаже, что Нубель был «одним из самых могущественных царей мавров» (Nubel velut regulus per nationes Mauricas potentissimus). Ж. Менаж в 1913 г. предпринял попытку доказать, что идентификация царя Нубеля с препозитом Нувелем из надписи не соответствует реалиям, представленным у того же Аммиана: 1) Нувель из латинской эпитафии происходил из романизированной семьи, в которой как дед (Элур Лакон), так и отец Нувеля (Сатурнин) носили латинские имена, а сам Нувель имел когномен *Flavius*, что определённо свидетельствует в пользу начала его военной службы в эпоху Константина. В то же время Нубель Аммиана, как полагает Ж. Менаж, происходил не из романизированной мавританской знати – его сын Фирм был единственным представителем знатного рода, носившим латинское имя, в то время как другие дети Нубеля (Саммах, Гильдо, Мисцезел) носили имена исключительно местного происхождения; 2) Нувель из рассматриваемой надписи был христианином, жившим в моногамном браке (согласно надписи, вместе с женой и детьми он соорудил на свои средства небольшую базилику – *basilicam voto / promissam adq(ue) oblatam cum coniuge Nonni/ca a suis omnibus dedicavit)*, в то время как Нубель Аммиана в духе языческих традиций имел большой гарем вместе с детьми от своих многочисленных наложниц, помимо детей от законного брака (наследников его власти); 3) наконец, Ж. Менаж отмечает, что Нувель из надписи был сыном комита в звании *vir perfectissimus*, состоявшего на службе в римской армии, в то время как Нубель Аммиана носил только один титул – царь мавров, т.е. его власть ограничивалась исключительно функциями племенного вождя[9].

Г. Камп считает эту аргументацию неубедительной: по его мнению, Ж. Менаж забывает, что сам Нувель из посвятительного монумента в Русгунии носил местное, африканское, имя, также как и его жена Монника; Г. Камп опровергает и тезис Ж. Менажа относительно языческих верований царя мавров Нубеля – латинская надпись из города Джаман-Сахаридж в Алжире, опубликованная в CIL. VIII. 9011 и

[9] *Mesnage J.* Le Christianisme en Afrique: Origine, Développements, Extension // Revue Africaine. 1913. Vol. 57. P. 603–604.

перепечатанная в редакции С. Гзелля в ILCV. 41, упоминает Нубеля и Фирма, посвятивших христианскому Богу этот вотивный памятник: *Spes in [nom(ine) d]ei / per te Nu[b]el / ista videmus / firme possideas / cum tuis b(onis) b(ene)*. Учитывая географическую близость Русгунии и Джаман-Сахариджа, где размещалась резиденция царя Фирма, Г. Камп приходит к выводу о возможности идентификации препозита Нувеля с царём Нубелем[10]. Чтобы решить этот вопрос, нужно проанализировать военно-организационный контекст: И. Модеран, как нам кажется, без должных оснований предположил, что Нувель из надписи «командовал корпусом римских войск, *equites armigeri iuniores*, известным по *Notitia Dignitatum*»[11]. Можем ли мы отождествить войсковой корпус *equites armigeri iuniores* с римскими регулярными войсками, входившими в состав региональной полевой армии? И принадлежали ли *equites armigeri iuniores* на момент возведения посвятительного монумента из Русгунии к экспедиционной армии *comitatenses*?

Очевидно, сам препозит Нувель происходил из мавританской племенной знати, представители которой получали римские государственные должности (*ex comitibus*), но, тем не менее, трудно представить, что император Константин, в эпоху которого, судя по имени *Flavius*, начал военную службу Нувель (более вероятно – его отец, передавший по наследству своему сыну когномен *Flavius*), мог доверить командование над отрядом недавно созданной полевой армии Северной Африки представителю мавританской знати, известной своей политической неустойчивостью[12].

---

[10] *Camps G.* Rex Gentium Maurorum et Romanorum. Recherches sur les royaumes de Maurétanie des VIe et VIIe siècle // Antiquités Africaine. 1984. Vol. 20. P. 185.

[11] *Modéran Y.* Gildon, les Maures et l'Afrique // MEFR. 1989. Vol. 101. No. 2. P. 840–841.

[12] Закон, изданный Константином 1 августа 321 г., удостоверяет пребывание третьего легиона Августа именно в Проконсульской Африке (CTh. IV.13.3) в качестве т.н. «городских воинов», противопоставленных по смыслу «воинам-стационариям», т.е. гарнизонам пограничных крепостей: Idem a. Menandro. Rusticanos usibus propriis vel culturae ruris necessaria revehentes vectigal exigi non sinimus: capitali poena proposita *stationariis* et *urbanis militibus* et *tertiis augustanis*, quorum avaritia id temptari firmatur (курсив наш). Некий Менандр, на имя которого был направлен данный закон, определённо принадлежал к числу чиновников Проконсульской Африки, поскольку в другом законе, направленном на его же имя, фигурируют проконсулы, президы и рационалы этой провинции: Idem a. Menandro… ita ut proconsules praesidesque et rationales *per universam africam* – CTh. XI.27.2 (322 г., курсив наш). «Житие Доната», карфагенского епископа и главы секты донатистов, названной по его имени, содержит упоминание о преследованиях приверженцев этой секты, организованных комитом Леонтием и дуксом Урзакием (Res apud Carthaginem gesta Caeciliano Eudinepiso tunc instante, assentiente Leontio comite, duce Ursacio, Marcellino tunc tribuno – Passio Donati, 2 // PL. Vol. 8. Col. 753). А.Х.М. Джонс и Дж.Р. Мартиндейл в первом томе «Просопографии Поздней Римской империи» датировали сведения Passio Donati 317/321 гг. – PRLE I (Ursacius 1), p. 984. Всё это свидетельствует, что уже к 321 г. в Северной Африке, с 312 г. перешедшей под контроль Константина, была создана самостоятельная полевая армия, обособленная от пограничных отрядов, возглав-

Необходимо подчеркнуть, что несколько эпиграфических памятников эпохи Константина сохранили сведения о вовлечении представителей мавританской племенной знати, союзной римской администрации, в строительство оборонительных сооружений в пределах Мавритании Цезарейской. В надписи из упомянутого выше города Джаман-Сахаридж мы встречаем сведения о некоем Марке Аврелии Масаисиле, «префекте племени», соорудившем на свои средства крепость (центенарий) в 328 г.: *M(arcus) Aurelius / Masaisilen (?) / ex pr(a)ef(ecto gentis) V cen/tenarium a fu/ndamenta su/is sum(p)t(i)bus fe/cit et dedicavit / p(rovinciae anno) CCLXXXVIIII*[13] . Интересно, что в том же Джаман-Сахаридже была обнаружена и посвятительная надпись Нубеля и Фирма – это говорит в пользу того, что в построенной в 328 г. крепости продолжала размещаться не только мавританская конница, но и резиденция самого вождя мавров. Очевидно, что по кадровому составу гарнизон центенария в Джаман-Сахаридже представлял собой именно мавританскую племенную кавалерию, но не римский регулярный отряд – об этом свидетельствует как имя посвятителя (Масаисил), так и его должность (префект племени), обозначенная в надписи. Наличие у данного персонажа значительных финансовых и земельных ресурсов для постройки крепости, тем не менее, служившей интересам римской обороны, свидетельствует в пользу принадлежности Масаисила к миру мавританской племенной аристократии.

В другой надписи (CIL. VIII.21531, исправленный P. Канья вариант: CIL. VIII.9725) упоминается ещё один племенной мавританский вождь – Марк Аврелий Васефан, обладавший титулом *vir perfectissimus* и построивший в 339 г. «в своем имении» крепость с помощью своих сыновей и племянников: *In his praedis M. Aureli Vasefanis v(iri) p(erfectissimi) castram sene/ cuiiusque commodum laboribus / suis filis nepo[t]ibus suis (h)abituris perfecit / Coepta nonas Febru[ar]ias.... [a]n. p. CCC.* Эта надпись уже определённо позволяет сделать вывод об активном привлечении мавританской племенной элиты к процессу административного управления в провинции Мавритании Цезарейской, но вряд ли мы можем говорить о регулярных войсковых соединениях римской армии, располагавшихся в данных крепостях и центенариях: А. Барберо отметил, что указанные в надписях персонажи были представителями местных семейных династий (как и в случае с Нувелем из надписи в Русгунии), обладавших крупными земельными владениями и время от времени мобилизующих племенное ополчение (*milizie*

лямых препозитами лимеса (*stationarii* из цитированного выше закона Константина); данная армия находилась под подчинением военного комита, ее основой был третий легион Августа, переведённый из Нумидии, а местом дислокации – провинция Африка Проконсульская.

[13] Цитируем по версии текста, впервые изданного в CIL VIII 9010, и восстановленного C. Гзеллем в Atlas archéologique de l'Algérie, f. 6, no. 97: *Leveau Ph.* L'aile II des Thraces, la tribu des Mazices et les praefecti gentis en Afrique du Nord // Antiquités africaines. 1973. Vol. 7. P. 184. № 57.

tribali) для службы как на стороне римской власти, так и в поддержку узурпаторов[14].

Мы полагаем, что данная характеристика как нельзя лучше подходит и к определению правового статуса отряда *equites Armigeri iuniores*, которым командовал Нувель – основываясь на надписи из Джаман-Сахариджа, упоминающей Нубеля и Фирма в качестве посвятителей христианского вотивного памятника, можно сделать вывод, что Нубель Аммиана и Нувель надписи из Русгунии действительно представляют собой одно и то же лицо. Нубель принадлежал, тем самым, к христианизированной и романизированной мавританской племенной элите, и его резиденция размещалась в той же крепости, которую в свое время построил префект Масаисил. А. Берберо справедливо отмечает, что племенные вожди, «более или менее романизированные», наделялись римской властью функциями командования, и подчинённые им войска рекрутировались из местных кочевых племен, сами же вожди получали титул префекта племени, увеличивая в глазах соплеменников свои престиж и влияние[15].

Следовательно, и отряд *Armigeri iuniores*, обозначенный в надписи из Русгунии, состоял именно из мавританской племенной конницы, находившейся на службе в римской армии на нерегулярной основе. Подтверждением этому, как нам кажется, может служить надпись из города Милиана (Алжир), в которой фигурирует солдат отряда *Armigeri* Аврелий Масукан – имя, даже по форме написания и звучанию выдающее берберское происхождение его носителя CIL. VIII. 9613:

M(arcus) Seleu[3] / Aurelius NVCFV / sierices armigero/rum Aureli Masuc/ani SVNPP pra(e)fectus / ENTIMADI / cum [

Необходимо подчеркнуть, что указанные в надписи войска *Armigeri* названы без дополнительного наименования *iuniores* («младшие»), предполагающего и существование «старшей» половины данного соединения (в ND. Occ., как говорилось выше, *Equites Armigeri* разделены на *iuniores* и *seniores*). Аврелий Масукан имел звание префекта, что вместе с его мавританским происхождением дает веские основания для идентификации *Equites Armigeri* с племенной мавританской кавалерией, навербованной по принципу ополчения. Поскольку, как говорилось выше, Нубель Аммиана и Нувель надписи относятся к одному и тому же персонажу, можно сделать вывод, что к 370 г., когда умер Нубель, *Equites Armigeri* были разделены на два небольших соединения, очевидно, равных по численности – *Equites Armigeri* iuniores и seniores. Это значит, что надпись CIL. VIII.9613 отражает тот период истории подразделения *Armigeri*, когда оно ещё не было раздроблено и в полном кадровом составе пребывало в одной из военных крепостей на мавританской границе.

---

[14] *Barbero A.* Immigrati, profughi, deportati nell' Impero Romano. Roma, 2006. P. 119–120.

[15] Ibid. P. 120.

Следовательно, возникает вопрос, когда именно *Equites Armigeri iuniores* и *seniores* вошли в состав римской полевой армии в Северной Африке и были повышены в ранге до вексилляций *comitatenses*, т.е. преобразованы в регулярные войсковые соединения. На данный вопрос мы можем ответить с позиций самих мавров, служивших в позднеримских пограничных крепостях в Триполитании (территория Северной Африки к востоку от Карфагена, прибрежная полоса совр. Ливии) и оставивших уникальные эпиграфические памятники – эпитафии, выбитые латинскими буквами, но по словарной структуре отражающие местный пунический (берберский) язык, относящийся к семитской языковой семье. В данном случае обратимся к двум надписям, в которых упоминаются должности трибунов, носителями которых были представители мавританских племён (очевидно, как и в случае с Марком Аврелием Масаисилом и Марком Аврелием Васефаном, они происходили из племенной знати), зачисленные на службу в римскую армию:

IRT 886a = AE 1951, 11a		IRT 889 = AE 1951, 10	
Текст	Английский перевод по изданию Р. Керра[16]	Текст	Английский перевод в версии Ч. Крахмалкова[17]
Flavi(us) Saich/am bn Ma/c(h)arcum Sonmo/n tribun/us bymy/siyrir ab/an Machrus useb	Flavius Saicham son of Macarcum [the] zonmon [the] tribune at the behest of Yriraban, Machruz erected [this stele]	FLABI DASAMA V VBINIM / MACRINE FELV CENTENARI BALARS / SVMARN A R SABARES/ AVN	Flavius together with Sama and his son Macrinus made this (centenarium). The chief artisan was Sumar, the retainer of Sabares our brother

Помимо представленных в таблице надписей, в сборнике «Римские надписи Триполитании» опубликованы тексты ещё четырёх надгробных монументов, в которых упоминаются трибуны мавританского (берберского) происхождения, что свидетельствует о широко распространённой практике наделения римскими военными должностями представителей местного населения: *IRT 886c – [Fla]vius Mac[a]rcu[m] / Macarcum tribunus, 886f – Iulius Nasif tribunus, 886i – Flavius Masin[th]an tribunus, 886k – Flavius Isiguari tribunus*. Из изложенных выше данных можно сделать вывод об определённых изменениях, произошедших со времени смерти Константина в организационных и институциональных аспектах взаимодействия римской власти и местной племенной знати. Если в эпоху Константина мавританская знать, представленная крупными землевладельцами, получала от римской администрации титулы префектов племени и вербовала военные отряды из своих соплеменников по принципу ополчения, то в более позднюю эпоху, когда имя *Flavius* было передано по наследству сыно-

[16] *Kerr R.M.* Latino-Punic epigraphy. A descriptive study of the inscriptions. Tübingen, 2010. P. 170.

[17] *Krahmalkov Ch.R.* A Reinterpretation of the Neo-Punic Inscription IRT 889 from Roman Tripolitania // Journal of the American Oriental Society. 1973. Vol. 93. No 1. P. 62.

вьям этих префектов, представители нового поколения местных влиятельных семей получали уже ранг трибуна, а подчинённые им отряды преобразовывались в постоянно действующие соединения римской армии.

Следует подчеркнуть, что в цитированных выше надписях Васефана, Масукана и Масаисила все эти персонажи обозначены с когноменом *Aurelius*, что указывает на связь с периодом императора Диоклетиана, обладавшего этим родовым именем – несмотря на датировку надписей (328 и 339 гг.), падающих на время единоличного правления Константина и его сына Константа (применительно к Северной Африке), мавританские вожди продолжали носить в своих именах гентилициум *Aurelius*, в то время как наличие имени *Flavius* у четырёх трибунов определённо свидетельствует в пользу более позднего периода. Важно обратить внимание, что в надписи IRT. 889 мавры фигурируют в качестве семьи, которая на свои средства соорудила форт – центенарий. И вновь, как и в случае с эпитафиями IRT 886c-k, берберы носят когномен *Flavius*, что указывает на условный период после 339 г. (самая поздняя по времени эпитафия, упоминающая племенного вождя с именем *Aurelius*).

Применительно к вопросу о правовом положении и ранге этих племенных отрядов, возглавляемых трибунами, в системе позднеримской военной иерархии, учреждённой самим Константином, мы можем согласиться с Б. Уормингтоном, отметившим, что в IV в. представители местных кочевых племён широко зачислялись в состав регулярных римских пограничных соединений *limitanei* – по его оценкам, к началу IV в. все лимитаны пополнялись исключительно из местного населения берберского происхождения[18]. Конечно, вряд ли выглядит оправданным распространение мавританского происхождения на все пограничные подразделения регулярной римской армии в Северной Африке, но совершенно определённо, что первым этапом институционализации племенного ополчения мавров (*milizie tribali*, по выражению цитированного выше А. Барберо) и его инкорпорирования в римскую военную организацию Северной Африки было преобразование частных отрядов крупных землевладельцев в регулярные и постоянные соединения *limitanei*, а самих племенных вождей – в трибунов, т.е. «римских» офицеров, подчинённых уже провинциальной администрации и военному командованию в лице дукса.

Р.Г. Гудчайлд, первым опубликовавший цитированные в таблице ливийские надписи из селения Бид-эль-Дредер, отметил, что имя Flavius было распространено «среди полуроманизированных limitanei триполитанской пограничной зоны», а званием трибуна наделялись «начальники варварских отрядов, служивших в римской армии»[19], но исследователь, как нам кажется, не ставит вопрос, всегда ли эти от-

---

[18] *Warmington B.H.* The North African provinces from Diocletian to the Vandal conquest. Cambr., 1954. P. 25.

[19] *Goodchild R.G.* The Latino-Libyan inscriptions of Tripolitania // The Antiquaries Journal. 1950. Vol. 30. No 3–4. P. 138–139.

ряды принадлежали к рангу лимитанов и когда именно произошло их преобразование в регулярные боевые единицы. Следует подчеркнуть, что центенарии, в которых несли службу мавры из надписи IRT 889, не были военными пунктами в строгом смысле слова – в них жили семьи этих солдат и их ближайшие родственники, т.е. представители гражданского населения. Следовательно, центенарии, построенные маврами, первоначально представляли собой скорее убежища и защитные пункты для мирного населения, чем крепости, предназначенные для длительного дислоцирования регулярных войсковых контингентов. И только впоследствии они были преобразованы в постоянные штаб-квартиры пограничных гарнизонов, которые были прямыми наследниками мавританских племенных ополчений.

Соответственно, мы полагаем, что и рассматриваемые в данной статье *Equites Armigeri* также были повышены до ранга войск limitanei и размещены в одной из римских военных крепостей. Трудно сказать, когда именно произошла эта трансформация, но, как нам представляется, определённые указания на этот счёт мы можем получить из сведений латинской надписи из Мавритании Цезарейской, в которой упоминается Саммах – сын царя мавров Нубеля и брат восставшего Фирма, в 372 г. сохранивший верность римской власти и убитый за это по приказу Фирма D 9351 = ILCV 779:

> *Praesidium aeternae firmat prudentia pacis / rem quoque Romanam fida tutat undique dextra / amni praepositum firmans munimine montem / e cuius nomen vocitavit nomine Petram / denique finitimae gentes deponere bella / in tua concurrunt copientes foedera Sammac / ut virtus comitata fidem concordet in omni / munere Romuleis semper sociata triumfis(!) // Praedium / Sammacis*

Обратим внимание на сходство лексики, представленной в надписи и в пассаже Аммиана, где он говорит о брате Фирма Салмации, построившем в своём имении Петра укреплённый «город»: *inter quos clades eminuere fundi Petrensis, excisi radicitus, quem Salmaces dominus, Firmi frater, in modum urbis exstruxit* (*Amm.* XXIX.5.13) = *Praesidium aeternae… Romanam fida… montem / e cuius nomen vocitavit nomine Petram… in tua concurrunt copientes foedera Sammac… in omni / munere Romuleis semper sociata.* Мы видим, что Саммах не просто владел укреплённым имением (поместьем), но и контролировал соседние с ним племена, препятствуя тем самым их переходу на сторону мятежного Фирма. Скорее всего, Саммах был племенным вождём или возглавлял несколько крупных кланов, родственных семье Нубеля, и именно поэтому Фирм поспешил избавиться от своего брата, союзного римлянам – в противном случае ему пришлось бы вести войну на два фронта, что для Фирма было крайне нежелательно. Очевидно, те племенные отряды, которые находились под управлением Саммаха и сохранили верность римской власти, были переведены в ранг солдат-лимитанов и размещены в римских фортах и крепостях, в то время как родовые группы, участвовавшие в мятеже на стороне Фирма, были разбросаны мелкими группами по этим центенариям либо присо-

единены к кадровому составу римских гарнизонов, находившихся под командованием препозитов лимеса.

Более того, у Феодосия Старшего, проводившего карательную экспедицию против Фирма, не было необходимости в переводе в состав полевой армии Проконсульской Африки мавританских племенных отрядов – в 372 г. местные экспедиционные войска получили весомое пополнение в виде трех легионов галльской полевой армии, направленных на подавление восстания Фирма (сам Феодосий, напомним, к 372 г. командовал военными силами Галлии)[20]. В VII главе западного списка ND в секции полевых войск, подчинявшихся военному комиту Африки, мы видим рубрики, в которых указаны три легиона comitatenses – *Primani, Secundani u Tertiani* (ND. Occ. VII.146–148). О. Зеек в своем издании ND, до сих пор остающемся наиболее авторитетным и фундаментальным, на странице 139 отождествил подразделения *Primani*, *Secundani* и *Tertiani* с легионами I *Flavia Pacis*, II *Flavia Virtutis* и III *Flavia Salutis*, ранее размещавшимися в Галлии. О правильности выводов исследователя говорят эпиграфические данные: две надписи из провинции Бельгика (примерно соответствует современной Бельгии и северо-западной Франции) упоминают о размещении в этом регионе гарнизона подразделения Primani, которых, как нам кажется, вполне можно идентифицировать с легионом I Flavia Pacis (CIL. XIII.4139 – *Pedatura feliciter / finit(a) Primanorum / D p(assuum)*; CIL. XIII.4140 – *Pedatur[a Pri]/mani fe[liciter] / qui fecerunt D [p(assus)]*). Более того, один военный штемпель из римской крепости Ксар Гелан (*Ksar Ghilane*, современный Тишавар в Тунисе) обозначает присутствие в этом форте именно *legio* II *Flavia Virtutis* – как правило, феномен штемпелирования (наличия военных печатей того или иного легиона) в римской армии подразумевал дислокацию войскового соединения в укреплённом пункте на постоянной основе, в качестве штаб-квартиры (*[Le]g(ionis) II Fl[aviae]* – CIL. VIII.22631, 33). Не исключено, что после перевода легиона II *Flavia Virtutis* в Проконсульскую Африку Ксар Гелан стал местом размещения гарнизона данного легиона, в прошлом входившего в состав галльской полевой армии.

Более того, в латинской эпитафии из той же Проконсульской Африки упоминается центенарий легиона II *Flavia Virtutis* Валентин, в память о котором его жена, Фортунула, воздвигла данный надгробный памятник: *Maritus gratias sancitate(!) tu(a)e / Fortunula uxor / Valentini centurionis / legionis secund(a)e Flavi(a)e Virtu/tis et vixit an(nos) XL dulcissim(a)e uxori / fecit quae habuit patre(m) Laomedonte(m) / et matre(m) Olimpia(m) in urbe Sarra* (CIL. VIII.23181 = D 9206). Этот монумент – неопровержимое свидетельство пребывания легиона II *Flavia Virtutis* в пределах Северной Африки; очевидно, он был перемещён из Галлии

[20] А. Демандт убедительно доказал, что Феодосий Старший получил в 369 г. должность именно *magister equitum per Gallias*, а не мифический пост *magister equitum praesentalis*, о котором писал В. Энсслин: *Demandt A.* Magister militum // RE. 1970. Suppl. XII. Sp. 590. См. также: *idem.* Die Feldzüge des Älteren Theodosius // Historia. 1972. Bd. 100. Hft. 1. S. 91.

вместе с легионом I *Flavia Pacis*, с которым они после прибытия в Африку составили войсковую пару и возможно, расположились в одном военном лагере. Перевод столь значительных сил экспедиционной галльской армии в отдалённую Северную Африку мы можем связать с экспедицией в Мавританию Феодосия Старшего, magister equitum в Галлии, которому, тем не менее, были в тот период подчинены и отряды пехотной армии. Следовательно, вряд ли в этой ситуации Феодосий Старший, сам боровшийся с маврами, испытывал необходимость в пополнении регулярных полевых военных сил римлян соединениями мавританской конницы – латино-пунические надписи, цитированные выше, показывают, что племенная мавританская кавалерия вошла в состав пограничной армии, представленной небольшими гарнизонами в крепостях на лимесе (*limitanei*, по мысли Б. Уормингтона).

Возникает вопрос, когда именно соединение *Equites Armigeri iuniores*, принадлежавшее после 372/3 гг. к отрядам пограничной римской армии, было повышено в ранге до вексилляции comitatenses и переведено в состав полевой армии Северной Африки? Выше мы уже отмечали, что препозит Нувель из надписи из Русгунии, командовавший данным соединением, и царь мавров Нубель представляли собой одно и то же лицо, соответственно, можно заключить, что *Equites Armigeri iuniores* в кампании 372–373 гг. участвовали на стороне сына Нубеля Фирма, поднявшего мятеж против римской власти – факт, вполне естественный, учитывая принадлежность указанных в надписи всадников к отрядам мавританской племенной кавалерии. Как нам представляется, после подавления восстания Фирма *Equites Armigeri iuniores* были преобразованы в один из многочисленных гарнизонов пограничной армии Северной Африки и поставлены под командование препозита лимеса, т.е. римского офицера, не принадлежавшего к миру племенной аристократии. Очевидно, перевод данного подразделения в полевую армию произошёл в период комитивы Гильдона – одного из сыновей Нубеля, в 372 г. сохранившего верность римской администрации и воевавшего на стороне военного магистра Феодосия Старшего. В 387 г. восточноримский император Феодосий I Великий в память о верной службе Гильдона своему отцу Феодосию Старшему назначил мавританского вождя комитом Проконсульской Африки с целью восстановления военного контроля над Мавританией, в 384 г. признавшей власть западноримского узурпатора Магна Максима[21].

[21] В этой интерпретации событий мы следуем трактовке С.И. Ооста, который отказывается от традиционной даты вступления Гильдона на должность комита Африки (386 г.), базирующейся на сведениях поэмы Клавдиана «Война против Гильдона», и относит это событие к 387–388 гг., акцентируя внимание на сообщениях двух писем Иеронима Стридонского: *Oost S.I.* Count Gildo and Theodosius the Great // CPh. 1962. Vol. 57. No 1. P. 29. Тем не менее в литературе распространена и другая точка зрения – Б. Уормингтон и Э. Коморницкая полагают, что в 388 г. Феодосий отправил в Северную Африку из Египта экспедиционный корпус с целью поставить под контроль Гильдона, сохранившего верность Магну Максиму (аргументом для исследователей послужили сведения P. Lips. Vol. I. 63 из египетской Антинои, в котором упо-

В 393 г. указом Феодосия Гильдон был назначен военным магистром обоих войск Африки, что фактически, как справедливо отметил Р. Шарф, привело к полной независимости Гильдона от западноримского военного командования, представленного очередным узурпатором Арбогастом[22]. Именно в рамках этой ситуации, т.е. в 393–398 гг., когда Гильдон полностью контролировал не только военную, но и гражданскую администрацию Северной Африки, могло произойти повышение военного ранга подразделения *Equites Armigeri iuniores*, некогда находившегося под командованием Нубеля, отца Гильдона. Т. Котула отметил, что основу военных сил Гильдона в силу его племенного происхождения составляли именно мавританские племена, пополнявшие и регулярные соединения римской полевой и пограничной армии[23]. Можно отметить, что пополнение регулярных отрядов армии Гильдона происходило не только путем рекрутирования молодых юношей из пограничных кочевых племен, но и благодаря переводу в состав полевой армии тех кавалерийских соединений, которые были сформированы задолго до Гильдона и к моменту начала его комитивы (387 г.) пребывали в составе пограничной римской армии.

В данном контексте вряд ли можно согласиться с тезисом Т. Янсена, предположившего, что перевод мавританской племенной конницы в западноримскую полевую армию был осуществлён новым военным магистром Стилихоном после 398 г. с целью удаления мавританских отрядов «из регионов возможного восстания»[24]. Пример с *Equites Armigeri iuniores* достаточно убедительно показывает, что комит Африки Гильдон активно привлекал мавританскую кавалерию в ряды своих сторонников посредством включения племенных ополчений или

минается о предоставлении в 388 г. продовольственной анноны «воинам, поднимающимся в Пентаполис с целью отплытия в Африку» – τοῖς ἀνιοῦσιν στρατιώταις εἰς Πεντάπολιν ἀπελευσομένοις εἰς Ἀφρικὴν); по мнению Э. Коморницкой, только необходимость в бесперебойном снабжении Рима зерном из Африки заставила Феодосия отказаться от этого намерения. См.: *Komornicka E.* Kariera polityczna księcia berberyjskiego Gildona I jej obraz w «De bello Gildonico» Klaudiusza Klaudianusa // Meander. 1971. Rok XXVI. Spis 3. S. 117; *Warmington B.H.* The North African provinces from Diocletian to the Vandal conquest. Cambr., 1954. P. 11.

[22] Закон 393 г.: Idem aaa. Gildoni comiti et magistro utriusque militiae per Africam – CTh. IX.7.9. *Scharf R.* Die Kanzleireform des Stilicho und das römische Britannien // Historia. 1990. Bd. 39. Hft. 4. S. 461.

[23] *Kotula T.* Der Aufstand der Afrikaner Gildo und seine Nachwirkungen // Das Altertum. 1972. Bd. 18. Hft. 3. S. 169. Применительно к данному сюжету Г.-И. Диснер убедительно доказал, что в 398 г. в состав военных сил Гильдона не могли входить отряды донатистов, поскольку, как отметил исследователь, ни один из источников, и прежде всего Павел Орозий, не упоминает об участии приверженцев этой секты в битве при Тевестах – для такого ортодоксального автора, как Павел Орозий, акцентирование внимания на еретиках-донатистах действительно было бы крайне важным идеологическим моментом: *Diesner H.-J.* Gildos Herrschaft und die Niederlage bei Theueste (Tebessa) // Klio. 1962. Bd. 40. S. 179.

[24] *Janßen T.* Stilicho: Das Weströmische Reich vom Tode des Theodosius bis zur Ermordung Stilichos (395–408). Marburg, 2004. S. 99.

пограничных гарнизонов, навербованных ранее из мавров, в кадровый состав полевой римской армии, повышая военный ранг этих подразделений (от *limitanei* к *comitatenses*) и, очевидно, увеличивая их численность. В этом смысле можно согласиться с оценкой Г. Клементе о состоянии римской *полевой* армии Северной Африки накануне вандальского вторжения в 429 г.: последовательная «провинциализация» военных сил, все более включавших в свой состав представителей местного населения[25]. Как видим, начало этому процессу было положено в 393 г. реформами комита Гильдона. Следовательно, к 431–434 гг., когда Флавий Аспар находился в Проконсульской Африке и включил в состав своей восточноримской армии многие отряды местной полевой армии, соединения *Armigeri* уже долгое время пребывали в составе полевых сил и обладали рангом вексилляций *comitatenses*, т.е. принадлежали к регулярным войсковым подразделениям. Поэтому *Armigeri* из оксиринхского папируса 488 г. могут быть отождествлены не с корпусом телохранителей-букеллариев, составлявших личную дружину (военный эскорт) наместника Иоанна, но с одним из тех регулярных соединений *Armigeri*, которые были переведены из Проконсульской Африки в Египет в начале 430-х гг.

E.A. Mekhamadiyev

THE MOORISH CAVALRY AND THE LATE ROMAN FIELD ARMY IN NORTH AFRICA: ON THE FORMING'S MECHANISM OF MILITARYUNITS *ARMIGERI*

The present article deals with the legal status of tribal Moorish cavalry in Late Roman Army of North Africa. The author proposed a hypothesis, that the inclusion of these troops in regular Roman military forces was made in two stages: first, the different tribal home guards, belonged to the local chieftains, received the rank of frontier units – *limitanei*. And then they were modified in field's army units by transfer from frontier garrisoned forts in big cities within the province. The author underlines, that the dating of this transition may be ascribed to the reign of count Gildo in Africa (387-398 A.D.), who descended from local Moorish dynasty. The main argument of this view is the inscription from *Rusguniae* in *Mauretania Caesariensis*, attesting the presence of cavalry unit of *Armigeri iuniores* under command of *praepositus* Flavius Nuvel. The author strongly believes, that Flavius Nuvel is the same with Nubel – the powerful local chieftain, who was the father of Gildo.

[25] *Clemente G.* Op. cit. P. 339.

III. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

P. Charalampakis

SOME NOTES ON THE NAMES ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΑ AND ΦΑΝΑΓΟΡΗΣ

This paper is the result of a very simple question which a colleague once addressed to me: "What was the name of the Pontic city: Phanagóreia (Φαναγόρεια) or Phanagoría (Φαναγορία)?" "Phanagóreia", the reply came. Since that moment I repeated to myself the question again and again. I wrote down all various forms of the name. And I realized how complicated the whole matter is: ancient scholars provided spare and sometimes distorted information; modern scholars accept the one or the other version with no criticism at all (Φαναγορία instead of Φαναγόρεια, Φαναγόρας instead of Φαναγόρης etc). In the following pages an attempt is made to discuss the questions about the various forms of the names related to the well known Pontic city of Phanagoreia.

I. Phanagoreia (Φαναγόρεια) was founded by colonists from Teos (c. 545–540 B.C.) on the present day Taman' peninsula, in the north-eastern Black Sea area. According to some scholars, these colonists did not come directly from Teos, but through Abdera, which was another colony founded by Teos almost simultaneously with Phanagoreia. It seems that Phanagoreia enjoyed a free status from the very beginnings until 480 B.C., when the Archaeanactids – rulers of the Cimmerian Bosporus Kingdom – extended their power over the city. Phanagoreia was a prosperous city at that time, minting silver coins and trading with the Greek mother-cities and colonies. When the Spartocids took over the Bosporus Kingdom, Phanagoreia faced the decline. Later, it was the first city that rebelled against Mithridates Eupator and in the middle of the 1st c. B.C. it was partially destroyed by Pharnaces. There is evidence that the city still existed in the 4th c. A.D. and that it was suddenly abandoned as a result of the Hunnish raids. A small trading center appeared much later in that place[1].

II: The founder Φαναγόρης and the personal names Φαναγόρας and Φαναγόρα.

The city was named after its first colonist and founder[2]. He was Φαναγόρης (Ionic dialect; Φαναγόρας in the Attic) from Teos. The only evi-

---

[1] Фанагория. По материалам таманской экспедиции ИА РАН. М., 2008. С. 11 сл.; An Inventory of Archaic and Classical Poleis. Oxf., 2004. P. 950–951; *Kuznetsov V.* Kepoi – Phanagoria – Taganrog // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. 2. P. 897–921.

[2] I.E. Surikov rejected this view in a recent study (*Суриков И.Е.* Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Вып. 16. С. 441–469) claiming that the city's name originated not from the founder but from the epiklesis to the god Apollo. I would like to express my gratitude to prof. S.Ju. Monakhov who kindly provided me with a copy of Surikov's study.

dence which survived about the events of that colonization and foundation is the information that the inhabitants of Teos abandoned their city because of the Persian threat[3].

The founder's name is attested in several documents dating from the Antiquity and the Middle Ages. The word Φαναγόρης derived from the ancient root ΦΑF (cf. v. φάω; n. *φάϝος > φάος / Pamphylian Greek φάβος / contracted Attic Greek φῶς, which means "light" but also "glory"), which was later formed as ΦΑΝ (cf. φαίνω < φάν-J-ω)[4]. The second composite of the name came from the word ἀγορά[5]. Several personal names were formed with the composite ἀγορά, e.g. Ἀγορακλής (the one who has glory in the public assembly), Ἀγοράκριτος (the one who is being judged by the public assembly, cf. Δημόκριτος), Ἀθηναγόρας (a wise orator – inspired by Athena), Ἀρισταγόρας (the best orator or the best among those who work for the common good), Διαγόρας (a good orator – inspired and encouraged by Zeus), Εὐαγόρας (a good orator), Μολπαγόρας, Πρωταγόρας (the best orator or the best among those who work for the common good), Πυθαγόρας (the one who provides information to the public assembly), Τιμαγόρας , Νικαγόρας, Κλειναγόρας etc. Moreover, several personal names were formed with the composite φαν- (or φαιν-), e.g. Φανοκλής, Φαινεκλῆς, Φανόκριτος, Φανόμαχος, Φανόδικος, Φανοστράτη, Φαιναρέτη, Φαίνιππος etc.

Φαναγόρης could mean "someone who brings the light, the enlightenment or the reveal to the public assembly", but it could also mean "someone who has glory when speaking in the public assembly" (cf. Ἀγορακλής). If we choose the first meaning, then Surikov might be right and this name could be an epiklesis to the god Apollo, who was also called Πύθιος (and Λοξίας) because he revealed to the people (cf. the personal name Πυθαγόρας) the future (sometimes through intermediation of his son, Asclepius). This epiklesis could also be linked, as Surikov suggested, with the unidentified coins bearing the legend ΑΠΟΛ[6]. However, as Surikov himself remarked, such epiklesis (for both Phanagoreia and Hermonassa, which is also mentioned in his study) is not confirmed by any source.

Moreover, Surikov suggested that since no archaic (and even classical) Greek colony city bears the name of the (human) founder then we must assume that the case of Phanagoreia (and Hermonassa) is the same.

---

[3] Arr. Bith. F 60. FHG. P. 597 = Eustath. Comm. a. Dionys. Perieg. I.549. GGM[2]. P. 324. Cf.: Ps.-Scym. F 17b. P., 2000. P. 142. See also: *Marinoni E.* Talete in Erodoto: La cronologia e l'attività politica sullo sfondo della conquista persana dell'Asia Minore // ACME. 1976. Vol. 29. No. 2. P. 215. N. 118; *Malkin I.* What's in a name? The eponymous founders of Greek colonies // Athenaeum. 1985. No. 63. P. 114. 121 ff.

[4] But φαν- did not come directly from the form φῶς, as Surikov suggests (*Суриков И.Е.* Указ. соч. С. 464: Here pertinently to draw attention to that the first component of this composite – φαν- (φαιν-) – directly occurs from φῶς « light »). Cf.: LSJ. 1996. *Hofmann J.* Etymologisches Wörterbuch des griechischen. München, 1950. P. 1912–1913, 1916 and P. 464–5, 467, 487.

[5] *Bechtel F., Fick A.* Die Griechischen Personennamen. Göttingen, 1894. P. 43–44, 273–274.

[6] *Суриков И.Е.* Указ. соч. С. 466. For these coins see bibliography in n. 37 here.

The scholar then proceeds on the text of Plato (*Laws*) in order to support his arguments. Last, he suggested that researchers should always trust the most ancient written sources[7].

For the first suggestion we may say that it is an argumentum ex silentio. It is true that we don't have at our disposal firm evidence which would prove beyond any doubt that Phanagores, a human, was indeed the founder and first colonist. On the other hand, we have no firm data which prove the contrary: all available information – reliable or not – point to Phanagores as a human being, not a god. And it would be an exaggeration to claim that no archaic colony city took the name from the founder: Byzantium, for example, was named after Byzas, a half-historical – half-mythical person, depending on the source. It is true that perhaps Greeks of old had to invent a legend in order to explain the origins of some difficult – to – interpret place-names. But no matter who Byzas really was, according to tradition the city was named after him and this is a fact. Phanagores could be a human or a semi-god or whatever. Until new data come to light, there is one and only tradition and the fact is that the city was named after him, not someone else, not anything else.

About the question of the reliable and non reliable sources: there are no strict or clearly defined limits, frames and categories marking the reliability of the ancient and medieval writers. Each case is different. And we should never forget that late writers sourced earlier writers. Sometimes information from early writers did not survive. Sometimes information from early writers survived only through later writers. Late writers sometimes distorted information taken by their precedents, sometimes they did not.

Moreover, we should note here that Surikov based his arguments on the text of Plato (*Laws*)[8], but in the quoted passage the Greek philosopher was neither providing instructions nor enlisting the general rules about the naming of a city: he was giving examples (τάχ' ἂν ἴσως... προσθείη). More, Plato was likely writing about an ideal situation, mentioning some cases which the founders followed (something which does not mean that they actually followed them). Indeed, *Laws* is a dialogue of political and philosophical nature about the laws by which Plato suggested that aristocracy (in which rich people participate) is the best form of government (something which contradicts his other political – philosophical work about justice, the Republic, where Plato rejected all forms of government as non functional enough to survive in the course of time). Last, Plato might refer to his own era – not the archaic one – when he mentioned these examples.

Let us go back to the names. The personal name in question is attested mostly in the Attic form Φαναγόρας (nom.), Φαναγόρου (gen.)[9], but

---

[7] *Суриков И.Е.* Указ. соч. С. 462.

[8] Там же. С. 450–451, 462 сл.)

[9] Hecat. F 225; cf.: Herod. De Prosodia Catholica // Grammatici Graeci. Leipzig, 1867. Vol. III.1. P. 280 and Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια); Ps.-Scyl. 72; Strabo XI.2.10; Arr. Bith. F 60. FHG. P. 597; Anonym. PPE. F 11r19–20 (Diller).

sometimes in the Ionic form as well: Φαναγόρης (nom.), Φαναγόρεω (gen.)[10]. It would be a mistake to believe that the name Φαναγόρης can form the genitive with two endings, -εω and ου[11], because these forms came from different dialects and the names have different endings in the nominative case as well. Ionic dialect was predominant in Teos, so in our opinion the right form of the founder's name was Φαναγόρης (gen. -εω). The form Φαναγόρας was much more widespread in ancient literature because most of the texts were written in the Attic dialect. We should note here that Hecataeus' text is corrupted: Stephanus Byzantius was usually following his sources word by word. In this case, however, Stephanus recorded the Attic form Φαναγόρου which was ascribed as Hecataeus' writing (something which was accepted by the editors of Hecataeus' text). Hecataeus used the Ionic dialect, not the Attic. We cannot be sure whether Stephanus himself transformed the name or he found it like this in the manuscript he used. Another option is that the name was transformed by the editors of Stephanus' work, perhaps Hermolaus.

Φαναγόρης was a quite popular personal name in Archaic and Classical Greece. The most ancient evidence about this name is an inscription from Thrace (6th c. B.C.)[12]. Since then we can find it in Thasos[13] and Chios[14] (5th–4th c.), again in Thasos[15] and in the Cimmerian Bosporus[16] (4th c.), in Samos[17] (3rd–2nd c.) and again in Chios[18] (2nd–1st c.). This Ionic form

---

[10] Hdt. VII.214; Hippocr. De morb. I.2.8, with app. crit.: φαναγορέω in another manuscript (cf. : Galen. In Hippocratis librum primum epidemiarum commentarii // Claudii Galeni Opera Omnia. Leipzig, 1828. Vol. 17.1. P. 168); КБН. № 971. (4th c. B.C.).

[11] As it is stated in КБН. № 971, comm. Cf.: SEG 26.1976–77, 1891. *Marinoni E.* Talete… P. 214. No. 118 writes that Φαναγόρας is the Ionic name ("In ogni caso Phanagoras è antroponimo di sicura tradizione ionica"), something which is half-right: the form of the name is Attic, not Ionic. As for the origin, the name in question is Ionic but as we will see further below it existed – independently – in other regions as well.

[12] *Sayar M.* Perinthos – Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung. Wien, 1998. P. 251. No 69 (= *Collitz H., Bechtel F.* Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften (hereafter: SGDI). Göttingen, 1905. Vol. 3.2. P. 740. No. 5722 (233); *Fraser P., Matthews E.* A Lexicon of Greek Personal Names (hereafter: LGPN). Oxford, 1987. Vol. 1. P. 339, Φαναγόρης, Thrace 2).

[13] Hippocr. De morb. I.2.8; IG XII (8). P. 88. No. 270 (= LGPN 1. P. 453, Φαναγόρης, Thasos 5).

[14] SGDI. P. 707. No. 5658 (179); LGPN 1. P. 453, Φαναγόρης, Chios 1.

[15] *Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos, I, De la fondation de la cité à 196 avant J.C (Études Thasiennes, 3). P., 1954. P. 262. No. 27; *Bon A.M., Bon A., Grace V.* Les timbres amphoriques de Thasos (Études Thasiennes, 4). P., 1957. P. 398–399. No. 1638 (= LGPN 1. P. 453, Φαναγόρης, Thasos 7); *Dunant C., Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos, II, De 196 avant J.C. jusqu'à la fin de l'Antiquité (Études Thasiennes, 5). P., 1958. P. 234. No. 409 (= LGPN 1. P. 453, Φαναγόρης, Thasos 6).

[16] КБН. № 971 (= SEG. 1976–77. Vol. 26. P. 429. No. 1891; LGPN 1. P. 339, Φαναγόρης, Cimm. Bosp. 1). Cf.: *Marinoni E.* Talete…

[17] *Θεοφανείδης Β.* Επιγραφαί Σάμου // AD. 1924–25. Vol. 9. P. 101. Frg. Στ' (= LGPN I. P. 453, Φαναγόρης, Samos 3). The inscription is damaged but the people on the island were Ionic speaking.

attested actually in the Eastern parts of the Greek world, is represented by the earliest inscriptions[19].

Φαναγόρας was a popular name as well. Long after the decline of the Ionian cities, the name in Attic dialect began to spread in the Aegean and Attica: in Keos[20] (4th–3rd c.), in Delos[21], Keos[22], Lesbos[23] and Thasos[24] (3rd c.) and in Attica[25] (1st c. B.C.) (Strangely enough, the passage from Hdt. VII.214: Ὀνήτης τε ὁ Φαναγόρεω ἀνὴρ Καρύστιος was consedered by LGPN 1. P. 453, Φαναγόρας, Euboia 3, as evidence for the name Φαναγόρας, not Φαναγόρης!). And, of course, there was a female personal name Φαναγόρα which is attested – to our knowledge – only in Attica: in the 5th–4th c.[26], in the 4th c.[27] and in the 3rd c.[28] How can we explain the spread of the personal names Phanagora and (to a lesser degree) Phanagoras in Athens? It seems that it was the result of the approaching between Athens and the Bosporus Kingdom, whose relations became stronger after Pericles' expedition and especially in the times of Satyrus I and Leucon I. Since the 430's–420's the Pontic area (in particular the northern shores) became more familiar to the Athenians[29].

III: The place names Φαναγόρεια and Φαναγορία (ἡ), Φαναγόρειον (τὸ), Φαναγόρη and Φαναγόρεια (νῆσος), τὰ Φαναγόρεια (ἐμπόριον).

---

[18] *Mavrogordato J.*A chronological arrangement of the coins of Chios, part III // NC. 1916. P. 324 (= LGPN 1. P. 453, Φαναγόρης, Chios 2).

[19] To the above mentioned we may add Hdt. VII.214 (5th–4th c.). It seems that Herodotus did not change the name, since the Ionic dialect was predominant in Euboia anyway.

[20] IG XII (5). P. 143. No. 544. Frg. B:2, 4 (= LGPN 1. P. 453 Φαναγόρας, Keos 4).

[21] IG XI (2). P. 39. No. 156 A; P. 42. No. 158 A; P. 47. No. 161 A (= LGPN 1. P. 453, Φαναγόρας, Delos 1, 2).

[22] IG XI (4). No. 592 (= LGPN I. P. 453 Φαναγόρας, Keos 5); IG XII (5). P. 168–169. No. 610 (= LGPN 1. P. 453 Φαναγόρας, Keos 6).

[23] *Murray A., Smith A., Walters H.* Excavations in Cyprus. L., 1900. P. 96. No. 4 (= LGPN I. P. 453, Φαναγόρας, Lesbos 7).

[24] IG XII (8). P. 110. No. 294 (= LGPN 1. P. 453, Φαναγόρας, Thasos 8).

[25] IG II2. P. 736. No. 2469 (= LGPN 2. P. 440, Φαναγόρας, Athens 1).

[26] IG II2. No. 12211 = 12219 (= LGPN 2. P. 440, Φαναγόρα, Athens? 10). We are not convinced, however, about the reading of this name as a female one.

[27] SEG. 1968. Vol. 23. P. 59. No. 157 (= LGPN 2. P. 440, Φαναγόρα, Athens, Myrrhinous 8); SEG. 1968. Vol. 23. P. 60–61. No. 161 (= LGPN 2. P. 453, Φαναγόρα, Athens 2); *Clairmont C.* Classical Attic Tombstones. Kilchberg, 1993. Vol. 3. P. 106. No. 258 (v.) (= LGPN 2. P. 440, Φαναγόρα, Athens? 13). There are about fifteen more inscriptions mentioning this female name.

[28] *Aleshire S.* The Athenian Asklepieion. The People, their Dedications and the Inventories. Amsterdam, 1989. Inv. V. P. 262 (= LGPN 2. P. 440, Φαναγόρα, Athens? 18).

[29] The mutual relation between Athens and the Bosporus Kingdom in the 5th–4th c. is a topic presented in several studies of M.V. Skrzhinskaja and D. Braund, for example. For Pericles' Pontic expedition, see bibliography in: *Χαραλαμπάκης Π.* Η εκστρατεία του Περικλή στον Εύξεινο Πόντο // Ιστορικές Σελίδες. 2009. Vol. 42. P. 16–27.

The city's name is not recorded either in inscriptions or in coins[30]. According to the literary sources the name was Φαναγόρεια (ἡ): this form was used by almost all the writers who wrote about the city (Hecataeus, Pseudo-Scymnus, Strabo, Appianus, Arrianus, Herodianus, Stephanus Byzantius, the anonymous author of the Periplus of the Pontus Euxinus). We should not forget, however, that Stephanus Byzantius sourced Hecataeus and Herodianus; Eustathius of Thessalonica sourced Arrian and the anonymous author of the Periplus sourced Pseudo-Scymnus. It is difficult therefore to say who the first to use the form was and whether the word was part of the original texts or was added by later authors or copyists. Be that as it may, all the writers have used correctly the forms of the name (Φαναγόρεια, Φαναγορείας, Φαναγορεία, Φαναγόρειαν).

The name Φαναγορία is recorded only by Ptolemy[31]. This must be, most likely, the mistake of a copyist who was writing the genitive or dative case of the name. He accentuated the last syllable of the nominative case and he also omitted the letter ε of the ending. No matter what happened it is true that the ending –ία – without ε – finds a parallel in the later form of the city-ethnic name Φαναγορίτης, attested in inscriptions and coins (see below). In the literary sources, however, the form Φαναγορείτης predominates. It is difficult to say whether the forms Φαναγορία and Φαναγορίτης were somehow linked to each other. We believe that Φαναγορίτης is a simplified version of the ethnic name and that it could be written either with ει or with ι.

According to the critical editions of the ancient texts, four ancient authors recorded the island of Phanagoreia (Φαναγόρεια νῆσος): Hecataeus, Dionysius Periegetes, Herodianus and Stephanus Byzantius[32]. In our opinion only Dionysius and Herodianus present the original information. Hecataeus should be excluded from this group. Despite the fact that in Hecataeus' latest edition the fragment in question (Φαναγόρεια πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἑκαταῖος Ἀσία ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια. ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδετέρως, which is taken from Stephanus Byzantius) is wholly attributed to the ancient writer, we believe that only the first part of it belongs to Hecataeus. The rest of the fragment should be considered as Stephanus' addition, based on information from Herodianus. The Byzantine lexicographer wrote – in the entry Φαναγόρεια – about the island which was called Φαναγόρη and Φαναγόρεια, copying Herodianus (according to A. Lentz).

Lentz's effort to restitute Herodianus' text (not only in this passage but as a work in general) is ambiguous though and we should wonder

---

[30] Cf.: *Counillon P.* Pseudo-Skylax… P. 84 with No. 249. As far as I know, there are no inscriptions or coins mentioning the city's name. Only the ethnic name is attested here and there.

[31] Ptolem. IX.6 (ed. *Stuckelberger A., Grasshoff G.* Basel, 2006. Vol. 2. P. 532) = (5.9.8, ed. *Nobbe C.* Leipzig, 1843–1845. Vol. 2. P. 38); *Counillon P.* Pseudo-Skylax… P. 85 says that Strabo mentions the form Φαναγορία , but according to the latest edition it seems that this is not the case: Strabo XI.2.10.

[32] Hecat. F 225; Dionys. Perieg. 550–552; Herod. De Prosodia Catholica. P. 341; Steph. Byz. s.v. Ταυρική; s.v. Φαναγόρεια.

whether this information about Phanagoreia really belongs to Herodianus or Stephanus. We would like to express the following hypothesis here: that Dionysius' information about an island with two cities on it, Phainagore (Φαιναγόρη) and Hermonassa (Ἑρμώνασσα) was copied and distorted by Stephanus (who wrote, mistakenly, about two different islands, not cities. Actually Dionysius is wrong too, because Hermonassa was not located on the same island as Phanagoreia, but on a peninsula). Thus Stephanus copied the first form of the name (Φαναγόρη) from Dionysius (Φαιναγόρη) and the second (Φαναγόρεια) from Strabo. This point of view can be confirmed by the fact that Stephanus used the form Φαναγόρεια when he mentioned Strabo (see also below) and Φαναγόρη or Φαναγόρα in all other cases, that is when he wrote about the island[33]. In this case, the fragment considered as Herodianus' production belongs to Stephanus.

The terms Φαναγόρειον (τὸ) and Φαναγόρεια (τὰ, ἐμπόριον), in neuter, singular and plural number respectively are recorded by Strabo and Stephanus Byzantius. Stephanus copied Strabo, but the question is not so simple. According to the previous editions of Strabo's work, the passage was "τὸ Φαναγόρειον (καλεῖται...)", but in the latest edition Radt has corrected the name as "ἡ Φαναγόρου καλεῖται..."[34]. A. Meineke had accepted the old restitution of Strabo's text and, of course, he used it in Stephanus' text as well[35]. In the new edition of Stephanus' work the passage in question is omitted[36]. It is impossible to explain Strabo's choice to present the name in neuter, since he knew that it was originally female. Perhaps this invention is somehow connected with Phanagoreia's identity as an 'emporion', a word of neuter gender. In some less important manuscripts of Strabo's work one can read ἡ Φαναγορία (see Radt, app. crit.). Be that as it may, in our opinion Radt is right to correct the word, because Phanagoreia – as Meineke had also remarked – was in fact ἡ τοῦ (or ἡ ἀπὸ) Φαναγόρου πόλις. Strabo, however, was not the only author who described Phanagoreia as an 'emporion'. Appianus wrote: ἐς Φαναγόρειαν, ἕτερον ἐμπόριον[37].

IV: The ethnic names Φαναγορεύς and Φαναγορ(ε)ίτης

According to Herodianus, the ethnic name originally used for the inhabitants of Phanagoreia was Φαναγορεύς, but later the form Φαναγορείτης dominated: Φαναγόρεια πόλις, τὸ ἐθνικὸν ἐχρῆν Φαναγορεὺς ὡς Ἀλεξανδρεὺς τῷ πλείονι λόγῳ ἐκράτησε δ' ὅμως Φαναγορείτης[38]. This information is absolutely reliable. The form Φαναγορεὺς is attested in the literary texts from the very ancient times until the end of Antiquity; the form Φαναγορ(ε)ίτης, on the other hand, is used for the first time in the end of the 2nd c. and in the 1st c. B.C. on the coins of the city[39]. From that time on, this term was written

---

[33] Cf.: Steph. Byz. s.v. Ἀπάτουρον.

[34] Strabo (Op. cit. P. 298, app. crit.)

[35] Steph. Byz. s.v. Βόσπορος.

[36] Steph. Byz. s.v. Βόσπορος (Billerbeck P. 364).

[37] App. Mith. 108.510.

[38] Herod. On par. (Lentz P. 896).

[39] *Shelov D.* Coinage of the Bosporus, VI–II Centuries B.C. Oxf., 1978. Nrs. 26–28, 112–114; *Анохин В.* Монетное дело Боспора. М., 1986. С. 139, 142–145, 147–8; *Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the

in inscriptions as well: the first, dated in 88–87 B.C. speaks about the boule and demos of the citizens of Phanagoreia (ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ: Φαναγοριτῶν ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος)[40]. The second, dated in the first centuries A.D., speaks about an ambassador sent to Rome by the citizens of Phanagoreia (ΦΑΝΑΓΟΡΕΙΤΩΝ: Ἥδυκος Εὐόδου πρεσβευτὴς Φαναγορειτῶν τῶν κατὰ Βοὸς πόρον)[41]. There should be no doubt that the name officially used since at least the end of the 2nd c. B.C. was Φαναγορ(ε)ίτης. In some texts of the first centuries A.D. (e.g. Appianus[42]) the old form Φαναγορεύς was used but that depended on the work that each writer sourced.

This procedure of reading and copying earlier texts resulted to the delay of the use of the new form in the works of the authors writing in the Christian times. The form Φαναγορ(ε)ίτης first appeared in literary texts in the 2nd c. A.D. and is attested only in two authors: Athenaeus and Herodianus (and also Stephanus Byzantius, who copied Herodianus)[43].

The variation of the endings –είτης and –ίτης can be explained as a simplification of the first form. We exclude the case that the official form was Φαναγορίτης – the name written on coins – because in the inscriptions which are also reliable sources we can find both versions Φαναγορίτης and Φαναγορείτης. On the other hand, the literary sources mention only the form Φαναγορείτης. The reason for which the new form of the name (Φαναγορ(ε)ίτης) was not widespread and generally known is that the city was in decline at that time and it was soon destroyed and there was no particular interest for the name. Authors who mentioned the city in the following centuries did nothing but to collect information from their precedents. This procedure resulted to the spreading of the old form of the name rather than the new.

The form ΦΑΝΑΤΟΡΙΤΩΝ[44] is obviously a mistake during the carving of the cast for the coin minting. A similarity between Γ and Τ in that region is not possible, because there is no such evidence in other inscriptions (moreover, the letter Τ is not recognizable or even present in all the coins of type II of the classification made by Frolova and Ireland: in the table XXIX:4, for example, we can clearly read Γ).

First Century B.C. to the Middle of the First Century A.D. Oxf., 2002. P. 12–13, 15, 17, 19–20, 22–23, 47–48; *Frolova N.* Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). B., 2004. P. 71–74, 76. Perhaps the dating of the coins is not accurate because the scholars use different methods. Be that as it may, any difference in the dating is not so important for our study.

[40] SEG. 1991. Vol. 41. P. 212–213. No. 625. Cf.: *Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–35.

[41] *Moretti L.* Inscriptiones Graecae Urbis Romae. Roma, 1972. Vol. 2.1. P. 164, 166. No. 567.

[42] App. Mith. 108.511. We cannot accept that the ethnic name of the citizens of Phanagoreia is attested only by Appian, as it is claimed by *Колобова К.М.* Политическое положение городов в боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 53.

[43] Athen. XIII.57; Herod. On paron.

[44] *Frolova N., Ireland S.* The Coinage... P. 47. Tab. XXIX: 2–9.

We can assume that the replacement of the first form of the ethnic name by another as in the case of the names Φαναγορεύς and Φαναγορ(ε)ίτης was a gradual process and that for some time the two names co-existed. A similar case can be found in nearby Panticapaeon, where the ethnic name was formed as Παντικαπαιεύς, Παντικαπεύς, Παντικαπαιάτης or Παντικαπαΐτης[45], and at the same time the form Βόσπορος was in use for the city and the ethnic names Βοσπορανός and Βοσπορίτης for its citizens[46].

V: Φαιναγόρας – Φαιναγόρειοι in Rhodes and Argolis

In a well known inscription of the 4th–3rd c. B.C. from Rhodes one reads the name Φαιναγόρειοι[47]. This name cannot be linked directly to above mentioned ethnic names Φαιναγόρευς – Φαναγορ(ε)ίτης, because it forms the nominative case of the singular number as Φαιναγόρειος. The Rhodian inscription enlists the names of the subdivisions of the local tribe (phyle), so Phainagoreioi wasthe name of a patra or diagonia of Kameiros in Rhodes. Where did they get their name from?

There are several options regarding the origin of the name Phainagoreioi in Rhodes. It could have been derived from a local place name like Φάναι, which Ch. Christodoulou believes it was the ancient form for the place name Φάνες[48], whose location points to an observatory where fires were lightened in order to give signals. Or it could have been derived from a local personal name Φαιναγόρας, which is attested in Rhodes in the 3rd–2nd c. B.C.[49] The etymology and meaning of the name Phainagoras is the same as that of Phanagores -as (see above). The first option seems unlikely, but the second seems more logical.

Another two options, much more complicated this time, bring into the discussion the areas of Argolis and of the northern Euxin. According to a very ancient tradition, the inhabitants of the greatest Rhodian cities were migrants from Argolis. It is interesting to note here that the name Phainagoras is attested in Argolis in the 2nd–1st c. B.C.[50] Perhaps the name Phainagoras – and Phainagoreioi – in Rhodes is but a memory of those who had migrated there from Argolis. A person named Phainagoras could have been one of them.

Regarding the north shores of the Euxin, one could link the name Phainagoreioi to the Pontic city of Phanagoreia. The relations between Rhodes and the northern Euxin are attested in archaeology, epigraphy and literature. Rhodian amphora was exported to the Bosporan Kingdom

---

[45] See e.g. КБН. № 37, 1048 and Steph. Byz. s.v.

[46] Cf.: the comments in *Χαραλαμπάκης Π.* Ιστορικογεωγραφικά Ευξείνου Πόντου. Η περιοχή της Κριμαίας. (1ος αι. π.Χ. – 6 ος αι. μ.Χ.). Ioannina, 2008. P. 189–196.

[47] *Peek W.* Inschriften von den dorischen Inseln. B., 1969. S. 12–13. No 10 (= LGPN 1. P. 452, Φαιναγόρας, Rhodes 1). Cf.*: Παπαχριτοδουλου Ι. Οι αρχαιοοι ροδιακοι δημοι.* Athens, 1989. P. 55, 230 (n. 101), 235 (n. 194) and IG XII.1. No 695.

[48] *Παπαχριτοδουλου Χ.* Ιστορια της Ροδου. Αθηναι, 1972. P. 39.

[49] SEG. 1957. Vol. 14. P. 159–160. No 687 (= LGPN 1. P. 452, Φαιναγόρας, Rhodes 2).

[50] *Παπαχριτοδουλου Ι. Οι αρχαιοοι*... P. 33; IG IV. P. 133. No 731 (= LGPN 3.1. Oxf., 1997. P. 442, Φαιναγόρας, Argolis 1).

and according to Agatharchides (ed. *Müller C.* GGM 1. P. 66) numerous merchants from Bosporus were heading to Rhodes:'Εκ γὰρ τῆς Μαιώτιδος λίμνης πολλοὶ τῶν φορτιζομένων ἐν φορτηγοῖς ἀκάτοις δεκαταῖοι κατῆραν εἰς τὸν Ροδίων λιμένα (ἀφίκοντο). Another clue to support the relations between Rhodes and the Bosporan Kingdom in general or Phanagoreia in particular is the ethnic name Βοσπορανοί, attested in Rhodes[51]. Although there is no grammatical connection between the forms Phainagoreios and Phanagoreus or Phanagor(e)ites, it is not hard to explain the form of the name attested in Rhodes. The ending –ειος (showing the origin or possession, cf.: Πυθαγόρας – Πυθαγόρειος – Πυθαγόρειοι) is common for several ethnic (tribal) names, e.g.'Αρισταγόρειοι, Μειδαγόρειοι, in the same inscription where we find the form Φαιναγόρειοι. Moreover, the composites Φαν- and Φαιν- had the same meaning and were both in use. The opinion according to which both Arrian and Eustathius (or – perhaps – only Eustathius, who commented on Arrian's text) used the form Φαιναγόρας (see above) inspired by the form Φαιναγόρη which they found in Dionysius Periegetes, and that Dionysius preferred to use the form Φαιναγόρη instead of Φαναγόρεια for metrical purposes[52] is rather convincing. Of course we cannot exclude the hypothesis that Dionysius was aware of the form Φαιναγόρας and since he was willing to write about the Pontic city of Phanagoreia he confused the names by thinking that all forms are linked to one and the same name and city.

VI: Conclusions

In brief, the original name of the first colonist and founder of Φαναγόρεια (Phanagoreia) was Φαναγόρης (Ionic). Φαναγόρας was the Attic version of this name which – together with the female personal name Φαναγόρα – became very popular in Athens. Φαιναγόρας was another version of the name, attested in Rhodes, Argolis and in some manuscripts. The city's official name was Φαναγόρεια – sometimes mistakenly attested as Φαναγορία. Other versions of this name (in neutral, plural) are attested by ancient and medieval authors. The ethnic name of Phanagoreia's citizens in early times was Φαναγορεύς but later the word Φαναγορείτης dominated. The link between the Pontic city of Phanagoreia and the tribal or ethnic names Φαιναγόρειοι and Βοσποροανοὶ attested in Rhodes is not clear.

---

[51] *Παπαχριτοδουλου Ι. Οι αρχαιοοι*... P. 71, 242 (n. 306).

[52] *Marinoni E.* Talete... P. 215. N. 118. Cf.: IOSPE. Vol. 4. P. 230: Quod superset, momendum est titulum nostrum probare Phanagorenses ipsos nomen conditoris Φαναγόρης, -εω scripsisse... , non Φαιναγόρας, ut scribunt Eustathius... et Arrianus...

С.В. Кашаев

ПОГРЕБЕНИЯ С АМФОРАМИ В НЕКРОПОЛЕ АРТЮЩЕНКО-2

Грунтовый некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края). Памятник расположен на крутом, обрывистом берегу Черного моря. В настоящее время он интенсивно разрушается. Причин разрушения две: естественная (природная) и антропогенная. Естественной причиной является мощная абразия – практически ежегодно на разных участках берега происходят обвалы и оползни. Антропогенная причина – систематическое разорение захоронений современными грабителями.

Некрополь был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН приступил к раскопкам некрополя, имеющим, в основном, спасательный характер.

В 2003–2012 гг. была исследована площадь около 3600 м^2, обнаружено 138 погребений, из которых 12 доследовано за грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г». Среди открытых захоронений 107 являются индивидуальными – мужскими, женскими или детскими. К «семейным» можно отнести 21 погребение. В таких могилах чаще всего находились мужской и женский костяки (предположительно семейная пара). В нескольких случаях встречены женский и детский костяки (мать и ребенок), в одном – два мужских (отец и сын). Также обнаружено 10 могил с инвентарем, но без следов костяков; их предположительно можно интерпретировать как кенотафы.

Проведенные работы и обнаруженные на некрополе находки, позволили определить его хронологию и составить представление о его размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва, а его протяженность с запада на восток составляет, по меньшей мере, 200 м. Таким образом, можно прийти к заключению, что площадь некрополя по самым примерным оценкам была не менее 20 000 м^2. Учитывая среднюю плотность захоронений – одно погребение на 25 м^2 – можно высказать предположение, что некрополь содержал не менее 800 погребений.

Наиболее ранние захоронения датируются концом VI в. до н.э., а самые поздние – II в. до н.э. Большинство из них (около 70 % датируемых погребений) укладывается в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н.э.

На самых северных и самых восточных исследованных участках, помимо захоронений V–IV в. до н.э., фиксируется возрастающее коли-

чество могил III–II вв. до н.э. Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на северо-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI – начала IV вв. до н.э., а на северных и восточных участках – могилы периода эллинизма.

На основании проведенных исследований можно выделить основные элементы погребального обряда. Для раннего времени в некрополе Артющенко-2 характерными особенностями погребального обряда были: определенная ориентация погребенных; набор сопроводительного инвентаря; конструкция погребальных сооружений и др. В большинстве случаев погребенные были ориентированы головой на восток или на восток с отклонением к северу. Инвентарь располагался вдоль южной или западной стенок могилы. Почти всегда среди инвентаря находился «сосуд для вина» – чаще всего ойнохоя, реже кувшин или амфора. Амфоры стояли в ногах погребенных, в северо-западном или юго-западном углу могильной ямы.

Всего в погребениях некрополя найдено десять тарных амфор (рис. 1; 2). Девять из них обнаружены в Погребениях № 3, 24, 32, 40, 45, 47, 64, Г5, Г8, десятая амфора была изъята милицией у грабителей. Судя по материалам доследованных за грабителями погребений (Г1–Г12), похищенных амфор было больше. Большинство погребений с амфорами в некрополе Артющенко-2 датируются началом V в. до н.э., одно погребение относится к концу этого столетия.

В семи погребениях некрополя (№ 3, 32, 40, 45, 47, Г5, Г8) были найдены амфоры на сложнопрофилированной ножке, или так называемые «протофасосские» амфоры (рис. 1 – *1–8*, 2 – *1–8*)**.** Восьмая амфора аналогичного типа, происходит из грабительских раскопок некрополя.

Большинство этих амфор можно отнести к третьей и четвертой сериям по С.Ю. Монахову, они датируются в пределах первой трети – первой половины V в. до н.э. Отдельные сосуды могут относиться и к третьей серии рубежа VI–V вв. до н.э.[1]

В Погребении 24 найдена хиосская коническая амфора с прямым горлом и протоколпачковой ножкой (рис. 1–*9*; 2–*9*). Ее можно отнести к типу V-А по С.Ю. Монахову и датировать примерно концом V в. до н.э.[2] Аналогичные амфоры были найдены в Елизаветовском могильнике, на поселении Сладките Кладенцы[3], а также на некрополе Пантикапея, в Никонии, Керкинитиде и в некрополе Ольвии[4].

В Погребении 64 находилась амфора, изготовленная из коричневой глины с большим содержанием слюды. Сосуд был раздавлен грун-

---

[1] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог определитель. М.; Саратов, 2003. С. 40–41.

[2] Там же. С. 20.

[3] *Он же.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 147.

[4] *Он же.* Греческие амфоры… Типология… С. 21, 240. Табл. 10; С. 241. Табл. 11.

том на множество фрагментов, частично его удалось реставрировать (рис. 1–*10*; 2–*10*). Глина очень хрупкая и ломкая, она обычно характерна для амфор с усеченно-конусовидным (стаканообразным) дном. В качестве аналогии можно привести амфоры эолийских центров – тип 2.31 по А.П. Абрамову, которые датируются второй половиной VI – началом V вв. до н.э.[5]

Можно предположить, что на данном некрополе традиция ставить в погребения амфоры характерна, в основном, для V в. до н.э. В погребениях, относящихся к другому времени, амфоры пока не встречены. Имеется лишь несколько более поздних комплексов с погребениями младенцев в амфорах.

Амфоры как часть погребального инвентаря занимали в могилах определенное место – в ногах погребенных. Отметим, что амфоры были обнаружены в могилах с самым богатым и разнообразным инвентарем, т.е. в могилах состоятельных поселенцев. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что все захоронения с амфорами были совершены в сырцовых склепах или могилах со сложными погребальными сооружениями, что также требовало больших финансовых затрат по сравнению с сооружением простой грунтовой могилы.

Представленные погребения с амфорами содержали и другой погребальный инвентарь – разнообразные чернолаковые и красноглиняные сосуды, железное оружие, орудия труда, предметы быта и украшения. В процессе дальнейшей работы с материалом подробный анализ взаимовстречаемости амфор с другими предметами инвентаря поможет, на основании хорошо разработанных датировок тарных сосудов, уточнить время бытования других предметов из рассмотренных комплексов

Каталог комплексов погребений с амфорами могильника Артющенко-2

Погребение 3. Погребение расположено на самом краю обрыва и частично разрушено абразией. Можно предположить, что оно представляло собой сырцовый склеп. Захоронение индивидуальное, принадлежало пожилой женщине 55–60 лет. Костяк ориентирован головой на восток. Инвентарь в могиле располагался вдоль южной стенки, т.е. у левой половины тела погребенной[6]. Инвентарь:

1. Амфора на сложнопрофилированной ножке (рис. 1–*1*; 2–*1*). Высота амфоры – 41,5 см; диаметр венчика – 9,2 см; диаметр тулова – 23,0 см; диаметр ножки – 4,0 см. Объём амфоры, измеренный водой, составил ровно 5 л, при наполнении сосуда до венчика. Аналогичные сосуды часто встречаются в Северном Причерноморье и на Боспоре[7].

---

[5] *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. М., 1993. Вып. 3. С. 29, 81. Рис. 13.

[6] *Кашаев С.В.* Некрополь Артющенко-2 // БИ. Симферополь-Керчь, 2009. Т. XXII. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. С. 227. Рис. 2.

[7] *Абрамов А.П.* Указ. соч. С. 30, 82; *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. М., 1960. № 83. С. 141. Табл. V–*15б*.

2. Килик чернолаковый (рис. 3–*2*). Высота – 7,6 см; диаметр закраины – 15,0 см. Килик был положен в погребение вверх дном.

3. Бронзовое зеркало (рис. 3–*3*). Диаметр – 14,0 см; высота со штифтом – 18,4 см. Зеркало круглое со штифтом для крепления деревянной ручки. По краю зеркало обрамляет небольшой округлый валик.

4. Чернолаковый лекиф с росписью (рис. 3–*1*). Высота – 15,2 см; диаметр тулова – 4,8 см. Роспись в виде трех крупных пальметок.

5. Кость животного.

В районе ступней погребенного была положена напутственная (заупокойная) пища, от нее сохранилась массивная кость животного, скорее всего коровы.

По инвентарю погребение можно датировать второй четвертью V в. до н.э.

Погребение 24. Захоронение парное. В сырцовом склепе находились костяки мужчины и женщины, каждому из которых было примерно 30–35 лет. Скелеты очень плохой сохранности, лежали на спине, вытянуто, руки вдоль туловища; головами ориентированы на восток. Костяк мужчины располагался в центре, женский костяк – к северу от мужского. Инвентарь:

1. Хиосская амфора (рис. 1–*9*; 2–*9*). Высота амфоры – 63,5 см; диаметр венчика – 9,0 см; диаметр тулова – 20,0 см; диаметр ножки – 5,2 см.

2. Ойнохоя красноглиняная (рис. 4–*4*). Высота 24,0 см; диаметр тулова – 18,3 см;

3. Килик чернолаковый (рис. 5–*1*). Высота – 6,2 см; диаметр закраины – 12,8 см. На дне штампованный орнамент из пальметток и ов.

4. Солонка чернолаковая с граффито «Х» на дне (рис. 4–*1*). Высота – 2,4 см; диаметр закраины – 6,5 см.

5. Лекиф чернолаковый с изображением зайца (рис. 4–*3*). Высота – 6,0 см; диаметр тулова – 3,9 см.

6. Лекиф чернолаковый с полосой по тулову (рис. 4–*2*). Высота – 6,0 см; диаметр тулова – 3,9 см.

7. Миска красноглиняная № 1 (рис. 5–*2*). Высота – 7,1 см; диаметр закраины – 17,0 см.

8. Миска красноглиняная № 2 (рис. 5–*4*). Высота – 7,3 см; диаметр закраины – 20,2 см.

9. Кубок лепной лощеный с вертикальной ручкой (рис. 5–*3*). Высота – 6,1 см; диаметр закраины – 6,2 см.

10. Меч железный[8]. Длина 51,4 см; ширина 3,9 см. На рукояти сохранились следы древесного тлена. Меч лежал вдоль левой руки погребенного.

11. Наконечник копья железный. Длина ок. 28,0 см; ширина 2,5 см. Наконечник лежал вдоль северной стенки могилы.

12. Наконечники стрел железные (2 шт.) и бронзовые (3 шт.).

---

[8] *Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 81. Рис. 4.6.

Наконечники лежали в ряд у левой руки погребенного, скорее всего – были в колчане.

13. Подвеска спиральная бронзовая. Обнаружена в районе женского черепа.

14. Бусина пастовая глазчатая.

15. Бронзовые перстни со щитком – 4 шт. Перстни небольшие по размеру, скорее всего женские; изображения на щитках не читаются из-за коррозии металла.

16. Фрагмент бронзовой иголки. Найден в заполнении погребения.

17. Пряслица керамические – 2 шт.

18. Раковина каури.

19. Камешек окатанный. Диаметр 2–3 см. По заключению геологов, камешек не местного происхождения.

20. Кость крупного животного, скорее всего коровы.

21. В ногах погребенного обнаружен скелет небольшой змеи, лежащий в виде буквы «S».

По инвентарю погребение можно датировать второй половиной V вв. до н.э.

Погребение 32. Парное погребение в сырцовом склепе. Обнаружены останки двух мужчин – пожилого и молодого, предположительно отца и сына. Первым был захоронен взрослый мужчина 45–50 лет. Через некоторое время, его кости были собраны и компактно сложены у северной стенки могилы. Затем было произведено подзахоронение мужчины 25–30 лет. Его костяк располагался по центру склепа и был ориентирован головой на восток[9]. Инвентарь:

1. Амфора «протофасосская» (рис. 1–*2*; 2–*2*). Стояла в северо-западном углу склепа. Высота амфоры – 42,8 см; диаметр венчика – 10,8 см; диаметр тулова – 25,0 см; диаметр ножки – 5,0 см.

2. Меч железный № 1 с бронзовым навершием[10]. Длина сохранившаяся 60,0 см, ширина 5,0 см.

3. Наконечник копья железный. Длина ок. 34,0 см, ширина – 3,2 см.

4. Ойнохоя красноглиняная (рис. 7–*1*). Высота – 21,1 см; диаметр тулова – 14,2 см.

5. Килик чернолаковый № 1 (рис. 6–*5*). Высота – 7,0 см; диаметр закраины – 11,2 см.

6. Миска красноглиняная № 1 (рис. 6–*3*). Высота – 8,5 см; диаметр закраины – 20,5 см.

7. Килик чернолаковый № 2, на ножке (рис. 7–*2*). Высота – 8,8 см; диаметр закраины – 12,6 см.

8. Миска красноглиняная № 2 (рис. 6–*4*). Высота – 7,5 см; диаметр закраины – 20,2 см.

---

[9] *Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2 // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2011. С. 32. Рис. 1.

[10] *Они же.* Клинковое оружие… С. 77. Рис. 2.2; *они же.* Уникальный биметаллический акинак… С. 33. Рис. 2.

9. Меч-акинак железный № 2[11]. Длина сохранившаяся – 33,0 см, ширина – 3,6 см.

10. Наконечник стрелы железный.

11. Гвозди железные – 2 шт.

12. Шило (?) железное.

13. Наконечник стрелы бронзовый.

14. Кинжал железный. Длина ок. 22,0 см, ширина – 3,0 см.

15. Солонка чернолаковая (рис. 6–*1*). Высота – 3,8 см; диаметр закраины – 8,0 см.

16. Солонка(?) из дна кувшина (рис. 6–*2*). Высота – 3,1 см; диаметр закраины – 8,4 см.

17. Кость животного – коровы.

К югу от погребения № 32 было обнаружено связанное с ним символическое захоронение лошади – череп и несколько бронзовых бляшек от упряжки, выполненные в скифском зверином стиле.

По имеющемуся инвентарю погребение может быть датировано первой половиной V в. до н.э.

Погребение 40. Индивидуальное погребение в сырцовом склепе принадлежало мужчине 40–45 лет. Костяк головой ориентирован на восток[12]. Инвентарь[13]:

1. Амфора «протофасосская» (рис. 1–*3*; 2–*3*). Высота – 54,0 см, диаметр тулова – 30,0 см. Амфора находилась в ногах погребенного, в юго-западном углу могилы.

2. Лекиф чернолаковый (рис. 8–*1*). Высота – 12,0 см, диаметр венчика – 3,0 см. Лекиф был украшен росписью в виде трех пальметток.

3. Килик чернолаковый (рис. 8–*2*). Высота – 6,0 см, диаметр – 12,4 см. Килик находился около южной стенки погребальной камеры.

4. Чаша на ножке чернолаковая (рис. 8–*3*). Высота – 8,5 см, диаметр закраины – 18,0 см. Чаша находилась между амфорой и киликом. Рядом с ней была обнаружена кость животного.

5. Меч железный[14]. Длина – 54,0 см; длина лезвия – 43,0 см; максимальная ширина лезвия – 3,5 см. Меч находился на поясе погребенного и располагался по диагонали тела.

6. Наконечник копья железный. Длина – 47,0 см. Железный наконечник копья располагался около правого плеча. Острие в сечении ромбовидное, втулка полая, в сечении круглая.

7. Вток копья железный. Длина – 12,0 см. Лежал в районе правой ноги, имеет конусовидную форму, внутри полый, в сечении круглый.

8. Наконечники стрел железные. Длина – 3,0–4,7 см. Всего в могиле обнаружено 13 наконечников стрел, из них 4 трехлопастных и 9 двулопастных железных наконечников. Все они имеют выделенную втулку. Большинство из них найдено в заполнении погребения, два

---

[11] *Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие... С. 79. Рис. 3.4.

[12] *Кашаев С.В.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки". М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 91. Рис. 1.1.

[13] Там же. С. 91. Рис. 2.

[14] *Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие... С. 77. Рис. 2.1.

наконечника располагались у левой руки погребенного.

9. Ворворка бронзовая. Высота – 2,8 см, диаметр основания – 3,0 см. Была обнаружена у левого колена.

10. Нож железный. Длина ок. –14,0 см. Нож с остатками костяной ручки лежал слева от костяка. Ручка сохранилась очень плохо, она крепилась к лезвию тремя железными заклепками. Лезвие имеет на конце необычный выступ, что заставляет предположить, что этот инструмент имел специальное предназначение.

11. Игла бронзовая. Сохранившаяся длина – 8,8 см. Игла находилась в погребении рядом с ножом.

12. Киаф – черпак для вина бронзовый (рис. 8–*4*). Длина – 41,0 см. Киаф лежал вдоль южной стенки погребальной камеры рядом с амфорой

13. Пряслице (?) железное. Высота – 2,0 см, диаметр – 2,5 см. Найден в заполнении могилы.

14. Кости животных. Лежали около южной стенки погребальной камеры, между киликом и чашей лежали две кости животных, положенные в качестве заупокойной пищи, одна кость коровы; вторая, предположительно, козы или овцы.

По инвентарю погребение можно датировать второй четвертью V в. до н.э.

Погребение 45. Индивидуальное захоронение в сырцовом склепе. В могиле обнаружен ориентированный головой на восток костяк женщины 25–30 лет[15]. Инвентарь[16]:

1. Амфора «протофасосская» (рис. 1–*4*; 2–*4*). Стояла в западном углу погребальной камеры. Высота – 48,0 см, диаметр тулова – 32,0 см.

2. Миска красноглиняная (рис. 9–*4*). Высота – 9,0 см, диаметр закраины – 23,0 см. Была прислонена к южной стенке могилы и стояла почти вертикально на уровне тазовых костей.

3. Килик чернолаковый (рис. 9–*3*). Высота – 8,3 см, диаметр закраины – 15,0 см. Находился около южной стены погребальной камеры, на уровне кисти левой руки погребенной и был перевернут вверх дном.

4. Лекиф красноглиняный (рис. 9–*1*). Высота – 18,0 см, диаметр венчика – 4,6 см. Располагался у северной стенки могилы, выполнен из яркой розовой глины. Венчик, плечики и ножка орнаментированы кольцевыми полосками красной краски.

5. Мисочка с одной ручкой (рис. 9–*2*). Высота – 3,0 см, диаметр закраины – 4,8 см. Выполнена из красной глины. Внутри и по закраине мисочка украшена кольцевыми полосками красной краски. Такие сосуды ранее неоднократно встречались в женских погребениях. Предположительно могли использоваться для косметических целей.

6. Спиральные серебряные подвески – 2 шт. Размер – 2,2 х 2,5 см, диаметр проволоки – 0,4 см. Обнаружены под черепом.

---

[15] *Кашаев С.В.* Исследования некрополя... С. 92. Рис. 1.3.

[16] Там же. С. 92. Рис. 3.

7. Навершия серебряные – 2 шт. Диаметр – 8–9 мм, высота – 9–11 мм. Найдены в районе берцовых костей. Внутри обоих сохранилось по небольшой бронзовой заклепке. Предположительно навершия могли украшать некий удлиненный деревянный предмет или были одеты на концы кожаных шнурков.

8. Перстень бронзовый со щитком. Диаметр – 2,3 см. Располагался у левого бедра. Сильно коррозирован. На щитке имеется гравированное изображение, но в силу плохой сохранности разобрать его невозможно.

9. Бусины гагатовые бочковидной формы – 7 шт. Диаметр – 5 мм, длина – 6–7 мм. Помимо 7 целых гагатовых бусин найдены мелкие осколки еще двух или трех полностью распавшихся аналогичных бусин. Две бусины находились у левого плеча, остальные найдены в заполнении могильной ямы.

10. Пряслице свинцовое. Высота – 1,0 см, диаметр – 3,6 см. Находилось у южной стенки могилы, в восточном углублении, на уровне черепа.

11. Нож железный. Длина – 10,5 см. Располагался у южной стенки погребальной камеры на уровне левого локтя.

12. Игла бронзовая. Длина – 7,5 см. Обнаружена рядом с железным ножом.

13. Кость животного (коровы). Найдена рядом с миской, положена в качестве заупокойной пищи.

14. Бусины серебряные – 15 шт. Диаметр – 5–6 мм. В заполнении могилы обнаружены 15 серебряных бусин разной сохранности. Бусины круглые, внутри полые, спаяны из двух половинок. В районе отверстий имеются небольшие утолщения.

По инвентарю погребение можно датировать второй четвертью V в. до н.э.

Погребение 47. Захоронение индивидуальное, в сырцовом склепе, принадлежит женщине примерно 20–30 лет. Захоронение совершено по обряду трупосожжения. Кремация была проведена на стороне, затем не полностью сгоревшие останки были перенесены в могилу[17]. Инвентарь[18]:

1. Амфора «протофасосская» (рис. 1–*5*; 2 –*5*). Высота – 46,0 см, диаметр – 26,0 см. Стояла в западном углу погребальной камеры.

2. Миска красноглиняная (рис. 10–*6*). Высота – 7,4 см, диаметр закраины – 18,0 см. Лежала дном вверх у южной стенки могилы, на уровне ног. Внутри и по закраине миска украшена широкими кольцевыми полосками красной краски. Сохранность краски очень хорошая, даже после просушки сосуда она не потемнела и была яркой.

3. Мисочка красноглиняная с ручкой (рис. 10–*2*). Высота – 4,0 см, диаметр закраины – 10,0 см. Находилась у восточной стены камеры в районе головы. По краю мисочка орнаментирована кольцевой полосой красной краски.

---

[17] *Кашаев С.В.* Исследования некрополя... С. 94. Рис. 1.4.

[18] Там же. С. 92. Рис. 3.

4. Лекиф чернолаковый (рис. 10–*5*). Высота – 14,5 см, диаметр венчика – 3,0 см. Находился у северной стены погребальной камеры на уровне черепа, украшен геометрическим орнаментом по светлому фону.

5. Скифос чернолаковый (рис. 10–*4*). Высота – 11,0 см, диаметр закраины – 13,6 см. Скифос лежал на боку в ногах погребенной.

6. Пиксида керамическая (рис. 10–*1*). Высота с крышкой – 4,5 см, диаметр крышки – 6,0 см. Основание (емкость) красноглиняной пиксиды находилось в восточном углублении. Крышка пиксиды была обнаружена с остальным инвентарем у южной стенки могилы. Крышка сильно пострадала, раздавлена грунтом на множество мелких фрагментов. Основание сохранилось почти целым.

7. Скифос миниатюрный – котила (рис. 10–*3*). Высота – 4,8 см, диаметр закраины – 6,2 см. Скифос (котила) находился у северной стенки могилы, примерно на уровне таза. Скифос украшен по белому фону растительным орнаментом в виде пальметток.

8. Колечко серебряное. Диаметр ок. 2,0 см. Найдено в западном углублении, полностью коррозировало и рассыпалось.

9. Подвески золотые – 27 шт.[19] Всего на дне могилы и в заполнении обнаружено 27 подвесок (бусин) из желтого метала (золота). Встречены подвески двух типов:

Тип 1 – круглая бусина с каплевидной подвеской. Бусина спаяна из двух частей – горизонтальной круглой и вертикальной каплевидной. Диаметр круглой части 4 мм, общая длина 17 мм. Каждая часть изготовлена из двух половинок полых внутри. 19 шт.

Тип 2 – круглая бусина, диаметром 4 мм. Бусина спаяна из двух половинок, полых внутри. Со стороны отверстий припаяны колечки из рубленой проволоки. 8 шт.

10. Нож железный. Длина – 17,0 см, ширина лезвия – 2,7 см. Найден у северной стенки могилы, примерно на уровне таза погребенной.

11. Зеркало бронзовое. Диаметр – 16,2 см. Находилось в восточном углу погребальной камеры. Сильно коррозировано и раздавлено грунтом на несколько кусков. В нижней части сохранились остатки крепления деревянной ручки – две заклепки и тонкая пластина из бронзы.

12. Предмет железный конусовидной формы. Сохранившаяся длина – 6,0 см, диаметр до 1,2 см.

По инвентарю погребение можно датировать второй четвертью V в. до н.э.

Погребение 64. Индивидуальное погребение в сырцовом склепе. Принадлежало мужчине в возрасте 20–25 лет. Костяк лежал вытянуто на спине и ориентирован головой на восток с небольшим отклонением к северу[20]. Инвентарь[21]:

---

[19] *Кашаев С.В.* Золотые украшения из некрополя Артющенко-2 // Записки ИИМК РАН. СПб., 2010. № 5. С. 137. Рис. 2.4.

[20] *Он же.* Исследования некрополя... С. 96. Рис. 4.2.

1. Амфора (рис. 1–*10*; 2–*10*). Высота – 57,0 см, диаметр тулова – 24,0 см. Находилась в южном углу могилы. Амфора с усеченно-конусовидным (стаканообразным дном) выполнена из коричневой глины с большим содержанием слюды. Глина очень хрупкая и ломкая, сосуд раздавлен грунтом на множество фрагментов, частично его удалось реставрировать.

2. Миска одноручник (рис. 11–*4*). Высота – 5,8 см, диаметр – 17,8 см. Красноглиняная ионийская миска с небольшой петлевидной ручкой, была перевернута вверх дном, находилась около левого колена погребенного. Внутри миска украшена кольцевыми полосками темной краски.

3. Лекиф (рис. 11–*3*). Высота – 9,8 см, диаметр – 3,5 см. Обнаружен около северной стенки погребальной камеры, раздавлен грунтом на несколько частей. Цвет лака темно красный, по тулову украшен росписью в виде пальметток.

4. Кувшинчик красноглиняный (рис. 11–*2*). Высота – 8,6 см, диаметр – 5,2 см. Располагался около правой руки погребенного.

5. Мисочка (рис. 11–*1*). Высота – 3,6 см, диаметр – 9,4 см. Находилась около левого колена погребенного. В кольцевом поддоне мисочки имеются два сквозных отверстия, выполненные по сырой глине.

6. Колечки бронзовые – 10–12 шт. Диаметр ок. 1,0 см. Обнаружены в районе пояса (очень плохой сохранности). Часть из них полностью коррозировала и рассыпалась, несколько колечек удалось собрать (8 шт.).

7. Пряжка бронзовая нашивная с изображением оленя, выполненная в скифском зверином стиле. Размер 1,5 х 2,0 см. Найдена рядом с колечками. С обратной стороны пряжка имеет небольшую петельку.

8. Нож железный. Длина – 10,7 см, ширина – 2,6 см. Найден под правым коленом погребенного.

9. Меч-акинак железный с сердцевидным перекрестием[22]. Длина – 37,2 см, ширина – 4,5 см. Находился на поясе погребенного и располагался по диагонали тела. Сохранность железа очень плохая.

10. Наконечник копья железный № 1. Длина примерно 39,5 см, ширина – 3,5 см. Лежащие вплотную два железных наконечника копий обнаружены в северо-восточном углу погребальной камеры. Острие в сечении ромбовидное, втулка полая, в сечении круглая.

11. Наконечник копья железный № 2. Длина – 41,2 см, ширина – 3,0 см. Острие в сечении ромбовидное, втулка полая, в сечении круглая.

12. Вток копья железный № 1. Длина – 14,0 см, ширина – 2,0 см. Два железных втока копий найдены в районе ног погребенного с левой стороны. Вток цилиндрической формы, внутри полый, в сечении круглый.

---

[21] Там же. С. 94. Рис. 5.

[22] *Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие... С. 75. Рис. 1.2.

13. Вток копья железный № 2. Длина – 11,0 см, ширина – 2,0 см. Вток цилиндрической формы, внутри полый, в сечении круглый.

14. Наконечник стрелы железный трехгранный втульчатый. Длина – 3,0 см.

15. Наконечник стрелы железный трехгранный втульчатый. Длина – 3,8 см.

16. Наконечник стрелы железный двухлопастной втульчатый. Длина – 3,3 см.

17. Втулки железные – 2 шт. Длина – 2,5 см, диаметр – 2,0 см. Железные втулки, возможно пряслица или подвески, наподобие ворворок.

18. Кости животного. Обнаружены у южной стенки могилы.

Погребение можно предположительно датировать рубежом VI–V вв. до н.э. или началом V в. до н.э.

Погребение Г5. Погребение ограблено в 2009 г. В заполнении грабительского перекопа и подбоя обнаружены отдельные фрагменты человеческих костей и несколько артефактов. Скорее всего, в могиле было захоронено двое взрослых людей, женщина 40–50 лет и мужчина 50–60 лет. Предположительно первым был погребен мужчина. Затем могила была повторно вскрыта, поверх останков умершего был насыпан слой песка, на котором была захоронена женщина. Сохранившийся инвентарь:

1. Амфора «протофасосская» (рис. 1–*б*; 2–*б*). Высота, реконструируемая, ок. 48,0 см, диаметр тулова – 25,0 см. Сохранились горло амфоры и нижняя часть тулова из нескольких фрагментов. Между собой они не стыкуются, судя по глине – происходят от одного сосуда.

2. Фрагмент кольцевого поддона миски.

3. Фрагменты железных мечей – 2 шт.[23] Длина – 16,0 см, ширина – 5,0 см. Длина – 13,0 см, ширина – 4,0 см.

Примерно в одном метре к югу от Погребения Г5 на глубине около 1,2 м от поверхности находилось захоронение черепа лошади – Погребение коня 4.

Судя по амфоре погребение можно отнести ко второй четверти V в. до н.э.

Погребение Г8. Погребение ограблено в 2009–2010 гг. Скорее всего, погребальное сооружение представляло собой большой склеп прямоугольной формы, размером 2,3–3,2 м, стены и перекрытия которого были выполнены из деревянных брусьев. На дне камеры обнаружены четыре углубления округлой формы, глубиной около 20–25 см. Углубления предназначены для установки в них ножек деревянного саркофага или носилок. Сырцовые конструкции не зафиксированы.

В заполнении грабительского перекопа и подбоя обнаружены отдельные фрагменты человеческих костей и несколько артефактов. Погребение принадлежало мужчине 30–35 лет.

Скорее всего, над Погребением Г8 в древности была устроена насыпь или небольшой курган. Наличие насыпи позволило, спустя не-

[23] *Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Клинковое оружие... С. 81. Рис. 47; 4.8.

которое время, совершить в ней подзахоронение младенца в амфоре (Погребение 97). Сохранившийся инвентарь:

1. Амфора «протофасосская» (рис. 1–*7*; 2–*7*). Высота – 49,0 см, диаметр тулова – 25,0 см. Обнаружена целой в юго-западном углу могилы.

2. Перстень серебряный (рис. 12–*2*). Диаметр – 2,5 см. На щитке можно различить орнамент в виде ромбов.

3. Ворворка бронзовая (рис. 12–*1*). Высота – 1,7 см, диаметр – 1,2 см. Обнаружена в северо-западном углублении.

4. Наконечник копья железный. Длина сохранившихся частей ок. 34,0 см, ширина – 3,0 см. На втулке сохранилось бронзовое крепежное колечко.

5. Наконечник копья железный. Длина сохранившихся частей ок. 24,0 см, ширина – 2,8 см. На втулке сохранилось бронзовое крепежное колечко.

6. Вток копья железный. Длина – 10,8 см, диаметр – 1,8 см.

7. Вток копья железный. Длина – 9,2 см, диаметр – 2,2 см.

8. Наконечник стрелы железный – 1 шт. Длина – 10,2 см, диаметр – 1,0 см.

9. Наконечники стрел железные, втульчатые – 3 шт. Длина ок. 3,0 см, ширина пера – 0,9 см.

10. Ситечко бронзовое (рис. 12–*3*). Высота – 2,8 см, диаметр – 12,0 см. Форму ситечка удалось реконструировать по фрагментам. Достаточно редкая находка, по публикациям в Северном Причерноморье известно около 15–20 экземпляров. Считается, что подобные ситечки являются этрусским импортом[24].

11. Пластина костяная резная. Размер – 2,5 х 1,6 см. Внешняя поверхность тщательно обработана и украшена четырьмя рядами параллельных канавок.

12. Пластина-накладка костяная. Размер – 5,0 х 1,8 х 0,2 см. Скорее всего, тонкая пластина была накладкой на железном или деревянном предмете, в ней имеется одно отверстие диаметром 4 мм.

13. Кости животных (свиньи) – 2 шт. Обнаружены в заполнении грабительского прокопа. Возможно, были положены в качестве напутственной пищи.

Судя по необычной и сложной конструкции могилы (аналогии которой были найдены на Тамани[25]), серебряному мужскому перстню, бронзовому ситечку и амфоре, можно предполагать, что данное погребение изначально содержало большое количество инвентаря, основная часть которого похищена грабителями. Среди инвентаря могли быть чернолаковые и расписные сосуды, изделия из драгметаллов и другие предметы. Это было, если не самое богатое, то одно из самых богатых и значительных погребений некрополя.

---

[24] *Билимович З.А.* Этрусские бронзовые ситечки, найденные в Северном Причерноморье // Из истории Северного Причерноморья. Л., 1979. С. 26.

[25] Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1874 г. СПб., 1877. С. XVI.

По инвентарю погребение можно датировать началом – первой четвертью V в. до н.э.

После варварского разграбления некрополя Артющенко-2 весной 2009 г. в июне этого же года милиция задержала жителя Темрюкского района, у которого был изъят археологический материал – керамические сосуды античного времени. В результате проведенной экспертизы было установлено, что изъятые керамические сосуды происходят с некрополя Артющенко-2. Среди изъятых находок была «протофасосская» амфора (рис. 1–*8*; 2–*8*), датируемая второй четвертью V в. до н.э. Сейчас невозможно установить, из какого именно разграбленного погребения она происходит. Следы похищенных амфор были зафиксированы и в нескольких доследованных нами погребениях.

S.V. Kashaev

BURIALS WITH AMPHORAE IN NECROPOLIS ARTJUSCHENKO-2

Ground necropolis Artjuschenko-2 is situated in the Southern part of Taman peninsula (Temrjuk region of Krasnodar area). The site locates on the steep, abrupt bank of the Black Sea. In 2003–2012 the excavation area at the necropolis covered about 3600 square meters was under investigations. During the excavations 138 burials have been found, including 12 graves, which were supplementary examined after predatory excavations. Such complexes received special numbering with the letter "Г". The earliest graves date to the end of the 6th cent. BC, the latest belong to the 2nd cent. BC. The most part (about 70% of dated burials) go into the interval of about hundred years, between the early 5th and the early 4th cent. BC. Totally in the graves of Artjuschenko-2 necropolis ten trade amphorae have been revealed (Fig. 1; 2). Nine of them have been discovered in the burial complexes (n. 3, 24, 32, 40, 45, 47, 64, Г5, Г8), the tenth amphora has been confiscated from the robbers by the police. The majority of the graves with amphorae at Artjuschenko-2 necropolis date to the early 5th cent. BC, one grav—e belongs to the end of the century.

Seven burials of the necropolis (n. 3, 32, 40, 45, 47, Г5, Г8) contained the amphorae with complex-profiled foot, so-called "Protothasian" (Fig. 1 – *1–8*, 2 – *1–8*). The eighth amphora of the same type derives from the robbers' excavations of the necropolis. In the grave 24 Chian amphora with conical body, straight neck and "Protocap" foot has been found. In the grave n. 64 the amphora made of brown clay with the high content of mica has been unearthed. The vessel was crushed in many pieces by the soil, so it was possible to restore it only partly (Fig. 1–*10*; 2–*10*).

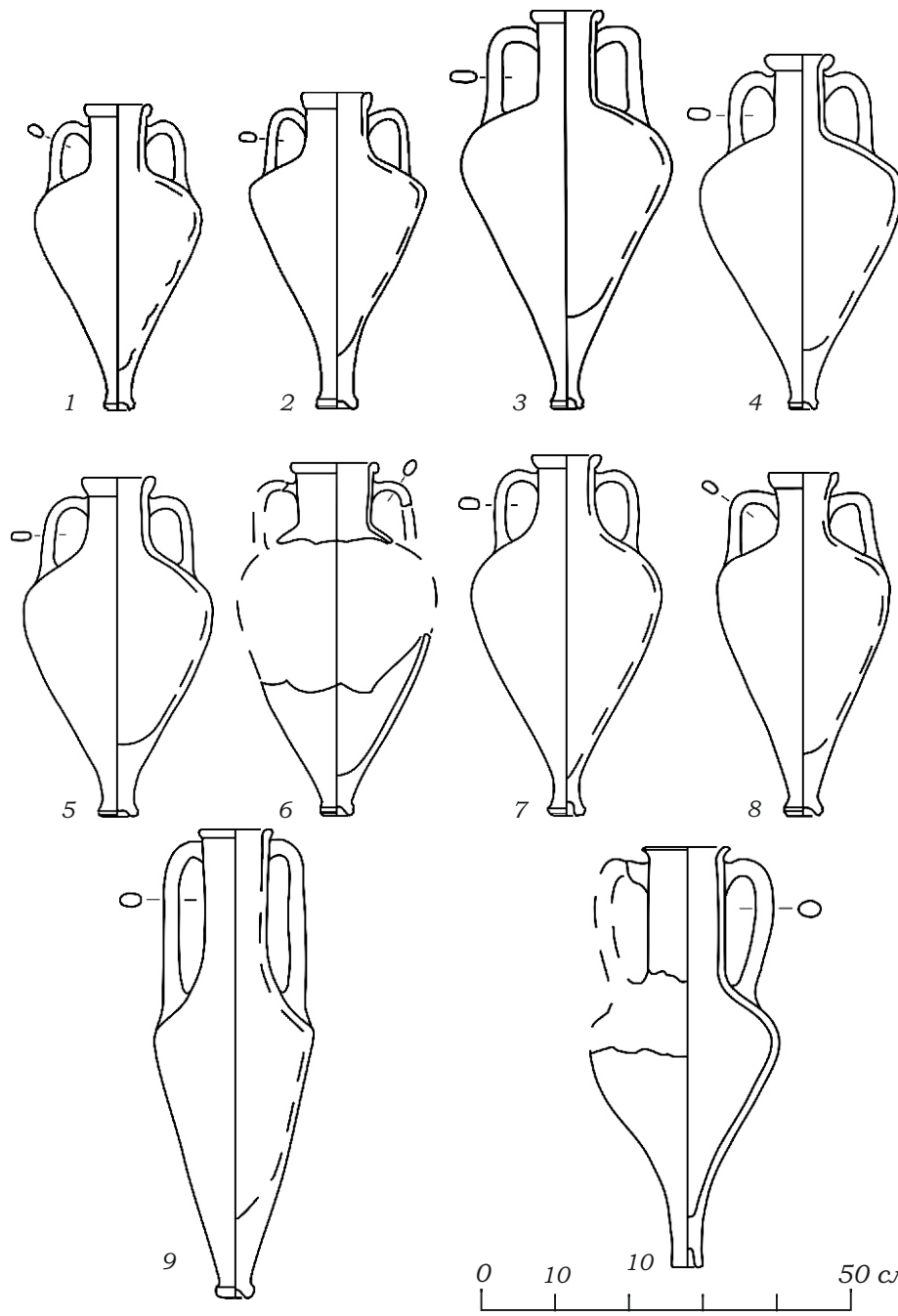


Рис. 1. Амфоры из погребений некрополя Артющенко-2:
1 - погребение 3; *2* - погребение 32; *3* - погребение 40; *4* - погребение 45; *5* - погребение 47; *6* - погребение Г5; *7* - погребение Г8; *8* - из грабительских раскопок; *9* - погребение 24; *10* - погребение 64

Рис. 2. Амфоры из погребений некрополя Артющенко-2:
1 - погребение 3; *2* - погребение 32; *3* - погребение 40; *4* - погребение 45; *5* - погребение 47; *6* - погребение Г5; *7* - погребение Г8; *8* - из грабительских раскопок; *9* - погребение 24; *10* - погребение 64

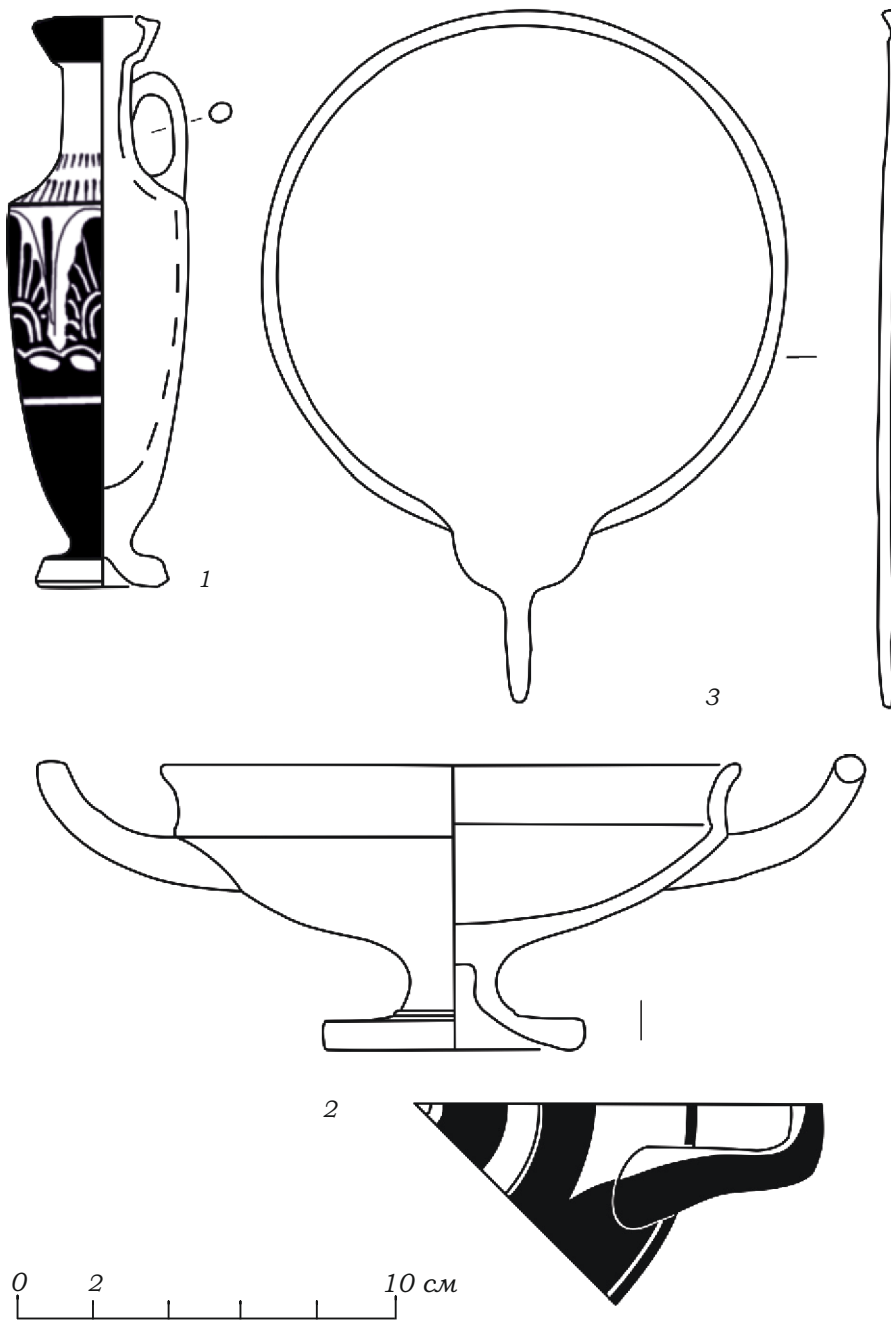


Рис. 3. Находки из погребения 3:
1 - лекиф; *2* - килик чернолаковый; *3* - зеркало бронзовое

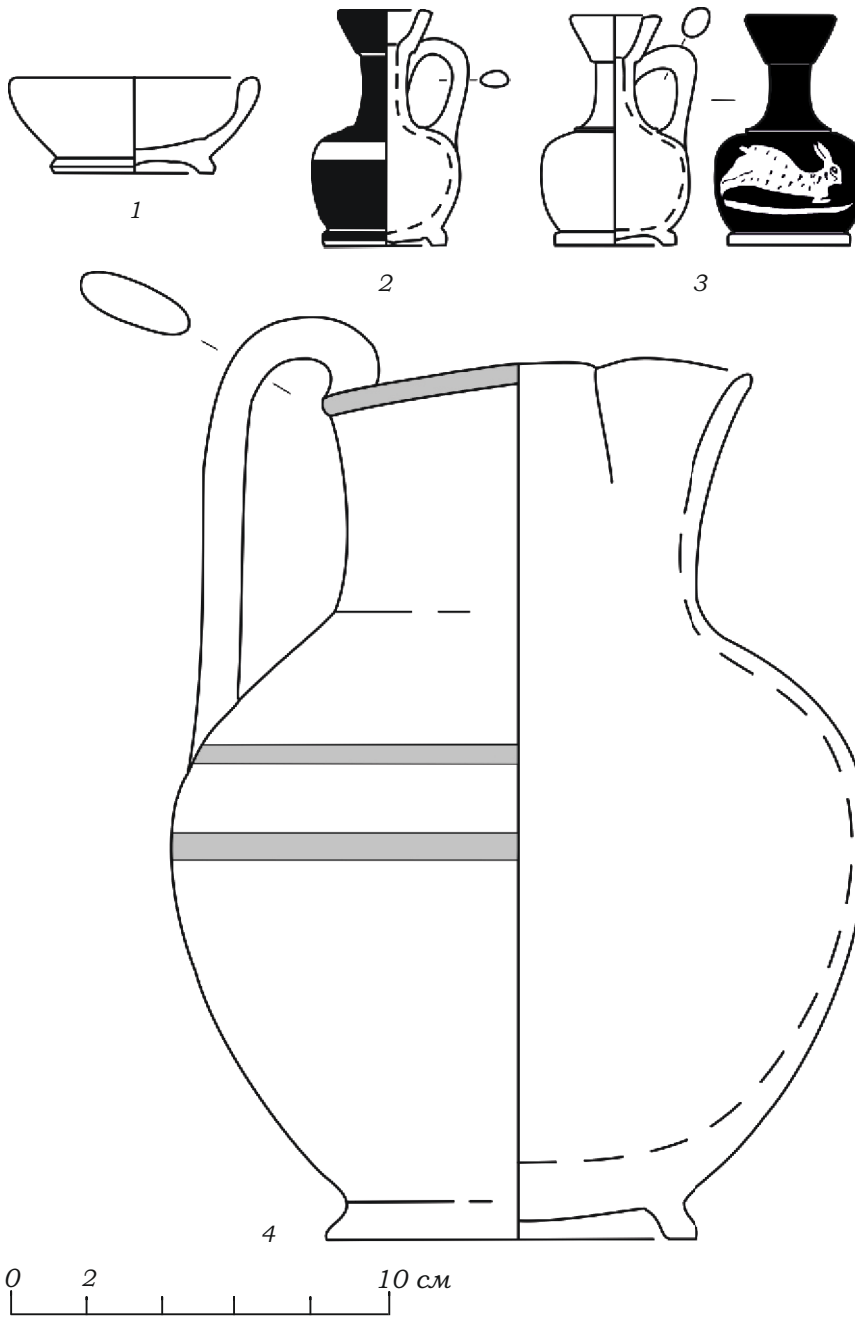


Рис. 4. Находки из погребения 24:
1 - солонка чернолаковая; *2* - лекиф чернолаковый;
3 - лекиф чернолаковый; 4 - ойнохоя красноглиняная

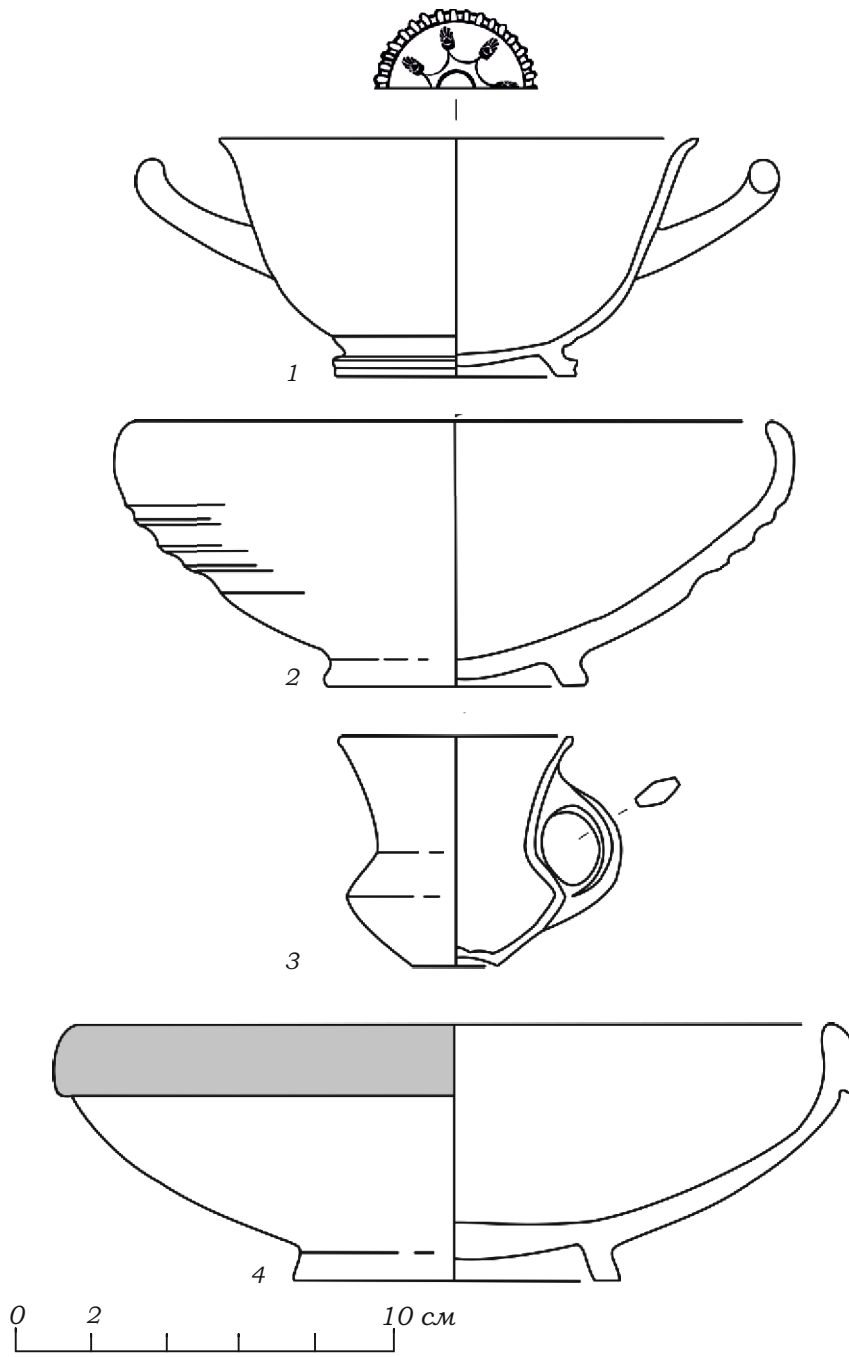


Рис. 5. Находки из погребения 24:
1 - килик чернолаковый; *2, 4* - миска красноглиняная; *3* - кубок лепной

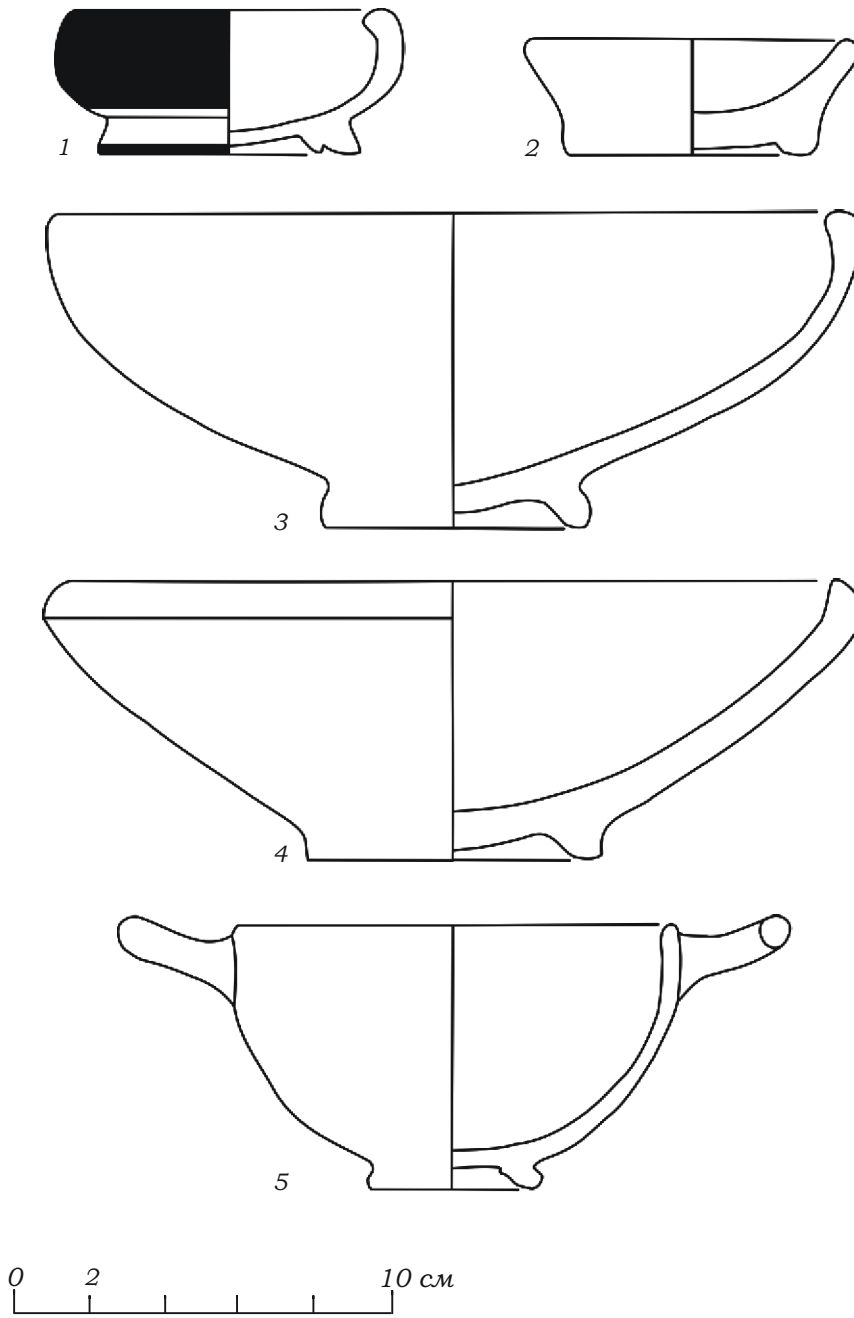


Рис. 6. Находки из погребения 32:
1 - солонка чернолаковая; *2* - дно кувшина;
3, 4 - миска красноглиняная; *5* - килик чернолаковый

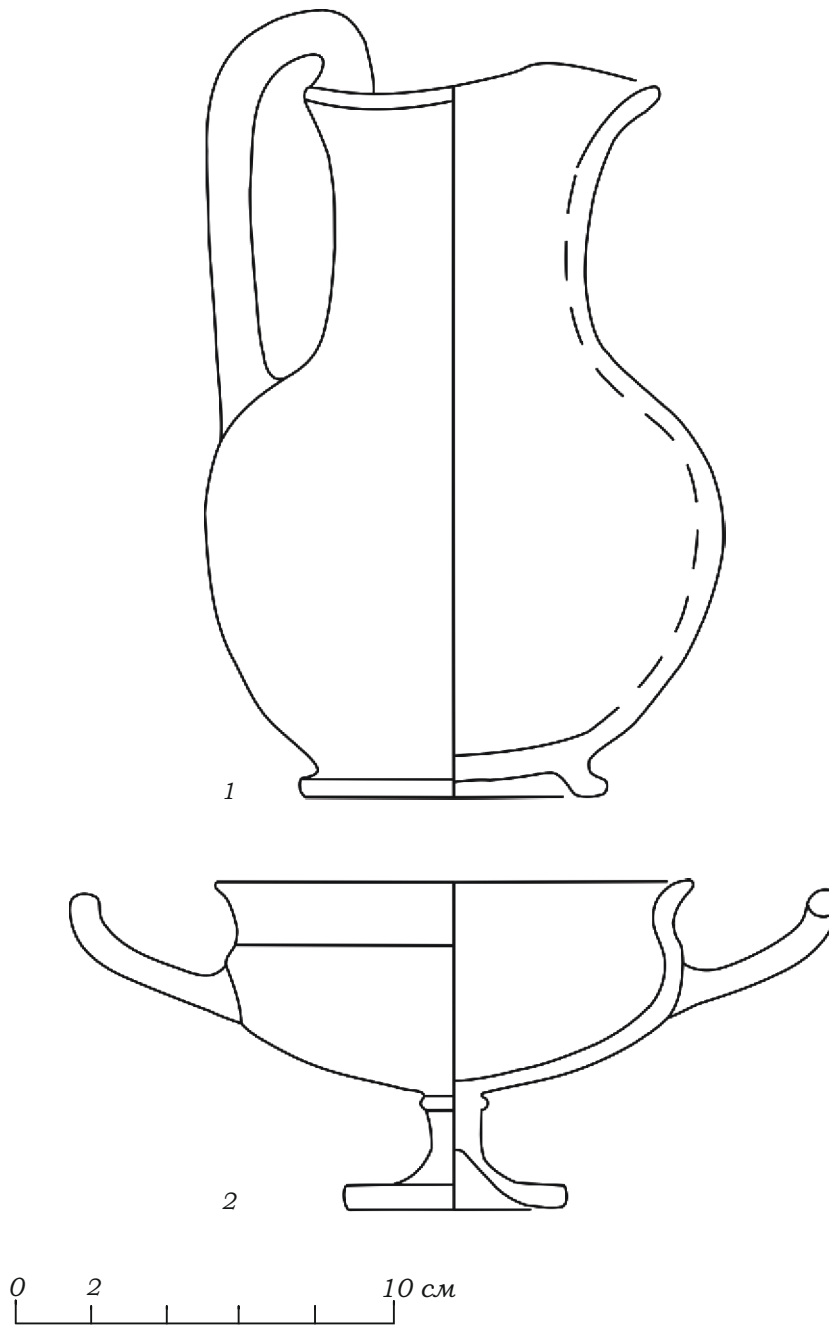


Рис. 7. Находки из погребения 32:
1 - ойнохоя красноглиняная; *2* - килик чернолаковый

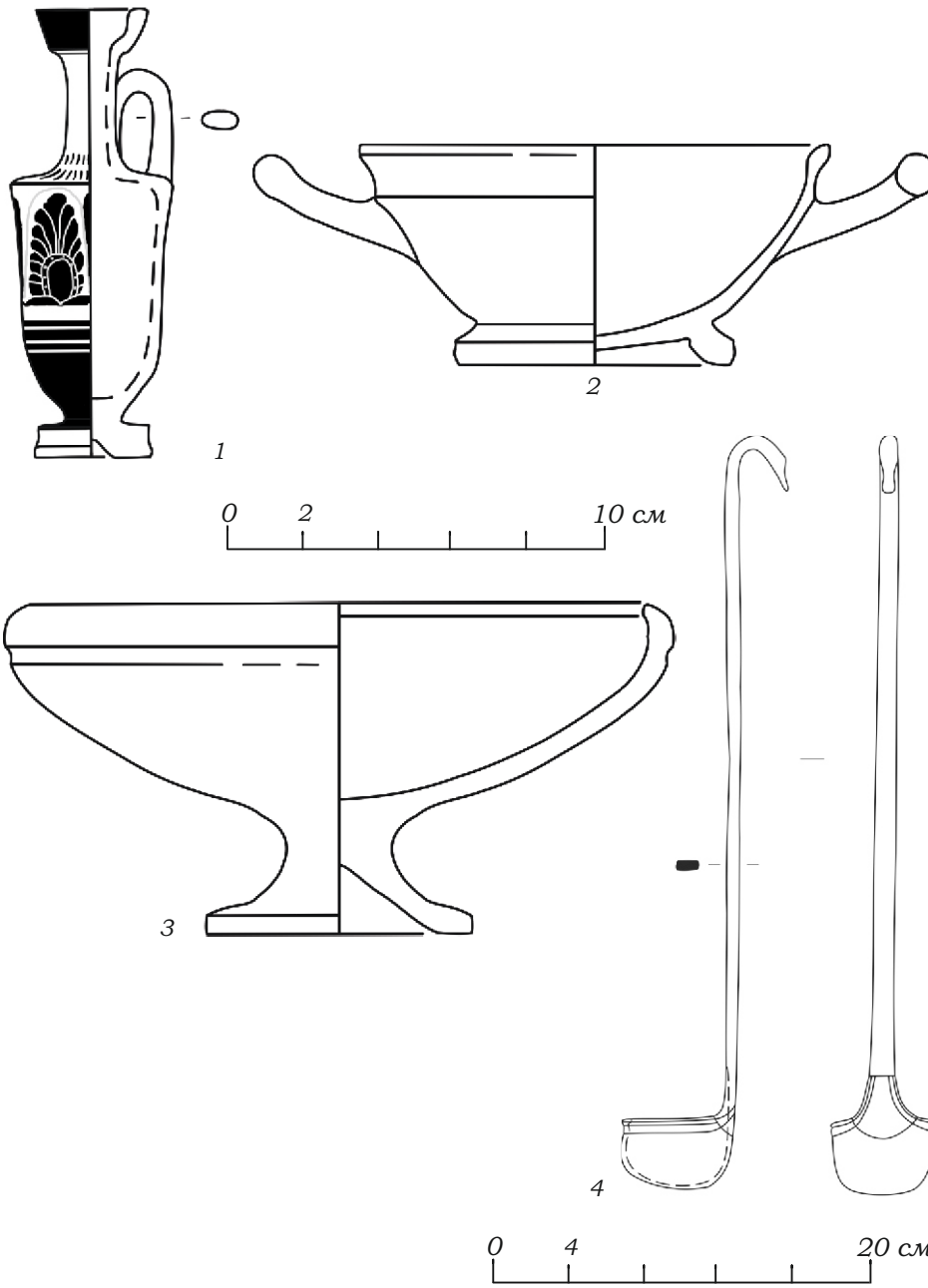


Рис. 8. Находки из погребения 40:
1 - лекиф чернолаковый; *2* - килик чернолаковый;
3 - чаша чернолаковая; *4* - киаф бронзовый

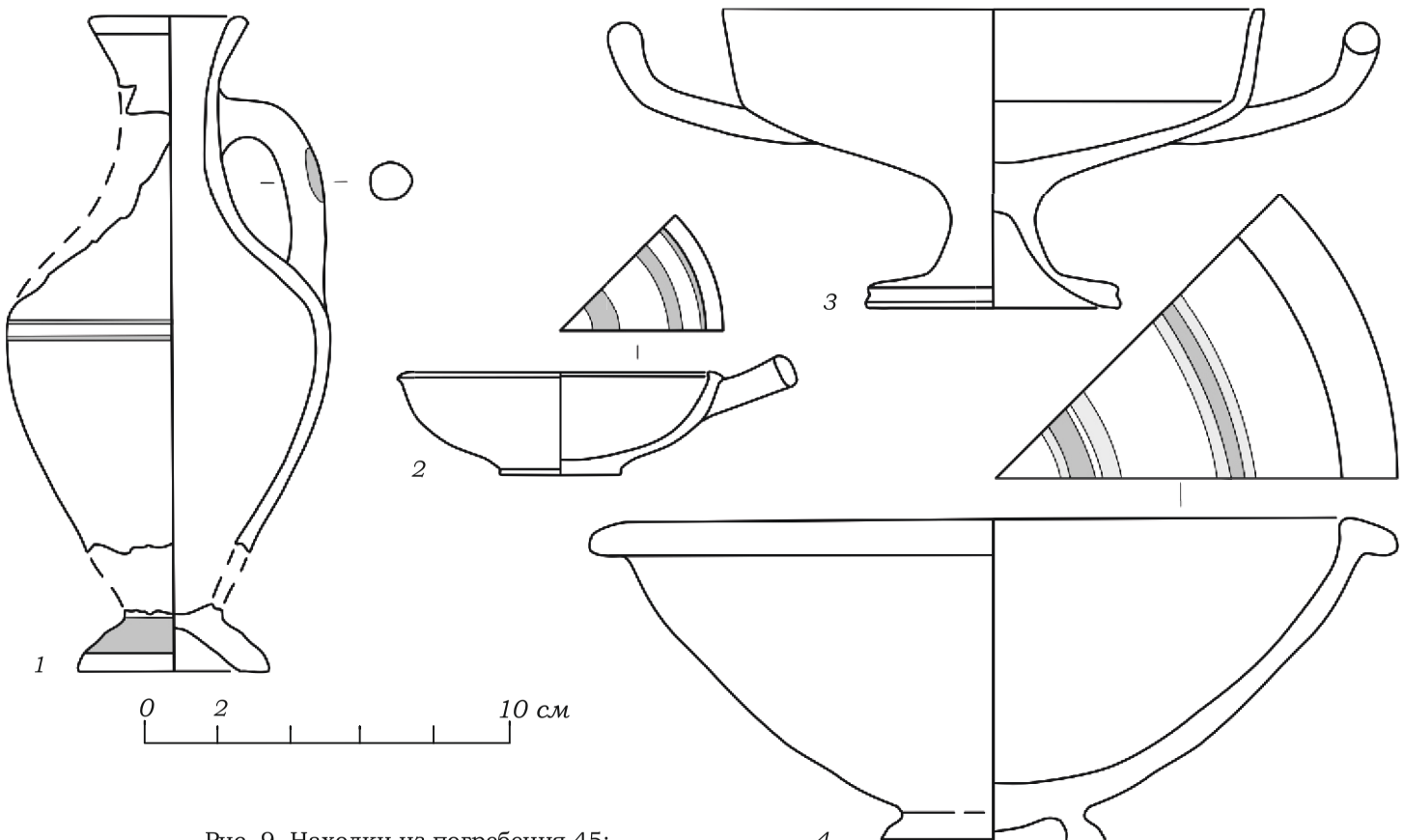


Рис. 9. Находки из погребения 45:
1 - лекиф красноглиняный; *2* - мисочка красноглиняная;
3 - килик чернолаковый; *4* - миска красноглиняная

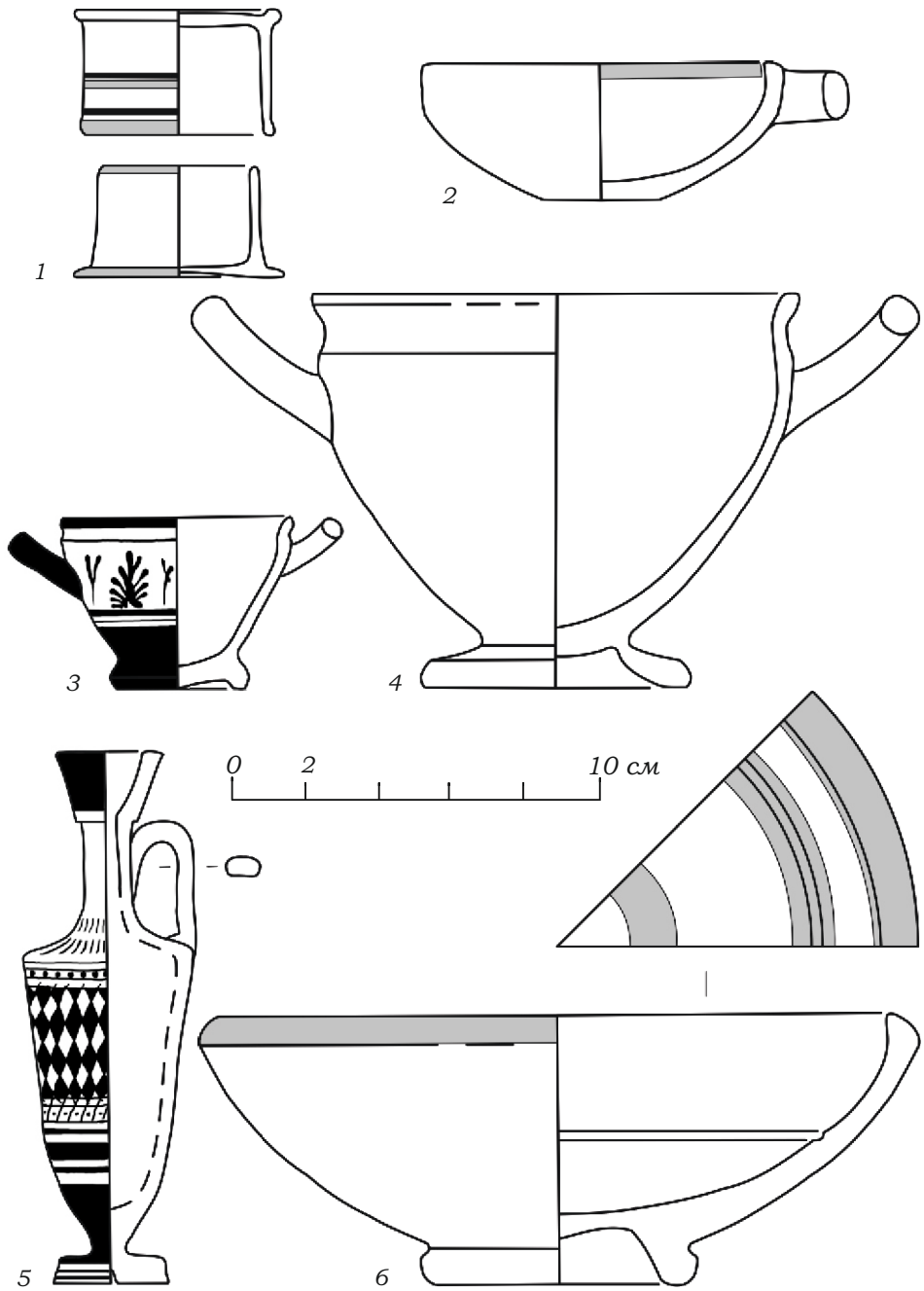


Рис. 10. Находки из погребения 47:
1 - пиксида красноглиняная; *2* - мисочка красноглиняная;
3 - скифос миниатюрный; *4* - скифос чернолаковый;
5 - лекиф чернолаковый; *6* - миска красноглиняная

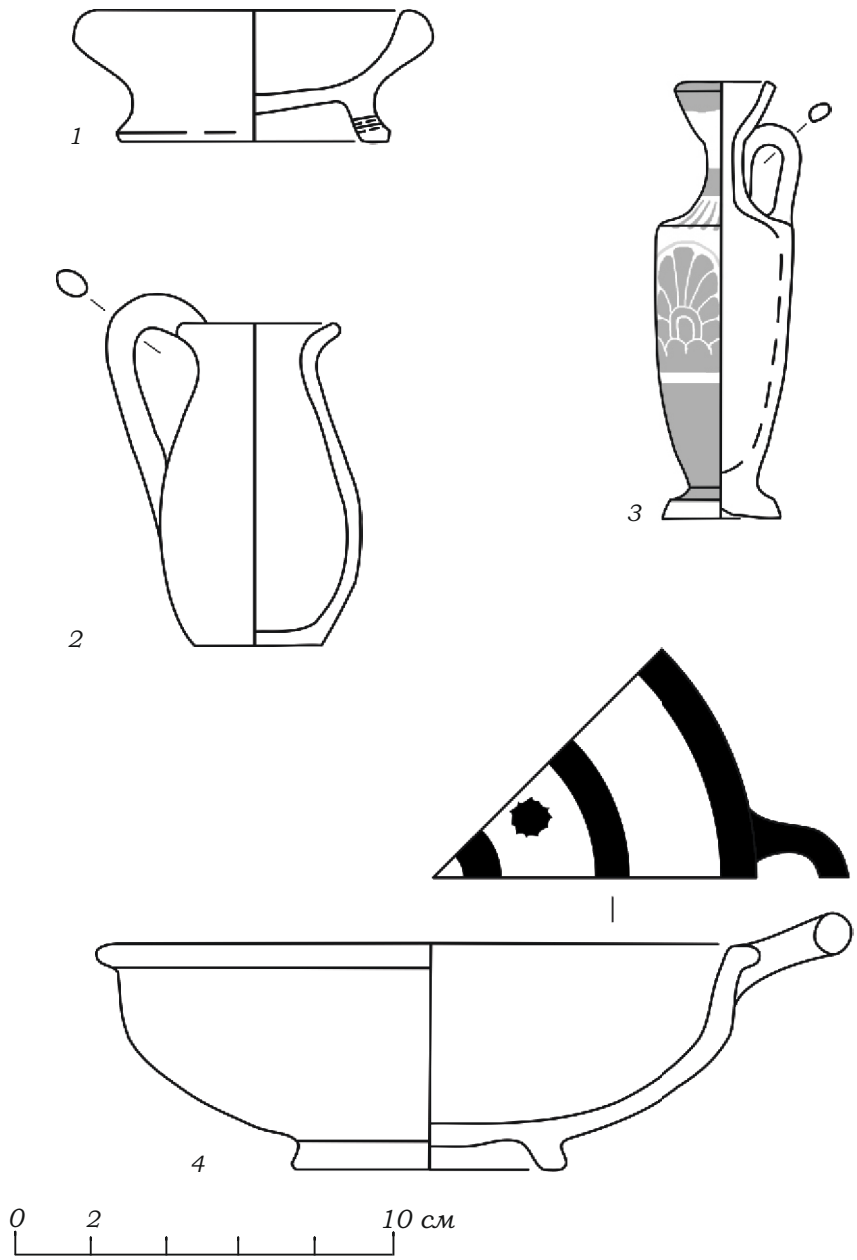


Рис. 11. Находки из погребения 64:
1 - мисочка красноглиняная; *2* - кувшинчик красноглиняный;
3 - лекиф; *4* - миска красноглиняная

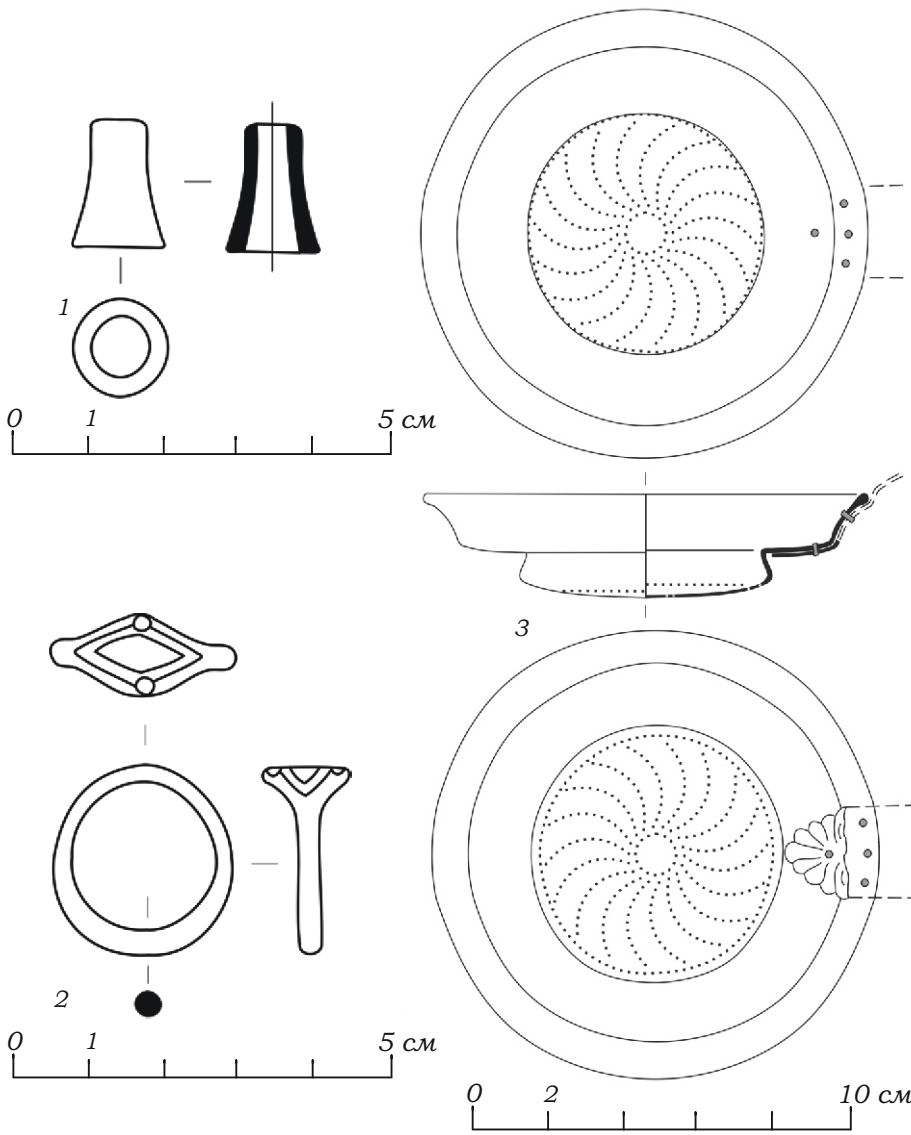


Рис. 12. Находки из погребения Г8:
1 - ворворка бронзовая; *2* - перстень серебряный;
3 - ситечко бронзовое

Р.В. Стоянов,
А. Эрим-Оздоган*

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СЛОЯ РАЗРУШЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ МЕНЕКШЕ ЧАТАЙ В ПРОПОНТИДЕ

Как известно, Пропонтида была достаточно плотно заселена в античный период. Несмотря на это, древние поселения региона ещё остаются сравнительно мало исследованными. К сожалению, в настоящее время мы имеем самые общие, во многом основанные на данных письменных источников, представления о характере организации хоры полисов Пропонтиды. Главные причины этого заключаются в том, что основное внимание исследователей долгое время и традиционно было приковано, прежде всего, к памятникам Западной Анатолии. Кроме того, сооружения и культурные напластования памятников античного времени, как правило, перекрыты позднейшей застройкой. Тем ценнее для изучения и понимания прошлого этого региона материалы сравнительно немногочисленных археологических раскопок памятников, расположенных на его территории.

Менекше Чатай (Menekşe Çatağı)[1] является, без преувеличения, эталонным памятником. Проводившиеся на его территории раскопки дали важнейшие археологические источники по материальной культуре древнего населения региона. Это единственный (Sic!) на сегодняшний день сельский памятник Северной Пропонтиды, археологические раскопки которого были проведены широкой площадью.

Поселение находится на северо-западном берегу Мраморного моря, у северо-восточного предгорья хребта Такирдаг, в 12 км к северо-востоку от г. Текирдаг (Tekirdağ) (рис. 1). Оно расположено в 50 м от моря, на плавно понижающемся к югу скалистом плато, разделённом на восточную и западную части ложбиной, образованной ручьём Менекше (Menekşe). Археологические раскопки памятника проводились совместными экспедициями Музея археологии и этнографии г. Текирдаг, кафедры Древней истории Стамбульского университета и кафедры Археологии университета г. Чанаккале в 1993–2007 гг.[2] В

---

* А. Эрим-Оздоган предоставила план, фотографии и полевую документацию по раскопу, фото находок; аналитическая часть заметки, а также обмерные чертежи выполнены Р.В. Стояновым.

1 Menekşe çatağı – фиалковая развилка (тур., устар.).

2 Подробнее о раскопках поселения см.: *Işın M.A.* Menekşe Çatağı 1993 Yılı Kurtarma Kazısı. Müze Kurtarma Kazıları Semineri V (1994). 1995. S. 17–26; *Işın M.A., Özdoğan A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı 1995 Yılı Sonu Bilimsel Raporu. Müze Kurtarma Kazıları Semineri VII (1996). 1997. S. 89–98; *Işın M.A., Özdoğan A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı 1996 Yılı Bilimsel Raporu. Müze Kurtarma Kazıları Semineri VIII (1997). 1998. S. 363–379; *Özdoğan A., Işın M.A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı Kazıları 1997 Yılı Çalışmaları. KST XX/I (1998). 1999. S. 295-

результате исследований была установлена относительная хронология памятника. Первое поселение, к которому относятся полуземлянки, хозяйственные ямы и захоронения, датируется периодами РБВ/СБВ. Следующий этап связан с античным поселением, основанным не ранее последней четверти VI в. до н.э. К этому времени относятся фундаменты наземной постройки и хозяйственные ямы. Эти сооружения затронули и частично разрушили комплексы, относящиеся к предыдущим периодам. Как показали раскопки и геологические исследования, в V в. до н.э. поселение было разрушено землетрясением. После этого оно продолжало функционировать в прежних границах вплоть до начала III в. до н.э., когда его территория резко сокращается[3].

Менекше Чатай, вероятно, относилось к хоре Визанфа или Перинфа - ближайших к нему античных центров (рис. 2). Визанф (Βισάνθη, Βυσάνθη), локализуемый на территории современного г. Такирдаг, известен исключительно по письменным источникам и упоминается у Геродота (Hdt. VII.137) и Ксенофонта (Xen. Anab. VII.2.38; VII.5.8). По свидетельству Помпония Меллы, Визанф был основан самосцами в VI в. до н.э. (Mela 2.24). В конце V – начале IV вв. до н.э. город контролировался фракийским царем Севтом, который считал его лучшим из своих приморских поселений (Xen. Anab. VII.2.38). Перинф (Πέρινθος) был также основан самосцами в VI в. до н.э. Город оставался одним из крупнейших центров Пропонтиды вплоть до конца IV в.[4]

Керамический комплекс слоя разрушения обработан не полностью. К настоящему времени разобраны материалы, относящиеся к помещениям V и D[5]. Целью данной заметки является введение в научный оборот серии сравнительно редких и хорошо датируемых

310; *Özdoğan A., Işın M.A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı Kazıları 1998 Yılı Çalışmaları. KST XXI/I (1999). 72–1. 2000. S. 239–250; *idem.* Tekirdağ Menekşe Çatağı Kurtarma Kazıları. KST XXIII/I (2001). 2002. S. 313–326; *Erim-Özdoğan A., Işın M.A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı, Doğu Çatak Kazısı. KST XXIV/I (2002). 2003. S. 377–389; *Özdoğan A.* Kuzeybatı Marmara'da Eski Bir Kıyı Köyü; Menekşe Çatağı. Köyden Kente; Yakındoğu'da ilk Yerleşimler. (İstanbul 2003). S. 217–231; *Özdoğan A., Akaç F., Işın M.A.* Tekirdağ Menekşe Çatağı, Doğu Çatak Kazısı. KST XXV/II (2003). 2004. S. 421–434; *Turan D.* Menekşe Çatağı Hellenistik Dönem Seramiği / Hellenistic Ceramics of Menekşe Çatağı. Marmara Studies Symposium Proceedinds // Marmara Araştırmaları Sempozyum Bildirileri. İstanbul, 2008. S. 23–40.

[3] Подробнее о материалах эллинистического времени см.: *Turan D.* Hellenistic Pottery of Menekse Catağı. Edirne, 2006; *idem.* Menekşe Çatağı Hellenistik Dönem Seramiği... S. 23–40.

[4] Подробнее см.: *Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986. P. 204–207. Археологические исследования городища проводились в 80–90-х гг. прошлого века экспедицией Стамбульского археологического музея, а также экспедициями кафедры первобытной истории Стамбульского университета и Музея археологии и этнографии г. Такирдаг.

[5] Статья подготовлена при поддержке Фонда Трои (Чанаккале-Тюбинген), в рамках исследовательского проекта «Греки и варвары в Северо-Западной Анатолии в VII–I–вв. до н.э.».

находок: тарных амфор, расписной и чернолаковой керамики, служащих хронологическими индикаторами для датировки комплекса.

Помещения V и D относятся к прямоугольной постройке, открытой в восточной части поселения (рис. 3–4). Ее раскопки проводились с 2004 по 2007 гг[6]. Сооружение состояло из смежных помещений, соединённых внутренними проходами. К сожалению, северная и южная части постройки не были открыты полностью. По этой причине в настоящее время невозможно убедительно установить её планировку и принадлежность. Сохранившаяся высота кладок внешних стен составляла от 0,5 до 1, 2 м, толщина – 0,7–1 м. Слой разрушения в помещении относится к подвалу или полуподвалу, на который рухнули части стен верхнего этажа, перекрытия и крыши. Вероятно, вследствие землетрясения произошло смещение слоёв грунта, приведшее к сильной просадке и обрушению всего сооружения, а также смещению кладок стен (рис. 5). На это же указывает массовая концентрация керамических обломков под южной стеной помещения D (рис. 7).

При разборе слоя разрушения помещений V и D было найдено в общей сложности 13 535 целых и фрагментированных керамических предметов[7]. Окончательные выводы о керамическом комплексе помещения и слоя разрушения будут сделаны после обработки всего материала. Тем не менее, на основе уже имеющейся информации, можно сделать несколько предварительных заключений, важных для понимания характера образования, хронологии и состава комплекса.

Соотношение групп керамики из слоя разрушения в помещениях D и V представлено в табл. 1–2[8]. В керамическом комплексе обоих помещений, как и в подавляющем большинстве подобных случаев, преобладали обломки тарных амфор (88,2 % и 93,98 % соответственно). Среди других категорий следует отметить сравнительно высокие процентные показатели столовой чернолаковой и расписной керамики в помещении D (8,39 %) и кухонной гончарной (9,21 %) в помещении V. Отдельно следует отметить высокий процент лепной керамики (11,8 %), в помещении V. Этот показатель представляется нам ещё интереснее, поскольку в помещении D не было найдено ни одного (Sic!) обломка лепного сосуда. Этот факт, безусловно, требует своего объяснения. Поскольку часть обломков принадлежала сосудам, относящимся к бронзовому веку, можно предположительно заключить, что при просадке и смещении грунта в этой части помещения был разрушен комплекс указанного периода, перекрытый рассматриваемым помещением. Вместе с тем, нельзя абсолютно исключить возможности

---

[6] В полевых описях и дневниках этот участок имеет шифр 41/O.

[7] Основная часть коллекции находок из раскопок поселения Менекше Чатай в настоящее время хранится на кафедре Археологии факультета гуманитарных наук университета г. Чанаккале (Çanakkale Onsekiz Mart Üniversitesi, далее - ÇOMÜ). Отдельные находки хранятся в Музее археологии и этнографии, г. Текирдаг (Tekirdağ Arkeoloji ve Etnografya Müzesi, далее - TAEM).

[8] При разборе слоя вся керамика традиционно анализировалась по форме и орнаментации изделия, центру производства и визуально различимому составу и цвету глиняного теста.

наличия среди найденных в помещениях лепных сосудов тех, которые были изготовлены в античный период. Окончательные выводы относительно этой категории керамики будут сделаны после анализа всего керамического комплекса постройки. Также следует обратить внимание на сравнительно небольшое количество обломков черепицы: 2 обломка в помещении D и 34 в помещении V (табл. 1–2). Подобная малочисленность, по всей видимости, связана с тем, что рухнувшая черепичная крыша, перекрывавшая помещение, была разобрана, а керамиды впоследствии вторично использованы в позднейших постройках, частично возведённых на фундаментах разрушенного сооружения.

Поскольку в наши задачи не входит публикация всех находок, в рамках данной заметки мы ограничимся обзором отдельных наиболее сохранившихся и хорошо датируемых экземпляров, характеризующих состав и хронологию керамического комплекса. Прежде всего – транспортных амфор, представленных продукцией основных античных центров-экспортеров, присутствовавших на рынках Эгеиды и Пропонтиды в конце VI–V вв.[9] Предварительно укажем, что большая часть обломков транспортных амфор в комплексе принадлежала продукции Хиоса, Фасоса, Менды и Лесбоса, а также амфорам неустановленных центров Северной и Восточной Эгеиды.

Перейдём к обзору наиболее сохранившихся сосудов, относящихся к перечисленным центрам. Лесбосские красноглиняные амфоры представлены обломками, относящимися к амфорам архаического типа, вариантов I-B и I-C (рис. 8 – *1–3*)[10]. Выпуск амфор этих серий относится к первой четверти V в.[11] Отметим, что обломок горла имеет небольшую припухлость, в целом не типичную для сосудов этих вариантов и не такую характерную, как у сероглиняных лесбосских амфор архаического (варианты I-E) и надлиманного (варианты II-A-C) типов[12].

К хиосским амфорам относятся обломок горла и ножки пухлогорлых амфор развитого варианта III-B, датируемые в пределах второй четверти V в. (рис. 8 – *4–7*)[13]. Как отмечает С.Ю. Монахов, для этого варианта хиосской тары, появляющегося в 80–70-х гг. V в., не была характерна орнаментация лаком по венцу, тулову и ручкам[14]. Это наблюдение подтверждается и материалами рассматриваемого комплекса: среди фрагментов венцов, входящих в него хиосских амфор, нет ни одного окрашенного.

---

[9] Здесь и далее наименования типов и вариантов транспортных амфор приведены в соответствии с типологией С.Ю. Монахова. Во всех случаях, кроме особо оговоренных, даты приведены до н.э.

[10] ÇOMÜ MenÇ: 06 41/ O 146 (1); 06 41/ O 150 (2); 04 41/ O 10 (3).

[11] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог определитель. М.; Саратов, 2003. С. 48–49. Табл. 31, *1, 4*.

[12] Там же. С. 46–47.

[13] ÇOMÜ MenÇ 04: 41/ O 48 (4); 0441/ O 76 (5); 41/ O 59 (6); 41/ O 54 (7).

[14] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 17–18.

Несколько обломков профильных частей, вероятно, относились к амфорам круга Фасоса «с раздутым горлом» (рис. 8 – *8–9*)[15]. По мнению С.Ю. Монахова, эти амфоры выпускались в одном из центров Северной Эгеиды. Наиболее близкую профилировку массивного венца и цилиндрической ножки имели амфоры из здания № 24 в Керкинитиде, относящиеся к комплексу второй четверти V в., а также из кургана № 9 у с. Новосёловка[16].

Фасосские амфоры представлены сосудами коническо-биконического типа, фанагорийского варианта (средней серии, II-А-2), производившимися в 50–30 гг. V в. (рис. 9 – *1–2*)[17]. Как отмечал С.Ю. Монахов, амфоры этой серии отличаются от более ранних сосудов вертикально поставленными ручками и остророёберной ножкой. Аналогии рассматриваемым сосудам дают амфоры из нимфейского склада 1978 г. и из кургана № 17 Елизаветинского могильника[18].

Среди обломков мендейских амфор следует отметить верхнюю часть и ножку сосуда пифоидного типа, знаменского (I-А-2) варианта (рис. 9 – *3–4*)[19]. Аналогичные амфоры происходят из раскопок И. Гранжана на Фасосе. Производство тары этого типа относится ко второй четверти V в.[20]

Целый сосуд и обломок нижней части относятся к т.н. протофасосским амфорам на сложнопрофилированной ножке (табл. 3; рис. 9 – *5–6*; 13 – *1*)[21]. Близкую профилировку имеют конические амфоры, относящиеся к пятой серии, производившиеся в первой половине V в.[22]

Отдельно следует остановиться на трёх целых амфорах, две из которых были найдены в помещении D вместе с рассмотренной выше протофасосской амфорой (табл. 3; рис. 9 – *6;* 10; 11 – *2–3*; 13 – *1, 3–4*). Одна амфора, установленная вертикально в углублении в полу, была открыта in situ, под каменным завалом, в юго-западном углу помещения V (табл. 3; рис. 5; 11 – *1*; 13 – *4*). Форма этих сосудов отличается характерными особенностями. Все они имеют массивные лентовидные, слегка отогнутые венцы, а также небольшие горизонтальные выступы на горле, расположенные под верхними прилепами ручек. Переход от горла к плечам плавный; ножки кубаревидной формы с небольшим углублением на подошвах. Одна амфора имеет цилиндрическое, слегка расширяющееся к венцу горло; две другие - воронковидные горла. Амфоры имеют характерную яйцевидно-овальную форму.

---

[15] ÇOMÜ MenÇ: 05 41/ O 100 (8); 41/ O 23 (9).

[16] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 87. Табл. 23, *2*; о*н же.* Греческие амфоры… типология… С. 78. Прим. 5–6. Табл. 52, *2*.

[17] ÇOMÜ MenÇ: 04 41/ O 63.1 (1); 04 41/ O 82 (2).

[18] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 65. Прим. 69, 71. Табл. 39, *5–6*.

[19] ÇOMÜ MenÇ: 04 41/ O 15 (3); 04 41/ O 48 (4).

[20] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 89–90. Прим. 8. Табл. 59, *3–5*

[21] ÇOMÜ MenÇ: 04 41/ O 51.9 (5).

[22] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 41–42. Табл. 26, *1–4*.

При этом один сосуд отличается более высоким горлом и широкими плечами, придающими конический профиль тулову (табл. 3; рис. 11 – *3*). Глина всех трёх сосудов одинаковая – плотная, оранжево-коричневого цвета с небольшой примесью слюды[23]. Следует указать, что в полевой документации имеются фотографии ещё двух амфор, относящихся, насколько можно судить по снимкам, к рассматриваемому типу (рис. 14)[24].

Подобные амфоры были первоначально отнесены С.Ю. Монаховым к классическому типу милетских амфор, вариантов II-A-B (ольвийский и тигани) и датированы первой половиной – серединой V в., с оговоркой об отсутствии надёжных хронологических привязок и предположением, что амфоры варианта II-B могли выпускаться и во второй половине столетия[25]. В недавней публикации С.Ю. Монахов отнёс отдельные милетские амфоры классического типа к продукции малоазийских Эрифр[26]. Сосуды, предположительно относящиеся к продукции этого центра, были выделены по материалам Афинского Керамика, кораблекрушения у Текташ Бурну и раскопок близ Эрифр[27]. Новые данные заставили С.Ю. Монахова пересмотреть некоторые из предшествующих интерпретаций. В результате ревизии типологии милетских амфор, большинство сосудов милетского варианта тигани были включены им в эрифрский вариант I-B (соответствует варианту 1a, по типологии Д.Н. Карлсон и М.Л. Лаваля)[28] и, также с оговоркой об отсутствии надёжных хронологических привязок, датированы последней четвертью V в.[29]

Вернёмся к рассмотрению амфор из Менекше Чатай. Амфора из помещения V имела рельефные клейма ΣΤΟΛ на обеих ручках (рис. 11 – *1*). При разборе материалов раскопок поселения Менекше Чатай была найдена ещё одна амфорная ручка с клеймом ΣΤΟΛ, оттиснутым тем же штампом (рис. 12)[30]. Среди аналогий этому сосуду следует указать амфоры, которые были опубликованы П. Дюпоном и переизданы С.Ю. Монаховым: сосуд из некрополя Херсонеса Таврического, амфору из Елизаветовского кургана № 25 и верхнюю часть

---

[23] 2,5–5 YR7/6 (Mansell 2000).

[24] ÇOMÜ MenÇ: 05 41 O 105; 06 40 P 35.

[25] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 34–35. Табл. 19–20.

[26] *Монахов С.Ю.* Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н.э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012. С. 111 сл.

[27] *Özyiğit Ö.* Yılı Erythrai Sondaj Çalışmaları. KST XI/I (1989). 1990. P. 127–128. Res. 4–5.

[28] *Carlson D.N., Lawall M.L.* Towards a Typology of Erythraian Amphoras // Skyllis. 2007. Hft. 1–2. P. 35.

[29] Исключение составила только переизданная С.Ю. Монаховым амфора, обмерный чертёж которой был опубликован П. Дюпоном, датировавшим её первой половиной V в. См.: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 35. Прим. 40, 20, 1; *он же.* Амфоры малоазийских Эрифр… С. 113–114. Рис. 1 – *4–6*.

[30] ÇOMÜ MenÇ 05 41P 3.

амфоры из Никония с энглифическим клеймом ΟΛ(-) на ручке. Перечисленные сосуды были отнесены С.Ю. Монаховым к двум различным вариантам милетской тары классического типа (II-A-B) и датированы в пределах второй четверти – середины V в.[31] Более стройная форма сосудов из помещения D выглядит естественным развитием формы амфоры из помещения V. Она близка одновременно самосским и милетским амфорам классического типа (II). Обмерные чертежи самосских сосудов были опубликованы П. Дюпоном и переизданы С.Ю. Монаховым, принявшим датировку издателя – последняя четверть VI и вторая четверть V вв., соответственно[32]. Как и в случае с сосудом из помещения V, профилировка ножек и венцов амфор из помещения D аналогична сосудам, отнесённым С.Ю. Монаховым к различным вариантам классического типа милетских амфор второй четверти V в.: амфоре из ольвийской ямы № 13 (ольвийский вариант, II-A) и амфоре, переизданной по чертежам П. Дюпона (вариант тигани, II-B)[33]. Таким образом, внутри варианта тигани очевидно выделяются две группы сосудов: с небольшим конусовидным и глубоким углублением на ножке. Сосуды с глубоким углублением были отнесены С.Ю. Монаховым к продукции Эрифр. Вместе с тем, амфоры с небольшим углублением более близки к ольвийскому варианту милетских амфор и, в свою очередь, - к классическому варианту самосских амфор.

Возвращаясь к вопросу о месте изготовления рассматриваемых амфор, нельзя не отметить очевидную близость их формы, как и формы указанных выше милетских амфор классического типа ольвийского варианта и амфор варианта тигани (II - A-B), к самосским амфорам классического типа (II). Из имеющихся определений следует, что на Самосе и в Милете одновременно производили амфоры не только одинаковой формы и стандарта, но даже и изготовленные из похожей глины. В такой ситуации вполне закономерно предположить, что указанные выше сосуды, в том числе и найденные на поселении Менекше Чатай, относятся к одному типу амфор, производившихся в последней четверти VI – первой половине V вв. в одном из центров Восточной Эгеиды. К сожалению, в настоящее время у нас нет достаточных оснований для того, чтобы убедительно отнести указанные амфоры к Самосу, Милету или Эрифрам. В данной связи отметим замечания С.Ю. Монахова о преемственности морфологии самосских амфор классического типа по отношению к архаическим типам продукции этого центра и отсутствие таковой у классического типа милетских амфор[34]. Вместе с тем, имеющиеся аналогии указывают, что сосуды из Менекше Чатай были изтовлены в пределах первой половины V в. Этот вывод дополнительно подтверждается датировкой ам-

---

[31] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 34–35. Прим. 37, 40. Табл. 19 – *1–2, 7*.

[32] Там же. С. 27. Прим. 19–20. Табл. 15 – *6–7*.

[33] Там же. С. 34–35. Прим. 32. 40. Табл. 19 – *5*; 20 – *1*.

[34] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 27, 34.

форы на сложнопрофилированной ножке, найденной вместе с двумя из рассматриваемых сосудов (рис. 9, *6*; рис. 10).

Перейдём к анализу группы расписной и чернолаковай керамики из слоя разрушения в помещениях V и D. Одним из наиболее ранних сосудов в комплексе является чернофигурная пиксида (Stamnos Pyxis)[35] (рис. 15 – *1*; 16 – *1–2*)[36]. Это довольно редкий вариант аттических сосудов, имитирующих коринфские пиксиды, распространённых во второй половине VII–VI вв. Горло и плечи пиксиды украшены поясами вертикальных линий и жемчужника. На тулове – зооморфный фриз. Сохранились изображения льва, идущего вправо с высоко поднятым и загнутым хвостом, бегущего вправо зайца и собаки (рис. 16 – *1–2*). Под ручками изображена массивнаяя пальметта с обрисованной сердцевиной. Грива и часть брюха льва, шея зайца и собаки, сердцевина пальметты закрашены пурпурной краской. Детали фигур и пальметт прочерчены. В рисунке ощущаются элементы нарочитой архаизации, которая находится в противоречии с беглой и небрежной манерой росписи, наиболее характерной для вазописцев второй половины VI в. Близкие аналогии подобной манере рисунка дают материалы раскопок агоры в Афинах[37]. В похожей манере расписан фрагмент крышки леканы, отнесённый Н.А. Сидоровой к кругу мастера Лидоса, творчество которого приходится на вторую-третью четверти VI в.[38]

Фрагментированный чернофигурный килик (Cup Scyphos) относится к распространённой в конце VI – начале V вв. группе чаш, роспись которых относят к кругу продукции матерской Хаймона (рис. 16 – *3*)[39]. Форма и декор рассматриваемого сосуда указывают на его принадлежность к Аттическому типу, классу К2 (по типологии П.Н. Уре), датирующемуся в пределах 490–480 гг.[40]

Кратеры (Column-craters) представлены двумя обломками массивных венцов с отогнутыми краями (рис. 16 – *4–5*)[41]. По верхнему краю оба венца украшены фризом лотосов, а по наружному – двой-

---

[35] В связи с тем, что наименования чернолаковых и расписных сосудов в отечественной и зарубежной традиции не всегда совпадают, в скобках указаны наименования, принятые в зарубежных изданиях, соответствующие типологии Б.А. Спаркс, Л. Талкот и М.А. Рихтер (*Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // AA. 1970. Vol. XII).

[36] ТАЕМ 2899. Цвет глины: 23 YR 6/6; лак: 7,5 YR 2,5/1-10 YR 2/1 (*Munsell,* 2000).

[37] *Vanderpool E.* The Rectangular Rock-Cut Shaft: The Lower Fill // Hesperia. 1938. Vol. 7. No. 3. P. 396–398. Nr. 31; Agora XXIII. Nrs. 1265–1266; *Lynch K.M.* Athenian Black-Figured and Black Gloss Pottery // The Art of Antiquity: Piet de Jong and the Athenian Agora. Athens, 2007. P. 184. Figs. 159–160.

[38] CVA: Moscow, Pushkin State museum of fine arts 1. P. 43. Pl. (46) 46, *2*.

[39] ÇOMÜ MenÇ 04 41/ O 83.

[40] Класс К2 по типологии П.Н. Уре. Подробнее см.: *Ure P.N.* Six and Fifth century pottery from Rhitsona. L., 1927. P. 68; Agora XXX. P. 59–61. Nrs. 1504–1516: ABV 570–71.

[41] ÇOMÜ MenÇ 04 41/ O 74; 06 41/ O 107.

ным поясом плюща. Подобные форма и декор типичны для кратеров конца VI – начала V вв.[42]

Следующую группу составляют обломки расписной краснофигурной керамики. Очень редким является обломок горла ойнохои с изображением Ники (рис. 18 – *1*)[43]. Судя по форме, сосуд относился к классу Agora P 15849. Этот класс краснофигурных ойнохой с вытянутым горлом и широким, массивным венцом был выделен Дж.Р. Грином по материалам раскопок Западного склона афинской агоры[44]. Ближайшей параллелью нашему экземпляру является обломок горла ойнохои с изображением Афины, датируемый около 410 г.[45] Роспись всех известных сосудов этого класса относят к манере мастеров Шуваловской амфоры и Йена[46]. Изображение Ники на рассматриваемом фрагменте имеет характерные черты: прямой, в одну линию профиль лба и носа, дугообразные брови, большие миндалевидные глаза, архаическая улыбка и массивный, скруглённый подбородок. Богиня одета в длинный хитон; на голове чепец; крылья подняты вверх. Вероятно, в руках у богини был нанесённый краской венок или лента. Ника в такой же позе с венком в руках изображена на кратере из музея Метрополитен[47] и с лентой на кратере из Британского музея[48]. Завитки волос изображены при помощи разбавленного лака. Складки хитона, а также перья крыльев переданы прямой и частой штриховкой. Верхняя часть крыла орнаментирована точками. В похожей манере изображены Эроты и женские персонажи на сосудах, расписанных мастером Шуваловской амфоры[49].

Обломок горла и части тулова краснофигурного кратера (Column krater) содержит композицию из фигур Диониса между двумя сатирами и Менадой (рис. 17 – *2*)[50], характерную для вазописцев первых трёх четвертей V в.[51] Рассматриваемый рисунок имеет ярко выраженные экспрессивные и индивидуальные черты. Это впечатление обусловлено позами фигур и манерой изображения глаз с большими глазницами и округлыми зрачками. В похожей манере изображены сатиры на кратерах, принадлежавших мастерам Флоренция и Боло-

---

[42] Agora XXIII. P. 25. Nr. 41; *CVA*: Italia LXIX; Napoli V. Taf. 14, 16.

[43] ÇOMÜ MenÇ 06 41/ O 152.1.

[44] *Green J.R.* A new oinochoe series from the Acropolis North Slope // Hesperia. 1962. Vol. 31. P. 82–83.

[45] Ibid. P. 92–93. Nrs. 14–15; Agora XXX. Pl. 84, *823*.

[46] *Green J.R.* A new oinochoe series… P. 90–91; ARV^2 1211, 1687.

[47] CVA: New York, Hoppin and Gallatin Collections. P. 13. Pl. (43) 23, *1*; ARV^2 1108. 23.

[48] CVA: London, British museum 6. III, I.C.3–III, I.C.4. Pl. (360) 85, *1 A–B*; ARV^2 580. 2, 1615.

[49] Напр.: CVA: Germany 6; Munich 2. III I. Pls. 77, *4*; 80, *3, 5*; *Lear A., Cantarella E.* Images of ancient Greek pederasty, boys were their gods. L.; N.Y., 2008. P. 172. Fig. 5, 4 (A); ARV^2 1209. 58; 1210. 69; ARV^2 1208. 43–45; CVA: Ferrara, Museo Nazionale 1. P. 12–13. Pl. (1672) 28, *5–6*.

[50] ÇOMÜ MenÇ 06 41/ O 152.1.

[51] Alkimachos, Florence, Kaineus and Bologna 228 Painters (*ARV^2* 531. 39; 543. 44; 511. 4).

нья 228[52]. На голове Диониса не традиционный венок, а лента, что наиболее характерно для иконографии образа божества первой половины V в.[53] Профиль головы менады имеет индивидуальные черты: маленький рот со слегка оттопыренной нижней губой, полуовальный штрих у носа, большие, сдвинутые к переносице глазницы. В очень похожей манере изображены женские лица на вазах, расписанных мастером Болонья 228[54]. Имеющиеся аналогии однозначно указывают, что кратер был изготовлен и расписан в пределах первой половины V в. Роспись сосуда была выполнена в манере, наиболее близкой к мастерам Болонья 228 и Флоренция.

Несколько обломков стенок принадлежали краснофигурным скифосам группы Owl-skyphoi (рис. 17 – *3–5*)[55]. На наиболее сохранившемся фрагменте изображена часть головы совы и верхняя часть оливковой ветви (рис. 17 – *5*). Оперение передано многочисленными точками. В аналогичной манере расписаны скифосы из разных коллекций, датированные второй-третьей четвертями V в.[56]

Небольшой фрагмент днища, украшенного рамкой меандра, окаймляющего тондо, принадлежал краснофигурной чаше (рис. 17 – *6*)[57]. Подобная манера декора вместилища чаш получает распространение в первой четверти V в.[58]

Целые и фрагментированные сосуды, относящиеся к группе столовой чернолаковой керамики, представлены аттической продукцией первых трёх четвертей V в. Среди находок из слоя разрушения необходимо отметить скифос, относящийся к Аттическому типу второй четверти V в. (рис. 15 – *5*)[59]. Килики представлены сосудами разных типов. Археологически целый экземпляр на низком поддоне относится к типу Stemless, группе Large (рис. 15 – *2*)[60]. Издатели материалов афинской агоры отмечают, что чаши подобной формы начинают производиться в первой половине V в. Килик, наиболее близкий к нашему по форме, датируется в пределах 80–70-х гг. указанного столетия[61]. Ножка чернолакового килика с graffito Θ на внутренней части принадлежит к типу Vicup (рис. 15 – *7*)[62]. Сосуды этого типа были распространены в общественных столовых. Их производили ограни-

---

[52] Greek Vases in the San Antonio Museum of Art. San Antonio, 1995. P. 171; ARV² 511. 5, 1657, 512. 8.

[53] ARV² 1121. 10; 531. 39.

[54] ARV² 511. 4–5, 1657.

[55] ÇOMÜ MenÇ 06 41/ O 132; 06 41/ O 117; 41/ O 151.

[56] CVA: New Haven, Yale University Art gallery 1. P. 48–49. Fig. 42. Pl. (1991) 51, *1–2*; CVA: Bucharest 1, Institut d'Archeologie. P. 37. Pl. (033) 33, *3*; CVA: Geneva, Musee d'Art et d'Histoire 1. P. 19. Pl. (12) 12, *5*; CVA: Nantes, Musee Dobree. P. 42. Pl. (1595) 23, *3–4*; CVA, Musee Archeologique 1. P. 43. Pl. (138) 40, *13*; Agora XXX. P. 64.

[57] ÇOMÜ MenÇ 04 41/ O 30.

[58] Agora XXX. P. 67–73.

[59] TAEM 2868; Agora XII. P. 84. Nr. 342 (470–460 cc. BC).

[60] ÇOMÜ MenÇ 05 41/ O 105.3.

[61] Agora XII. 101–102. Nr. 469 (Ca. 480–470 BC).

[62] ÇOMÜ MenÇ 05 41/ O 151.

ченное время с конца первой до конца второй четвертей V в.[63] Обломок верхней части килика (Cup-skyphos) с массивным, округлым туловом и слегка отогнутым венцом относится к ранней серии, производившейся в последней четверти VI – начале V вв. (рис. 15 – *3*)[64]. Фрагментированный канфар принадлежал к немногочисленному, но хорошо известному в комплексах V в., типу Sessile with low handles (рис. 15 – *6*; 17 – *7*)[65]. Издатели датируют канфары этого типа в пределах третьей четверти V в., при этом отмечая вероятность их производства и во второй четверти указанного столетия[66].

Таким образом, анализ различных групп керамической тары позволяет определить хронологические границы бытования входящих в комплекс типов сосудов в пределах конца VI – второй-третьей четвертей V в. В комплексе количественно доминируют целые и фрагментированные транспортные амфоры, которые принадлежали к продукции основных винодельческих центров Северной и Восточной Эгеиды, экспортировавших вино в амфорной таре на протяжении конца VI – первых трёх четвертей V вв. Основным импортёром столовой керамики на поселение были Афины.

Таблица 1.

Керамический комплекс слоя разрушения помещения D

Группа	**Общее количество фрагментов**	**% показатель**
1. Тарные амфоры	2702	88,21
2. Столовая чернолаковая и расписная керамика	257	8,39
3. Столовая керамика без покрытия.	45	1,46
4. Кухонная гончарная керамика.	39	1,27
5. Туалетные сосуды и светильники	18	0,58
6. Черепица	2	0,06
Всего	**3063**	**100**

Таблица 2.

Керамический комплекс слоя разрушения помещения V

Группа	**Общее количество фрагментов**	**% показатель**
1. Тарные амфоры	9842	93,98
2. Столовая чернолаковая и расписная керамика	277	2,64
3. Столовая керамика	61	0,58
4. Кухонная гончарная керамика	96	9,21
5. Лепные сосуды	123	11,8
6. Туалетные сосуды и светильники	36	0,34
7. Хозяйственная керамика	3	0,02
8. Черепица	34	0,32
Всего	**10472**	**100%**

[63] Agora XII. 93. Nr. 434 (Ca. 475).
[64] ÇOMÜ MenÇ 05 41/ O 52.3; Agora XII, 109, nr. 578-579 (480-470 BC).
[65] ÇOMÜ MenÇ 04 41/ O 23.5.
[66] Подробнее см.: Agora XII. 114–115, Nrs. 633–636.

Таблица 3.

Метрические характеристики целых амфор из слоя разрушения в помещениях V и D.

Рис.	Паспортные данные	Параметры (мм)[67]					
		H	H0	H3	D	d	d1
11 – *1*	ÇOMÜ MenÇ 06 41/O 135.1	650	616	145	353	110	132
11 – *2*	TAEM 2906	707	677	170	356	128	150
11 – *3*	TAEM 2896	660	617	190	360	120	148
9 – *6*	TAEM 2895	598	563	116	352	86	114

R. Stoyanov,
A. Erim-Özdoğan

CERAMIC FINDS FROM THE LAYER OF DESTRUCTION ON THE SETTLEMENT MENEKŞE ÇATAĞI IN PROPONTIS

Menekşe Çatağı is located on the northwest shore of the Marmara Sea, at 12 km to the north-east from *Tekirdağ* (Figs. 1–2). A building destroyed by earthquake was unearthed in the eastern sector of the site. The present article is based on the pottery finds from the layer of destruction in the rooms D and V of the building (Fig. 3; Tab. 1–2). The layer refers to the destruction of the basement or crawl spaces with collapsed parts of the upper floor, walls and roof (Fig. 4). The whole and fragmented transport amphorae quantitatively dominate in the ceramic complex. The vessels belong to the production of major vine trade centers in Northern and Eastern Aegean region at the end of VI - the 1st qr. of the Vth cc. BC. (Tabl. 1; Figs. 8–14). Attic pottery from the layer presents with whole and fragmented black- and red-figure vessels (Figs. 15–17). The pottery finds point out that the complex was formed in the end of the VI – the 2nd –3rd qrs. the Vth cc. BC.

[67] H – общая высота; H_0 – глубина; H_3 – высота горла; D – наибольший диаметр тулова; d – диаметр устья; d_1 – диаметр венца.

Рис. 1. Поселение Мелекше Чатай. Вид с северо-востока:
В - восточная часть; З - западная часть

Рис. 2. Античные центры Пропонтиды

Рис. 3. План прямоугольной постройки, открытой в восточной части поселения Мелекше Чатай: D, V - помещения

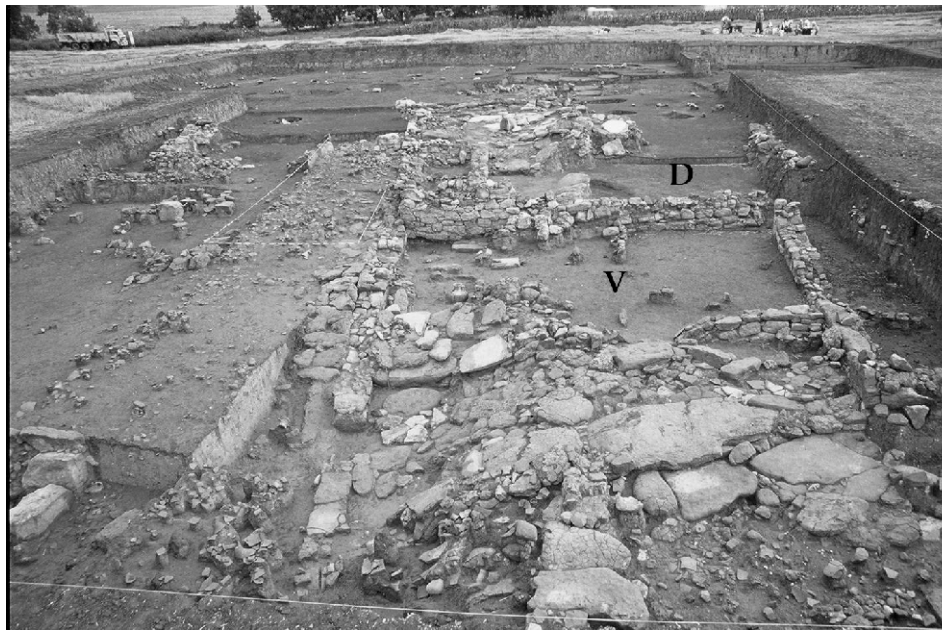


Рис. 4. Прямоугольная постройка, помещения D и V.
Вид с юга. фото 2006 г.

Рис. 5. Юго-западный угол помещения V: амфора in situ;
просадка кладок и вымостки в юго-западной части помещения

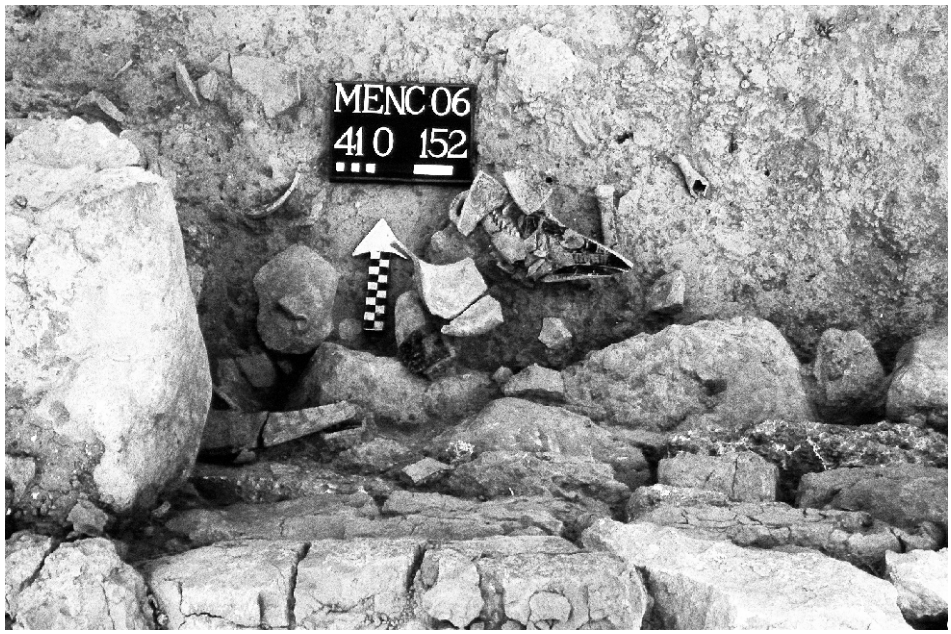


Рис. 6. Развал керамики в южной части помещения D

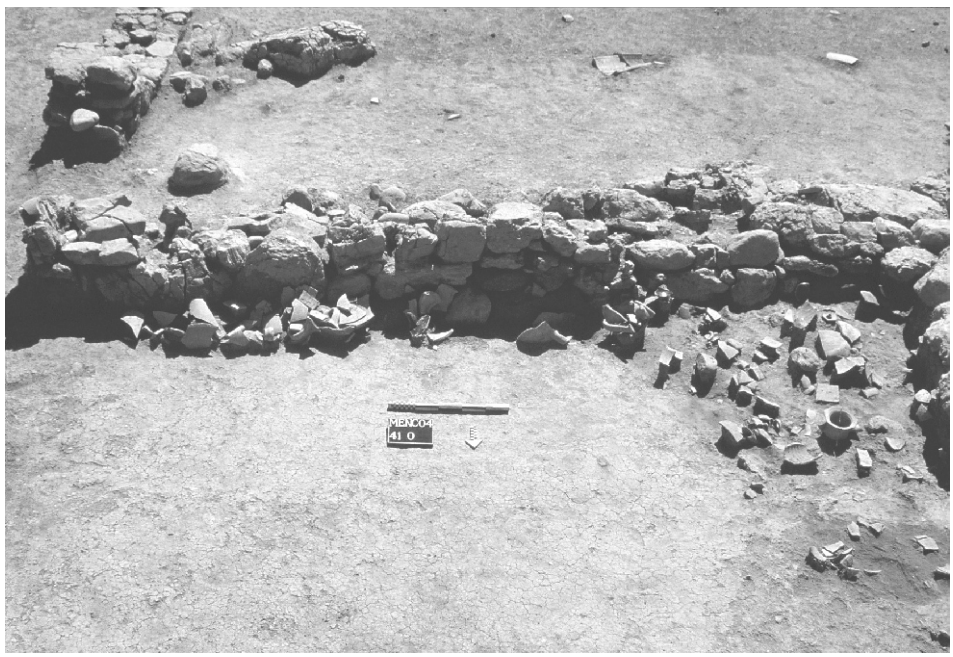


Рис. 7. Развал керамики в южной части помещения D

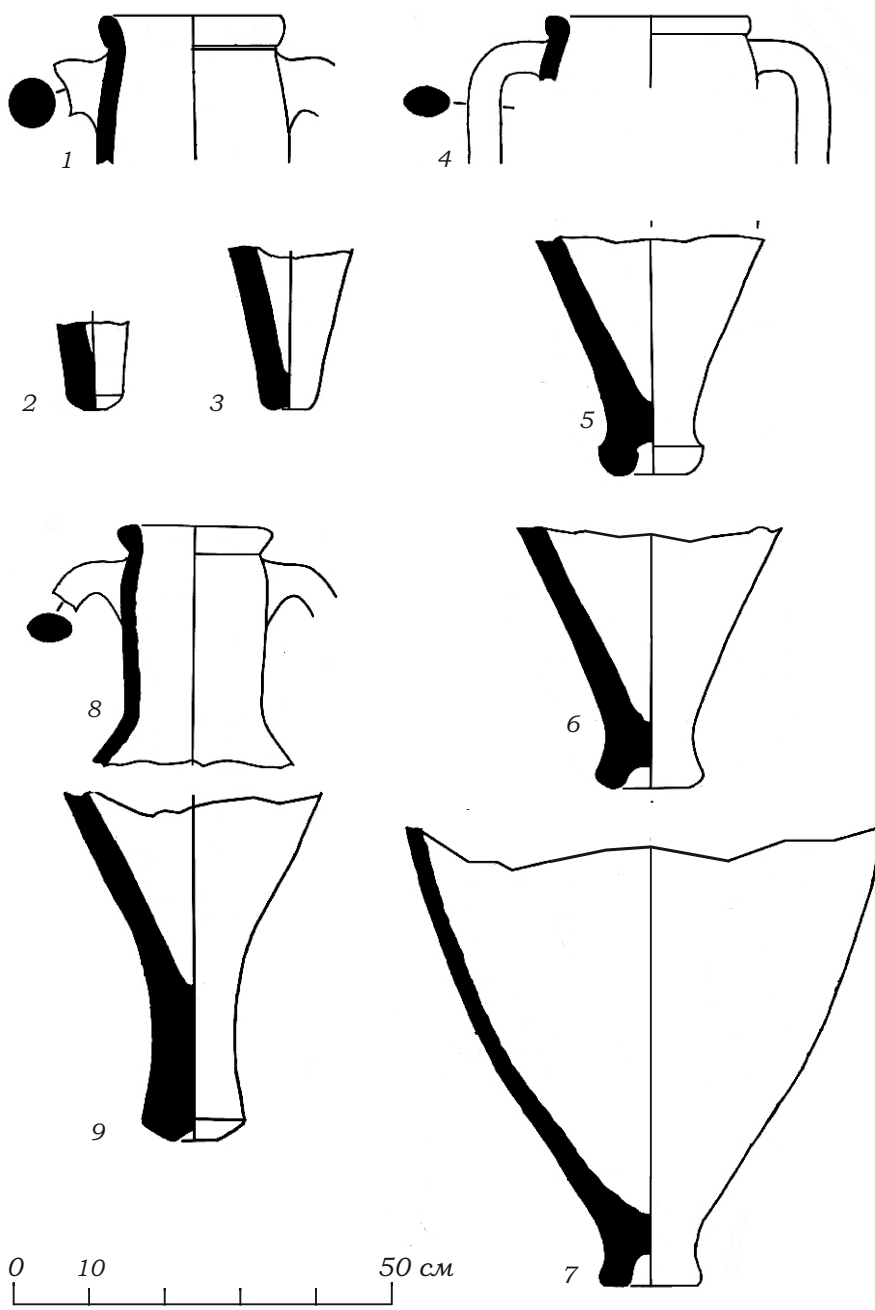


Рис. 8. Тарные амфоры:
1-3 - Лесбос; *4-7* - Хиос; *8-9* - круг Фасоса ("с раздутым горлом")

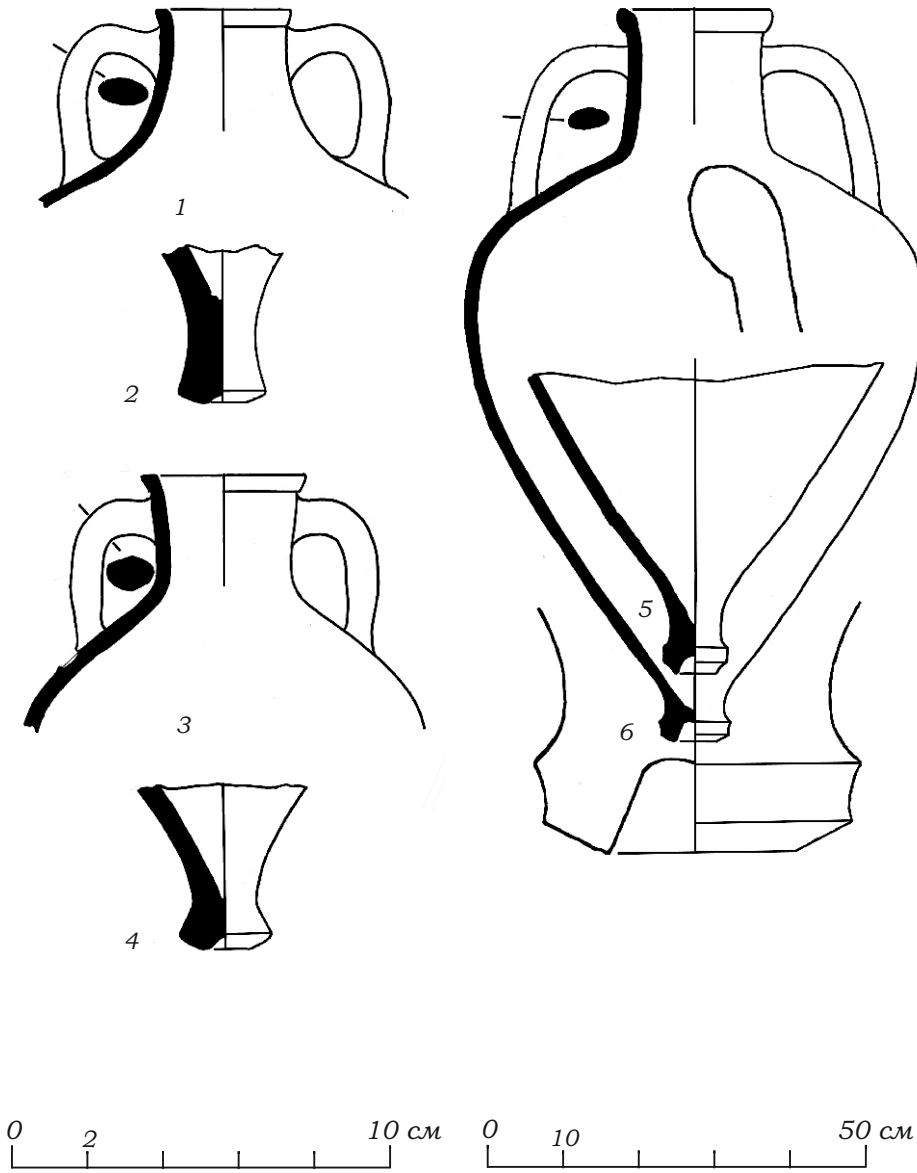


Рис. 9. Тарные амфоры: *1-2* - Фасос; *3-4* - Менда;
5-6 - “протофасосские” (амфоры на сложнопрофилированной ножке)

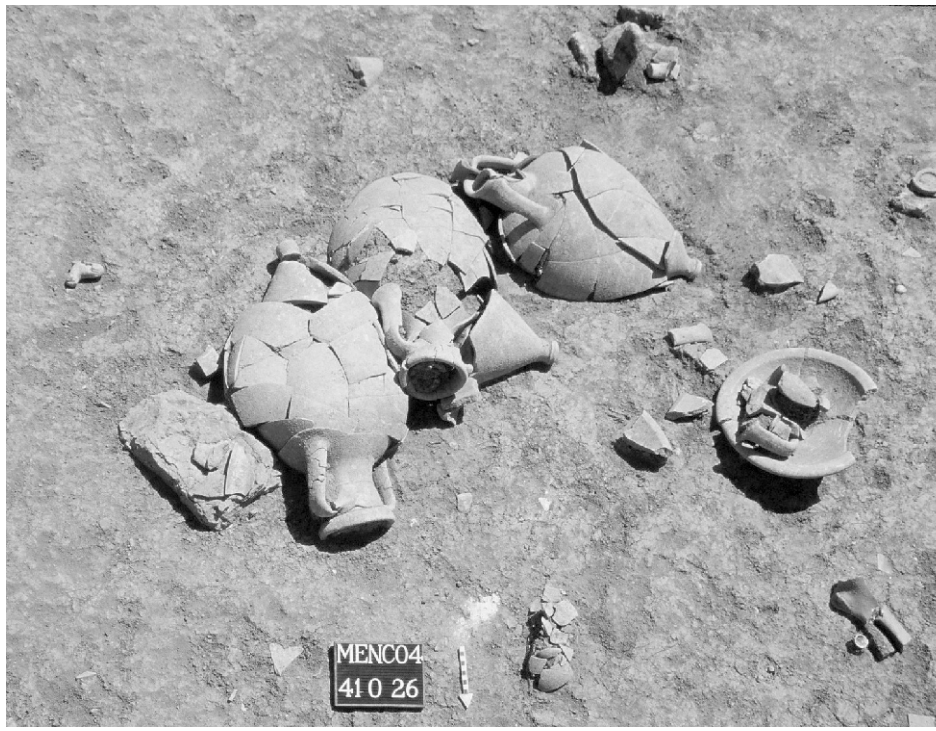


Рис. 10. Тарные амфоры in situ на полу помещения D

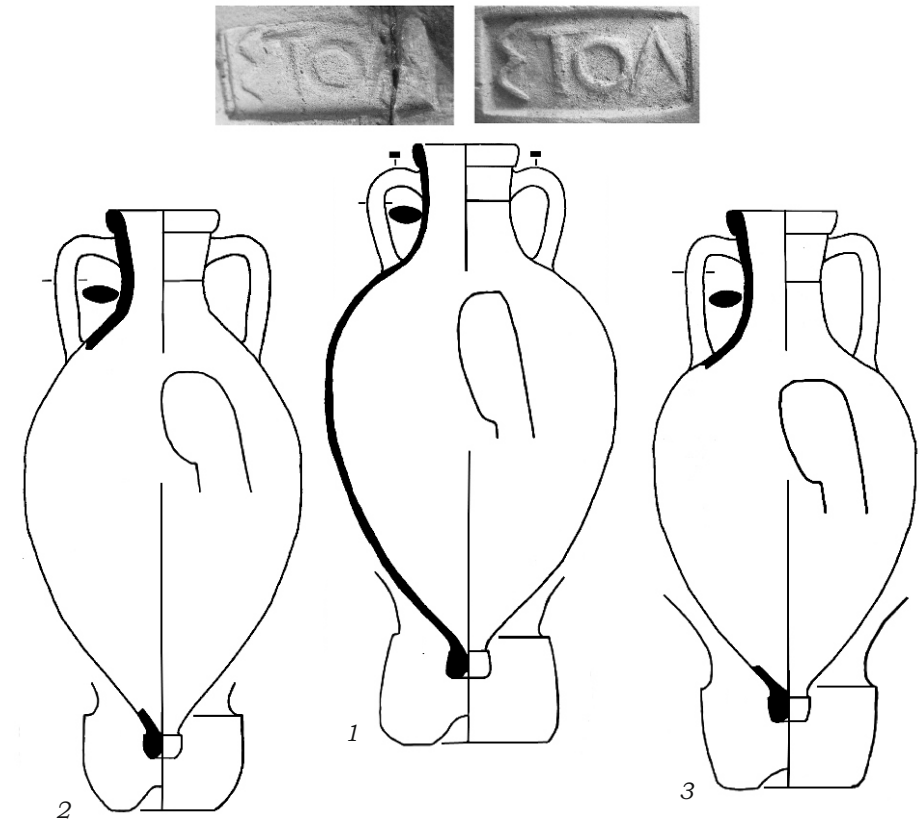


Рис. 11. Тарные амфоры. Восточная Эгеида

Рис. 12. Ручка амфоры с энглифическим клеймом ΣΤΟΛ

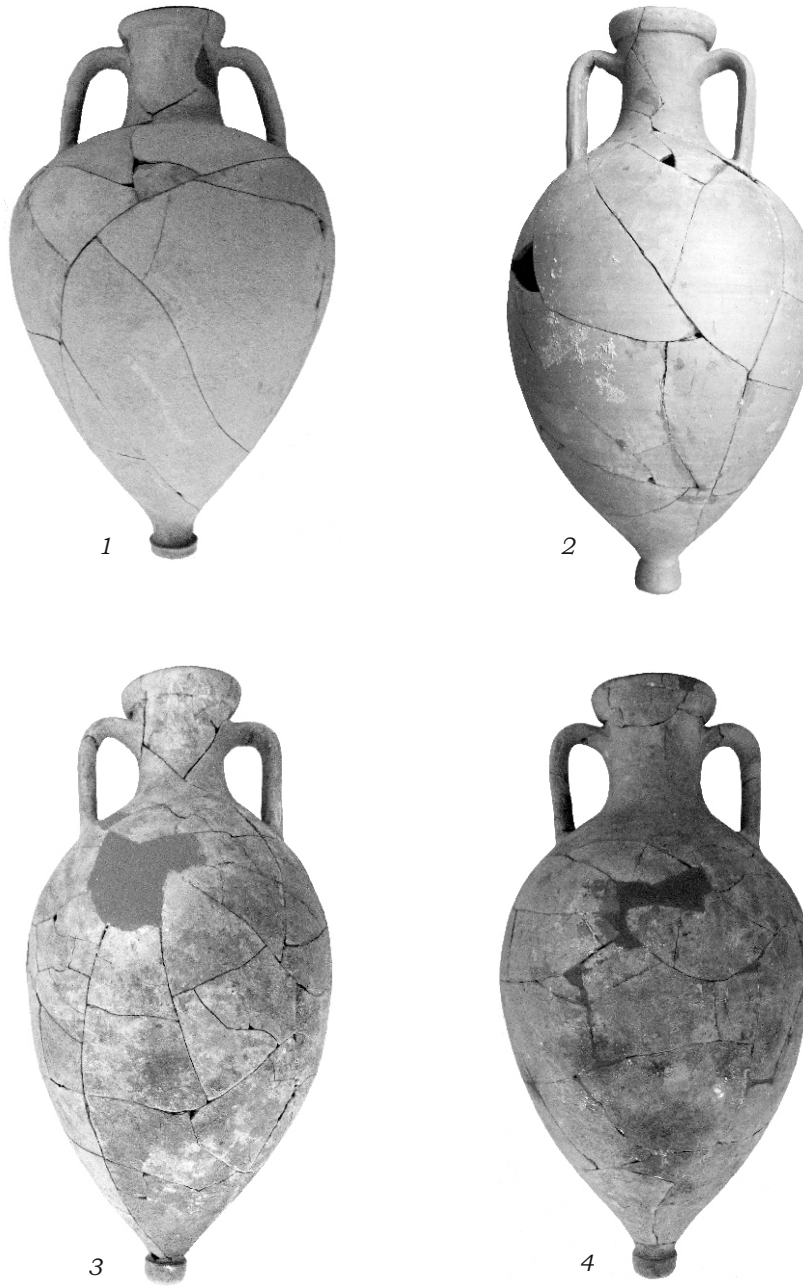
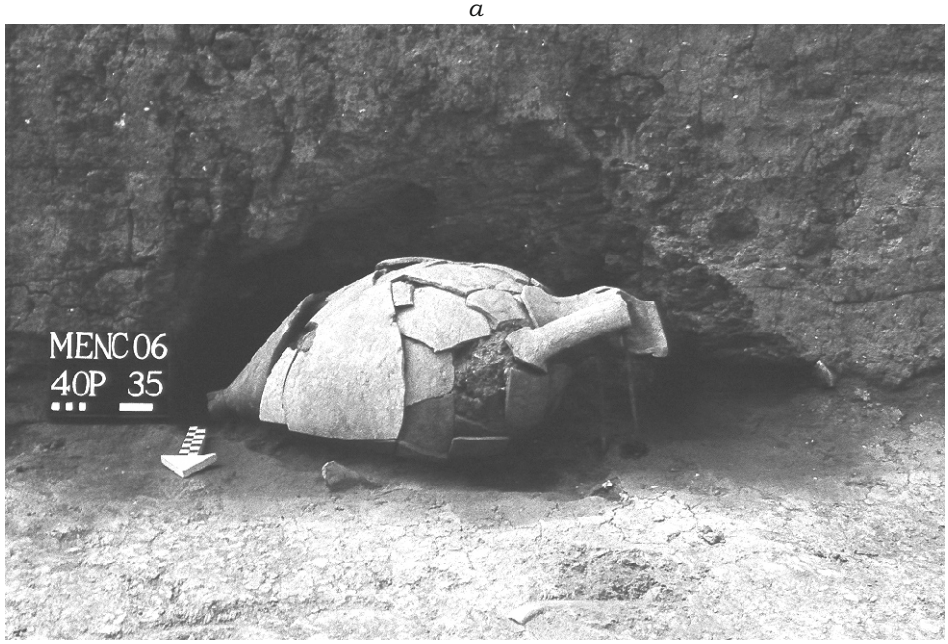


Рис. 13. Амфоры из слоя разрушения в помещении D:
1 - Северная Эгеида; *2-4* - Восточная Эгеида

а



б

Рис. 14. Поселение Мелекше Чатай; слой разрушения: *а-б* - амфора in situ

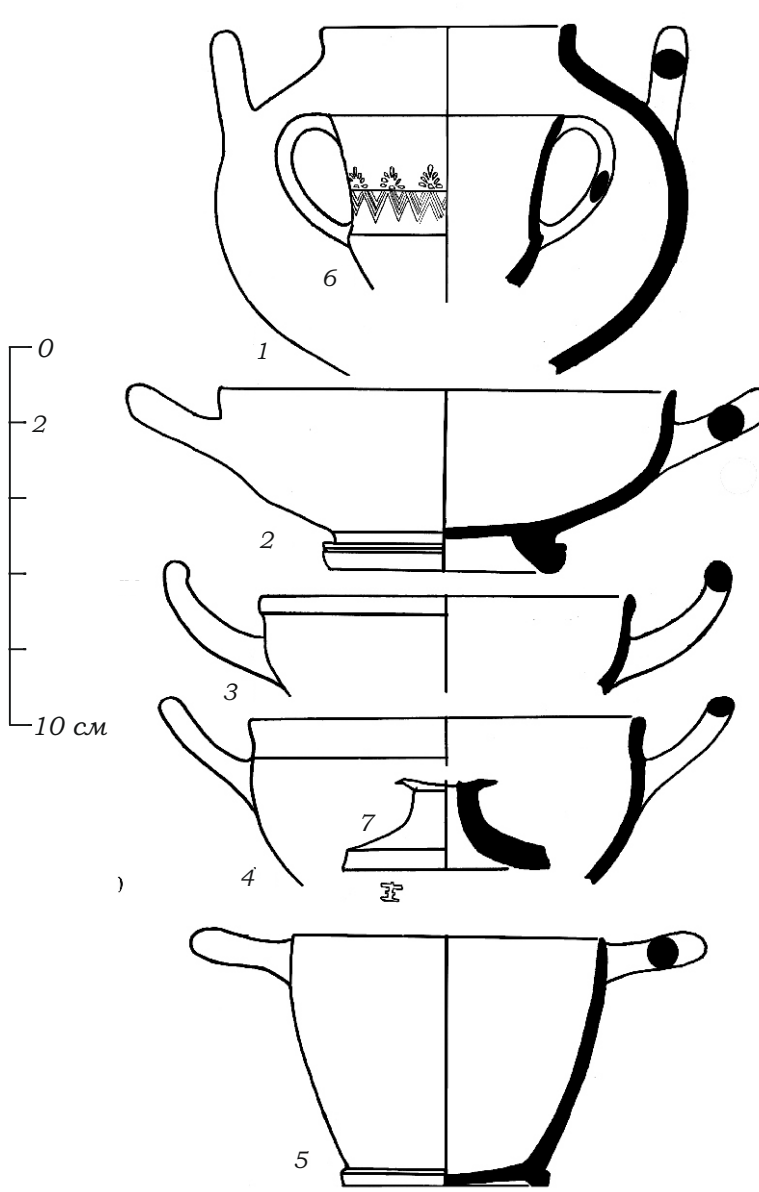
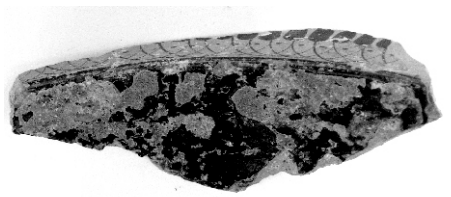


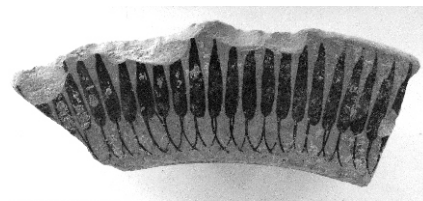
Рис. 15. Расписная и чернолаковая керамика:
1 - пиксида; *2-4, 7* - килики; *5* - скифос; *6* - канфар

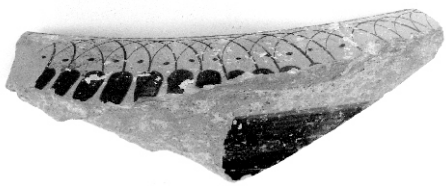
1

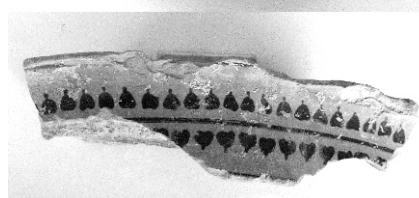
2

3



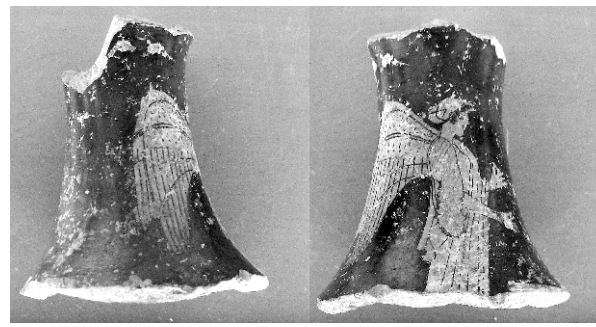






4 *5*

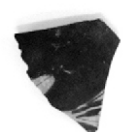
Рис. 16. Чернофигурная керамика:
1, 2 - пиксида; *3* - килик; *4, 5* - фрагменты венцов кратеров



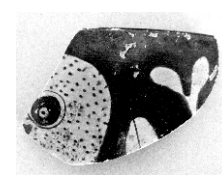
1

2

3



4



5

6

7

Рис. 17. Краснофигурная и чернолаковая керамика:
1 - обломок горла ойнохойи; *2* - обломок горла и часть тулова кратера;
3-5 - фрагменты скифосов; *6* - фрагмент дна чаши;
7 - канфар со штампованным орнаментом

П. БАЛАБАНОВ

ЗАМЕТКИ ОБ АМФОРАХ С ЭНГЛИФИЧЕСКИМИ КЛЕЙМАМИ

Амфоры, маркированные энглифическими клеймами, известны в научной литературе уже более двухсот лет. Они встречаются в значительных количествах, главным образом по северным и западным берегам Черного моря. Отдельные амфоры в IV в. до н.э. проникали довольно далеко в глубины Скифии и Фракии, известны одиночные экземпляры в Грузии, в Синопе, на Фасосе и в Гордионе[1]. Все исследователи согласны, что они появились в ходе Пелопонесской войны, когда традиционные контрагенты понтийских полисов резко сократили объем своего экспорта, а затем, в ходе войн между диадохами, к концу IV – началу III вв. до н.э., практически свернули свое винодельческое хозяйство. География их распространения позволяет рассматривать их как понтийский феномен, вызванный специфической конъюнктурой и исчезнувший из-за действия внешних для региона факторов.

Для амфор с энглифическими клеймами характерны некоторые особенности, которые отличают их от продукции других основных центров, производивших керамическую тару в рамках классического и эллинистического времени. В то же время за короткий период своего производства и распространения (по оценкам разных авторов в пределах 100–130 лет) – они имели весьма ощутимый удельный вес среди импорта в керамической таре в понтийский регион. Несмотря на то, что попытки определить точные цифры этого импорта всегда дают относительный результат, некоторые исследователи считают, что на протяжении нескольких десятилетий в начале и середине IV в. до н.э. они давали от четверти до трети керамических контейнеров в такие хорошо изученные центры, как Ольвия, Каллатис и Елизаветовское городище[2].

Основной вклад в изучении и опубликовании этого типа амфор принадлежит русским ученым. На первом месте, конечно, нужно упомянуть имена Е.М. Придика, Б.Н. Гракова, И.Б. Брашинского, В.И. Каца, С.Ю. Монахова[3], к которым можно прибавить еще не-

---

[1] *Garlan Y., Balabanov P.* Les timbres amphoriques Grecs dits d' «Héraclée Pontique» et autres (première moitié du IVe siècle av. J.-C.) dans l`établissement de Kostadin tcheshma près de Debelt (Bulgarie) // (в печати).

[2] *Лазаров М.* Разпространението на хераклейските амфори и печати в Тракия // ИНМВ. 1980. Вып. XVI. С. 5–21; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов, 1999. С. 182.

[3] *Придик Е.М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917; *Граков Б.Н.* Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор // Труды ГИМ. 1928. Вып. I; *Брашинский И.Б.* Керамические клейма Гераклеи Понтий-

сколько десятков имен. Из других исследователей можно отметить имена болгарского археолога М. Лазарова[4], а в последние годы – проф. Ив. Гарлана[5] из Франции. Интересна также вышедшая недавно работа румынского специалиста Е. Телеаги[6].

Несмотря на значительное увеличение количества опубликованных амфор и, главным образом, энглифических клейм, их интерпретация продолжает порождать дискуссии. В последние десятилетия были высказаны разные гипотезы об их происхождении[7]. Однако окончательного единомыслия до сих пор не достигнуто. Становится очевидным, что до момента обнаружения бесспорных доказательств (остатков производственных мастерских), дискуссии в этом направлении не могут дать однозначных результатов. Накопление материалов, в первую очередь из хорошо датированных комплексов, однако, позволило чувствительным образом уточнить и сузить хронологические рамки их производства и довести внутреннюю хронологию клейм до сравнительно точных параметров, хотя и здесь остается немало нерешенных проблем.

Становится очевидным, что для качественного прогресса в изучении этого класса сосудов необходимо кооперировать усилия специалистов из всех стран черноморского региона и всех тех, кто занимается проблемами производства и распространения греческих амфор классической и эллинистической эпох. Необходимо также привлечение исследователей – в первую очередь, лингвистов и эпиграфистов – которые могли бы извлечь дополнительную информацию из текстов клейм. Излагаемые ниже наблюдения над опубликованными амфорами и клеймами этого типа имеют целью подтолкнуть этот процесс в сторону реализации более масштабных исследований и объединения усилий разных исследователей.

Чувствительный рост объема материалов, особенно в ходе масштабных археологических раскопок в последние пятьдесят лет, дает нам возможность сделать новые наблюдения и попытаться сформулировать определенные выводы об особенностях производства и распространения этих амфор, а также высказать некоторые соображе-

---

ской // НЭ. 1965. Вып. V; *он же.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III в. до. н.э. Л., 1982; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы...; *он же.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Симферополь; Керчь, 2007.

[4] *Лазаров М.* Разпространението на хераклейските амфори… С. 5–21;

[5] *Garlan Y.* Les emblems dans le timbrage amphoriqes d`Héraklée pontiqe // Pontica. 2007. T. 40. P. 93–100; *idem.* Les graveur des timbres amphorique d`Héraklée pontiqe // Hommage Conovici. 2008. P. 71–86.

[6] *Teleaga E.* Beiträge zur Chronologie der Amphorenstempel und der Amphoren der von Heraklea Pontike // Münsterische Beiträge z. antiken Handelschichte. 2003. Bd. 22. Ht. 1.

[7] *Balabanov P.* About the origin of englyphic stamps amphora // PATABS I. 2006. P. 19–22; *Boer J. de.* Preliminary Observations on the Greek Transport Amphorae // Apollonia Pontica. Gent, 2008.

ния относительно центра их производства на базе анализа технологии изготовления, содержания легенд энглифических клейм и географии их распространения. Поэтому ниже мы не будем касаться дискуссионных вопросов, а ограничимся констатациями на базе анализа доступных данных.

Среди отличительных характеристик амфор с энглифическими клеймами, прежде всего, нужно отметить весьма существенную разницу в составе теста, из которого изготовлены сосуды. Все исследователи отмечают наличие в их глине большого количества примесей, среди которых наибольшее внимание придается пироксену[8]. Наличие этого минерала практически по всему побережью Черного моря, однако не позволяет, без дополнительных анализов, уточнить из какого месторождения его добывали. Кроме пироксена в глине этих амфор можно различить и другие добавки, включая измельченные раковины моллюсков. В совокупности объем минеральных добавок гораздо выше, чем в керамических контейнерах других синхронных производственных центров. Вероятно, в этом можно искать причину своеобразной технологии клеймения – рельефные клейма были бы плохо видны на неровной поверхности.

При сравнении глины разных амфор с энглифическими клеймами, однако, легко констатировать, что степень помола и соотношения количества добавок весьма различна. Их количество, как правило, уменьшается, а степень помола добавок, напротив, увеличивается у более поздних сосудов, относимых к середине – второй половине IV в. до н.э. Существенные отличия в количестве и качестве отощителей можно констатировать при простом визуальном осмотре сосудов с клеймами одного и того же мастера. На базе этих наблюдений можно сделать вывод, что в центре или районе их производства не было системы строгого контроля за соблюдением стандарта при подготовке сырья, из которого изготавливались сосуды, и над деталями технологического процесса. К этому же выводу подводят нас наблюдения, что в некоторых случаях готовые сосуды покрывались дополнительной обмазкой, а в других нет, что в некоторых случаях (довольно редко) под венчиком наносилась полоса красной краски. Существенна и разница в цвете готовой продукции – от почти белого через все нюансы коричневого до темно-серого цветов. Несмотря на относительность критерия «цвет готовой продукции» (известно, что даже в одном сосуде цвет мог колебаться в значительных границах), все равно в продукции рассматриваемого класса амфор разброс цветов более ярко выражен, чем в продукции других синхронных центров производства керамической тары. В широких границах колеблется также толщина стенок отдельных сосудов, достигающая иногда нескольких миллиметров, а также оформление профильных деталей (венчиков, ножек и ручек).

---

[8] *Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б.* Оптико-петрографические исследования причерноморских клейменых амфор IV–III вв. до н.э. // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 32–68.

Изложенные наблюдения отмечаются для амфор, маркированных одним и тем же клеймом. Особенно показательно, что феномен выявлен на амфорах с клеймами первой хронологической группы, начало которой исследователи относят к последним годам V или самому началу IV в. до н.э. Показательны в этом отношении, например, сосуды, маркированные клеймами с именами Стасихора или Сотера (ретроградно). Подобные примеры можно найти и позже, на эпонимных клеймах середины столетия.

Все вышесказанное позволяет сделать несколько выводов. Очевидно, производство амфор с энглифическими клеймами осуществлялось в большом количестве в разных мастерских. В них соблюдался лишь один стандарт – формы и объема сосудов, а в отношении качества сырья и технологии производства фабриканты имели возможность действовать по своему выбору сообразно обстоятельствам. Факт, что клейма одного штемпеля наносились на амфоры разного качества, является дополнительным аргументом в поддержку мнения, что в именах первой хронологической группы, скорее всего, мы можем видеть собственников одной, двух или нескольких мастерских, в которых выпускались амфоры с разным качеством. Это соответствует догадке Ив. Гарлана, что клеймение амфор на первом этапе было целиком инициативой собственников мастерских и государство не имело к этому прямого отношения[9].

Сравнительно широкая автономия производителей прослеживается и при анализе клеймения амфорной тары начала, так называемой, второй хронологической группы. Она обособлена на базе появления клейм, содержащих два имени, или оттискиванием двух клейм с разными именами на одной амфоре. Одно из них предположительно интерпретируется как имя государственного чиновника, отвечающего за контроль над выпуском амфорной тары в пределах полиса. Согласно этой гипотезе построены все таблицы внутренней хронологии энглифических клейм[10]. Сразу же нужно отметить, что даже последние разработки в этой области не могут объяснить некоторые находки в археологических комплексах. Если признать верными таблицы, опубликованные в последние двадцать лет, окажется, что не так уж редко в закрытых археологических комплексах мы находим целые или фрагментированные сосуды, изготовленные с хронологическим разрывом порядка 20 и больше лет[11].

По наблюдениям Ив. Гарлана и В. Каца в некоторых клеймах таких «поздних» фабрикантов первой хронологической группы, как Аристипп, Евридам и Эварх, чьи имена написаны в две строки, а в

---

[9] *Garlan Y.* Amphore et timbres amphoriques grecs. Entre erudition et idéologie // Mémoires de l`Académie des inscription et Belles-lettres. P., 2000. T. XXI.

[10] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма... С. 232–249.

[11] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы... С. 251, 274, 276, 278, 280, 316.

свободном поле нижней строки стоит сильно сокращенное имя эпонима (чаще всего ΛΥ, ΙΑ или ΠΑ), сокращенное магистратское (сообразно толкованиям) имя отсутствует или специально стерто. Подобные примеры стирания или пропуска второго имени можно привести и для клейм фабриканта Молосса (рис. 1 и 2). Особый интерес вызывает случай „выкалывания“ иглой имени Молосса на клейме из объекта „Костадин чешма“ в Болгарии. Следовательно, с большой долей вероятности можно допустить, что хотя бы в первые десятилетия „эпонимного“ клеймления производители могли по своей воле ставить или не ставить на своих амфорах имя магистрата. Это свидетельствует о том, что публичный контроль – государственный или корпоративный – над процессом клеймения и импорта готовой продукции не был достаточно строгим.

В последние годы наметилась тенденция к сближению взглядов исследователей о хронологической последовательности эпонимных имен, известных по энглифическим клеймам. В то же время характер должности, исполняемой этими чиновниками, остается не совсем ясным. Интерпретация предлога “ἐπί”, как указание на то, что последующее имя принадлежит государственному магистрату, аргументирована весьма далекими аналогиями, относящимися к другим временам и иным центрам. В последней работе В. Каца, например, вообще нет обоснования того, что вторые имена в сокращении или в более развернутом виде являются именами государственных магистратов[12].

Вызывает интерес ряд вопросов, ответов на которые у нас пока еще нет, но само их существование показывает, что до сих пор официально не оспариваемые интерпретации являются всего-навсего гипотезами, а не конечной истиной. Например, некоторые эпонимы известны лишь по эпизодическим находкам, а другие засвидетельствованы сотнями, даже тысячами клейм. Объяснять явление случайностями или малыми масштабами раскопок становится все более затруднительно, потому что множество подобных примеров можно привести для эпонимов, которых все исследователи ставят в непосредственной хронологической близости, например Βόταχος и Μολοσσός, Ὥρα и Κερκίνος, Ματρίς и Λυκῶν. Синхронность исполнения должности должна была бы подсказывать примерно одинаковый объем производства. Следовательно, на объектах, где мы находим в больших количествах имена Молосса, Керкина или Люкона, следовало бы ожидать сопоставимое количество находок с именами других упомянутых эпонимов. Это обстоятельство особенно применимо к крупным полисам или торговым эмпориям, где импорт амфор с энглифическими клеймами был более или менее постоянен. Если обозначенную проблему еще можно „приглушить“ тем соображением, что иной альтернативы интерпретации пока нет, то серию клейм середины IV в. до н.э. таким образом объяснить нельзя. Широко известны десятки клейм, в которых имя Люкона сочетается с именами Стюфона, Дейномаха, Евгетия, и других, известных только в качестве эпонимов, причем, из числа самых

[12] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 232–249.

распространенных. Люкон, со своей стороны, также один из самых тиражированных эпонимов времени максимума экспорта амфор с энглифическими клеймами. На приведенных клеймах, однако, отсутствует предлог „ ἐπί“. Можно только гадать, кто на них был кем. Есть и другие подобные случаи, например, комбинации Гераклид – Павсаний или Молосс – Евгетий (рис. 3). Правда, первые имена в них известны по другим клеймам и как производители, но в конкретном случае решать, в каком качестве они здесь присутствуют, весьма рисковано. Вообще в первой и хотя бы во второй четверти IV в. до н.э. паралельно с официальными клеймами, на которых присутствует предлог „ ἐπί“, встречаются в больших количествах и клейма с двумя именами, о которых нельзя сказать ничего определенного, например: Φιλώνος/ Ὑπιτιῶν или Φιλίνος/ Ἀττῆς. По данным из раскопок объекта “Костадин чешма” возле деревни Дебелт в Болгарии соотношение имен с предлогом и без предлога ранней второй хронологической группы является почти равным (215:214). Подобным образом обстоит дело и с коллекцией с Елизаветовского городища, опубликованной в свое время И. Брашинским.

Попытки ультимативного определения одного из имен, стоящих в клеймах с двумя именами, как „эпонимного“, приводит нас к другой проблеме. В самом капитальном труде об энглифических клеймах В. Каца известны имена около 90 эпонимов[13]. Даже этот список весьма трудно вместить в общий период производства данного класса амфор. Дальнейшее его растягивание во времени войдет в непримиримое противоречие с данными археологии.

Все вышеизложенное подводит нас к выводу, что официальное „эпонимное“ клеймение хотя бы на протяжении первых нескольких десятилетий сосуществовало с „иррегулярным“ клеймением, при котором производители сами решали вопрос о форме и содержании клейма. Как при этом строились отношения между производителями и между ними и государственными структурами, на данный момент сказать невозможно. Можно только заметить, что подобная „анархия“ не характерна для полисов с централизованным управлением и не вписывается в классические модели организации клеймения и торговли продуктами в амфорах, известные нам на примерах Фасоса, Синопы, Херсонеса Таврического и других основных центров производства IV в. до н.э. Там количество ошибок в легенде и отклонений от стандарта в содержании клейм встречаются как исключение, а в нашем случае – это больше чем одна треть известных клейм. Отсюда и вывод, что необходимо соблюдать большую осторожность при интерпретации содержания энглифических клейм на базе моделей, разработанных для других центров.

II

Список имен, встреченных на энглифических клеймах, не демонстрирует качественного преобладания выходцев из одной языковой

[13] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма... С. 238.

группы эллинов[14]. Соотношение групп имен, характерных главным образом для дорийцев и для ионийцев, весьма дискуссионно по известным причинам. При предварительном анализе имен, известных по энглифическим клеймам, с этой точки зрения можно заключить, что там преобладают имена (около 35 %), более характерные для дорийских областей, например,'Αγνόδαμος, 'Αλκάνωρ, 'Ανικάτος, 'Αρτώνδας, Βόαθος, Βώταχος, Δαμόξενος, Δαμοφῶν, Εὐρύδαμος, Ἱαροκλῆς, Καλλίας, Ὄνασος и другие. Немного уступают им (около 25 %) имена, происхождение которых, скорее всего, можно связать с ионийскими традициями: 'Αγασίλαος, (Αἰθέρος) Αἰθήρ, 'Αντίφιλος, Εἰρηναῖος, Εὐωπίδας, Λυκάρητος, Νοσσός.

Хотя преобладание дорийских грамматических форм в энглифических клеймах не подлежит сомнению, давно подмечен факт сосуществования ионийских и дорийских характеристик при написании одного и того же имени, например, Ἡρακλείδας, Ἡρακλείδης. Подобные примеры можно найти и в клеймах с двумя именами, например Νοσσός ἐπί Παυσανίᾳ и Νοσσός ἐπί Παυσάνο.

Вместе с тем, нужно отметить и наличие ощутимого количества случаев употребления беотийских форм написания имен, таких как: Πασεάδα или Ἱστιῆος а также влияние из Фокиды.

Как обычно, весьма часто встречаются теофорные имена. Наиболее высокий удельный сегмент среди них занимают имена Дионисия, Гераклида, и Аполлония. Они встречаются в сопоставимых цифрах. По всей вероятности, это отражает ведущую роль культа трех богов в пантеоне центра производства амфор с энглифическими клеймами.

Вызывает интерес присутствие в корпусе заметного количества имен, характерных для таких негреческих областей, как Фригия и Македония, например, Ἄτταλος и 'Αττῆς. Наконец, следует указать на имена, производные от географических названий, которые связаны преимущественно с Черным морем, Боспором и племенами Скифии, Фракии и Малой Азии. Разнообразие имен, встречающихся на энглифических клеймах, наводит на мысль, что население центра, производившего эти амфоры, имело смешанное происхождение, в котором, однако, основной удельный вес имели значительные группы дорийского и йонийского происхождения.

Сравнение списков имен, содержащихся в энглифических клеймах и в штампах других черноморских центров – Синопы и Херсонеса Таврического, показывает минимальное количество совпадений. Если исключить теофорные имена, которые имеют повсеместное распространение в эллинистическом мире, то совпадений с именами на клеймах Синопы второй половины IV в. до н.э. (по Ив. Гарлану) насчитывается только 7, а с корпусом херсонесских клейм того же времени (по В. Кацу) – всего 3. В отличие от клейм большинства известных полисов, включая черноморские, в энглифических отсутству-

[14] Большую помощь при анализе имен в энглифических клеймах оказал мне доц. Н. Шаренков из Софийского университета «Св. Климента Охридского». По разным причинам его рукопись все еще не опубликована. Выражаю ему свою искренную благодарность.

ет определение государственного чиновника через специальный эпитет: астином или агораном. Даже предлог ἐπὶ, который воспринимается исследователями как указание на выполнение данным человеком административных функций, далеко не всегда присутствует в энглифических клеймах. Известны, например, пары имен, скажем Аристона и Люкона, при которых иногда предлог присутствует, а иногда опущен, очевидно сознательно. Отмечены и случаи, когда предлог следует за именем фабриканта, а не эпонима, например: ΛΥΚΩΝΟΣ/ΜΑΛΙΑ ΕΠΙ (рис. 3*а*).

Относительно высокая степень неграмотности вместе со сравнительно большим количеством технических ошибок: ретроградное написание отдельных букв и имен, использование бустрофедона и многочисленных вариантов сокращений, позволяет сделать вывод о том, что энглифические клейма являются продуктом динамичной языковой среды, в которой еще не устоялись однозначные грамматические нормы. В этом отношении корпус энглифических клейм тоже значительным образом отличается от аналогичных списков из Херсонеса Таврического и Синопы, где подобные ошибки и опечатки весьма немногочисленны. Особенно это бросается в глаза при сравнения синхронных экземпляров второй половины IV в. до н.э. Наблюдение позволяет предположить, что вероятно в V в. до н.э. в полисе, где началось производство этих амфор, имела место вторичная волна мигрантов.

Другое направление сопоставлений, которое могло бы дать интересные результаты, – с корпусами имен, известных по эпиграфическим, нумизматическим и другим памятникам, – пока не может быть осуществлено в достаточно представительном масштабе по понятным причинам. Поверхностный анализ показывает, что совпадения имен на клеймах, даже редко встречаемых, есть почти со всеми крупными полисами Черного моря. Например, на серебряных тетрадрахмах Аполлонии встречается имя монетного магистрата Мюса, а на надгробиях из Месембрии – Афанайона, Мосха и Лусиоса. Подобные примеры можно привести почти для всех крупных полисов IV в. до н.э. по берегам Черного моря. Для того чтобы аналогии в этом направлении анализа имели ценность аргумента, необходимо установить не несколько, а хотя бы несколько десятков совпадений (рис. 4–5).

Грамматические и палеографические сравнения шрифтов на энглифических клеймах и синхронных им эпиграфических памятниках и надписях на монетах тоже не могут дать нам однозначного ответа в смысле наличия специфических аналогий.

Очевидно, что использование грамматических, палеографических и ономастических методов с целью определения центра производства амфор с энглифическими клеймами, имеет определенный потенциал, но их реализация – дело будущего. На данный момент о полисе, который выпускал эти сосуды, можно сказать лишь то, что он не был в очень близких отношениях с Херсонесом Таврическим и Синопой. Он имел смешанное население, по всей вероятности, в нем присутствовали и выходцы из других районов Понта, может быть даже представи-

тели окрестных племен. Городские власти, по неизвестным для нас причинам, очень слабо контролировали процесс производства амфорной тары.

III

Интересную историческую информацию может дать нам анализ пространственного распределения амфор с энглифическими клеймами. Давно подмечено, что большие группы их находок фиксируются по берегам Черного моря своеобразными „гнездами“. Концентрации изделий этого класса документированы, например, в районе Елизаветовского городища, Горгиппии, Керкинитиды, Ольвии, Каллатиса и Аполлонии Понтийской (рис. 6). Возможно, будущие исследования выявят и другие подобные центры. Количество энглифических клейм в этих местах несравнимо больше, чем концентрации синхронных клейм Фасоса и других центров-экспортеров амфорной тары[15]. К примеру, на археологических объектах в районе Бургаского залива обычно находят по два–три одинаковых клейма Фасоса и до 15–20 одинаковых энглифических. В одном случае, в кургане Аполлонийского некрополя, найдено свыше 70 клейм[16]. Это обстоятельство легко объяснить характерной торговой конъюнктурой ранней эллинистической эпохи. Но интересно другое. В разных „гнездах“ кроме разнообразных клейм, как правило, несколько экземпляров „фабрикантских“ и „эпонимных“, находят в необычайно больших количествах и клейма конкретных магистратов и производителей. Следовательно, кроме больших оптовых партий, включающих амфоры с разнообразными клеймами, подобранными по воле случая, были и партии амфор с одинаковыми клеймами. Очевидно, это явление можно объяснить предварительной договоренностью с местными контрагентами. Так, например, обычные для Елизаветовского городища треугольные клейма эпонима Каракюда с именами более чем десяти фабрикантов встречаются крайне редко по западным берегам Черного моря. При раскопках объекта „Костадин чешма“ было найдено 19 „фабрикантских“ клейм Стасихора, хотя на других объектах имя его встречается не так уж часто. Следовательно, торговые операции осуществлялись двумя разными способами. В одном случае, крупные партии одинаковых амфор с клеймами определенных производителей или “эпонимов” в сочетании с разными фабрикантами, завозились на больших кораблях к заказчикам по предварительному договору[17]. Одновременно с этим, другие партии (возможно гораздо более мелкие), составленные

---

[15] Сопоставление синхронных находок энглифических и других клейм в IV в. до н.э. См.: *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону…; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы…; *Buzoianu L., Bărbulescu M.* Albeşti. Monografie arheologică. I. Constanța, 2008.

[16] *Bozkova A.* Englyphic amphora Stamps from Tumulus 8 of Kolokita Promontory near Sozopol (the Ancient Apollonia Pontica) // PATABS-II. 2011. P. 111–117.

[17] *Гаврилов А.В., Федосеев Н.Ф.* Амфорные клейма из античных памятников округи Феодосии // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 40–50.

из случайно подобранных сосудов с разными клеймами, “путешествовали” по торговым трассам, “выискивая” потенциальных покупателей.

Наблюдения над распространением энглифических клейм позволяет поставить вопрос: как была организована торговля товарами в амфорах этого класса? Очевидно, „фабриканты“ или “собственники”, да и „эпонимы“ прямо не участвовали в осуществлении торговых операций. Этому противоречит и соображение, что перед тем как экпортировать амфоры, было необходимо наполнить их товаром, произведенным другими лицами. Здесь уместно припомнить, что в амфорах перевозили не только вино и оливковое масло, но и огромное многообразие других продуктов. Остается без достоверного ответа и вопрос о возможности повторного использования этих сосудов. Очевидно, без соответственных химических анализов весьма рисковано говорить о том, что и в каких количествах перевозилось в амфорах с энглифическими клеймами.

Уместно напомнить и еще об одном обстоятельстве. По наблюдениям специалистов весьма вероятно допущение, что амфоры, клейменые одним именем, продолжали бытовать на рынке довольно долгое время, даже после появления клейм с двумя именами. С другой стороны, в первые годы “эпонимного” клеймения часто применялись два отдельных клейма, поставленных довольно далеко одно от другого. Поэтому мы не можем истолковывать однозначно принадлежность большого количества клейм с одним именем, когда располагаем лишь фрагментом амфоры, к первой или второй хронологической группе. Логично задаться и следующим вопросом: возможно ли чтобы уже в этот ранний период “производители/собственники” иногда сознательно “упускали” второе имя, как это делалось по неизвестным причинам и позднее? Вопросы, на которые нет категорического ответа, делают все попытки установить более точную дату введения двуименного клеймения не особенно надежными.

Наконец, можно отметить и высокую степень дискуссионности в отношении того, как нам интерпретировать информацию, содержащуюся в энглифических клеймах. Если это делать по аналогии с другими производственными центрами, например, Фасосом или Родосом, то возникает несколько других вопросов. Во-первых, в подобных районах выпуск амфор был органически связан с основными производственными отраслями. Процесс экспорта переработанной сельскохозяйственной продукции начался в них задолго до появления амфор с энглифическими клеймами и продолжался несколько веков после исчезновения последних. Это производство имело первостепенное значение для экономики больших островов и таких географически обособленных районов, как полуострова Книд или Халкидика. Для центра, производившего рассматриваемые амфоры, наоборот, временно открывшаяся экономическая конъюнктура появилась в конце V в. до н.э. и исчезла уже во второй половине IV в. до н.э. Короткое время их бытования (нельзя забывать о том, что последние 50 лет их производство было сведено к весьма низким цифрам, даже в сравнении с продукцией других полисов Черного моря) указывает, что экс-

порт товаров, перевозимых в амфорах этого класса, так и не превратился в ведущую отрасль местной экономики.

По-видимому, реализация торговых сделок с их использованием осуществлялась, как и в другие районы эллинского мира, третьими лицами, которых можно условно назвать „купцами“. Присутствие в основных зонах потребления большого количества „неординарных“ экземпляров энглифических амфорных клейм (без предлога или с грубыми грамматическими ошибками) свидетельствует, что эти купцы не были связаны с государственными структурами и их не волновали условия публичного контроля над качеством и количеством сосудов. Можно предположить также, что они заключали договоры как с „фабрикантами“ или “собственниками”, так и с „эпонимами“. В первом случае на конкретном объекте контрагентов появлялась серия амфор с клеймом одного производителя, в другом – серия клейм с именем одного „эпонима“ в сочетании с несколькими производителями. Причем „купцы“ явно пренебрегали стандартами клейм и часто принимали товар с „иррегулярными“ клеймами без предлога или с другими отклонениями от „эталона“. Так можно объяснить, например, присутствие 19 одинаковых клейм с именами Гераклида и Павсания на объекте „Костадин чешма“, как и другие подобные случаи.

Использование таких схем торговых операций, судя по опубликованным данным и мнению специалистов, можно проследить до середины IV в. до н.э. В связи с этим возникает логичный вопрос – были ли „эпонимы“ в это время государственными чиновниками? Ведь „купцам“ было бы не очень удобно каждый год заключать договоры о производстве конкретного количества амфор с несколькими десятками „фабрикантов/собственников“. Гораздо удобнее было иметь в качестве „контрагентов“ нескольких „подрядчиков“, которые обеспечивали им необходимое количество амфор, ангажируя для этого возможности достаточного числа мастерских. Подобные схемы торговли весьма широко применялись во все времена, включая современность. С точки зрения государства это было бы тоже весьма удобно – вместо того, чтобы контролировать несколько десятков производителей, пошлины можно было собирать в гавани у торговцев. Нельзя сбрасывать со счетов и возможность того, что к середине IV в. до н.э. подобные схемы были заменены регулярным “эпонимным” клеймением, поскольку во времена “поздних” эпонимов, согласно классификации В. Каца, “иррегулярные” клейма практически не встречаются.

Конечно, эта гипотеза пока не может быть доказана достаточно вескими аргументами. Сама возможность ее формулирования, однако, показывает, что наши знания относительно организации торговых операций с амфорами с энглифическими клеймами, еще не столь твердо установлены, как это может показаться на первый взгляд.

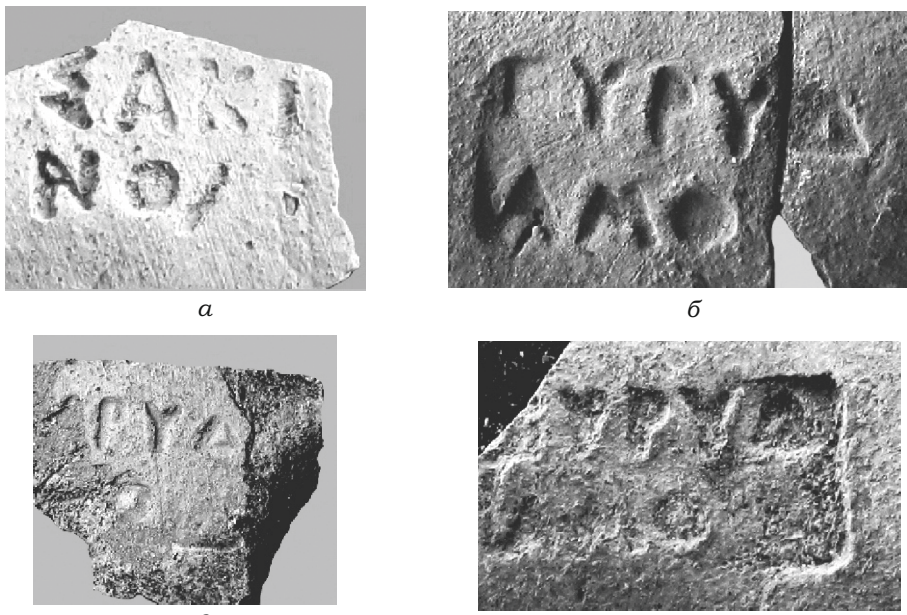
P. Balabanov

NOTES REGARDING THE AMPHORAE WITH ENGLYPHIC STAMPS

Amphorae with englyphic stamps have been known for more than 200 years. This class of products is characterized by several features that distinguish them from the mass production of amphorae in ancient Hellas, such as quality of the clay, technology used for marking, major differences in the quality of the finished products. Another important feature is the relatively short period of their production and use, spanning about one hundred years, and the dynamics of their appearance and disappearance.

A number of issues related to their classification and interpretation continue to spark debates, for example their origin from the Pontic Heraclea has recently been questioned. An analysis of the names from this type of stamps shows that in the polis where they have been produced, the main population was of Doric origin. A little fewer were the people with Ionic origin, and possibly a substantial number of citizens of the polis even had non-Greek origin. The main worshiped deities were Heracles, Apollo and Dionysus. An analysis of the geographical distribution of the finds enables us to surmise two major mechanisms of trade. Obviously, some of these amphorae have been issued in large compact batches consisting of vessels with the same markings, while others constituted small batches. In the first case, the archaeological site contains large series of vessels with identical stamps, and in the second case, most often, collections of stamps with different content.

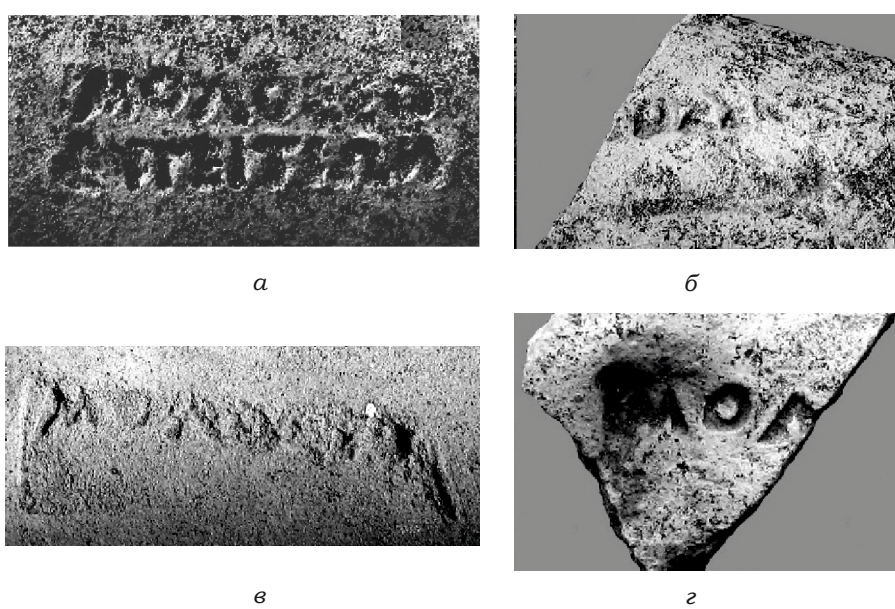
In previous attempts to interpret the contents of englyphic stamps with two names, the mechanism that led to their emergence was assumed to be the same as the one that took place on the islands of Thasos and Rhodes. A number of arguments exist that make such an analogy hardly defensible. This allows us to think of another interpretation of the second names on englyphic stamps. They may mark the presence of a group of traders or distributors of finished goods that are not (or are related in an unconventional way) with the public administration. The hypothesis is not yet supported by conclusive arguments. The very possibility of proposing this hypothesis though shows that our knowledge about amphorae marked with englyphic stamps is far from the desired level of certainty.



а *б*

в *г*

Рис. 1. Клейма производителей Сакина и Евридама
с частично или полностью именем эпонима



а *б*

в *г*

Рис. 2. *а* - Клеймо производителя Молосса в сочетании
с именем Эвгейтиона; *б* - то же клеймо без второго имени;
в, г - то же клеймо с дополнительно за ым вторым именем

а

б

в

г

Рис. 3. Клейма с двумя именами без предлога:
а - Люкон и Дейномах; *б* - Люкон и Эвгейтион;
в - Гераклид и Мюс; *г* - Гераклид и Павсаний

а

б

Рис. 4. *а* - Надгробье из Мессамбрии с именем Мосха;
б - энглифическое клеймо с именем Мосха

Рис. 5. Монеты Гераклеи Понтийской с названием полиса
и именем тирана Дионис и энглифические клейма

Рис. 6. Основные районы скоплений
энглифических клейм по берегам Черного моря

С.Ю. Монахов,
Н.Ф. Федосеев

ЗАМЕТКИ ПО ЛОКАЛИЗАЦИИ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ. IV: АМФОРЫ ИКОСА

В 2001 году в центре г. Керчи, по ул. Циолковского, А.В. Куликовым были проведены исследования по трассе прокладки газопровода. На небольшом участке были выявлены мощные культурные напластования от второй четверти V в. до н.э. до начала I в. н.э. Для исследования был заложен раскоп 8 × 1,2 м. Глубина слоя достигла 2,25 м. По характеру залегания слоев и составу находок можно констатировать, что раскопана была часть зольника.

Наибольший интерес представляют материалы из слоя эпохи поздней классики и раннего эллинизма. Более половины находок составляет амфорный материал, среди которого зафиксировано 139 клейм. Из них 9 экз. на боспорской черепице, которая суммарно датируется в пределах с 360 по 330 гг. до н.э. Общая характеристика остальных клейм выглядит следующим образом: 57 синопских амфорных клейм, основная масса которых датируется второй половиной IV в. до н.э. Лишь два клейма относятся к 90-м годам III в. до н.э.[1] Оттуда же происходит 30 фасосских и 18 гераклейских клейм – все датируются второй половиной IV в. до н.э. 7 родосских клейм относятся к раннефабрикантской группе начала III в. до н.э. Найдено также 5 «колесовидных» клейм Аканфа, которые разными исследователями датируются в хронологических рамках 70–30-х гг.[2] или 40–10 гг. IV в. до н.э.[3] В комплексе присутствуют 2 книдских клейма с эмблемой «прора» конца IV – самого начала III вв. до н.э.[4] Найдено также 2 косских клейма неопределенной хронологии, 1 оттиск геммы и 1 клеймо Икоса.

Набор керамических клейм разных центров позволяет уверенно утверждать, что время накопления комплекса охватывает всю вторую половину IV и самое начало III в. до н.э. Монетные находки подтверждают этот вывод.

---

[1] По хронологии Н.Ф. Федосеева.

[2] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003. С. 86; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. С. 201.

[3] *Garlan Y.* L'interprétation des timbres amphoriques "à la roue" d'Akanthos // BCH. 2006. Vol. 130. P. 269.

[4] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 222.

Поскольку в нашу задачу не входит исчерпывающий анализ этого богатого комплекса[5], и приведенные выше выкладки позволяют лишь уточнить общую хронологию, основное внимание мы уделим одной находке – фрагменту амфорного горла с клеймом IKION на ручке (рис. 1–*3*–*6*), который, как нам представляется, позволяет локализовать известную группу амфор.

В принципе, клейма Икоса не являются чем-то редким в керамической эпиграфике, хотя встречено их не очень много[6]. Б.Н. Граков по материалам Северного Причерноморья выделял оттиски от 4-х штампов[7], хотя на самом деле их значительно больше[8]. Тем не менее, очевидно, что клеймение амфор на Икосе не было системным и регулярным и осуществлялось только периодически. Причем, на сегодняшний день мы не имеем никаких данных о том, почему на Икосе в легенде клейм присутствует только этникон, и никогда не фигурируют имена фабрикантов или магистратов, как это было в центрах, где существовала практика систематического клеймения.

Серьезный прорыв в изучении амфорного производства на Икосе был сделан в 1980-е годы А. Дульгери-Инцесилоглу, исследовавшей несколько амфорных мастерских на Пепарете и Икосе, что позволило ей вместе с Гарланом идентифицировать керамическую тару Пепарета, опознав в ней хорошо известную в Причерноморье серию тары т.н. типа Солоха-II. Вместе с тем авторы отмечают тот факт, что, судя по фрагментам профильных частей амфор из мастерских, и на Пепарете и на Икосе производились одновременно как высокие конические амфоры типа Солоха-II (Пепарет-I), так и амфоры пифоидной формы с широким яйцевидным туловом (Пепарет-II). Целая неклейме-

---

[5] Материалы готовятся к публикации автором раскопок. Коллекция керамических клейм обработана Н.Ф. Федосеевым. Авторы статьи признательны А.В. Куликову за любезное разрешение использовать материалы его раскопок.

[6] Елизаветовка: *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 201. № 779, 780; Эритрия: *Palaczyk M., Schönenberger E.* Amphorenstempel. Grabungen 1964–2001 // Eretria. 2003. Vol. XII. P. 224; Керамейкос: *Jöhrens G.* Kerameikos: griechische Amphorenstempel spätklassischer und hellenistischer Zeit // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athen. Abt. 1999. Band 114. Taf. 25. No 21.

[7] В своде IOSPE III зафиксировано 16 клейм Икоса, из них два в Керченском музее (IOSPE, № 12–13, Пантикапей, 1903–1905 гг., от разных штампов), 6 или 7 экз. из Ольвии, одно клеймо из Херсонеса. Еще одно клеймо хранится в ГИМе без паспорта.

[8] Из находок последних десятилетий: одно клеймо найдено на поселении Генеральское-Западное, полевой номер 2004/157, не опубликовано, найдено под черепичным развалом, который по множеству черепичных и амфорных клейм датируется второй половиной IV в. до н.э. (см.: *Ковальчук А.В., Масленников А.А.* Керамический комплекс с поселения «Генеральское-Западное» (раскоп юго-западный склон) // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 208). Второе клеймо также найдено на Керченском п-ве на поселении Пустынный берег-3 (п.о. 2005/24), не издано. Известно еще одно клеймо из моря близ Севастополя (частная коллекция) и одно с поселения Беленькое-2 (*Бруяко И.В.* Материалы к археологической карте Нижнего Поднестровья // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 2005. С. 306. № 1. Рис.4 –*4*).

ная пифоидная амфора из мастерской Панермос на Пепарете была авторами издана (рис. 1 – *1*)[9], причем они отмечают, что в мастерской Цукалия на Икосе среди бракованной продукции присутствуют во множестве, в том числе, фрагменты именно таких сосудов. Кроме того, там же обнаружена ручка амфоры с клеймом IKION[10].

Хронология выпусков амфор обеих серий (Пепарет-I и Пепарет-II) по найденным в двух мастерских в Асклепионе и Панермосе (обе на Пепарете) аттической чернолаковой керамике и монетам определяется в пределах первой половины – третьей четверти IV в. до н.э.[11]

Находка в Керчи важна для нас потому, что этот фрагмент амфорного горла с клеймом IKION на ручке (рис. 1 – *3–6*) совершенно точно соответствует по морфологии и характеру глины выделенному А. Дульгери-Интцессилоглу и И. Гарланом пифоидному типу Пепарет-II. А поскольку керченская находка имеет на ручке клеймо[12], то принадлежность ее Икосу не вызывает сомнения.

Визуальные характеристики керченской находки следующие: глина светло-коричневого цвета с редкими включениями мелкого известняка и слюды. Снаружи – густой и очень плотный темно-коричневый ангоб. Это абсолютно точно соответствует характеристикам глины так называемых «псевдо-херсонесских» или «псевдо-боспорских» амфор, которые уже неоднократно анализировались в отечественной литературе[13], в том числе недавно стали в очередной раз предметом нашего внимания[14]. Очень характерна профилировка венца – он небольшой, клювовидной формы.

---

[9] *Doulgéri-Intzessiloglou A., Garlan Y.* Vin et amphores de Péparéthos et d'Ikos // BCH. 1990. Vol. 114. P. 375, 376. Fig. 21–26. Параметры амфоры: высота 67 см, диаметр тулова – 36 см. Клеймо – p. 371. Fig. 7.

[10] Исследования на Икосе, прежде всего в районе мастерской Цукалия, были продолжены в 1999–2000 годах в рамках совместного греко-американского проекта. См.: *Δουλγερη- Ιντζεσιλογλου Α., Σκαφιδα Ευ., Καμπουρουλου Ευ.* Θέση Τσουκαλιά Ελληνοαμερικανικό πρόγραμμα επιφανειακής έρευνας στην Αλόννησο (αρχαία Ίκο) // Αρχαιολογικόν Δελτιον. Χρονικα. 1999. Vol. 54. P. 406–408; *Ατηανασσορογλου Ε.* Τσουκαλια // Αρχαιολογικόν Δελτιον. Χρονικα. 2000. Vol. 55. Αθηνα, 2009. P. 501–502. На сегодняшний день в окрестностях мастерской Цукалия обнаружено 5 амфорных клейм с этниконом IKION, см.: *Πανάγου Τ.Μ.* Η σφράγιση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων. Παρουσίαση και αξιολόγηση των κέντρων παραγωγής. Διδακτορική διατριβή. Αθηνα, 2010. P. 194.

[11] *Doulgéri-Intzessiloglou A., Garlan Y.* Vin et amphores... P. 378, 379.

[12] Полная аналогия этому клейму – IOSPE III. № 4, 6. Оба клейма из Ольвии.

[13] *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 98; *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического. Саратов, 1989.

[14] *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009. С. 148–161; *Monachov S.Ju., Kuznetsova E.V.* About One Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre of the Fourth Century BC (former "Bosporan" or "Early-Chersonesean") // Patabs II. P. 245–258. Нужно отметить, что впервые о возможной принадлежности этих амфор к продукции Пепарета высказался Г.А. Ломтадзе (см.: *Ломтадзе Г.А., Масленников А.А.* К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 150) со ссылкой на находку фрагмента горла с клеймом IKION на

Именно форма венца подвигла И. Гарлана искать аналогии амфоре из мастерской Панермос (рис. 1) среди разнообразных серий тары с грибовидными венцами, хорошо известными в Причерноморье[15]. Как нам представляется, это предположение не имеет под собой оснований.

Не возвращаясь к многолетней дискуссии, которая изложена в публикациях 2009 и 2011 года, напоминаем, что представительная серия «псевдохерсонесских» амфор последовательно считалась то «боспорской», то «херсонесской» ранних выпусков. В последних работах было высказано предположение, что «… *амфоры рассматриваемых нами групп были выпущены в мастерских нескольких центров-производителей… центр (центры), где производились такие амфоры, скорее всего, находился где-то в Северной Эгеиде, скорее даже в Пропонтиде…*»[16].

Эта гипотеза теперь выглядит умозрительной, ныне уверенно можно говорить о том, что производство таких пифоидных амфор было налажено именно на Икосе, который наравне с Пепаретом был одним из крупнейших центров-импортеров вина в керамической таре в Причерноморье.

На сегодняшний день в Причерноморье зафиксировано более 70 находок подобных амфор, в том числе 19 из них обнаружены в комплексах, где они встречены в контексте с иными группами надежно датирующихся керамических находок. Особенно много таких комплексов выявлено на Кубани, в меотских некрополях «Прикубанский», «Старокорсунский № 2», «Усть-Лабинский»[17] и др. Встречены они в Порфмии, в комплексе ямы в украинской лесостепи, в курганах на Днепре, Дону и на Днестре, в Керчи и в других местах[18].

ручке из Керчи, правда, почему-то относя эту находку не к Икосу, а к Пепарету.

[15] *Doulgéri-Intzessiloglou A., Garlan Y.* Vin et amphores… P. 386. Fig. 35.

[16] *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Указ. соч. С. 160; *Monachov S.Ju., Kuznetsova E.V.* Op. cit. P. 250.

[17] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 221 сл., 262 сл. Табл. 11, 28; *Улитин В.В.* Амфорный импорт в Усть-Лабинской меотской группе памятников (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани) // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 277. См. также: *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 64. Табл. 39–*1*; *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Указ. соч. С. 148 сл.; *Monachov S.Ju., Kuznetsova E.V.* Op. cit. P. 245 ff.

[18] *Яковенко Э.В.* Античні амфори, знайдениі на Київщині // Археологія. 1964. Вып. XVI. С. 200. Рис. 2; *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. Рис. 17–*6*; *Савченко Е.И.* Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М., 2001. С. 82; *Гансова Э.А.* Комплексы керамической тары // МАСП. 1966. Вып. 5. С. 76; *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. Д1-27. М., 1970. С. 109; *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политиче-

Во множестве этих комплексов пифоидные амфоры производства Икоса синхронизируются с клейменными гераклейскими и фасосскими, неклейменными синопскими, мендейскими, косскими, книдскими амфорами, хронология которых разработана достаточно надежно. Эти комплексы позволяют с высокой долей уверенности говорить о том, что производство данной серии амфор началось примерно в 80-е годы IV в. до н.э. и продолжалось на протяжении второй–третьей четвертей IV в. до н.э. Комплексы, содержащие более ранние и более поздние сосуды схожей морфологии, пока не известны.

Это позволило создать достаточно аргументированную типологическую и хронологическую классификацию для амфор производства Икоса, главные выводы которой приведены ниже.

Амфоры **первой группы** (варианта) – крупные пифоиды, имеющие, как правило, достаточно высокое горло. Венец чаще всего клювовидный с небольшой подрезкой снизу, как у амфоры из Панермоса и у горла из Керчи (рис. 1). Отличительной особенностью группы является наличие перехвата на ножке.

Самая прямая аналогия амфоре из мастерской в Панермосе – сосуд из кургана № 415 у с. Журовка, который неоднократно переиздавался за последнее столетие (рис. 1 –*2*)[19]. Вместе с амфорой найден фигурный лекиф первой половины IV века. Нам представляется, что амфора должна датироваться еще в пределах первой четверти столетия.

К этой группе также относится множество сосудов из Прикубанского и Старокорсунского меотских некрополей, из кургана № 18 могильника «Колбинский I» и некоторые другие (рис. 2–3)[20]. Необходимо

ского господства в Скифии. М., 1984. С. 53. Рис. 16, 2; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 261–263, 407, 409, 411, 413. Табл. 105, 106, 182–185; *Федосеев Н.Ф., Ермолин А.Л., Куликов А.В.* Керамический комплекс из района рыбоконсервного завода в Керчи // ДБ. 2008. Вып. 12-II. С. 485. Рис. 2 –*2,* 7–*2*; *Лунев М.Ю.* Новые погребения IV в. до н.э. из могильника на ул. Постовой (Почтовой) // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 364, 369. Рис. 10–*6*. *Полин С.В.* Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АМА. 2009. Вып. 14. С. 276 сл. Рис. 7, 8. Очень похоже, что недавно около 900 амфор Икоса было найдено в кораблекрушении у о. Левка, см.: *Терещенко О.І.* Звіт про підводно-археологічні досліджения пам'яток історії та археології в акваторії о. Зміїний Одесскоі області за 2011 р. о. Зміїный, 2012. С. 20, 21. Табл. 39, 40, 43, 44.

[19] *Бобринский А.А.* Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитоновки (Чигиринского уезда Киевской губернии) // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 79–80. Рис. 4; *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. Д1-27. М., 1970. № 553. Табл II; *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 82. Табл. VII –*19*. У И.И. Зеест приведен сильно искаженный чертеж этой амфоры. Хранится в Киевском историческом музее, № КИМ, № Б.6640.

[20] Амфоры Икоса иллюстрируются в данной статье на рис. 2–6 выборочно, в основном целые формы. Исчерпывающая информация о всех амфорах, в том числе их параметры, приведены в цитированных статьях: *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Указ. соч.; *Monachov S.Ju., Kuznetsova E.V.* Op. cit.

подчеркнуть, что для амфор этой группы присуще многообразие профилировки ножки при том, что некое единство все-таки наблюдается. Представляется, что это многообразие связано с тем, что данный вариант тары выпускался во множестве мастерских, причем на протяжении достаточно продолжительного времени (вторая четверть – середина IV в. до н.э.). И наконец, надо отметить, что помимо полностандартных амфор в рамках этого варианта известны фракционные сосуды. Они имеют вытянутые пропорции – высокое горло с валикообразным венцом с плавным переходом от плеч к коническому тулову[21].

Прочие амфоры можно отнести ко **второй морфологической группе**. Это также довольно крупные пифоиды на массивной невысокой ножке. Анализ имеющихся в нашем распоряжении комплексов, содержащих амфоры данной группы, показывает, что изготовление этих сосудов началось примерно в середине четвертого столетия. В отличие от сосудов первой группы у этих амфор отсутствует перехват на ножке. В нее попали образцы из ряда погребений Прикубанского и Старокорсунского некрополей на Кубани, из некрополей Херсонеса и Панское-1, из Сладковского могильника и другие (рис. 4–6). Здесь также прослеживается сосуществование нескольких фракций стандарта. В хронологическом отношении амфоры второй группы выпускались в пределах середины – третьей четверти IV в. до н.э.

В контексте всего вышенаписанного возникает вопрос, без решения которого обойтись трудно. Дело в том, что неклейменая амфора из Панермоса найдена не на Икосе, а в мастерской на о. Пепарет. Полные аналогии этому сосуду (рис. 2–6) не имеют клейм, за одним исключением – круглое клеймо с «дельтой» (рис. 4 -*1*), которое не дает привязки к центру производства. С другой стороны, амфорное горло с этниконом IKION на ручке из Керчи надежно атрибутирует эту находку. Можно предположить, что амфоры выделенных двух групп производились одновременно и на Пепарете и на Икосе, тем более что по некоторым данным Икос в интересующее нас время находился под контролем Пепарета. Однако только на Икосе по неизвестным нам причинам иногда оттискивались клейма с этниконом.

Таким образом, на сегодняшнем этапе мы можем согласиться с главным выводом А. Дульгери-Интцессилоглу и И. Гарлана о том, что на Пепарете и Икосе на протяжении большей части IV века производилось два типа амфор: Пепарет-I (прежний тип Солоха-II) и Пепарет-II (прежний тип «псевдохерсонес»), который отныне будет правильнее называть Пепарет-II – Икос. Однако приведенные А. Дульгери-Интцессилоглу и И. Гарланом в качестве аналогии последнему типу амфоры с грибовидными венцами из северопричерноморских находок не могут считаться продукцией Пепарета и Икоса.

[21] *Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В.* Указ. соч. Табл. 4 – *1–3.*

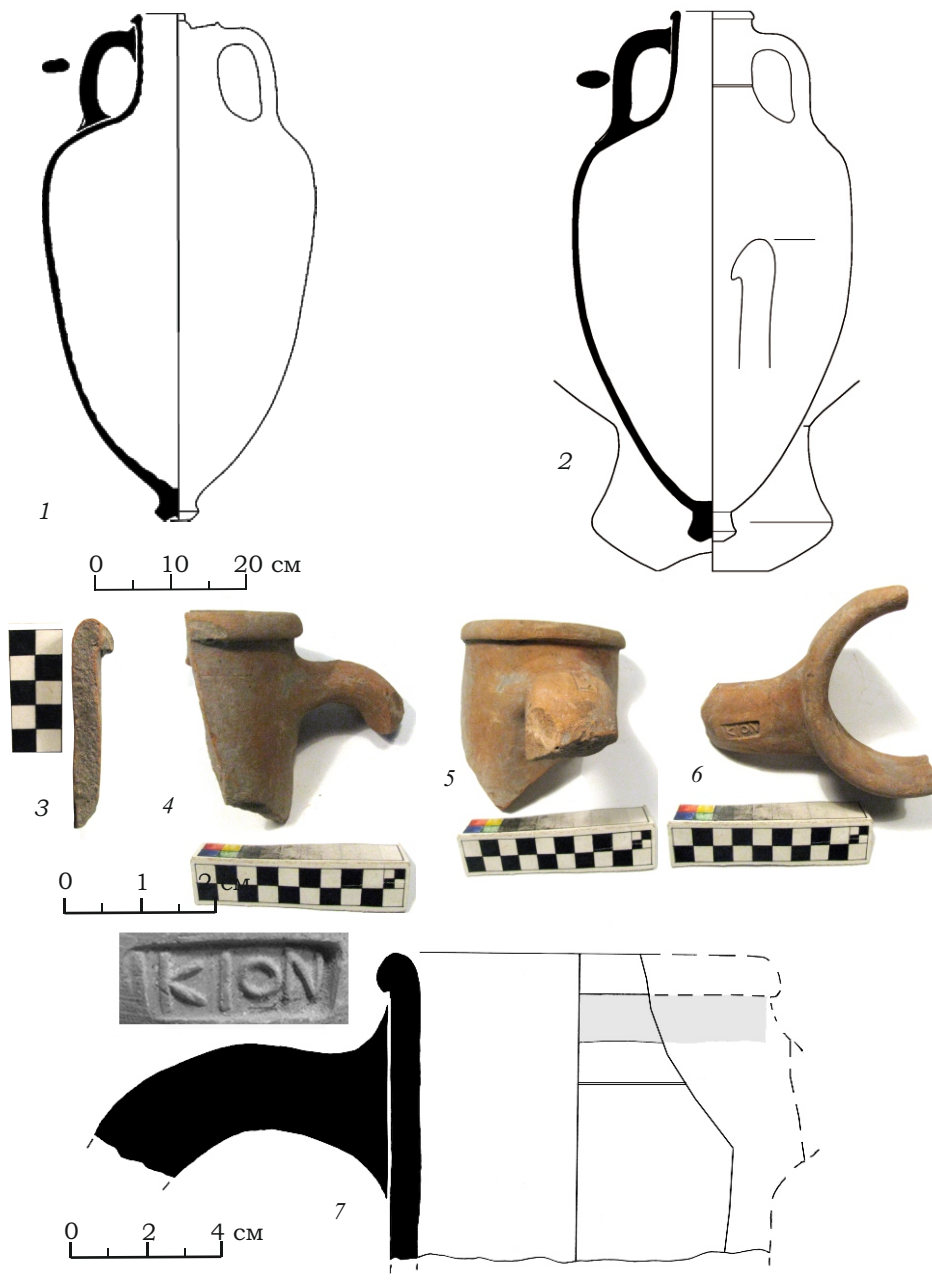


Рис. 1. Амфоры Икоса: *1* - из мастерской в Панермосе на Пепарете; *2* - амфора из кургана 41 у с.Журовка; *3- 7* - горло амфоры из зольника на ул. Циолковского в Керчи

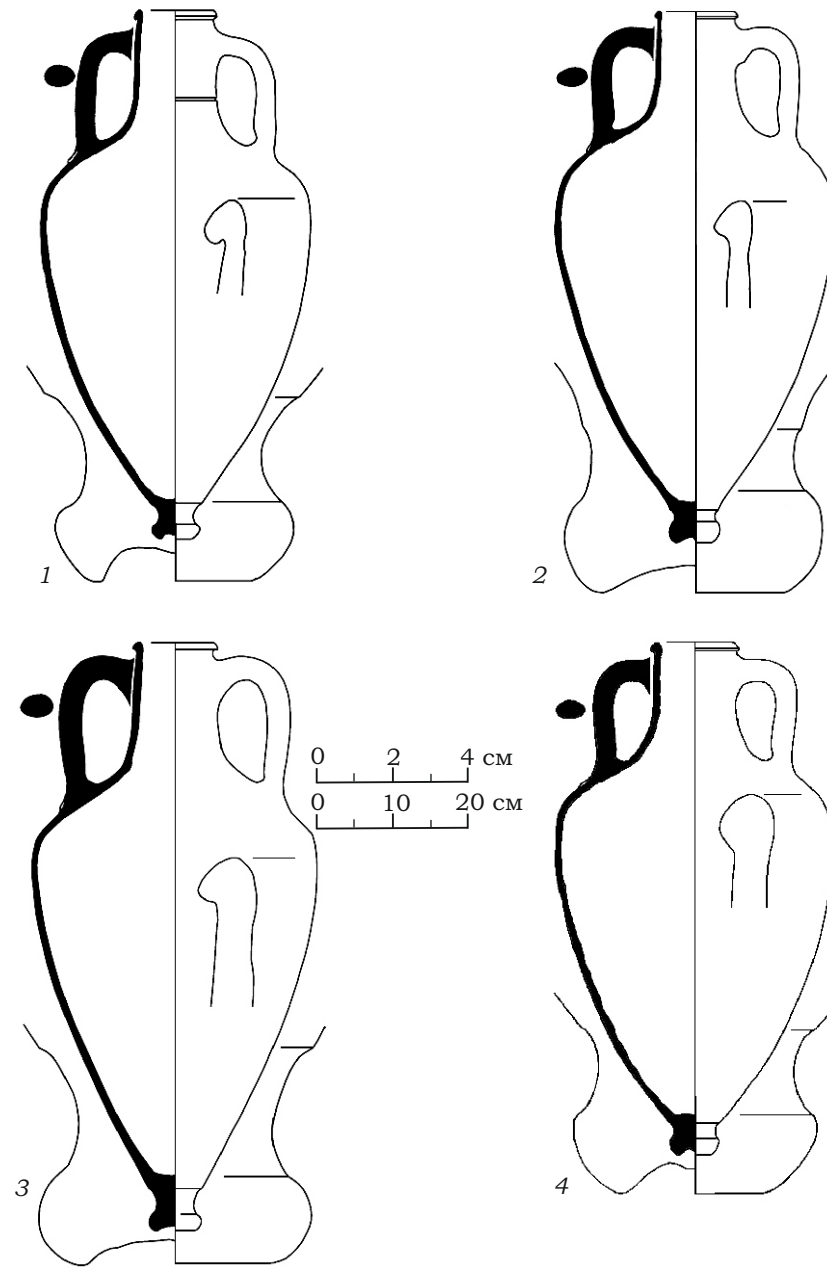


Рис. 2. Амфоры Икоса первой группы: *1 - 3* - из погребений № 33, 93 и 398(?) Прикубанского некрополя; *4* - из погребения № 304з некрополя Старокорсунского городища № 2

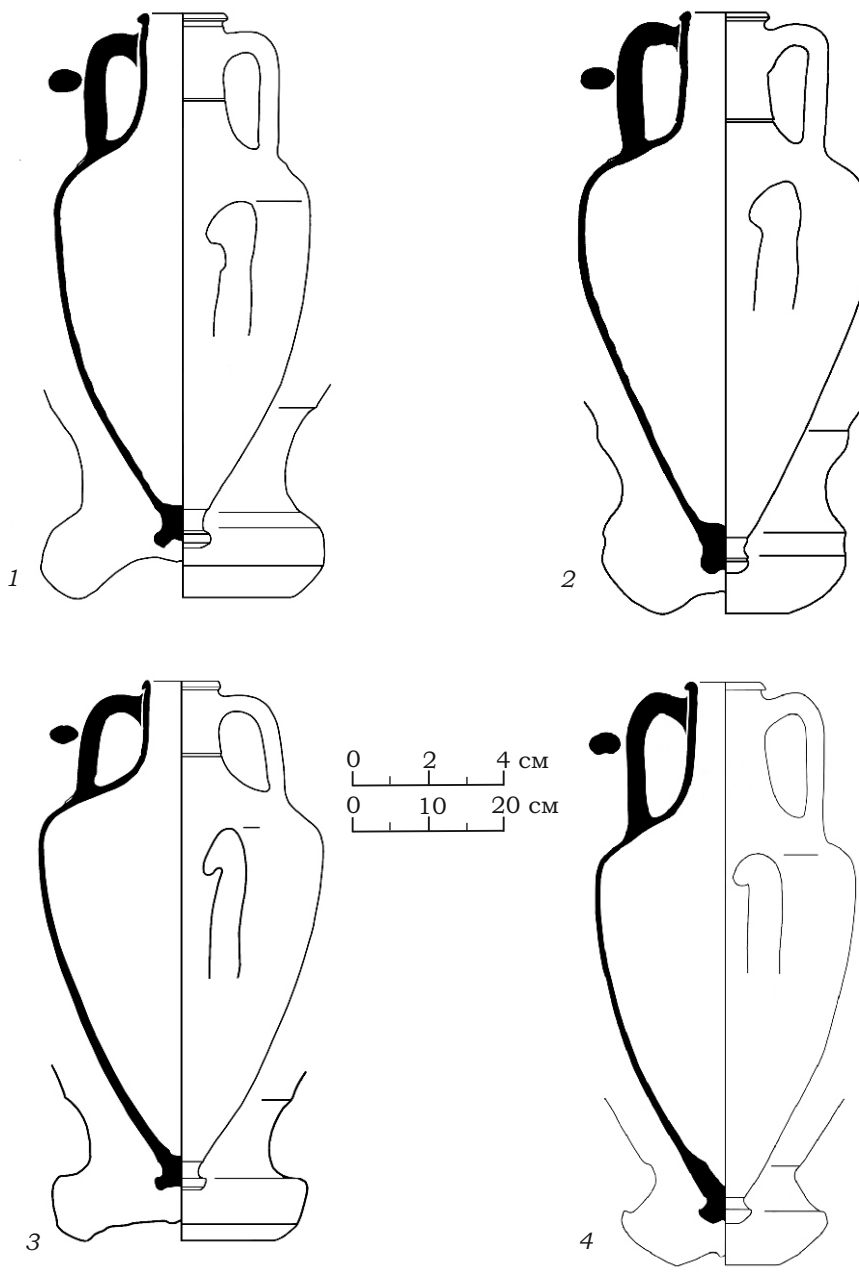


Рис. 3. Амфоры Икоса **первой группы**: *1 - 3* - из погребений № 75, 91 и 415 Прикубанского некрополя;
4 - из погребения № 2 кургана № 18 могильника Колбино I

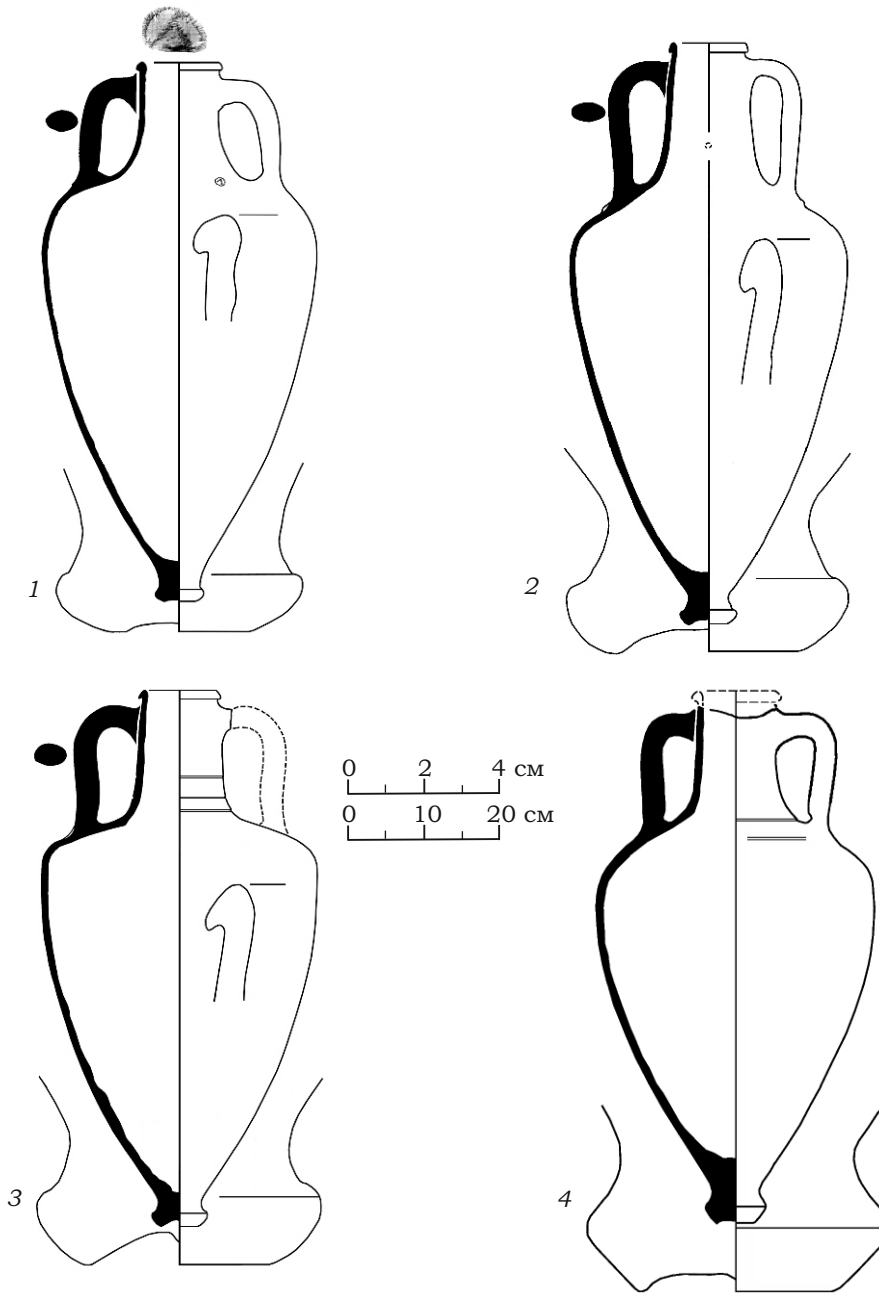


Рис. 4. Амфоры Икоса **второй группы**: *1 - 3* - из погребений № 180, 427 и 353 Прикубанского некрополя; *4* - из кургана № 4 Сладковского могильника

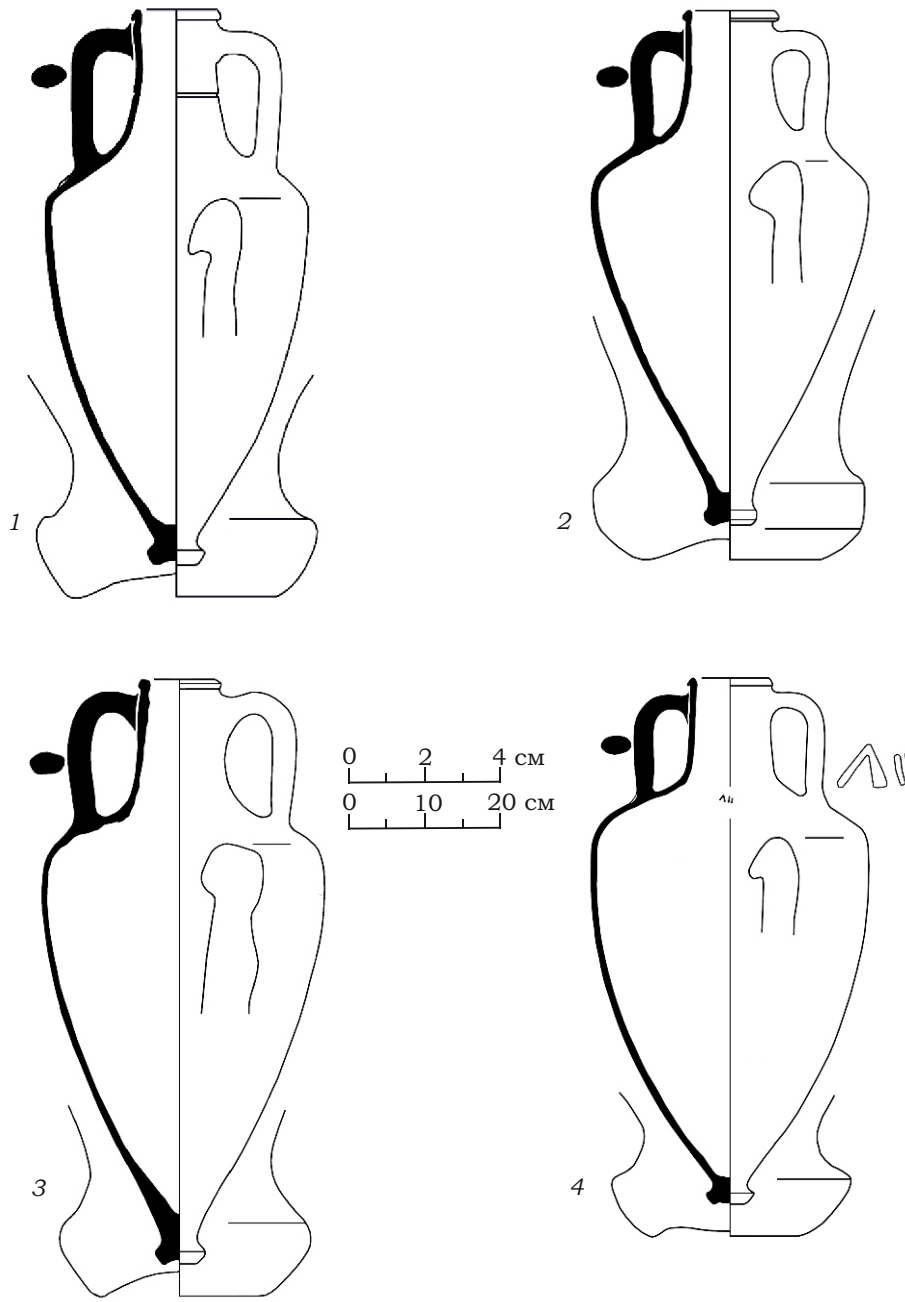


Рис. 5. Амфоры Икоса **второй группы**: *1 - 4* - из погребений № 104, 193, 312 и 393 Прикубанского некрополя

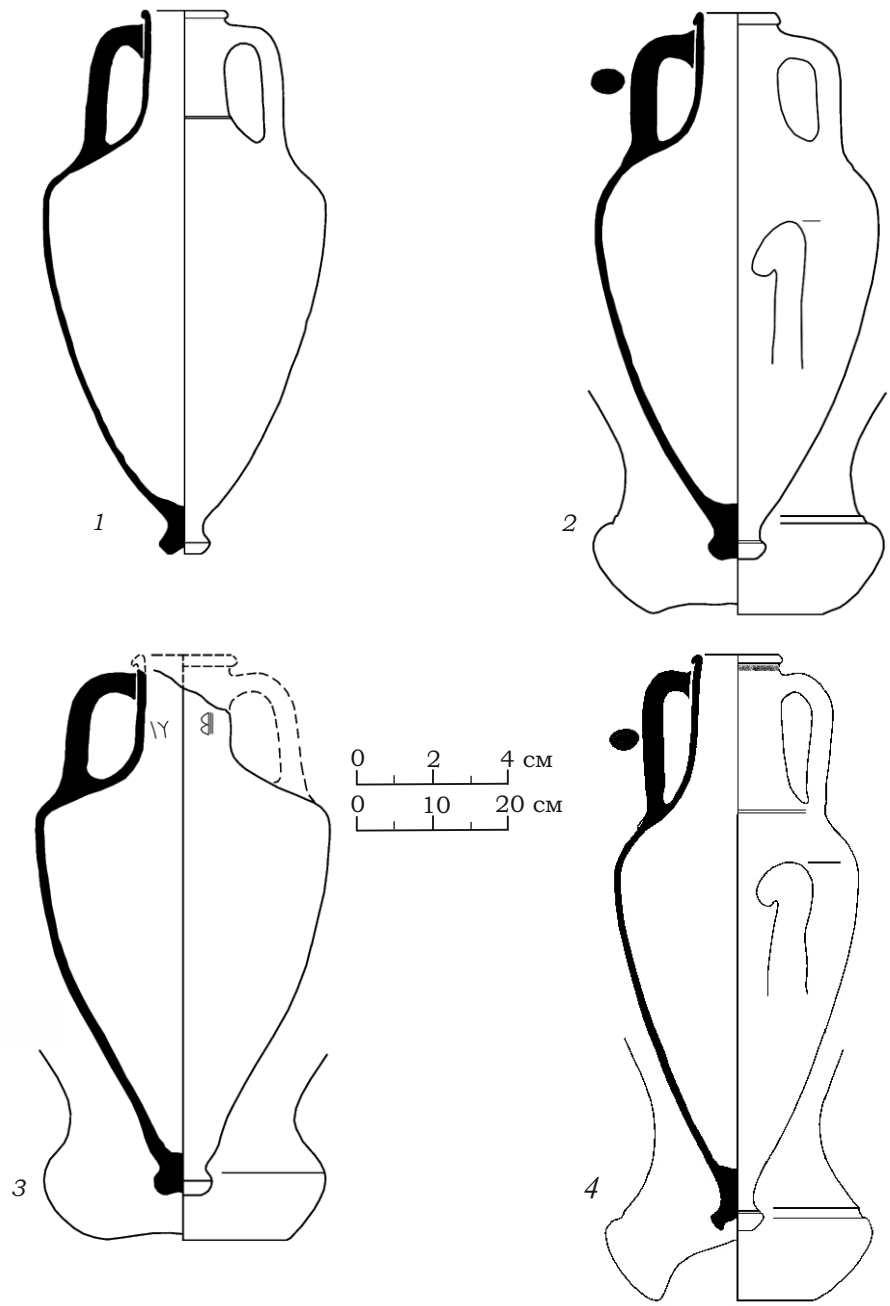


Рис. 6. Амфоры Икоса **второй группы**:
1 - из кургана № 41 (1978 г.) некрополя Панское I;
2 - из раскопок А.М. Ждановского 1987 г.;
3 - из погребения № 16 (1939 г.) некрополя Херсонеса;
4 - из погребения № 39 некрополя Старокорсунского городища № 2

С.В. Полин

АМФОРЫ ИЗ КУРГАНОВ У С. НОВОФЕДОРОВКА НА ХЕРСОНЩИНЕ

В 1981 г. Приморский отряд Краснознаменской экспедиции Института археологии АН УССР под руководством А.В. Симоненко исследовал скифский курганный могильник у с. Новофедоровка Голопристанского р-на Херсонской обл. в приморской полосе, на удалении около 10 км от моря (рис. 1). Материалы раскопок могильника у с. Новофедоровка были частично опубликованы[1]. В настоящей статье максимально подробно анализируются найденные здесь амфоры, измеренные и описанные мной вскоре после раскопок.

Могильник насчитывал 12 видимых насыпей высотой от 0,5 м до 2,7 м, из которых было исследовано 9. Как выясняется по современным космоснимкам, многие курганы уже ко времени раскопок были полностью уничтожены многолетней распашкой. Таким образом, реальное число курганов в могильнике было значительно большим. Некоторое представление об их вероятном количестве дают расположенные неподалеку курганные группы у с. Широкое Скадовского р-на Херсонской обл., раскопанные Е.В. Черненко. Количество курганов в этих группах, в большинстве распаханных ко времени раскопок, и, соответственно, также не полностью исследованных, доходило до 50[2].

Древнейшим в могильнике оказался курган срубной культуры (№ 6), вокруг которого значительно позднее сгруппировались скифские курганы. Скифские курганы при ярко выраженной воинской направленности[3] не отличались каким-либо богатством, – здесь не найдено ни одной драгоценной вещи. Тем не менее, в ряде курганов, даже и ограбленных, полностью или фрагментарно сохранились греческие амфоры, которые и составляют предмет данной публикации.

Курган № 1, тризна – здесь в составе тризны найдены фрагменты двух гераклейских амфор пифоидного типа с энглифическими клеймами

---

[1] *Куприй С.А.* Скифский курганный могильник у с. Новофедоровка на юге Херсонщины // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

[2] *Бунятян Е.П.* Курганная группа Шевченко-III // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 97; *Ольговский С.Я., Полин С.В.* Курганная группа «Острая Могила» // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 34; *Черненко Е.В., Бунятян Е.П.* Курганная группа Широкое-II // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 45; *Черненко Е.В., Симоненко А.В.* Курганная группа Широкое-III // Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 5.

[3] Из-за частичной исследованности могильника трудно сказать, насколько воинская специфика присуща всему могильнику. Вполне вероятно, что неисследованные полностью, уничтоженные распашкой малые курганы скрывают захоронения женщин, детей, т.е. отражают полную социальную структуру данной группы.

на горловинах под венчиками: ΣΩ|ΤΗΡ (ретроградно) и ΑΡΞΕΣ |[ΤΡΑΤΟ]. По данным С.Ю. Монахова клейма фабрикантов Архестрата и Сотера датируются около 395 г. до н.э.[4], а, согласно новейшим разработкам В.И. Каца, оба фабриканта трудились как в домагистратский период в конце V в. до н.э., так и в первое десятилетие IV в. до н.э. вместе с магистратами первой группы 400–390 гг. до н.э.[5] По-видимому, индивидуальные клейма, тем более их сочетание в одном комплексе, относятся еще к последнему десятилетию V в. до н.э. (рис. 2).

Курган № 2, погребение № 1 – в погребении найдены две красноглиняные амфоры с примесью песка и слюды в тесте (в одной – мелкие черные частицы) производства Менды конического III типа по С.Ю. Монахову, датирующиеся в пределах второй половины V в. до н.э.[6] Высоты амфор 61,3 и 61,6 см, высота верхней части от ребра – 17 и 17,2 см, максимальный диаметр тулова – 29,7 и 30,2 см, глубины – 53 см. Объем целой амфоры составил – 12,3 л (рис. 3). Найденные в погребении чешуйчатый шлем, железный меч с антенным навершием и наконечники стрел характерны для V в. до н.э. Датировка погребения – не позднее последней четверти V в. до н.э.

Курган № 3, погребение № 1 – в единственном погребении кургана найдены обломки двух гераклейских конических амфор вариантов I-A-2 или I-A-3 по С.Ю. Монахову, восстановленные на 60–90 %. Объем более целой амфоры, высотой 69,5 см без венчика, составил 8,7 л (рис. 4). Подобные амфоры, по встреченным на них клеймам, датируются в интервале 380–340 гг. до н.э.[7], а с учетом уточнений в последней хронологии В.И. Каца – первой половиной IV в. до н.э.

Курган № 4, тризна – в составе тризны обломки двух амфор, в том числе ножки, производства Гераклеи и Менды (рис. 5). Дата тризны определяется по клейму, найденному в единственном погребении № 1 этого кургана, в пределах второй четверти IV в. до н.э.

Курган № 4, погребение № 1 – в погребении найден фрагмент горловины гераклейской амфоры с остатками энглифического клейма на изломе (ретроградно) – ...Σ|... ΥΚΩ. С.Ю. Монахов и В.И. Кац восстанавливают это клеймо как ΕΥΑΡΧΟΣ|ΕΠΙ ΛΥΚΩ. Аналогичные клейма магистрата Люкона найдены в Херсонесе, Мирмекии и Горгиппии (3 шт)[8]. По дан-

---

[4] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 627.

[5] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Т. XVIII. С. 429.

[6] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог определитель. М.; Саратов, 2003. Табл. 66–*3*.

[7] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология... С. 132–134. Табл. 92–*2, 7, 8*.

[8] IPE-III: № 299. Искренне признателен В.И. Кацу и С.Ю. Монахову за прочтение и восстановление клейма практически по его «огрызку».

ным С.Ю. Монахова и В.И. Каца магистрат Люкон трудился около 365 г. до н.э.[9]

Курган № 5, погребение № 2. В первичном ограбленном погребении № 2 этого кургана сохранились две целых хиосских амфоры с протоколпачковой ножкой варианта *ботрос* (IV-B) или V-A по С.Ю. Монахову, датирующиеся 430–410 гг. до н.э. и концом V в. до н.э. Амфоры отличаются размерами: высоты – 73,4 и 61,5 см, высоты верхних частей от ребра – 29,5 и 24,5 см, диаметры тулова – 26 и 22,6 см, глубины – 68,5 и 48 см, емкость – 9,5 и 6,1 л. Судя по размерам, они представляют собой фракционные сосуды разной емкости вплоть до минимальной из известных (рис. 6)[10]. Аналогичные амфоры найдены в кургане № 17 у с. Нововасильевка на Ингульце, близкие – в кургане № 4 группы Дедовой Могилы и в кургане № 8 у с. Изобильное у г. Орджоникидзе на Днепропетровщине[11]. В целом, период бытования таких амфор ограничивается второй половиной V в. до н.э., что и определяет датировку погребения в этих пределах.

Курган № 7, погребение № 1. В дважды ограбленном единственном погребении кургана обнаружены обломки амфоры производства Менды на рюмкообразной ножке, варианта II-B (Портичелло) по С.Ю. Монахову, датирующегося в интервале 400–380 гг. до н.э.[12] Высота – 76 см, высота верхней части от ребра – 29 см, диаметр тулова – 33,8 см, глубина – 60,8 см, емкость – 15 л (рис. 7).

Подобная сохранность амфорных материалов в степных скифских погребениях представляет достаточно редкий случай из-за практически тотального ограбления скифских курганов в степях Северного Причерноморья, в которых амфоры сохраняются чаще всего в виде невыразительных фрагментов или отсутствуют вовсе[13]. Из-за этого в целом трудно объективно судить, насколько характерно помещение амфор в скифские погребения. По имеющимся находкам амфор курганы у с. Новофедоровка датируются в пределах последней четверти V – второй четверти IV вв. до н.э.

S.V. Polin

AMPHORAS FROM BARROWS NEAR NOVOFEDOROVKA OF KHERSON REGION

In 1981 the Scythian burial ground near Novofedorovka of Golopristansky district of Kherson Region, consisting of 12 visible embankments 0,5-2,7 m high from 9 of which were dug out. Barrows didn't differ

---

[9] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы… С. 633; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 429.

[10] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология…. С. 19–21. Табл. 9–*3-6*; 10–*5-7*; 11–*1-3*).

[11] Не опубликованы. Раскопки О.Г. Шапошниковой в 1975 г. и Б.Н. Мозолевского в 1980 г.

[12] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 91–92. Табл. 63–*1-3*).

[13] Нередки случаи полного ограбления, когда в захоронениях сохраняются лишь костные остатки. Есть случаи и полного опустошения.

wealth. Nevertheless, in the majority of them even robbed, amphoras remained: fragments of two Heraklean amphoras with englific stamps on necks ΣΩ|ΤΗΡ and ΑΡΧΕΣ| [ΤΡΑΤΟ] (the end of the V – the beginning of the IV centuries BC); two Mendean amphoras (the second half of the V century BC); fragments of two Heraklean conical amphoras (380–340 BC); fragments of two amphoras of Heraklea and Menda (the second quarter of the IV century BC); the fragment of neck of a Heraklean amphora with an englific stamp ΕΫΑΡΧΟΣ |ΕΠΙ ΛΫΚΩ (ca. 365 BC); two Chian amphoras (the last third of the V century BC); fragments of an amphora of Menda (400-380 BC).

The similar saturation by amphoras of the rather poor Scythian's steppe burials is exclusively rare. By amphoras and stamps, barrows near Novofedorovka are dated within the last quarter of V – the first half of the IV centuries BC.

Рис.1. Местонахождение курганного могильника
у с. Новофедоровка на Херсонщине

Рис. 2. Новофедоровка. Курган № 1. Фрагменты амфор из тризны

Рис. 3. Новофедоровка. Курган № 2, погребение № 1.
Амфоры из погребения

Рис. 4. Новофедоровка. Курган № 3, погребение № 1.
Амфоры из погребения

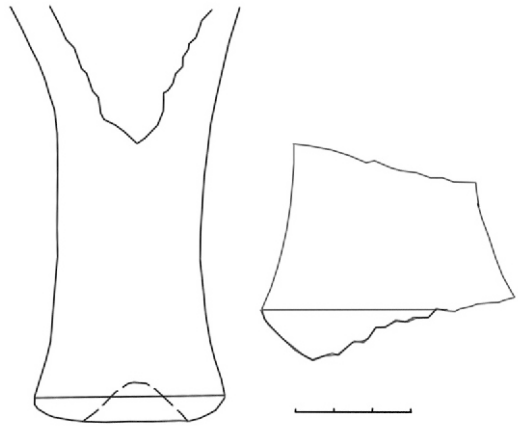


Рис. 5. Новофедоровка. Курган № 4. Обломки амфор из тризны

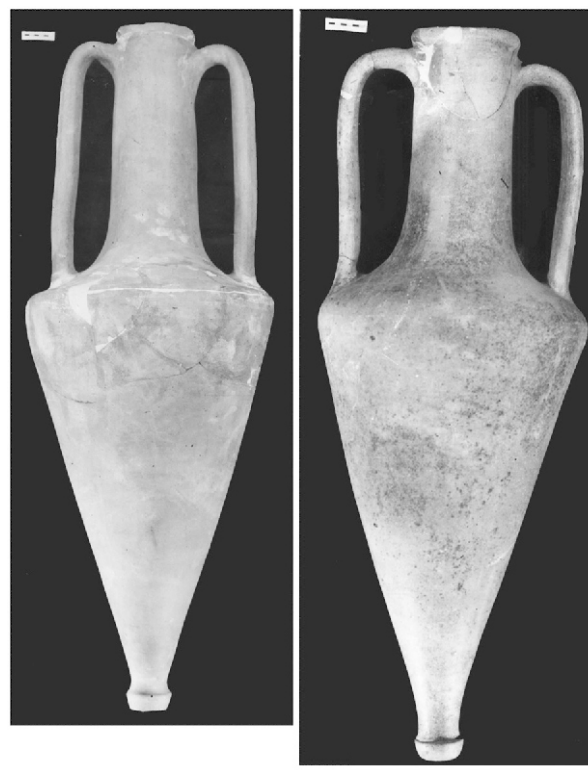


Рис. 6. Новофедоровка. Курган № 5, погребение № 1.
Амфоры из погребения

Рис. 7. Новофедоровка. Курган № 7, погребение № 1.
Амфора из погребения

О.В. Фатеев

Комплекс амфорной тары из Капуловки (находки 2011 года)

В начале мая 2011 года на скифском Капуловском поселении[1] (урочище «Сирко») в результате оползневого смещения грунта в обрезе берега оказалось содержимое «хозяйственной» ямы. Прямоугольный контур ямы отчетливо прослеживался в береговом обрыве до трехметровой глубины. В зольном заполнении были обнаружены кости домашнего скота, разрозненные части скелета человека, а также в большом количестве фрагменты скифской лепной и гончарной импортной керамики. 187 фрагментов греческой гончарной керамики в основном представлены частями амфор различных центров, в том числе с клеймами[2].

Вероятно, сначала яма использовалась для хранения продуктов, затем в нее сбрасывали мусор[3]. Материал в яме накапливался относительно непродолжительное время.

После обработки керамического материала стало возможным определить состав комплекса: одна средиземноморская амфора, ручка фасосской амфоры с клеймом, две археологически целые клейменые амфоры и фрагменты от еще двух гераклейских амфор, верхняя часть херсонесской клейменой амфоры, фрагменты от трех синопских и от одной амфоры неустановленного центра производства. Среди прочего материала интересны находки унгвентариев.

Средиземноморская амфора пифоидного типа, глина со значительным включением слюды, может быть отнесена к сосудам «круга Фасоса», (табл. 1 – *1 а, б*). Прямых аналогов этой амфоре найти не удалось.

Фасосское клеймо с эмблемой «кадуцей» (табл. 1 – *2а*) относится к группе т.н. «поздних» клейм и принадлежит магистрату *Skymnos I.* Этот магистрат известен по оттиску от иного штампа в комплексе цистерны 1984 года из Нимфея, где он датируется не позднее 80-х годов

---

[1] с. Капуловка, Никопольский район, Днепропетровская область, Украина.

[2] Приношу благодарность находчику Александру Незименоге. Особая благодарность Петру Мостовому, который взял на себя труд по дальнейшему сбору и сохранению материала. По фрагментам амфор, собранным с мая по декабрь 2011 года, удалось восстановить археологически целые формы сосудов.

[3] Такие сезонные ямы глубиной 1,5–3,5 метра часто встречаются на Капуловском поселении. См.: *Фатеев О. В.* Дипинти на Капуловском поселении // Музейний вісник. Запорожье, 2002. Вып. 2. С. 45–46).

III в. до н.э.[4] В хронологической схеме А. Аврама он отнесен примерно к 279 г. до н.э., а по И. Гарлану к 294–288 гг. до н.э.[5]

Амфоры Гераклеи, очевидно, могут быть включены в вариант II-А-3 известной классификации. Первая из них относится к серии самых распространённых образцов этого варианта с клеймами фабриканта *Dionysios II* в сокращении ΔIONΥ(-)[6] (табл. 1 – *3 а–в*). Вторая амфора того же варианта имеет на горле позднефабрикантское клеймо *Eratōnos*[7] (табл. 2 – *1 а–в*). Они известны еще по нескольким находкам на Капуловке[8]. Все эти клейма отнесены В.И. Кацем к завершающей фазе гераклейского клеймения в пределах 70-х годов III в. до н.э.[9] Они встречены на полах помещений поселка У7 поселения Панское I, а учитывая огромное количество находок этих клейм, совершенно очевидно, что деятельность Дионисия-II и Гератона распространяется и на 80-е годы.

Верхняя часть херсонесского сосуда с клеймом астинома *Sōkritos* (табл. 2 – *2 а–в*) представляет вариант IБ принятой типологии, который является самым распространенным для амфорного производства Херсонеса[10]. Деятельность этого астинома также, видимо, приходится на 80-е годы III в. до н.э., по крайней мере, такой датировке в целом не противоречит абсолютная хронология астиномов I хронологической группы[11].

Унгвентарии представлены тремя сосудами: двумя «пифоидными» ангобированными с грибовидным венчиком, очевидно одного центра производства (табл. 3 – *1, 2 а–б*), третий – «овальный», красноглиняный, горло отбито в древности, место скола зашлифовано (табл. 3 –*3*).

---

[4] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999. С. 467.

[5] *Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria. Bucarest; P., 1996. Vol. VIII. P. 83; *Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. P., 1999. P. 139; *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. С. 416. Клейма Скимна-I довольно обычны для Капуловского поселения, всего найдено 6 оттисков, в т.ч. 3 экз. одного штампа с эмблемой «кадуцей».

[6] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 244. Рис. 57, 2; *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003. С. 139.

[7] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 430; *Фатеев О.В.* Амфоры и клейма Гераклеи Понтийской из Капуловки // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запорожье, 2009. Вып. XII. С. 286.

[8] Гераклейские фабриканты Дионисий-II и Гератон представлены в находках на Капуловке 8 экземплярами каждый.

[9] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 248.

[10] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы… С. 502. Херсонесский астином Сократ представлен на Капуловке 21 оттисками от пяти штампов.

[11] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма… С. 442.

Сосуд находился во вторичном использовании. Унгвентарии датируются первой половиной III в. до н.э.[12]

Таким образом, анализ комплекса гончарной керамики из хозяйственной ямы позволяет прийти к следующим выводам:

– комплекс содержит близкие по времени изготовления сосуды, что еще раз подтверждает вывод С. Ю. Монахова о производстве херсонесских амфор варианта ІБ[13] и гераклейских варианта II-А-3[14] в начале III в. до н.э. К этому же времени следует отнести амфору «круга Фасоса» из данного комплекса;

– клейма гераклейских фабрикантов Дионисия-II и Гератона, херсонесского астинома Сокрита, фасосского магистрата Скимна-I часто встречаются среди подъемного материала Капуловского поселения. Всего зафиксировано 43 клейма с этими именами, что свидетельствует о больших объемах поставок вина в амфорах на скифские поселения Нижнеднепровского региона;

– клейма фабрикантов Гератона и Дионисия-II, одни малоизвестные – другие широко распространенные, найдены вместе. Это позволяет предположить, что Гератон работал всего лишь несколько лет в 80-е годы III в. до н.э. Деятельность же Дионисия-II распространяется на длительный период в пределах 80 – 70-х годов III в. до н.э. На период деятельности Гератона приходится время исполнения обязанностей херсонесским астиномом Сокритом и фасосским магистратом Скимном-I.

Особое значение этот комплекс имеет для уточнения относительной и абсолютной хронологии гераклейского, херсонесского и фасосского клеймения.

Приложение 1

Метрические характеристики сосудов[15]

Тип сосуда	**H**	**H_0**	**H_1**	**H_3**	**D**	**d**	**Клеймо**	**Табл.**
амфоры								
Круг Фасоса «пифоидный»	698	654	278	200	374	88	–	1, *1 а–б*
Гераклея, вариант II-А-3	648	563	267	200	301	84	Διονύ(σιος)	1, *3 а–в*
Гераклея, вариант II-А-3	591	490	249	203	233	77	’Ερά̣τωνος	2, *1 а–в*
Херсонес, вариант ІБ	–	–	214	153	312	89	Σώκριτου ’αστυνόμου	2, *2 а–в*
унгвентарии								
«пифоидный»	115	108	51	33	67	18	–	3, *1*
«пифоидный»	146	138	60	43	84	21	–	3, *2 а–б*
«овальный»	80*	–	45	–	74	–	–	3, *3*

[12] *Forti L.* Gli unguentari del primo periodo ellenisto // RAAN. 1963. Vol. XXXVII. P. 12.

[13] *Монахов С.Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. (опыт системного анализа). Саратов, 1989. С. 93.

[14] *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: типология… С. 144.

[15] Линейные размеры (в мм): H – высота, H_0 – глубина, H_1 – высота верхней части, H_3 – высота горла, D – наибольший диаметр тулова, d –диаметр устья. *сохранившаяся высота сосуда.

O.V. Fateev

THE COMPLEX OF CERAMIC CONTAINER FROM KAPULOVKA (FINDS OF 2011)

In 2011 on the Scythian settlement - Kapulovka (Dnepropetrovsk region, Ukraine) the hole complex with big quantity Scythian and Greek ceramics was found. From fragments of antique ceramics three ungventariya, the Mediterranean amphora "a circle of Fasos", two amphoras of Heracleia Pontica with brands of "late" manufacturers of *Dionysios II* and *Eratonos*, the top part of a Chersonesian amphora with the stamp of astinom *Sokritos* and a Phasian stamp of "late group" of magistrate *Skymnos I* are restored.

The analysis of antique ceramics from Kapulovka allows to make a conclusion that the complex contains relatives on time production vessels. Amphoras and ungventariya are dated by the 80th years of the III century BC. This complex has the special value for specification of relative and absolute chronology of stamps of Heracleia Pontica, Chersonesos and Phasos.

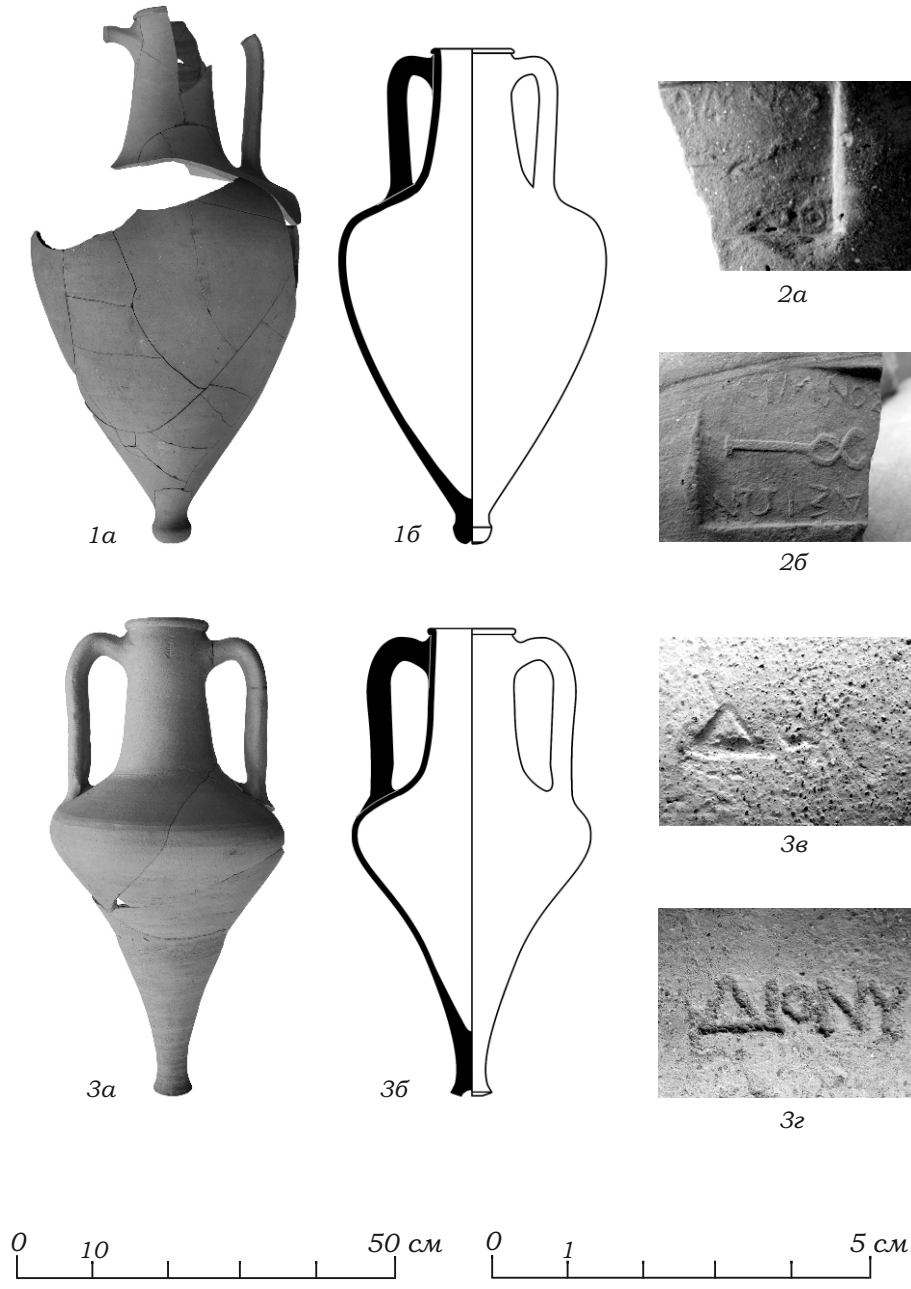


Табл. 1. Комплекс амфорной тары из Капуловки (2011 года):
1 а, б - круг Фасоса; *2 а, б* - Фасос; *3 а-г* - Гераклея
(*2б, 3г* - аналоги клейм из Капуловки)

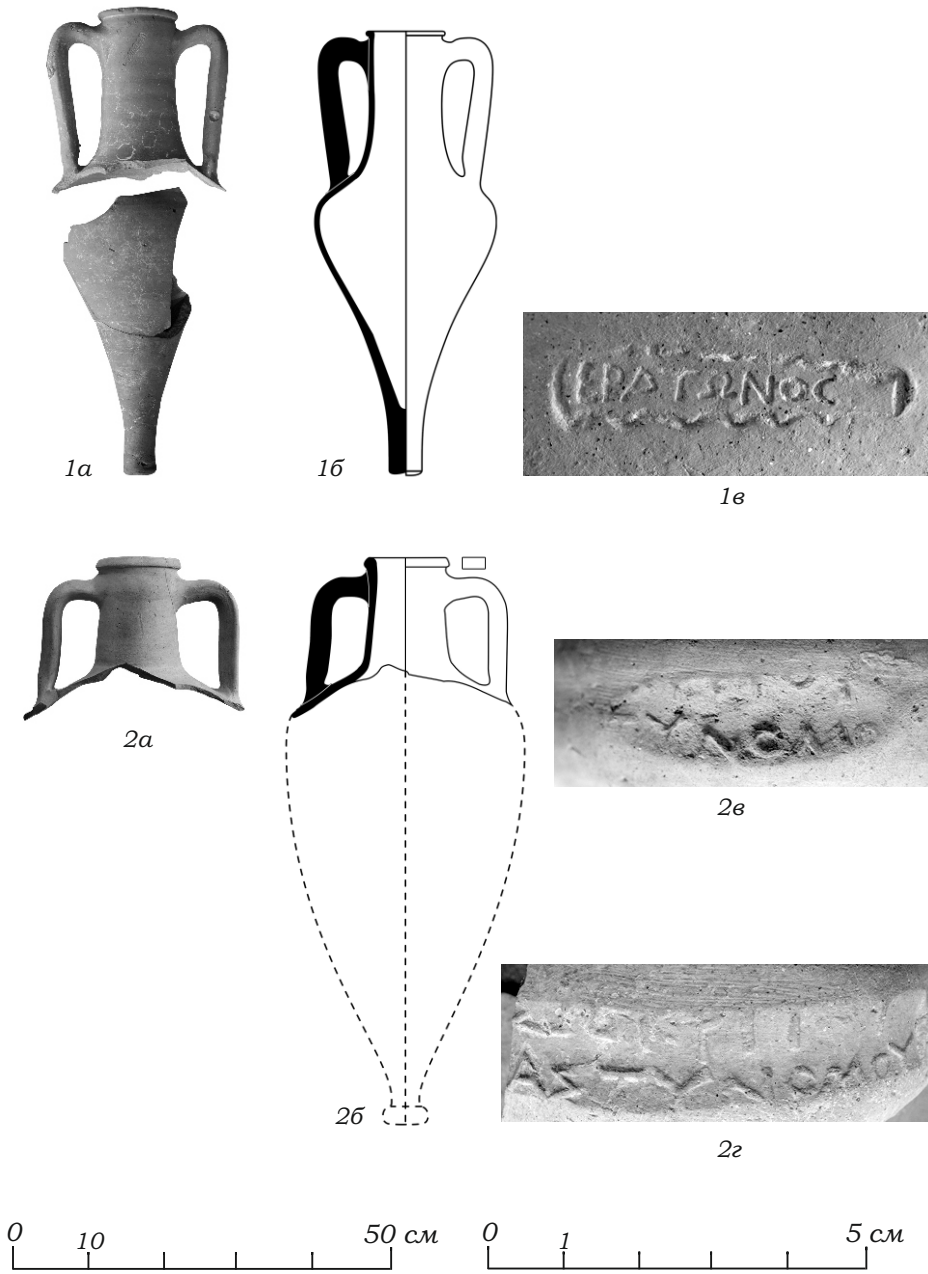


Табл. 2. Комплекс амфорной тары из Капуловки (2011 года):
1 - Гераклея; *2* - Херсонес (*2г* - аналог клейма из Капуловки)

Табл. 3. Унгвентарии из Капуловки (2011 года):
1-2 - “пифоидные” (*2б* - реконструкция); *3* - “овальный”

Н.В. Ефремов

COLONIA IULIA FELIX SINOPENSIS

amico carissimo
collegaeque verissimo
С.Ю. Монахову
ad suum sexagensimum
diem natalis Augusto AD 2012

Исследование истории Синопы, одного из крупнейших центров Южного Причерноморья, остаётся слабым местом антиковедения. Причиной этого является не столько отсутствие интереса, сколько недостаток источников. Вместе с тем как раз судьба Синопы в позднеэллинистический и раннеримский период характерна для региона в целом, а тщательный анализ имеющихся материалов может позволить сделать некоторые новые выводы об организации полисов в период поздней республики – ранней империи. Коротко вопроса о римской колонии в Синопе касалась лишь М.И. Максимова в рамках своего фундаментального исследования по истории региона и С.Ю. Сапрыкин в статье о латинских клеймах из Северного Причерноморья[1]. В зарубежной историографии этот вопрос отдельно не рассматривался[2].

Южнопонтийское побережье перед выводом римских колоний

Нам практически ничего неизвестно о правовом статусе полисов в период понтийского владычества, охватывающего, по меньшей мере, почти полтора столетия. Полуавтономные монетные эмиссии, равно как и возросшее количество надписей, свидетельствуют об определённой мере свободы. Синопа являлась некоторое время столицей

---

[1] *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.;Л., 1956. С. 301 сл., 358–383; *Сапрыкин С.Ю.* О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья // РА. 1997. №. 1. С. 194–197.

[2] В общем контексте колонизации позднереспубликанского и имперского времени римской колонии в Синопе коротко касались: *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes - und sozialwiss. Klasse. Jhrg. 1951. No 14). Wiesbaden, 1951. S. 88 f.; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. P. 414, 1267 Not. 33; *Salmon E.T.* Roman Colonization under the Republic. L., 1969. P. 163; *Brunt P.A.* Italian Manpower. Oxf., 1987. P. 600 f.

царства[3], а присоединение её и других полисов к владениям Митридатидов принесло с собой включение в обширный рынок Малой Азии.

Важнейшей вехой в истории региона стало крушение Понтийского царства Митридата VI в 70 г. до н.э., когда в год капитуляции Гераклеи были взяты войсками Лукулла и разграблены Амис и Синопа (*Plut.* Luc. 19.1–3; *Memn.* FGrHist 434 F 30.3–5). Особенно пострадал Амис. Однако «*жалость к побеждённым*» и «*угрызения совести*» побудили Лукулла вернуть оставшихся в живых жителей полиса и даровать ему, а также Амастрии и Синопе статус *civitates liberae*, увеличив одновременно территорию первого[4]. После этого и вплоть до периода гражданских войн в Риме наступает время политической стабильности, что, несомненно, оказало позитивное влияние на экономическую жизнь понтийского региона. Важные перемены принесли реформы Помпея (*Strabo* XII.3.1(541); 33 f.(558); 41(562))[5]. В первую очередь его деятельность коснулась территории бывшего Понтийского царства. Но как раз конкретные границы новой провинции Понт и Вифиния являются предметом спора. В последнее время возобладала точка зрения, что к ней были присоединены территории по правую сторону Галиса вплоть до Колхиды за исключением Газелонитиды и побережья вокруг Фарнакии и Трапезунта[6], а из-за стратегических и экономиче-

---

[3] О границах Понтийского царства см.: Strabo XII.3.1(541); *Marek Chr.* Stadt, Ära und Territorium in Pontos-Bithynia und Nord-Galatia. Tübingen, 1993. S. 27 Anm. 219 (с литературой).

[4] App. Mithr. 83[370–373]; Plut. Luc. 19.5; 23.2-4; Cic. De imp. Gn. Pomp. 21; Strabo XII.3.11(546); 12; 14(547); Memn. FGH 434 F 30.4; 37; Eutrop. VI.8.2; Oros. VI.3.2–3; *Broughton T.R.S.* Roman Asia Minor // An Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1938. Vol. IV. P. 584; *Magie D.* Op. cit. P. 184 f., 337 f., 341 f., 414, 1215. Not. 40; *Bernhardt R.* Imperium und Eleutheria. Die römische Politik gegenüber den freien Städten des griechischen Ostens. Diss. Hamburg, 1971. S. 137–140, 144 ff.; *McGing B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden, 1986. P. 152; *Marek Ch.* Katalog der Inschriften im Museum von Amasra. Mit Anhang: Die Inschriften von Amastris und die angebliche Pompeianische Ära der Stadt // EA. 1985. Bd. 6. S. 145; *idem.* Stadt... S. 32 + Anm. 238.

[5] *Ormerod H.A., Cary M.* Rome and the East // CAH. 1932. Vol. 9. P. 390–396; *Broughton T.R.S.* Roman Asia... P. 530–534; *Gelzer M.P.* Pompeius. München, 1959. S. 95–111; *Magie D.* Op. cit. P. 351–378, 1220–1241; *Liebmann-Frankfort T.* La frontière orientale dans la politique extérieure de la République romaine depuis le traité d'Apameé jusqu' à la fin des conquêtes asiatiques de Pompée (189/8–63). Bruxelles, 1969. P. 265 ff.; *Hoben W.* Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Diss. Mainz, 1969. S. 35 f.; *Jones A.H.M.* The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1971. P. 156 ff., 421 ff.; *Marshall A.J.* Pompey's Organization of Bithynia-Pontus: Two Neglected Texts // JRS. 1968. Vol. 58. P. 103–109; *Olshausen E.* Pontos und Rom (63 v. Chr. – 64 n. Chr.) // ANRW. 1980. Tl. II. Bd. 7.2. S. 905–908. О датировке мероприятий Помпея 65–63 гг. до н.э.: *Harris B.F.* Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. 1980. Tl. II. Bd. 7.2. P. 869 f. Литературу см.: *Marek Ch.* Stadt... S. 27–42.

[6] *Marek Ch.* Stadt... S. 27 ff. Против этого: *Wellesley K.* The Extent of the Territory Added to Bithynia by Pompey // RhM. 1953. Bd. 96. P. 311 ff.; *Olshausen E.* Pontos... S. 906.

ских соображений также Амис[7]. Страбон (XII.3.9(544)), на котором и строятся подобные выводы, отмечает: «*...так Митридат обладал побережьем до Гераклеи, из внутренних территорий – только лишь ближайшие отрезки, от которых некоторые тянулись за Галис* (*и до туда ограничена римлянами Понтийская провинция*)»[8]. Далее он пишет (XII.3.13(547)), правда, что во времена Помпея амисены владели частью Газелонитиды – за устьем Галиса. Но обладание хорой не является критерием свободного статуса вне провинции, и Амис, равно как и Амастрия, являлся субъектом римского управленческого аппарата[9]. В этой связи особенно важен вопрос о внешних владениях Синопы[10]. Очевидно, первой её потерей стал Трапезунт[11]. Точная дата и причины этого события неизвестны. Но, если около 400 г. до н.э. полис ещё был в руках синопцев (*Xen.* Anab. V.5.10), то в IV в. он чеканил собственную серебрянную автономную монету[12], что однозначно свидетельствует в пользу его независимого статуса. Разумеется, данный отрезок времени мог быть кратковременным, например, в период смуты Большого восстания сатрапов или после провозглашения Александром Великим свободы греческих полисов, но в последующие десятилетия нет никаких указаний в пользу какой-либо зависимости этого города от Синопы. Помпей передал территории до Армении и Колхиды династам, сражавшимся на его стороне, в том числе регион Газелониты и побережье с Фарнакией и Трапезунтом до колхидской границы тетрарху галатского племени толистобогиев Дейотару (*Strabo* XII.3.1(541); 3.13(547))[13]. В правление Пифодориды Трапезунт и Фарнакия входили в состав Полемонидова Понта (*Strabo* XI.2.18(499)), что могло произойти уже в правление Полемона[14]. С учреждением про-

---

[7] Strabo XII.3.9(544); *Niese B.* Straboniana III. Strabo XII. 544. Die Einrichtung der Provinz Pontus durch Pompeius // RhM. 1883. Bd. 38. S. 577–583; *Olshausen E.* Pontos... S. 906 + Anm. 8.908; *Marek Ch.* Stadt... S. 31. Иначе: *Marquardt J., Mommsen Th.* Handbuch der römischen Altertümer. B., 1881. S. 350.

[8] Ср.: App. Mithr. 120(591); Cass. Dio. XLII.46.3; 48.4.

[9] *Marek Chr.* Stadt... S. 32 против *Magie D.* Op. cit. P. 1233. Not. 35.

[10] О владениях Синопы, см.: *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Vergleichende Untersuchungen der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1988. S. 54, 57 325 ff. Anm. 419, 330; *Marek Ch.* Stadt... S. 17 f.

[11] О Трапезунте: *Cumont E., Cumont F.* Studia Pontica. Bruxelles, 1906. T. II. P. 363–372; *Ruge W.* Trapezus (2) // RE. 1937. Bd. VI. Sp. 2214–2221; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 148 ff. Вблизи Трапезунта находилась кроме того Гермонасса: *Ruge W.* Hermonassa (2) // RE. 1912. Bd. VIII. Sp. 899.

[12] *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 442. № 10. Табл. II.

[13] *Hoben W.* Op. cit. S. 35; *Olshausen E.* Pontos... S. 906 f.; *Marek Ch.* Stadt... S. 28, 30 f., 33 ff., 36.

[14] *Hoben W.* Op. cit. S. 43. В Трапезунте известна эра *Ponti Polemoniaci* (с осени 64 г., а по данным монет – с начала 65 г. н.э.), когда этот полис вместе с Керасунтом, Неокесареей и Зелой – прежними владениями Полемона II – вошёл в состав провинции Галатия. В правление Веспасиана *Pontus Polemoniacus* принадлежал Каппадокии: Ptol. Geogr. V.6.11; *Leschhorn W.* Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in

винции Каппадокия в 17/18 г. н.э.[15] ей была передана часть понтийского побережья от Керасунта до Трапезунта, получившая название Πόντος Καππαδοκικός[16]. Однако в правление Калигулы или Клавдия (38–54 гг.) они были вновь переданы Котису Понтийскому. С этого времени и вплоть до провинциализации в правление Нерона, Понт остаётся под властью Полемонидов[17]. После образования при Нероне (64 г. н.э.) римской провинции Понт, Трапезунт был объявлен свободным полисом (*Plin.* NH. VI.11), причём конкретная причина для этого неизвестна[18].

Следом за Трапезунтом Синопа утратила Китор, население которого ок. 300 г. до н.э. было включено в синойкизм Амастрии[19]. Жители Котиоры в свою очередь влились большей частью в новый полис – Фарнакию (*Strabo* XII.3.17(548); *Arr.* PPE. 16; *Ps.-Skymn.* F 21 f., 23 (938 f., 950)), что вовсе не означает, что последняя вошла в состав Понтийского царства лишь при Фарнаке I[20]. О судьбе Керасунта ничего не известно, но, очевидно, город пришёл в упадок уже во II в. до н.э. (*Ps.-Skymn.* F 22, 24 (939, 935) (Diller); *Anon.* Peripl. 34 (Müller)), вероятно, также будучи вовлечён в синойкизм Фарнакии[21]. Абунотейх, если он и являлся когда-либо владением Синопы, не обладал в 137/136 г. до н.э. полисным статусом[22]. Есть все основания полагать, что уже до захвата самой Синопы в 183 г. до н.э., скорее всего, уже до первой осады в 220 г. до н.э., Понт подчинил себе её «*архе*». Страбон (XII.3.14(547)) подчёркивает, что Амису принадлежат области Фемис-

---

Kleinasien nördlich des Tauros. Stuttgart, 1993. S. 130 f., 133, 138 f. + Anm. 75, 80, 143, 471–474.

[15] *Mitford T.B.* Cappadocia et Armenia Minor: Historical Setting of the Limes // ANRW. 1980. Bd. II. 7.2. P. 1173 f. (с источниками); *Rémy B.* L'evolution administrative de l'Anatolie aux troix premiers siècles de notre ère. Lyon, 1986. P. 30 ff.

[16] *Marek Ch.* Stadt... S. 59 f. + Anm. 416, 61

[17] *Bowersock G.W.* Augustus and the Greek World. Oxf., 1965. P. 143 f.; *Olshausen E.* Op. cit. S. 910 f.; *Sullivan R.D.* Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. Bd. II. 7.2. P. 915–925; *Marek Ch.* Stadt... S. 61.

[18] *Bernhardt R.* Imperium. S. 211.

[19] Memn. FGH 434 F 4, 4 ff.; Diod. XX. 109.7; Ps.-Skymn. 953 ff.; Strabo XII.3.10(544); Anon. *PPE* 14 ff. (Müller); *Marek Ch.* Stadt. S. 21; *Габелко О.Л., Кузнецова Е.В.* Синойкизм Амастрии и амфорное производство в полисах Южного Понта (2-я пол. IV – 1-я треть III в. до н.э.) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 328 сл.

[20] *Olshausen E., Biller J.* Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Teil 1. Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithridatiden. Wiesbaden, 1984. S. 156, 184; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 71 сл., 191. О Котиоре см.: *Ruge W.* Kotiora // RE. 1922. Bd. XI. Sp. 1549; *Danov Chr.* Pontos Euxeinos // RE. 1962. Suppl. IX. Sp. 1063; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 147 f., 152.

[21] *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 72. Автор считает, что это произошло после захвата Синопы Фарнаком, когда город был лишён поддержки метрополии. Об этом полисе см.: *Ruge W.* Kerasus (2) // RE. 1921. Bd. XI. Sp. 264 f.; *Danov Chr.* Op. cit. Sp. 1063; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 147 f., 152.

[22] *Reinach Th.* A Stele from Abonuteichos // NC. 1905. Vol. 5. P. 111 ff.; *Wilhelm A.* Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909. S. 263 Anm. 8; *Marek Ch.* Stadt... S. 24 f.

киры и Сидены и ни словом не упоминает об «*archе*» Синопы. Таким образом, из всех своих внешних владений последняя могла сохранить к началу II в. до н.э., очевидно, лишь ближайшую округу, возможно, Армену[23] и пока точно не локализованный Птерий[24].

Реформы Помпея кроме территориальных изменений привели также к существенным преобразованиям внутри полисов. При этом *lex Pompeia* ориентировался на римские управленческие прототипы (*Dio*. XXXVII.20.2; *Plin*. Ep. X.79, 112, 114; *Ulpian*. Digest. LI.1, 2)[25]. В частности βουλαί были преобразованы в *ordines decurionum* с пожизненным членством и контролем со стороны цензоров (*Plin*. Ep. 79; 112; 114). Гражданское право можно было получать отныне и по материнской линии (*Plin*. Ep. X.14; Dig. LI.1, 2). С другой стороны, малым успехом увенчалась попытка запрета в рамках провинции переселяться из внутренних районов в большие города, чтобы не уменьшать процент платёжеспособной элиты[26]. Очевидно, что в первую очередь все эти новшества коснулись *civitates stipendiariae*, так как Амастрия, Синопа, Амис а, возможно, также Калхедон и Прусия *apud mare* являлись свободными полисами (*civitates liberae* или *foederatae*)[27]. Судебные полномочия римских наместников распространялись, в принципе, лишь на города провинции, но не следует делать особый акцент на различии их статуса с положением свободных общин, ибо и последние считались римскими подданными[28]. Например, в провинции Азия налоги взимались с момента её учреждения[29]. Тоже положение можно принять и для южнопонтийского региона. К началу третьей митридатовой войны Гераклея, оставаясь анклавом, окружённым римской провинцией, всё же обязана была уплачивать налоги римлянам[30]. Однажды зафиксированный статус полисов не оставался неизменным. Так, Страбон (XII.3.1(541)) отмечает, что в последующий период римские полководцы назначали новых династов, наказывая или награждая полисы. Амис, например, был в 48 г. до н.э. порабощён сыном Митридата Евпатора Фарнаком, устроившим там резню (*Strabo* XII.3.

---

[23] *Hirschfeld G.* Armene // RE. 1896. Bd. II. Sp. 1180 f.; BE. 1980. No 339.

[24] *Bilabel F.* Die ionische Kolonization. Untersuchungen über die Gründungen der Ionier, deren staatliche und kultliche Organisation und Beziehungen zu den Mutterstädten. Leipzig, 1920. S. 40; *Radke D.* Pteria (1) // RE. 1959. Bd. XXIII. Sp. 1496 f.; *Danov Chr.* Op. cit. Sp. 1063.

[25] *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary. Oxf., 1966. P. 669 ff.; *Wörrle M.* Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda. München, 1988. S. 91; *Marek Chr.* Stadt... S. 42. Anm. 299 (с литературой).

[26] *Marshall A.J.* Op. cit. P. 108; *Marek Ch.* Stadt... S. 43.

[27] *Bernhardt R.* Imperium... S. 137 ff.; *Marek Chr.* Stadt... S. 37, 43 + Anm. 316.

[28] *Ferrary J.-L.* La création de la province d'Asie et la présence italienne en Asie Mineure // BCH. 2002. Suppl. 41. P. 139 f.

[29] *Ferrary J.-L.* Op. cit. P. 143 (со ссылкой на: *Robert L.* Claros I: décrets hellénistiques. P., 1989. Men. II 43 f.).

[30] Memn. FGH 434 F 27. 6; *Marek Ch.* Stadt... S. 36 + Anm. 255.

14(547); *Cass. Dio*. XLII.46.3; *App*. Mithr. 120[591])[31]. Лишь на следующий год (47 г.) после разгрома понтийского царя у Зелы, Цезарь вернул городу свободу (*Strabo* XII.3.14(547); *App*. Mithr. 120[591]; *Cass. Dio*. XLII.48.4)[32].

Насущная необходимость последовавших за разгромом Фарнака мероприятий была вызвана сильными позициями в регионе клиентеллы Помпея[33]. Реорганизация была проведена Цезарем в сентябре 47 г. во время остановки в Никее (*Caes*. BA. 78.1; *Cic*. Ad Fam. XIII.29.4; Ad Att. 14.1; *Plut*. Brut. 21; *Cass. Dio*. XLII.49.1). Территориальные изменения коснулись, прежде всего, внутренних регионов страны. Значительные приобретения при этом получили династы Дейотар, Ариобарзан, Ликомед (*Cass. Dio*. XLI.63; XLII.48; *Caes*. BA. 66.5; *App*. Mithr. 121[592]; *Strabo* XII.3.34 f.(558))[34]. Не были оставлены без внимания и греческие полисы. Цезарь стал первым, кто вывел римские колонии на восток. Широкомасштабная колонизация приходится именно на конечный период его политической деятельности и, особенно, на правление императора Августа[35]. В Понте и Вифинии поселенцы были отправлены в Гераклею[36], Синопу и Апамею. Со времени Цезаря прослеживается также опосредованное римское господство в Северном Причерноморье[37].

---

[31] *Diehl E*. Pharnakes // RE. 1938. Bd. XIX. Sp. 1849 f.; *Hoben W*. Op. cit. S. 10–25.

[32] *Diehl E*. Op. cit. Sp. 1849 ff. Ср.: IGR. IV. No 314; *Максимова М.И*. Указ. соч. С. 356; *Bowersock G.W*. Op. cit. P. 64, 68; *Bernhardt R*. Op. cit. S. 158. Другими свободными полисами были Гераклея, Кизик и Лампсак. См.: Strabo XII.3.6(542 f.); Propert. III. 22; App. BC. V.137[570]; *Bowersock G.W*. Ebd. P. 64; *Bernhardt R*. Ebd. S. 165, 182 + Anm. 438.

[33] *Olshausen E*. Pontos… S. 908. О войне Цезаря с Фарнаком и последовавших затем мероприятиях в Малой Азии: Caes. BA. 65 ff.; Liv. Per. CXIII; *Cass*. Dio. XLII.47 f.; App. BC. II.91[396]; Mithr. 120[591]; Suet. Iul. 35.2; Plut. Caes. 50.2; Flor. II.13.63; Oros. VI.16.3; Eutrop. VI.22.3; Plin. NH. VI.10; *Magie D*. Op. cit. P. 1263. N. 18, P. 1267. N. 30.

[34] *Magie D*. Op. cit. P. 413, 1267. N. 30; *Hoben W*. Op. cit. S. 66, 69, 92; *Ritter H.-W*. Caesars Verfügung über Kleinarmenien im Jahre 47 // Historia. 1970. Bd. 19. 2. S. 183; *Marek Ch*. Stadt… S. 48.

[35] *Vittinghoff F*. Römische Kolonisation… S. 85–91; *Bowersock G.W*. Op. cit. P. 62 f., 66–68, 86 f.; *Levick B*. Roman Colonies in Southern Asia Minor. Oxf., 1967. P. 4 ff.; *Bleicken J*. In provinciali solo dominium populi Romani est vel Caesaris. Zur Kolonisationspolitik der ausgehenden Republik und frühen Kaiserzeit // Chiron. 1974. Bd. 4. S. 405 ff.

[36] Очевидным заблуждением является утверждение: «*Колония в Гераклее могла быть основана или в 64–63 гг. в период деятельности Помпея с целью быстрого восстановления города* (*что кажется более вероятным*), *или в 46–45 гг. в результате мероприятий Цезаря*» (*Внуков С.Ю*. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., 2006. С. 219), ибо Помпей не основал ни одной римской колонии на Востоке! См., например: *Kornemann E*. Coloniae // RE. 1900. Bd. IV. Sp. 563.

[37] *Parfenov V.N*. Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporanischen Reiches nach Asandros // Histo-

Римская колонизация

Колонизация в южнопонтийском регионе не была каким-то новшеством. Уже в классический период в Синопе и Амисе существовали афинские колонии[38]. Римляне продолжили эту практику, хотя и в иных условиях и в ином исполнении. Большинство их колоний было выведено в *civitates stipendiariae*. В двух случаях, в Синопе (*Colonia Iulia Felix Sinopensis*)[39] и Парионе (*Colonia Iulia Pariana*)[40] – в свободные полисы. Примечательно, что обе эти колонии получили *ius italicum*[41], т.е. самое лучшее, что можно было себе представить. *Ius italicum* даровался триумвирами и Августом в провинциальных колониях, чтобы вознаградить своих сторонников – ветеранов и экспроприированных италиков и поставить их в правовом и имущественном положении на равный уровень с *cives Romani*[42]. Оно известно в 39 городах: в Азии – в Александрии Троадской (*Strabo* XIII.1.26(593); *Plin.* NH. V.124; *Paulus*. Dig. L.15.8.9), в Вифинии и Понте – в Апамее и Синопе. Эта привилегия сответствовала практически *ius soli*, т.е. в ней, прежде

---

ria. 1996. Bd. XLV. Ht. 1. S. 95–103; *Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 129–138.

[38] Plut. Per. 20.1–2; Strabo XII.3.14(547); *Hirschfeld G.* Amisos // RE. 1894. Bd. I. Sp. 1839; *Vinogradov J.G.* Zur politischen Verfassung von Sinope und Olbia im Fünften Jahrhundert v. u. Z. // Idem. Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz, 1996. S. 182 ff., 193 f.; *Gehrke H.-J.* Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den griechischen Staaten des 5. und 4. Jhs. v. Chr. München, 1985. S. 150. Эти колонии были, очевидно, эпойкии, т.е. выведены на территорию уже существующих полисов, а сами эпойки утрачивали связь с метрополией, становясь гражданами новой родины. См.: *Паршиков А.Е.* О статусе афинских колоний // ВДИ. 1969. № 2. С. 12 сл.

[39] Strabo XII.3.11(546); Plin. NH. VI.6; Plin. Ep. X.90 f.; Ulpian. Dig. L.15.1.10; *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 531. No 111; *Magie D.* Op. cit. P. 1267. N. 33; *Mitchell S.* Iconium and Ninica. Two Double Communities in Roman Asia Minor // Historia. 1979. Bd. 28. S. 416–417 + N. 53.

[40] ILS. No 2718; Paus. IX.27.1; Plin. NH. IV.48; V.141; Paulus. Dig. L.15.8.9; CIL. III. No 375, 386; *Frisch P.* I. Parium. S. 12–19. No 7–10; 12–13, 33 f. No 45, 73 ff. No 12 f., 45; 90 f. T. 66.8; 103; SEG. XV. No 713–715; BMC. Mysia. P. 102 f.; *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 531. No 110; *Broughton T.R.S.* Roman Asia. P. 582; SNG von Aulock. Mysien. No 1338; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 63 f. + N. 2; *Grant M.* Op. cit. P. 248; *Bernhardt R.* Imperium... S. 164. А.Х.М. Джоунс и Х. Бёгли (*Jones A.H.M.* Op. cit. P. 86; *Bögli H.* Studien zu den Koloniegrundungen Caesars. Diss. 1966. S. 7 + Anm. 28 f.) считали основателем колонии Августа, ибо это была колония ветеранов, хотя не исключали, что Август поселил ветеранов в уже существовавшую гражданскую колонию Цезаря.

[41] Ulpian. Dig. L.15.1.10; Paulus. Dig. L.15.8.9; *Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. Bd. I. Leipzig, 1873. S. 363 f.; *Premerstein A. von.* Ius Italicum // RE. 1918. Bd. X. Sp. 1238–1253; *Magie D.* Op. cit. P. 1268. N. 36; *Vittinghoff F.* Römische Stadtrechtsformen der Kaiserzeit // ZRG. 1951. Bd. 68. S. 465–472; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 357 сл.; *Bleicken J.* Op. cit. S. 367–391.

[42] Ср.: Cass. Dio. LI.4, 6; *Bleicken J.* Op. cit. S. 385, 410. Однако он относит самые ранние римские колонии с *ius Italicum* к правлению Августа. Ebd. S. 408.

всего, находила выражение связь с землёй[43]. Кроме того, *ius italicum* означал иммунитет на *tributum soli* и *tributum capitis*. А так как римские граждане платили только общий имущественный налог, а не налог на землю, то от него были освобождены и *coloniae iuris Italici*[44], в то время как для остальных общин это было особой наградой. Кроме того, в число привилегий входило освобождение от контроля со стороны наместника[45].

Даты вывода колоний и их связь с деятельностью Цезаря не всегда известны. Например, Апамея – Col(*onia*) I(*ulia*) C(*oncordia*)) содержит в своей титулатуре номен Цезаря[46]. Поэтому в качестве *terminus post quem* для её основания принимается 45 г. до н.э. Она не может быть колонией Августа, так как не упомянута в *Res gestae,* и поэтому скорее основана Марком Антонием и обновлена Августом[47]. Эпитет *Concordia* при этом, по мнению М. Гранта, как и в случае с Карфагеном, символизировал примирение между Марком Антонием и Октавианом в 42 г. до н.э., или, как считают Х. Дессау, Ф. Фиттигхоф и Х. Бёгли, был связан с умиротворением римских владений после побед Цезаря[48].

Другой римской колонией, очевидно, учреждённой Цезарем как C(*olonia*) G(*emella*)[49] либо G(*emina*) с Парионом: C(*olonia*) I(*ulia*) P(*ariana*), был Лампсак C(*olonia*) G(*emella*) I(ulia) L(ampsacena)[50]. Аппиан (BC. V.14(137)) сообщает, что когда город был захвачен Помпеем, там было много италиков (ἢ πολλοὺς εἶχειν Ἰταλοὺς ἐξ ἐποικίσεως Γαΐου Καίσαρος). Аналогичные поселения римских граждан (*togati cives*) без колониального статуса уже при Цезаре имели Кизик (*Cass. Dio*. LIV.7.6; LVII.24.6; Propert. III.22) и Амис. В последнем случае это были – οἱ συμπολιτευόμενος Ῥωμαῖοι[51]. Существует мнение, что изначально

---

[43] *Bleicken J.* Op. cit. S. 370 f., 383 + Anm. 59 f.

[44] *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 358; *Bleicken J.* Op. cit. S. 373, 375 f. + Anm. 39 f., 403, 411.

[45] *Marquardt J.* Op. cit. S. 358; *Bleicken J.* Op. cit. S. 379.

[46] Strabo XII.4.3(564); Plin. NH. V.149; Plin. Ep. 47.1; CIL. III. No 335 = No 14188; 6992 = ILS. No 314; Ulpian. Dig. L.15.1.10; WBR I. P. 250 f.; *Head B.V.* Historia numorum. Oxf., 1911. P. 510: COL. IUL. CONC. APAM. AVG. D.D.

[47] *Grant M.* Op. cit. P. 255 f. Pl. VIII. 14–17; *Magie D.* Op. cit. P. 1268. N. 34; P. 1270. N. 40; *Bögli H.* Op. cit. 1966. S. 6 f. Колонии Августа в Азии носили титул *Colonia Iulia Augusta Felix*: *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 65 f.

[48] *Grant M.* Op. cit. P. 227. N. 11; *Dessau H.* Vergil und Carthago, Dido und Anna // Hermes. 1914. Bd. 49. S. 510; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation. S. 82. Anm. 5; *Bögli H.* Op. cit. S. 6.

[49] В пользу этого варианта: *Frisch P.* I. Parium. S. 74. Иное решение предлагает Х. Бёгли (*Bögli H.* Op. cit. S. 7 + Anm. 23): G(enetiva).

[50] *Imhoof-Blumer F.* Monnaies grecques. Amsterdam, 1883. P. 252. No 130; I. Lampsakos. S. 139. T. 129–131; *Grant M.* Op. cit. P. 246–249; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation. S. 88. Anm. 1; *Bögli H.* Op. cit. S. 7 + Anm. 22; *Galsterer-Kroll B.* Untersuchungen zu den Beinamen der Städte des Imperiums Romanum // Epigraphische Studien. Bonn, 1972. Bd. 9. S. 65 f.; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 381.

[51] IGR. IV. No 314. В правление Адриана Амис был свободным союзником Рима: Plin. Ep. X.92: *Amisenorum civitas libera et foederata beneficio indulgentiae*

Лампсак был колонией *plebis urbanae*, в которую Марк Антоний или Октавиан ещё до 35 г. до н.э. поселили два легиона[52]. С другой стороны, как отметил Ф. Фиттингхоф – только колонии Августа известны с титулом GEMELLA и поэтому Марк Антоний или Август усилили Лампсак двумя ветеранскими колониями, а Парион, спланированный Цезарем, стал колонией при Августе[53]. В то время как Парион при Адриане вновь был подтверждён в качестве римской колонии[54], Лампсак прекратил своё существование в качестве таковой вскоре после учреждения (35 г. до н.э.)[55].

Примечательна в этой связи судьба ещё одного полиса на южном побережье Чёрного моря – Гераклеи Понтийской. В своем коротком экскурсе об истории этого полиса Страбон, наш единственный информатор на этот счёт, сообщает (XII.3.6(542 f.)): ἐδέξατο δ' ἀποικίαν Ρωμαίων ἐπὶ μέρει τῆς πόλεως καὶ τῆς χώρας – «(*она*) *приняла в одну часть города и сельской округи поселение римлян*»[56]. Последнее означало фактическое и правовое разделение территории и населения города на общину граждан (*cives*) и перегринов (*incolae*). По всей вероятности существовала своего рода «*демаркационная линия*» между ними в городской черте и за её пределами. Существенные изменения связаны с территориальным переустройством Марка Антония, получившего после сражения у Филипп «*попечительство*» над восточными провинци-

---

tuae legibus suis utitur. Ср.: Plin. NH. VI.7; OGIS. No 530 = IGR. IV. No 1586:2; *Bernhardt R.* Imperium... S. 231. Anm. 667. Неясно, был ли полис *foederata* уже при Августе, как считают некоторые исследователи (*Magie D.* Op. cit. P. 1450. N. 3; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 131, 324. N. 67; *Bernhardt R.* Ebd. S. 181 Anm. 433). Возможно, что эта привилегия была перенесена позже на год после битвы у Акция. См.: *Leschhorn W.* Op. cit. S. 113 + Anm. 56.

[52] I. Lampsacus. S. 139 f. T. 129–131; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 63 считает, что это были представители различных легионов, а Т. Броутон различал две дедукции – Цезаря и Августа: *Broughton T.R.S.* Revue on: Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces // AJPh. 1941. Vol. 62. No 1. P. 107; *idem.* Roman Asia... P. 582. N. 23, 703, 1268. N. 34. Ср.: *Iulia Felix Gemina Lustra*: CIL III. No 6786.

[53] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 88 f. Anm. 1. Ср.: *Bleicken J.* In provinciali... S. 385 + Anm. 67, 387; *Levick B.M.* Op. cit. P. 5 f.; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 381. В пользу колонии при Цезаре: *Grant M.* Op. cit. P. 248 f.; *Bernhardt R.* Imperium... S. 164. В пользу Августа: *Jones A.H.M.* Cities... P. 86. При этом «*колониальные монеты*» чеканил не Лампсак, а Парион: *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 64.

[54] ILS. No 320; I.Parium. 16 f. No 8–10, 74. No 7–7. T. 66.8.

[55] *Broughton T.R.S.* Roman Asia... P. 582; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 88; Д. Мэджи (*Magie D.* Op. cit. P. 1268. N. 35) считал, что Лампсак никогда не обладал статусом римской колонии, а лишь принял отосланных Цезарем иммигрантов. Но, см.: *Imhoof-Blumer F.* Op. cit. P. 252. No 130; *Grant M.* Op. cit. P. 246. Pl. VIII. No 6: C(*olonia*) G(*emella*) либо G(*emina*) I(*ulia*) L(*ampsacena*).

[56] О римской колонии в Гераклее: *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 531. No 112; *Broughton T.R.S.* Some Non-Colonial Coloni of Augustus // TAPhA. 1935. Vol. LXVI. P. 20 f.; *idem.* Roman Asia... P. 582. N. 23; *Grant M.* Op. cit. P. 246 f., 254 f. Pl. XI. No 6; *Magie D.* Op. cit. P. 1268. N. 35; *Bögli H.* Op. cit. S. 6 + Anm. 7.

ями Рима. Предпосылками к этому стали смерть Дейотара в 40 г. до н.э. (*Cass. Dio.* XLVIII.33.5) и отражение нападения парфян. Главной же целью преобразований было создание собственной клиентеллы. Всю территорию Понта Антоний передал Дарию, сыну Фарнака II и внуку Митридата Евпатора, заменив его в 37 г. до н.э. за его промитридатовскую политику Полемоном из Лаодикеи (*App.* BC.V.319)[57]. В греческой своей части Гераклея была передана галатскому вождю Адиаториксу[58], а Помпейополь и Некея Кастору (*Strabo* XII.3.6(543); *Cass. Dio.* XLVIII.33.5). Амис также был отдан «*царям*» и в результате попал под власть тирана Стратона (*Strabo* XII.3.14(547), а с 37/36 г. до н.э. – Полемона[59]. Римская колония в Гераклее просуществовала недолго, ибо тот же Страбон сообщает, что Адиаторикс, действуя в гераклеотской части города, устроил резню римлян незадолго до битвы у Акция. Конец этому положил Август. Он казнил Адиаторикса и одного из его сыновей. Однако колония более возрождена не была, а Гераклея включена в состав провинции Вифиния – Понт[60]. Как раз тот факт, что кроме Страбона колония никем более не упоминается, а также то, что после резни там более не известны римские поселенцы, позволяет целому ряду исследователей видеть в римской «*колонии*» в Гераклее лишь небольшое поселение без статуса колонии, как позднее в некоторых случаях поступал Август[61]. Думается, что достаточных оснований для этого нет. Существование колонии в Гераклее было коротким эпизодом, не успев запечатлить себя более красноречивыми свидетельствами. И как раз Страбон, как никто другой, был хорошо осведомлён об истории и географии Южного Причерноморья[62]. При

---

[57] *Buchheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960. S. 51; *Hoben W.* Op. cit. S. 34–38, 40–53, 69.

[58] Strabo XII.3.7(542 f.); *Bernhard R.* Imperium... S. 168, 182. Anm. 438.

[59] *Magie D.* Op. cit. P. 1285. N. 24; *Hoffmann W.* Polemon // RE. 1952. Bd. XXI. Sp. 1282; *Bernhardt R.* Imperium… S. 168 + Anm. 373; *Jones A.H.M.* Op. cit. P. 426. No 39; *Magie D.* Op. cit. P. 1285. No 24. Под «*царями*», очевидно, имелся в виду Полемон Понтийский. См.: *Hoffmann W.* Polemon // RE. 1952. Bd. XXI. Sp. 1282.

[60] Ebd.: ἡ δὲ πόλις ἐστὶ τῆς Ποντικῆς ἐπαρχίας τῆς συντεταγμένης τῇ Βιθυνίᾳ; Plin. NH. VI.4(415); *Bernhard R.* Imperium… S. 182; *Leschhornn W.* Op. cit. S. 199 f. Ошибочно утверждение, что колония в Гераклее была уничтожена галатами (*Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры. Часть II… С. 219), а также тезис, высказанный там же: «*вполне вероятно, что эта колония была уничтожена не полностью, или она была восстановлена в начале правления Августа...*». Во-первых, «*галатская опасность*» уже более столетия являлась достоянием прошлого, а «*галатская резня*» как раз напоминает о прошедших временах, в то время как Адиаторикс был лишь ставленником Марка Антония, представителем его антуража; во-вторых, источники однозначно подтверждают факт бесповоротной гибели римской колонии в Гераклее.

[61] *Magie D.* Op. cit. P. 1268. N. 35; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 63; *Broughton T.R.S.* Roman Asia… P. 582. N. 23; *Bernhardt R.* Op. cit. S. 164. «*Настоящими*» римскими колониями считали Гераклею и Лампсак А.Х.М. Джоунс и М. Грант (*Jones A.H.M.* Op. cit. P. 133; *Grant M.* Op. cit. P. 246 f., 254).

[62] *Engels J.* Augusteische Oikumenegeographie und Universalhistorie im Werk Strabons von Amaseia. Stuttgart, 1999. S. 28, 31, 70, 95.

Августе Амису также была не только возвращена свобода, но и дарован *foedus*, после чего там была принята актийская эра[63]. Очевидно, что полис сохранил и в последующие времена свои привилегии (*Plin.* Ep. X.92 f.). Во всяком случае, его автономные монетные эмиссии известны вплоть до 260 г. н.э.[64] Кроме того, Август в целом отказался от поощрения династов, характерного для политики Антония, и снова передал полисы местному управленческому аппарату[65].

Почти по аналогии с Гераклеей Страбон описывает выведение римской колонии в Синопу: νυνὶ δὲ καὶ Ρωμαίων ἀποικίαν δέδεκται, καὶ μέρος τῆς πόλεως καὶ τῆς χώρας ἐκείνων ἐστίν (XII.3.11(546)) («*В настоящее время Синопе пришлось принять римскую колонию, так что и часть города и городской земли принадлежит колонистам*»)[66]. Ничего конкретного кроме этих общих фраз неизвестно. Но, в отличие от Гераклеи, синопский материал более многообразен. Прежде всего, это надписи с упоминанием колонии с добавлением S(*inopensis*) или без него[67]. В правление Марка Аврелия в расширеной форме: CIF SINOPE[68].

По мнению Р. Бернхардта, прежнее население Синопы было перебито Фарнаком, а Парион пострадал в третью Митридатову войну[69], что и сделало возможной римскую колонизацию. Однако Аппиан (Mithr. 120 (591)), на которого он ссылается, сообщает в полном драматизма рассказе, что немного времени спустя после капитуляции Фанагории «*он* (Фарнак. – *Н.Е.*) *взял Синопу*; *задумывая захватить Амис, он вступил в войну с римским военачальником Кальвином, в то время как Помпей и Цезарь пошли войной друг против друга, пока, наконец, Асандр, его личный враг, не изгнал его из Азии, так как римляне были заняты в других местах*». Кассий Дион (XLII.48.3) говорит

---

[63] Strabo XII.3.14(547); Plin. NH. VI.7; OGIS. No 530; *Henze W.* De civitatibus liberis. Diss. B., 1892. P. 65; *Bernhardt R.* Op. cit. S. 180. Anm. 433; *Marek Ch.* Stadt... S. 53; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 66, 106 ff., 112 f., 463–465. Август почитался там как ктист и сотер: IGR. IV. No 314.

[64] *Bernhardt R.* Imperium... S. 180. Anm. 433; Монеты: *Malloy A.G.* The Coinage of Amisus. South Salem; N.Y., 1970. P. 19, 30.

[65] *Marek Ch.* Stadt... S. 52.

[66] *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 63.

[67] CIG. No 4164; AEp. 1916. No 121; CIL. III. No 238:11; 239; 6977 f.; No 12219–12221:9; 6980; 14402b-c; *Robinson D.M.* Greek and Latin Inscriptions from Sinope and Environs // AJA. 1905. Vol. 9. No 3. P. 310. N. 37; P. 314. N. 43; *Reinach T.* Inscriptions de Sinope // RA. 1916. Ser. 5. T. 3. P. 347 f. No 8 = AEp. 1916. No 121; *Salač A.* Note sur trois inscriptions de Sinope // BCH. 1920. T. 44. P. 357 f. No b. Fig. 2; *French D.* Milestones of Pontus, Galatia, Phrygia and Lycia // ZPE. 1981. Bd. 43. P. 150 f. No 3; I. Sinope. No 90 f., 100–102. No 121. Pl. 19. Хотя, с точки зрения грамматики, возможны варианты: *Colonia Iulia Felix Sinope* (Сапрыкин), *Colonia Iulia Felix Sinopensium* (Фиттинхоф) я отдаю предпочтение прилагательному *Sinopensis*, ср.: *Magie D.* Op. cit. P. 1267. N. 30. Это подвеждает: Ulpian. Dig. L.15.1.10: *est in bithynia apamena et in ponto sinopensis*, а также милевой столб времени Домициана в указанной выше работе Д. Френча: T. Pri[...] Pacatus viam [colon(*iae*)? Si]nopens(*is*) stravit, хотя тут возможно и Sinopens(*ium*).

[68] WBR. P. 208–210. No 73a–76, 76a–81, 114–168b.

[69] *Bernhardt R.* Imperium... S. 164.

лишь в общих чертах о завоевании Понта, подробнее останавливаясь лишь на судьбе Амиса: «*Он захватил силой полис Амис, несмотря на его долгое сопротивление, разграбил его и приказал убить всех жителей, способных носить оружие*». Очевидно, что Р. Бернхардт спроектировал судьбу Амиса на Синопу, хотя оснований для этого нет. Как раз тот факт, что Кассий Дион отдельно упоминает разгром Амиса, свидетельствует об особом случае в обхождении Фарнака с этим греческим полисом. Его упорство повлекло за собой наказание, что было обычным делом в античной военной практике.

Колония в Синопе была запланирована во время остановки Цезаря в Никее и выведена в 46/45 г. до н.э.[70] С этого момента начинается новая эра[71]. Майкл Грант связывает с основанием колонии редкую, ныне утерянную монету из коллекции Национальной Библиотеки в Париже с легендой: Av.: COLON(*iam*) FEL(*icem*) SIN(*open*) P(*ublius*) SVLP(*icius*). Городская богиня с *corona muralis*; Rev: Q(*uinti*) F(*ilius*) RVF(*us*) PROCO(*n*)S(*ul*) PONTIFE[X IMP(*erator*) DE]D(*uxit*) I(*ussu*) C(*aesaris*). Жречесая шапка; секира; черпак; опахало (*aspergillum*)[72]. Таким образом, колония была выведена в Синопу в магистратуру Публия Сульпиция Руфа[73], бывшего проконсулом Понта и Вифинии в 46/45 г. до н.э.[74] Для позднеэллинистического – раннеримского периода истории Синопы известны три эры: 1) в качестве столицы Понтийского царства (с 75/74 г.); 2) после выведения туда римской колонии (46/45 г. или 44 г. до н.э., скорее всего, с 1 января); 3) эра Лукулла: 194, 198, 223–265 гг. н.э.[75] Даты по «*колониальной эре*» в монетных чеканах впервые встречаются в сокращениии в 38 г. до н.э. (VIII год) и прослеживаются до года CCCXXXI[76]. Однако, как отмечает

---

[70] *Magie D.* Op. cit. P. 1263 f. N. 18, 1267 f. N. 30, 34.

[71] WBR. P. 208, 201 ff.; *Kubitschek W.* Die Zeitrechnung der Stadt Sinope // NZ. 1908. S. 67–72; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 360.

[72] *Grant M.* Op. cit. P. 12, 251 ff. Pl. VIII. No 13; WBR. P. 201. No 75; RIC. I. No 2107; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 159 + Anm. 76.

[73] Также: *Magie D.* Op. cit. P. 1262. N. 33; *Bögli H.* Op. cit. S. 5; *Brunt P.A.* Op. cit. P. 600; *Stumpf G.R.* Numismatische Studien zur Chronologie der römischen Statthalter in Kleinasien (122 v. Chr. – 163 n. Chr.). Saarbrücken, 1986. S. 76.

[74] *Grant M.* Op. cit. P. 11 f.; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation… S. 88. В. Лешхорн (Op. cit. S. 159 f. + Anm. 79, 82 f.) со ссылкой на RPC I. P. 337, 356, напротив, отмечает, что время его проконсульства нельзя пока датировать точно. Синопа была захвачена Фарнаком в 47 г. до н.э. В 47/46 г. проконсулом был Г. Вибий Панса Цетрониан. До него – М. Целий Виниций или Г. Домиций Кальвин. Поэтому основание колонии при П. Сульпиции Руфе могло произойти самое раннее осенью 46 г. до н.э., если верна расшифровка I(*ussu*) C(*aesaris*). Так как в 45 и 44 г. до н.э. в Вифинии наместничали Г. Марций Крисп и Л. Тиллий Кимбр (Anm. 85 f.), то для П. Сульпиция Руфа остаётся промежуток от конца 46 г. до неопределённого отрезка 45 г. до н.э. (Anm. 87). Кроме того, не исключено, хотя и недоказуемо, что годом, от которого считалась эра колонии, стал 43 г. до н.э., когда город мог получить привилегии от М. Юния Брута (S. 160 f., 478).

[75] *Leschhorn W.* Op. cit. S. 150–153 f. + Anm. 34. 168, 475–479.

[76] Ibid. S. 159. Устарели данные: *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 360: 23 г. до н.э.

В. Лешхорн, эти цифры не принадлежат к одной эре, ибо в правление Септимия Севера (194, 198) и до Галлиена (207) в городе была в употреблении эра Лукулла, затем вновь заменённая колониальной[77]. К. Марек, напротив, отмечает, что в конце I в. до н.э. в Синопе пользовались двумя эрами параллельно. Причиной этому послужило первоначальное разделение между греческой общиной и римской колонией, коснувшееся как городского управления, так и хоры[78]. Эра Лукулла засвидетельствована, кроме того, в Абонутейхе, Амастрии, Киторе (71/70 г.)[79]

Предположение о разделении общин в колониях высказывалось неоднократно. При этом отмечалось, что греки, т.е. греческая часть населения этих полисов, были исключены из новой римской организации, оставаясь там на правах *incolae*[80]. Против теории о «*двойных общинах*» (*Doppelgemeinden*) выступил Ф. Фиттингхоф[81], считающий, что нет никаких указаний на то, что греческие общины в Патрах, Гераклее, Синопе имели собственное коммунальное управление после учреждения там римских колоний. Важная роль при этом отводится указаниям Плиния Младшего (Ep. X.47.1) и Диона Хризостома (Or. 41.9). Так, Плиний сообщает: «Когда я пожелал, господин, осведомиться о государственных должниках Апамеи, о доходе и расходах, мне ответили, что именно все абсолютно желают, чтобы мною были прочитаны (финансовые) счета колонии, ибо до сих пор они не читались никем из проконсулов; (что они) обладают привилегией и древнейшим обычаем управлять своей общиной по своему усмотрению». Ему вроде бы вторит Дион в своей, обращённой к жителям Апамеи, речи: «Но я ещё доверяю нраву вашего города, будучи убеждён, что он деликатен и не груб, но зная по натуре искренность жителей этого благоденствующего города, в который вы были отправлены сюда, чтобы жить здесь как друзья среди друзей»[82]. Но при оценке обоих свидетельств не учитывается в должной мере их сравнительно поздняя датировка временем Траяна, когда греческая часть города уже слилась с римской, и поэтому они едва ли являются доказательством в подкрепле-

---

[77] *Leschhorn W.* Op. cit. S. 150 f. + Anm. 5, 157 f., 161; *Marek Ch.* Stadt... S. 26. Anm. 216.

[78] *Marek Ch.* Stadt... S. 26. Anm. 216.

[79] *Magie D.* Op. cit. P. 1215. N. 42; WBR. P. 194; *Marek Ch.* Stadt... S. 26. Anm. 216; *Leschhorn W.* Op. cit. S. 89, 157 ff., 161–165, 168 f., 174, 419, 430, 478–481.

[80] *Marquardt J.* Op. cit. S. 465 f.; *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 531, 584; *Dessau H.* Afrikanische Munizipal- und afrikanische Militärinschrift // Klio. 1908. Bd. VIII. S. 457 f.; *Rostowtzeff M.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig, 1929. Bd. II. S. 307. Anm. 60; *Magie D.* Op. cit. P. 1267 f. N. 33, P. 1269. N. 36. В целом об этой проблеме: *Colin J.* Les villes libres de l'orient gréco-romain et l'envoi au supplice par acclamations populaires. Bruxelles, 1965. P. 55. N. 4.

[81] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation. S. 24 f.; *idem.* Römische Stadtrechtsformen. S. 443 ff. Сдержанно уже: *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 360: «*возможно, но не доказуемо*».

[82] Переводы мои.

ние указанного тезиса[83]. Кроме того, в речи Диона присутствует риторический момент со стремлением примирить два полиса – соперника: свою родину Прусу и Апамею, что также девальвирует её ценность для рассматриваемой проблематики. Сообщения Страбона (XII.3.6(542 f.); 11(546); 4.3(564)) подтверждаются надписями, где римская колония существует параллельно с греческим полисом, как, например[84]:

Γ. Σηστύλλιον | Μάξιμον γυμνα|σιαρχήσαντα καὶ | ξυσταρχήσαντα | τῆς κολωνείας ἐπι|φανῶς καὶ δημοθοι|νήσαντα, *v* ἀξιώσαντος | τοῦ δήμου καὶ τῆς βουλῆς | ψηφισαμένης[85].

Если постановления издавались как на латинском, так и на греческом языках, то монеты этого периода, чеканенные по постановлению курии: (*Ex*) *decurionum decreto*, содержат исключительно латинскую легенду. Этот факт не случаен. А так как параллельный чекан с греческой легендой не известен, то совершенно очевидно, что греческая часть населения Синопы этим правом не обладала. Но уже поколение спустя, обычно забывались суровые ограничения времени основания колонии, а сами колонисты перенимали местный язык и традиции. Этому, прежде всего, способствовало подавляющее окружение и *conubium*[86]. Надписи становятся со временем также двуязычными. Приведу один пример такого документа – надгробие II в. н.э. с упоминанием римской колонии с билингвой на латинском и греческом языках:

P. Ael(*ius*) Pompeius, veter(*anus*) ex c(*enturione*) | Carnuntum Pannoniae superioris | Numeriae Procopeti, con[iugi carissimae] | piissimaeq(*ue*), pudicitiae castita[tis eximiae], | quae vixit ann(*os*) L, et mihi vivu[s posui. si quis post] | obitum nostrum aperuerit [hanc arcam], | dabit poenae nomine rei publ(*icae*) spl[(*endissimae*) col(*oniae*)] | Sinop(*ensium*) denar(*iûm*) quinque milia, simu[lque reus erit][87].

Π. Αἴλ(ιος) Πομπήιος ἐξ ἑκατονταρχίας Καρν[οῦτον] | Προκοπῆ γυναικὶ ἑαυτοῦ εὐσεβεστάτῃ. [καὶ ἐπὶ] | σεμνότητι σωφροσύνης μεμαρτυρημ[ένῃ, ζησά] | σῃ ἔτεσιν ν′, καὶ ἑαυτῷ ζῶν ἔθηκα. Ἐὰν δέ [τις μετὰ] | τὸ ἡμᾶς κατατεθῆναι τολμήσας ἀνοίξει ταύ[την τὴν] | πύαιλον {πύελον}, δώσει προστείμου τῇ λαμπ[ροτάτῃ] | κολωνείᾳ Σινώπη(δην). πεντακισχείλ[ια καὶ] | ὑπεύθυνος ἔστε τῆς τυμβωρυχίας.

---

[83] Верно отмечено в комментарии к русскому изданию: Письма Плиния Младшего. М., 1983. С. 376.

[84] *Bowersock G.W.* Augustus… P. 63.

[85] *Reinach Th.* Op. cit. P. 338 f. № 5. Ср.: IGR. III. № 94; Sinope. № 101: *Magie D.* Op. cit. P. 1267 f. Not. 33. Также в Антиохии в Писидии жители были разделены на две категории: *Ramsay W.M.* Studies in the Roman Province Galatia. VI: Some Inscriptions of Colonia Caesarea Antiochea // JRS. 1924. Vol. 14. P. 179 f. № 6 = *Robinson D.M.* A New Latin Economic Edict from Pisidian Antioch // TAPhA. 1924. Vol. 55. P. 5 f.; *Magie D.* Ebd. P. 1319. Not. 30.

[86] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation… S. 26; *Levick B.* Op. cit. P. 130 ff.

[87] *Reinach T.* Op.cit. P. 347–351. № 8; *Salač A.* Op. cit. P. 357. Fig. 2; I. Sinope. P. 88 f. № 121. Pl. 19; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 382 сл. Рис. 41.

«*Публий Элий Помпей, ветеран из центурии* (*рождённый*?)[88] *в Карнунте в Верхней Паннонии, установил (этот памятник) для Нумерии Прокопиты, (своей) любимейшей, непорочнейшей, чистейшей супруги,* прожившей *50 лет* (для неё) и для себя (самого) *прижизненно. Если кто-либо после нашей кончины вскроет эту гробницу, то будет должен заплатить от имени общины прекраснейшей колонии синопцев 5000 денариев, как если бы он был обвинён* (*в осквернении могилы*)»[89].

Следует подчеркнуть, что надпись частная. В ней употреблён неофициальный титул колонии – «*блистательнейшая*» (*splendissima colonia* = λαμπροτάτη κολωνεία), обычный в это время на востоке империи[90].

О социальном составе колонистов известно мало. Существовало два типа колоний: ветеранские и пролетарские[91]. Как раз последние открывали новые перспективы для социальных низов. В колониях даже вольноотпущеники получали доступ к высшим магистратурам, таким как *decuriones* и *duoviri*[92]. Из их числа происходили многие ремесленники, предприниматели, торговцы. В то время как колонии периода принципата практически все являлись колониями ветеранов[93], в период поздней республики этот тип колоний на Востоке неизвестен. Единственный легион Цезаря – *legio VI Ferrata*, который принял участие в войнах в Египте и против Фарнака (*Caes.* BA. 77.2) был отправлен в Италию и поселён в Арелате[94]. Буфротум и Коринф были колониями римского городского плебса (*civium Romanorum*). Но в Коринфе, например, основную массу колонистов составили вольноотпущенники (*libertini*), чьи предки или они сами происходили с Востока[95], и тот же Цезарь намеревался переселить 80000 беднейших столичных

---

[88] Дополнение Т. Рейнака, в то время как А. Салаш и М.И. Максимова считают, что в Карнунте дислоцировалась центурия.

[89] Здесь не место останавливаться на штрафах за осквернение могил. См., например: *Arkwright W.* Penalties in Lycian Epitaphs of Hellenistic and Roman Times // JHS. 1911. Vol. 31. P. 269–275; *Bryce T.R.* Burial Fees in the Lycian Sepulchral Inscriptions // AS. 1976. Vol. 26. P. 175–190. Ср. Также: I. Parion. S. 33 f. № 45:6: δώσει τῇ Παριανῶν κολωνείᾳ (δηνάρια) ,αφ'; № 46:6: δώσει τῇ Παριανῶν πόλι... καὶ φίσκῳ.

[90] Например: *Gerlach G.* Griechische Ehreninschriften. Halle, 1908. S. 26; *Weiss P.* Lebendiger Mythos. Gründerheroen und städtische Gründungstraditionen im griechisch-römischen Osten // WJ. 1984. Bd. 10. S. 188; *idem.* Auxe Perge. Beobachtungen zu einem bemerkenswerten städtischen Dokument des späten 3. Jahrhundert n. Chr. // Chiron. 1991. Bd. 21. S. 376.

[91] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation… S. 53 ff., 56 f.; *Levick B.* Op. cit. P. 58 ff.

[92] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation… S. 59 + Anm. 2, 137; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 359.

[93] *Vittinghoff F.* Römische Stadtrechtsformen… S. 440 + Anm. 15.

[94] CIL. XII. P. 83; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation… S. 89; *Bleicken J.* Op. cit. S. 371.

[95] *Bang M.* Die Herkunft der römischen Sklaven // MDAI(R). 1910. Bd. XXV. S. 223 f.; *Gordon M.L.* The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire // JRS. 1924. Vol. XIV. P. 93 ff.; *Bowersock C.W.* Op. cit. P. 87.

жителей в провинции (*Suet.* Iul. 42.1; *Cic.* De leg. agr. II.29; 80). Лампсак, где уже в 80 г. до н.э. известны *cives Romani qui Lampsaci negotiabantur* (*Cic.* In Verr. II.1.69) также являлся колонией «*италийцев*» и аналогичное положение можно принять для Синопы, Гераклеи и Апамеи и видеть в них «*Versorgungskolonien des römischen Proletariats*»[96]. Эту политику продолжил Август, переселяя италиков, потерявших своё состояние, закупив для этой цели в провинциях, особенно в Македонии, земли на сумму 660 миллионов сестерциев (RG 3; 16)[97]. В его правление происходит правовое и фискальное уравнивание целого ряда колоний с Италией посредством *ius italicum*, что не означало автоматически иммунитет. Однако ещё в имперский период все *civitates foederatae* и *civitates liberae* были освобождены от прямого налогообложения[98].

Не решён однозначно до сих пор вопрос о целях, которые преследовались при учреждении колоний на Востоке. Распространено мнение, что основной их задачей было обеспечение землёй ветеранов и римского городского плебса, особенно вольноотпущенников, с целью сокращения числа получателей государственных дотаций[99]. Против этого энергично выступил Йохан Блайкен. Он считал, что «*только во вторую очередь колонизация служила снабжению неимущего населения*», а «*за пределами Италии она была направлена на обеспечение влияния на римских граждан, прежде всего солдат*»[100]. На мой взляд, это никак не сочетается с политикой Цезаря, переселявшего именно беднейших жителей Рима. С другой стороны, известна целая цепь римских колоний в Малой Азии: Александрия – Лампсак – Парион – Апамея – Гераклея – Синопа. Поэтому колонии Цезаря могли, кроме всего прочего, служить стратегическим целям и быть направлены не только на то, чтобы «*иметь в наличии землю для поселения значительного количества лиц из Рима и по возможности оптимально включить их в существующие хозяйственные структуры, либо по-*

---

[96] *Frank T.* Rome and Italy... P. 318; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 88 f. + Anm. 1 f., 4; *idem.* Römische Stadtrechtsformen... S. 465; *Bögli H.* Op. cit. S. 7 f. + Anm. 27, 32.

[97] *Meyer E.* Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus. Innere Geschichte Roms von 66 bis 44 v. Chr. Essen, o.J. S. 494; *Vittinghoff F.* Römische Stadtrechtsformen... S. 441 f.

[98] *De Laet S.J.* Portorium: études sur l'organisation douanière chez les Romains, surtout à l'époque du haut-empire. Brugge, 1949. P. 345 ff.; *Vittinghoff F.* Portorium // RE. 1953. Bd. XXII. Sp. 350 f.; *Bleicken J.* Op. cit. S. 370 f.; *Neesen L.* Untersuchungen zu den direkten Staatsabgaben der Römischen Kaiserzeit (27 v. Chr. – 284 n. Chr.). Bonn, 1980. S. 345 ff.; *Bernhardt R.* Die Immunitas der Freistädte // Historia. 1980. Bd. 29.2. S. 190 ff.; *idem.* Immunität und Abgabenpflichtigkeit bei römischen Kolonien und Munizipien in den Provinzen // Historia. 1982. Bd. 31.4. S. 346 +Anm. 42.

[99] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 53 ff., 98 f.,136 f.; *Bowersock G.W.* Op. cit. P. 62 ff.; *Bögli H.* Op. cit. S. 5; *Brunt P.A.* Op. cit. P. 256.

[100] *Bleicken J.* Op. cit. S. 398: «*Kolonisation diente nur in zweiter Linie der Versorgung der besitzlosen Bevölkerung*» и S. 406: «*die Kolonisation außerhalb Italiens diente zuerst der Sicherung des persönlichen Einflusses auf die römischen Bürger, besonders auf die Soldaten*».

строить новые», как считал Ф. Фиттингхоф, но и «*должны были стать опорными пунктами в предстоящей войне с парфянами*»[101]. Для выбора места для будущей колонии не последнюю роль играли такие факторы, как наличие сельскохозяйственной округи, а также природная привлекательность местности (*Cic.* In Verrem. II.1.69). Парион и Лампсак были известны производством вина[102], равно как Гераклея, а Синопа – вина и масла. Кроме того, существенные возможности открывала Причерноморская торговля.

Вывод *coloniae civium Romanorum* (*deductio*) осуществлялся, обычно, коллегией трёх магистратов *(tresviri coloniae deducendae)*[103]. Собственно учреждение колонии происходило по этрусскому обычаю. При этом обмерялась территория города и его сельскохозяйственная округа, которая делилась на участки (*Liv.* XXXII.29; XXXIV.53; XXXV.40; *Cic.* Phil. XIII.31). Для гражданских колоний было характерно общее зачисление граждан в римские трибы[104]. *Coloni* – были гражданами города, а *incolae* – просто, лицами проживающими там (*Cod.* Theod. XII.1, 52; *Iust.* III.24.2; X.39.7), т.е. в последнем случае это были перигрины или οἱ κατοικοῦντες / οἱ πραγματευόμενοι греческих надписей (*negotiatores*, *advenae*, *hospites*). Прежние жители города, в который выводилась римская колония, могли быть уничтожены, изгнаны, но чаще оставались в качестве неполноправных *incolae*. Представители высших кругов могли получить римское гражданство и в этом случае вносились в списки граждан в качестве равноправных *coloni*[105].

Абсолютное количество колонистов в Синопе неизвестно. Но для других мест источники сообщают о 300, 600, 1500, 2000, 2500, 4000 колонистов (*Liv.* IV.47; V.24; VI.16; IX.28; 36; X.3; XXXIX.55; XL.13; 34), причём Гай Гракх якобы собирался отправить в Карфаген даже 6000 поселенцев (*App.* BC. I.24). Едва ли количество колонистов в Синопе было большим и даже при максимальных оценках не превышало нескольких сотен.

Первые магистраты в колониях Цезаря не избирались, а назначались им лично (*App.* BC. III.2; *Cic.* Phil. 5.19; 53)[106]. *Ius italicum* кроме всего прочего означало, что городская администрация организовывалась на манер города Рима, что отметил Авл Гелий (NA. XVI.13.9) называя римские колонии *effigies parvae simulacraque populi Romani*. В

---

[101] *Bögli H.* Op. cit. S. 7, против: *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 88. Ср.: *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 565.

[102] Strabo XIII.1.12(587). Ср.: SNG v. Aulock. Mysien. 4. № 1329.

[103] *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 561, 568 ff.; *Galsterer H.* Coloniae // DNP. 1997. Bd. 3. Sp. 76–85.

[104] *Vittinghoff F.* Römische Stadtrechtsformen... S. 440.

[105] *Marquardt J.* Op. cit. S. 465 f.; *Vittinghoff F.* Römische Stadtrechtsformen... S. 442, 446, 452.

[106] *Marquardt J.* Op. cit. S. 448; *Mommsen Th.* Lex Colonia Iulia Genetiva // *idem.* Gesammelte Schriften. B., 1913. Bd. I. S. 25; *Kornemann E.* Op. cit. Sp. 563.

Синопе надписями засвидетельствованы дуовиры (*duoviri*)[107], чьё положение сравнимо с должностью римских консулов. В их руках находилась вся исполнительная власть. Им подчинялись *aediles* – аналог греческих астиномов. Городской совет (*ordo decurionum*) состоял из избираемых пожизненно членов. Кроме того, известны *duoviri quinquenales*, исполнявшие функции надзора над финансами[108]. Основатель города/колонии (*conditor urbis/coloniae*) являлся «*отцом*» и попечителем нового поселения. Даже если ему не причитались почести как «*герою*» – эллинистическому царю, то всё-таки оказывалось псевдо-религиозное почитание[109]. Например, надписи Париона датируются по формуле: ἐπὶ ἱερέως (либо ἱερεῖ) Καίσαρος[110]. В этом нашёл выражение культ основателя колонии. Полный «*cursus honorum*» жителя колонии Синопы даёт надпись времени Антонина Пия:

Sacerdoti | omnium Caesar(*um*) | T. Veturio T. fil. Col(*lina*) | Campestri, auguri, IIviro, |[5]IIvir(*o*) q(*uin*)q(*uennali*), IIvir(*o*) III paneguri, curatori | annon(*ae*), sacerdoti dei Mercuri, | conditori patriae, IIII misso legato| a colonia in Urbem sine viatico, | semel quidem ad divom {[26]divum}[26] Hadrianum, |[10]III autem ad optimum maximumque | bis Imp(*eratorem*) Caes(*arem*) T. Aelium Hadrianum | Antoninum Aug(*ustum*) Pium, | ex d(*ecreto*) d(*ecurionum*) | vicus COPDY[111].

«Жрецу (культа) всех императоров Т. Ветурию Кампестру, сыну Тиберия (из трибы) Коллины, авгуру, дуовиру, дуовиру квинквеналу[112], три раза дуовиру священных игр, куратору продовольственных поставок, жрецу бога Меркурия, устроителю родного города[113], четырежды посланному в качестве посла в Город без дорожных средств, а именно – один раз к божественному Адриану, два раза к императору Т. Элию Адриану Антонину Августу Пию, по постановлению декурио-

---

[107] CIG. III. № 6980; CIL. III. № 6980:5 ff.; *Reinach Th.* Op. cit. P. 339 f. № 6 = AEp. 1916. № 120; *Marquardt J.* Op. cit. S. 472, 479 + Anm. 6, 482, 521; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 359, 364.

[108] CIL III. № 6980:5 ff.; I.Sinope. № 100; *Marquardt J.* Op. cit. S. 484 f.; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 368; *French D.* // I.Sinope. P. 73.

[109] *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 52 + Anm. 4; 7.

[110] I.Parium. № 5–6. Ср.: P. Vibio sac(*erdote*) Cae(*saris*): BMC. Mysia. P. 103 № 84.

[111] *Reinach Th.* Op. cit. S. 339–345. № 6 = AEp. 1916. № 120; Sinope. P. 73 f. № 121.

[112] Ср.: CIL. III. № 6980: 5 ff.; I.Sinope. № 100: II VIR ITER | SACERD. IMP. CAESARIS. | II VIR QVINQ; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 366.

[113] Эпитет ΚΤΙΣΤΗΣ (лат.: *conditor*) присваивался в знак благодарности за благодеяние, причем в римское время исчезает культовый аспект этой почести. Особенно значимые благодетели почитались как νέοι κτίστες. Часто, но не всегда, этот титул давался в связи со строительной деятельностью ибо κτίζειν в римское время означает «*строить*», а κτίστης «*строитель, даритель построек*»: *Robert L.* Études anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure. P., 1937. P. 89. N. 2; *Cornell T.J.* Gründer // RAC. 1983. Bd. XII. S. 1145; *Strubbe J.H.M.* Gründer kleinasiatischer Städte. Fiktion und Realität // AnS. 1984–86. Vol. 15–17. P. 289 f.; *Winter E.* Staatliche Baupolitik und Baufürdsorge in den römischen Provinzen des kaiserzeitlichen Kleinasien. Bonn, 1996. S. 139 ff. + Anm. 1230, 1238, 210 + Anm. 1924.

нов, округ Копди». Кроме всего прочего надпись показывает, что город, как и другие римские колонии в Малой Азии, был разделён на окрестности / округа (*vici*), как в Риме[114]. По мнению Д. Френча, высказанному в комментарии к этой надписи, под COPDY следует понимать сокращение и соответственно читать: vicus c(*lassis*) o(*rae*) P(*onti*) D(…) v(*eteranorum*) – «*округ ветеранов флота побережья Понта*».

Не так давно было опубликовано клеймо на черепице «*типично синопской глины*», найденное в Херсонесе Таврическом[115]. Оно было прочитано как: Κ(ολωνία) Οὐθατ(οέσσα) Ἰουλία, что, по мнению издателя, является греческим переводом латинского эпитета *Colonia Felix Iulia*, причём οὐθατοέσσα означает «*счастливая*», «*благодатная*», «*плодородная*». Первое, что бросается в глаза – что легенда стоит в именительном падеже, там где следовало бы ожидать родительный. Кроме того, редкое прилагательное эпитета – οὐθάτιος / οὐθατόεις, οὐθατοέσσα. Поиски в распространённых русских словарях, например, Дворецкого, ни к чему не привели, кроме того, что прилагательное, по всей вероятности является дериватом от существительного οὖθαρ (лат.: *uber*) – «*вымя*»[116]. Это положение подтверждают подробные немецкие словари греческого и латинского, предлагающие перевод этого прилагательного «*с полным выменем*» (mit vollem Euter), «*полной грудью*» (voller Brust) и, соответственно, прилагательное «*обильный*», «*полный*», как, например: *at quae pinguis humus dulcique uligine laeta,quique frequens herbis et fertilis ubere campus*, (*Vergil.* Georg. II.185) и лишь в переносном смысле в сочетании с χθών, γαία – «*почва, земля*» как «*плодородная*»[117] (fruchtbar). Тот же результат и в словаре Liddell, Scott, Jones, где значение «*плодородный*» (*fruitfull*) приводится лишь в качестве метафоры. Так, например, Гомер в Илиаде (IX.141; 283) пишет:

εἰ δέ κεν Ἄργος ἱκοίμεθ᾽ Ἀχαιϊκὸν οὖθαρ ἀρούρης
γαμβρός κέν μοι ἔοι τίσω δέ μιν ἶσον Ὀρέστῃ,
ὅς μοι τηλύγετος τρέφεται θαλίῃ ἔνι πολλῇ.
«*если же в Аргос придём мы, в ахейский край благодатный,*
Зятем его назову я и честью сравняю с Орестом

---

[114] *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 359, 369. О *vici* в Александрии в Троаде: CIL III. No 384; 386 = ILS No 1018; 2718 и Антиохии в Писидии: *Aedilicius*, *Cermalus*, *Patricium*, *Saklutarius*, *Tuscus*, *Velabrus*, *Venerius*: *Calder W.M.* Colonia Caesareia Antiocheia // JRS. 1912. Vol. 2. P. 101; *Magie D.* Op. cit. P. 1320 N. 32, P. 1335. N. 15. О, возможно, синопской трибе Ter(*etina*): *Speidel M.P., French D.H.* Bithynian troops in the Kingdom of the Bosporus // EA. 1985. Bd. 6. S. 99. О поселениях в округе Синопы в римский период: *Doonan O., Smart D.* Gerna Dere. Roman and Byzantine settlement in Sinop province, Turkey // Talanta. 2000–2001. Vol. 22–23. P. 22 f.; *Doonan O.P.* Sinop Landscapes. Exploring connections in a Black Sea hinterland. Philadelphia, 2004; *Ruscu L.* Two Pontic Notes // ZPE. 2005. Bd. 38. P. 125 f.

[115] *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 194 сл. Здесь мне хотелось бы поблагодарить С.Ю. Внукова, переславшего мне копию данной статьи.

[116] Alkiphron. III.37.1; Hdt. IV.2.7; Athen. IX.18(376a); 60(399c); XI.99(499c).

[117] Catull. 46; Caes. BC. I.53; Ovid. Metam. III.30; IV.87; 324; VI.342; VII.320; IX.104; 357; X.390; Vergil. Aen. I.530; III.94; 105; 163; 394; Georg. II.234; 275; 520; III.180 и т.д.

С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве» [118].

Перевод οὖθαρ ἀρούρης как «*край благодатный*» это лишь *licentia poetica*, в то время как, например, в немецкой передаче это место дано «*kehren wir heim nach Argos, der Mutterbrust griechischen Landes*», т.е. «*лоно земли*»[119]. В том же значении эта изоглосса употребляется и в Гомеровских гимнах (450)[120].

ἐσσυμένως δ' ἧϊξε κατ' Οὐλύμποιο καρήνων,

εἰς δ' ἄρα Ράριον ἶξε, φερέσβιον οὖθαρ ἀρούρης…

«(Повинуясь приказу Зевса, богиня) спешно слетела с вершин Олимпа

Достигнув затем Рарион – край плодоносный, лоно земли».

То, что это понималось именно так, подтверждают античные лексикографы[121], ссылающиеся большей частью на Гомера. Обычным прилагательным со значением «*счастливый*» было в греческом языке – «εὐδαίμων», означавшее собственно – «*покровительствуемый благим божеством*» и, соответственно – «*процветающий, преуспевающий, богатый*»[122], либо – εὐτυχής – «*счастливый*», «*преуспевающий*», «*успешный*»[123]. Аналогичные результаты дал поиск в TLG. Кроме того, известно прилагательное αὔξιμος (Wachstum befördernd) – «*способствующий росту*»[124]. Стоит также напомнить, что *felix* в качестве когномена Суллы является более объёмным по значению, чем просто «*счастливый*». Равно и эпитет «*счастливая*» в применении к колонии должен был скорее означать «*процветающая*» во всех отношениях, «*благословенная*», «*пользующаяся покровительством богов*» или во-всяком слу-

---

[118] Гомер. Илиада / Пер. Н. Гнедича. М., 1982.

[119] Homer. Werke in zwei Bänden. Übers. von D. Ebener. Bd. I. B.; Weimar, 1983. Ср.: Ant. Pal. III.10:5: στεῖχε δὲ καὶ σὺ λιπὼν Ἀσωπίδος ἀφνεὸν οὖθαρ γειναμένην ἄξων Λῆμνον ἐς ἠγαθέην.

[120] Homerische Hymnen. Griechisch und deutsch. Hrsg. von A. Weiher (Sammlung Tusculum). München; Zürich, 1989.

[121] Например: ὅταν δὲ λέγῃ "οὖθαρ ἀρούρης," | μεταφορικῶς λέγει τὸ κάρπιμον τῆς γῆς (Apoll. Soph. Lex. Homer. 124:7; Kratin. F 220: χαίρετε δαίμονες, οἳ Λεβάδειαν Βοιώτιον οὖθαρ ἀρούρης; Eustath. Comm. Ad Homer. Iliad. I.480:14; 481:15; 505:11; II.105:12; 680:2; 681:19, 22; 682:1; 767:1 f.; III.182:12; IV.579:1; Schol. In Homer. Iliad. II.681a; IX:141; Etymol. Magn. 640:20 (Kallierges); Schol. In Pindar. (scholia vetera) 4.14; Ariston. De signis Iliadis II ad 681; Hephaest. Gramm. Enchiridion de metris. 25:7; 40:21; Hesych. O 1603 f.; Ср.: ὦ πόλι φίλη Κέκροπος, αὐτοφυὲς Ἀττική, | χαῖρε λιπαρὸν δάπεδον, οὖθαρ ἀγαθῆς χθονός (Aristoph. CGF. F 13–14).

[122] Именно этот греческий эквивалент соответствовал латинскому *Felix* в качестве эпитета «*Счастливой Аравии*» (*Arabia Felix*) –Ἀραβία Εὐδαίμων: Diod. III.15. 1; 46.1; VI.1.4; XIX.94.6; Ptol. Geogr. VIII.29.22; Cass. Dio. LIII.29.3; Strabo I.2.32 (39) и т.д.

[123] Ср.: Ps.-Skymn. 323: εὐτυχεστάτη... πόλις; Herodian. De prosod. 3.1: Ἀλάβανδα Καρῶν εὐτυχεστάτη πόλις. Населённый пункт в родосской Перее назывался Εὐθηναί: Steph. Byz. 284 f.; Plin. NH. V.107(396); Mela I.84 (Euthana), т.е. "*расцвет*", "*избыток*". Ср. Hesych. 222.86: <εὐθηνῶν> καὶ εὐδαιμονῶν, πλουτῶν.

[124] *Weiss P.* Auxe Perge. Beobachtungen zu einem bemerkenswerten städtischen Dokument des späten 3. Jahrhundert n. Chr. // Chiron. 1991. Bd. 21. S. 353–392.

чае претендующая на это. Странно, что при распространённости прилагательных с таким значением в клейме была использована крайне редкая форма. Не исключено, что синопцы могли именовать свой город «*кормилица*», используя для этого эпическую метафору οὐθατοέσσα вместо общеизвестного εὐδαίμων, что, однако, маловероятно, если не исключено вовсе в официальном документе, коим являлось клеймо с титулом колонии. Эпитеты городов в римский период носили официальный характер[125]. Рассмотренный выше исторический контекст также делает маловероятным возможность подобного клеймения[126]. Если принять чтение С.Ю. Сапрыкина, то уникальность греческой легенды клейма становится очевидной. Монеты римской колонии в Синопе все без исключения содержат латинскую легенду. Правда, известны случаи с островов Липар и из Карр, где в колониальных чеканах наряду с латинской известна и греческая легенда[127], но это лишь маргинальные явления. Если предположить, что в случае с клеймом мы имеем дело не с сокращением названия колонии, а с личным латинским именем, то в сочетании OUOAT можно было бы расшифровать *Voat*, *Quoat*, *Uthat* или скорее *VOLT IOULIA*. В таком случае это могло быть сокращением номена: Οὐλτ(...), т.е. *Voltia*, *Voltinius*[128], *Voltianus*, *Voltietis*, *Volturnius* и т.д.[129] Известен греческий вариант: Ὀλτίσκος, Ὀλτίων ’Ολτίσκος ’Ολτίων[130]. При этом неусточивость в передаче О как Ου вполне обычна[131]. Если принять эту интерпретацию, то клеймо могло содержать личное имя: прономен, номен и когномен по обычной римской триаде, например: Κ(λαυδίου) Οὐλτ(ινίου) ’Ιουλιά(νου), скорее всего вольноотпущенника. Носители имени Юлий, например, могли получить гражданство от любого императора династии, ибо перегрину не обязательно было носить прономен и номен лица, даровавшего ему гражданство[132]. Просходит эта черепица из Синопы или нет, в данном случае вопрос вторичный. В первом случае это может быть свидетельством против мнения С.Ю. Сапрыкина[133] о государственном характере владения керамическими мастерскими в Синопе,

---

[125] *Galsterer-Kroll B.* Op. cit. S. 44–145.

[126] Неверно также отмечено, что легенда C(*olonia*) F(*elix*) I(*ulia*) вместо обычного позднее C(*olonia*) I(*ulia*) F(*elix*) присутствует в синопских монетах лишь до 27 г. до н.э.: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 195, на основании чего клеймо датируется 35–27 гг. до н.э., т.е. временем правления на Востоке Марка Антония. Аналогичная последовательность элементов легенды извесна ещё при Августе – рис. 7.

[127] *Head B.V.* Op. cit. P. 814; *Vittinghoff F.* Römische Kolonisation... S. 41.

[128] Об этом имени, восходящем к этрусско-оскому региону, см.: *Schulze W.* Geschichte lateinischer Eigennamen. B., 1904. S. 259 f. Производные от него: *Voltius*, *Volteius*, *Voltedius*, *Voltidius*, *Voltilius*, *Voltinius*.

[129] *Schulze W.* Op. cit. S. 30, 40 f., 43, 46, 131, 248, 252, 254, 259 f., 334, 337, 340, 381, 454, 540, 571 (далее: индекс S. 630).

[130] *Schulze W.* Op. cit. S. 40.

[131] См.: *Schulze W.* Op. cit. S. 259.

[132] *Holtheide B.* Römische Bürgerrechtpolitik und römische Neubürger in der Provinz Asia. Freiburg, 1983. S. 26.

[133] *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 196.

хотя сама практика клеймения указывает на контроль над керамическим производством. В качестве контрольной инстанции могли действовать эдилы[134]. Равно маловероятно, что греческая легенда в черепичном клейме появилась в связи с тем, что производство находилось в греческой части города, либо черепица была предназначена на экспорт в Северное Причерноморье. Последний тезис особенно модернисткий и выворачивает «*наизнанку*» все современные представления о назначении керамического клеймения. Необходимо отметить, что все клейма послеастиномного периода в Синопе следует разделять на греческие, в том числе и с римскими именами (рис. 2–4), и латинские (рис. 1, 3). Но едва ли подлежит сомнению, что они разновременны. Стоит отметить, что эти «*фабрикантские*» имена, за исключением, пожалуй, Сагария, вообще не характерны для ономастики Синопы классического и эллинистического времени[135].

Примечательно, что датировка по новой эре в Синопе отмечена как на монетах, так и в клеймах. В качестве подтверждения последнего тезиса могут быть приведены два аналогичных клейма на ручках, видимо, «*псевдокосских*» синопских амфор[136], найденных на городище «*Чайка*» около современной Евпатории (рис. 1)[137]. Легенда их читается: O.L.I (или P). S.S.P. AN.IIII. Если верхняя строка пока не поддаётся расшифровки, хотя по аналогии с амфорными клеймами римского времени там, скорее всего, стоит сокращение имени владельца мастерской по типу: (*ex*) O(*fficina*), или O(*pus doliare*)[138] L(*ucii* ?) I(....) или P(....), то в нижней стороке может быть сокращение типа: S(*aeculi*) S(*inopensis*). An(*no*) IV (*quartus*), либо как в монете времени Калигулы (рис. 8) с предлогом (*ab*) An(*no*) IV (*quartus*). В любом случае, 4-ый год новой эры Синопы соответствует 42 г. до н.э. Если это действительно так, то перед нами самый ранний документ, датируемый по новой «*колониальной*» эре Синопы. Интересные параллели прослеживаются на монетах «*колониального*» времени из Синопы, где на реверсе обычно присутствует сокращение C(*olonia*) I(*ulia*) F(*elix*) (*Sinopensis*)[139]. Ранние типы республиканского времени содержат голову

---

[134] Там же.

[135] Вероятно, сюда же относится и фабрикант Афастий: *Федосеев Н.Ф.* О синопском клейме Афастия // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. № 1. С. 379–381.

[136] Об этом типе амфор, относимых предположительно к продукции римской колонии в Синопе, см.: *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология). М., 2003. С. 140–147; *он же.* Причерноморские амфоры. М., 2003. Часть II. С. 140, 186.

[137] Клейма хранятся в фондах Евпаторийского краеведческого музея и имеют полевые номера: Ч-73/2982; Ч-74/224. Не исключено, что оба клейма принадлежали одному и тому же сосуду. Они были зафиксированы мною летом 1985 г. и коротко упомянуты в рецензии на книгу: *Leschhorn W.* Antike Ären. Stuttgart 1993 // Klio. 1996. Bd. 77. S. 263.

[138] См., например: *Cagnat R.* Cours d'épigraphie latine. P., 1914. P. 448; *Cohen H., Egbert J.C., Cagnat R.* Latin Epigraphy II. The Coin-Inscriptions and Epigraphical Abbreviations of Imperial Rome. Chicago, 1982. P. XLIII.

[139] WBR. P. 208. No 73a; *Head B.V.* Op. cit. P. 509.

Цереры на аверсе и месяцеподобный объект (лучеобразную диадему?), плуг и имена дуовиров на реверсе, либо с головой быка на аверсе и черпаком на реверсе[140]. В имперский период с правления Августа до Галлиена в надписе обычны: C.I.F.; C.I.F.S.; C.I.F. SINOPE; EX D.D. (*decurionum decreto*)[141]. На аверсе присутствует голова императора, в то время как на реверсе: пашущий колонист, гений Синопы, стоящий Серапис, Зевс – Серапис возлегающий, Аполлон в храме, Немезида, Дионис, Диоскуры с лошадьми, рыба, человеческая нога, увенчанная головой быка, архаическая статуя и голова и т.д. (рис. 8–9). Дата в клеймах и на монетах указана в сокращении AN (рис. 1), что соответствует греческому (τοὺς) ἔτους[142]. То, что в клеймах отсутствует обычное для монет указание на *Colonia Iulia Felix Sinopensis*[143], может быть связано с ранним периодом существования римской колонии в полисе, когда система маркировки продукции ещё не установилась, либо последняя обладала собственными особенностями, когда вместо лаконичного сокращения AN(nno) в клейме приводилась более развёрнутая легенда, например, s(*aeculo*)[144] S(*inopensis*) (*colonia*) i(*nstituta*), p(*osita*) или скорее i(*nducta*); i(*llata*) an(*nno*) IV. При этом *saeculo* – это *ablativus limitationis*, *anno – ablativus temporis*, а *colonia instituta* или подобное – *ablativus absolutus*. Другим возможным, хотя и менее вероятным вариантом можно считать: *seculi Sinopensis coloniae impositae* «*синопского летоисчисления выведенной колонии*». Таким образом, сокращения следует понимать: «*в четвёртый год от летоисчисления Синопы, после учреждения колонии*». Хотя обычным глаголом для выведения колонии в латинском был *deducere,* в данном случае колония была выведена в уже существующее поселение, для чего вполне подходили глаголы *inducere*, *inferre* или более нейтральные «*учреждать*», «*основывать*» – «*constituere*», «*instituere*»[145]. Разумеется, что данное предположение весьма шатко и пока не подкрепляется другими эпиграфическими материалами. Поэтому оно может служить лишь рабочей гипотезой.

Немногие данные по экономике полиса даёт его экспорт в различные районы Причерноморья. Прежде всего, это амфоры и их фрагменты[146]. Примечательно, что все известные мне клейма римского времени – латинские. Во-первых, это единичное керамическое клеймо

---

[140] *Imhoof-Blümer F.* Kleinasiatische Münzen. Wien, 1901. S. 7. No 4–5.

[141] В надписях: CIL. III. No 240 = No 6981.

[142] *Head B.V.* Op. cit. P. 509.

[143] Я не исключаю, что в клейме SINOΠI Рис. 5 стоит этникон города, хотя возможно и личное имя Синопий, известное в клеймах эллинистического времени: Ср.: *Граков Б.Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928. С. 118, 129. В последнем случае греческое имя может быть аргументом в пользу помещения (части?) керамического производства римского времени в греческую часть города.

[144] Ср.: ἔτους τῆς Κολωνίας. IGUR. IV. No 991 f.

[145] Ср.: „*Ubi enim cavetur ne in Ianiculo coloniam constituatis, ne urbem hanc urbe alia premere atque urgere possitis*?“: Cic. De leg. agr. I.16.

[146] См.: *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры. Часть II… С. 229 слл.

из Тиры с гибридным греко-латинским этниконом полиса Sinope(*nsis*?)[147], во-вторых, упомянутые выше два клейма с «Чайки». В-третьих, редкие энглифические клейма с именем Новия на горле или рельефные на ручке[148]. Если верен обоснованный выше тезис о двучастном делении города на греческую и римскую общины, то этот факт может служить указанием на то, что амфорное производство в этот период осуществлялось в его римской части[149].

Римские колонии на Востоке во всё время своего существования оставались лишь «*инородными*» островками в мире господствующих там языков, прежде всего греческого. Уже во времена Флавиев греческий язык постепенно проникает в надписи, прежде всего частного характера, оставляя за латынью область официальных документов. Дольше всего язык удерживается в ветеранских колониях и местах размещения римских войск[150], что характерно для понтийского региона времени парфянских войн Нерона и Антонинов. Известные на сегодняшний день латинские надписи не выходят за II в. н.э. Окончательное исчезновение римских колоний относится, очевидно, к III в. н.э. Во всяком случае, в правление Константина Великого на Востоке они более не известны[151], хотя их нивелировка и смешение жителей с местным населением произошли значительно раньше.

N.V. Jefremov

COLONIA IULIA FELIX SINOPENSIS

Der Artikel behandelt Geschichte der römischen Kolonie in Sinope, die 45 v. Chr. von Julius Caesar gegründet wurde. Die Einrichtung der Kolonie in der griechischen Polis evozierte deren Teilung in zwei Gemeinden: eine griechische und eine römische mit jeweils eigenen Machtinstitutionen. Dabei wurden Griechen aus der Zahl der *cives* und folglich deren der *ordo decurionum* ausgeschlossen (Strab. XII. 3, 11 (546)). Zur Anfangsphase der Kolonie gehört offensichtlich ein Amphorenstempel mit der Legende: O.L.I (oder P). S.S.P. AN.IIII, die vermutlich folgenderweise entziffert werden kann: L(*ucii* ?) I(….) oder P(….), s(*aeculo*) S(*inopensis*) (*colonia*) i(*nducta*) или i(*llata*) an(*nno*) IV. «*im vierten Jahr nach der Zeitrechnung Sinopes seit der Gründung der Kolonie*».

147 *Штаерман Е.М.* Керамические клейма из Тиры (в связи с вопросом о клеймах неизвестных центров) // КСИИМК. 1951. С. 37 Рис. 4, 90. См. прим. 143.

148 *Штаерман Е.М.* Керамические… С. 37 Рис. 4, 88, 89.

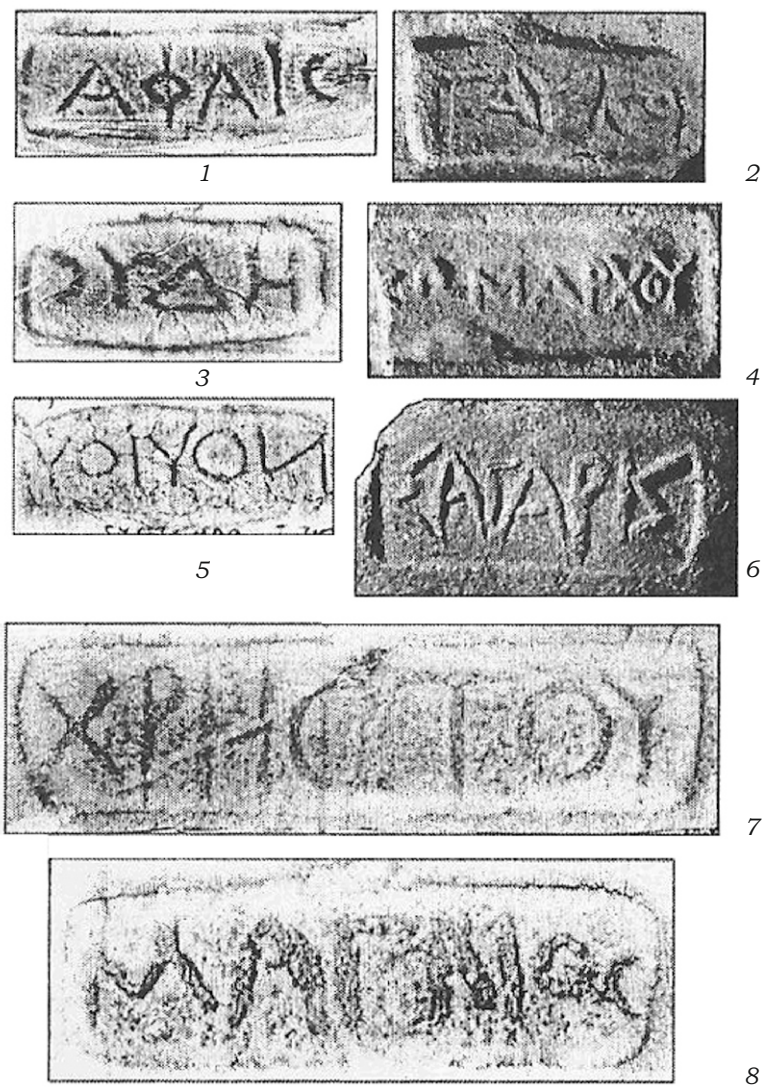
149 Ср.: *Внуков С.Ю.* Причерноморские амфоры. Часть. II… С. 140. См., однако, прим. 143.

150 *Levick B.* Op. cit. P. 101, 133 f., 144.

151 *Marquardt J.* Op. cit. S. 457.

а *б* *в*

Рис. 1. Клейма на ручках амфор с городища «Чайка» у Евпатории (ЕКМ)



1 *2* *3* *4* *5* *6* *7* *8*

Рис. 2. Позднесинопские «фабрикантские» клейма (по В.И. Кацу)

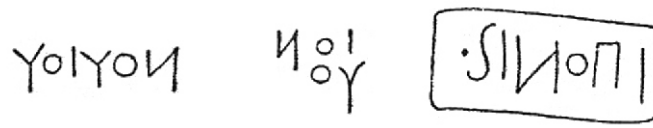


Рис. 3. Клейма из Тиры (по Е.И. Штаерман)

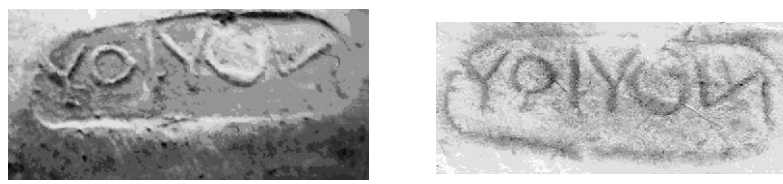


Рис. 4. Латинское клеймо на ручке амфоры (музей МГУ). Noviou

Рис. 5. Август (28–27 г. до н.э.).
Бронза. Ав.: женская голова вправо:
C F I SI AN XIX;
Рев.: плуг вправо: EX D D
в пальмовом венке. RPC I. № 2112

Рис. 6. Бронзовая монета Гая Августа и
Луция Цезаря (11–10 г. до н.э.)
Ав.: голова Августа в право:
C I [F] AN XXXVI;
Рев.: бюсты Гая и Луция
EX [.] D D. RPC I. № 2118

Рис. 7. Август (25–24 г. до н.э.).
Бронза. Ав.: бородатая голова
вправо: C I F AN XXII.
Рев.: Рог изобилия на глобусе:
EX D D. RPC I. № 2114

Рис. 8. Калигула (37–41 гг. н.э.). Бронза. Ав.: Бородатая голова вправо: C CAE AVG GER EX D D. Рев.: Два пашущих колониста: C I F AB LXXXIII. RPC II. № 2129

Рис. 9. Домициан (72–73 г. н.э.). Бронза. Ав. Голова императора вправо в лавровом венке: DOMITIANVS CAESAR AVG F COS IIII; Рев.: женская фигура с рогом изобилия, облокотившаяся на колонну: CIF AN CXIIX. RPC II. № 715

Рис. 10. Гета (207–208 г. н.э.). Бронза. Ав.: Голова императора вправо: P SEPTI GETAS C; Рев.: Император топчет конём поверженного врага: CIF SINOP AN N CCLII. Неопубликована

А.П. Медведев

О НАЧАЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ (по материалам раскопок 2005–2007 гг.)

Некрополь античной Фанагории изучался раскопками с начала XIX в. Естественно, ученых в первую очередь интересовали его курганы. Лишь с середины XIX в. наступает время раскопок его обширного грунтового некрополя. История его исследований освещалась неоднократно[1]. За более чем полтора столетия раскопок в нем открыто свыше тысячи погребений. Однако до сих пор издания его материалов крайне немногочисленны и выборочны. Целью статьи является публикация результатов наших раскопок в Восточном некрополе античной Фанагории в 2005–2007 гг., проливающих свет на начало функционирования этого «города мертвых».

Как показали раскопки, до возникновения некрополя здесь располагались сооружения непогребального характера (рис. 1). В восточной части раскопа 2005 г. открыты две постройки и четыре хозяйственные ямы.

Постройка 1 (рис. 2а). Находилась в юго-восточной части раскопа. Верхняя часть заполнения котлована постройки была зафиксирована на уровне 0,6 м от «0». Она имела трапециевидную в плане форму со сторонами разной длины: южной 2,75 м, северной 2,15 м, западной 2,35 м, восточной 1,45 м. Заполнение жилища отличалось сероватым цветом от грунта, в который был углублен его котлован. Пол залегал на глубине -0,85 – 1,01 м от «0». В северо-западной части постройки обнаружена хозяйственная яма 1. В восточной части жилища расчищены остатки глинобитной печи. Судя по остаткам пода, печь имела размеры 0,45 х 0,75 м. С юга к печи примыкал большой камень-известняк. На полу в центральной части сооружения расчищены нижние части обожженных сырцовых кирпичей, поставленных вертикально, а рядом с ними – ручка чернолакового килика. В юго-западном углу обнаружен неполный развал амфоры. У северной стенки постройки найдена перевернутая красноглиняная кружка, заполненная камешками (рис. 3 – *1*). Аналогичная кружка, заполненная мелкой галькой и золой, перевернутая верх дном, найдена в насыпи кургана эллинистического времени могильника «Виноградный 7»[2].

---

[1] *Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–10; *Ворошилова О.М.* История исследований некрополя Фанагории // ПИФК. 2010. Вып. 3 (29). С. 37–54; *Тункина И.В.* История изучения // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. 1. С. 20–128; *Застрожнова Е.Г.* История археологического изучения Фанагории (конец XVIII в. – 1940 г.). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб., 2013.

[2] *Марченко И.И., Бочковой В.В. и др.* Раскопки могильника «Виноградный-7» на Тамани в 2005–2006 гг. // МИАК. 2007. Вып. 7. С. 168. Рис. 22, *7*.

Обычай ставить в могилы перевернутые вверх дном сосуды исследователи связывают с хтоническими культами. Вторая светлоглиняная кружка, заполненная землей и также перевернутая, найдена в углублении пола у северной стенки печи (рис. 3 – *2*). К югу от южного края постройки сохранились остатки каменой стенки в один ряд, причем, в кладке была использована старая зернотерка.

На полу постройки найдены фрагменты амфор Гераклеи (рис. 3 – *10*) и Менды (рис. 3 – *11*), обломки амфорных ручек неопределенных центров (6 экз.), фрагмент ножки и 188 фрагментов амфорных стенок, а также ручка аттического чернолакового килика V в. до н.э. (рис. 3 – *8*), закраина чернолаковой мисочки и другая керамика местного производства (рис. 3 – *3–7, 9*)*. Помимо нее в заполнении ямы встречены обломки черепицы и створки раковин мидий.

Обнаруженная в полу постройки яма 1 имела правильную круглую в плане форму диаметром 1,2 м. Ко дну ее стенки заметно расширялись, от чего в основании она имела диаметр 1,5 м. Дно ямы зафиксировано на 0,7 м ниже уровня пола постройки. Ее заполнение – темно-серая, заметно гумусированная супесь с включениями золы, углей, кусков печины и камней (известняк). В заполнении встречен фрагментированный болсал с оттиском штампа в виде четырехлепестковой розетки начала IV в. до н.э. (рис. 4 – *1*), фрагменты чернолакового килика и чернолаковой мисочки, нижняя часть небольшого краснолакового лекифа (рис. 4 – *2*), фрагменты венцов хиосских колпачковых амфор середины IV в. до н.э. (рис. 4 – *8*), ножка хиосской пухлогорлой амфоры 1-ой половины V в. до н.э. (рис. 4 – *9*), два венца пухлогорлых хиосских амфор 2-ой четверти V в. до н.э. (рис. 4 – *10*), венец хиосской прямогорлой амфоры 2-ой половины V в. до н.э. (рис. 4 – *11*), венец амфоры с раздутым горлом 2-ой половины V в. до н.э. (рис. 4 – 1*2*), ножка лесбосской красноглиняной амфоры 1-ой половины V в. до н.э. (рис. 4 – *13*), 12 фрагментов ручек, 58 фрагментов амфорных стенок, а также красноглиняная и светлоглиняная посуда местного производства (рис. 4 – *3–7*). Помимо керамики в заполнении ямы попадались невыразительные фрагменты лепных сосудов, кости животных и значительное число створок мидий (48 экз.).

Постройка 1 и яма 1 содержали находки V–IV вв. до н.э. При этом материал из ямы, кажется, несколько старше материала из заполнения нижней части постройки, не выходящей за пределы IV в. до н.э. Скорее всего, яма датируется более ранним временем. Она могла использоваться в V в. до н.э. еще до сооружения постройки.

Судя по наличию глинобитной печи, исследованная постройка носила жилой характер. Возможно, с прекращением ее использования в качестве жилища связаны находки двух намеренно перевернутых вверх дном кубков.

Постройка 2 (рис. 2б). Обнаружена в 7 м к северу от постройки 1. Она имела квадратную в плане форму. Размеры ее сторон: южной

*Здесь и ниже все определения керамического материала выполнены в поле проф. С.Ю. Монаховым.

3,4 м, западной 3,25 м, северной 3,1 м, восточной 3,55 м. Пол жилища залегал на уровне -2,93 – 3,05 м от «0». Вдоль восточной стенки расчищены три столбовые ямки. Они были углублены на 0,32 – 0,4 м ниже уровня пола. Четвертая небольшая ямка находилась в 0,75 м к северу от южной стенки. На полу постройки в 1 м к западу от восточной стенки лежал плоский белый камень-известняк. У северной стенки открыты остатки очага в виде прокаленного грунта толщиной до 0,25 м, а за этой стенкой расчищена хозяйственная яма 3, явно связанная с этим жилищем. Заполнение постройки – темно-серая супесь. В ней встречались фрагменты керамики: венец хиосской амфоры позднепухлогорлого типа (рис. 5 – *1*), венцы хиосских прямогорлых амфор 3-ей четверти V в. до н.э. (рис. 5 – *2, 3*), фрагменты ножек хиосских колпачковой и протоколпачковой амфор (рис. 5 – *8, 13*), фрагменты венцов синопской (рис. 5 – *4*) и фасосской амфор (рис. 5 – *5*) с верхним прилепом, ножки мендейских амфор 1–3-ей четвертей IV в. до н.э. (рис. 5 – *9, 11*), венец амфоры типа Солоха I (рис. 5 – *6*), венец (рис. 5 – *7*) и ножка (рис. 5 – *12*) гераклейских амфор, а также фрагмент ножки амфоры неопределенного средиземноморского центра (рис. 5 – *10*). Помимо фрагментов амфорной тары в заполнении постройки попадались обломки красноглиняной и светлоглиняной столовой и кухонной посуды местного производства (рис. 5 – *14–21*), а также фрагмент светильника (рис. 5 – *22*). Постройка содержала керамический материал от 3-ей четверти V до 3-ей четверти IV в. до н.э.

Как уже указывалось, с этой постройкой, скорее всего, связана яма 3. Она обнаружена непосредственно к северу от нее. Яма имела подквадратную в плане форму размерами 1,25 х 1,45 м. Дно обозначилось на уровне -3,89 м от «0». Заполнение ямы – темно-серая сильно гумусированная супесь, чередующаяся с прослойками золы, углей, прокаленной до оранжевого цвета почвы. В верхней части заполнение ямы идентично заполнению котлована постройки 2. Оно забито керамикой и обломками черепиц. Среди керамической коллекции преобладали фрагменты амфор: верх хиосской пухлогорлой амфоры развитого варианта (рис. 6 – *1*), горло (рис. 6 – *4*) и ножка (рис. 6 – *5*) пухлогорлых амфор того же типа, ножка прямогорлой хиосской амфоры (рис. 6 – *6*), горло протофасосской амфоры с двумя верхним прилепами (рис. 6 – *2*), верх фасосской амфоры 1-ой половины V в. (рис. 6 – *3*). Чернолаковая керамика представлена ножкой аттического килика V в. (рис. 6 – *13*), а также фрагментом килика начала IV в. до н.э. (рис. 6 – *14*). Серию привозной посуды дополняет закраина лутерия из Синопы (рис. 6 – *10*). Посуда местного производства включала фрагменты красноглиняных мисок (рис. 6 – *7–9*), чашечку с горизонтальной ручкой (рис. 6 – *11*), дно небольшого кувшина (рис. 6 – *12*), а также венец лепного слабопрофилированного горшка (рис. 6 – *15*).

По набору амфорной тары и чернолаковой посуды керамический комплекс из ямы 3 следует датировать временем от 2-ой четверти V до начала IV в. до н.э. По времени он в целом совпадает с керамикой из заполнения постройки 2, что позволяет их синхронизировать.

Хозяйственные ямы № 2 и № 4 не были связаны с какими-либо постройками. По типам амфорной тары их следует датировать в пределах 2-ой четверти V – начала IV в. до н.э.

Помимо жилых и хозяйственных комплексов в южной части бровки 6 у края раскопа встречено скопление амфор: две синопские, две херсонесские и одна средиземноморская. Комплекс амфор датируется в целом IV в. до н.э. Он также относится ко времени до начала использования этого участка в качестве некрополя.

Раскопки 2005 г. показали, что в V–IV вв. до н.э. на месте будущего «города мертвых» еще кипела жизнь – располагались жилые и хозяйственные сооружения. Судя по стратиграфии, характеру и глубине залегания непогребальных комплексов, они возникли еще до того времени, как водораздельное плато между берегом Таманского залива и южной балкой стало использоваться в качестве некрополя. В V–IV вв. до н.э. здесь располагались какие-то бытовые объекты классической эпохи. По аналогии с упомянутым «отцом истории» предградьем Ольвии (Hdt. IV.78.3), они также могли составлять небольшое фанагорийское предместье классической эпохи. Оно находилось рядом с дорогой, ведущей из Фанагории в Кепы примерно в 1,5 км к востоку от столицы Азиатского Боспора. По-видимому, раньше, в позднеархаическую и классическую эпоху, фанагорийский некрополь имел более скромные масштабы и располагался непосредственно к западу[3] и к югу от города[4].

Первые захоронения на участке, где открыты вышеописанные бытовые комплексы, появляются не ранее рубежа IV–III вв. до н.э., когда постройки были уже заброшены. Рассмотрим самые ранние захоронения в восточной части некрополя.

Погребение 19 (рис. 7). Открыто в юго-восточной части раскопа, в 26,5 м к югу от северного края раскопа. Здесь в восточном борту бровки 7 на глубине -0,9 м от «0» обнаружено бронзовое зеркало. Поэтому часть бровки над погребением была разобрана и расчищена вручную. Оно было совершено в могиле правильной прямоугольной формы, ориентированной длинными сторонами по линии ЮЮЗ – ССВ. Могила чуть расширялась в южной части к изголовью. Ее длина 2 м, ширина южной стенки 0,7 м, северной около 0,6 м. Дно могилы ровное, залегало на уровне -1,06 м от «0». Ее заполнение – плотная серая супесь. Вдоль западной стенки могилы в ее южной половине зафиксирована сырцовая кладка в два ряда, скорее всего, от заклада (рис. 7 – а, *б*). На дне могилы лежал скелет женщины в возрасте 30–39 лет**, положенной на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ. От верхней части скелета частично уцелели фрагменты черепной крышки и кости правой руки. Нижняя часть скелета сохранилась лучше за исключени-

[3] *Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 212–214.

[4] *Кузнецов В.Д.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. I. С. 443.

**Здесь и ниже возраст и пол погребенных определен д.и.н. М.В. Добровольской.

ем левой берцовой кости. В изголовье погребенной стояла акварельная пелика (рис. 7 – а, *1*). В северо-западном углу могилы в ногах погребенной обнаружена красноглиняная лекана, закрытая крышкой (рис. 7 – а, *2*). В ней найдена целая скорлупа от куриного яйца (рис. 7 – а, *5*). За леканой найдена красноглиняная солонка (рис. 7 – а, *3*) и вышеупомянутое бронзовое зеркало (рис. 7 – а, *4*).

Сопровождающий инвентарь:

1. Акварельная пелика (рис. 7 – *1*). Изготовлена из глины, которая при обжиге приобрела желто-розовую окраску. Край венчика сильно отогнут и опущен вниз, дно имеет высокий поддон. Одна сторона тулова окрашена в черный цвет, рисунок здесь неразличим. На другой стороне коричневатой краской нанесен сложный геометрический рисунок, состоящий из овалов и волют, скорее всего, изображение усатого насекомого с раздвоенным хвостом, закрученным в волюты. Вероятно, это знак скарабея. Высота сосуда 27,5 см, максимальный диаметр тулова 15,5 см, диаметр венчика 13 см, диаметр дна 9,5 см. Сосуд принадлежит к группе местных фанагорийских пелик эллинистической эпохи[5]. Недавно две пелики с точно такой же росписью найдены в окрестностях Фанагории в одном из погребений курганного некрополя Виноградное 7[6]. Авторы публикации датируют этот тип сосудов первой половиной III в. до н.э.

2. Красноглиняная лекана (рис. 7 – *2*). Изготовлена из фанагорийской глины, получившей при обжиге темно-оранжевую окраску. По форме напоминает глубокую миску с округлыми боками. Край венчика леканы снаружи образует выступ для крышки. Ручки петельчатые, в сечении овальные. Одна из горизонтальных ручек сохранилась частично. Лекана имеет хорошо выраженный поддон. Высота сосуда 7 см, диаметр венчика 17,8 см, диаметр дна 7,2 см. Крышка леканы изготовлена из той же глины, что и лекана. Ее высота 4,3 см, диаметр венчика 19,1 см, диаметр ручки 5,2 см. Лекана относится к типу местной фанагорийской керамики раннеэллинистической эпохи[7].

3. Красноглиняная солонка (рис. 7 – *3*). Изготовлена из той же глины, что и лекана. Край солонки плавно загнут внутрь, дно имеет невысокий поддон. Высота солонки 3 см, диаметр венчика 6,7 см, максимальный диаметр 7,2 см, диаметр дна 3,5 см. Такие солонки часто встречаются в фанагорийских погребениях эллинистического времени.

4. Бронзовое зеркало (рис. 7 – *4*). Имеет тонкий диск, края которого загнуты на оборотную сторону под тупым углом к плоскости. Его диаметр 12,5 см. Ни ручки, ни следов ее крепления на зеркале не сохранилось. По основным диагностическим признакам оно принадлежит односоставным зеркалам без ручки с бортиком, но без орнамен-

---

[5] *Марченко И.Д.* Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. № 57. С. 110. Рис. 2, *б*.

[6] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 49. Рис. II, *1*.

[7] Там же. С. 51.

тации I класса III отдела I вида классификации Е.М. Кузнецовой[8]. В памятниках Скифии IV в. до н.э. такие зеркала пока не обнаружены, зато они хорошо известны в более восточных районах, занятых савроматской и раннесарматской культурой. М.Г. Мошкова датировала подобные зеркала (отдел II тип 1) III–II вв. до н.э.[9] По классификации А.М. Скрипкина это зеркало с бортиком по краю диска 3 отдела типа 3.0[10]. По его наблюдениям, подобные «савроматские» зеркала встречаются с V в. до н.э., но более характерны для раннесарматской культуры эллинистической эпохи, хотя и доживают до раннеримского времени[11]. И.И. Марченко отнес такие зеркала к типу 1 варианту 2 и датировал их в пределах второй половины IV–II вв. до н.э.[12] Зеркало с тонким диском и вертикальным бортиком известно по более ранним раскопкам Фанагорийского некрополя[13].

5. Яичная скорлупа внутри леканы (рис. 7 – а, *3*). Подобные атрибуты погребений известны в некрополях античных городов, в том числе Фанагории. Неоднократные находки яичной скорлупы в фанагорийских леканах может быть действительно свидетельствуют о том, что они служили атрибутом посвящения в мистерии[14].

Набор керамики и, прежде всего, акварельная пелика позволяют датировать погребение эпохой раннего эллинизма, скорее всего, первой половиной III в. до н.э. Этому не противоречит современная датировка бронзовых зеркал с отогнутым краем, которые чаще всего встречаются не в скифских, а в раннесарматских погребениях.

Погребение 22 (рис. 8). Обнаружено в восточной половине раскопа в 17 м к югу от его северного края. При зачистке материка на уровне -1,54–1,70 м обозначилось могильное пятно. Погребение было совершено в грунтовой яме прямоугольной формы со скругленными углами, ориентированной длинными сторонами по линии С–Ю. Ее размеры 0,7 х 2,15 м, глубина -1,77 от «0». Заполнение – буро-серая супесь. На дне могилы лежал скелет погребенного мужчины 30–35 лет на спине, вытянуто, головой на Ю. Правая рука согнута в локте, ее кисть находилась под тазовыми костями, левая – прямая. Кости ног слегка согнуты в коленях и завалились направо. Слева от черепа погребенного стоял развал красноглиняного кувшина (рис. 8 – а, *1*), а в юго-восточном углу могилы лежал унгвентарий (рис. 8 – а, *2*).

Сопровождающий инвентарь:

1. Красноглиняный кувшин (рис. 8 – *1*). Большая часть его горла не сохранилась. Сосуд имеет округлое тулово на высоком поддоне,

---

[8] *Кузнецова Т.М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. М, 2010. Т. II. С. 243–244. Табл. 122.

[9] *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10. Табл. 27, *12–13*.

[10] *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 94. Рис. 34, *24–2*.

[11] Там же. С. 143–144. Рис. 33.

[12] *Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 15–16. Табл. 2.

[13] *Марченко И.Д.* Раскопки Восточного некрополя… С. 111.

[14] *Сударев Н.И.* Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. II. С. 451.

плавно переходящее в широкое горло. К тулову и горлу крепится массивная ручка. Максимальный диаметр тулова 15,8 см, диаметр дна 9 см, сосуд сохранился на высоту 18,8 см. Судя по форме и глине, кувшин принадлежит одному из типов местной фанагорийской посуды эллинистического времени.

2. Унгвентарий (рис. 8 – *2*). Изготовлен из красно-коричневой глины. Тулово раздутое, ножка выделена, но довольно короткая, у дна имеются выраженные закраины. Снаружи флакон покрыт коричневатым лощением. Он орнаментирован чередующимися горизонтальными полосами бурого лака и белой краски. На плечиках унгвентария имеются два дуговидных налепа от ложных ручек. Его высота 16,4 см, диаметр венчика 3,3 см, максимальный диаметр тулова 8,1 см, диаметр дна 2,8 см. По таким признакам, как сильно раздутое тулово, покрытое орнаментом из горизонтальных полос, данный унгвентарий принадлежит типу II. Однако на его тулове есть ложные ручки, характерные для более раннего I типа флаконов классификации М.Б. Паровича-Пешикан[15]. И.И. Марченко выделил подобные флаконы из сарматских погребений Кубани в тип 1[16].

По типу унгвентария погребение следует датировать рубежом IV–III вв. до н.э. или самым началом III в. до н.э.[17] Один из ранних унгвентариев этого типа с росписью тулова в виде поясков красной краски встречен в склепе кургана IV Аккайского (Белогорского) могильника в Крыму, использовавшегося в последней четверти IV и в первые десятилетия III в. до н.э.[18] В Елизаветовском могильнике подобный унгвентарий также известен в комплексе конца IV – начала III в. до н.э.[19] Еще один унгвентарий этого типа недавно найден на том же городище в составе закрытого комплекса первой трети III в. до н.э. (помещение 96а)[20].

Погребение 23 (рис. 9). Обнаружено в 25 м к югу от северного края раскопа. При зачистке материка на уровне -1,37 – 1,52 м обозначилось могильное пятно. Погребение совершено в грунтовой яме прямоугольной формы со скругленными углами, ориентированной длинными сторонами по линии ЗСЗ – ВЮВ. Ее размеры 0,65 х 1,77 м, глубина -1,45 – 1,56 от «0». Заполнение – серая супесь. На дне лежал скелет погребенной женщины 25–29 лет на спине, вытянуто, головой на ВЮВ. За исключением черепа, сохранность костей удовлетвори-

---

[15] *Паровичъ-Пешикан М.Б.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 109–110. Рис. 93, *6*.

[16] *Марченко И.И.* Сираки Кубани… С. 41–42.

[17] *Thompson H.A.* Two centuries of Hellenistic pottery // Hesperia. 1934. Vol. 3. P. 335. Fig. 15; *Паровичъ-Пешикан М.Б.* Указ.соч. С. 110.

[18] *Колтухов С.Г.* Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // ДБ. 2006. Т. 9. С. 239. Рис. 17, *6*.

[19] *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 139. Кат. 226.

[20] *Копылов В.П., Коваленко А.Н. и др.* Работы на Елизаветовском городище в 2009–2010 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2012. С. 118. Рис. 4, *3*.

тельная. Череп слегка завалился на правую сторону. Кисти рук плотно прижаты к тазовым костям. Ноги чуть согнуты в коленях и завалились налево. Под костями черепа, слева найдены фрагментированные золотые серьги (рис. 9 – а, *1*). У локтя правой руки лежали две бусины (рис. 9 – а, *2–3*). На правой стороне груди находился унгвентарий (рис. 9 – а, *4*). На бедренной кости правой ноги лежал на боку красноглиняный кувшин (рис. 9 – а, *6*), а чуть ниже канфар (рис. 9 – а, *7*). На тазовых костях справа найден железный нож (рис. 9 – а, *8*), а в юго-западной части могилы – железный гвоздь от гроба (рис. 9 – а, *5*).

Сопровождающий инвентарь:

1. Серьги (рис. 9 – *1*). Обе сильно фрагментированы. Изготовлены из медной проволоки, на которую намотана тонкая золотая фольга. Серьги завершаются полыми головками львов, оттиснутыми из тонкой золотой пластинки по твердой модели. Голову льва от шеи отделяет кольцо из напаянной гладкой золотой проволоки. Сверху на шее имеется орнамент в виде полуов из припаянной тончайшей проволоки. Диаметр лучше сохранившейся серьги до 2,5 см. Подобные львиноголовые серьги известны по находкам в античных городах Северного Причерноморья[21], в том числе в погребении III в. до н.э. из некрополя Фанагории[22]. Близкую аналогию им составляют серьги из знаменитого пристенного склепа в Херсонесе, раскопанного К.К. Костюшко-Валюжиничем в 1899 г.[23] М. Пфроммер датировал такие украшения серединой III в. до н.э. Однако недавно Е.Я. Рогов привел аргументы в пользу их более ранней даты в пределах 300–280 гг. до н.э.[24] К тому же типу относятся серьги из богатого женского скифского погребения у с. Глиное близ г. Тирасполя[25], найденные вместе с синопской амфорой, не выходящей за пределы III в. до н.э. Более грубые львиноголовые серьги происходят из погребения 262 Танаиса, датируемого 220–180 гг. до н. э.[26] и Херсонеса (могила 1016/1900)[27]. Находки подобных украшений известны в раннесарматских[28] и позднескифских[29] погребениях.

---

[21] *Шевченко Н.Ф.* Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. // МИАК. 2004. Вып. 4. С. 188. Рис. 2, *2*.

[22] *Шавырина Т.Г.* Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. № 174. С. 71–72. Рис. 1 справа.

[23] *Костюшко-Валюжинич К.К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // ОАК за 1899. СПб., 1901. С. 22–23. Рис. 10; *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 г. // ХС. 1926. Вып. 1. С. 22.

[24] *Рогов Е.Я.* Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // БФ. 2002. Ч. 1. С. 32.

[25] *Яровой Е.В.* Мистика древних курганов. М., 2005. Рис. на с. 324.

[26] *Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 81. Табл. XXX, *4*.

[27] *Стоянов Р.В.* Новый тип погребальных венков из некрополя Херсонеса Таврического // АМА. 2002. Вып. 11. С. 192, 194.

[28] *Мамонтов В.И.* Материалы курганного могильника Химкомбинат, Группа «Б» // НАВ. 2000. Вып. 3; *Глебов В.П., Парусимов И.Н.* Раннесарматские погребения из кургана у хутора Холодный // НАВ. 2003. Вып. 5. С. 263–271; *Медведев А.П., Ковалевский В.Н.* Раннесарматское погребение у хут. Луговой

2. Бусы (рис. 9 – *2–3*). Представлены двумя экземплярами:

– фрагментированная цилиндрическая пронизь глухого черного стекла с фестонообразным перистым орнаментом желтого цвета (рис. 9 – *2*). По классификации Е.М. Алексеевой относится к типу 271б[30]. Перистые бусы появляются в IV в. до н.э., часто встречаются в эллинистическое время, но используются и позже. Отметим, что данный экземпляр, скорее всего, принадлежит к ранним бусам этой серии, так как, орнаментирующие нити хорошо втерты в ядро[31].

– бусина-подвеска из прозрачного мутно-желтого стекла в виде стилизованной амфорки или кегля (рис. 9 – *3*). В своде Е.М. Алексеевой такую форму имеют бусы типа 193д. Они встречены в комплексах от IV–III вв. до н.э. до I в. н.э. включительно[32]. Подобные подвески встречены в раннесарматских погребениях II Бережновского могильника[33].

3. Унгвентарий (рис. 9 – *4*). Изготовлен из красной глины, поверхность покрыта серым лощением и горизонтальными полосами бурого лака, чередующимися с полосами белой краски. Высота унгвентария 13,8 см, диаметр венчика 3 см, максимальный диаметр тулова 6,6 см, диаметр дна 2,8 см. Принадлежит тому же III типу, что и унгвентарий из погребения 22, но отличается от последнего чуть более вытянутыми пропорциями и меньшим числом орнаментированных полос.

4. Красноглиняный кувшин (рис. 9 – *6*). Принадлежит одному из самых расспространенных типов местной столовой посуды. Имеет яйцевидное тулово на поддоне и прямое цилиндрическое горло. К тулову и горлу крепится массивная ручка. Высота сосуда 18,7 см, диаметр венчика 7 см, максимальный диаметр тулова 12 см, диаметр дна 6 см.

5. Канфар (рис. 9 – *7*). Имеет стройные пропорции: высокое горло, небольшое тулово и довольно высокий кольцевой поддон. По этим признакам он стоит ближе к канфарам позднеклассической эпохи, нежели к раннеэллинистическим[34]. Его ножка и нижняя часть до ручек покрыта красным лаком, выше – черным. Высота канфара 12,1 см, диаметр венчика 7,4 см, диаметр тулова 7,5 см, диаметр дна 4,2 см. Сосуд близок типу 23 классификации канфаров С. Ротроф, датируемому до 275 г. до н.э.[35], но отличается от последнего вытянутыми пропорциями.

на Среднем Дону // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж, 2011. С. 232–233. Рис. 2, *4–4 а*.

[29] *Внуков С.Ю., Мордвинцева В.И.* Наконечники браслета в «зверином стиле» с городища Кара-Тобе // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 117–120. Рис. 2.

[30] *Алексеева Е.М.* Указ. соч. С. 49. Табл. 30, *21–22*.

[31] Там же.

[32] Там же. С. 74. Табл. 34, *40*.

[33] *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002. С. 92–93. Рис. 31, *18*.

[34] *Марченко И.Д.* Раскопки Восточного некрополя… С. 110. Рис. 2, *7*.

[35] *Rotroff S. I.* The Athenian Agora. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997. Vol. 29. P. 84. Fig. 5, *23*.

6. Железный гвоздь, скорее всего, от несохранившегося деревянного гроба (рис. 9 – 21, 5). Длина 8,5 см.

По унгвентарию, канфару и львиноголовым золотым серьгам погребение датируется временем раннего эллинизма, скорее всего, началом III в. до н.э.

Итак, все наиболее ранние погребения конца IV–III в. до н.э. совершены в простых грунтовых могилах, в одном случае с сырцовым закладом (погр. 19). Исследованные могильные ямы отличаются небольшими размерами и глубиной. Весьма примечательно, что ни подбоев, ни склепов, ни каменных ящиков этого времени в Восточном некрополе не обнаружено. Для этого времени склепы известны лишь в курганных могильниках[36]. За исключением погребения 23, где найден массивный железный гвоздь, нет следов захоронений в гробах или в каких-то иных типах внутримогильных конструкций.

Все исследованные раннеэллинистические погребения представляют ингумации, кремаций этого времени не встречено. Как правило, в могиле совершалось индивидуальное захоронение. Ни разу не отмечено следов органической подстилки или подсыпки из глины. Для погребенных характерна свободная поза на спине, вытянуто, руки слегка раскинуты в стороны, чуть согнуты в локтях, кисти иногда прижаты к тазовым костям. Считается, что для Фанагории, как и для других греческих некрополей, обычной является ориентировка погребенных головой на восток[37]. Она присутствует в фанагорийском некрополе с самого начала его существования (погребения № 106 и 109 Восточного некрополя 1939 г.)[38]. Однако в раннеэлинистическое время в исследованной нами части некрополя преобладает ориентировка головой в южную половину круга: в погр. 22 практически на Ю, в погр. 23 на ЮВ, в погр. 19 на ЮЮЗ.

Данных для изучения традиций помещения инвентаря в могилу слишком мало. Однако укажем, что сосуды для питья помещались у головы, а кувшин и килик в погребении 23 лежали у правого бедра. В погребении 19 пелика находилась в изголовье, а лекана и солонка в ногах погребенной. Еще раз следует отметить находку в этой лекане целой скорлупы куриного яйца. Одни исследователи связывают подобные находки с древним греческим орфическим культом[39]. Другие рассматривают находки яиц в античных погребениях в качестве очистительных средств или апотропеев. Но, скорее всего, яйцо относилось к атрибутам загробной трапезы[40]. В этом смысле оно также могло иметь сакральное значение как символ смерти и возрождения.

---

[36] *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Указ. соч. С. 46–47.

[37] *Кобылина М.М.* Фанагория... С. 43; *Марченко И.Д.* Раскопки Восточного некрополя... С. 104.

[38] *Сударев Н.И.* Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. II. С. 212.

[39] *Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 238.

[40] *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 114.

Судя по инвентарю, раннеэллинистические могилы исследованной части некрополя содержали захоронения рядовых фанагорийцев. В двух случаях это женщины (погр. 19 и 23), в одном – мужчина (погр. 22). Набор сопровождающих вещей весьма прост. В мужских и женских погребениях в его состав входили привозные унгвентарии и кувшины местного производства. Как уже указывалось, в погребении 19 найдена расписная акварельная пелика, лекана с крышкой и солонка. Следует отметить, что с этого времени подобный погребальный набор из пелики (для питья), леканы (для еды), солонки и унгвентария для масла и благовоний станет почти обязательным элементом всех эллинистических захоронений вплоть до рубежа эр.

Таким образом, по материалам наших раскопок 2005 г. на месте будущего некрополя в V–IV вв. до н.э. находилось небольшое поселение, расположенное у дороги из Фанагории в Кепы. Скромные масштабы раскопок в 2005 г. не позволяют надежно установить его тип и требуют дополнительного исследования. Не исключено, что оно имело характер фанагорийского предместья. К концу IV в. до н.э. жизнь в нем прекратилась и здесь стали совершаться погребения раннеэлинистической эпохи. С этого времени на протяжении более чем семи столетий (до середины V в. н.э.) водораздельное плато между берегом Таманского залива и балкой использовалось в качестве одного из некрополей Фанагории.

A.P. Medvedev

TO THE PROBLEM OF PHANAGORIA`S EASTERN NECROPOLIS OUTSET (based on Materials of 2005–2007 Excavations)

The article is dedicated to publishing of materials discovered during excavations of the Eastern necropolis of Phanagoria in 2005. They are represented by remnants of two dwellings, four household pits and agglomerations of domestic-type ceramics discovered in the eastern part of the excavation. The study of their ceramic complex showed that in the 5-4th centuries BC the future necropolis had still housed residential and household structures of Pahangorian suburbs. The first early Helennistic burials in this area occurred not earlier than at the turn of 4-3rd centuries BC, when the dwellings had already been abandoned. Apparently, in Late Archaic and Classic age the Phanagorian necropolis was much smaller and was situated immediately west and south of the city.

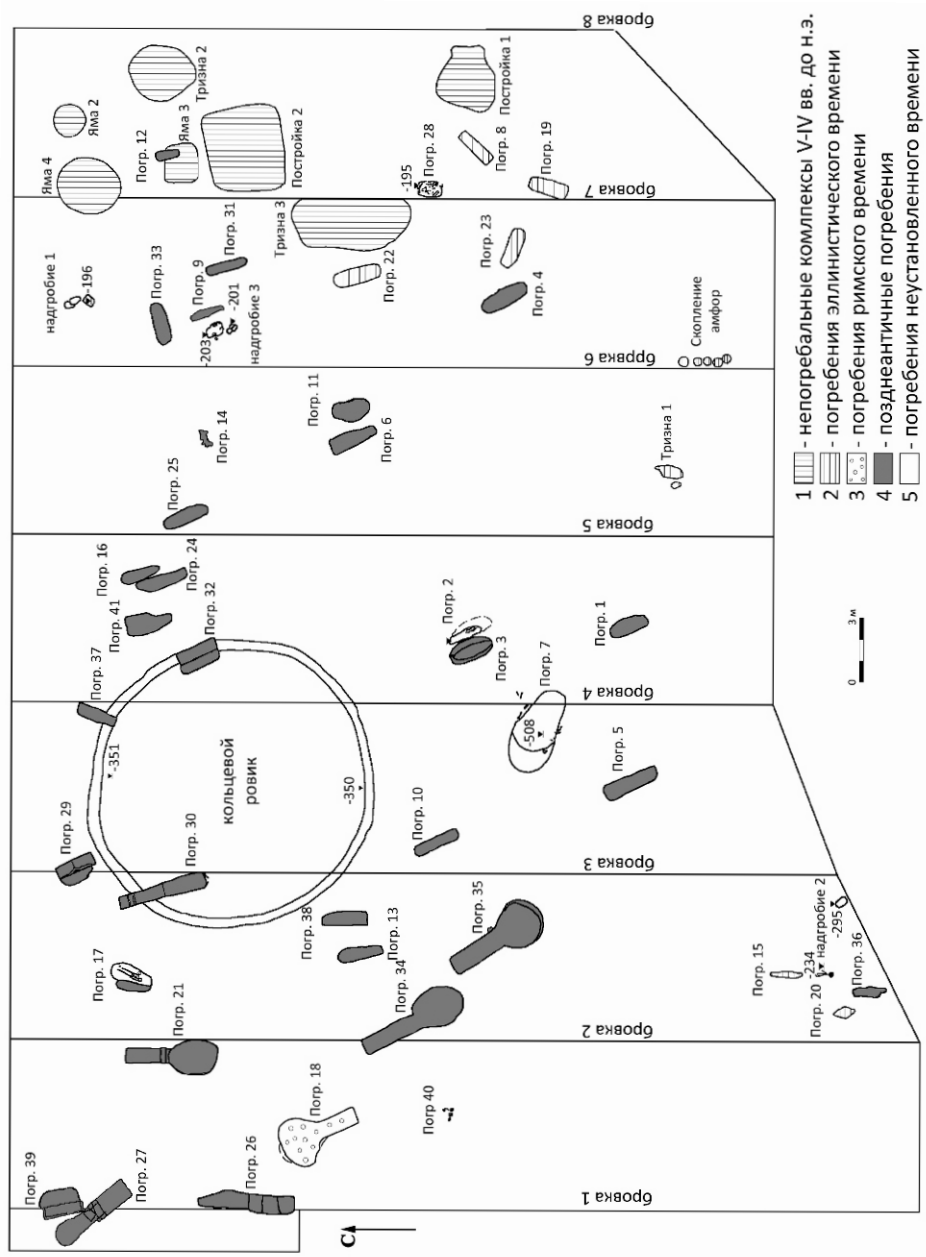
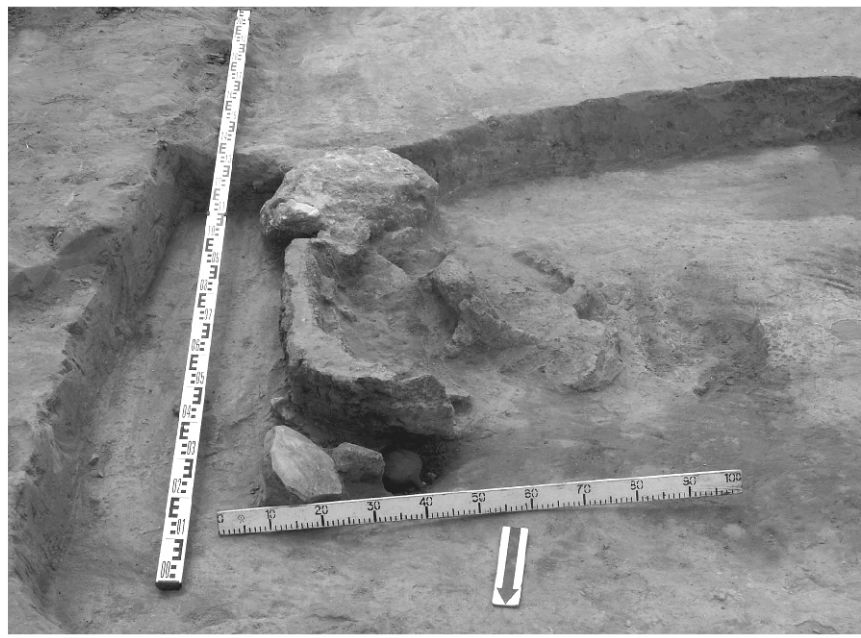


Рис. 1. План раскопа 2005 г. на Восточном некрополе Фанагории



а

б

Рис. 2. Постройки 1 (*а*) и 2 (*б*)

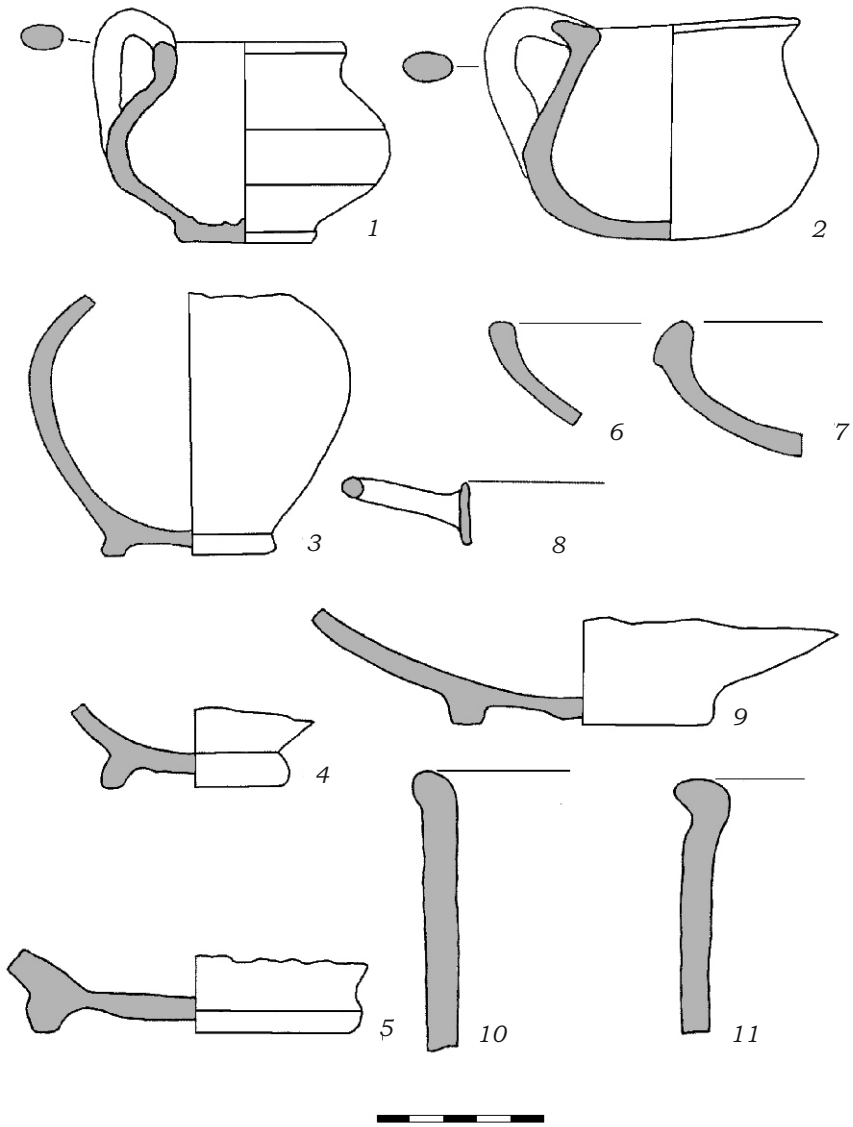


Рис. 3. Постройка 1. Находки из заполнения пола

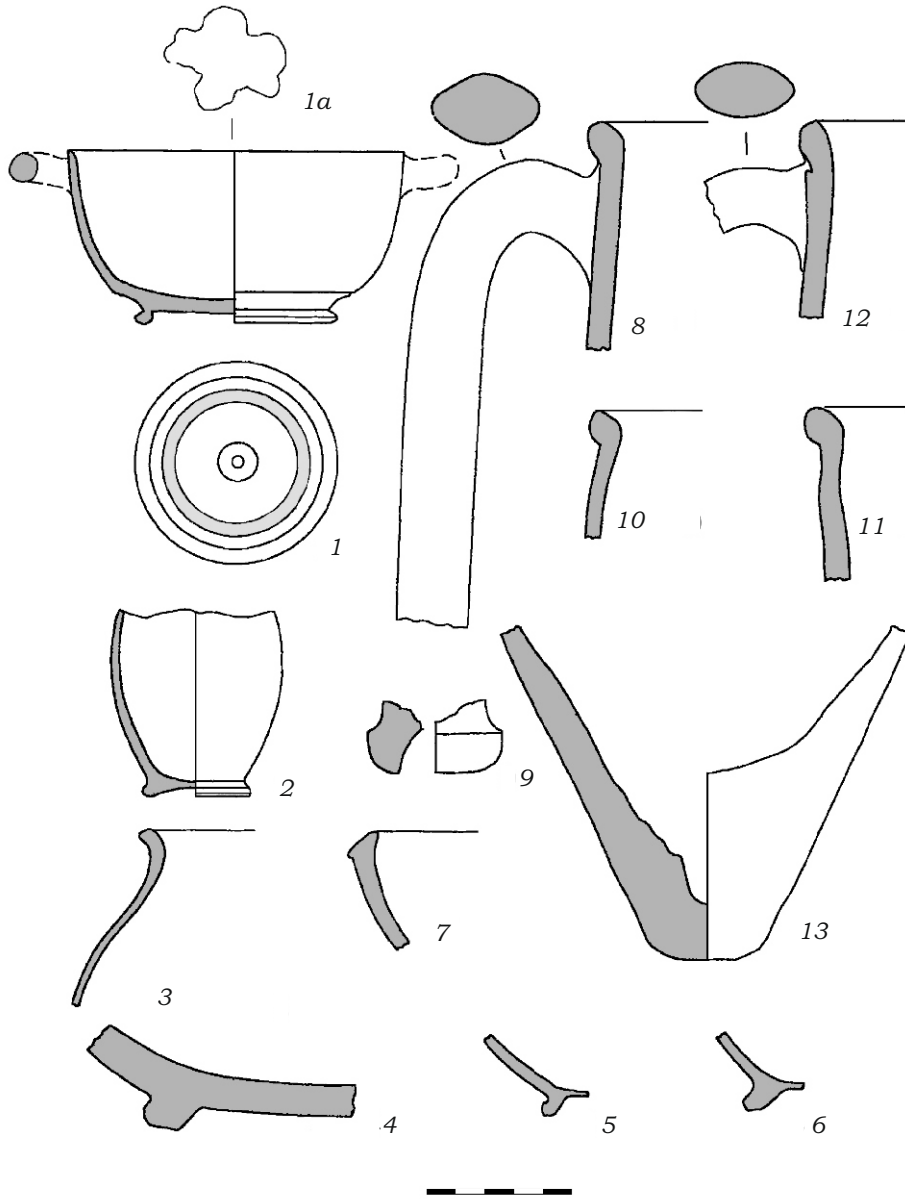


Рис. 4. Постройка 1. Находки из ямы 1

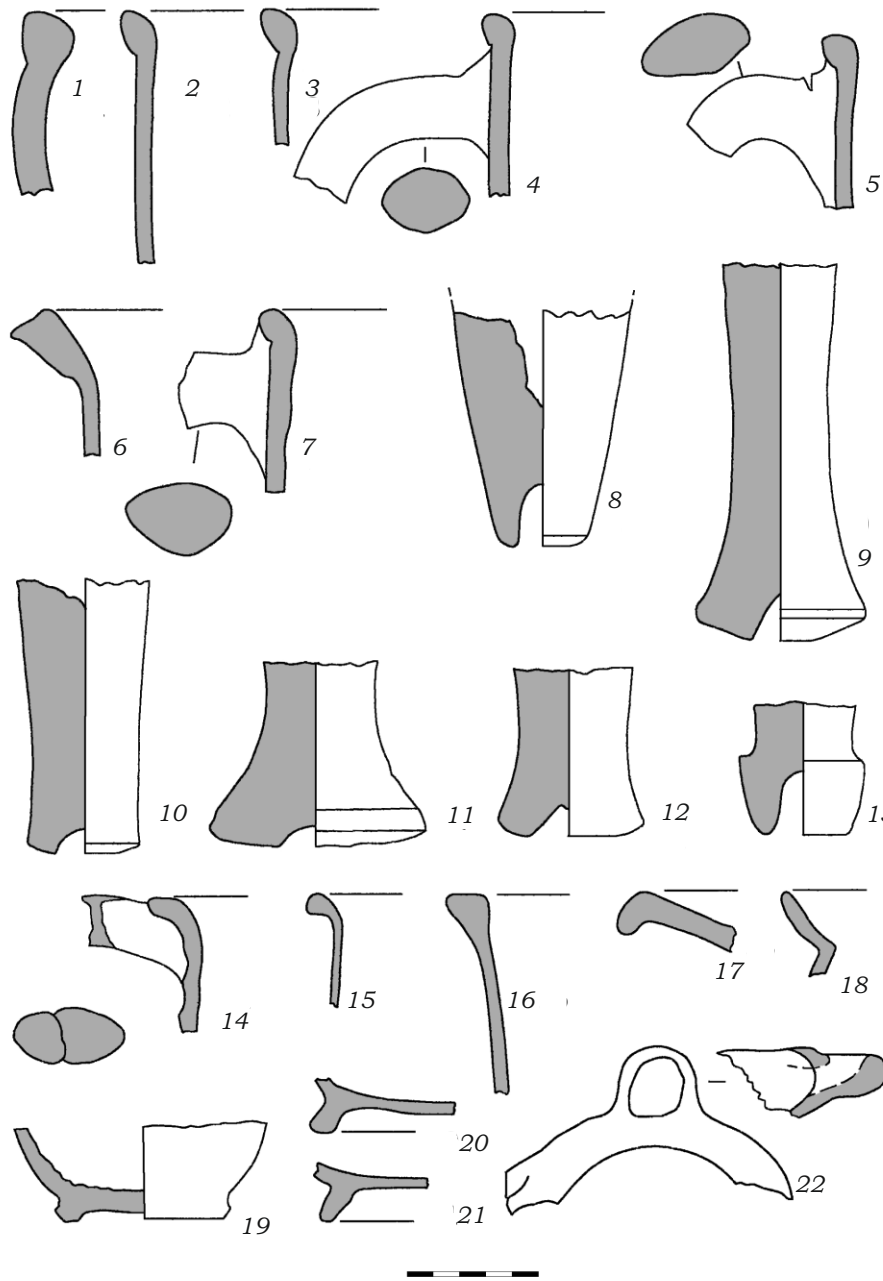


Рис. 5. Постройка 2. Находки из заполнения пола

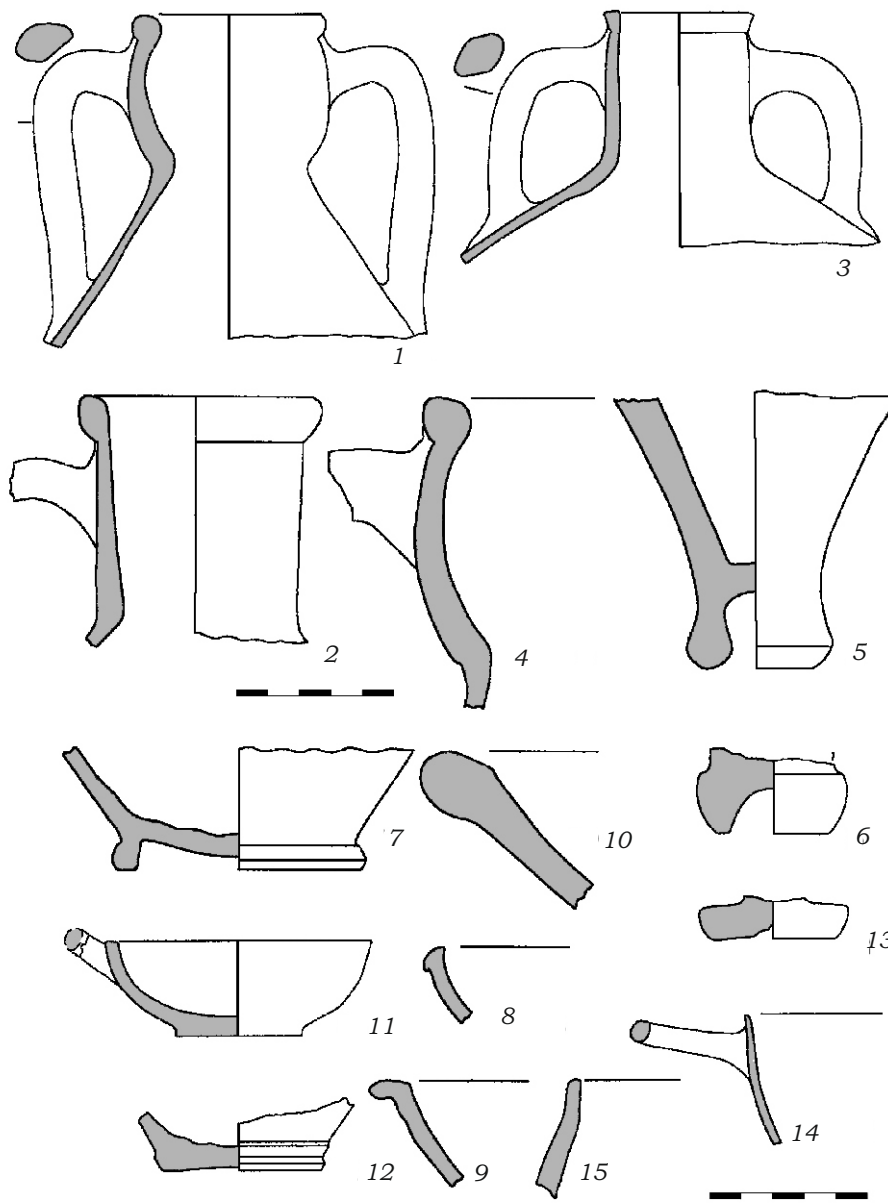


Рис. 6. Постройка 2. Находки из ямы 3

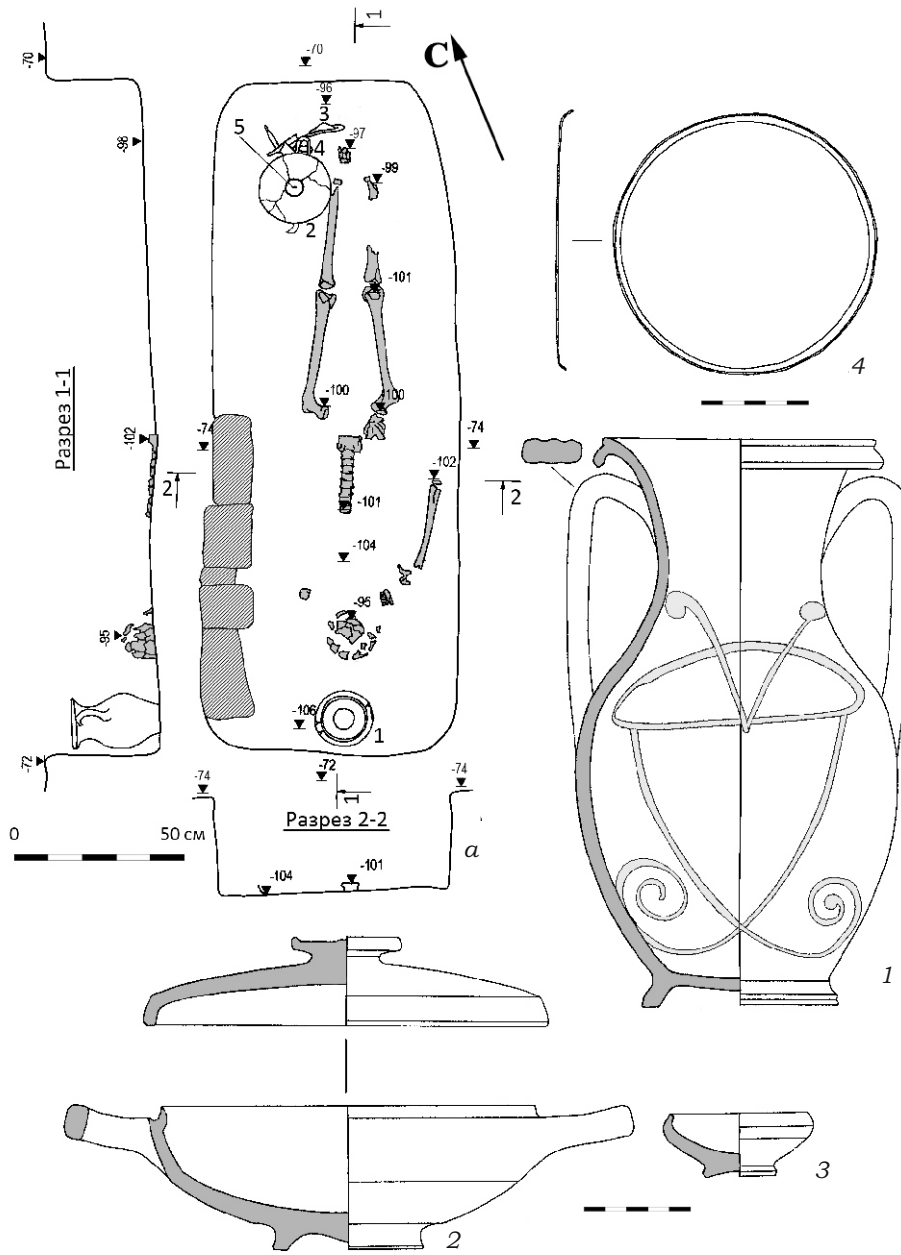


Рис. 7. Погребение 19: *а* - план и разрезы: *1* - пелика; *2* - лекана с крышкой; *3* - солонка; *4* - зеркало; *5* - яичная скорлупа; *6* - сырец; *1-5* - инвентарь (*1-3* - глина; *4* - бронза)

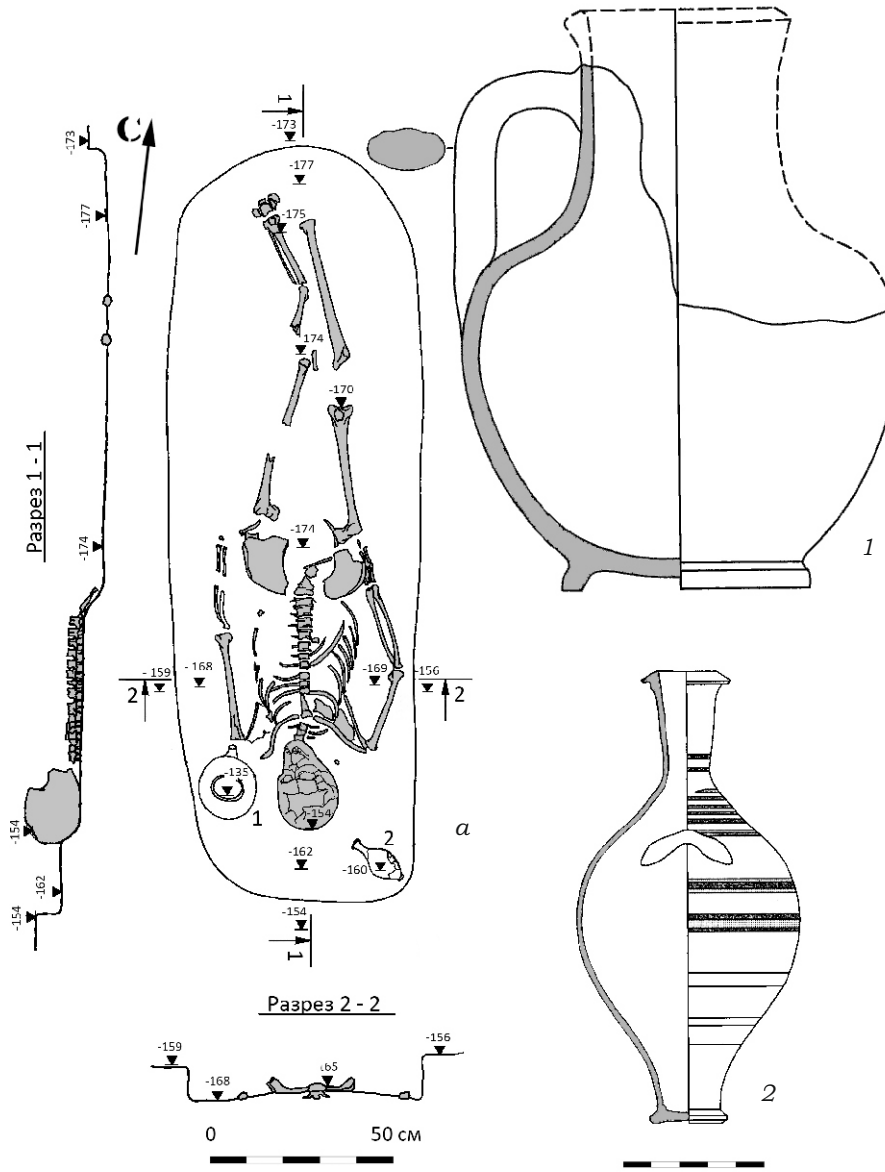


Рис. 8. Погребение 22: *а* - план и разрезы:
1 - глиняный кувшин; *2* - глиняный унгвентарий

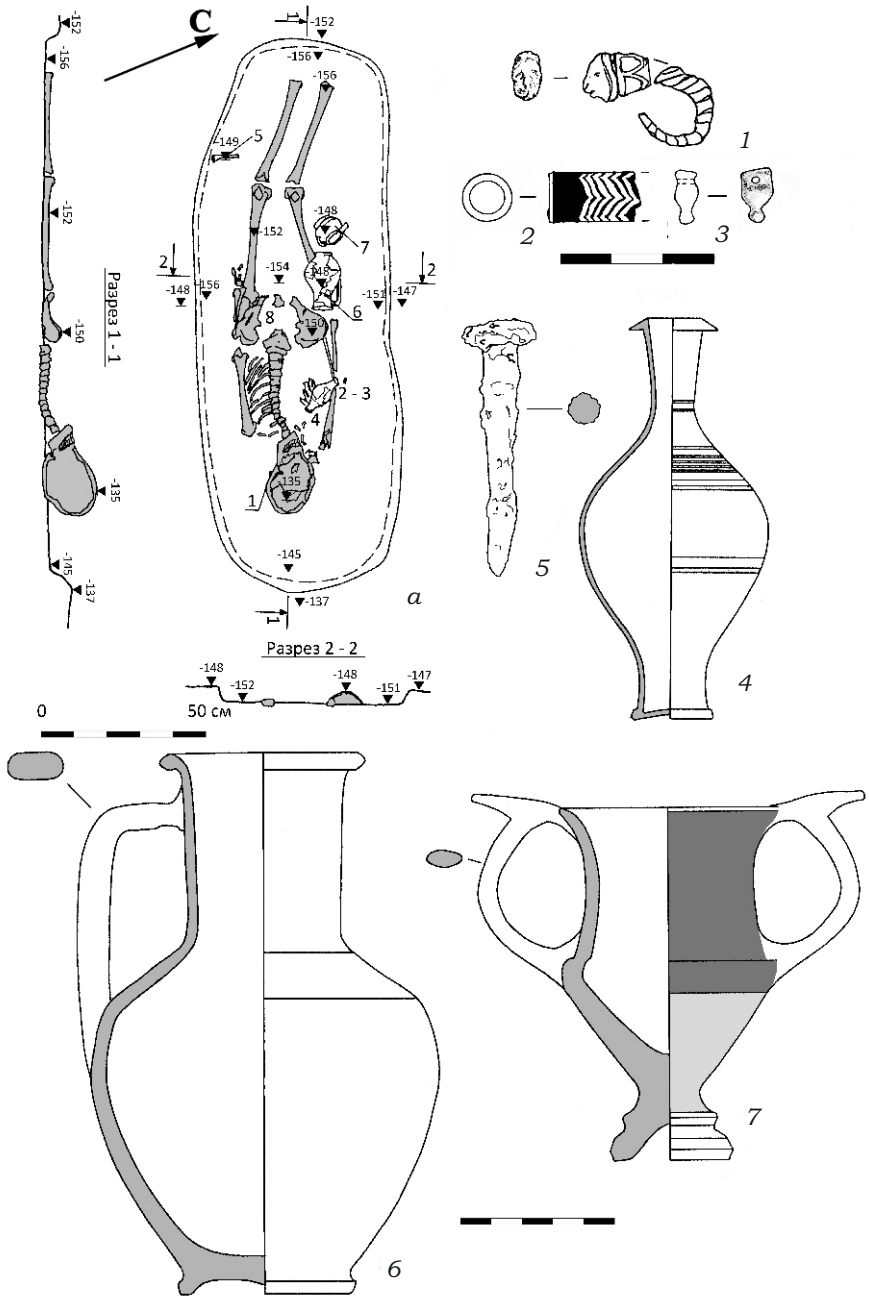


Рис. 9. Погребение 23: *а* - план и разрезы: *1* - серьги; *2-3* - бусины; *4* - унгвентарий; *5* - гвоздь; *6* - кувшин; *7* - канфар; *8* - нож *1-7* - инвентарь (*1* - медь и золото; *2-3* - стекло; *4, 6-7* - глина; *5* - железо)

В.И. Мордвинцева

ПОГРЕБЕНИЯ ВАРВАРСКИХ ЭЛИТ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РУБЕЖЕ ЭР И ИХ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Поводом к подготовке этой статьи стала новая информация о датировке Ногайчинского кургана, что уже долгое время является предметом дискуссии[1]. Находка в погребении предметов, форма которых характерна для позднего эллинизма (унгвентарий, лощеный северокавказский кувшин, чаша миллефиоре, украшения и др.), а функциональное назначение некоторых из них предполагает одноразовое использование (унгвентарий), позволило датировать его временем не позже I в. до н.э. Теперь и анализ по С14, сделанный в Лаборатории радиоуглеродного датирования Лундского университета, Швеция, и в Курт-Энгельхолм-Центре Археометрии, Германия, подтверждает эту дату[2].

К моменту первых публикаций имелось уже достаточно данных для того, чтобы отнести этот комплекс к периоду позднего эллинизма. Однако он был все же датирован второй половиной I – началом II вв. н.э.[3], и эта дата до сих пор фигурирует в академической литературе[4]. Это заставляет задуматься о причинах, по которым психологически трудно согласиться с более ранней датировкой Ногайчинского кургана. Видимо, это связано с тем, какое место этот комплекс занимает в общей концепции сарматской культуры, сложившейся в 80–90-е гг. XX в. под влиянием идей М.И. Ростовцева.

Суть его исторической модели состоит в том, что в степи Северного Причерноморья с Востока периодично продвигались новые группы кочевников иранского происхождения. Это продвижение маркируют определенные категории предметов материальной культуры, обнару-

---

[1] *Симоненко А.В.* Сарматы Таврии. Киев, 1993; *Ščepinskij A.A.* Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Zeitschrift für Archäologie. 1994. Bd. 28; *Treister M.Y.* Concerning the Jewellery Items from the Burial-Mound at Nogajchik // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1997. Vol. 4; *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3; *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской. Симферополь, 2007.

[2] *Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Хелльстрем К.,* в печати.

[3] *Симоненко А.В.* Указ. соч. С. 117.

[4] *Simonenko A.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien. Mainz, 2008. Bd. 25. S. 14.

женные в погребениях элиты (серебряные фалары, полихромные фибулы-броши, предметы звериного стиля)[5].

Эту историческую модель в 1940–1950-е годы сменила концепция Рау – Гракова – Смирнова, согласно которой родиной сарматов были степи Поволжья – Приуралья[6]. Обработка накопленного к тому времени массового археологического материала и его использование в исторических реконструкциях породили представление об «этнографическом комплексе» сарматской культуры[7]. Обнаружение какой-либо из его составляющих (например, южная ориентировка, диагональный обряд погребения, подбойно-катакомбные могилы, круглодонная керамика и пр.) на другой территории, расценивалось как признак «сарматизации» этого региона, т.е. физического присутствия здесь «носителей» археологической культуры Поволжья – Приуралья. Аналогичный метод применял и М.И. Ростовцев. В данном случае в качестве «этноопределяющих» нами использовались признаки массовой культуры, а не элитных комплексов.

Открытие в 1979 г. царских погребений в Северном Афганистане (Тилля-тепе), где было найдено множество золотых украшений с полихромными вставками и изображениями животных, привело к возрождению основных положений исторической модели М.И. Ростовцева. Появились работы, посвященные предметам «сарматского звериного стиля» и интерпретации комплексов, в которых они были найдены[8]. Наиболее последовательно новая концепция изложена в книге Б.А. Раева по римским импортам в погребениях Нижнего Дона[9].

Согласно его точке зрения, погребальные комплексы сарматской элиты появляются на Нижнем Дону внезапно, не ранее середины I в. н.э.[10] Аналогичные погребения в Поволжье он отнес, без подробного анализа, к несколько более раннему времени, а комплексы с территории Украины и Молдавии – к несколько более позднему[11]. По мнению Б.А. Раева, содержимое всех этих могил гомогенно. В них похоронены

---

[5] *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929. P. 45, 67–68, 93–94.

[6] *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Mitteilungen des Zentralmuseums der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. Heft 1. Pokrowsk, 1929; *Граков Б.Н.* Γυναικοκρατουμενοι: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3; *Смирнов К.Ф.* Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 3. С. 18; *он же.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 287–288.

[7] *Смирнов К.Ф.* Савроматы... С. 191, 196.

[8] *Засецкая И.П.* Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. 1980. № 1; *она же.* Проблемы сарматского звериного стиля (историографический обзор) // СА. 1989. № 3; *Раев Б.А.* Пазырык и «Хохлач» - некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Тезисы докладов конференции. Кемерово, 1984; *Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxf., 1986.

[9] *Raev B.A.* Op. cit.

[10] Ibid. P. 56, 58.

[11] Ibid. P. 58.

представители знати одного кочевого племени, которое жило в начале н.э. в степях к востоку от Волги, а затем продвинулось сначала в степи к северу от Кавказа, а затем на Нижний Дон. В I в. н.э. таким племенем могли быть только аланы, прибывшие в Северное Причерноморье из глубин Азии. Появление богатых могил на Нижнем Дону в середине I в. н.э. совпадает со сведениями античных авторов об аланах в причерноморских степях, наиболее ранние из которых относятся к третьей четверти I в. н.э.[12] В предыдущий период ни на Нижнем Дону, ни в каком-либо другом районе, связанном с сарматами, безусловно, не было аналогичных памятников[13]. Именно с появлением аланов в степях Восточной Европы распространяются римские и провинциально-римские импорты. Поскольку на Боспоре и в других понтийских городах, которые играли роль посредников в торговле с варварами, не найдено дорогой серебряной и бронзовой посуды, значит, имели место прямые контакты сарматов с римлянами, а это могло произойти только после середины I в. н.э., когда Римская империя начинает проводить активную политику в северопричерноморском регионе. С другими кочевыми племенами (аорсами) у Рима были дружественные отношения, поэтому не имело смысла дарить им дорогие подарки, аланы же всегда рассматривались как враги империи, что требовало подкупа их вождей[14].

Эта историческая схема была поддержана и развита многими исследователями, выдвигались дополнительные аргументы в подтверждение связи всех элитных погребений Северного Причерноморья с аланами[15]. В частности, А.С. Скрипкин высказал утверждение, что в I в. н.э. в степях Восточной Европы впервые появляются женские захоронения высокого социального статуса, аналогичные обнаруженным в некрополе Тилля-тепе[16], а это может означать «возрождение гинекократических черт, которыми античные авторы наделяли савроматское и массагетское общество»[17].

---

[12] *Raev B.A.* Op. cit. P. 59.

[13] Ibid. P. 63.

[14] Ibid. P. 65–66.

[15] *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 206–209; *он же.* Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997. С. 23–24; *Ждановский А.М.* К вопросу о передвижениях и контактах в сарматское время (Прикубанье – Поволжье – Средняя Азия) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье. Новочеркасск, 1987; *Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6; *Симоненко А.В.* Латенский и римский импорт в сарматских погребениях Северного Причерноморья // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 2002; *Simonenko A.V.* Op. cit. S. 11, 50; *Marčenko I., Limberis N.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Mainz, 2008. S. 324–326.

[16] *Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия… С. 209, 215; *он же.* Этюды… С. 24, 71, 93.

[17] *Он же.* Этюды… С. 24.

Следуя изложенной исторической модели, Ногайчинский курган должен быть отнесен к концу I – началу II в. н.э. Комплекс обнаружен юго-западнее Нижнего Дона, значит, датируется несколько позже донских памятников. Это богатое женское погребение, здесь найдены предметы звериного стиля, следовательно, он аланский.

Важным положительным результатом этих работ является констатация внезапного появления сходных по составу погребального инвентаря комплексов элиты на довольно обширной территории, а также выделение группы общих для них признаков, а именно наличие посуды римского и провинциально-римского производства и импортов восточного происхождения. В то же время, соотнесение всех этих памятников с одним определенным этносом (аланы) – лишь один из возможных вариантов интерпретации данной выборки элитных погребений, слабо обеспеченный доказательной базой. Это очевидно, если обратиться к содержанию понятия «этнос» и выражению «этнического» в материальной культуре.

1. Этнос, групповая идентичность и материальная культура

Этнос – одна из форм самоидентификации групп людей, причем далеко не единственная. В греческом языке, со времен Аристотеля, «τὰ ἐθνῆ», изначально применяемое к объединенной по какому-либо признаку группе людей или животных, в одном из значений стало употребляться по отношению к не-эллинам, и служить, таким образом, для определения групп людей, отличающихся от «своих». В латинском языке слово «*natio*» также обозначало «другой» народ в отличие от «*populus*», народа Рима[18]. Большая часть ранних эндоэтнонимов (самоназваний) групп людей переводится как «люди» или «настоящие люди»[19], что служит для отграничения этой группы от других человеческих сообществ. Используемый же в современной академической литературе термин «этнос» является сравнительно поздним смысловым конструктом, отчасти навязываемым исторической реальности, и созданным с целью классификации групп людей, признающих общность своего происхождения и обладающих комплексом сходных черт в культуре[20]. Этнос в современном понимании данного термина – это «воображаемое сообщество»[21], продукт индустриального общества, по-

[18] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 97–98.

[19] Там же. С. 63.

[20] В настоящее время в отечественной этнологической литературе существуют два основных подхода к определению понятия «этнос»: этногенетический – этнос как «исторически сложившаяся устойчивая общность людей» (*Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983; *Козлов В.И.* Этнос // Этнические и этно-социальные категории. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1995. Вып. 6. С. 152–155) и конструктивистский – этническая группа как «общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях» (*Тишков В.А.* Указ. соч. С. 115).

[21] По определению Б. Андерсона, «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и

родившего такие институты как перепись населения, карта и музей[22], целью которых, в конечном счете, является экономическая (сбор налогов и пр.) и политическая выгода для государства.

По мотиву формирования групповых идентичностей можно выделить биологические (гендерные, расовые), социальные (родственные, половозрастные, религиозно-мировоззренческие, лингвистические, этнические, сословно-кастовые, производственные и др.), географические (территориальные, ландшафтные). В любом из перечисленных вариантов имеет место самоидентификация группы людей, прежде всего на основе констатации ее не-сходства с другими группами. Эти групповые идентичности, по длительности их функционирования, могут быть постоянными (т.е. действующими в течение всей жизни входящего в них индивида, как например гендерная группа или группа сверстников), временными (объединение на период боевых действий против общего врага, на время праздника и пр.), и ситуативными/случайными. При этом идентичность может быть реализованной (осознаваемой), а может быть и потенциальной, когда признаки, объединяющие группу людей, еще не осознаны ее потенциальными членами, но при определенных условиях это единство может обрести смысл и превратиться в реальность. Такое явление может проявляться, например, при классификации групп людей исследующим их посторонним наблюдателем. Поведение отдельного человека, как субъекта, принадлежащего одновременно к разным группам (этнической, социальной, политической, религиозной и пр.), – ситуативно, и в каждом конкретном случае определяется в гармонии с принятыми в данном обществе этическими нормами и личной выгодой.

Конкретное объединение людей, вне зависимости от того, осознают они свое единство или нет, может быть отражено в виде общих элементов в материальной культуре. Материальная культура в этнографической литературе понимается как совокупность всех созданных человеческим трудом материальных предметов конкретного общества в их функциональной взаимосвязи, и рассматривается как механизм адаптации социума к условиям природной и социальной среды его существования[23]. Материальная культура обществ прошлого представлена в археологических остатках фрагментарно, в силу частичной ее утраты и/или эволюции как в физическом, так и в метафизическом смысле[24]. Поэтому соотнесение материальных остатков культур прошлого с определенным типом человеческих сообществ вызывает сложности. В меньшей степени это касается хозяйственно-культурных типов, которые тесно связаны с ландшафтом и другими

они), – воображаемые» (*Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31).

[22] *Андерсон Б.* Указ. соч. С. 180.

[23] Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3. С. 5–6.

[24] *Клейн Л.С.* О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. 1986. № 3. С. 211.

естественными условиями проживания людских коллективов (климат, наличие полезных ископаемых и др.). В большей степени проблематична этническая атрибуция конкретных археологических реалий, поскольку суть этнических различий находится в сфере ментального, а не материального. Известны случаи, например, на Кавказе, когда человеческие сообщества, обладающие одинаковой материальной культурой, сходным фенотипом, проживающие на одной территории считают себя разными этносами (языковые различия, при отсутствии собственной письменности, не оставляют материальных остатков и не могут в силу этого приниматься в расчет при сравнении археологических памятников).

На определенных стадиях развития общества различные идентичности приобретают особое значение. Если в первобытной общине ключевую роль играли половозрастные и территориальные различия, то в иерархических обществах постпервобытной и предгосударственной стадий большое значение приобретают сословно-классовые и религиозно-мировоззренческие группы. При этом очевидно, что чем выше уровень сложности общества, тем больше в его культуре проявляется разнообразных групповых идентичностей, связанных с идеологической сферой (политическими, правовыми, нравственными, эстетическими, религиозными, философскими идеями).

В археологизированных остатках материальной культуры могут проявиться любые формы самоидентификации: все вместе, и каждая в отдельности. Проблема состоит в том, что все они, как правило, представлены в неразделенном виде. Сложно провести однозначные соответствия между различными материальными проявлениями культуры и конкретными формами идентичностей. Более того, далеко не всегда можно определить, имеем ли мы дело с реализованной (осознанной) идентичностью, или же с потенциальной (неосознанной), являющейся плодом работы исследователя. Различия между материальными проявлениями культуры вызвали в свое время к жизни понятие «археологической культуры», в основе которого лежит отличие конкретного набора материальных остатков от других подобных наборов. Как и в отношении с другими формами идентичности, эта своеобразная археологическая «культурная идентичность» определяется, в первую очередь, своей несхожестью с другими культурами. Она проявляется, в целом, в форме организации и использования пространства в целях расселения и проживания, включая специфические категории и формы предметов, а также материальную реализацию тафологических представлений. Специфика конкретной культуры обычно определяется исследователями через наиболее ее яркую, вырванную из контекста черту, что часто проявляется в названии (культура колоколовидных кубков, катакомбная культура, культура полей погребальных урн и т.д.). В этом, видимо, выражается стремление к определенности, ясности исторической модели, построению жестких границ и схем, без которых трудно себе представить позитивное познание мира. Это, скорее всего, и является причиной того, что разные культуры были выделены в свое время на основании различных

принципов, и представляют собой явления разного порядка, что вызвало[25] и продолжает вызывать дискуссии методического плана. Очевидно, что разные виды археологических памятников в различной степени информативны в отношении различных форм групповых идентичностей. Социальные формы идентичности, к которым относится и этническая, наилучшим образом отражены в погребальном обряде. Рассмотрим, какие формы идентичностей можно выявить на основе анализа элитных погребений, и правомерно ли это делать.

2. Элитные погребения и этническая идентичность

Погребения элиты представляют собой специфический вид археологических источников. Под элитой обычно понимаются индивиды и группы, занимающие ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности (политической, идеологической, хозяйственной, культурной и т.п.)[26]. Элита разного происхождения играла наиболее активную роль в политической жизни общества, вне зависимости от конкретного общественного устройства. Представители знати, военачальники, «бигмены», вожди и цари племен заключали и расторгали военные союзы, в их функции входило получение и перераспределение прибавочного продукта, контроль над внешним обменом и торговлей, ремесленным производством и значимыми для хозяйства технологиями. Они являлись олицетворением своего народа во внутренней и внешней политике[27].

Принадлежность к социальной элите является, с одной стороны, фактором, объединяющим причисляемых к ней людей вне зависимости от их расовой, этнической, языковой, религиозной и пр. принадлежности, а, с другой стороны, противопоставляющим их социальным группам более низкого ранга, которые при других обстоятельствах могли рассматриваться с элитой как единое целое. Общественно-политический характер похорон представителя элиты позволяет предполагать, что эта идентичность относилась к разряду «реализованных», т.е. осознаваемых как самими представителями этой группы, так и другими слоями общества. В ходе похорон происходила демонстрация высокого социального положения не столько покойного, сколько его клана и ближайших родственников, а также позиции всего социума по отношению к соседним и даже весьма отдаленным общественным образованиям. Похороны знатного человека были и своего рода пропагандистской акцией его наследника. Когда некий князь хоронил умершего предшественника, богатыми погребальными при-

---

[25] *Захарук Ю.Н.* Спорное и бесспорное в изучении археологических культур // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА. 1990. № 201; *Ковалевская В.Б.* Археологическая культура – культурные традиции и инновации // Проблемы теории и методики в современной археологической науке. КСИА. 1990. № 201.

[26] Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 224.

[27] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М., 2001. С. 68–69, 90–108.

ношениями, пиром и раздачей даров он узаконивал в глазах окружающих свои претензии на власть[28].

Суммируя различные варианты археологического выделения элитных комплексов[29] и базируясь на основных составляющих погребального комплекса[30], можно выделить следующие черты, которые в различных сочетаниях служат основанием для определения захоронения как «элитного» на фоне остальных погребальных памятников той же археологической культуры:

1) необычное размещение, размер и обустройство погребального сооружения;

2) необычные манипуляции с телом погребенного (например, кремация вместо обычной ингумации; расчленение тела и пр.);

3) необычный посмертный инвентарь: а) особые категории предметов («инсигнии власти»; предметы из драгоценных металлов; художественные предметы; экстраутилитарные вещи; импорты); б) большое количество вещей в погребальном комплексе, в том числе относящихся к одной категории.

4) необычная дополнительная структура (памятник, алтарь и пр.).

Вопросы, связанные с этническими изменениями в обществе, миграциями и завоеваниями, невозможно решить исключительно на материале богатых комплексов. В погребениях элиты, как правило, проявляется много общих черт, особенно среди сопутствующего погребального инвентаря[31]. Это связано, прежде всего, с показательным характером похорон представителей элиты. Вопрос же выяснения этнического содержания памятников материальной культуры вообще чрезвычайно сложен, и должен решаться на базе всей совокупности источников. Поэтому отнесение к аланам всех богатых погребений определенного хронологического периода, даже если они появляются «внезапно и одновременно», не имеет смысла. Это может быть обусловлено другими причинами.

---

[28] *Egg M.* Sozialarchäologische Betrachtungen zu den Hallstattzeitlichen Fürstengräbern von Kleinklein. Eine Zwischenbilanz // Aufstieg und Untergang. Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in von- und frühgeschichtlichen Gesellschaften“. Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2009. Bd. 82. S. 41.

[29] *Kossack G.* Prunkgräber. Bemerkungen zu Eigenschaften und Aussagewert // Studien zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für J. Werner zum 65. Geburtstag. XXIV. München, 1974. S. 4–6; *Масон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976; *Антонова Е.В., Раевский Д.С.* «Богатство» древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 154–155; *Quast D.* Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültigen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart, 1993.

[30] *Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997. С. 23–29.

[31] *Kossack G.* Op. cit. S. 4.

Вопрос о том, почему в культуре появляются богатые погребения, решается обычно в одной из двух плоскостей: экономической[32] и социальной[33]. Е.В. Антонова и Д.С. Раевский подчеркивают также роль идеологического фактора в появлении в обществе социальной элиты[34]. Однако все эти варианты интерпретации опираются на длительное эволюционное развитие общества и не учитывают динамичную модель внезапного появления и такого же внезапного исчезновения погребений с использованием ритуала и погребальных даров необычной пышности.

Такой динамике существует несколько вариантов объяснений. Некоторые исследователи считают, что появление в сложно структурированных обществах с верховной центральной властью погребений, отличающихся особым богатством, отражает кризисную ситуацию в обществе[35]. С другой стороны, пышные погребения могли появиться в результате концентрации политической власти в руках одной группировки или отдельных лиц[36]. Централизация власти происходила особенно интенсивно в тех обществах, где существовали контакты с культурами, более выдающимися в техническом и организационном отношении[37]. Из таких «высоких» культур исходили не только экономические и социальные импульсы, но перенимались и новые военные стратегии, что могло приводить к очевидным расширениям центров сосредоточения власти[38]. Также изменяли культуру высшего социального слоя торговля, престижный обмен и связанные с ними внешнеполитические контакты.

Концентрация власти, привилегий и богатств в одних руках была рискованным предприятием и приводила к борьбе за власть, что сказывалось на нестабильности ситуации. Если не успевали создаваться особые институты, стабилизирующие положение, то кризис был неминуем. Таким образом, упадок элит был неразрывно связан с их взлетом[39].

Особое значение в этом плане приобретают вещи, положенные с покойным в могилу, которые можно разделить на «ординарные» (характерные для «стандартного» погребального комплекса данного некрополя или региона) и «экстраординарные» (инсигнии, экстраутилитарные предметы, импорты).

---

[32] *Гуляев В.И.* Проблема становления царской власти у древних майя // Становление классов и государства. М., 1976. С. 226–227.

[33] *Масон В.М.* Указ. соч. С. 158–159.

[34] *Антонова Е.В., Раевский Д.С.* Указ. соч. С. 158.

[35] *Kossack G.* Op. cit. S. 31–32; *Schier W.* Fürsten, Herren, Händler? Bemerkungen zu Wirtschaft und Gesellschaft der westlichen Hallstattkultur // Archäologische Forschungen in urgeschichtlichen Siedlungslandschaften. Festschrift für Georg Kossack zum 75 Geburtstag. Regensburg, 1998. S. 493–494; *Huth Ch.* Menschenbilder und Menschenbild. Anthropomorphe Bildwerke der frühen Eisenzeit. Reimer, 2003. S. 260–261.

[36] *Egg M.* Op. cit.

[37] *Kossack G.* Op. cit. S. 31–32.

[38] *Egg M.* Op. cit. S. 48.

[39] Ibid. S. 49.

Совпадение категорий предметов и элементов погребального обряда, отмеченное у нескольких элитных комплексов, указывает на определенную общность оставившего их населения. Напротив, несовпадения в каждом конкретном случае нужно интерпретировать отдельно, в зависимости от того, насколько часто они повторяются, и в каких элементах погребального комплекса они проявляются. Погребения со специфическими инсигниями, не встречающимися на других территориях, могут маркировать территорию определенной родоплеменной группы или этнического образования. Если же несовпадения касаются погребального «стандарта», то не исключено, что они вызваны различиями более общего порядка, например, хозяйственно-культурными.

Что касается импортных изделий, то в данном случае, очевидно, важно не то, какими путями попали те или иные изделия в культуру населения (варианты хорошо известны – дипломатический дар, престижный обмен, военная добыча, торговля), а сам факт их помещения (отчуждения) в погребальный комплекс. Этот выбор характеризует ментальность совершавшего обряд населения и, следовательно, является элементом его самоидентификации.

Возвращаясь к проблеме Ногайчинского кургана, отметим, что это не единственный позднеэллинистический комплекс. К тому же хронологическому горизонту относится еще целый ряд нерабленых элитных, в том числе женских погребальных комплексов, обнаруженных в степях Подонья, Прикубанья и Нижнего Поволжья: Майеровский-III 4-3Б (Заволжье), Алитуб к. 20 «Крестовый», Алитуб к. 26 (Нижний Дон), Песчаный к. 1 п. 10, Воронцовская к. 3 п. 1, Калининская к. 1 п. 16, Малаи «Овальный курган» п. 15, Новокубанская к. 5 п. 5 (Прикубанье). Они датируются от второй половины II в. до н.э. до рубежа эр. Эта группа неоднородна. Есть черты, которые их объединяют (обилие ювелирных украшений высокого класса, зеркала, драгоценные сосуды для питья), и по которым они отличаются (форма и конструкция погребальных сооружений; наличие/отсутствие животной пищи в могиле).

Локальное обособление Ногайчинского кургана от других памятников (поблизости не найдено ни одного погребального памятника сарматского времени) не позволяет надежно соотнести его с какой-то конкретной культурой. В то же время, отдельные специфические признаки погребального обряда (сосредоточение погребального инвентаря справа вдоль тела погребенной, руки в серебряных чашах) и предметы инвентаря (чернолощеный кувшин, зооморфные подвески, гривна, брошь, браслеты на ногах), указывают на близость его археологической культуре Прикубанья эллинистического периода. Отсутствие в комплексе римской импортной посуды, столь характерной для элитных погребений Нижнего Дона первых веков н.э., рассмотренных Б.А. Раевым (1986), является дополнительным аргументом в пользу его датировки предшествующим временем, около середины I в. до н.э.

Внезапное появление в археологических культурах Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Прикубанья I в. до н.э. особо богатых погребений могло быть связано с активизацией и централизацией обще-

ственной элиты под воздействием внешней политики Понтийского царя Митридата VI Евпатора, который привлечение на свою сторону северопричерноморских варваров рассматривал как одно из самых действенных средств в борьбе с Римом.

V.I. Mordvintseva

GRAVES OF THE BARBARIAN ELITES OF THE NORTH PONTIC REGION AT THE TURN OF THE ERA AND THEIR CULTURAL IDENTITY

The reason for the preparation of this paper was the new information about dating of the Nogaychik Barrow. It includes artefacts, which are particularly characteristic for the Late Hellenistic period. All this suggests a date not later than the 1st century BC. However, it seems to be very hard for some scholars to accept this date. The likely reason for this is that this complex was once closely connected with the interpretation model of the Sarmatian archaeological culture which was developed in 1980-s and 1990-s. According to this point of view (Raev 1986), the elite burial complexes appeared on the Lower Don suddenly, and not earlier than the mid-first century AD. In this view they should be associated with the nobility of one nomadic tribe, the Alans. In accordance with this concept, the Nogaychik Barrow has to be dated to the late first – early second century AD.

However, the Nogaychik Barrow does not have the features, which B. Raev pointed out as characteristic for the elite burials of the Don area in the late first and early second centuries AD. On the other hand, it is not the only elite burial complex of the North Pontic region, which dates to the Late Hellenistic period. Many rich burials complexes found on the steppes of the Lower Dnieper, Lower Don, Kuban and Lower Volga belong to the same chronological horizon.

The appearance of particularly rich burials in the archaeological cultures of the Lower Volga, the Lower Don and the Kuban in the first century BC could be connected with the increased activity and centralization of social elites, partly under the influence of the foreign policy of King Mithridates the VI Eupator of Pontus, who tried to attract the Barbarians of the North Pontic region allies in his fight against Rome.

IV. VARIA

Ж.-П. Лё Биан

АРХЕОЛОГИЯ РИМСКОГО ГОРОДА НА ЗАПАДЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: Г. КЕМПЕР (методологический подход)[1]

1. Цель.

Кемпер находится на атлантическом побережье Франции, на западе бретонской провинции Лионез. В римское время это был небольшой портовый город местного значения. Он находится в 12 км от моря, в эстуарии реки Одэ, в крайней, благодаря приливу, доступной для кораблей точке. Это был второстепенный, совсем не столичный город. Пусть и не монументальный, он в то же время представляет собой прекрасный образчик маленького города в римской Галлии.

Проблематика исследования корректировалась на протяжении всего периода раскопок, с 1970-х гг. Работы выполнялись сначала археологами-волонтёрами (1970-1990 гг.), потом профессиональной командой (с 1990 г.) при сохранении на протяжении всех 42 лет одних и тех же целей. Концептуальной основой исследования было осознание того, что работа археолога совмещает работу историка и географа, которые имеют дело со специфическим инструментом, а именно, археологическими материальными данными. Археолог не должен забывать, что его задача — написать древнюю историю города и что эта история является также географией прошлого.

Территория современной коммуны Кемпера включает сам город и сельскую местность площадью в 10 тыс. га. Отсюда, целью исследования было понять, как развивался городской уклад жизни античного Кемпера в окружающей сельской местности. Нужно было понять, как и зачем в конце Железного века возник город (густонаселённые посёлки галльского времени хорошо изучены), как и почему он разросся в начале 1 в. н.э., как и почему он исчез в 4 в н.э.

Таким образом, требовалось собрать максимум сведений по географии того времени, а также по строениям и археологическому материалу, собранному во всех частях как самого города, так и в пригородах.

2. Отправные данные.

2.1 Полное отсутствие древних текстов и эпиграфии.

Кемпер, как впрочем и большинство бретонских городов, отличает полное отсутствие древних текстов и эпиграфических источников.

2.2 Археологические теории 19 в.

---

[1] Статья печатается как доклад на конференцию «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Саратов, 1–5 октября 2012 г.

В 19 в. археологи весьма активно работали в Кемпере, но их интерпретация истории города оказалась ошибочной. Их труды были подняты многими археологами во второй половине 20 в., но последним недоставало критического подхода и новых раскопок. Археологические теории 19 в. основывались на:

- нескольких редких масштабных раскопках и, главным образом, на многочисленных, но случайных находках (черепицы, керамики, монет, колец),

- на общем видении истории Галлии, сложившемся под влиянием книги Цезаря «Галльские войны» и господствовавших в то время во Франции политических настроений, в частности после падения Наполеона Третьего и катастроф войн 1870 гг. В 1870-1914 гг. во Франции силу националистские настроения, подпитываемые мечтой о реванше над Германией.

Главные археологические находки были сделаны на военной базе Кемпера, расположенной на вершине холма, и частично офицерами французской армии. По мнению этих исследователей, каждая находка служила указанием на военно-стратегический характер местности и на завоевания Юлия Цезаря. На каждом холме, который возвышался над рекой, они видели форты и сторожевые башни.

К 1950 гг. от этого военизированного подхода отказались, однако упрощённая карта находок наталкивала на мысль о множестве разбросанных античных городков, которые создавали картину многоядерной бессистемной аггломерации.

3. Исследования.

3.1 Критический анализ прежних данных.

Критический анализ прежних данных позволил как исключить из числа поселений те структуры, которые таковыми не являлись, так и определить их истинную относительную значимость, которая зачастую была ничтожной.

3.2 Накопление сведений с максимального числа раскопок.

С 1970 по 2012 гг. в коммуне, включающей город и прилегающую сельскую местность, было проведено более сотни спасательных археологических раскопок. Раскопки осуществлялись с использованием современных методов и на самых различных объектах: домах в центре города и портовых постройках, городском некрополе, святилищах, пригородной и загородной виллах, многочисленных сельских фермах, региональных дорогах, сельских просёлках и городских улицах.

В каждом случае были выполнены точные планы, установлены стратиграфические показатели, а также хронология и датировка находок.

3.3 Параллельные исследования:

- точное исследование — оказавшееся чрезвычайно важным - геоморфологического развития, в частности, речной долины и её связи с океаном.

Учитывая колебания уровня океана и отсутствие урбанизации, можно утверждать, что река в античное время была гораздо шире (до

400 м), чем сегодня (ок. 40 м). В первые три века Империи Кемпер становился морским портом дважды в сутки, а именно благодаря приливу и общему высокому уровню океана. Но мы полагаем, что с 3 в. н.э. уровень океана понизился, и после 300 г. город стал труднодоступен с моря.

- Точное типо-хронологическое изучение разных находок позволило в недавнем времени выполнить труды по системному описанию всех типов археологических материалов: металлу, монетам, керамике и фауне.

- Керамика: было изучено и проанализировано более 100 тыс. черепков, при этом учитывалось место их обнаружения: святилища, сельский дом (виллы или маленькие хозяйства), городские кварталы или портовая зона;
- Кости животных (домашних или убитых на охоте);
- Можно также добавить изучение монет и росписей на стенах.

Для всех типов находок составлен практически полный каталог, включающий их датировки и пространственное распределение по зонам: город, порт, сельские святилища, некрополь.

- Были проведены тематические исследования, относящиеся к различным аспектам жизни: транспорту (изучение дорог), экономике (торговле и особенно ремёслам), религии (религиозные и погребальные обряды).

- Параллельно, благодаря систематическим археологическим раскопкам на территории коммуны, стало возможным изучение следов предшествующих эпох (в частности, Первого и Второго Железного веков) и последующих (Средневековья) с использованием тех же принципов и аналогичных средств. Таким образом, вопрос о том, как образовался римский город и прилегающая сельская местность из галльских поселений, стал центральным в нашей работе. Так же как и вопрос о причинах исчезновения античного города в 4 в. и его возрождения в Средние Века.

- В каждом случае были проведены сравнения и соотношения с общими знаниями о римской Галлии.

Результаты.

В результате постоянных методических раскопок на протяжении 40 лет мозаика — пространственная, временная и тематическая одновременно — постепенно сложилась. Она представляет собой очень связное и логичное единство:

– пространственная организация подчинена развёртыванию во времени: колыбель нового города при Августе (с первого десятилетия новой эры), стремительный рост при Клавдии (45-50 гг. н.э.), расцвет при династии Флавиев (к. 1 в. н.э.), упадок с начала 4 в. н.э. и исчезновение города к 1000 г.

– Определены функции каждого квартала галло-римского города и прилегающей территории в античное время: портовая зона, город, некрополь, акрополь, пригороды и сельская местность.

– Стали известны собственно городские функции Кемпера и та

роль, которую он играл в торговых отношениях и обеспечении продовольствием столицу озисмов (Карэ — Vorgium).

– Стало возможным вписать развитие городского уклада жизни в античном Кемпере в общую историю региона и римской Галлии. Этот процесс был растянут во времени (с Железного века по Средневековье).

– Мы можем утверждать, что цель достигнута, разумеется, в рамках нынешних знаний. Речь идёт о полном археологическом изучении, очень редком во Франции для такого типа второстепенных городов, который однако весьма показателен с точки зрения городской организации на западе Римской империи. Труд в 800 страниц, включающий 325 планов и стратиграфических разрезов, 415 фотографий и полный каталог находок, находится в печати и выйдет в конце 2012 г.

Литература:

Le Bihan J.-P., Villard J.-F. Archéologie de Quimper, Matériaux pour servir l'Histoire. Tome 2: Au temps de l'Empire romain. Quimper, 2012.

Рис. 1. Римский Кемпер: реконструкция

Рис. 2. Римский Кемпер: устьевая область

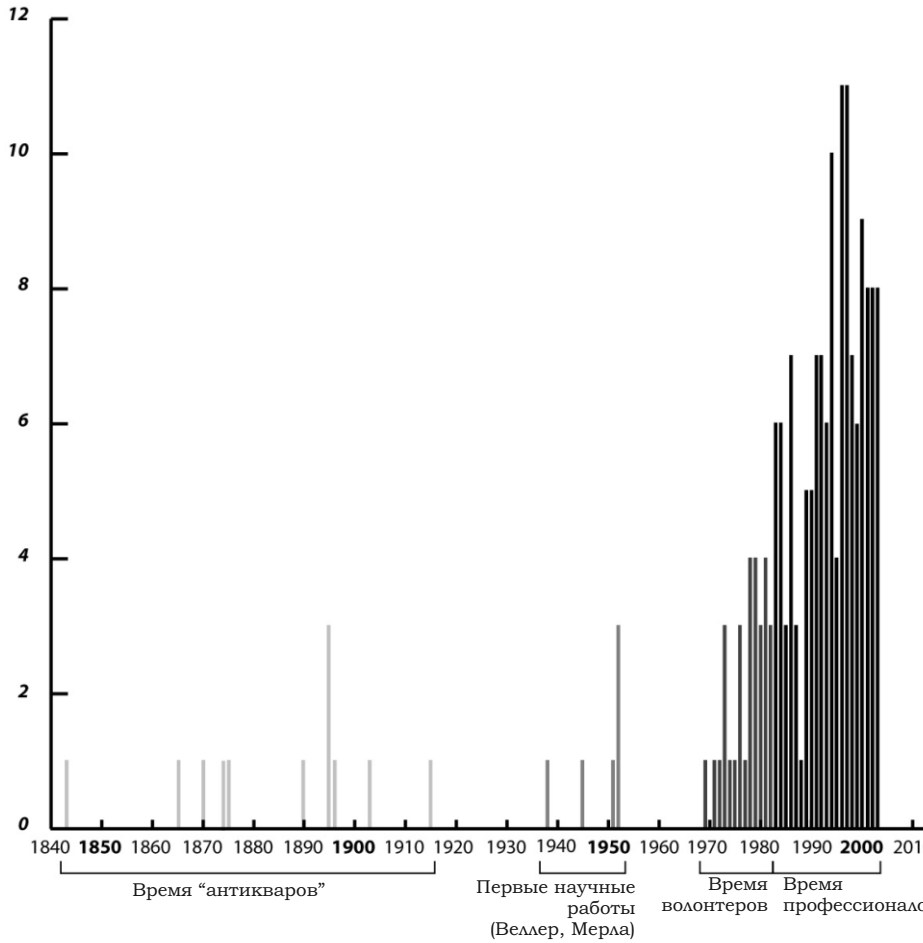


Рис. 3. Римский Кемпер: раскопки между 1840 и 2003 гг.

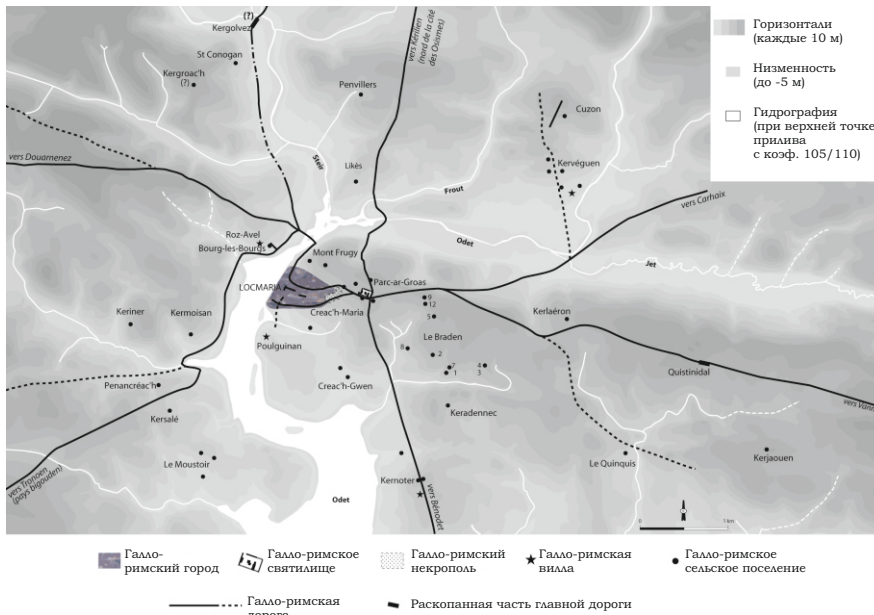


Рис. 4. Римский Кемпер: раскопки в античном городе

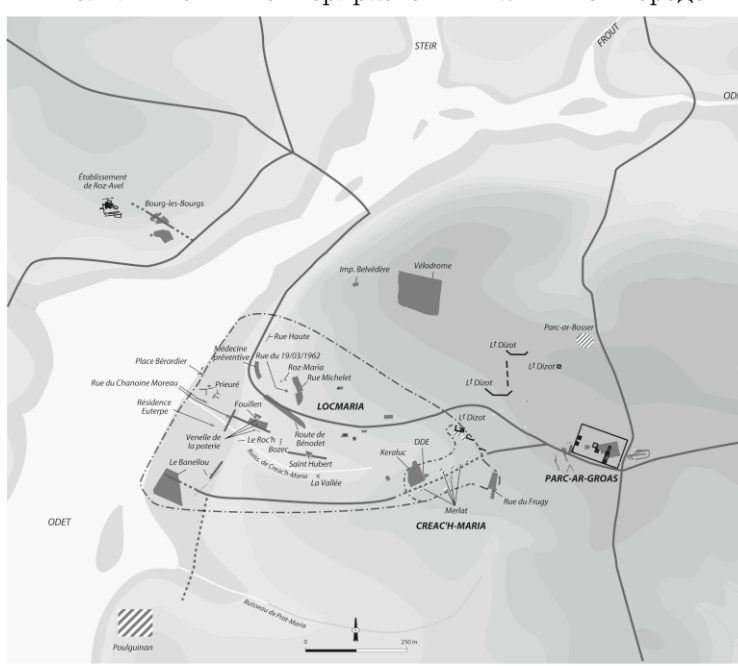


Рис. 5. Античное поселение Локмария и пригороды, карта археологических раскопок

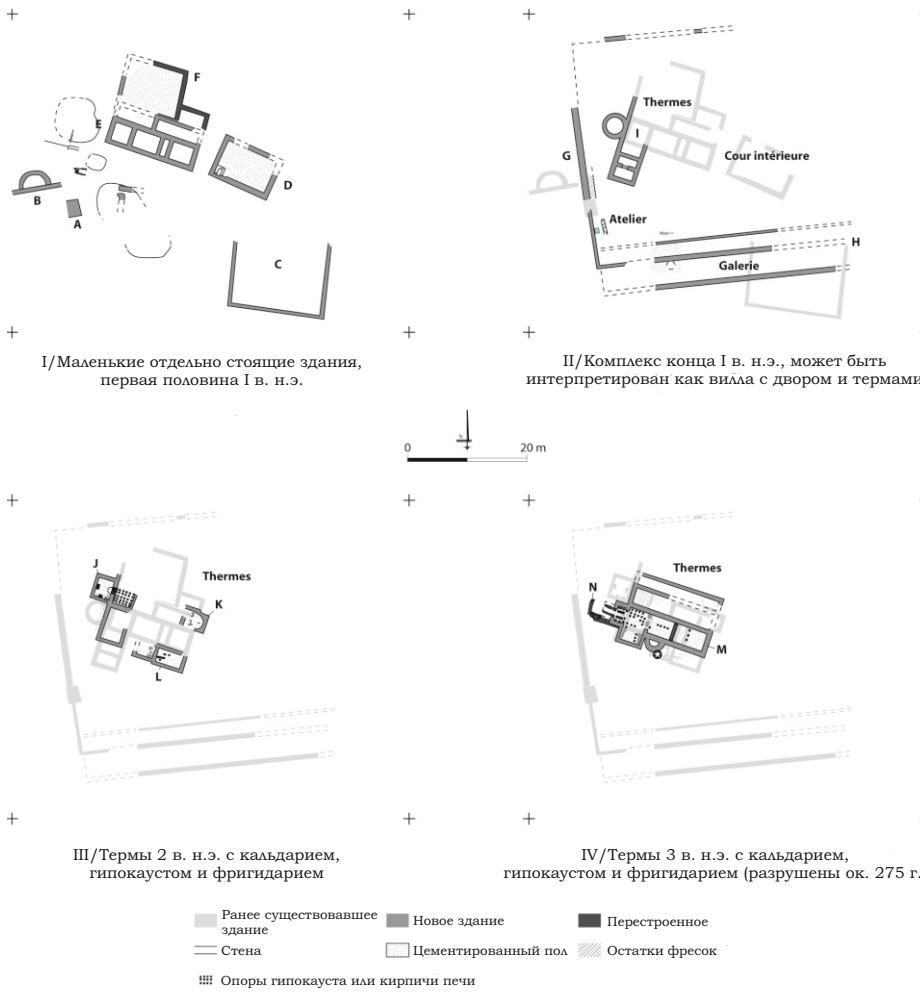


Рис. 6. Планы виллы Роз-Авель: эволюция здания

Рис. 7. Погребение с сожженным прахом

Рис. 8. Святилище

Рис. 9. План современного города и гидросети на карте времён Ранней Римской империи и ок. 1000 г.

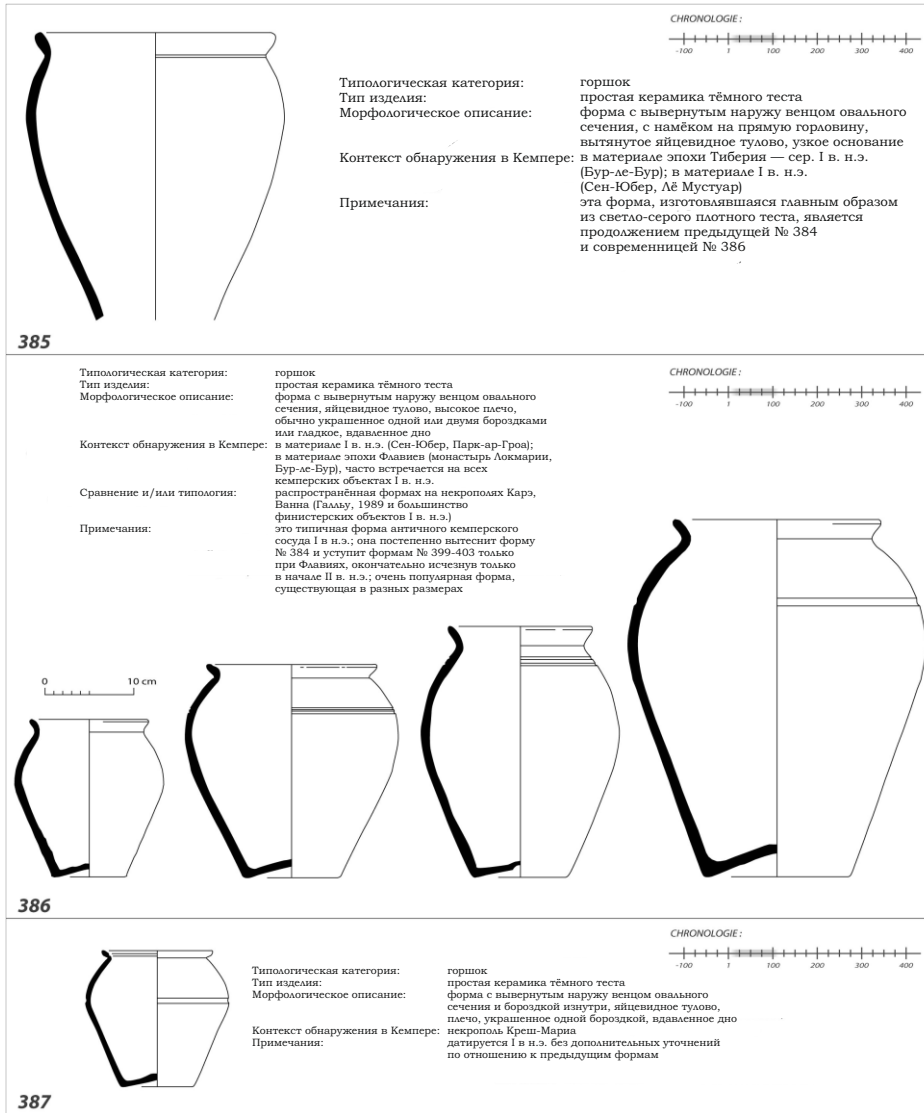


Рис. 10. Образец таблицы анализа керамики

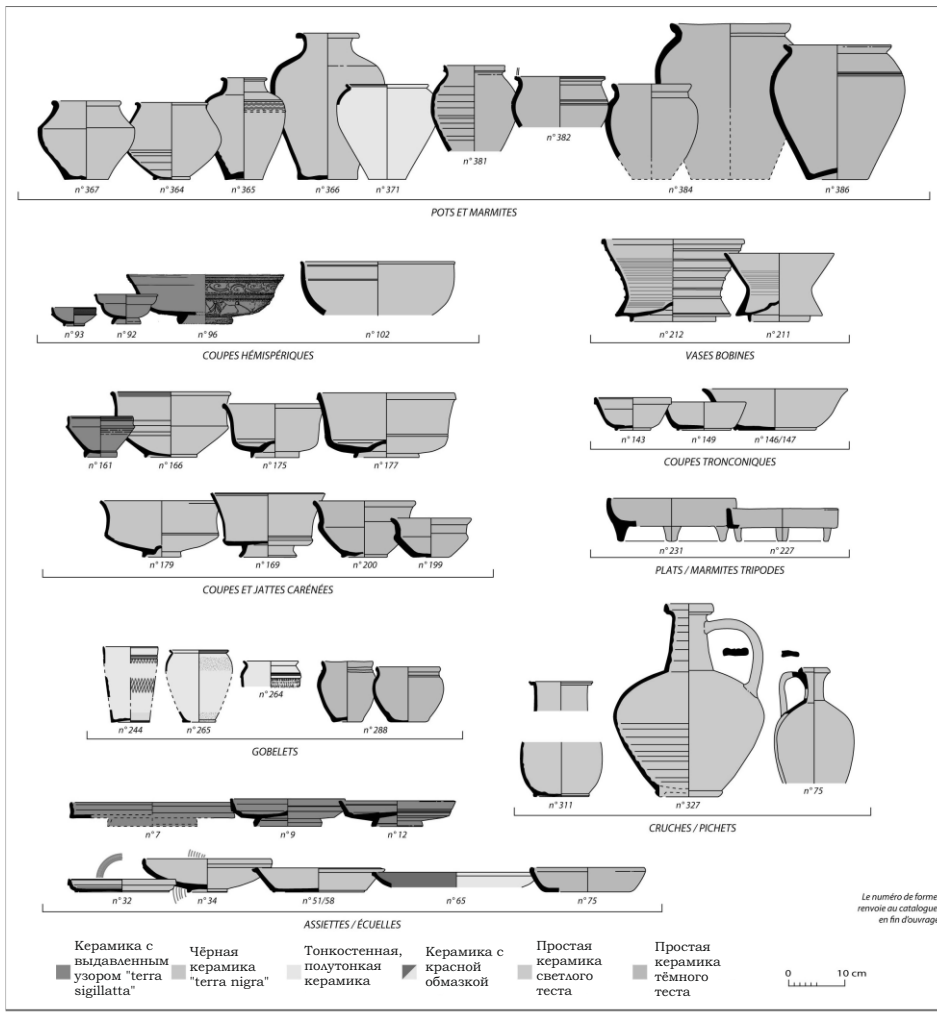


Рис. 11. Керамика эпохи Тиберия

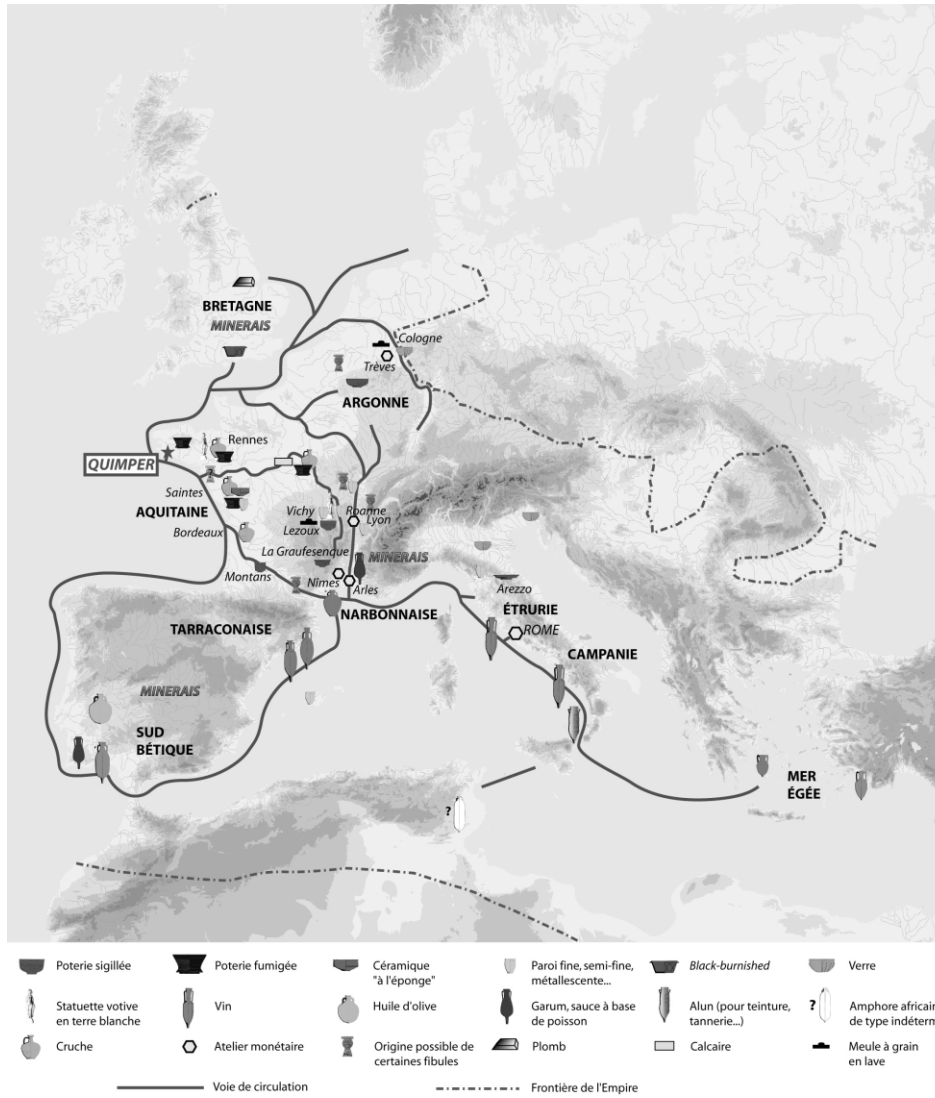


Рис. 12. Торговые связи Кемпера в античное время

Н.Ф. Федосеев

РЕЦЕНЗИЯ

Гаврилов, А.В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). – Археологический альманах. №24. Донецк: «Донбасс», 2011. – 350 с.

Книжная полка регулярно пополняется монографиями по теме «керамическая эпиграфика», в том числе и по материалам Боспора[1]. На первый взгляд, это отрадное явление – вводится в научный оборот новая масса материала, однако, при внимательном прочтении оказывается, что представленный материал издан вопреки принятым нормам публикации керамических клейм, и считать такие работы научными вряд ли возможно. В полной мере это относится к книге А.В. Гаврилова, где представлены памятники керамической эпиграфики из округи античной Феодосии.

Книга практически представляет собой каталог клейм, сгруппированных по местам находок. Аналитическая часть весьма незначительная: введение – 6 страниц, общая характеристика комплекса – 1 страница, заключение – 2 страницы. Завершает монографию summary.

Известно, что керамическая эпиграфика не может развиваться без введения в научный оборот новых находок, публикаций новых коллекций, и эта часть исследования играет первостепенную роль, поскольку служит базой для дальнейшей аналитической работы. Вместе с тем, некоторые археологи ошибочно считают публикацию клейм наиболее простой частью работы с ними. Казалось бы, что может быть проще – с привлечением аналогий восстанавливается легенда клейма, затем оно датируется с учетом последней (или наиболее удобной для автора) хронологической классификации. Однако тут есть подводные камни. Прежде всего, пока не опубликованы полноценные корпуса всех серий клейм, позволяющие найти аналогию или установить, что мы имеем дело с новым штампом. В этом случае важно знание специальной литературы, которой А.В. Гаврилов владеет явно недостаточно.

Автор руководствовался принципом «моя задача выдать материал, а анализировать должны специалисты». Такой подход нельзя считать научным. Для керамической эпиграфики давно выработаны принципы публикации: восстановление легенды, иллюстративная часть (фо-

---

[1] *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. Симферополь; Керчь, 2003. Вып. IV.; *Молев Е.А.* Боспорский город Китей // БИ. Симферополь; Керчь, 2010. Suppl. 6; *Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. Донецк, 2011. Вып. 24.

тография в масштабе 1:1). В конце публикации должны быть представлены индексы имён магистратов и фабрикантов (всегда в именительном падеже, иначе появляются варианты имён), а так же эмблем, и, конечно, необходимая библиография. Обязательны отсылки на публикации оттисков данного штампа, а не простое упоминание клейм этого магистрата в других работах. Так, А.В. Гаврилов широко использует монографии С.Ю. Монахова[2] и В.И. Каца[3]. Однако первая книга, как известно, посвящена анализу комплексов, содержащих амфорный материал, и С.Ю. Монахов не ставил целью публикацию керамических клейм, а вторая – аналитическая работа В.И. Каца, содержит дайджест хронологических классификаций клейм основных центров, клеймивших амфорную тару.

Принципы публикации керамических клейм не являются тайной – они присутствуют в ряде специальных работ по этой тематике, итоговые принципы опубликованы в статье И. Гарлана и Н. Боду[4], еще ранее этот текст был выложен на сайте www.amphoreus.org.

В аннотации сообщается, что книга издана на украинском, русском и английском языках. К счастью, на украинском языке приведены лишь выходные данные издания и ошибок не допущено. Чего не скажешь про остальные языки. Однако, занимаясь публикацией древнегреческих надписей, следует знать хотя бы азы этого языка. Судя по всему, А.В. Гаврилов такими навыками не владеет, в связи с чем он полностью положился на С.Р. Тохтасьева, который откорректировал правописание и восстановление легенд, что, впрочем, не исключило ошибок в каталоге как в написании имен на греческом, так и в транслитерации на русский язык. Так, астином Гистией трактуется как Естией (С. 21. № 22; с. 41, № 1); Гикесий как Икесий (С. 25. № 14); ошибки присутствуют в написании имени Каллисфена – ΚΑΛΛΙΣΘΕΝΟΥ̑ (С. 219. № 6–7; с. 232. № 4); абсурдные восстановления [ΗΕΡΑ]ΚΛΕΙΟΥ̑ (С. 30. № 33) и Θορμίω(νος) вместо [Φ]ορμίω(νος) (С. 19. № 13).

Часто А.В. Гаврилов восстанавливает в генитиве названия магистратуры и в имени гончара окончание –ου, хотя на фото четко видно окончание имени магистрата на -ο. Именно такая форма для II склонения была распространена в Синопе в IV веке до Р.Х.

Во введении А.В. Гаврилов пишет, что «собранный материал является вполне представительным для выявления общих закономерностей и детализации импорта вина в сельскую округу Феодосии». Впрочем, это просто декларация, никаких попыток «выявления закономерностей или детализации» автором не предпринято. Аналогичным образом обстоит дело с уточнением хронологической классификации клейм Гераклеи Понтийской и Синопы. Далее А.В. Гаврилов перечис-

---

[2] *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.

[3] *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Опыт комплексного изучения. Керчь; Симферополь, 2007.

[4] *Гарлан И., Боду Н.* Греческие амфорные клейма // АМА. 2011. Вып. 15.

ляет возможности керамической эпиграфики, рассуждает о динамике керамического производства, ономастике разных центров, о количестве гончарных мастерских, об их производительности. Но опять-таки, это только общие слова и отсутствие всякой попытки решить обозначенные проблемы.

Аналитическая часть текста в книге А.В. Гаврилова в значительной степени заимствована из нашей совместной публикации[5], правда, без ссылок на нее. Как видно из текста, А.В. Гаврилов вообще игнорирует предшествующее работы: так, В.И. Кац в работе, специально посвященной анализу торговых связей поселения Новопокровка 1, допустил ошибку в восстановлении легенды одного синопского клейма (вместо агоранома Пасихара, сына Фэниппа, восстановил астинома Пасихара, сына Деметрия)[6]. Эта ошибка была оперативно исправлена мной[7], но А.В. Гаврилов ни В.И. Каца, ни Н.Ф. Федосеева не читал и представил свое, фантастическое восстановление этого же клейма (С. 161. № 586). Любопытно, что аналогичное агораномное клеймо в каталоге А.В. Гаврилова фигурирует под № 550 на с. 152[8].

Не ссылается А.В. Гаврилов и на каталог коллекции Е.М. Кальского, хранящийся в Феодосийском музее[9]. Ни слова нет и о том, что с этой коллекцией клейм ранее работал В.И. Кац и его определения сопровождают Отчеты по раскопкам Новопокровки. Ни слова о том, что в рамках договоренности с А.В. Гавриловым, я обработал коллекцию Феодосийского музея древностей, Крымского краеведческого музея (Симферополь) и Старокрымского литературно-художественного музея.

Каталог представлен в виде таблицы, с распределением материала по памятникам, причем А.В. Гаврилов каждое гераклейское клеймо сопровождает комментарием «на горле, энглифическое», а синопские клейма словами: «рельефное», «астиномное». Но в каталоге отсутствует логика подачи материала, магистратские и гончарные клейма даны вразнобой, не по алфавиту. А.В. Гаврилов пишет, что клейма расположены в хронологическом порядке, однако, разные, выполненные одним штампом оттиски располагаются в разных частях каталога.

---

[5] *Гаврилов А.В., Федосеев Н.Ф.* Амфорные клейма из античных памятников округи Феодосии // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сб. научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002.

[6] *Кац В.И.* Пункт обмена зерна на вино на поселении Новопокровка I // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 134.

[7] *Федосеев Н.Ф.* К дискуссии о хронологии синопских керамических клейм // БФ. СПб., 2004. Ч. 2. С. 48. Примечательно, что для работы с литературой А.В. Гаврилов специально ездил во Французскую школу в Афинах (С. 10).

[8] Подробнее об агораномных клеймах смотри мою работу: *Федосеев Н.Ф.* Агораномы Синопы // ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Mélanges à la mémoire de Niculae Conovici. Călăraşi, 2008.

[9] *Кац В.И., Полукаров А.* Опись керамических клейм Феодосийского музея. Рукопись / Архив ФМД, 1997.

Имеет место путаница среди омонимов. Не делается различий между двумя синопскими магистратами Пасихаром 1 и Пасихаром 2, а везде присутствует «Пасихар 1b». Удивление вызывает заявление, что на Фасосе амфоры почему-то клеймили астиномы (С. 217, 327).

Историю изучения клейм из округи Феодосии следует все же начинать не с работы В.В. Веселова[10], а с монографии И.Т. Кругликовой[11], где ею был обобщен весь собранный к тому моменту материал, в том числе и сборы В.В. Веселова. Кроме того, перечень всех клейм по памятникам есть в приложении к рукописи ее докторской диссертации[12] (к сожалению, не вошедшем в текст монографии), которая в библиографии вообще не указана.

Следующий этап формирования коллекции керамических клейм из округи Феодосии связан со сборами геолога Е.М. Кальского. Эта коллекция насчитывает 578 экз. клейм, которые были переданы в 1989 году в Феодосийский музей древностей (кроме 53 экз.). Краткая информация о ней была подготовлена О.А. Махнёвой[13], она же составила список клейм, который А.В. Гаврилов и включил в свою диссертацию[14]. Практически тот же текст позже им был издан в соавторстве с О.А. Махнёвой в донецком «Археологическом альманахе»[15]. Он же практически без изменений вошел в рецензируемую работу, но уже без упоминания О.А. Махнёвой.

Важно отметить, что более половины анализируемого А.В. Гавриловым материала составляют коллекции Е.М. Кальского и А.А. Кайдаша. Если коллекции Е.М. Кальского в книге уделено достаточно места, то о А.А. Кайдаше сообщается лишь, что он житель Феодосии (С. 8). Между тем, история формирования его коллекции такова. В начале 1990-х годов я познакомился с А.А. Кайдашем на собраниях греческого общества, он рассказал о своих прогулках в округе Феодосии и сделанных им находках. Вскоре вместе с ним мне удалось посетить ряд памятников и убедиться в обилии подъемного материала. Я прошифровал собранные им клейма, переписал их и убедил А.А. Кайдаша и впредь подписывать все собранные им находки. О существовании этой коллекции я рассказал А.В. Гаврилову. В рамках

---

[10] *Веселов В.В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. М., 2005. Suppl. II.

[11] *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

[12] *Она же.* Сельское хозяйство Боспора / Рукопись дисс. на соискание ученой степени докт. ист. наук М., 1974 / Архив ИА РАН. Р-2. №2133, 2134.

[13] *Махнёва О.А.* Эллинистические усадьбы в восточной части Крыма // Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988. Ч. III.

[14] *Гаврилов А.В.* Сельская округа Феодосии в V–II вв. до н.э. / Рукопись дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук // Институт археологии НАН Украины. Киев, 1999.

[15] *Гаврилов А.В., Махнёва О.А.* Амфорные клейма из округи античной Феодосии (сборы Е.М. Кальского 1974–1985 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сб. ст., посвященный юбилею О.А. Махнёвой. Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 107–168.

планируемой публикации керамических клейм[16] было решено приобрести эту коллекцию для детальной обработки. Фонд «Деметра» приобрел ее и передал в Керченский историко-культурный заповедник, где она была мной обработана. В этой связи несколько странно выглядит фраза «Клейма, собранные жителем Феодосии А.А. Кайдашем … обработаны мной» (т.е. Гавриловым – *Н.Ф.*) (С. 8).

По А.В. Гаврилову все клейма коллекции Кайдаша датированы 1997 годом, в то время как это находки разных лет – с 1993 и далее. Стоящие на части клейм паспортные данные не совпадают с теми, которые указаны в книге А.В. Гаврилова. Например, есть клейма, которые по А.А. Кайдашу происходят с поселения «Ближнее 3», а по А.В. Гаврилову – это «Ближнее 1», и наоборот. Некоторые клейма, о которых А.В. Гаврилов в качестве места хранения указывает «КРУ КИКЗ», в действительности там отсутствуют. У значительной части опубликованных А.В. Гавриловым клейм не указано, когда и кем они найдены и где хранятся.

Всего по подсчетам А.В. Гаврилова им опубликовано 1540 клейм с 49 памятников округи Феодосии. Но это не совсем точно: повторы, путаница с номерами, пропуски – все это заставляет скорректировать итоговую цифру. На поселении Новопокровка 1 по подсчетам А.В. Гаврилова найдено 689 клейм. Однако, учитывая, что № 332–333 пропущены, а № 267 является дублем № 335, № 406 дублем № 409, то общее число окажется несколько меньше. Вместе с тем, в каталоге два № 135. В книге А.В. Гаврилов пишет, что Е.М. Кальский собрал на селище Новопокровка 1 – 400 клейм (С. 45), а в статье, изданной годом ранее – 402[17]. В каталоге Узун Сырт (вершина) пропущен № 53 и № 58, в разделе Узун Сырт (подножие) после клейма под № 65 следует клеймо без номера.

Упоминает А.В. Гаврилов и клейма из самой Феодосии, хотя отмечает, что «эта коллекция небольшая» (С. 8). С таким определением трудно согласиться, поскольку в публикации В.Н. Юргевича упоминается 500 керамических клейм, собранных А.Л. Бертье-Делагардом при строительстве порта в Феодосии[18].

В опубликованной коллекции много оттисков перстней. Вызывает удивление достаточно большой процент подобных оттисков на гераклейских амфорах. Ранее были известны лишь единицы. Не исключено, что не все из этих оттисков выполнены на гераклейских амфорах.

Поскольку автор дает материал по местам находки, то и проверка чтений клейм представлена в том же порядке.

---

[16] *Гаврилов А.В., Федосеев Н.Ф.* Амфорные клейма из античных памятников округи Феодосии // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сб. научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002.

[17] *Гаврилов А.В., Махнева О.А.* Амфорные клейма… С. 108.

[18] *Юргевич В.Н.* Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 году // ЗООИД. 1895. Вып. 18. С. 87–174.

Каталог

1.1. Изобильное.

№ 1–2. Ошибочное чтение. А.В. Гаврилов не отмечает курсивного написания, пишет, что эмблема в конце легенды, но не указано, какая эмблема.

1.2. Алмазное.

При описании памятника А.В. Гаврилов пишет о существовании здесь нескольких усадеб, которые «представлены золистыми пятнами». Полагаю, что для классификации памятника наличие только золистого пятна недостаточно, тем более что при характеристике следующего поселения («Надежда») – (С. 16) речь идет уже о селище, которое также определяется по золистым пятнам. Затем: погребальные памятники представлены «скифскими подкурганными погребениями раннескифского времени» (С. 15).

Особенно А.В. Гаврилов выделяет склеп, доследованный в 2010 году в 7 км от Алмазного. По его мнению, он являлся усыпальницей скифского царя (!- *Н.Ф.*). И далее: «его наличие в этой местности самым прямым образом свидетельствует о тесных связях скифской знати с Боспором, а также вхождении этого региона степного Крыма в сферу политических и экономических интересов Боспора». На этой интригующей ноте текст обрывается – ни ссылки на публикацию, ни каких других подробностей читатель более не найдет[19].

---

[19] По всей вероятности, речь идет о памятнике, опубликованном А.В. Гавриловым в 2012 году. Этот склеп не содержал никаких находок, поскольку 50 лет стоит открытый. Собранный на поле материал позволил А.В. Гаврилову датировать его последней четвертью IV – началом III в. до н.э. (Гаврилов А.В. Подкурганый склеп с уступчатым перекрытием в Присивашской степи у села Лебединка // ДБ. 2012. Вып. 16. С. 102). После пространных рассуждений о скифском населении этого региона, А.В. Гаврилов пришел к выводу, что «скиф, погребенный в склепе у с. Лебединка, относился к одному из таких знатных родов. Под его надзором был и присивашский степной путь, ведший с Боспора и Феодосии к Перекопу, что также давало некоторые материальные выгоды» (*Гаврилов А.В.* Подкурганый склеп... С. 110). Надо ли говорить, что этническое определение погребенного, его принадлежность к знатному роду, а также род его деятельности – суть фантазии А.В. Гаврилова? Также как и его предположение о наличии в склепе захоронений коней, погребального инвентаря, и лежащего перед входом в склеп охранника. Все это он планирует открыть при расчистке дромоса этого склепа.

В это можно было бы поверить, если бы не одно обстоятельство – описываемый А.В. Гавриловым склеп датируется I–II вв. н.э. Аналогичные конструкции склепов описаны коллегой А.В. Гаврилова по КФИА НАНУ А.Л. Ермолиным (*Ермолин А.Л.* Склепы с уступчатым перекрытием первых веков н.э. на Боспоре // ДБ. 2007. Вып. 11. С. 106–127; см. также: *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. 1. С. 140). Такой же склеп был расчищен мной на некрополе Кыз-Аул (*Федосеев Н.Ф.* Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-аул // БФ. 2009. С. 161–167). Все они имеют характерные черты: прямоугольная, а не квадратная форма камеры, сужение потолка с двух сторон, а не с 4-х, и, как правило, уступы небольшие 15–20 см, причем свод потолка перекрыт плитами, не завершая полностью рядность. Именно такому описанию соответствует рассматриваемый А.В. Гавриловым склеп.

Клеймённый материал с селища Алмазное представлен лишь одним клеймом хиосского (?) производства, датированный автором «первая половина V в. до н.э. или 70-е годы III в. до н.э.», что, впрочем не помешало А.В. Гаврилову сделать следующий вывод: «Амфорный импорт V – первой трети III в. до н.э. маркирует этот период античной эпохи. Амфорные клейма (! - *Н.Ф.)* выделяют в нем IV в. до н.э., как время наивысшего расцвета отношений скифской и греческой культур» (С. 15). Комментарии излишни.

1.3. Надежда.

№ 7. Указывается, что клеймо двустрочное, затем: «имя в нижней строке сокращено резчиком, возможно, он вырезал его окончание в третьей строке». Между тем, клеймо двустрочное и в восстановлении легенды этого клейма (Εὐαρχο | полумесяц | ἐπὶ Διονυ) А.В. Гаврилов допустил ошибку.

№ 9. Оснований для восстановления чего-либо во второй строке нет. Так же как и в первой строке возможны восстановления: Φιλ[οξέν] или Φίλ[ων].

№ 10. Легенда не восстановлена.

№ 11, 12. Клейма фрагментарны, чтению не поддаются.

№ 13. Магистрат Гистей не 1, а 2-й. В легенде отсутствует восстановление отчества (?) ΖΩ. В маюскулах использованы только квадратные скобки, в восстановлении легенды минускулами некоторые квадратные скобки заменены на круглые.

№ 14. Существует 3 штампа с различными эмблемами, автор не указал, что данный штамп с эмблемой – канфар.

№ 15. Эмблема Гиритта «голова быка» автором не отмечена.

№ 17. Неверно восстановлено имя магистрата Аполлодор, вместо Фэмий.

№ 20. Эмблема расположена не справа от легенды, а слева. Постоянная эмблема Гикесия 1 – слон[20].

№ 21. Утверждается, что это Посейдоний 4, хотя без эмблемы сделать это трудно.

№ 22. Астином не Естией, а Гистией, имя гончара не восстановлено.

1.4. Ореховка 1.

В этом разделе для синопских клейм присутствуют аналогии. Возможно это мои определения, поскольку эти клейма в свое время были мной обработаны в Крымском краеведческом музее и списки были переданы А.В. Гаврилову.

№ 1. Восстановление сомнительное.

№ 2, 10, 20, 22, 28, 29, 31, 32. Неверно восстановленные легенды.

№ 6, 22, 24–26, 30. Легенды не восстановлены.

№ 27. Традиционно эта монограмма восстанавливается как ΘΕΫ. Фото следует перевернуть на 90 градусов.

№ 21. Вторая эмблема – венок.

---

[20] См., напр.: *Федосеев Н.Ф.* Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2. С. 101.

№ 34. Монограммное клеймо, А.В. Гаврилов же пишет «астиномное»?!

1.5. Софиевка.

№ 1. Легенда восстановлена неверно. Беспрецедентное восстановление имени гончара [Θε]οξέν[ου] , в то время как надо Φιλοξένου.

№ 2. А.В. Гаврилов имя гончара не восстановил.

1.6. Селище Яркое Поле 1.

№ 2. А.В. Гаврилов легенду не восстановил.

1.7. Селище Яркое Поле 3.

№ 1. Имя гончара не восстановлено.

№ 2. А.В. Гаврилов не отметил наличие второй эмблемы – кратер. Клеймо принадлежит Посейдонию 5, а не Посейдонию 4. В характеристике материала с этого поселения присутствует загадочная фраза: «Ранний материал мной не отмечен, но, судя по многочисленности фрагментов амфор разных центров, он здесь есть» (С. 33).

1.8. Шубино.

№ 1. Легенда не восстановлена.

№ 4. Клеймо не читается.

№ 5. А.В. Гаврилов восстановил в 1 строке несуществующие буквы, надо Διονυ(σίο).

№ 7. В данном случае не просто «голова в профиль», а голова Геракла. Отчего-то А.В. Гаврилов считает это клеймо «фабрикантским».

1.9. Красновка 1.

№ 2. Неверное восстановление легенды.

№ 3. Клеймо не читается.

1.10. Синицыно 1.

№ 1–2. Клеймо не читается.

1.11. Берег Сиваша.

№ 1. Клеймо не двустрочное, а трехстрочное. Восстановление А.В. Гаврилова неверное.

1.12. Островное.

№ 1. Чтение А.В. Гаврилова не достоверное, т.к. на аналогичных оттисках другое изображение.

№ 2. Клеймо очень фрагментарное, не читается.

1.13. Васильковое.

№ 1. Неверное восстановление легенды.

1.15. Фронтовое 1.

«На селище найдено одно клеймо»… «поэтому находки клейм здесь обычны» (!? – *Н.Ф.*)

№ 1. Эмблема не «тушканчик», а «заяц». Написание имени гончара в данном случае Βάχχιος, ᾱ̣.

1.16. Холмогорка 1.

В аннотации Гаврилов пишет, что клеймо принадлежит Посейдонию 1, при описании клейма – Посейдонию 2 (! – *Н.Ф.*)

1.17. Новопокровка 1.

На этом поселении наиболее многочисленные находки керамических клейм – по подсчетам А.В. Гаврилова 689, однако, в действительности несколько меньше.

Ошибочное чтение: № 1, 3, 9, 19, 25, 38, 45, 46, 56, 58, 59, 65, 70, 72, 73, 76, 78, 79, 93, 103, 108, 111, 113, 114, 121, 124, 126, 129, 132, 133, 134, 135, 137, 139, 141, 146, 157–159, 163, 177, 179, 187, 200, 203, 205, 210, 211, 215, 219, 221, 232, 240, 242, 243, 246, 249, 250, 254, 255, 257, 258, 261, 262, 264, 267–269, 274, 278, 279, 288, 291, 293, 302, 303, 306, 310–312, 314, 317, 322, 338, 339, 344–346, 350, 351, 353, 354, 358, 365, 376, 383, 388, 390, 402, 423, 424, 437, 485, 487, 494–498, 504–506, 508, 510, 522, 524, 528, 529, 535, 537, 541, 545, 548, 555, 558, 559, 564, 568, 569, 573–576, 578, 582, 585, 586, 588, 590, 591, 593, 595, 596, 601–603, 605, 606, 609, 610, 614, 616, 619–624, 626, 628, 635, 636, 647–650, 655, 659.

Сомнительное чтение: № 28, 41 (новый?), 42, 105, 122, 182, 247, 270, 303.

№ 196–213, 222, 225, 226, 239, 245. Легенда не восстановлена.

№ 57. Не отмечено, что легенда начинается со второй строки.

№ 62. Фотография перевернута.

№ 67. Предположение, что эмблема «посох» не обосновано – это палица. См. сл. клеймо.

№ 71 «Данный фрагмент подходит к предыдущему клейму, как его продолжение». Абсолютно не подходит!

№ 75. То же восстановление, что и № 74, но оно не соответствует фотографии.

№ 81. Пропущена буква в чтении маюскулами. Эмблема не лист плюща, а гроздь.

№ 135. Под этим номером два различных клейма.

№ 152–156. Эмблема не «наконечник копья», а «рыба».

№ 162, 201. Восстановлена эмблема «палица», которой нет.

№ 443. В клейме эмблема не «ойнохоя», а «канфар».

№ 489. А.В. Гаврилов определил эмблему «канфар на высокой ножке и петух вправо», хотя, судя по фото – это «рука».

№ 536. Эмблема не лавровая ветвь, а голова Геракла.

№ 488. Какая эмблема? Известно три разных штампа с такой легендой.

№ 501, 507, 511, 523, 526, 547, 556. Не отмечена эмблема.

№ 169+170. Возможно одно клеймо.

№ 256. Новый штамп?

№ 434. В легенде не Θ, а Ф.

№ 435–436. Клейма состоят из отдельных букв, хотя А.В. Гаврилов пишет «анэпиграфные»?!

№ 440–442. Цветок ромашки, энглифическое. Отнесение этих клейм к Гераклее сомнительно.

№ 447. А.В. Гаврилов счел оттиском инталии с изображением «театральной маски» (С. 131). Одновременно он пишет, что это клеймо «энглифическое, анэпиграфное». Оттиск инталии никак не может быть энглифическим. Мне представляется, что изображение скорее

следует трактовать как голову Сатира. Похожий оттиск присутствует на мерной ойнохое из раскопок некрополя Тузлы[21].

№ 276, 277, 280–286, 289, 291, 292, 294–301, 305, 307, 308, 309, 313, 315, 316, 318–321, 324–331, 335, 336, 340–343, 347–349, 352, 355, 356, 359–364, 366–375, 377–382, 384–387, 389, 391–401, 403–406, 410–422, 425–433, 438, 439, 444, 448–476, 554, 580, 604. Легенда не восстановлена.

№ 521. Легенда А.В. Гавриловым приведена не точно, хотя есть ссылка на мою работу, где дано правильное чтение:

Νικοστράτου. Ἐπὶ Νικίου
Αἰσυμνήτου. ἀστυνομο-
ῦντος Ποσιδείου

герма, палица

А.В. Гаврилов Никия называет Ник, сомневается, что астином здесь Посидей, сын Гефестодора. Между тем, сегодня зафиксировано 8 оттисков этого эсимнетного клейма.

№ 530. А.В. Гаврилов пишет, что буква М во второй строке перевернута, что не верно.

№ 550. А.В. Гаврилов не отметил причастную форму названия магистратуры.

№ 562. «Неясное изображение». Возможно, А.В. Гаврилов имел в виду отсутствующую в этом оттиске эмблему «голова».

№ 587. Фотографию при этом номере сопровождает следующий курьезный комментарий: «на ручке, рельефное, трехстрочное, вся легенда сбита, не фотографировал»!??

№ 593. Эмблема не цветок, а «нос корабля». При этом А.В. Гаврилов пишет «вся легенда сбита, сохранилась только эмблема», далее – клеймо «трехстрочное».

№ 622. По А.В. Гаврилову: «голова сатира влево и лист плюща вершиной вниз». Если перевернуть фото, что правильно, то будет вершиной вверх.

№ 661–662. Клейма Аканфа, отчего-то А.В. Гаврилов называет их энглифическими.

№ 685. Клеймо с легендой ΕΡΜΙ А.В. Гаврилов относит к производству Менды, а клеймо № 674 с надписью ΑΓΕΛΟ к продукции неизвестного центра. Сейчас ясно, что оба эти клейма относятся к одному центру и принадлежат, по мнению О.В. Фатеева, к Икосу или Пепаретy[22].

1.18. Новопокровка 2.

№ 1. Неверное восстановление легенды.

1.19. Новопокровка 3.

№ 2. Легенда не восстановлена.

№ 3. Неверное восстановление легенды.

1.20. Журавки 1.

---

[21] *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове // ИАК. 1914. № 56. С. 24.

[22] *Фатеев О.В.* Новая группа средиземноморских амфорных клейм // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012. С. 181.

№ 4. Легенда не восстановлена.

№ 9, 16, 17, 28, 29, 33, 49, 51, 52, 54, 55, 66, 68, 74. Неверное восстановление легенды.

№ 47. А.В. Гаврилов пишет, что эмблема «канфар или кратер», – по фото очевидно, что это канфар.

№ 48. В опубликованной коллекции достаточно много оттисков перстней. Особенный интерес представляет оттиск, который как считает А.В. Гаврилов, изображает «коленопреклоненного Геракла» (С. 183). Наиболее же близкие аналогии дают персидские монеты, однако рельефное изображение исключает оттиск дарика, как предполагает А.В. Гаврилов. Скорее всего, это оттиск перстня на ручке гераклейской (?) амфоры. Если это действительно так, то это еще одно свидетельство о проперсидской ориентации Гераклеи Понтийской.

№ 57–58. А.В. Гаврилов эмблемы не отметил.

№ 60. «Неясное изображение» – «зерно».

№ 81. Это не трехстрочное клеймо, а двойной оттиск двустрочного клейма.

1.21. Журавки 2.

№ 8, 12, 14, 16, 17, 20, 21(фото перевернуто), 24, 26–28, 30, 33–38, 43, 44, 48, 49, 60, 63, 69, 70–72, 75–77, 82, 83, 86, 87, 92. Неверное восстановление легенды.

№ 13. А.В. Гаврилов предполагал магистрата Θ[Ι](-), хотя в двух случаях (см. выше аналогичный оттиск в Новопокровке 1, № 92) восстанавливает ΦΙ(-).

№ 23. Гаврилов пишет «однострочное», хотя ясно видны 2 строки.

№ 64. Изображение на оттиске перстня на гераклейской амфоре А.В. Гаврилов определил как «человек, сидящий перед птицей» (С. 209). На мой взгляд, это «царь Эдип и сфинкс».

№ 79. «Неясное изображение» - это факел.

№ 81. Сомнительное восстановление.

№ 93. Ручки котла на треножнике А.В. Гаврилов принял за буквы.

№ 100. Ошибочно считает это монограммное клеймо оттиском геммы.

1.22. Тамбовка IV.

№ 1. Неверное восстановление легенды.

1.22. Тамбовка VI.

№ 1, 5, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 19, 25. Неверное восстановление легенды.

№ 4. А.В. Гаврилов не отметил эмблему «канфар», соответственно магистрат не Дионисий 2, а Дионисий 4.

№ 8. Очевидно, что здесь Посейдоний не магистрат, а гончар.

№ 20. Под этим номером у А.В. Гаврилова «рельефное, трехстрочное, в прямоугольной рамке» синопское клеймо с эмблемой «виноградная гроздь». На фотографии же херсонесское клеймо Антибиона, которое фигурирует и под № 27.

№ 22. Не оттиск геммы, а монограмма ΠΜ в круглом, маленьком клейме.

№ 28. В херсонесских клеймах артикль ΤΟΥ отсутствует, но А.В. Гаврилов его воспроизводит как видимую часть клейма.

1.24. Петровка.

№ 2–10, 12–15. Неверное восстановление легенды.

№ 19. Монограмма ΠΜΦ.

№ 24. А.В. Гаврилов определил как клеймо производства Менды, хотя я отнес его к Хиосу.

1.25. Партизаны 1.

№ 1, 3. Сомнительное восстановление.

№ 2. Неверное восстановление легенды.

1.26. Партизаны 2.

№ 1. Цитата: «Эмблема расположена слева от легенды», хотя на фото никакой эмблемы нет. Неверное восстановление легенды.

№ 4. Имя магистрата Каллисфен А.В. Гаврилов не определил.

№ 5–6. Легенда не восстановлена.

1.27. Донская.

№ 1, 4, 8, 11, 12. Неверное восстановление легенды.

№ 3, 13. Легенда не восстановлена.

№ 5. Восстановление в круглых скобках не оправдано.

№ 16. А.В. Гаврилов отнес это клеймо к «неопределенному центру», предполагая Менду, в то время как это херсонесское клеймо[23].

1.28. Айвазовское.

№ 5–7. Неверное восстановление легенды.

№ 2, 8 Легенда не восстановлена.

1.29. Абрикосовка.

№ 1. Неверное восстановление легенды.

1.30. Бабенково.

№ 1. Легенда не восстановлена.

1.31. Кринички.

№ 3, 4, 8. Неверное восстановление легенды.

№ 9. Легенда не восстановлена.

1.32. Лесопитомник.

№ 4, 9, 13. Неверное восстановление легенды.

№ 8, 10–12, 14. Легенда не восстановлена.

1.33. Насыпное.

№ 4–6, 8, 9, 14, 15, 22, 23, 25–28, 31, 36, 37. Неверное восстановление легенды.

№ 2, 3, 7, 13, 20, 24, 30, 32–35, 38–41. Легенда не восстановлена.

№ 18. «Неясный предмет» это «зерно» и «голова Геракла».

№ 21. Эмблема не «канфар», а «кратер».

№ 49–50. Написание маюскулами и минускулами различается.

1.34. Ближнее 1.

№ 8, 10, 15, 19, 36–43, 46, 49, 52–54, 56, 57, 59, 62, 73, 80, 92, 97. Неверное восстановление легенды.

---

[23] *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. 2А–11, 10.

№ 1, 4, 6, 13, 14, 16–18, 20–35, 44, 47, 48, 58, 60, 61, 63–72, 74–79, 81–90, 93, 98. Легенда не восстановлена.

№ 55. В имени магистрата А.В. Гаврилов перепутал буквы: стигму и сигму.

№ 100. А.В. Гаврилов пишет «оттиск инталии», но на фото лишь фрагмент оттиска.

1.35. Ближнее 3.

№ 7–9, 12, 13, 23, 32, 38, 40, 43–47, 49, 50, 54, 56, 59, 78, 80, 81. Неверное восстановление легенды.

№ 3, 10, 11, 14–22, 24–28, 30, 31, 36, 53, 55, 57, 58, 60–69, 79, 82, 84, 85, 87. Легенда не восстановлена.

№ 52. Клеймо не синопское, а херсонесское – магистрат Геродот.

1.36. Ближнее 4.

№ 3. Неверное восстановление легенды.

№ 1, 4, 5. Легенда не восстановлена.

1.38. Селище Дачи.

№ 1, 2, 4, 7–9. Легенда не восстановлена.

№ 5, 6. Неверное восстановление легенды.

№ 4. Гаврилов пишет: Пасихар 1b (IV МГ), хотя не ясно, к какому магистрату это клеймо относится.

1.39. Береговое 1.

№ 1. Легенда не восстановлена.

1.40. Береговое 3.

№ 2. В легенде окончание на -ο, А.В. Гаврилов отчего-то восстанавливает -ο(υ). Неясный предмет – это лист.

№ 3, 6, 7. Неверное восстановление легенды.

№ 5. Легенда не восстановлена.

1.41. Тепе Оба.

№ 3–9, 11, 12. Неверное восстановление легенды.

1.43. Узун Сырт (вершина).

№ 2, 3, 5, 10, 12, 16, 19, 20, 26–29, 31, 36–40, 42, 43, 46–49, 52, 54, 56, 60–72. Легенда не восстановлена.

№ 4, 7, 13, 21, 22, 24, 25, 32, 34, 35, 41, 44, 45, 50, 51. Неверное восстановление легенды.

№ 72. А.В. Гаврилов отнес к «неопределенным центрам», в действительности это гераклейское клеймо.

1.44. Узун Сырт (подножие).

№ 7, 20–22, 29, 30, 32, 33, 35–38, 42, 48–50, 55, 57, 60, 61, 64, 66. Неверное восстановление легенды.

№ 3, 4, 9–19, 23, 28, 34, 41, 44, 46, 47, 51–54, 56, 58, 59, 62, 63, 65, 71. Легенда не восстановлена.

№ 25–26. А.В. Гаврилов не различает буквы Φ и Θ.

№ 40. Есть два штампа с этим сочетанием, какой в каталоге – не ясно.

№ 43. Существует два штампа с этой легендой, какой опубликован, не указано.

№ 43–45. В этих штампах имя магистрата в генитиве, отчего же ударение Δημήτριου?

1.45. Селище Куру Баш (лагерь).

№ 1. Неверное восстановление легенды.

1.46. Селище Куру Баш.

№ 1–3, 7, 9, 11. Неверное восстановление легенды.

№ 4, 10, 12, 13. Легенда не восстановлена.

№ 13. Возможно центр производства этой амфоры – Синопа.

1.47. Биюк Янышар.

№ 2. Эмблема не «лавровый лист», а «гроздь».

1.48. Сары Кая.

№ 1. Неясное изображение – это голова Гелиоса.

№ 2, 4, 6, 7, 10. Неверное восстановление легенды.

№ 5, 11. Легенда не восстановлена.

1.49. Качик 1.

№ 1. Неверное восстановление легенды.

1.50. Отдельные находки.

№ 1, 2, 5. Неверное восстановление легенды.

№ 3. Легенда не восстановлена.

Таким образом, неверно восстановленные легенды составляют 29 %, к этому надо добавить клейма, легенды которых не восстановлены. В результате менее половины предложенных чтений легенд, да и то с оговорками, можно считать достоверными. Такой результат никак не может служить базой для хронологии памятников округи Феодосии.

Нет смысла приводить в рецензии правильные чтения, поскольку корректировки требует не только более половины каталога, но и аналитическая часть, необходимо уточнить и место находки ряда клейм, как и номера хранения. Таким образом, керамические клейма округи Феодосии требуют новой публикации. Недоваренную кашу никто не доваривает – ее выбрасывают, и варят новую.

Сожаление вызывает лишь то, что под грифом «наукове видання», утвержденное Ученым советом Крымского филиала Института археологии Национальной академии наук Украины, опубликована явно дилетантская работа, которая вряд ли была бы возможна где-нибудь на Западе.

В.И. Кац

АМФОРНЫЕ КЛЕЙМА ОКРУГИ ФЕОДОСИИ (РАБОТА НАД ОШИБКАМИ)

В конце 2011 года вышла из печати обширная монография А.В. Гаврилова, посвящённая амфорным клеймам округи Феодосии[1]. Опубликовано более 1500 оттисков, обнаруженных на почти 50 поселениях Юго-Восточного Крыма. Практически это первая работа, охватывающая клеймёный материал одного из крупных северопричерноморских регионов. Несомненно, она могла стать знаковым событием в керамической эпиграфике Северного Причерноморья. Однако, к сожалению, судя по обширной рецензии Н.Ф. Федосеева, опубликованной выше в данном сборнике[2], это событие не состоялось.

В рецензии отмечается, что главным недостатком представленной монографии является отсутствие у автора профессиональных навыков работы с клеймами. Отсюда масса ошибок, допущенных на предварительной стадии их обработки: ошибки в локализации оттисков, в чтении и интерпретации надписей в повреждённых экземплярах, в их датировках. «В результате менее половины восстановлений (да и то с оговорками) можно считать достоверными»[3]. В итоге возникают сомнения в возможности использовать этот материал в качестве надёжной базы для выяснения хронологии памятников округи Феодосии и намеченного А.В. Гавриловым анализа распределения клейм во времени.

Показательно, что аналогичное впечатление о работе, проделанной А.В. Гавриловым, сложилось и у меня. В докладе на конференции «Боспорский феномен» мною рассмотрена предыстория появления монографии и сделана попытка разобраться в причинах, по которым работа автора по первичной обработке клеймёного материала оказалась малоэффективной. В заключении доклада отмечается, что с точки зрения методики анализа материала работа, проделанная А.В. Гавриловым, является вчерашним днём керамической эпиграфики, а по степени его предварительной обработки – позавчерашним[4].

---

[1] *Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // Археологический альманах. Донецк, 2011. № 24.

[2] *Федосеев Н.Ф.* Рецензия: Гаврилов, А.В. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). – Археологический альманах. № 24. Донецк: «Донбасс», 2011. – 350 с. // АМА. 2013. Вып. XVI.

[3] Там же.

[4] *Кац В.И.* К предыстории появления в свет Каталога амфорных клейм округи античной Феодосии // БФ. (в печати).

Вместе с тем, у меня имеются разночтения с Н.Ф. Федосеевым относительно дальнейшей судьбы опубликованных клейм. Н.Ф. Федосеев полагает, что «керамические клейма округи Феодосии требуют новой публикации». Конечно, это могло бы быть идеальным вариантом. Однако в этом случае полноценную публикацию мы вряд ли получим в обозримом будущем. Я не думаю, что найдётся специалист по керамической эпиграфике, который занялся бы этой трудоёмкой и неблагодарной работой, тем более, что вряд ли удалось бы найти и издательство, которое выпустило бы в свет этот объёмный труд. Поэтому, как я полагаю, единственным рациональным вариантом, позволяющим ввести в научный оборот данную коллекцию клейм, является предварительное проведение работы по выявлению ошибок, допущенных А.В. Гавриловым. И возможности для проведения такой работы имеются.

Коллекция клейм, опубликованных А.В. Гавриловым, распадается на три большие группы. Около трети оттисков обнаружено самим автором на поселениях в ходе работы по сбору подъёмного материала и шурфовки на некоторых из них, стационарных раскопок поселения Новопокровка 1. Практически все эти клейма проиллюстрированы фотографиями. Качество их вполне приличное, что позволяет в большинстве случаев проверить, а при необходимости исправить, предложенное автором чтение надписей в публикуемых оттисках.

Значительно хуже обстоит дело с клеймами, собранными Е.М. Кальским в 70–80-е гг. прошлого века на трёх поселениях: Новопокровке 1, Журавки 1 и Журавки 2. Они составляют около 40 % всей совокупности опубликованных А.В. Гавриловым оттисков. Меньшая часть из них (около 50 экземпляров) осталась в личном распоряжении Е.М. Кальского. Остальные клейма при содействии О.А. Махнёвой поступили в Феодосийский музей древностей. При передаче материала ею был составлен предварительный список клейм этой коллекции. Впервые они были опубликованы А.В. Гавриловым в соавторстве с О.А. Махнёвой за год до появления рецензируемой монографии[5] и практически без изменений включены в состав последней[6].

Работа А.В. Гаврилова с «коллекцией Е.М. Кальского» оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, несомненно, его заслугой является обработка того клеймёного материала, который не поступил в Феодосийский музей. В Каталоге эти клейма проиллюстрированы протирками хорошего качества. С другой – сверка списка О.А. Махнёвой с клеймами, находящимися в самом музее, если и проводилась, то крайне небрежно. И это не голословное заявление. Дело в том, что мне приходилось обрабатывать клейма данной музейной кол-

---

[5] *Гаврилов А.В., Махнёва О.А.* Амфорные клейма из округи античной Феодосии (сборы Е.М. Кальского 1974–1985 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Ольги Александровны Махневой. Археологический альманах. Донецк, 2010. Вып. 22. С. 107–168.

[6] В связи с этим, не совсем понятно, насколько рациональна была предварительная публикация достаточно обширной по объёму первой статьи, посвящённой клеймам коллекции Е.М. Кальского.

лекции. В результате была составлена опись клейм, находящихся в фондах музея[7]. Сверка данных, содержащихся в описи, с теми, которые приведены в Каталоге А.В. Гаврилова, показала, что практически все клейма (более сотни экземпляров), у которых в Каталоге отсутствует указание на место хранения и которые не проиллюстрированы, находятся в Феодосийском музее и имеют соответствующие инвентарные номера (см. приложение 3). Кроме того, у трёх десятков оттисков паспортные данные, указанные в Каталоге, не совпадают с теми, которые стоят на клеймах (см. приложение 3). Помимо этого, 14 клейм в Каталоге сдублированы (см. приложение 2). Наконец, более 50 клейм «коллекции Е.М. Кальского», находящиеся в музее, вообще не включены в Каталог (см. приложение 4).

Ещё хуже обстоит дело с публикацией третьей группы клейм – коллекцией, собранной А.А. Кайдашем на 11 поселениях и насчитывающей более 370 экземпляров. Проиллюстрировано менее 60 % из них. При этом, если фотографии вполне пригодны для работы по сверке надписей и эмблем в клеймах, то этого не скажешь о протирках, большинство из которых столь низкого качества, что не содержат сколь-нибудь надёжной информации. Как указывает сам А.В. Гаврилов клейма основной части коллекции, которые находятся в фондах Керченского историко-культурного заповедника, ему «не удалось сфотографировать»[8]. Здесь А.В. Гаврилов явно не договаривает. Судя по рецензии Н.Ф. Федосеева, он вообще не проводил сверку керченского материала.

Таким образом, сверка представленного в монографии А.В. Гаврилова клеймёного материала вполне возможна. В приложении 1 представлены исправления чтения и интерпретации надписей более чем в 450 клеймах. Поправки разноплановые. У 13 % оттисков (в основном гераклейских и синопских) либо исправлены, либо заново прочитаны имена фабрикантов. Это в большинстве случаев не повлияло на предложенную автором их датировку, чего нельзя сказать об остальных клеймах, представленных в приложении. Среди них присутствуют три оттиска, локализация которых проведена ошибочно: явно мендейское клеймо отнесено к продукции Фасоса (Журавки 2, № 90), херсонесское астиномное клеймо помещено в раздел синопских (Ближнее 3, № 52), наконец, херсонесское фабрикантское клеймо отправлено в раздел оттисков неопределённых центров (Донская, № 16). Так же, у 13 % оттисков (главным образом, гераклейских) предложенное автором восстановление легенды более чем сомнительно. К сожалению, в связи с тем, что большинство из этих клейм не снабжено иллюстрациями, произвести правильное восстановление их легенды не представляется возможным.

Среди оставшихся оттисков почти у 100 экземпляров ошибочно восстановлены имена магистратов, в 35 случаях неправильно опреде-

---

[7] *Кац В.И., Полукаров А.* Опись керамических клейм Феодосийского музея. Рукопись. Архив ФМД. 1997.

[8] *Гаврилов А.В.* Указ. соч. С. 8.

лена принадлежность клейма (магистратские выданы за фабрикантские и наоборот), в 38 клеймах ошибочно определены омонимы. Как отмечает А.В. Гаврилов, «легенды части клейм вследствие их сохранности восстановить полностью не удалось»[9]. Однако автор явно поскромничал, ему следовало бы указать, что таких клейм насчитывается около 650 (более 40 % всей коллекции). Между тем, у четверти этих оттисков (в 154 экземплярах) удалось надёжно восстановить надписи и, таким образом, их продатировать.

На этом работа над ошибками не может считаться законченной. Она должна быть продолжена Н.Ф. Федосеевым. Судя по его рецензии, у него также имеется большое число замечаний по опубликованным А.В. Гавриловым клеймам.

[9] *Гаврилов А.В.* Указ. соч. С. 10.

Приложение

1. Исправления локализации, восстановления легенд, датировок клейм

1. Изобильное

	предложенное чтение легенды	исправленное чтение	примечания
1	[ἀσ]τ[υνόμου]]σ[῾Ηφαισ[τίου τοῦ] Ποσ[ειδ]ων[ίου] амфора	[῾Ισ]τ[ικῶνος] [ἀστ]υνό(μου) гроздь ↓ [῾Ηφαι]στίο(υ) амфора [Πο]σειδων[ίο]	*Аналогии:* IOSPE, № 4587–4588. Клеймо синопского астинома Гистикона (IIIВ МХГ – 10-е гг. IV в.)[35], а не Гефестия, сына Посейдона.
		3. Надежда	
		Гераклея	
4	Δι[ονυσίο] ἐπὶ Δ[εινομάχο]		Клеймо не фабриканта Дейномаха, а одноименного магистрата (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).
9	Φίλ[ιν] Α[- - -]	[- - -] Φίλ[ιν]	Клеймо, видимо, принадлежит магистрату Филину (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
10	[- - -]οα[- - -]	῾Ηρα[κλέδα---]ς? ↻	*Новый штамп.* Клеймо содержит имя фабриканта Геракледа. В однотипных оттисках он известен с магистратами IA МХГ (90-е гг. IV в.) Ια(---) и Πα(---).
		Синопа	
16	[Πο]σειδων(ίου) [ἀστυνόμο(υ)] [Καλλισθέ(νους)] палица, гроздь	[Πο]σειδωνί(ου) [ἀστυνό(μου)] палица, [Καλλισθέ(νου)] гроздь	Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIС МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.
17	[᾽Απο]λλοδώρο(υ) ἀστυ<νό>μου Ποσειδωνίου колос, гроздь	[Φημ]ίου ἀστυ(νό)μου гроздь, ↓ Ποσειδωνίου колос →	*Аналогии:* IOSPE, № 7560–7561. Клеймо астинома Фемия I (IIIВ МХГ – конец IV в.), а не Аполлодора, как указано в Каталоге.
21	Ποσε[ιδωνίου] ἀστυ[νόμου] Σινω[πίων]	Ποσε[ιδωνίου] ἀστυ[νό(μου) птица] Σινω[πίων треножник]	Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония II (IIIA МХГ – конец 20-х гг. IV в.), а не IV, как указано в Каталоге.

22	[ἀστυ]νομοῦ<ν>τος [Ἑστ]ιαίου [. . . .]ου	[ἀστυ]νομοῦ(ν)τος [Ἑστ]ιαίου канфар [Πίστ]ου	*Аналогии:* IOSPE, № 3217–3221. Клеймо астинома Гестиея I (VA МХГ – конец 80-х гг. III в.)
		4. Ореховка 1	
1	Σιλα[νό] канфар	[- - -] канфар Σιλα[νό]	*Новый штамп.* Клеймо не фабриканта Силана, а одноимённого магистрата (IVB МХГ – 30-е гг. IV в.).
2	[Δ]αμ[ατρίο] виноградная гроздь	Ἀμ(φίτα) [Διο(νυσίο)] *внутри листа*	*Аналогии:* IOSPE, №, 676–677; Новопокровка 1 (№ 190–193). Клеймо магистрата Амфиты (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.).
6	ἐπὶ [- - -] ππ[- - -]	ἐπὶ [Λευκί-] ππ[ου Ἀρισ(- - -)]	*Аналогии:* Ближнее 1 (№ 6). Клеймо эпонима Левкиппа (VБ МХГ – конец IV в.).
		Синопа	
9	Ποσειδων[ίου] ἀστυνόμου Ἑκαταίου гроздь		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.
10	[Ἀπολλό]δωρου [ἀστυν]όμου [---]	[Ἀρτεμι]δώρου [ἀστυν]όμου [Νουμηνίου]	*Аналогии:* IOSPE, № 1662–1664. Клеймо астинома Артемидора I (IVA МХГ – 90-е гг. III в.), а не Аполлодора, как указано в Каталоге.
15	[Πο]σειδωνίο[υ] [ἀσ]τυνό[μου] [Ποσει]δώνιος змея [Θευδ]ώρου		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония III (IIIB МХГ – конец IV в.), а не IV, как указано в Каталоге.
16	Ἐ[πιδή]μο[υ] ἀ[στυνόμ]ου [Στεφάνου]	Ἐ[πιδή]μο[υ] ἀ[στυνόμ]ου [- - -]	Предложенное восстановление имени фабриканта не находит подтверждения (см.: IOSPE, № 3013–3016).
22	Βόρ[υο]ς ἀστ[υνόμου] гроздь Στε[φάνο]υ	Βόρ[υο]ς ἀστ[υνόμου] гроздь ? Τε(voc.)ύ[θρα]	*Аналогии:* IOSPE, № 1925.

		Фасос	
28	[ΘΑ]ΣΙΩΝ ΝΑ[- - -] таблетка ΙΩ[- - -]	Θασίων лампа ΓΑ Μελίνω(ν)	Сомнительно предположение о том, что данное клеймо содержит имена магистратов Павсания или Аристагора. *Аналогии*: *Garlan*, 1999. № 768. Клеймо магистрата ΓΑ (4-й этап – конец 60-х гг. IV в.).
29	[ʼΑρ]ισταγό]οσδα[[Θασίω ν] мышь	[ʼΑρ]ισταγό]οσδα[[Θασίω ν] мышь	*Аналогии: Garlan,* 1999. № 703. Клеймо магистрата Дамаста II (5 этап – 50-е гг. IV в.), а не Аристагора.
30	[Θασίων] Πει[---]/ курильница вправо	[Δημάλκ/ης/ Θάσιον] Π/ει(---) вокруг курильницы	*Аналогии: Garlan,* 1999. № 825. Клеймо магистрата *Pei(---)* – (6 этап – 40-е гг. IV в.).
		5. Софиевка	
1	[Θ]ευπείτ[ου] [ά]στυν[όμου] [Θε]οξέν[ου]	[Θ]ευπείθ[ου] [ά]στυν[όμου] [Φιλ]οξέν[ου]	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 622).
2	[Θεο]δωρίδου [ἀστ]υνόμο [---]χο[---]ς	[Θεο]δωρίδου [ἀστ]υνόμο [ʼΕπι]χά[ρου]ς	*Аналогии:* IOSPE, № 3986–3988.
		6. Яркое поле 1	
2	[---]ΘΕ виноградная гроздь	[- - -] гроздь [Λυσι]θέ(ου)	Клеймо гераклейского магистрата Лиситея (IIIБ МХГ – 60–50-е гг. IV в.).
		7. Яркое поле 3	
1	[ʼΙκεσίου] слон герма [ἀστυν]όμου [- - -]ατου	[ʼΙκεσίου]слон, герма [ἀστυν]όμου [Φιλοκρ]άτου	*Аналогии:* IOSPE, № 4269–4271.
2	[Ποσει]δωνίου [ἀστυν]ομοῦντος [Φιλοκ]ράτους		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония V (IVA МХГ – 90-е гг. III в.), а не IV, как указано в Каталоге.

	гроздь, канфар		
			8. Шубино 1
3	[῾Η]ρακ[λεί]δα [᾿Αμ]φίτ[α] ← гроздь	[Κάλλι]α [᾿Αμ] гроздь φίτ[α] ←	*Аналогии:* Героевка 2.
			9. Красновка 1
2	Μ[ητ]ρό[υδωρος] [Θευ]δωρίδου [ἀσ]τυ[ν]όμοῦ [ντ]ος гроздь	Μ[ί]κο[υ] гроздь, [τοῦ Πυ]ρρίδου лист [ἀσ]τυ[ν]όμου [Σαγάρι]ος	*Аналогии:* IOSPE, № 5318–5324. Клеймо астинома Мика, сына Пиррида (IIIC МХГ – начало III в.), а не Феодорида, как указано в Каталоге.
			10. Синицыно 1
2	[- - -] [Θάσιο]ν [- - -]	[- - -] ? [Θάσιο]ν	Клеймо относится к «позднему», а не «раннему» периоду фасосского клеймения, и датируется не ранее конца IV в.
			12. Островное
1	[᾿Αμ(φίτα)] Δι(ονυσίο) [виноградная гроздь]	[- - -] Δι(ονυσίο) *листовидное*	*Новый штамп.* Клеймо оттиснуто иным штампом, чем тот, который указан в Каталоге. Фабрикант Дионисий, работал при гераклейских магистратах IVA МХГ (50-е гг. IV в.).
			13. Васильковое 1
1	[᾿Ε]σ[τιαίου] [ἀστυν]ομοῦ [ντος ῎Ι]φιος змея	[᾿Ικε]σ[ίου] слон, [ἀστυν]όμου гроздь, [Σαγά]ριος колос	*Аналогии:* IOSPE № 4253–4262. Клеймо синопского астинома Гикесия 1 (IIIC МХГ – начало III в.), а не «Естиея», как указано в Каталоге.
			16. Холмогорка 1
9	Ποσειδωνίου ἀστυνόμου Δημητρίου		Спутаны омонимы. Клеймо синопского астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.

17. Новопокровка 1			
Гераклея			
1	[’Α]ιάκ [ητ]ος	[Ε]ὐάρ [χ]ος	*Аналогии:* IOSPE, № 1510. Эварх – фабрикант РФГ (конец V – начало IV в.).
3	Χ[ίω [νος]	Χ[ί] ο	*Аналогии:* IOSPE, № 1917. Хион – фабрикант РФГ (конец V – начало IV в.).
8	[Δα]ματ [ρίο]	[- - -] [Δα]ματ[ρίο]	Клеймо магистрата Даматрия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.), а не одноименного фабриканта, как указано в Каталоге.
9	[Δαματ] ρίος	[- - -] [Ματ]ρίος	Клеймо, видимо, магистрата Матрия (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.), а не фабриканта Даматрия, как указано в Каталоге.
16	[Διονυ]σίο	[Διονυ]σίο ↻	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 17. Надпись не однострочная, как указано в Каталоге, а выполнена по кругу.
19	Διο[νυσίο]	[Ονάσ ο Π[α(---)]	Перевернуть фотографию на 180 градусов. *Аналогии:* IOSPE, № 883. Клеймо магистрата IA МХГ Πα(---) – начало IV в.
25	[Δι]ονυ [σίου] ←	[Δι]ονυ[σ] [ίο Μολο(σσῶ)] ←	*Аналогии:* IOSPE, № 705; Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 281–282). Клеймо не фабриканта Дионисия I, а магистрата Молосса (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
28	[Εὐπα]μων	[- - -]μων [- - -]	Клеймо, несомненно, не фабрикантское, а магистратское. Не сохранилась нижняя строка.
31	[Εὐρυ] δάμ[ο]	[---] δάμ[---]	Сомнительно предложенное восстановление легенды клейма. Возможны другие варианты.
35	Εὐ[ρυ] δ[άμο]	Ευ [---] [---]	Сомнительно предложенное восстановление легенды клейма. Возможны другие варианты.
37	῾Ηρακλε[ίδας]	῾Ηρακλε[ίδας] [- - -]	Клеймо, несомненно, не фабрикантское, а магистратское. Не сохранилась нижняя строка.
38	[῾Ηρα]κλείδας	[῾Ηρα]κλείδας [῾Ηρακλείδας]	*Аналогия*: IOSPE, № 804–806. Клеймо магистрата Гераклида (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.).
39	῾Ηρα[κλει῾] δ	῾Ηρα[κλεί δ(α)	*Аналогии:* Партизаны 1, № 2. Клеймо не фабрикантское, а магистратское. Не сохранилась нижняя строка.

	виноградная гроздь	[- - -]	
40	ʽΗρακλεί[δαϛ]	ʽΗρακλεί[δα]	*Аналогии:* IOSPE, № 1619–1620. Гераклид – эргастериарх не ранней, а поздней ФГ – первая треть III в.
42	[ʽΗρα]κλ [είδα]ϛ палица влево	[---]κλ палица [---]ϛ	Сомнительное восстановление имени фабриканта. Возможны другие варианты.
44	ʽΗρόδω[ρου] [Λύ]	ʽΗρόδω[ροϛ] [ʼεπιΛύκω(νοϛ)]	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 129, 205; Журавки 2. № 63. Клеймо магистрата Люкона (IIIА МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Λυ(-).
45–46	θεογ- ένεοϛ	θεοξ- ένο	*Аналогии:* IOSPE, № 1640–1647. Клейма фабриканта РФГ Теоксена, а не Теогена.
51	Κα[λ] [λία]	Κα[---] [---]	Сомнительно предложенное восстановление легенды клейма. Возможны другие варианты
52	Νόσσο	[---]	Сомнительно предложенное восстановление легенды клейма. Ни одна из букв надёжно не читается.
54	[Σ]ιλα [νό]	[---]ιλα	Сомнительно предложенное восстановление легенды клейма. Возможны другие варианты.
58	[Στασιχό]ρο ← палица	ʽΑπολλω(νίο) Φιλο(ξένο) палица	*Аналогии:* IOSPE, № 514. Клеймо магистрата Филоксена (IVБ МГ – 40-е гг. IV в.), а не фабриканта Стасихора, как указано в Каталоге.
59	[Στασ]ιχόρο	[Στασ]ιχόρο палица [- - -]	Клеймо не фабрикантское, как указано в Каталоге, а магистратское.
65	ʽΑρχ[έστ] ρ[ατο]ϛ	ʽΑρχ[έστ] ρ[ατο Πα(---)]	*Аналогии:* Нимфей. Клеймо магистрата Πα(- - -) IA МХГ – начало IV в.
70	[Εὐαρ] χο	[Στασι] χό[ρο]	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 62. Клеймо фабриканта РФГ Стасихора (конец V – начало IV в.).
71	[Εὐ]άρχοϛ ←	[Εὐ]άρχοϛ [ἐπὶ Αἰθέροϛ] ←	Перевернуть фотографию на 180 градусов. Клеймо магистрата Айтера (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).

72	[Εὐ]ποροϛ	[Εὐ]ποροϛ [ʽΗρακλείδαϛ]	*Аналогии:* IOSPE, № 729. Клеймо не фабрикантское, как указано в Каталоге, а магистратское эпонима Гераклеида (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.).
75	[Δέρ]κε τοϛ	[---]λε палица [---]	Сомнительно предложенное восстановление легенды клейма. Возможны другие варианты.
76	Μαλάκων	[Μενοίτιοϛ] канфар Μαλάκων	*Аналогии*: IOSPE, № 961–962. Клеймо магистрата Менойтия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.).
84,86	Κό[αϛ] Π[α(---)]	Κό[αϛ] [- - -]	Клейма оттиснуты иным штампом, чем тот, который отмечен в Каталоге.
87	Διονυ σίο Πε(-)	Διονυ σίο Θε(-)	Клеймо магистрата IA МХГ Θε(-), а не Πε(-), как указано в Каталоге.
89	[Θε]ογέ [νεοϛ]Λυ(---)	[Θε]οξέ [νο] Λυ(---)	*Аналогии:* Херсонес.
91	Βότα канфар Με(- - -)	Βότα(χοϛ) канфар Με(νοίτιοϛ)]	*Аналогии:* Узун Сырт. № 8. Клеймо магистрата Менойтия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.).
92	ʽΗρακλ έδα Φι(---) ηρ	ʽΗρακλ έδα Φι(---) ʽΗρ(---)	*Аналогии:* Китей (*Молев,* 2010. С. 267. № 188); Журавки 2. № 13. Клеймо магистрата IБ МХГ (90-е гг. IV в.) Φι(---).
93	ʼΑπ[ολλωνιο] Θι(---)	ʼΑπ[ολλω(νιο)] Φι[λο(ξένο) палица	*Аналогии:* IOSPE, № 514. Клеймо магистрата Филоксена (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.).
103	[---] [Μο]λοσσό	[ἐπὶ Μο]λοσσ[ό] [Κερ]κίν[ο]	*Аналогии: Онайко,* 1980. Клеймо магистрата Молосса (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
104	[- - -] [Μολ]οσσό палица	[Ν]οσσό палица	*Аналогии:* IOSPE, № 1754–1756. Новопокровка 1. № 363. Клеймо фабриканта Носса, а не магистрата Молосса.
107	Στασιχ(ό)ρο	Στασιχ(ό)ρο	*Новый штамп.* Клеймо магистрата Матрия (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Айтера.

	[ἐπὶ Αἰθ]έρος	ἐπ[ὶ Ματρ]ιος	
108	[- - -]ος [ἐπὶ Αἰ]θέρος	[Φιλών]ος [ἐπὶ Αἰ]θέρος	*Аналогии:* Китей (*Молев,* 2010. С. 267. № 182).
111	’Αγ[άθων] ἐπὶ ’Α[ρίστωνο]	’Αγ[άθων] ἐπὶ Λ[ύκωνος]	Клеймо магистрата Ликона (IIIА МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Аристона.
113–114	[Καλλίας] дельфин [ἐπὶ ’Αρ]ίστωνος	[Κόας] дельфин [ἐπὶ ’Αρ]ίστωνος	*Аналогии:* IOSPE, № 108–110.
121	Θη[ραίο’επ’’Αλ] [κέθα]	Θη[ραίο]	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 48. Клеймо фабрикантское, а не магистратское.
124	Δέ[ξιππος ἐ] πὶ Σ[τύφωνος]	Δέ[ξιππος ἐ] πὶ [- - -]	Сомнительно предложенное восстановление имени магистрата.
126	Μα[λία] ἐπὶ [Στύφωνος]	Μα[λία] ἐπὶ [- - -]	Сомнительно предложенное восстановление имени магистрата.
129	‘Ηρόδω[ρου] ’επὶ [Στύφωνος]	‘Ηρόδω[ρος] ’επὶ [Λύκω(νος)]	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 44, 205; Журавки 2. № 62. Клеймо магистрата Ликона (IIIА МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Стифона.
130–137			Дейномах во всех этих клеймах является магистратом, а не фабрикантом, как указано в Каталоге.
139	[Λυκό]δωρος [’επὶ Εὐγει]τίων ←	[Λυκό]δωρος [Εὐγει]τίων ←-	*Аналогии:* IOSPE, № 929.
140	[Λυκόδωρος] [’επὶ Εὐγειτ]ίων ←	[- - -] [---]ιδν ←	Сомнительно предложенное восстановление.
141	’Αρ[ίστων] Ὤρ[ος]	’Αρ[ίστ ω[νος]	*Аналогии:* IOSPE, № 1287. Клеймо фабриканта РФГ Аристона, а не магистрата Ороса, как указано в Каталоге.
142–143	Δε(ι)νο(μάχου) Αἰθών		*Новый штамп.* Клейма магистрата Дейномаха (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Этона, который указан в Каталоге как магистрат.
146	Διον[υσίο] Κερκ[(ίνος)]	Διο па- νυ(σίο) К лица ερ(κίνο) *ромбовидное*	*Аналогии:* IOSPE, № 1287.

163	[ʽΗρακλ]έδα [Κερκίνος]	[ʽΗρακλ]έδα [Κύρο]ς	*Аналогии:* IOSPE, № 814–815. Клеймо магистрата Кира (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Керкина, который указан в Каталоге.
177	ʼΑρ[ίστων] ἐπὶ Δ[ιονυ(σίο)] полумесяц	ʼΑρ[τέμων] полумесяц ἐπὶ Δ[ιονυσίο]	*Аналогии:* IOSPE, № 161. Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 110).
179	Νόσσο [ἐπὶ] [Διονύ]σιος гроздь	[ἐπὶ Καρακύδ]εος Νοσσό *вокруг грозди*	*Аналогии:* IOSPE, № 235–236. Клеймо магистрата Каракида (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Дионисия II.
186	Παύσ[ων] [ἐπὶ Δι]ονυ(σίο) ←	[ἐπὶ Εὐγε(ι)τιων[ος Δερκέτο] ↺	*Аналогии: Домжельский, Чистов,* 2003. Табл. 3–*31*; Новопокровка 1. № 274; Журавки 2. № 24. Клеймо магистрата Эвгетиона (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Дионисия II.
187	Παύσ[ων] ε[πὶ] [Διονυσ]ίο	[Θε]ομέ[νης] [Μ]ενο[ίτιος] ↻ *вокруг канфара*	*Аналогии:* Китей (*Молев,* 2010. С. 279. № 439). Клеймо магистрата Менойтия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.), а не Дионисия II.
190–193	ʼΑμ(φίτα) Διο(νυσίο) виноградная гроздь	ʼΑμ(φίτα) Διο(νυσίο) *внутри листа*	Клейма, выполненные одним штампом, принадлежат магистрату Амфите (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.), а не Дионисию II.
197	[- - -] [Δι]ονυσίο ←	[Διονυσίο/Δι]ονυ/ σ[ίο]ς *по треугольнику*	*Аналогии:* IOSPE, № 690. Клеймо магистрата Дионисия I (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.), а не Дионисия II, как указано в Каталоге.
200	[Εὐρύφων] [ἐπὶ] Λάκω[νος]	[Εὐρύφων] кольцо [Μα]λάκω[ν]	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 289). Клеймо магистрата Эврифона (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.), а не Лакона, который указан в Каталоге.
203	Δε[(ι)νόμαχος) Λύ[κωνος]	Δε[ξίππο] Λυ[σιθέ(ου)]	*Аналогии:* Горгиппия (2 экз.); ниже № 210. Клеймо магистрата Лиситея (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.), а не Ликона.
205	[Ματρ]όδωρος [ἐ]πὶ Λύκω(νος)	[ʽΗρ]όδωρος [ἐ]πὶ Λύκω(νος)	*Аналогии:* См. выше: № 44, 129; Журавки 2. № 62.
207	[Μο]λοσ[σός] [ἐ]π[ὶ Λύκω(νος)]		Сомнительное восстановление легенды.
208	[Νό]σσός	[Μολο]σσός	*Аналогии:* IOSPE, № 308–310.

	[ἐπὶ Λύ]κωνο	[ἐπὶ Λύ]κωνο(ς)	
310	[- - -]ΘΥΠ[---] [---]	Θυγ[ι-] [ο Ια(---)	*Аналогии:* Керчь (по данным Н.Ф. Федосеева). Клеймо магистрата Ια(---) (IA МХГ – 90-е гг. IV в.).
311	- - -Ρ - - -Α	[ʼΑκο]ρ [́νο Π]α(- - -)	*Аналогии:* IOSPE, № 490–492. Клеймо магистрата Πα(---) (IA МХГ – 90-е гг. IV в.).
312	[---]ΤΣΟ[---]	[Φίλινος] [Μ]ῦς гроздь	*Аналогии:* Гермонасса (*Коровина*, 2002. Табл. 46–*12*); ниже № 423. Клеймо магистрата Филина (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
315	Ον[ασος] Εο…	Θ[εοξ] έν[ο]	Клеймо фабриканта РФГ Теоксена (конец V – начало IV в.).
318	[---] [---]ΟΣ виноградная гроздь	[Βοτάχο]ς гроздь [ʼΑγασίλλ]ος	*Аналогии:* Керченский музей. Клеймо магистрата IVA МХГ Агасилла (конец 50-х гг. IV в.).
323	[Διονυυ]σίο [---]ον	[υ]σίο [Διον	*Аналогии:* IOSPE, № 716. Клеймо фабрикантское (РФГ – начало IV в.), а не магистратское, как указано в Каталоге.
325	Σωτήρος [---]ωσ[-]ς	Σωτήρος [Σ]ωσ[ί]ς	*Аналогии:* Херсонес. Клеймо магистрата IIA МХГ Сосия (80-е гг. IV в.).
335	Πασιά[δα] [---] ←	Πασιά [δα Λε(---)] ←	Аналогии: Херсонес. Клеймо магистрата Λε(---) – IБ МХГ (90-е гг. IV в.).
338	[Διον]υσίο [---] ις	[Διον]υσί(ο) [ʼΑρ]ισίσ(των) *ромбическое*	Аналогии: IOSPE, № 680–687. Клеймо магистрата IIБ МХГ Аристона (80-е гг. IV в.).
339	[---]ΩΙΛ[---]	Καλ- палица λία	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 49, 50. Клеймо фабриканта РФГ Каллия (конец V – начало IV в.).
344	Νόσσο [- - -]αμος	Νόσσο ʼΑμφίτα	*Аналогии:* IOSPE, № 1008. Клеймо магистрата IVA МХГ Амфиты (конец 50-х гг. IV в).

346	[---]INE[---]Y	[ἐπὶ Ε]ὐξενο[ς] [Σωσίβι] ←	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 373). Клеймо магистрата IIIБ МХГ Эвксена (50-е гг. IV в.).
350	[---]πομ [---]πα	[Εὐ]πάμ [ων] Πα(- - -)	Клеймо магистрата IA МХГ Πα(- - -) (90-е гг. IV в.).
351	Μολοσ[σο΄] I [---]	Μολοσ[σο] полумесяц [ἐπὶ Διονυ]	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 389). Клеймо магистрата IIIA МХГ Дионисия II (60-е гг. IV в.).
423	[---]NOΣ неясное изображение	[Φίλι]νος] [Μ]ῦς гроздь	*Аналогии:* Гермонасса (*Коровина,* 2002. Табл. 46, 12), выше № 312. Клеймо магистрата Филина (IIIБ МХГ -50-е гг. IV в.).
		Синопа	
496	[ἀ]στυ[νόμου] [Πρωτοφ]άνου{ο}ς [---]	[Βόρυος] [α᾽]στυ[νόμου] ᾽Ανυος	*Аналогии:* IOSPE, № 1813–1816. Клеймо астинома Бория (IVC МХГ – 80-е гг. III в.), а не Протофана, как указано в Каталоге.
497	[Θευγ]είτου [ἀ]στυνό(μου) [---]εο	[Θεοπ]είθ[ο(υς) [ἀ]στυνό(μου) [Γ]έρ[οντος]	*Аналогии:* IOSPE, № 4088. Клеймо астинома Теопейта (IIIC МХГ – конец IV в.), а не Теогейта, как указано в Каталоге.
501	᾽Επιέ[λπου] ἀστ[υνο΄(μου)] ᾽Ηφ[αιστιου]	Ἐπιδ[ήμου᾽ασ] τυν[ομοῦντος] ᾽Ηρ[ακλείδου]	Аналогии: IOSPE, № 2992. Клеймо магистрата Эпидема I (IVA МХГ – 90-е гг. III в.), а не Эпиелпа, как указано в Каталоге.
502	[Πο]σειδ[ω]νίου ἀστυνόμου палица Σαγάριος герма		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не IV, как указано в Каталоге.
503	[Ποσειδωνί]ου [α᾽]στυνο΄(μου) [Καλλισ]θέ(νου палица, гроздь		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.
504	Διο[νυσίο]	Δίο[υ]	*Аналогии:* IOSPE, № 2702–2705. Клеймо астинома Дия (IVA МХГ –

	ἀστυν[όμου] Τϵ[ύθρα]	ἀστυν[ο(μου)] Τϵ[ύθρα	90-е гг. III в.), а не Дионисия II, как указано в Каталоге.
508	Πόσιος ἀστυνό[(μου) Μ[- - -]	Πόσιος ἀστυνό[(μου) Μ[αντι]θ[ϵου]	*Новый штамп*: Ближнее III. № 50. Клеймо астинома Посия I (IIIA МХГ – 10-е гг. IV в.).
510	[Ἀπολλοδώρου] [ἀστυνό]μου [Ποσει]δωνίου колос и гроздь	[Φημίου] ἀστ]υ(νό)μου гроздь [Ποσει]δωνίου колос	*Аналогии:* IOSPE, № 7560–7561; Надежда. № 17; Донская. № 11. Клеймо астинома Фемия I (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Аполлодора II, как указано в Каталоге.
522	[Ποσει]δωνίου [ἀστυ]νόμου змея [Πο]σι[δείου τ]οῦ Ἡ]φ[αιστοδώρ]ου	[Ποσει]δωνίου [ἀστυ]νόμου [Πο]σε[ιδωίο] змея [τοῦ Ν]ο(υ)μηνίου	*Аналогии:* IOSPE, № 6665–6682. Клеймо астинома Посейдония III (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Посидея Гефистодорова, как указано в Каталоге.
524	[Φη]μίου [ἀσ]τυνό [μοῦν]τ[ος] гроздь [Πο]σει[δωνίου] ?	[Φη]μίου ἀστυνό(μου) гроздь [Ἡφαισ]τι(ος) колос [Πο]σει[δω]νί(ου)	*Новый штамп.* Клеймо астинома Фемия I (IIIB МХГ – конец IV в.).
529	Θϵ[αρίωνος] ἀσ[τυνόμου] Καλ[λισθένου]	Θϵ[υδωρίδου] ἀσ[τυνόμου] Καλ[λισθένου Θευδώ]	*Аналогии:* IOSPE, № 3999–4009. Клеймо астинома Теудорида (IVB МХГ – 80-е гг. III в.), а не Теариона, как указано в Каталоге.
535	[Ἀρτϵμ]ιδώρου [ἀστυ]νόμ[ου] [---]	[Ἀρτϵμ]ιδώρου [ἀστυ]νόμ[ου] [Νου]μ[ηνίου]	Аналогии: IOSPE, № 1662–1665.
541	Ἐπιδήμ[ου] Ἀπολ[λ]ων[ίου] {- - -]	[ἀστυνόμου] Ἐπιδήμ[ου] Ἀπολ[λ]ων[ίου]	Аналогии: IOSPE, № 2962–2966.
545	Ποσει[δωνίου] ἀστ[υνόμου]	Ποσει[δωνίου] ἀστ[υνόμου] Ποσει[δωίου]	*Аналогии:* IOSPE, № 6656. Клеймо астинома Посейдоний IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не V, как отмечено в Каталоге.

	Ποσει[δώνιοῦ] [τοῦ Αἰσχίνου]		
548	[Θεοδωρίδ]ο(υ) [ἀστυνόμου] голова [Πύθεω] сатира	[---]ο голова сатира [---] [---]	Сомнительное восстановление имени астинома. Возможны Борий, Кратистарх.
549	[Θευ]δωρ[ίδ]ου [ἀστ]υ[ν]όμου [- - -]μ[- - -] колос, венок	[ʼΑρτεμι]δώρου [ἀστ]υ[ν]όμου колос [Νου]μ[ηνίου] гроздь	*Аналогии:* IOSPE, № 1662–1665. Клеймо астинома Артемидора I (IVA МХГ – 90-е гг. III в.), а не Феодорида, как указано в Каталоге.
558	[Να]ύπωνος [ἀσ]τυνόμου голова [---]δωρου	[Να]ύπωνος [ἀσ]τυνόμου голова [Σφα]ίρου	*Аналогии:* IOSPE, № 5984.
559	[Μικ]ρία [ἀστ]υνο῀(μου) [---] венок	[Χαβ]ρία [ἀστ]υνο῀(μου) венок Φιλοκρά(της)	*Аналогии:* IOSPE, № 7982–7984. Клеймо астинома Хабрия (IIA МХГ – 30-е гг. IV в.), а не Микрия, как указано в Каталоге.
564	Μνη[σικλέος] ἀστ[υνόμου] Βάκ[χιος]	Μνή[σιος] ἀστ[υνο῀(μου)] Βάχ[χιο]	*Аналогии:* IOSPE, № 5819–5820. Клеймо астинома Мнесия (IIA МХГ – 30-е гг. IV в.), а не Мнесикла. Восстановлено Н.Ф. Федосеевым.
572	[---]ΠΟΤΥ [---]Ο [---] орел влево	[Πρωτα]γόρο [ἀστυν]ό(μου) ? [---]	Клеймо астинома Протагора I (IIA МХГ – 30-е гг. IV в.).
573	[---] ἀστυνόμου Τεύθρα	[Θεοδωρίδου] ἀστυνόμ[ου голова] Τεύθρ[α]	Аналогии: IOSPE, № 4041–4046. Клеймо астинома Теодорида (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
574	[Ποσει]δωνίου τοῦ [- - -]ʼαστυνο(μου) [- - -]	[Ποσει]δωνίου τοῦ [Αἰσχίνου]αστυνο(μου) [- - -]	Клеймо астинома Посейдония V, сына Эсхина (IVA МХГ – 90-е гг. III в.).
575	[- - -]ς [---] лист [- - -]η лев	[ʼΑριστόκλευ]ς [ἀστυνό(μου)] лист [Φιλοκράτης] бык	*Новый штамп.* По данным Н.Ф. Федосеева. Клеймо астинома Аристокла I (IIIB МХГ – 10-е гг. IV в.).

576	[- - -]ιος [ἀσ]τυνό[μου] [---] гроздь, венок	[Διονυ]σίο [ἀσ]τυνό(μου) венок [- - -]	Клеймо астинома Дионисия II (IIIA МХГ – 10-е гг. IV в.).
578	[---]ς [ἀστυ]νόμου [Ποσ]ιδείου	[ἀστυ]νόμου [Ποσ]ιδείου [τοῦ] Ἡφαιστοδώρου]	*Аналогии:* IOSPE, № 6790, 6799–6800, 6806–6812. Клеймо астинома Посидея, сына Гефистодора (IIIB МХГ – конец IV в.).
581	[Σινο]πίωνος [Καλλ]ισθένους [- - -]	[Σινο]πίωνος Ἀντ]ισθένους [κεραμέως]	Клеймо не астиномное, как отмечено в Каталоге, а фабрикантское эргастериарха Синопия, сына Антистена (III МХГ).
582	[- - -]υς [ἀσ]τυνόμου [Γέρω]ντος факел	[Πασιχάρο]υς [ἀσ]τυνόμου факел [Γέρω]ντος]	*Аналогии*: IOSPE, № 6152. Ореховка 1. № 24; Новопокровка 1, № 636; Партизаны 2. № 26; Насыпное. № 23. Клеймо астинома Пасихара I (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
585	[---]ΝΟ гроздь [---]ΝΟΣΠΕ колос [ΑΣΤΥΝΟΜΟ]Υ	[Μίκου] гроздь, [ἀστυνο(μου)] колос [Νουμή]νιος Πο(---)	*Аналогии:* IOSPE, № 5287–5300; Новопокровка 1. № 603; Тамбовка VI. № 14. Клеймо астинома Мика I (IIIC МХГ – начало III в.).
586	ἀσ[τυνόμου] τοῦ Δ[---] Ἀπολ[λόδωρου]	[ἀγορανόμου] [Π]ασ[ιχάρους] τοῦ Φ[αινίππου] Ἀπολ[λωνίου Μαρ]	*Аналогии:* IOSPE, № 6306; Новопокровка 1. № 550. Клеймо агоранома Пасихара, сына Фэниппа (IVB МХГ – 80-е гг. III в.). См.: *Федосеев*, 2004. С. 48.
588	[Διονυ]σίο гроздь [---]αι канфар [---]ἀστυ[νόμου]	[Δίος Π]ασι гроздь [χάρης Φ]αι канфар [νίππου]ἀστυ(---)	*Аналогии*: Новопокровка 1. № 631. Клеймо астинома Пасихара I (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
590	[---]ου гроздь [ἀσ]τυνό(μου) [Ἡφ]αιστί(-)	[Μί]κου [ἀσ]τυνό(μου) гроздь [Ἡφ]αιστί[ο]	*Новый штамп.* Клеймо астинома Мика I (IIIC МХГ – начало III в.).
591	[---]πο[---] кадуцей [---]του[---] [---]υμον[---] [Νευ]μηνί[ου]	[Θεογεί]του [ἀστ]υνό(μου) кадуцей [Νευ]μηνί(ου)	*Аналогии:* IOSPE, № 3933–3934, 5942–5950. Абрикосовка № 1. Клеймо астинома Теогейта (IIB МХГ – 20-е гг. IV в.).

595	[---] ἀστυνόμου герма Ποσειδω(νίου)	[Πρωτοφάνους] ἀστυνόμου Ποσειδω(νίου) герма	*Аналогии:* IOSPE, № 7196–7199, 7204. Клеймо астинома Протофана (IIA МХГ – 30-е гг. IV в.).
596	[---] ἀστυνόμ[ου] Φιλοκράτους	[Ἐπιδήμου] ἀστυνομ[οῦντος] Φιλοκράτους	*Аналогии:* IOSPE, № 3039–3047. Клеймо астинома Эпидема (IVA МХГ – 80-е гг. III в.).
601	[- - -] голова медузы Горгоны в фас	[Ἀριστοφάνεος] голо- [ἀστυνό(μου)] ва льва [Ποσειδω(νίου)] палица	*Аналогии:* IOSPE, № 1588. Клеймо астинома Аристофана (IIIA МХГ – конец 20-х гг. IV в.).
602	[ἀστ]υνόμ[ου] [- - -]α голова человека	[ἀστ]υνόμ[ου] [Μικρ]ία голова, [Ἐρκαταίου конь]	*Аналогии:* IOSPE, № 5362. Клеймо астинома Микрия I (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
603	[---]ΟΥ гроздь [ΑΣΤΥ]ΝΟ(ΜΟΥ) [---]ΙΟΣ ΠΟ(-)	[Μίκο]υ гроздь, [ἀστυ]νο(μου)] колос [Νουμήν]ιος Πο(---)	*Аналогии:* IOSPE, № 5287–5300; Новопокровка 1. № 585; Тамбовка VI. № 14. Клеймо астинома Мика I (IIIC МХГ – начало III в.).
606	[---]женская голова [ἀ]στυνόμου Στέφαν[ου] венок	[Ναύπωνος] [ἀσ]τυνόμο(υ) голова Στέφαν[ος] астрагал ?	*Аналогии:* IOSPE, № 5978–5983. Клеймо астинома Навпона 1 (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
609	[---]αι[---]νος [ἀσ]τυνόμο[υ] [- - -] виноградная гроздь	[Θε]αρίωνος [ἀσ]τυνόμο(υ) гроздь [Σάγαρις] [Νευμηνίου]	*Аналогии:* IOSPE, № 3896–3900. Клеймо астинома Теариона (IIIC МХГ – начало III в.).
610	[ἀστυνό]μου [- - -]υ τοῦ [- - -] δωρο	[ἀστυνό]μου гроздь [Ποσιδείο]υ τοῦ [Ἡφαιστο]δώρο[υ]	*Аналогии:* IOSPE, № 6790–6800. Клеймо астинома Посидея, сына Гефистодора (IIIB МХГ – конец IV в.).
614	Ι[- - -] ου ἀσ[τυνόμου] Γλαυκ[ίου]	[Ποσειδωνί] ου ἀσ[τυνόμου] Γλαυκ[ία]	*Аналогии:* IOSPE, № 6541–6546. Клеймо астинома Посейдония 4 (IIIC МХГ – начало III в.).
617	Α(?)Ι ΣΤ(?)Ο(?)Θ	[Ποσιδείου τοῦ]	*Аналогии:* IOSPE, № 6835–6842. Клеймо астинома Посидея, сына

	[A]ΣΤΥΝΟΜΟΥ виноградная гроздь	[Ἡφ]αιστο- палица [δώρου] ἀστυνό(μου)	Гефистодора (IIIB МХГ – конец IV в.).
619	[- - -] [- - -] гроздь [- - -]αεος венок	[Ἀριστοφ]άνεος [ἀστυνό(μου)] голова [- - -] льва , гроздь	Клеймо астинома Аристофана (IIIA МХГ – 20-е гг. IV в.).
620	[- - -] τ[- - -] Ἡρα[κλείδα]	Ἐπιδ[ήμου ἀσ-] τυ[νομοῦντος] Ἡρα[κλείδου]	*Аналогии:* IOSPE, № 2992. Клеймо астинома Эпидема (IVA МХГ – 90-е гг. III в.).
623	--- --- ους виноградная гроздь	ἀστυν[όμου] [Μνησικλ]έους [Πύθεω] гроздь	Аналогии: IOSPE, № 5724–5735. Клеймо астинома Мнесикла (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
624	[- - -]ου голова [- - -]τος колос [- - -]ς	[Βόρυο]ς [ἀστυ [νομοῦν]τος голова [Σιμαλίωνο]ς колос	*Аналогии:* IOSPE, № 1903. Клеймо астинома Бория (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
626	Λ[---]ΠΙ[---]ΟΥ Ι[---]Ρ[---]	[Ποσειδωνίου] ἀστυ[νόμου] Πρυτ[άνιος] [τοῦ Θευπρόπου]	*Аналогии:* IOSPE, № 6687–6688. Клеймо астинома Посейдония III (IIIB МХГ – конец IV в.).
628	[---]ρίτ[---] ἀστυ[νόμου] [---]ει[---]ι	[Γυ]ρίτ[του] ἀστυ[νόμο(υ)] [Ποσ]ειδωνί(ο)	*Аналогии:* IOSPE, № 2042. Клеймо астинома Гиритта (IIIA МХГ – 20-е гг. IV в.).
634	[Ποσ]ειδωνίου Ποσειδω(νίου)	[Ποσ]ειδωνίο[υ] [το]ῦ Θευδώ[ρου] [κεραμέως]	*Аналогии:* IOSPE, № 8907–8915. Клеймо керамевса Посейдония, сына Теодора.
635	[---]ο [---] треножник [---]	[Ποσειδωνίου тренож- [ἀστυνό(μου) ник [- - -]	Клеймо астинома Посейдония II (IIIA МХГ – 20-е гг. IV в.).
636	[- - -] факел ἀστυνόμου	[Πασιχάρους] [ἀσ]τυνόμου факел	*Аналогии*: IOSPE, № 6152. Ореховка 1. № 24; Новопокровка 1.

	Γέρωντος	[Γέρω]ντος]	№ 582; Партизаны 2. № 26; Насыпное. № 23. Клеймо астинома Пасихара I (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
		Фасос	
647	Κτῆσι(---) Θασίω(ν) [---]ι(---)	Κτῆσι(---) Θασίω(ν) [Θεόφ]ι(---)	*Аналогии*: *Garlan,* 1999. № 125.
649	[Θα]σίων [’Αρι]σταγ[όρης] [Βάτων] гроздь	[Θα]σίων [’Αρι]σταγ[όρης] [- - -] гроздь	Сомнительное восстановление легенды.
650	[Θασίων] ’[Φι]λοκρά(τ-) [Λεύκων] амфора	[Θασίον/’[Φι]λοκρα ойнохоя [Πολύων]	*Аналогии*: *Garlan,* 1999. № 697.
652	’Αριστο[τέλης] Θ[ασίω ν] [- - -] шлем	’Αριστο[τέλης] шлем Θ[ασίω ν]	*Аналогии: Avram,* 1999. № 221. Магистрат Аристотел относится к 8 этапу (конец 20-х гг. IV в.).
653	Θάσιον Καλλι[κράτης] герма	Θάσιον фиала, трофей ← Καλλιφ(ῶν)]	*Аналогии*: IOSPE, № 2314–2320; *Garlan,* 1999. № 590. Постоянная магистратская эмблема – фиала (этап 4 – конец 60-х гг. IV в.). Каллифон, а не Калликрат; не магистрат, а фабрикант.
655	[Θάσιον] Πυλάδη[ς] заяц, бегущий вправо	[Θά]σιον заяц → [Πει(- - -)]/ [Πυλ]άδης	*Аналогии*: IOSPE, № 1326–1335; *Garlan,* 1999. № 835. Клеймо эпонима *Pei(- - -)* – (этап 6 – 40-е гг. IV в.), а не Пилада.
657	Φείδιππος [Θασίων] [’Αρ]ισ(- -) канфар	Φείδι/πο(ς)/[Θασ(ι. .)] [’Αρ]ισ(τ- - -) канфар	*Аналогии: Garlan,* 1999. № 403. Клеймо не фабрикантское, как указано в Каталоге, а магистратское эпонима Арист(---) (3 этап – 70-е гг. IV в.).
659	[---]Λ[---] [Θ]ΑΣΙΩ[Ν] [---]	[Δα]μασ(---) [Θ]ασίω(ν)	*Аналогии: Garlan,* 1999. № 89. Клеймо эпонима Дамаста I (1 этап – 90–80-е гг. IV в.).
		Акanф	

662	ΜΡ [---]	Διονυ σίο Κερ(κίνο	В Каталоге под этим № стоит клеймо Аканфа. Однако указанным номерам фондовых описей ФМД (КП 49537; А 12301) соответствует оттиск гераклейского магистрата Керкина (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).
		Херсонес	
682	[Απολλα του] Χορειο[υ] ἀστυν[ομου]	Χορειο[υ] αστυν[ομου]	Клеймо астинома Хорея, а не Аполлы, сына Хорея, как указано в Каталоге.
		18. Новопокровка 2	
1	[Θευ]δώρου [ἀστυν]ομοῦντος [Στε]φάν[ου] канфар	[ʼΑρτεμι]δώρου [ἀστυν]ομοῦντος [Στε]φάν[ου] канфар	*Аналогии:* IOSPE, № 1683–1685. Клеймо синопского астинома Артемидора I (IVA МХГ – 90-е гг. III в.), а не Теодора.
		19. Новопокровка 3	
3	Ποσειδω[νίος] Ποσειδωνίου κεραμεύς	[Θεύδωρος] Ποσειδωνίου κεραμεύς	*Аналогии:* IOSPE, № 8788–8790. Клеймо синопского керамевса Теодора, сына Посейдония, а не Посейдония, сына Посейдония, как указано в Каталоге.
		20. Журавки 1	
		Гераклея	
2	Ε[ὐάρ] χο	[Εὐάρ] палица χου	*Аналогии:* IOSPE, № 1513.
4	ʻ[Ηρ]ακλ[είδας]	ʻ[Ηρ]ακλ[είδα Ι α(---)] ↻ вокруг свастики	*Аналогии:* Елизаветовское городище. (*Брашинский,* 1980. № 256). Клеймо астинома Ια(---) (IA МХГ – 90-е гг. IV в.).
7	Σώσις	[---] Σώσις	Клеймо магистратское, а не фабрикантское, принадлежит эпониму Сосию (IIA МХГ – 80-е гг. IV в.).
8	[- - -] [ʼΑριστ]οκλέ[ος] ←		Сомнительное восстановление. Возможны варианты.

9	ἐπὶ [- - -] ’Αρι[στοκλέος]	Μεν[ε(κράτης)] ’Αρί[σ(τωνος)]	*Аналогии:* IOSPE, № 955–956. Клеймо магистрата Аристона (IIБ МГ – 80-е гг. IV в.), а не Аристокла.
10	Εὐρυδάμο Μαλία		Сомнительное восстановление легенды клейма, так как и Эвридам, и Малий встречаются только как фабриканты.
12	Διο[νυσίο] ← полумесяц		Сомнительное восстановление легенды.
13	Βάκ[χο] Διο[νυσίο]	Βάκ(χο) Διο(νυσίο) *листовидное*	*Аналогии:* IOSPE, № 605. Клеймо магистрата Бакха (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.), а не Дионисия II.
16	Σ[---] Στύ[φων]	Ζωπυ[ριο] Στύ[φων]	*Аналогии:* Мирмекий, 1994.
17	[Λυσίθ]έος [Κερκ]ίνος	[’Ανθ]έος гроздь [Φιλ]ίνος	*Аналогии:* IOSPE, № 503, 521. Клеймо магистрата Филина (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.), а не Керкина.
20	[Σκύ] θα виноградная гроздь	Εὐ(φρονίου) [Δι](ονυσίο) *листовидное,* *в центре канфар*	*Аналогии:* Горгиппия, 1980. Клеймо не магистрата Скифа, как указано в Каталоге, а Эвфрония (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
22	[ἐπ]ὶ Βάκχο [’Απολλωνίο]	[ἐπ]ὶ Βάκχο [Γέρων гроздь]	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 359). Отдельные находки № 2.
23	[---] [’Αγ]ασίλλο гроздь	[Δαμόφων] гроздь ’[Αγ]ασίλλος	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 140).
25	’Απο[σλλωνίο] ← [---] палица	’Απο[λλω(νιο)] ← кадуцей [Σπινθάρο]→	*Аналогии:* Херсонес. Клеймо магистрата Спинтара (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.).
27	’Αγασίλλ [- - -]ο герма	‘Ηρακλ]έιδας палица [Σατύρ]ο	*Аналогии:* Херсонес, «Театр», 2011 г. Клеймо магистрата Сатира (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
28	[’Αριστ]οκλέος	ἐπ’ ’Αριστ- Κ[αλ-]	*Аналогии:* IOSPE, № 92. Два рядом расположенных клейма: ма-

	[- - -]πα[- --] [- - -] ←	οκλέος + λ[ια] ←	гистрата Аристокла (IA МХГ – 90-е гг. IV в.) и фабриканта Калия.
29	[Δ]έρκετ[ος] [---]	[Δ]έρκετ[ος] [ἐπὶ Κύρο]	*Аналогии:* IOSPE, № 276. Клеймо магистрата Кира (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).
33	Ονάσος Α[- - -] ←	[Μαλί]α [ἐπι Δε(ι)] νο(μάχου)	*Аналогии:* IOSPE, № 136–138. Клеймо магистрата Дейномаха (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.). Фотография перевёрнута на 180 градусов.
36	[- - -]ΙΔ [---] ΣΟ	[Εὐρ]υδ [άμ]ο	*Аналогии:* IOSPE, № 1564–1570. Узун Сырт (вершина) № 52. Клеймо фабриканта РФГ Эвридама (конец V – начало IV вв.).
37	’Α[---]	’Αμ[(φίτα)] [Διο(νυσίο)] *внутри листа*	Клеймо магистрата Амфиты (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.).
44	[---] Διο	[Βάκ(χο)] Διο(νυσίο) *листовидное*	*Аналогии:* IOSPE, № 605. Клеймо магистрата Бакха (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.), а не Дионисия II, как указано в Каталоге.
46	ΧΟ	Χ[ί] ο	*Аналогии:* IOSPE, № 1917. Клеймо фабриканта РФГ Хиона (конец V – начало IV вв.).
			Синопа
49	Πρωτοφάνους ἀστυνό[μου] Μ[- - -]	Πρωτοφάνους ἀστυνό[μου] Μ[αντίθεο]	*Аналогии:* IOSPE, № 7190a.
51	[Διονυ]σίου ἀστυνόμου [- - -]	[Π]όσιος ἀστυνο[μου] [Πρ]υ[τάνιος]	*Аналогии:* IOSPE, № 6459. Клеймо астинома Посия I (IIIA МХГ – 10-е гг. IV в.), а не Дионисия II, как указано в Каталоге.
52	[’Απολλοδώρου] [ἀστυνόμου] [Ποσειδω]νίου колос и гроздь	[Φημίου] [ἀστυ(νό)μου] гроздь, [Ποσειδω]νίου колос	*Аналогии:* IOSPE, № 7560–7561; Новопокровка 1. № 510; Донская. № 11. Клеймо астинома Фемия I (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Аполлодора II, как указано в Каталоге.
54	[ἀστυ]νόμου [‘Ηρακ]λείδης	[Ποσε]ι[δωνίου] [ἀστυ]νο(μου)	*Аналогии:* IOSPE, № 6572–6575. Клеймо астинома Посейдония III (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Гераклеида I, как указано в Каталоге.

	[Πω]σίος змея	[῾Ηρακ]λείδης змея ↑ [Διο]νυσίου	
55	Π[οσ]ει[δωνίου] [ἀ]στυνόμου палица [Σαγά]ριος гроздь	[Θευ]πείθοι [ἀσ]τυνόμ[ου] венок [῎Απατ]ούριος гроздь	*Аналогии:* IOSPE, № 4087. Клеймо астинома Теопейта (IIIC МХГ – конец IV в.), а не Посейдония III.
56	[ἀσ]τυνόμου [Εὐ]χαρίστου цветок [Σ]ωσίου граната		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Эвхариста II, сына Деметрия (VC МХГ – 60-е гг. III в.), а не Эвхариста I, как указано в Каталоге.
59	Ναύ[πωνος] ἀστ[υνόμου] [- - -]	Ναύ[πωνος] ἀστ[υνόμου] [Σ]φα[ιρου]	Аналогии: IOSPE, № 5984. Клеймо астинома Навпона I (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
66	[ἀστυνομοῦ]τος [---]υς гроздь [---] канфар	[Ποσειδωνιου] гроздь [ἀστυνομοῦν]τος [Φιλοκράτου]ς канфар	*Аналогии:* IOSPE, № 6712–6721. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – IV в.).
		Фасос	
73	Κλ[ε]οφω[ν] [Θασίω ν] [Δ]άμα[σ]τος амфора	[᾿Αρισ]/ταγό(ρης) [Θασ]]/ί(. ν) амфора ← Μέ[γ(ων)]	*Аналогии:* IOSPE, № 1156–1165; *Garlan,* 1999. № 517. Клеймо магистрата Мегона II (5 этап – 50-е гг. IV в.), а не Дамаста, как указано в Каталоге.
75	[Θα]σί[ων] Ν[---] Ν[---]	Θασίων Ξ Κλεῖτος	*Аналогии*: IOSPE, № 2418–2430. Клеймо магистрата Клейта (7 этап – 30-е гг. IV в.).
		21. Журавки 2	
8	[῾Η]φαισ [τ]ίων	[᾿Α]φαισ [τ]ίων	*Аналогии:* IOSPE 1357–1362. Клеймо фабриканта Афаистия (РФГ – конец V – начало IV в.), а не Гефестиона, как указано в Каталоге.
9	Πορο(- - -) Παν(- - -)	Πορ[ο(- - -)] Παν(- - -)	*Аналогии:* Семибратнее городище (*Зегебарт,* 1990. № 19); Новопокровка 1. № 356. Клеймо магистрата Πα(- - -) – IA МХГ (90-е гг. IV в.).

11	[Σ]ατύρος палица	[῾Ιαρόκλης] палица [Σ]ατύρος	*Аналогии:* IOSPE, № 890. Клеймо не фабриканта Сатира, как указано в Каталоге, а одноименного магистрата (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
12	Φιλῖν(-) эмблема ᾽Αρτ[ών]	Φιλῖν[ος] гроздь ᾽Αρτ[ε(σίλα)]	*Аналогии:* IOSPE, № 1119–1120; Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 331). Клеймо не магистрата Артона, а Филина (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
13	῾Ηρακ[λ] έδα Θ[ι(-) ῾Ηρ(-)	῾Ηρακ[λ] έδα Φ[ι(-) ῾Ηρ(-)	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 92. Клеймо магистрата IБ ХГ Φι(---), а не Θ[Ι](-) ?, как указано в Каталоге (90-е гг. IV в.).
16	᾽Αρ[τών] Κρωμν[ίτης]	᾽Αρ[ίστωνο] [ς] Κρωμνι(- - -.)	*Аналогии:* Горгиппия, 1983, оп. 326.
18	[Δ]έξ[ιππο] [᾽Αρίστωνος]	[---]έξ[---] [---]	Сомнительное восстановление легенды.
22	᾽Ω[ρος]		Сомнительное восстановление легенды
24	Λε[- - -]) ἐπὶΕὐγ]ε(ι)τίωνος ←	ἐπὶ Εὐγε(ι)τίωνος Δε[ρκέτο] ↺	*Аналогии: Домжельский, Чистов,* 2003. Табл. 3-*31*; Новопокровка. № 274; Узурт Сырт. № 21
26	῾Ηρακλείδα [Λα]ίσα кадуцей	῾Ηρακλείδα кадуцей [ἐπὶ Λα]ίσα	*Аналогии:* IOSPE, № 282; Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 433).
27–28	[Ε]ὔαρχος [Λ]ύκ[ω] ←	[Ε]ὔαρχος [ἐπὶ Λ]ύκω(νος) ←	*Аналогии:* IOSPE № 300.
30	Διονύ(σιος) [Σ]κύθα ←	Διονυ [σίο] Αἰθ(έρος) ←	*Аналогии:* Китей (*Молев,* 2010. С. 267. № 187). Клеймо магистрата Айтера (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.), а не Скифа.
33	[- - -]ρο Δαμα[τρίο]	[ἐπὶ Κῦρ]ο Δαμα[τριος]	*Аналогии:* IOSPE, № 274. Клеймо магистрата Кира (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Даматрия, как указано в Каталоге.

		↺	
34	[Παύσ]ωνΔάμ[ατρίο] ←	[ʼΑρτ]ώνδα[Φαινίππο] ↻	*Аналогии:* IOSPE, № 449, 593–594. Клеймо магистрата Фаиниппа (IIA МХГ – 80-е гг. IV в.), а не Даматрия.
37	Θρα[---] Σιλ[ανο] ←	Ορθϵ⁻ σίλα ←	Клеймо магистрата Ортисилая (IA МХГ – 90-е гг. IV в.), а не Силана II, как указано в Каталоге.
38	[Δημη]τρίον	[- - -] [Μά]τριος	Клеймо магистрата Матрия (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Деметрия, как указано в Каталоге.
39	[ʼΑ]ρτών [---]αδιο	ʼΑρτών ⁻ δα Διο(νύσιο)	*Аналогии:* IOSPE, № 591. Клеймо магистрата Дионисия I (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
40	[Μαλ]άκων палица {---]	[Σπινθά(ρο)] кадуцей [Μαλ̓]άκων	*Аналогии:* IOSPE, № 1081. Клеймо магистрата Спинтара (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.).
42	Νόσσô [---]	[- - - [Μο]λοσσô	Клеймо магистрата Молосса (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
43	ʼΑγά[θων] ἐπὶ [- - -]	ʼΑγά[θων] ἐπὶ [Λύκωνος]	*Аналогии*: Новопокровка 1. № 174. Клеймо магистрата Ликона (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.).
44	Κόα ἐπὶ [- - -]	Κόα ἐπὶ палица [Δεινο]	*Аналогии:* IOSPE, № 133–135. Клеймо магистрата Дейномаха (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).
48	[---]σιο	[Διον] [υ]σίο ←	Фотография перевёрнута на 180 градусов, Фабрикант Дионисий I (РФГ – конец V – начало IV вв.).
54	[---]Σ [---]ΠΑ	[Κόα]ς Πα(---)	*Аналогии:* IOSPE, № 909–912. Клеймо магистрата Па (---) – IБ МХГ (90-е гг. IV в.).
58	[Δαμα] τρ[ίο]		Сомнительное восстановление легенды.
59	[---]Ο[---]Η [---]ΕΟΣ	Θ[εογ]έν εος	Клеймо фабриканта Теогена (РФГ – конец V – начало IV в.).

60	[---]Ο [---]ΣΙ	[Στα]σι [χόρ]ο	*Аналогии:* IOSPE, № 1842–1846. Клеймо фабриканта Стасихора (РФГ– конец V – начало IV в.). Фотография перевернута на 180 гр.
61	[---]ωνος:	[Δαμοστράτος] [ʾΑρίστ]ωνος	*Аналогии:* IOSPE, № 654. Клеймо магистрата Аристона (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
62	Ε[---] Ρ[- - -]	[ʿΑ] [ρχ] + Π[α(---)] ϵ[λά] *листовидное*	*Новое сочетание имён:* клейма принадлежат магистрату Πα(- - -) IA МХГ (90-е гг. IV в.) и фабриканту РФГ Археле.
63	[---]ος [---]κω	[ʿΗρόδωρ]ος [ʾϵπὶ Λύ]κω(νος)	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 44, 129, 205. Клеймо магистрата Ликона (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.).
Синопа			
69	[- - -]ϵιω[- - -] [ἀστυν]ό(῀μου) [- - -]π[- - -] ←орел на дельфине	[Αἰσ]χίν[ου] орел на [ἀστ]υνό(῀μου) дельфине [Μάν]ϵω ←	*Аналогии:* IOSPE, № 29. Клеймо астинома Эсхина I (ID МХГ – 40-е гг. IV в.). Фотография перевернута на 180 гр.
70	[- - -] ω[- - -] орел на дельфине	[Αἰσχίνϵω] орел на [ἀστυνό(῀μου)] дельфи- [Ποσειδ]ω(ίου) не ←	*Аналогии:* IOSPE, № 34–47; Донская. № 5. Клеймо астинома Эсхина I (ID МХГ – 40-е гг. IV в.).
71	[Ποσ]ειδ[ωνίου] ἀστ[υνόμου] [- - -]	[Θ]ευδω[ρίδου] ἀστ[υνόμου] [---]	Клеймо астинома Теудорида (IVB МХГ – 80-е гг. III в.), а не Посейдония II, как указано в Каталоге.
72	[ἀστυνό]μου [Ποσειδωνί]ου [- - -]νου змея влево	[Ποσειδωνίου] [ἀστυ]νομου [Ποσειδωνί]ου змея ↑ [τοῦ Νο(υ)μη]νίου	*Аналогии:* IOSPE, № 6665–6673; Синопа (*Garlan,* 2004. № 86). Клеймо астинома Посейдония 3 (IIIB МХГ – конец IV в.), а не II, как указано в Каталоге.
76	[Ἐπιδήμου] канфар [ἀστυνόμου] венок [Στεφάνου]	[Διο]νυσίο канфар [ἀσ]τυνό(μου) венок [ʿΗφαιστί(ου)]	*Аналогии:* IOSPE, № 2455–2460. Клеймо астинома Дионисия II (IIIA МХГ – 10-е гг. IV в.), а не Эпидема I.

81	ἀ[στυνομοῦντος] ῾Εκ[ατάου] [Πρώτος]	[- - -] ἀ[στυνομου] ῾Εκ[ατάου]	Сомнительное восстановление легенды.
86	[---] ἀστυνο῀[μου] [---] канфар	гроздь ᾽Απ[ολλοδώρου] канфар ἀστυνο῀[μου] [῾Ηφαιστίου]	*Аналогии*: IOSPE, № 12. Клеймо астинома Аполлодора II (IIIA МХГ – 10-е гг. IV в.).
87	[- - -] [ἀ]στυν[όμου] голова [- - -]ος гроздь	[Βόρυο]ς [ἀστυ] [νομοῦντ]ος голова [᾽Ατοῦος] гроздь	*Аналогии:* IOSPE, № 1828–1830. Клеймо астинома Бория I (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
Фасос			
90	лист плюща		Клеймо ошибочно определено как фасосское. Амфоры с аналогичными клеймами производились в Менде.
91	[- - -]ΩN [- - -] голова животного ?	[- - -] голова животного ? [Θασί]ων	Клеймо относится к «позднему», а не «раннему» периоду, как указано в Каталоге, и датируется не ранее конца IV в.
Книд			
95	Πασ[ικράτης] нос корабля вправо	Ιτα(- - -) нос корабля	*Аналогии*: IOSPE (в неопределённых), № 552. Фабрикант подгруппы IB – вторая половина IV в.
22. Тамбовка IV			
1	[Ποσειδων]ίου] ἀστυ[νομοῦ]ν τος Καλ[λισθένο]υ		Спутаны омонимы. Клеймо принадлежит синопскому астиному Посейдонию IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не III, как указано в Каталоге.
23. Тамбовка VI			
Синопа			
1	Πώ/λωνος [- - -] канфар	Φι῀λωνος [- - -] вокруг канфара и грозди	Клеймо астинома Филона I (ID МХГ – 40-е гг. IV в.), а не Полона, как указано в Каталоге.
3	Μιθραδάτης [ἀ]στυν[όμου] ᾽Επιέλπου		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Эпиелпа III (VB МХГ – 70-е гг. III в.), а не II, как указано в Каталоге.

4	Πρώτος ἀστυνόμ[ου] Διονύσιου		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Дионисия IV (VB МХГ – 70-е гг. III в.), а не II, как указано в Каталоге.
6	Посειδώιου гроздь ἀστυνόμουν τος Καλλισθένου		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не III, как указано в Каталоге.
7	Посειδώιου гроздь ἀστυνομοῦν τος Καλλισθένου	Посιδείου гроздь [το]ῦ Ἡφ[αιστοδ(ώρου) [ἀσ]τυνόμου	Клеймо астинома Посидея, сына Гефистодора (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Посейдония III.
8	[ἀστ]υνυνόμου [Πο]σειδώ[ιου] [- - -]	[- - -] [ἀστ]υνυνόμου [Πο]σειδώ[ιου]	Первая строка в клейме не читается, Посейдоний не астином, как отмечено в Каталоге, а фабрикант.
9	[- - -] [Μ]ίκου τοῦ Πυρρίδου [ἀστυνόμ]ου	[Μ]ίκου лист ↑ τοῦ Πυρρίδου [ἀστυνόμ]ου [Σαγάριος]	*Аналогии:* IOSPE, № 5318–5324.
12	[ἀστυνυνομοῦντος] [Ἐκαταίου] прора [Πρώτος]		Сомнительное восстановление легенды.
14	[ἀστυ]νό[μου] [---]νιος Πο(---) гроздь и колос	[Μίκου] гроздь, [ἀστυ]νό(μου)] колос [Νουμή]νιος Πο(---)	*Аналогии:* IOSPE, № 5287–5300; Новопокровка 1. № 585, 603. Клеймо астинома Мика I (IIIC МХГ – начало III в.).
15	Τυς [ἀστ]υνόμου Δ[- - -]	Τυς [ἀστ]υνόμου канфар] Δ[ιονυσίου]	*Аналогии:* IOSPE, № 2550. Клеймо астинома Дионисия III (VB МХГ – 70-е гг. III в.).
17	[---]ς ἀστυ гроздь [νο]μοῦντος голова [- - -] ος	[Βόρυο]ς ἀστυ [νο]μοῦντος [голова] [Ἀτου]ος гроздь	*Аналогии:* IOSPE, № 1828–1830. Журавки 2. № 87. Клеймо астинома Бория I (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
		Фасос	
25	Ἡράκ/λειδα	Ἡράκ/λει[το(ς)]/	*Аналогии: Garlan,* 1999. № 523. Магистрат Мегон II (5 этап – 50-е

	Θασ/ίω[ν] канфар ↑ Ε[---]	Θα(σι .ν)/ канфар ↑ Μέγ(ων)	гг. IV в.).
		Херсонес	
28	᾽Απο[λλώνιος] τοῦ Πασ[ιάδα] ἀγορ(ανόμος)	᾽Απο[λλώνιος] Πασ[ιάδα ἀγορ(ανόμος)]	*Аналогии: Кац,* 1994. I–25, 2.
		24. Петровка	
		Гераклея	
2	῾Ηροδώρο [Στύφων(ος)]	῾Ηροδώρο [- - -]	Сомнительное восстановление легенды.
3	Στασιχόρ[ο] [Στύφων] палица	Στασιχόρ[ο] палица [- - -]	Сомнительное восстановление легенды.
10	[--]ωνίχ[ος] [---]λυ[---]	[Θε]ωνίχ[ος] [---]λυ[---]	Клеймо магистрата Теониха (IVB МХГ – 40-е гг. IV в.).
		Синопа	
11	ἀστυ[νόμου] Διονύ[σιου] [- - -]		Клеймо не Дионисия II, как указано в Каталоге, а Дионисия 3 или IV (VB МХГ – 70-е гг. III в.).
13	[Ναύπ]ωνος ἀστυνόμ[ου] [---]τοσου	[Ναύπ]ωνος ἀστυνομ[οῦν] τος Θυ[ός]	*Аналогии*: IOSPE, № 5933–5935.
14	[κερ]αμέως [Δη]μητ[ρίος] [τοῦ ῾Ηροξ]έν[ου]	[κερ]αμέως [Νου]μη[νίου] [τοῦ Διο]νυ[σίου]	*Аналогии:* IOSPE, № 8883–8891. Новопокровка 1. № 568. Клеймо керамевса Невмения, сына Дионисия, а не Деметрия, сына Героксена.
		25. Партизаны 1	
		Гераклея	
2	῾Ηρα[κλει῾] δ(ας) [виноградная гроздь]	῾Ηρα[κλεί δ(α) [- - -]	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 39. Клеймо не фабрикантское, а магистратское. Не сохранилась нижняя строка.

3	Σωτήρ	Σω[---] [- - -]	Клеймо вполне может быть не фабрикантским, как указано в Каталоге, а магистратским.
26. Партизаны 2			
1	ʽΙ[κεσίου] ἀ[στυνόμου] Σ[τεφάνου]	ʽΙκ[εσίου] ἀ[στυνόμου] Σ[αγαριος]	*Аналогии:* IOSPE, № 4253–4264.
4	[- - -] [ἀστυ]νομου [Κ]αλλισθένου лук в горите вправо	[- - -] [ἀστυ]νομου [Κ]αλλισθένου лук в горите вправо	Клеймо синопского астинома Каллисфена I (VB МХГ – 70-е гг. III в.).
27. Донская			
Синопа			
4	[ἀσ]τ[υ]ν[ό] [μου] канфар [ʽΙ]στιαίου [Μ]ενίσκου	[ἀσ]τ[υ]ν[ό] [μου] канфар [Ε]στιαίου [Μ]ενίσκου	*Аналогии:* IOSPE, № 3191–3204. Клеймо астинома VA МХГ (конец 80-х гг. III в.) Гестиея, а не его омонима из IB МХГ, как указано в Каталоге.
7	[Πο]σειδω[νίου] ἀστυνόμου [гроздь] Ἑκατα[ίου]		*Аналогии:* Ореховка 1, № 9. Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.
8	ἀσ[τυνόμου] Πο[σειδωνίου] ʽΗφ[αστίου]	ἀσ[τυνόμου] Πο[σιδείου τοῦ] ʽΗφ[αστοδωρου]	*Аналогии:* IOSPE, № 6790, 6799–6800. Астином Посидей, сын Гефистодора (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Посейдоний II, как указано в Каталоге.
11	[- - -] ἀστυνόμου шишка ? Ποσειδωνίου колос	[Φημίου] ἀστυ(νό)μου гроздь, Ποσειδωνίου колос	*Аналогии:* IOSPE, № 7560–7561; Надежда. № 17; Новопокровка 1. № 510. Клеймо астинома Фемия I (IIIB МХГ – конец IV в.), а не Аполлодора II.
12	[- - -]νος	[Φιλω]νος	*Аналогии:* IOSPE, № 7743–7744. Клеймо астинома Филона II (IVA

	[ἀστυ]νόμο лист [- - -]ης гроздь	[ἀστυ]νόμο(υ) лист, [Λακών]ος гроздь	МХГ – 90-е гг. III в.).
		Херсонес	
14	[Πασ]ίωνος [ἀστυ]νόμο	[Ναν]ώνος [ἀστυ]νόμο	*Аналогии: Кац*, 1994. Табл. XXXV. 1, 80–7. Клеймо астинома Нанона (IВ МХГ – конец IV – начало III вв.), а не Пасиона.
16	ΙΔ		Клеймо отнесено в Каталоге в разряд неопределённых. Между тем, несомненно, оно относится к продукции Херсонеса. *Аналогии: Кац*, 1994. Табл. CI 2A, 11–9–11.
		28. Айвазовское	
		Гераклея	
1	[Σ]ωτήρο[ς]	[Σ]ωτήρο(ς) [ἐπὶ Αἰθέρος]	*Аналогии:* IOSPE, № 36–39. Клеймо магистратское, а не фабрикантское, как указано в Каталоге, принадлежит эпониму Айтеру (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
2	[Δαμ]άτ[ρίο] [Εὐ]ρίδ[εις]	[Δαμ]άτ [ρί]ο Ια(---)	*Новый штамп.* Клеймо магистрата Ια(---) (IA МХГ – 90-е гг. IV в.), а не Эвридея, как указано в Каталоге.
		Синопа	
3	[ἀσ]τ[υ]ν[ό] [μ]ου канфар [Ἰ]στιαίου [Μ]ενίσκου	[ἀσ]τ[υ]ν[ό] [μ]ου канфар [Ε]στιαίου [Μ]ενίσκου	*Аналогии:* IOSPE, № 3191–3204. Клеймо астинома Гестиея I (VA МХГ – 80-е гг. IV в.), а не его омонима из IВ МХГ, как указано в Каталоге. Не исключено, что оно же сдублировано как найденное на селище Донская под № 4 (см. выше).
5	Να[ύπωνος] ἀσ[τυνόμου [- - -] κσ[- - -] Καλ[- - -]	Να[ύπωνος] ἀσ[τυνόμο(υ) <Κσ> Καλ[λισθένου]	*Аналогии:* IOSPE, № 5938–5939, 5942–5950. Донская, № 9. При оттискивании клейма штамп был сдвинут.
		29. Абрикосовка	
1	[Θε]ογείτου [ἀστ]υνόμου [Ἐπι]δήμ[ου]	[Θε]ογείτου [ἀστ]υνό(μου) [Νευ]μηνί(ου)	*Аналогии:* IOSPE, № 3933–3934, 5942–5950.
		30. Бабенково	

1	Π[ο]σε[ιδωνίου] ἀστ[υνόμου] [- - -]		Спутаны омонимы. Клеймо синопского астинома Посейдония IV (IIIС МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.
31. Кринички 1			
2	ʼΑγ[άφων] ἐ[πὶ Διονυσίο]	ʼΑγ[άφων] [- - -]	Правомерность восстановления имени гераклейского магистрата Дионисия в нижней строке сомнительна. Ср.: Новопокровка 1. № 208.
3	[ʽΙστια]ίος [ʼΑμφίτα]	[Θ]εομ[ένης]ↀ канфар [Μενοίτιος] ↻	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 201. Клеймо гераклейского магистрата Менойтия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.), а не Амфиты, который указан в Каталоге.
4	[Μ]ενοίτιος [- - -]	[Μ]ενοίτιος [Μαλάκων]	*Аналогии:* IOSPE, № 961–962. Клеймо гераклейского магистрата Менойтия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.).
11	[΄Ηρακλ]είου [ἀστυ]νόμου	[Δαμοτέ]λειος [ἀστυ]νόμου	*Аналогии: Кац*, 1994. Табл. XIV 1, 35–3. Клеймо херсонесского астинома Дамотела (IГ МХГ – начало III в.), а не Гераклея, как указано в Каталоге.
32. Лесопитомник			
Синопа			
4	[ἀστυ]νόμ[ου] ʽʼΑριστο]κλέους лист [- - -]ου гроздь	[ἀστυ]νόμ[ου] ʽ[Μνησι]κλέους лист, [Νουμηνί]ου гроздь	*Аналогии:* IOSPE, № 5712–5950. Клеймо астинома Мнесикла I (IVС МХГ – 80-е гг. III в.), а не Аристокла.
9	Κλέαρχος [ἀ]στυνόμου [Διον]υσί(ου) рог	Κλέαρχος [ἀ]στυνόμου [Διον]υσίου канфар	*Аналогии:* IOSPE, № 2494–2487. Клеймо астинома Дионисия IV (VВ МХГ –70-е гг. III в.), а не Дионисия II.
10	[Δι]ο[νυσ(ίου)] [ἀσ]τυνό(μου) [Δι]ονυσίος	[- - -]ο[- - -] [ἀσ]τυνό(μου) [Δι]ονυσίος	Сомнительное восстановление имени астинома.
Херсонес			
14	[- - -] ος [ἀστυν]ομοῦντος	[Θεογένει]ος [ἀστυν]ομοῦ(ν)τος	*Аналогии: Кац*, 1994. Табл. XVII. 1, 60–5. Клеймо астинома Теогена (IБ МХГ – конец IV в.).

33. Насыпное			
Гераклея			
3	[-]διο[---] [ἐπ]ὶ Μάτρ[ιος]	Διον[ύσιο] Μάτρ[ιος]	*Аналогии*: IOSPE, № 326–329.
4	[Φ]ιλίν[ος] ’[Αμ]φί[τα] гроздь ←	[Κ]άλλια ’[Αμ] гроздь φίτ[α] ←	*Аналогии:* Героевка 2; Надежда. № 3.
5	[- - -] ’[Αμ]φίτα гроздь	[Μαλακων] гроздь ’[Αμ]φίτα	*Аналогии:* Китей (*Молев*, 2010. С. 61. № 52).
6	[’Α]νδρονί[κο] [ἐπὶ Συ]ρίσκο	[ἐπὶ ’Α]νδρονί[κο] [Σατυ]ρίσκο	*Аналогии:* Херсонес. Клеймо магистрата Андроника (IIIА МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Сириска, как указано в Каталоге.
Синопа			
8	’Αρίσ[τ]ον[ος] ἀστυνόμ[ου] Στεφάνου	’Αρισ[τ]όκ[λέους] ἀστυνό[(μου)] Στεφάνου	*Аналогии:* IOSPE, № 1554–1555. Клеймо астинома Аристокла I (IIIБ МХГ – 10-е гг. IV в.), а не Аристона.
9	Φόρβα αστυ νόμο [---](ε-κ-ν)[---] ←	Φόρβα αστυ νόμο[υ Καλ] [λισ]θ{έκ}ν[ους] ←	*Аналогии:* IOSPE, № 7875–7879. Перепутаны омонимы. Клеймо астинома Форбанта II (IVB МХГ – 90-е гг. III в.), а не I, как указано в Каталоге.
10	‘Ερμών ’αστυνόμου ’Αντιμάχου		Перепутаны омонимы, Клеймо астинома Антимаха II (VB МХГ – 60-е гг. III в.), а не I, как указано в Каталоге.
11	[’αστυ]νόμου [’Αν]τιμάχου [---]ανδρος		*Новый штамп?* Перепутаны омонимы. Клеймо астинома Антимаха II (VB МХГ – 60-е гг. III в.), а не I, как указано в Каталоге.
14	[ἀστυν]ομοῦν	[ἀστυν]όμοῦν	*Аналогии:* IOSPE, № 5678–5679. Клеймо астинома Мнесикла

	[τος ’Αριστοκ]λέους [Καλλισ]θένου	[τος Μνησικ]λέους [Καλλισ]θένοὺ	(IVC МХГ – 80-е гг. III в.), а не Аристокла.
15	[ἀ]στυν]ομ[οῦν] [τος ’Αριστο]κλέους [- - -]		Имя астинома Аристокла I восстановлено ошибочно. Клеймо принадлежит либо Мнесиклу, либо Пифоклу.
20	Διο[νυσίου το] ῦ Δη[μητρίου ἀστυ] νόμ[ου] Καλλ[ισθένου]	Δίο[υ ἀστυ] νο[μοῦντος] Καλλ[ισθένου]	*Аналогии:* IOSPE, № 2677–2680. Клеймо не магистрата Дионисия II, сына Деметрия, как указано в Каталоге, а астинома Дия (IVA МХГ – 90-е гг. III в.). Клеймо оттиснуто дважды.
22	[- - -]ο ος[---] Πόσιος [Δαί]σκου [ἀστυνο]μοῦν[τος]	α᾽[στυν]ο[μοῦντ] ος Πόσιος τοῦ Δαίσκου [Στε]φάνου	*Аналогии:* IOSPE, № 7001.
23	[- - -] ἀστυνόμου факел Γέρωντος	[Πασιχάρους] ἀστυνόμου факел Γέρωντος	*Аналогии*: IOSPE, № 6152. Ореховка 1. № 24; Новопокровка 1. № 582, 636; Партизаны 2. № 26; Ближнее. № 35. Клеймо астинома Пасихара I (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
24	[---]ου[---] [ἀσ]τυν[όμου] [Πο]σειδωνίος]	[Μίκ]ου] [ἀσ]τυν[όμ(ου)] [Πο]σειδωνί(ου)]	*Аналогии:* IOSPE, № 5302. Клеймо астинома Мика I (IIIC МХГ – начало III в.).
25	Α[- - -] [α᾽]στ[υνόμου]канфар [Δι]ο[νύσιου	Απ[- - -] ἀστ[υνόμου] канфар Διο[νύσιου]	Клеймо астинома Дионисию III (VB МХГ – 70-е гг. III в.).
27	Στεφάν[ου] [ἀ]στ[υνομοῦν]τος [---]μο[---]ιαδου [- - -]	Στεφάν[ου] [ἀ]στ[υνομοῦν]τος Μ[ιλτι]άδου молния	*Новый штамп*. Клеймо астинома Милтиада (VB МХГ – 70-е гг. III в.).
34	[---]ιει[---]ς ἀστυνομοῦ[τος] [- - -]	’[᾽επ]῾ι᾽Ενδή(μου) ἀστυνό(μο) [- - -]	Клеймо астинома Эндема (IB МХГ – 50-е гг. IV в.).
37	[- - -]Σ рог изобилия	[- - -]ς	Клеймо астинома Антимаха 2 (VB МХГ – 60-е гг. III в.).

	[- - -]Σ [- - -]	[ʼαστυνόμου] рог [ʼΑντιμάχου]	
34. Ближнее 1			
Гераклея			
1	Σιλαν[ὸς] [- - -]	Σιλαν[ὸς] [канфар] [Διονυσίο]	*Аналогии:* Горгиппия. Клеймо магистрата Дионисия II (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.).
2	[ἐπὶ]Εὐγετ[ίωνος] [Δερκέτος] ←		Сомнительное восстановление легенды.
4	[Σι]λάνο [Κ]ερ[κίνος]	[Σ]ιλανο [Ὥ]ρο[ς]	*Аналогии:* Керченский музей. Клеймо магистрата Ороса (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Керкина.
5	[-]οσσο[-] ἐπὶ Παυσα[νία]	[Ν]όσσο[ς] ἐπὶ Παυσα[νία]	*Аналогии:* IOSPE, № 371.
6	ἐπὶΛ[ύκωνος ʼΑριστ-] [ίππους]	ἐπὶ Λ[ευκί-] [ππου ʼΑρισ(- - -)]	*Аналогии:* Горгиппия; Ореховка 1. № 4. Клеймо магистрата Левкиппа (VБ МГ – конец IV в.), а не Ликона.
7	[Ν]όσσος [ἐπὶ Διονυ]σίο		Сомнительное восстановление легенды. Протирка плохая.
10	[ἐπὶ Κα]λλία [Θευ]δώρο	[ἐπὶ Κα]λλία [ʼΑπολλό]δωρο	*Аналогии:* Херсонес.
15	[ʼΑ]ρίστων [- - -]	[ʼΑ]ρίστων полумесяц [Διονυ(σίο)]	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 189, 190, 192. Клеймо магистрата Дионисия II (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.).
18	Δ[- - -] τ[- - -]	Δ[αμα] τ[ρίο ʼΙα(- - -)]	*Аналогии:* IOSPE, № 622–632; Тепе оба. № 2. Клеймо магистрата ʼΙα(---) (IA МХГ – 90-е гг. IV в.).
Синопа			
36	ʽΙσ[τίαιο] орел на ἀ[στυ[νόμου] дель- [Πο]λω[νο(νίος)] фине	ʽΙσ[τίαιο] ά[στυ[νόμου] орел на [Δ]ω[ρο] дель фине	*Аналогии:* IOSPE, № 340–342.

37	ἀσ[τυνόμου] ’Αρίστον(ος) Απατούριος	ἀσ[τυνόμου] ’Αριστίων[ος] ’Απατούριος	*Аналогии:* IOSPE, № 1418–1419. Клеймо астинома Аристиона II (VC МХГ – 50-е гг. III в.), а не Аристона I.
38	[Φιλω]ν[ίκου] [ἀστυνομ]οῦν[τος] [гроздь и канфар		Более чем сомнительное чтение, которое невозможно проверить в связи с отсутствием фотографии.
40	[ἀ]στυνόμου Μονίμου канфар ’Α[ριστ]αγόρου Μє[- - -]ου	[ἀ]στυνόμου Μητροδώρου канфар [τοῦ ’Α[ριστ]αγόρου Μє[νίσκ]ος	*Аналогии:* IOSPE, № 5260–5261. Клеймо астинома Метродора, сына Аристагора (VIA МХГ – 50-е гг. III в.), а не Монима, как указано в Каталоге.
41	Μιθραδάτης ἀστυ[νομόυ] Διονυσίου		Клеймо астинома Дионисия III (VB МХГ – 70-е гг. III в.), а не Дионисия II, как указано в Каталоге.
42	Δι[ονυσίου] ἀσ[τυνομόυ] бык [- - -]		Более чем сомнительное чтение, которое невозможно проверить в связи с отсутствием фотографии.
43	[ἀστυν]όμου го- [’Απολλ]οδώρου лова [Διον]υσίου	[ἀστυν]ομοῦ[ντος] [’Απολλ]οδώρου [τοῦ Διον]υσίου [Μιθραδάτης	*Аналогии:* IOSPE, № 1335. Клеймо астинома Аполлодора III, сына Дионисия (VIB МХГ – 40-е гг. III в.), а не Аполлодора II, как отмечено в Каталоге.
47	[Ποσει]δώ[ιου] [ἀστ]υνό[μου] [Μ]ιθρα[δάτου]		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не III, как указано в Каталоге.
48	[ἀσ]τυν[όμου] [Πο]σειδ[ω[ιου] [---]	[---] [ἀσ]τυν[όμου] [Πο]σειδ[ω[ιου]	В данном клейме сохранилось имя фабриканта Посейдония, а не магистрата, как указано в Каталоге.
52	[Ποσει]δω[ν]ίου [τοῦ Αἰ]σχίνου’ασ [τυνό]μ[ου Βάκ]χου	[Ποσει]δω[ν]ίου[τοῦ [Αἰ]σχίνου’ασ[τυνό] [Συμ]μ[ά]χου	*Аналогии:* IOSPE, № 6754–6755.
53	[Ναύπωνος]	[---]	Нет оснований для предложенного восстановления имени астинома.

	[άστ]υνό[μου] канфар Καλλι[σθένου]	[άστ]υνό[μου] кан- Καλλι[σθένου] фар	
54	[Ναύ]πωνος ἀσ]τυν[ομου] [Στε]φά[νου]	[Ἴστι]κῶνος [ἀσ]τυνομ(ου) [Τ]εύφρα	*Аналогии:* Ближнее 1. № 44. Клеймо астинома Гистикона (IIIB МХГ – 10-е гг. IV в.), а не Навпона, как отмечено в Каталоге.
56–58	’αστυ [νομοῦν]τος голова [Κα]λλισθε[ίνου]	[Βόρυος] ἀστυ [νομοῦν]τος голова Καλλισθένου	*Аналогии:* IOSPE, № 1869–1875. Клейма астинома Бория (IVC МХГ – 80-е гг. III в.), а не Каллисфена I.
59	[Μνησί]κλέ[ος] ’[αστυνόμο]υ[ν] гроздь [τος]Καλλι[σθένου]	[Μνησί]κλέ[ους] [ἀστυνό(μου) гроздь Καλλισ[θένου]	*Аналогии:* IOSPE, № 5680–5688. Клеймо астинома Мнесикла (IVC МХГ – 80-е гг. III в.), а не Каллисфена.
61	’[- - -]ευς [ἀστ]υν[ό(μου)] [- - -]ς бык	’[’Αριστόκλ]ευς [ἀστ]υν[ό(μου)] [- - -]ς бык	Клеймо астинома Аристокла I (IIIB МХГ – 10-е гг. IV в.).
62	[ἀστυ]νόμου [- - -]ος голова [- - -]νου	[ἀστυ]νόμου [Πυθοκ]λέους голова [Στεφά]νου	*Аналогии:* IOSPE, № 7305–7307. Клеймо астинома Пифокла (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
64	[---]ε[- - -] ἀστ[υνόμου] [Φ]ιλ[οκράτου]	[Θ]εο[γείτου] [ἀστυνο(μου [Φ]ιλ[οκράτου]	*Аналогии:* IOSPE, № 3409–3413. Узун Сырт (подножие). № 44. Клеймо астинома Теогейта (IIB МХГ – 20-е гг. III в.).
68	Σ[---]τ[---] гроздь, ’αστ[υνόμου] канфар [’Ηφαιστοδ]ώρου	Σ[ιμαλίωνος]? ἀστ[υνόμου] [’Αρτεμιδ]ώρου	*Аналогии:* IOSPE, № 1681. Клеймо астинома Артемидора II, сына Главка (VB МХГ – 60-е гг. III в.).
73	[- - -]ατου [’αστυνό]μο[υ] [- - -]υ	[Πασιχ]αρου [άστυνό]μο(υ) факел [- --]υ	Клеймо астинома Пасихара (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
		Фасос	
90	[Θά]σίων ’Αμ[φά]ν[δρος]		Сомнительное восстановление легенды. Ссылка на то, что клеймо выполнено штампом, указанным в работе И. Гарлана (*Garlan*, 1999. № 555) не корректна, там клеймо принадлежит магистрату

	алабастр		Фанок(---), а не Амфандру, как указано в Каталоге.
93	[- - -]ΟΝΣ	[Σκύ]μ/νο[ς Θα/σι(..)/Δική(κρατης)] светильник	*Аналогии: Garlan,* 1999. № 349. Магистрат Дикекрат (2 этап – конец 80-х гг. IV в.).
		35. Ближнее 3	
		Гераклея	
8	Μύς [ἐπὶ Βάκ]χος	Μῦς [Ὧρ]ος	*Аналогии:* IOSPE, № 995. Клеймо магистрата Ора (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Бакха, как указано в Каталоге.
9	Μαλ[άκων] Ἀσικ(-) ἐπὶ	Μαλί- ας<ι>Κερ(κίνο)	*Аналогии*: Новопокровка 1. № 275. Клеймо магистрата Керкина (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.), а не Малакона, как указано в Каталоге.
13	[- - -]δεος [- - -]	[ἐπὶ Καρακύ]δεος [- - -] *вокруг грозди*	Клеймо магистрата Каракида (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.).
17	Δ[- - -] ω[- - -]	Δα[μοφ] ὼ[ντος]	*Аналогии:* Панское I, усадьба 7. Клеймо не магистратское, как отмечено в Каталоге, а фабрикантское РФГ.
18	Ι[- - -] ΑΛ[- - -]	Λ[ύκων] [Ἀλκέτας]	*Аналогии:* IOSPE, № 930. Клеймо магистрата Алкеты (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).
20	[---]ασ[---] [---]ο[---]	Στασι χόρο	*Аналогии:* IOSPE, № 1838–1841. Клеймо фабриканта Стасихора (РФГ).
		Синопа	
30	[Ποσ]ειδων(ίου) [ἀσ]τυνόμ(ου) [- - -]παλ[- - -]	[Ποσ]ειδων[ίου] [ἀσ]τυνόμο(υ) [- - -]	Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.
31	[ἀσ]τυνό[μου] [Ποσ]ειδωνί[ου] [- - -]	[- - -] [ἀσ]τυνόμο[υ) [Ποσ]ειδων[ίου]	Первая строчка в клейме не читается, Посейдоний не астином, как отмечено в Каталоге, а фабрикант.
33	Ποσειδ[ωνίου] ἀστυν[όμου] Ἑκατα[ίου]		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не II, как указано в Каталоге.

36	’Ισ[τικώνος] ἀ[στυνόμου] {- - -]	’Ισ[- - -] ἀ[στυνόμου] {- - -]	Нет уверенности в правильности восстановления имени астинома. Могли быть магистраты Исократ, либо Гестией.
38	[Πολυοχάρ]μου [ἀστυ]νό[μου] канфар [ντος] ветвь Κα]λλισ[θένου]	[Ἀπατου]ρίου [ἀστυ]νόμο(υ) канфар [Συ]μμά[χο]	*Аналогии:* IOSPE, № 1240–1241. Ближнее III. № 40. Клеймо астинома Апатурия (IVA МХГ – 90-е гг. III в.), а не Полихарма, как указано в Каталоге.
40	[Ἀπατ]ουρίου [ἀστυ]νόμου канфар {- - -]ιχ[- - -]χο	[Ἀπατ]ουρίου [ἀστυ]νόμου канфар [Συμμά]χο	*Аналогии:* IOSPE, № 1240–1241. Ближнее III. № 38.
49	[- - -]ς ἀστυνόμου факел Γέρωντος	[Πασιχάρου]ς ἀστυνόμου факел Γέρωντος]	*Аналогии*: IOSPE, № 6152. Ореховка 1. № 24; Новопокровка 1. № 582; Партизаны 2. № 26; Насыпное. № 23. Клеймо астинома Пасихара I (IVB МХГ – 80-е гг. III в.).
50	[---]ος голова ἀστυνο(μου) [Μα]ντίθεου	[Πόσι]ος голова ἀστυνο(μου) Гелиоса [Μα]ντίθεου	*Новый штамп.* Клеймо астинома Посия I (IIIA МХГ – 10-е гг. IV в.).
52	[Θεο]δότου [ἀσ]τυνόμο[υ] [- - -]	[Ἡρο]δότου [ἀσ]τυνόμο(υ)	*Ошибочная локализация.* Клеймо принадлежит херсонессому астиному Геродоту. *Аналогии: Кац,* 1994. Табл. XXII. 1–54, 5.
53	[- - -]ωνος голова [ἀστυ]νόμου [---]	[Ναύπ]ωνος [ἀστυ]νόμου голова [- - -]	Клеймо астинома Навпона 1 (IVC МХГ – 80-е гг. III в.).
		Фасос	
81	[Θά]σίων Νικός [звезда], виноградный нож и таблетка	[Θά]σίων *], виноградный нож и таблетка Νικόσ(τρατος)	*Аналогии*: *Garlan,* 1999. № 624. Клеймо содержит имя не магистрата Никоса, как указано в Каталоге, а фабриканта Никострата и постоянные эмблемы эпонима – * + таблетка (этап 4 – 60-е гг. IV в.).

36. Ближнее 4			
1	Δι[ονυσίο] [виноградная гроздь]	[- -] Δι(ονυσίο) *листовидное*	Дионисий в клейме не гераклейский магистрат, как указано в Каталоге, а фабрикант.
3	[ἐπ]ὶ Καλλία [Ἀ]δρχέλα		Сомнительное чтение имени гераклейского фабриканта. Проверить невозможно, фотография отсутствует.
38. Дачи			
2	[Ἀισχίνου] ἀστυ[νόμου] Φιλοκρά[του] неясное изображение		Нет уверенности в правильности восстановления имени синопского астинома.
6	[Μνη]σικλ[έου] Μ[- - -] гроздь [Κ]αλλι[σθένου]	[Μνη]σίκλ[έους] [άστυνό(μου) гроздь [Κ]αλλι[σθένου]	*Аналогии:* IOSPE, № 5680–5688; Ближнее 1. № 59.
40. Береговое 3			
6	[---]μου ᾽αστυν ομοῦντος᾽Α [ρίστω]νος	[Ἐπιδή]μου᾽αστυν ομοῦντος᾽Α[ρ<υ> [στίω]νος	Аналогии: IOSPE, № 2968-2969; Новопокровка 1. № 537–539. Клеймо синопского астинома Эпидема I (IVA МХГ – 90-е гг. III в.).
41. Тепе Оба			
Гераклея			
2	Δαμα τρίον	Δαμα τρίο᾽Ια(- - -)	*Аналогии:* IOSPE, № 622–632; Новопокровка 2. № 18. Клеймо магистрата ᾽Ια(---) – (IA МХГ – 90-е гг. IV в.).
5	[Μαλάκων] [ἐπὶ] Φιλῖν[ο]	[- - -] Φιλῖν[ο]	Клеймо оттиснуто другим штампом, чем тот, который указан в Каталоге. Сравнить: Новопокровка 1. № 241.
7	᾽Ηρα[κλείδα] Ονα[---]	᾽Ηρα[ί] ον[ος]	*Аналогии:* IOSPE, № 1588. Клеймо не магистратское, как указано в Каталоге, а фабрикантское. Эргастериарх РФГ Гераион.
8	᾽Α[- - -]ευσ[- - -] Εοκτ[- - -]	[- - -]ευσ ἐπὶ Θ]εόκυ	*Новый штамп.* Клеймо магистрата Теоку(---) – VA МХГ (20-е гг. IV в.).

		Синопа	
10	[ʾΑπολ]λών[ιο] ἀστυνόμου канфар Διονυσίου		Спутаны омонимы. Клеймо принадлежит астиному Дионисию III (VB МХГ – 70-е гг. III в.), а не II, как указано в Каталоге.
		43. Узун Сырт (вершина)	
		Гераклея	
3	ʿΗρ[ακ] [λείδα]		Сомнительное восстановление легенды. Проверить невозможно в связи с отсутствием фотографии.
4	Εὐρυ [δάμος]	Εὐρυ[δάμο [- - -]	Сомнительное восстановление легенды. Возможна магистратская принадлежность клейма.
6	Εὐρυδ άμο	Εὐρυδ άμο ʾΙα(- - -) *оттиснуто дважды.*	*Аналогии:* IOSPE № 784–786; Новопокровка 1. № 399. Клеймо магистрата ʾΙα(---) – IA МХГ – 90-е гг. IV в.
7	[Ορθε]σίλα		Сомнительное восстановление легенды. Проверить невозможно в связи с отсутствием фотографии.
8	Βότα [με] [лабрис или канфар ?]	Βότα(χος) канфар [Με(νοίτιος)]	*Новый штамп.* Новопокровка 1. № 91. Клеймо магистрата Меноития (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.), а не фабриканта Ботама, как указано в Каталоге.
10	ʿΗρακλε[ίδα] Εὐρυ[δάμο]	ʿΗρακλε[ίδα] Εὐφρ[όνιος] ?	В Гераклее не было магистрата Эвридама. Не исключено, что мы имеем дело с эпонимом Эвфронием (IIIБ МГ). Проверить эту гипотезу не представляется возможным из-за отсутствия фотографии.
13	ʾΑρτέμα ʾεπ' ʾΑλκέτ[α]	ʾΑρτέμω[ν] ʾεπ' ʾΑλκέτ[α]	*Аналогии:* IOSPE, № 43–44.
21	[Εὐγ]ετίων[---] ←	ἐπὶ Εὐγε(ι)τίωνος Δε[ρκέτο] ↺	*Аналогии: Домжельский,* 2003. Табл. 3–*31*); Новопокровка 1. № 274; Журавки 2. № 24.
24	[ʾΑ]ρταμί[δωρος] [ἐ]πὶ Διον[υσίο] полумесяц	[ʾΑ]ρτ[έ]μ[ων] полумесяц [ἐ]πὶ Διον[υσίο]	*Аналогии:* IOSPE, № 161; Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 110).

25	[Σάτ]υρο [Διο]νυσίο	Πυθ[ο῀] Νυσ[ίο]	*Аналогии:* IOSPE, № 1063, 1066. Клеймо магистрата Пифокла (VБ МХГ – конец IV в.), а не Дионисия II, как указано в Каталоге.
31	[- - -] ῾Αμ]φίτας		Сомнительно предложенное восстановление легенды.
32	Εὐ(-) Εὐ(-) виноградная гроздь ↑	гроздь Εὐ(ρυφῶν) Τ	*Аналогии:* IOSPE, № 1504; Новопокровка. № 260. Клеймо магистрата Эврифона (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.), а не Эвксена.
44	Πυθο[ν] Μύς	Πυθό Νυσ[ίο]	*Аналогии:* IOSPE, № 1063, 1066; Узун сырт. № 25. Клеймо магистрата Пифокла (VБ МХГ – конец IV в.).
50	᾽Αμ[- - -] το Αἰ[- - -]	᾽Αμ[φιστρά] το Δι[ονύ(σιο)]	Клеймо магистрата Дионисия I (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).
52	[- - -]ΥΔ [---] Ο	[Εὐρ]υδ [άμ]ο	*Аналогии:* IOSPE, № 1564–1570. Журавки 1. № 36. Клеймо не магистратское, как указано в Каталоге, а фабрикантское (РФГ).
		Синопа	
71	[Φι]ντ[ίου] άστυν[ο(μου] `Ηρακλε[ίδου]	[- - - - -] άστυ[νομου] ᾽Ηρακ[λείδου]	Сомнительное восстановление имени астинома. Такой штамп не известен. Протирка плохого качества.
		44. Узун Сырт (подножие)	
		Гераклея	
5	Εὐκλείων ἐπὶ Λύ(---)	Εὐκλείων ἐπὶ Λύ[κωνος]	*Аналогии:* IOSPE, № 302. Клеймо магистрата Ликона (IIIA МХГ – 60-е гг. IV в.), а не Λύ(---), как отмечено в Каталоге.
12	᾽Ηρακλέδας [---]υν[---]	᾽Ηρακλέδας [Κερκί]νο[ς]	*Аналогии:* IOSPE, № 809–813; Новопокровка 1. № 159–164. Клеймо магистрата Керкина (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).
20	Σάτυ[ρο] [- - -]	[- - -] ᾽[Αμ]φίτας	Клеймо магистрата Амфиты (IVA МХГ – конец 50-х гг. IV в.).
		Синопа	
22	Αἰσχί[νου] [Μιθ]ραδάτο[υ] [ἀστυνόμου]	ἀστυ[νόμου Αἰσχί[νου] [Μιθ]ραδάτο[υ]	*Аналогии:* IOSPE, № 780–786. Клеймо астинома Эсхина IV (VA МХГ – 80-е гг. III в.), а не II, как указано в Каталоге.
29	Εὐθή[ς]	[Θ]εο[γείτου]	*Аналогии:* IOSPE, № 3409–3413; Ближнее I. № 64 (см. выше).

	ἀστυνό(μου) [Δη]μοκράτους	ἀστυνο(μου) [Φι]λοκράτους	Клеймо астинома Теогейта (IIB МГ), а не Ифия, как отмечено в Каталоге.
30	[Ποσει]δωνί[ου] ἀστυ[νόμου] [---]αι[---] гроздь	[Ποσει]δωνί[ου] ἀστυ[νόμου] гроздь [Πρυτ]άνιος	*Аналогии:* IOSPE, № 6685. Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не III, как указано в Каталоге.
31	[Ποσ]ειδωνί[ου]гроздь [ἀστ]υνομοῦντος [Φιλ]οκράτου канфар		Спутаны омонимы. Клеймо астинома Посейдония IV (IIIC МХГ – начало III в.), а не III, как указано в Каталоге.
33	Φίλον[ος] ἀστυν[ομοῦν] τος Ναύπ[ωνος]	Φίλοκ[ράτου] ἀστυν[ομοῦν] τος Ναύπ[ωνος]	*Аналогии*: IOSPE, № 6010. Клеймо астинома Навпона I (IVC МХГ – 80-е гг. III в.), а не Филона II, как указано в Каталоге.
34	[ἀστυ]νομοῦντος [Φίλο]νου [- -] νους		Нет оснований для предложенного восстановления имени астинома Филона II. Фотография отсутствует.
47	[ἀσ]τυνόμου Καλλισθένου [- - -] гроздь		Судя по эмблеме, клеймо относится не к Каллисфену I, а к Каллисфену II, сыну Гестиея. Фотография отсутствует.
48	ἀστυνόμ[ου] Φαινίππου [---]τησω[---]	ἀστυνόμ[ο(υ)] Φαινίππου Κτήσω(ν)	*Аналогии:* IOSPE, № 7504–7509.
55	[---]ο[---] [---]ευ[---] [---] Κλε[---]	ἀστυνομοῦντος] [Διονυσίου]του[Διονυ] [σίου το]ῦ Κλε[ιταγό-] [ρου ̓Εστιαῖος]	*Аналогии:* IOSPE, № 2660. Клеймо астинома Дионисия, сына Дионисия, внука Клеитагора (VIIA МХГ – 10-е гг. III в.).
64	[---]ς [ἀστυνό]μο [---]ς лист	[Θεαρίωνο]ς [ἀστυν]όμο(υ) лист, [Νουμηνίου] гроздь	*Аналогии:* Керченский музей (по данным Н.Ф. Федосеева). Клеймо астинома Теарион (IIIC МХГ – начало III в.).
без №	[---]ΠΙΕ[	[ἐ]πὶ ̓Ε[νδή(μου)]	Клеймо астинома Эндема (IB МХГ – 50-е гг. IV в.).

		[- - -]	
45. Куру Баш (лагерь)			
1	Εὐπολεμω [- - -]νος тирс вправо	Πολεμώ- νος тирс вправо	Клеймо родосского фабриканта Полемона. *Аналогии:* IOSPE, № 8789–8790 (другой штамп).
46. Куру Баш			
9	[ἐπ]ὶ Ναυσι[σα] Ε[- - -]ου	[ἐπ]ὶ Ναυσι- [ππ]ου	*Аналогии:* IOSPE, № 2932. Клеймо родосского магистрата Vc МХГ Навсиппа (113 г. – *Finkielsztejn,* 2001. P. 195. Tab. 21).
11	ΕΠΙΔ[- - -] ΤΟ[- - -] Π[ΕΔ]ΑΓΕ[ΙΤΝΥΟΣ]	ἐπὶ Δ[αμαινε-] του Π[εδ]αγε[ιτνυου]	*Аналогии:* IOSPE, Клеймо родосского магистрата Дамайнета (IVa МХГ – ок. 159 г. – *Finkielsztejn,* 2001. P. 195. Tab. 20).
48. Сары Кая			
2	ἐπὶ Ε[ὐκλέ]ος Δαμαίνε[τ]ος τοῦ Δι[οτί]μου	ἐπὶ Ἰ[ερέ]ως Δαμαίνε- του δι[οσθύ]ου	*Аналогии:* IOSPE, № 1700.
5	Ἀριστο- πολιος		Данное клеймо (фотография отсутствует), должно принадлежать не родосскому магистрату Аристополису, как отмечено в Каталоге, а одноименному фабриканту.
50. Отдельные находки			
Гераклея			
1	[Ἱ]στια[ίο] ἐπὶ Κ[ερκίνος]	[Ἱ]στια[ίο] ἐπὶ Κ[ρονί(ου)]	*Аналогии:* IOSPE, № 269. Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 431–432). Клеймо магистрата Крония (VA МХГ – 10-е гг. IV в.), а не Керкина.
2	ἐπὶ Βάκχο [- - -]τρων[- - -]	ἐπὶ Βάκχο [Γ]έρων [гроздь]	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 359); Журавки 1. № 22.

3	[Μύς] [Σ]πινθάρο(υ) палица влево	[- - -] палица [Σ]πινθάρο(υ)	*Новый штамп.* Ошибочно восстановлено имя фабриканта.
5	ἀ[στυνόμου] Ν[- - -] голова Καλλισθένου []	ἀ[στυνόμου] Ν[αύπωνος τοῦ] Καλ[λισθένου] [---]	Клеймо акстинома Навпона II, сына Каллисфена (VIA МХГ – 50-е гг. III в.).

2. Сдублированные клейма

клеймо	№ по Каталогу	клеймо	№ по Каталогу
Δέ[ξιππος ἐ]πὶ [- - -]	Новопокровка 1: № 124, 297	[---] Ο [---] ΣΙ	Новопокровка 1. № 354; Журавки 2. № 60.
Κόα[ς] ἐπὶ [Κερκίνο]	Новопокровка 1, №166; Журавки 2, № 44	ΕΥ[---] Ε[---] ←	Новопокровка 1. № 406, 409.
ΣΟ[---]	Новопокровка 1: № 276, 324	не читается	Новопокровка 1. № 449, 688.
[---]ΣΕΠΙ	Новопокровка 1: № 306, 427	[Ἴστ]ικῶνος гроздь ἀστυνό(μου) амфора [Ποσειδ]ω(νίου)	Новопокровка 1. № 512, 514.
[---]Σ [---]	Новопокровка 1: № 319, 337	[Δίος Π]ασι гроздь [χάρης Φ]аι канфар [νίππου]ἀστυ(---)	Новопокровка 1. № 588, 631.
Ο[---]	Новопокровка 1, № 347; Журавки 2, № 50.	[---]ικῶνος голова [ἀστυνόμου] гроздь Ποσειδω(νίου)	Новопокровка 1. № 618, 632.
[---] ΟΑ	Новопокровка 1, № 353; Журавки 2 № 5	[---]Σ Σ[---]	Новопокровка 1. № 633; Журавки 2. № 89.

3. Пропущенные и ошибочные номера клейм, хранящихся в Феодосийском музее
17. Селище Новопокровка 1

№	Каталог	Феодосийский музей	№	Каталог	Феодосийский музей
1	нет	ФДМ КП – 53299; А – 12692.	305	ФДМ КП – 49652; А – 12363.	ФДМ КП – 49652; А – 12365.
5	нет	ФДМ КП – 53309; А – 12702.	307	ФДМ КП – 49550; А – 12385.	ФДМ КП – 49694; А – 12314.
7	нет	ФДМ КП – 53298; А – 12691.	320	ФДМ КП – 49463; А – 12436.	ФДМ КП – 49463; А – 12245.
10	ФДМ КП – 49491; А – 12314.	ФДМ КП – 49491; А – 12273.	325	нет	ФДМ КП – 53301; А – 12694.
12	нет	ФДМ КП – 53307; А – 12700.	326	нет	ФДМ КП – 53343; А – 12736.
16	нет	ФДМ КП – 53335; А – 12728.	327	нет	ФДМ КП – 53331; А – 12724.
20	нет	ФДМ КП – 53296; А – 12089.	328	нет	ФДМ КП – 53314; А – 12707.
23	ФДМ КП – 49743; А – 12134.	ФДМ КП – 49743; А – 12434.	329	нет	ФДМ; А – 872.
25	ФДМ КП – 49496; А – 12279.	ФДМ КП – 49496; А – 12278.	330	нет	ФДМ КП – 53332; А – 12725.
27	нет	ФДМ А – 884.	331	нет	ФДМ КП – 53333; А – 12726.
28	нет	ФДМ КП – 53311; А – 12704.	334	нет	ФДМ КП – 49539; А – 12303.
30	нет	ФДМ КП – 53340; А – 12733.	335	нет	ФДМ КП – 53310; А – 1270
38	ФДМ КП – 49690; А – 124381.	ФДМ КП – 49690; А – 12381.	336	нет	ФДМ КП – 53334; А – 1272
45	нет	ФДМ КП – 53303; А – 12696.	338	нет	ФДМ КП – 53322; А – 12715.

46	нет	ФДМ КП – 53304; А – 12697.	339	нет	ФДМ; А – 873.
51	нет	ФДМ КП – 49539; А – 12303.	340	нет	ФДМ КП – 53305; А – 12698.
54	нет	ФДМ КП – 53344; А – 12737.	341	нет	ФДМ; А – 886.
58	нет	ФДМ КП – 49687; А – 12378.	342	нет	ФДМ; А – 874.
59	нет	ФДМ КП – 53297; А – 12690.	343	нет	ФДМ КП – 49706; А – 12719.
74	нет	ФДМ КП – 53310; А – 12703.	344	нет	ФДМ КП – 49715; А – 12406.
75	ФДМКП – 49702; А – 12893.	ФДМ КП – 49702; А – 12393.	345	нет	ФДМ КП – 49708; А – 12399.
76	нет	ФДМ КП – 53315; А – 12708.	346	нет	ФДМ КП – 53338; А – 12731.
82	ФДМКП – 49484; А – 12266.	ФДМ КП – 49484; А – 12268.	348	нет	ФДМ КП – 49703; А – 12394.
84	ФДМКП – 49547; А – 12381.	ФДМ КП – 49547; А – 12311.	349	нет	ФДМ КП – 53329; А – 12722.
93	ФДМ КП – 49687; А – 12373.	ФДМ КП – 49687; А – 12378.	350	нет	ФДМ КП – 53339; А – 12732.
113	ФДМ КП – 49645; А – 12355.	ФДМ КП – 49645; А – 12356.	351	нет	ФДМ КП – 53306; А – 12699.
161	нет	ФДМ КП – 53317; А – 12710.	352	нет	ФДМ А – 882.
174	нет	ФДМ КП – 53319; А – 12712.	355	нет	ФДМ КП – 53342; А – 12735.
180	нет	ФДМ КП – 49693; А – 12384.	356	нет	ФДМ – А – 875.
205	ФДМ КП – 49626;	ФДМ КП – 49626;	429	нет	ФДМ КП – 53345;

	А – 12386.	А – 12336.			А – 12738.
208	нет	ФДМ КП – 53327; А – 12720.	430	нет	ФДМ КП – 53346; А – 12739.
214	нет	ФДМ КП – 53321; А – 12714.	490	ФДМ КП – 49343; А – 12176.	ФДМ КП –49213; А – 12105.
219	ФДМ КП – 49473; А – 12225.	ФДМ КП – 49473; А – 12255.	493	ФДМ КП – 49208; А – 12000.	ФДМ КП –49208; А – 12100.
248	нет	ФДМ КП – 53316; А – 12709.	539	ФДМ КП – 49390; А – 12229.	ФДМ КП –49390; А – 12223.
256	нет	ФДМ КП – 53318; А – 12711.	571	ФДМ КП –49192; А – 12034.	ФДМ КП –49192; А – 12084.
265	нет	ФДМ КП – 53324; А – 12717.	577	ФДМ КП – 49213; А – 12105.	ФДМ КП –49343; А – 12162.
277	ФДМ КП – 49497; А – 12229.	ФДМ КП – 49497; А – 12279.	587	ФДМ КП –49300; А – 12139.	ФДМ КП –49300; А – 12133.
278	ФДМ КП – 49498; А – 12230.	ФДМ КП – 49498; А – 12280.	624	ФДМ КП – 49987; А – 12290.	ФДМ КП –49387; А – 12220.
280	ФДМ КП – 49694; А – 12244.	ФДМ КП – 49694; А – 12385.	626	ФДМ КП – 49370; А – 12293.	ФДМ КП –49370; А – 12203.
283	ФДМ КП – 49722; А – 12248.	ФДМ КП – 49722; А – 12413.	627	ФДМ КП – 49404; А – 12297.	ФДМ КП –49404; А – 12237.
298	ФДМ КП – 49632; А – 12340.	ФДМ КП – 49632; А – 12343.	628	ФДМ КП – 49179; А – 12971.	ФДМ КП –49179; А – 12071.
302	ФДМ КП – 49644; А – 12356.	ФДМ КП – 49644; А – 12355.	663	ФДМ КП – 49134; А – 12065.	ФДМ КП –49134; А – 12069.

20. Селище Журавки 1

1	нет	ФДМ КП – 53348; А – 12741.	25	нет	ФДМ КП – 53350; А – 12743.
4	нет	ФДМ КП – 53352; А – 12745.	27	нет	ФДМ КП – 53355; А – 12748.
7	нет	ФДМ КП – 53349; А – 12742.	30	нет	ФДМ КП – 53358; А – 12751.
12	ФДМ КП – 49507; А – 12259.	ФДМ КП –49507; А – 12089.	32	нет	ФДМ КП – 53361; А – 12754.

19	нет	ФДМ КП – 53353; А – 12746.	42	нет	ФДМ А – 876.
21	нет	ФДМ КП – 53360; А – 12753.			
21. Селище Журавки 2					
11	нет	ФДМ КП – 53367; А – 12760.	50	нет	ФДМ КП – 53377; А – 12770.
16	нет	ФДМ КП – 53375; А – 12768.	53	нет	ФДМ А – 878.
17	ФДМ КП – 49512; А – 123294.	ФДМ КП – 49512; А – 12294.	54	нет	ФДМ КП – 53374; А – 12767ъ
25	нет	ФДМ КП – 53373; А – 12776.	59	нет	ФДМ КП – 53368; А – 12762.
33	ФДМ КП – 49509; А – 123292.	ФДМ КП – 49509; А – 12291.	61	нет	ФДМ КП – 53351; А – 12744.
36	ФДМ КП – 49681; А – 12375.	ФДМ КП – 49686; А – 12291.	63	нет	ФДМ КП – 49740; А – 12431.
38	ФДМ КП – 49648; А – 12369.	ФДМ КП – 49648; А – 12359.	66	ФДМ КП – 49558; А – 12332.	ФДМ КП – 49558; А – 12222.
39	нет	ФДМ КП – 53368; А – 12761.	67	ФДМ КП – 49688; А – 12330.	ФДМ КП – 49688; А – 12379.
40	нет	ФДМ КП – 53368; А – 12761.	79	ФДМ КП – 49304; А – 12133.	ФДМ КП – 49304; А – 12137.
43	ФДМ КП – 49691; А – 12392.	ФДМ КП – 49691; А – 12382.	80	ФДМ КП – 49187; А – 12070.	ФДМ КП – 49187; А – 12079.
46	нет	ФДМ КП – 53371; А – 12764.	96	ФДМ КП – 49114; А – 12042.	ФДМ КП – 49114; А – 12049.

4. Пропущенные клейма, хранящиеся в Феодосийском музее
17. Селище Новопокровка 1

Гераклея

1	’Αζογο	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49699; А – 12390. По Е.М. Кальскому № 356.	*Аналогии:* IOSPE . Клеймо фабриканта ПФГ – конец IV- начало III в.
2	Εὐάρ χος	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП –53309; А – 12702.	*Аналогии:* IOSPE, № 1510. Клеймо фабриканта РФГ – конец V – начало IV вв.

3	Εὐρυ δάμο	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФДМ КП – 53302; А – 12695. По Е.М. Кальскому № 3.	*Аналогии:* IOSPE, № 1535–1562. Клеймо фабриканта РФГ – конец V– начало IV вв.
4	Νόσσο палица	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49653; А – 12346. По Е.М. Кальскому № 263.	*Аналогии:* IOSPE, № 1754–1756; Новопокровка № 365. Носс – фабрикант РФГ – конец V – начало IV вв.
5	[Σατυ]ρο [ς] палица	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53300; А – 12721. По Е.М. Кальскому № 451.	*Аналогии:* IOSPE, № 1806–1810. Сатир – фабрикант РФГ – конец V – начало IV вв.
№ №	Φιλισ κου	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53347; А – 12740. По Е.М. Кальскому № 367.	*Аналогии:* IOSPE, № 1905–1908. Клеймо фабриканта ПФГ – конец IV – начало III вв.
6	᾽Αρίστων полумесяц Διονυ(σίο)	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53296; А – 12689. По Е.М. Кальскому № 429.	*Аналогии*: IOSPE, № 577; Новопокровка 1. № 175–177. Дионисий II – магистрат IIIА МХГ (60-е гг. IV в.).
7	[᾽Απο]λλώνιος [ἐπὶ] Λύκωνος	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53323; А – 12716. По Е.М. Кальскому № 389.	*Новый штамп.* Ликон – магистрат IIIА МХГ (60-е гг. IV в.).
8	[᾽Αρτ]έμων [ἐπὶ] Λύκω(νος)	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53325; А – 12718. По Е.М. Кальскому № 391	*Новый штамп.* Ликон – магистрат IIIА МХГ (60-е гг. IV в.).
9	Εὔαρχο [ἐπὶ] Λύκων(ος) ←	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49724; А – 12405. По Е.М. Кальскому № 67.	*Аналогии*: IOSPE, № 300. Ликон – магистрат IIIА МХГ (60-е гг. IV в.).
10	Εὐρύ[φων] кольцо Μαλάκ[ων]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53320; А – 12713. По Е.М. Кальскому № 302.	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 289). Новопокровка 1. № 200. Клеймо магистрата Эфрона (IIIБ МХГ – 50-е гг. IV в.).
11	Νοσσο Στύφων ←	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53330; А – 12723. По Е.М. Кальскому № 512.	*Аналогии:* IOSPE, 1041; Новопокровка 1. № 128; Журавки 2. № 21. Клеймо магистрата Стифона (IIБ МХГ – 70-е гг. IV в.).

12	Αγασιλ [---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД А – 12243. По Е.М. Кальскому № 556.	
13	Δϵ[---] ἐπ[ι---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53330; А – 12726. По Е.М. Кальскому № 366.	
14	[---] [Απο]λλων	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53314; А – 12707. По Е.М. Кальскому № 4.	
15	[---] Καλλιὰ ←	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53344; А – 12737. По Е.М. Кальскому № 40.	
16	[- - -] [- - -]ιοϛ	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД А – 872.	
17	[---]ων [---]ὰ	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53341; А – 12734. По Е.М. Кальскому № 367.	
18	[- - -] [- - -]ιο	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД А – 883. По Е.М. Кальскому № 480.	
19	[---] Φ[---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД А – 886. По Е.М. Кальскому № 362.	
20	[---] Λ[---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД А – 12044. По Е.М. Кальскому № 22.	
21	[---]ατ[---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53300; А – 12693. По Е.М. Кальскому № 310.	
22 – 30	*не читается*	Подъемный материал, 1974–1985 г. *а-е*) ФМД А – 873–875, 882, 884 (по Е.М. Кальскому № 317); 885 (по Е.М. Кальскому № 316); *ж*) ФМД. КП – 49697; А – 12388 (по Е.М. Кальскому № 550);	

		з) ФМД. КП – 53334; А – 12427 (по Е.М. Кальскому № 309); *и)* ФМД. КП – 53397; А – 12730 (по Е.М. Кальскому № 367).	
		Синопа	
31	ἀστυνόμ[ου] [Πο]σιδείου του ῾Ηφαιστοδώρο(υ) ←	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49325; А – 12158. По Е.М. Кальскому № 488.	*Аналогии:* Новопокровка 1. № 518. Астином Посидей, сын Гефистодора (IIIВ МХГ – конец IV в.).
32	[---] [ἀστυνό]μο(υ) [---]ευς	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49297; А – 12130. По Е.М. Кальскому № 333.	
33	ἀστυνόμ[ου] [---]σιλεου τοῦ [---] {---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49125; А – 12158. По Е.М. Кальскому № 488.	
		Неопределённые	
34	ΠΡ в круге	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49112; А – 12047. По Е.М. Кальскому № 337.	Ручка широкая. Глина тёмно-коричневая со слюдой, ангоб светло-коричневый.
35	ΛΕ ←	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49117; А – 12052. По Е.М. Кальскому № 180	
		20. Журавки 1	
		Гераклея	
1	ΧΙΟ *в круге*	1975 г. Раскоп I/20. ФМД; КП 53356; А – 12749.	*Аналогии:* IOSPE, № 1920–1922. Клеймо фабриканта РФГ – конец V – начало IV вв. (см.: *Кац,* 2007. Прил. V–7).
2	Εὐάρχ[ο] ᾽Αλ[κέτα]	1975 г. Раскоп I/20. ФМД; А – 1591/2.	*Аналогии:* IOSPE, № 736. Клеймо магистрата Алкеты (IIБ МХГ – 80-е гг. IV в.).

3	Θυγα ο Λυ(- - -)	1975 г. Раскоп I/18. ФМД; А – 17048.	*Новый штамп.* Клеймо магистрата Λυ(---) – IA МХГ – 90-е гг. IV в.).
3	[Μενοι]τιος канфар [Αττ]ης	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53354; А – 12717. По Е.М. Кальскому № 100.	*Аналогии:* Елизаветовское городище (*Брашинский,* 1980. № 309–310). Клеймо магистрата Менойтия (IVБ МХГ – 40-е гг. IV в.).
4	[---] [---]A	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. А – 877. По Е.М. Кальскому № 11.	
5	[---]ΠΠΟ[---] *по кругу*	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП 49505; А – 12287.	
6	[---] ΑΡΔ[---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП 53357; А – 12750.	
7	[---]ελκ[---] [---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП 53359; А – 12752.	
8	[---]μεκ[---] [---] *в центре 4-х лучевой розетки*	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП 53362; А – 12755.	
9	*не читается*	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49479; А – 12261. По Е.М. Кальскому № 372.	
Синопа			
10	Θε[υπεί]θους [ἀσ]τυνόμου [---]υ	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49366; А – 12199.	Клеймо астинома Теопейта (IIIC МХГ – конец IV в.).
11	[Μίκο]υ гроздь [ἀστυνό[μου] [Γλαυ]κία	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 49214; А – 12106.	*Аналогии:* IOSPE, № 5280–5283. Клеймо астинома Мика I (IIIC МХГ – начало III в.).

21. Журавки 2			
Гераклея			
1	Εὐ[ρυδ-] ά[μο]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФДМ КП – 53364; А – 12757. По Е.М. Кальскому № 127.	*Аналогии:* IOSPE, № 1564–1570. Эвридам – фабрикант РФГ – конец V – начало IV в.
2	[Φιλών]ος [ἐπὶ Αἰθ]έρος	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФДМ КП – 53336; А – 12759. По Е.М. Кальскому № 318.	Аналогии: Китей (*Молев*, 2010. С. 267), № 182. Новопокровка 1. № 108. Магистрат Аитер – IIБ МХГ (80-е гг. IV в.).
3	[᾽Αρτέ]μων [ἐπι Λύκ]ω(νος)	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. КП – 53370; А – 12763. По Е.М. Кальскому № 108.	*Новый штамп.* Ликон – магистрат IIIА МХГ (60-е гг. IV в.).
4	А[---] Т[---]	Подъемный материал, 1974–1985 г. ФМД. А – 881. По Е.М. Кальскому № 565.	
5–9	*не читаются*	Подъемный материал, 1974–1985 г. *а-б*) ФМД. А – 879–880 (по Е.М. Кальс-кому № 408, 564); *в-д*) ФМД. КП 49479, А – 12261; КП 49688, А – 12379; КП 53363, А – 12756 (по Е.М. Кальскому, № 372; 8, 46).	
24. Петровка			
Синопа			
1	᾽Απολλοδώρο ἀστυνό(μου) колос Ποσειδω(νίο) гроздь	ФМД. Кол. 34/4; А – 676/2.	*Новый штамп.* Клеймо астинома Аполлодора II IIIА МХГ (10-е гг. IV в.).
2	[ἀ]στυνόμου [Ἑκ]αταίου το υ Λαμάχου тирс →	ФМД. Кол. 34/5; А – 677/1.	Клеймо астинома VC МХГ (60-е гг. III в.) Гекатея, сына Ламаха.
3	Ποσειδωνίου ἀστυνομουν-	ФМД. Кол. 34/7; А – 678.	*Аналогии:* IOSPE, № 6590–6593. Клеймо астинома IIIC МХГ (начало III в.) Посейдония IV.

	τος Καλλισθ ένου		
4	Πόσιος голова ἀστυνό(μου) Гелиоса Ποσειδωνί(ο)	ФМД. Кол. 34/6; А – 677/2.	*Новый штамп.* Клеймо астинома IIIА МХГ (10-е гг. IV в.) Посия I.
		Херсонес	
5	[---] ἀστυνόμου	ФМД. Кол. 34/3; А - 676/1.	
		41. Тепе Оба	
1	Δαμόφων полумесяц ἐπὶ Λύκωνος	1979 г. ФМД; А – 6953	*Аналогии:* Китей Ликон – гераклейский магистрат IIIА МХГ (60-е гг. IV в.).

[35] Здесь и далее хронологические группы и даты указаны с учётом результатов рассмотрения мною современного состояния хронологии различных групп клейм в недавно появившейся монографии (*Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Керчь; Симферополь. 2007. Прил. II–X.

Литература к приложению

Брашинский, 1980. *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.

Домжельский, Чистов, 2003. *Домжельский К., Чистов Д.Е.* Итоги работы на участке «Н» (1994–1998) // Материалы нимфейской экспедиции. СПб. Вып. I.

Кац, 1994. *Кац В.И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов.

Коровина, 2002. *Коровина А.К.* Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.

Молев, 2010. *Молев Е.А.* Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь.

Онайко, 1980. *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. Д1-27. М.

Федосеев, 2004. *Федосеев Н.Ф.* К дискуссии о хронологии синопских керамических клейм // БФ. Ч. 2.

Avram, 1999. *Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos (Histria- VIII) Bucaresti; P.

Finkielsztejn, 2001. *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. Premier bilan. Oxf.

Garlan, 1999. *Garlan* Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. 1. Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens. P.

Garlan, 2004. *Garlan Y.* Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. P.

Научное издание

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

Выпуск 16

Обложка *А.К. Филиппов, Н.Б. Чурекова*
В оформлении использовано изображение детали фронтонной композиции храма Ара делла Регина в Тарквинии. Терракота, 4 в. до н.э. Тарквиния, Национальный музей.
Оригинал-макет подготовила *Н.Б. Чурекова*

Подписано в печать 13.09.2013. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Букман Олд Стайл. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,4 (27,5). Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 100 экз.